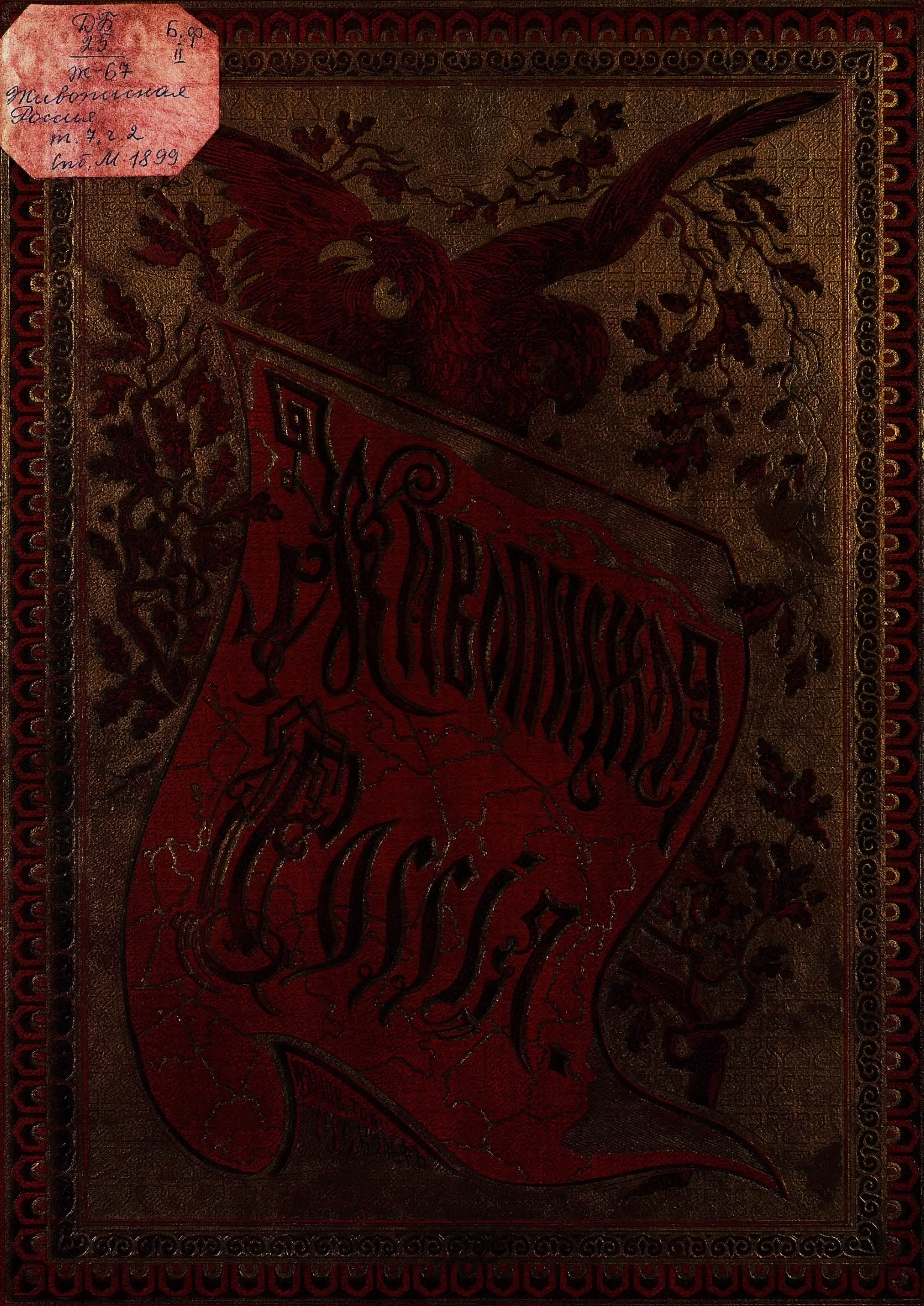

Живописная
Россія

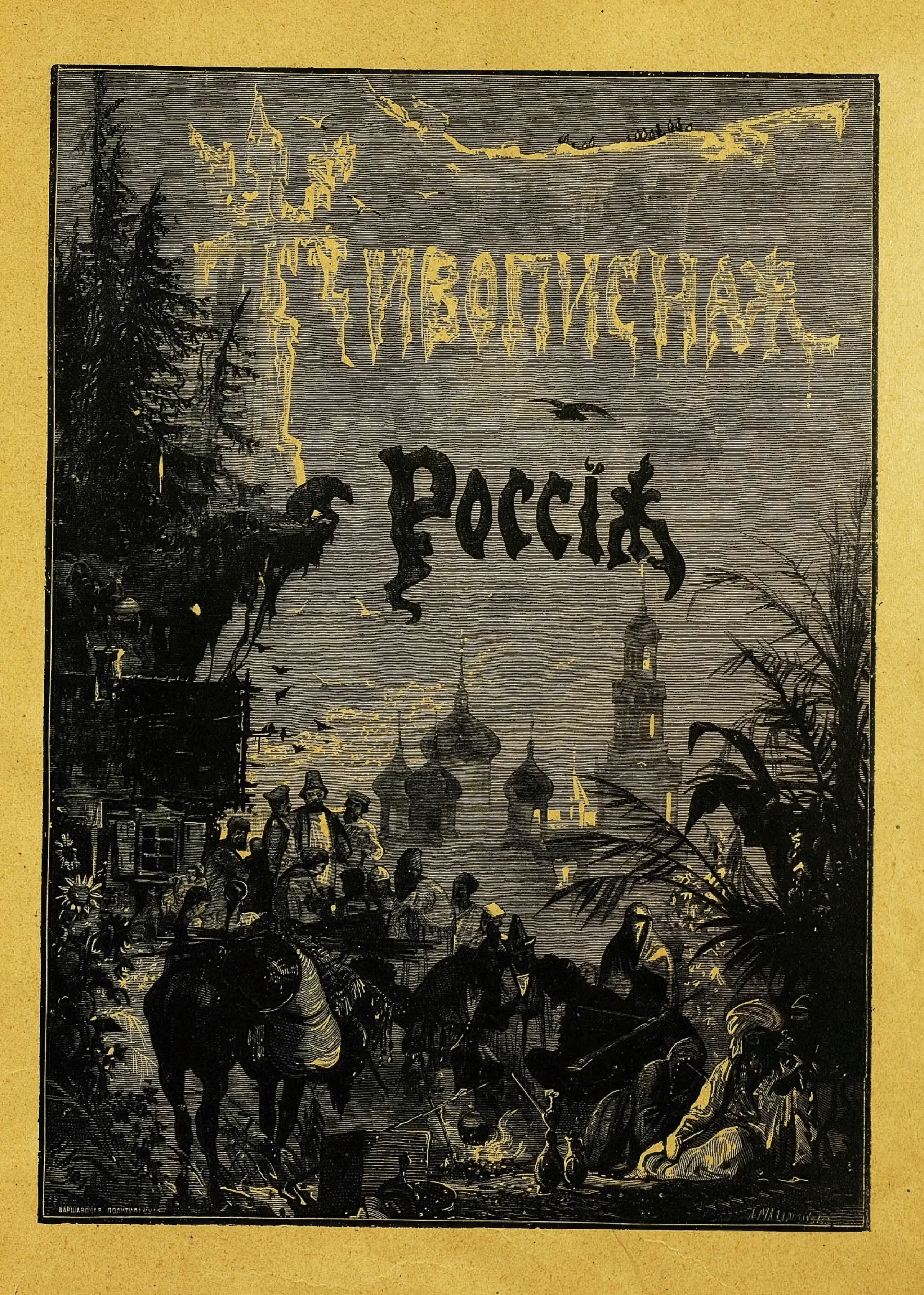
В книге дефектов нет
А Калинов 14/III 35 г

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФ

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ VII

ЧАСТЬ ВТОРАЯ


Живописная
Россія

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧЕРНОЗЕМНАЯ И ДОНСКО-КАСПІЙСКАЯ СТЕПНАЯ ОБЛАСТИ

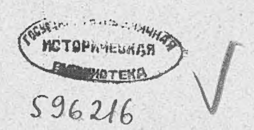
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОНСКО-КАСПІЙСКАЯ СТЕПНАЯ ОБЛАСТЬ

съ 159 рисунками

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дв., 18. — МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12.
1899

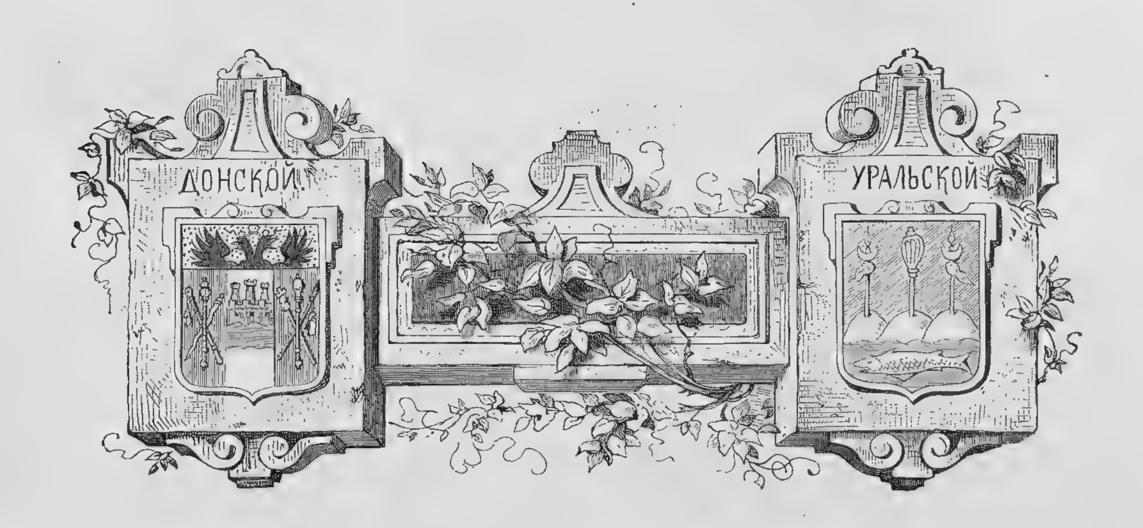
Дозволено цензурою. Спб., 20 января 1900 года.



Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 лин., д. № 5—7.

ДОНСКО-КАСПІЙСКАЯ
СТЕПНАЯ ОБЛАСТЬ

Область Донская, губерніи: Ставропольская и Астраханская и область Уральская съ Каспійскимъ моремъ.



Гербы губерній и областей

ОЧЕРКЪ I.

ФИЗИЧЕСКОЕ СТРОЕНІЕ, ПОЧВА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Донъ и его притоки: Хоперъ, Медвѣдица и Донецъ.—Явленія, замѣчаемыя при возвышеніи весеннихъ водъ Дона.—Земледѣліе Донской Области.—Промыслы.—Донское Виноделіе.—Коневодство.—Скотоводство.—Пути сбыванія хлѣба.—Что передаетъ Волга Дону.—Рыбные промыслы.—Добыча соли.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...
Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.
Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

А. ПУШКИНЪ.

ОЛЬШАЯ часть путешественниковъ, проѣзжающихъ по Войску Донскому, наблюдаютъ этотъ край или изъ окна вагона Козлово-Воронежско-Ростовской желѣзной дороги, или же съ палубы парохода, плавающаго по Дону между Калачомъ и Ростовомъ, и потому могутъ составить себѣ весьма недостаточное понятіе о характерѣ донской земли, о выдающихся мѣстностяхъ края и, наконецъ, о самомъ Донѣ. Въ первомъ случаѣ мимо окна вагона мелькаетъ, почти на всемъ пути, однообразная, голая и скучная степь, гдѣ глазу не на чемъ остановиться, и только приближеніе къ „антрацитному царству", къ станціи Шахтной, а оттуда къ Новочеркаску и къ самому берегу Дона даетъ возможность догадаться, что и на Дону есть какая-то жизнь, а мѣстами—нѣтъ недостатка и въ разнообразіи видовъ, въ нѣкоторой картинности. Во второмъ случаѣ, пассажиръ, наблюдающій Подонье съ палубы парохода, тоже остается неудовлетвореннымъ: и тамъ мало картинности, изломовъ въ очертаніяхъ береговъ, мало зелени, мало тѣхъ капризовъ природы, которые такъ всегда тѣшатъ и взоръ и фантазію человѣка.

Но то, что видно изъ окна вагона и съ палубы парохода—это еще не все, что имѣетъ Донъ. Выше Калача берега его разнообразнѣе; тамъ впадаютъ въ него Медвѣдица и Хоперъ,—а мѣстность, орошаемая этими рѣками, представляетъ не мало интереса. Да и самый Донъ—

собственно среднее Подонье, отъ границъ Воронежской губерніи до Калача—въ той части значительно оживленъ. Вы встрѣтите тамъ и высокія, красивыя горы, нависшія надъ рѣкою, и живописно посаженныя на полугорьяхъ и въ ложбинахъ станицы, и разнообразіе лѣса и другой растительности. И у Дона, какъ и у Волги, низовья дѣйствительно скучноваты. Плывя по этимъ рѣкамъ, вы постоянно будете вспоминать Рейнъ и Дунай, и сравненіе всегда будетъ не къ выгодѣ нашихъ рѣкъ. Но верховья Волги отъ Балахны до Углича, какъ и Донъ къ границамъ Воронежской губерніи и къ Задонску, покажутъ вамъ не одну мѣстность, которая надолго останется въ вашей памяти.

Изученіе Дона и его физическаго характера началось еще такъ недавно. Донъ вообще былъ заброшенъ, тогда какъ Волгѣ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе посчастливилось. Только въ послѣднее время стали обращать вниманіе и на Донъ.

Донъ въ предѣлахъ Войска Донского бываетъ судоходенъ въ продолженіе болѣе чѣмъ восьми мѣсяцевъ въ году и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи представляетъ значительныя удобства. У Калача, по девятилѣтнимъ наблюденіямъ, онъ постоянно вскрывался отъ льда въ мартѣ. Впрочемъ, въ низовьяхъ, онъ иногда вскрывается отъ льда и замерзаетъ по четыре раза въ годъ, что происходитъ вслѣдствіе сильныхъ южныхъ вѣтровъ, возвышающихъ горизонтъ воды и взламывающихъ ледъ.

Весной рѣка поднимается необыкновенно высоко, такъ что были годы, что весенняя вода стояла на $4^1/_2$ сажени надъ уровнемъ весеннихъ водъ; но что замѣчательно—въ низовьѣ такой высокой воды не бываетъ, потому что тамъ она разливается вширь, иногда верстъ на десять.

Этими-то высокими водами и пользовался когда-то Петръ I, строившій флотъ въ Воронежѣ и съ весенними водами выводившій его въ море.

Явленія, замѣчаемыя при возвышеніи весеннихъ водъ Дона, представляютъ такія особенности, какихъ не замѣчаютъ на другихъ рѣкахъ Россіи. Такъ-какъ Донъ течетъ отъ сѣвера къ югу на протяженіи почти 10 градусовъ широты, и, конечно, таянье снѣговъ на сѣверѣ начинается позже чѣмъ на югѣ, то въ нижнихъ частяхъ рѣки половодье бываетъ два раза въ одну весну: первое половодье—при таяніи снѣговъ въ бассейнѣ низовья рѣки, и это половодье извѣстно подъ именемъ „*холодной*“ или „*казацкой*“ воды.—„Съ какой водой ваши суда доплыли до Ростова?“—спрашиваютъ иногда промышленника.—„Съ *казацкой*, съ *холодной*“,—отвѣчаютъ на это.—„Ну, а наши караваны, надо полагать, придутъ ужь съ *русской* водой?“ „Русской“ водой или „теплой“ называется та, которая является уже отъ второго таянья снѣговъ—въ верховьяхъ рѣки.

— Нынѣшней весной у насъ *русской* воды было больше, чѣмъ *казацкой*,—говорятъ въ томъ случаѣ, когда на сѣверѣ были большіе снѣга и дружное ихъ таянье.

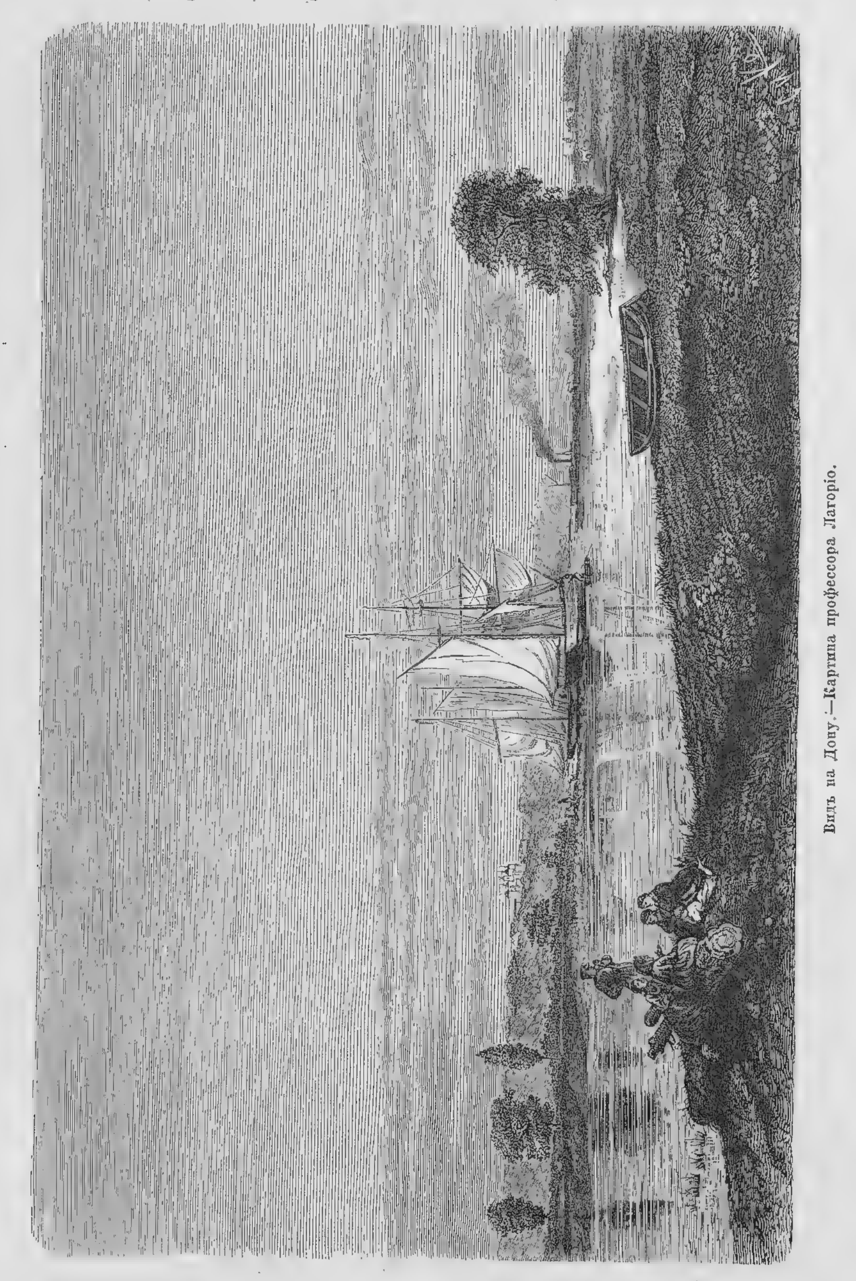
Но бываетъ иногда такъ, что таянье снѣговъ въ низовьяхъ почему-либо нѣсколько позамедлится, а въ верховьяхъ ускорится, такъ что оба таянья почти совпадутъ; тогда возвышеніе весеннихъ водъ бываетъ особенно громадное.

— Нонѣ, братецъ ты мой, казакъ съ нашимъ братомъ, русскимъ, въ ладахъ, оттого намъ и вальготно—воды вдоволь,—говорятъ въ такую весну бурлаки.

При плаваніи по Дону невольно возникаетъ самъ собою вопросъ: почему Донъ называется „тихимъ“ и вполнѣ-ли онъ заслужилъ себѣ этотъ историческій эпитетъ, какъ Дунай—„синій?“

На этотъ вопросъ до нѣкоторой степени можно отвѣчать и наглядно: дѣйствительно, Донъ нельзя назвать „быстрымъ“, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теченіе и бываетъ довольно сильное. Но научно этотъ вопросъ разрѣшается обстоятельнѣе. Такъ, по величинѣ уклона рѣки, находятъ, что на протяженіи 594 верстъ по фарватеру паденіе воды составляетъ 19 съ небольшимъ саженъ, что даетъ среднее паденіе на версту только 0,032 саж. Maximum паденія

находятъ, на разстояніи 214 саженъ, въ размѣрѣ 0,23 саж. на версту; minimum же паденія, встрѣчающійся на всемъ протяженіи рѣки очень часто, бываетъ такъ малъ, что, по словамъ



Видъ на Дону.—Картина профессора Лагоріо.

наблюдателя, „не могъ быть даже открытъ нивеллировкой“. Ясно, что Донъ вполнѣ оправдываетъ названіе „тихаго“ *).

Живое сѣченіе рѣки подвержено значительнымъ колебаніямъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, площадь живого сѣченія въ наибольшемъ предѣлѣ достигаетъ 350 квадр. саж.; въ дру-

*) Наименьшая скорость теченія Дона—0,18 саж. на фарватерѣ; не на фарфатерѣ-же—иногда *вовсе нѣтъ теченія*.

гихъ мѣстахъ, въ наименьшемъ предѣлѣ — 45 кв. саж. Почти между этими-же предѣлами колеблется и ширина Дона: то она достигаетъ 250 саж. — ровно полуверсты, то суживается до 60 саж. Тѣмъ-же колебаніямъ подвержена и глубина рѣки: высшій ея предѣлъ—3 саж., низшій—0,3 саж.; но въ иныхъ мѣстахъ глубина Дона достигаетъ 5 и даже 10 саж., какъ это замѣчаютъ между станицами Каргальскою и Романовскою. Между этою разнообразною глубиною рѣки и величиною уклона наблюдатель замѣчаетъ строгую зависимость: такъ, въ той части рѣки, гдѣ болѣе пологій уклонъ, глубина замѣчается большая чѣмъ въ той, гдѣ уклоны круче. И вотъ при этихъ-то крупныхъ уклонахъ встрѣчаются такъ-называемые „перекаты"— мели, затрудняющія пароходство: въ этихъ мѣстахъ вода рѣки какъ-бы „перекатывается" черезъ приподнятое дно. Такихъ „перекатовъ" между Калачомъ и Маріинскою станицею насчитываютъ 29.

Большая часть праваго берега Дона гориста; есть мѣста, гдѣ обрывы достигаютъ 30 саж. высоты—и эти-то мѣстности наиболѣе красивы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло рѣки приближается къ этимъ крутымъ берегамъ и вода своимъ теченіемъ какъ-бы подрѣзываетъ берегъ, замѣчаются обвалы въ рѣку вывѣтрившихся скалъ известняка; а въ иныхъ мѣстахъ горы, что-называется „сползаютъ" въ Донъ и иногда уносятъ съ собою въ рѣку части селеній, расположенныхъ у берега.

До послѣдняго времени выше Усть-Медвѣдицкой станицы, недалеко отъ монастыря, стояла небольшая часовня, наполненная человѣческими костями. Часовня эта находится у самаго Дона, а надъ ней, немного отступя, возвышается обрывистый берегъ, саженъ въ 30 высоты. Этотъ-то берегъ, т.-е. ближайшая къ Дону часть горы, говорятъ, сползла когда-то въ Донъ и частью увлекла съ собою въ рѣку, частью разрушила находившійся на склонѣ этой горы женскій монастырь. Человѣческія кости, сохраняющіяся въ помянутой часовнѣ,—это кости черницъ, погибшихъ во время „сползанія" въ Донъ горы, находимыя доселѣ послѣ весеннихъ размывовъ берега.

Кромѣ эпитета „тихаго", Дону слѣдовало-бы придать еще эпитетъ „непостояннаго". Дѣйствительно, „непостоянство" его въ своемъ теченіи поразительно. Наблюдая за нимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, г. Гамалицкій замѣтилъ, что во время половодья, когда вся долина рѣки затоплена водою, главная струя теченія часто отклоняется отъ меженняго русла, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ образуетъ крутыя извилины, и при этомъ весьма часто прорываетъ въ долинѣ новыя ложбины, иногда такихъ размѣровъ, что являются новые рукава. Въ это-то время нерѣдко мѣняется и самое русло Дона, особенно когда послѣ половодья въ главномъ руслѣ останутся или „карчи" (подмытыя деревья или пни и корни), или затонувшее судно и заносятся потомъ пескомъ и иломъ. Эти заносы совершаются такъ быстро, что достаточно бываетъ иногда одной „карчи" („карши" тоже) на днѣ рѣки, чтобы около нея сталъ тотчасъ-же складываться песокъ; затѣмъ немедленно образуется около „карчи" „коса" или „банка", а „непостоянный" Донъ прорываетъ себѣ новое русло въ ложбинѣ, съ которой воды его познакомились весной, въ половодье.

Въ предѣлахъ Донской области Донъ протекаетъ среди мѣстности, которую обыкновенно относятъ къ *степной, не черноземной полосѣ*. Но въ самыхъ долинахъ рѣкъ Дона, Хопра, Медвѣдицы находится слой весьма плодородной почвы, богатой перегноемъ и наноснымъ иломъ. Около этихъ-то рѣчныхъ долинъ и скучено большинство донского населенія; здѣсь-же больше замѣчается и жизни и разнообразія. Лѣсовъ по Дону вообще мало. Строительнаго лѣсу почти нѣтъ вовсе; а мѣстный дубнякъ, топольникъ, осина и ольха идутъ на мелкія хозяйственныя подѣлки:—сколотить „одёръ", т.-е. телѣгу, сдѣлать незамысловатый хлѣвушокъ, выстругать древко для пики, вырѣзать таволожку для нагайки, снарядить борону, заплести плетень—вотъ на что идетъ мѣстный лѣсъ. Строевой-же лѣсъ, „горянщина" и „щепной товаръ"—все это идетъ „изъ Россіи".

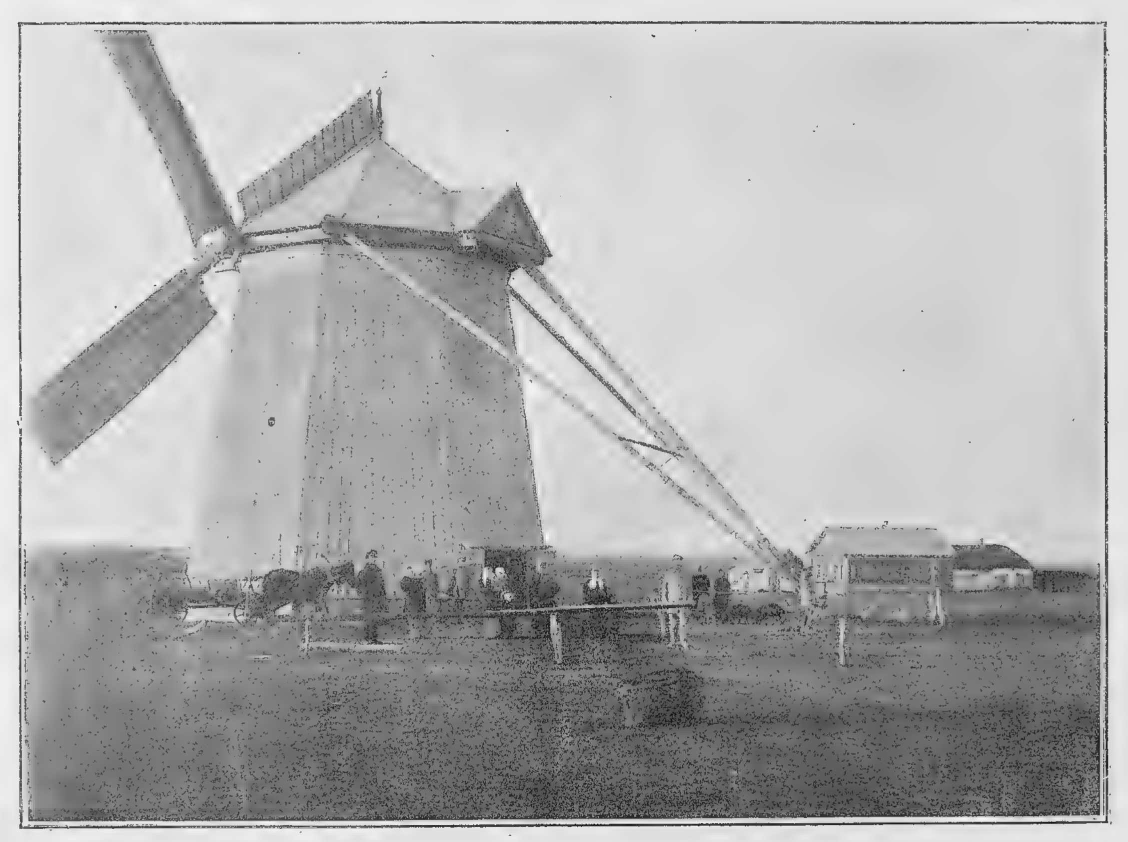
И въ степныхъ частяхъ Подонья и въ приречныхъ экономическое состояніе края довольно жалкое вообще. И земледѣліе и скотоводство на первичной ступени развитія; о другихъ промыслахъ и говорить нечего—ихъ почти нѣтъ совсѣмъ. Земледѣліе до сихъ поръ ведется безъ сѣвооборота и называется „вольнымъ" это значитъ, что поднятая новь засѣвается разъ, засѣвается два раза, и такъ далѣе до истощенія, пока не перестаетъ совсѣмъ родить; тогда ее бросаютъ—земля „отдыхаетъ", а вмѣсто нея начинаютъ истощать новую „цѣлину". Объ удобреніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Посѣвы пшеницы и проса занимаютъ первое мѣсто въ земледѣльческомъ промыслѣ Дона. Казакъ почти не знаетъ ржаного хлѣба, который на югѣ Россіи вообще рѣдокъ, и его ско-

Усть-Медвѣдица. Видъ Кременскаго Вознесенскаго мужского монастыря (фотографія Е. В. Полякова).

рѣе знаютъ тамъ подъ именемъ „солдатскаго" хлѣба, чѣмъ „чернаго" или „ржаного". Точно такъ-же казакъ на Дону не знаетъ гречневой каши, которой онъ предпочитаетъ пшенную. Каша на Дону играетъ вообще видную роль, и что особенно бросается въ глаза новичку, такъ это то, что казаки почти всегда ѣдятъ рыбу не съ хлѣбомъ, а съ пшенной кашей. Привычка эта, намъ кажется, имѣетъ историческую основу. Въ былыя времена казакъ, постоянно играя роль сторожевой собаки, не имѣлъ времени думать объ удобствахъ жизни. Отправляясь въ поле, на линію, въ сосѣдство къ погаямъ, онъ иногда запасался сухарями, если они были готовы, а чаще—гарнцемъ или пудовкой пшена да котелкомъ для варки каши. Каша какъ для донского и запорожскаго казака, такъ теперь для чумака и бурлака,—мать родная: „каша—мать наша". Каша у него была и первое, и послѣднее блюдо за столомъ; она у него—и горячее и холодное; она-же замѣняла и хлѣбъ. Неудивительно, если казаку удавалось въ походѣ,

гдѣ-нибудь въ ближайшей рѣченкѣ или въ родномъ Дону, поймать рыбки или раковъ (а раковъ онъ ловилъ руками; рыбу-же, за неимѣніемъ бредня или другихъ снастей, частенько добрые молодцы лавливали просто своими собственными штанами: сниметъ съ себя казакъ штаны, благо—глушь, никто, кромѣ татарина не увидитъ,—сниметъ добрымъ дѣломъ штаны, а штаны у него всегда широчайшіе, какъ Черное море, перевяжетъ травкой штаны — вотъ у него и бредень, и верша, и сачокъ),—если, повторяемъ, казаку удавалось поймать рыбки, то онъ ее варилъ въ своемъ котелкѣ и кушалъ съ кашей, сваренной въ томъ-же или въ другомъ котелкѣ. Вотъ почему, мы полагаемъ, и до сихъ поръ казакъ традиціонно кушаетъ рыбу не съ хлѣбомъ, а съ кашей.



Сельская вѣтряная мельница близъ ст. Ракова Обл. Войска Донского (съ фотографіи).

Кромѣ пшеницы и проса на Дону сѣютъ овесъ и ячмень. Окрестности станицъ пестрѣютъ „бакчами", засѣянными арбузомъ, дынею и тыквою, которую казаки называютъ „тыклою" и очень любятъ. Они варятъ съ тыквою кашу, и „тыклиная" каша считается лакомствомъ. Но все это культивируется казаками не для торговли, не на продажу, а для домашняго обихода. Истый казакъ смотритъ на куплю и продажу какъ на что-то унижающее казацкое достоинство: „кацапъ", „музланъ", однимъ словомъ, русскій можетъ и долженъ покупать и продавать, а казакъ унижаетъ себя этимъ. Пишущій это помнитъ еще такіе случаи изъ своего дѣтства. Обучаясь въ Усть-медвѣдицкомъ окружномъ училищѣ, я, бывало, на каникулы ѣздилъ домой, на Медвѣдицу. Если случай задерживалъ бывало иногда насъ на ночь или на кормежку лошадей, то и не думай искать въ станицѣ купить что-либо, хотя-бы молока или яицъ.—„Мы не христопродавцы, чтобъ свое добро продавать", отвѣтитъ бывало казачка; за то подаритъ

просимое или накормить охотно: ,,и моего соколика-болѣзнаго, можетъ, на чужой сторонѣ кто накормитъ", поясняетъ она мотивы своего гостепріимства, вспоминая о своемъ ,,соколикѣ-болѣзномъ"—о мужѣ или братѣ на чужбинѣ.—Потому торгашествомъ на Дону занимается исключительно заѣзжій русакъ, какой-нибудь проворторка, котораго и называютъ-то всегда полуименемъ. Только въ Новочеркаскѣ и въ нѣкоторыхъ большихъ станицахъ 500 душъ изъ казаковъ увольнялись въ купцы; а теперь, говорятъ, ихъ ужь увольняется тысяча—торгашество перестаетъ быть повидимому презрѣннымъ для казака.

Вообще бѣдность промысловъ на Дону положительно бросается въ глаза. Даже огородничество такъ слабо, что, какъ замѣчаетъ изслѣдователь этого края, ,,сравнительно съ хозяйствомъ средней Россіи, гдѣ цѣлые десятки десятинъ заняты картофелемъ и овощами, стран-

Отдыхъ казаковъ послѣ косьбы (фотографія съ натуры).

ными кажутся отдѣльные кустики этого растенія, разбросанные въ огородахъ на десяткѣ квадратныхъ саженъ".

Нѣкогда въ Россіи возлагались надежды на донское виноградарство и на казацкое винодѣліе. Думали даже въ ,,цымлянскомъ" винѣ (изъ виноградниковъ Цымлянской станицы) видѣть русское шампанское. Уже царь Петръ Алексѣевичъ задумывалъ объ этомъ, но многое, о чемъ задумывалъ этотъ неугомонный ,,работникъ на тронѣ", такъ и осталось за нимъ, за его памятью, не додѣланнымъ. Преданіе гласитъ, что во время плаванія изъ Воронежа къ Азову на вновь построенныхъ корабляхъ, Петръ своимъ зоркимъ глазомъ подмѣтилъ, что почва нижняго Подонья способна была бы къ развитію на Дону винодѣлія, и для этого выписалъ изъ Франціи садоводовъ и виноградныя лозы. Лозы были посажены близъ Цымлы, хорошо принялись и дали хорошій плодъ. Изъ донского винограда стали дѣлать вино. Разсказываютъ далѣе, что Петръ былъ доволенъ первыми опытами донского винодѣлія, и, послѣ поѣздки по Европѣ, когда онъ былъ въ Парижѣ и посѣтилъ Домъ Инвалидовъ, онъ, воротясь въ Россію, послалъ будто-бы ветеранамъ Людовика XIV нѣсколько бочекъ донского вина.

Какъ бы то ни было, но винодѣліе на Дону почти не привилось, а если и существуетъ, то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Да и какъ оно можетъ процвѣтать, когда для этого нужны свободныя рабочія руки, а Донъ ими не располагаетъ. Правда, въ Новочеркаскѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ станицахъ можно найти донское вино; но его мало, и оттого потребленіе его, даже на мѣстѣ, не вошло въ обиходъ жизни. Это не то, что въ Крыму или на Кавказѣ, гдѣ мѣстное вино получило гражданство и гдѣ доступныя на него цѣны сдѣлали потребленіе его общераспространеннымъ

Такимъ образомъ, волей-неволей, вся производительность края почти исключительно направлена на земледѣліе, потомъ на скотоводство и въ самой нижней части Подонья—на рыболовство. Но при всемъ томъ, какъ мы сказали выше, донское сельское хозяйство далеко не достигаетъ того уровня, какой соотвѣтствовалъ-бы условіямъ территоріи. По свидѣтельству

Донскіе казаки за полевой работой (фотографія съ натуры).

лицъ, знакомыхъ съ условіями донского хозяйства, *цѣлая треть казачьихъ семействъ вовсе не засѣваетъ своихъ полей* и только одна треть населенія ведетъ необходимое хозяйство, на поддержаніе котораго, по мѣстнымъ условіямъ почвы, потребно отъ четырехъ до пяти паръ рабочихъ воловъ, нужныхъ только для одного плуга. А между тѣмъ свободной земли на Дону болѣе чѣмъ достаточно. И вотъ, вслѣдствіе этого, пустующія земли отдаются большими участками русскимъ гуртовщикамъ-прасоламъ для „нагула“ (выкармливанія) скота, закупаемаго каждою весною въ заволжскихъ степяхъ у кочевниковъ. Но понятно, что такая сдача земель приноситъ ничтожный доходъ — отъ 20 до 40 коп. съ десятины! Это болѣе чѣмъ нищенскій доходъ. Неудивительно, что казаки тяготятся земскими учрежденіями: вѣдь на содержаніе ихъ да на земскіе сборы приходится, что-называется, драть съ той-же десятины, которая приноситъ доходу въ годъ—двугривенный...

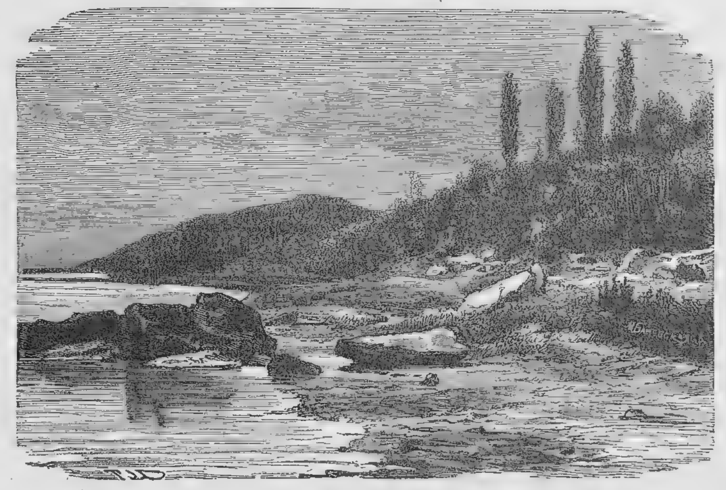
Впрочемъ и этой бездоходной землей не всегда приходится пользоваться казакамъ, особенно бѣднымъ. На Дону обычаи добраго стараго времени еще крѣпки,—крѣпче чѣмъ гдѣ-либо

въ другомъ мѣстѣ. А эти обычаи были хороши только тогда, въ это доброе старое время; теперь-же и время стало злое и обычаи эти злы. Еще на нашей памяти луга, напримѣръ, дѣлились бывало такъ („по-старинѣ", „по-казацки", „какъ испоконъ вѣку велось, при отцахъ и дѣдахъ"): весной, передъ сѣнокосомъ, выѣзжаетъ въ поле вся станица—и старые, и молодые; всѣ на коняхъ—ждутъ условнаго знака со стороны станичнаго атамана; наконецъ атаманъ даетъ знакъ — и станичники скачутъ въ разныя стороны по полю: кто въ извѣстное число секундъ что-ли успѣлъ обскакать, сколько ему хотѣлось, сѣнокоснаго поля, то онъ и считаетъ своимъ, то онъ и „обкашиваетъ", какъ-бы отмежевываетъ для себя. Ясно, что, при такомъ казацкомъ дѣлежѣ, одному скакуну достанется больше, другому меньше, одному лучшая часть поля или луга, другому—худшая. Очевидцы утверждаютъ, что и пахатная земля дѣлится между казаками не съ большею уравнительностью, и въ большинствѣ случаевъ является весьма широкій просторъ для захватовъ всѣхъ лучшихъ земель наиболѣе вліятельными и богатыми изъ станичниковъ.

Не болѣе утѣшительную картину представляютъ на Дону и коневодство, и скотоводство, и овцеводство.

Чему-бы, кажется, болѣе всего процвѣтать на земляхъ воинственнаго казака, природнаго кавалериста, какъ не коневодству? Конь—неразлучный товарищъ казака во всю жизнь: казакъ безъ коня тоже, что солдатъ безъ ружья, попъ безъ креста. Не даромъ у казака любимая походная пѣсня обращается къ коню:

Душа добрый конь!



Цымлянскіе виноградники въ З. В. Донского.

А между тѣмъ на Дону лошадей не хватаетъ. Есть богатые табуны у нѣкоторыхъ донскихъ помѣщиковъ, на югѣ Донской области, по Манычу и по степямъ: у Иловайскихъ, Коньковыхъ, Чернозубовыхъ и проч. Есть табуны и у калмыковъ. Но у простыхъ казаковъ мало лошадей, да и то незавидныя. Среднимъ числомъ, въ средней части Донской области, на каждаго жителя приходится 0,3 лошади—*треть лошади на человѣка*: это отношеніе оказывается меньшимъ, чѣмъ даже въ губерніяхъ средней полосы Россіи. И вотъ воинственный Донъ оказывается безлошаднымъ. Чтобы подобный выводъ не показался неправдоподобнымъ, мы должны сказать, что заимствуемъ его изъ оффиціальнаго донского источника—изъ „Списка населенныхъ мѣстъ Донской области".

Въ нѣсколько болѣе благопріятномъ положеніи находится на Дону скотоводство. Крупный рогатый скотъ разводится тамъ, главнымъ образомъ, для исполненія земледѣльческихъ работъ, такъ-какъ на Дону пашутъ не сохой, а плугомъ; кромѣ того скотъ имѣетъ для казака важное значеніе въ видахъ полученія продуктовъ молочнаго хозяйства; но продукты эти самими-же казаками и потребляются, равно какъ и сырыя произведенія скотоводства—сало и кожа.

Одна овца играетъ нѣсколько болѣе видную роль въ мѣстномъ экономическомъ быту по отношенію къ торговлѣ внѣ предѣловъ области. Ея шерсть идетъ, при посредствѣ ярмарки въ Урюпинской станицѣ, въ Россію, на московскіе и другіе рынки. Но и тутъ изслѣдователи

экономической жизни края затрудняются разграничить—какое количество шерсти и самихъ овецъ поступаетъ на сѣверные рынки собственно отъ донскихъ казаковъ и какое отъ гуртовщиковъ-прасоловъ, лишь временно нагуливающихъ свой скотъ на донскихъ пастбищахъ или только перегоняющихъ его черезъ Донскую область

Какъ бы то ни было, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ оказывается слѣдующее: отъ границъ Воронежской губерніи до Калача къ Дону прилегаютъ станицы—Казанская, Вешенская, Мигулинская, Букановская, Усть-Хоперская, Александровская, Усть-Медвѣдицкая, Распопинская, Клѣцкая, Переконская, Кременская, Ново-Григорьевская, Старо-Григорьевская, Сиротинская и Еланская; въ этихъ станицахъ считается 156 тысячъ жителей обоего пола; лошадей—48 тысячъ; воловъ—398 тысячъ паръ; овецъ—457 тысячъ Изъ этого выходитъ:

Лошадей . . .	0,3	на одного жителя.
Паръ воловъ . .	2,5	,, ,, ,,
Овецъ	2,3	,, ,, ,,

Въ заключеніе этого очерка степного хозяйства, собственно въ среднемъ Подоньѣ, укажемъ на пути, которыми донское населеніе сбываетъ тѣ скудные избытки хлѣба, которые остаются у него за мѣстнымъ потребленіемъ.

Пути эти измѣняются сообразно съ настроеніемъ хлѣбныхъ рынковъ. Именно: грузы изъ той мѣстности, которая лежитъ между Усть-Хоперскою и Клѣцкою станицами, направляются гужомъ, частью непосредственно къ портамъ Азовскаго моря, въ Ростовъ, частью же на волжскія пристани: на Царицынъ, Дубовку и даже на Камышинъ (съ Медвѣдицы). Перевозка гужомъ, какъ она ни дорога, облегчается тѣмъ, что для казака есть всегда возможность получить грузы для обратной перевозки. Такъ, съ волжскихъ пристаней обратными подводами перевозится лѣсъ и деготь, а съ юга—манычская соль и мануфактурные товары. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, взиманіе землевладѣльцами съ фурщиковъ платы за подножный кормъ тягловаго скота въ степяхъ (чего прежде не было) стало неблагопріятно отражаться на извозѣ. Казаки сами возятъ свои хлѣбныя произведенія къ мѣсту сбыта въ томъ случаѣ, если имѣютъ надобность запастись лѣсными матеріалами на волжскихъ пристаняхъ. Но обыкновенно сельскохозяйственныя произведенія сбываются на мѣстѣ торговцамъ, которые уже отъ себя и отправляютъ болѣе или менѣе значительныя партіи этого товара къ станціямъ Грязе-царицынской желѣзной дороги, для перевозки въ сѣверную Россію. Иногда же хлѣбъ идетъ до пристани на Дону, въ Чирахъ, а оттуда водою—къ Ростову. Но та часть донского (собственно медвѣдицкаго и хоперскаго) района, которая прилегаетъ къ Грязе-царицынской дорогѣ, исключительно отдаетъ свои грузы этой послѣдней дорогѣ, ибо хлѣба на этой линіи скупаются не только московскими, но даже и рижскими агентами торговыхъ домовъ. Здѣсь уже, слѣдовательно, Балтійское море осиливаетъ моря южныя, и хотя Донъ катитъ свои воды на югъ, но продукты его уже начинаютъ тяготѣть и къ сѣверу. Къ сѣверу отчасти тяготѣетъ и донская рыба, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Перейдемъ теперь къ нижнему Подонью. Оно начинается тамъ, гдѣ Донъ въ своемъ теченіи наиболѣе приближается къ Волгѣ и гдѣ много столѣтій тому назадъ предполагалось соединить воды этихъ рѣкъ каналомъ: сначала это хотѣли сдѣлать турки еще въ эпоху своего могущества, когда имъ принадлежало нынѣшнее русское южное поморье; потомъ думалъ соединить Волгу съ Дономъ царь Петръ Алексѣевичъ. Нижнее Подонье начинается собственно отъ Калача и Качалина.

Нижняя часть донской области многимъ отличается отъ той, которая орошается среднимъ Дономъ съ притоками: здѣсь производительность края разнообразнѣе; на этой половинѣ областной территоріи должна создаться блестящая экономическая будущность края. Правда, и здѣсь земледѣльческая дѣятельность населенія находится въ первичномъ состояніи: та-же переложная

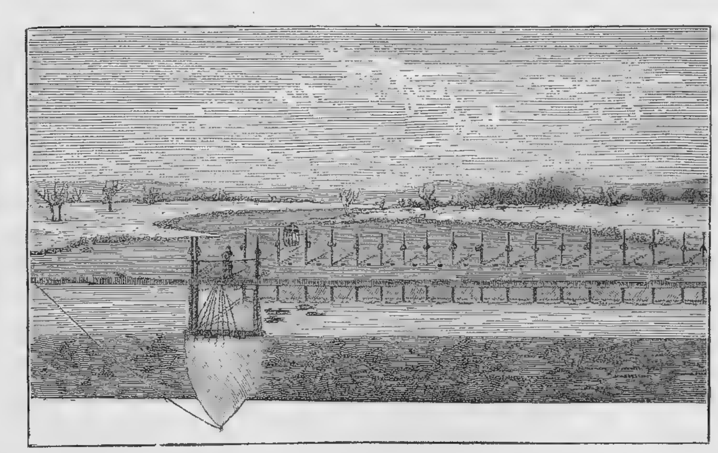
система и то-же жалкое пользованіе землею, что и въ среднемъ Подоньѣ. Но здѣсь, сравнительно, скотоводство получило болѣе развитія.

Вотъ цифры, нѣсколько освѣщающія экономическое состояніе нижняго Подонья.

Казачьихъ земель или „юртовъ" на 175 тысячъ населенія считается около $1^1/_2$ милліона десятинъ. На каждый дворъ этой земли приходится около 52 десятинъ—казалось бы достаточно; плуговъ въ 3 пары воловъ на дворъ—0,6; лошадей на дворъ—1,8, на человѣка—0,3; рогатаго скота—на дворъ 12 штукъ, на человѣка—2, овецъ—на дворъ 22, на человѣка—$3^3/_4$.

Такъ какъ въ этой части области живутъ и калмыки, то имъ на каждый дворъ или на кибитку приходится по 222 десятины, лошадей—около 10 штукъ, рогатаго скота около 15 головъ и овецъ—по 21.

Нижнее Подонье значительно оживленнѣе средняго тѣмъ, что здѣсь болѣе развито судоходство, и причина этого—близость Волги, однимъ словомъ, близость дѣлового и неутомимаго „музлана". Все, что производится въ районѣ бассейна Волги съ ея притоками—и сырье и обработанные продукты—все это идетъ съ Волги на Донъ по Волго-донской желѣзной дорогѣ и гужемъ, и все это сосредоточивается въ двухъ передаточныхъ пунктахъ — въ Калачѣ и Качалинѣ. Размѣры оборотовъ этихъ двухъ пристаней считаютъ въ 17 милліоновъ пудовъ. Особенною дѣятельностью отличалась прежде Качалинская пристань, когда еще не существовало Волго-донской желѣзной дороги, а отъ Качалина шла желѣзно-конная дорога до Дубовки на Волгѣ: тогда все, что передавала Волга Дону и Донъ Волгѣ—все это шло черезъ Качалинъ. Теперь-же Качалинская пристань утратила большую долю прежняго значенія, потому что главное количество грузовъ, отправляемыхъ внизъ по Дону, сосредоточивается въ Калачѣ; а грузы, идущіе вверхъ по Дону и предназначаемые для передачи на Волгу, теперь уже совсѣмъ не доходятъ до Качалина, а такъ-сказать перехватываются Калачомъ. Когда-то, въ дожелѣзнодорожное время, Качалинъ назывался „бурлацкою столицей": это—когда еще и Хоперъ и Медвѣдица сплавляли въ Донъ сотни барокъ съ хлѣбомъ и всѣ эти барки сходились и такъ-сказать сталкивались съ тѣми партіями товаровъ, которые шли съ Волги. Весной „бурлацкая столица" представляла нѣчто поражающее. Теперь-же больше оживленія въ Калачѣ.



Ловъ ситами въ низовьяхъ Дона.

Но Калачъ все-таки не убилъ Качалина—послѣдній пунктъ имѣетъ свое будущее. Причина, почему пунктъ этотъ все еще не утратилъ своей важности, заключается въ томъ, что Качалинъ—сосѣдъ Дубовкѣ на Волгѣ, а Дубовка—это пунктъ до такой степени окрѣпшій въ своемъ экономическомъ значеніи, что даже близостью Царицына, соединеннаго съ центральными губерніями и, можно сказать, со всею Европою посредствомъ Грязе-царицынской дороги и съ Дономъ, а слѣдовательно и съ южными морями посредствомъ Волго-донской желѣзной дороги,—даже этой близостью Царицына онъ не можетъ быть подорванъ. Вся сила Дубовки—въ выгодномъ орографическомъ положеніи: здѣсь начало развѣтвленія низовой части Волги на рукава и потому отсюда всѣ сплавляемые по Волгѣ на судахъ и плотахъ грузы, пріобрѣтаемые низовыми купцами, могутъ съ удобствомъ разсылаться сплавомъ, по мѣрѣ надобности, во всѣ

рукава Волги. А Царицынъ этого сдѣлать не можетъ, потому что лежитъ ниже начала одного изъ главныхъ рукавовъ Волги — Ахтубы. Поэтому, въ союзѣ съ Дубовкой Качалинъ долженъ расти, но не падать, хотя, конечно, расти не на счетъ Калача. У этого послѣдняго — своя экономическая роль. Калачевская пристань имѣетъ первостепенную важность по всему протяженію Дона, благодаря непосредственной связи съ рельсовымъ путемъ.

Что передаетъ Волга Дону посредствомъ Калача и въ чемъ, слѣдовательно нуждается Донъ, можно отчасти видѣть изъ слѣдующей цифровой иллюстраціи. Вотъ какіе грузы съ Волги поступили на Донъ въ Калачѣ въ одну изъ послѣднихъ навигацій:

Лѣсного матеріала около . . .	9	милліоновъ пудовъ.
Желѣза и чугуна болѣе . . .	900	тысячъ.
Сельди и сухой рыбы болѣе . . .	800	,,
Дегтю и смолы болѣе	230	,,
Хлѣба около	150	,,
Масла разнаго болѣе	115	,,
Мануфактурныхъ товаровъ болѣе.	107	,,

Затѣмъ идутъ — пеньковые товары, стеариновыя свѣчи, икра, артиллерійскія принадлежности, стекло и посуда, мыло, писчая бумага, керосинъ и проч.

По Дону перевозитъ также и грузы своей территоріи, не одни волжскіе товары, хотя собственно донскихъ грузовъ очень мало: это хлѣбъ, льняное сѣмя, а въ послѣдніе годы— антрацитъ. Болѣе другихъ отправляются грузы съ пристаней въ станицахъ Нижне-Чирской, Цымлянской, Константиновской, Семикаракоровской и Мелеховской. Въ Нижне-Чирскую станицу часто доставляются грузы изъ района средняго Подонья—отъ устья Хопра до Клѣцкой станицы. Въ Цымлянскую грузы стягиваются потому, что отъ этого пункта до устья Донъ не представляетъ значительныхъ перекатовъ, между тѣмъ какъ выше Цымлы, на небольшомъ отъ нея разстояніи, находится нѣсколько перекатовъ, вслѣдствіе чего грузы изъ поселеній, лежащихъ по Дону выше Цымлы и по Салу, находятъ болѣе удобнымъ доставлять къ Цымлянской станицѣ гужемъ и здѣсь уже грузить на суда. Большею частью перевозка грузовъ совершается здѣсь на парусныхъ морскихъ лодкахъ, но частью грузятся тутъ и догружаются пароходныя баржи. Константиновская пристань притягиваетъ къ себѣ грузы тѣхъ поселеній, которыя расположены по сѣверному Донцу, ибо Константиновка находится у его устья.

Наконецъ, Мелеховская станица притягиваетъ къ себѣ изъ Грушевки антрацитъ. Погрузку антрацита начали производить здѣсь очень недавно, и именно съ тѣхъ поръ, какъ общество донского пароходства устроило въ Мелеховкѣ складъ каменнаго угля для своихъ потребностей въ виду того, что разстояніе этого пункта отъ грушевскихъ каменноугольныхъ копей—только 25 верстъ, а окрестные жители находятъ для себя выгоднымъ перевозить антрацитъ по цѣнѣ около 2 к. съ пуда. Въ этомъ отношеніи Мелеховка предпочитается даже Аксаю и Ростову, несмотря на то, что они соединены съ грушевскими копями рельсовымъ путемъ.

Къ характеристикѣ нижняго Подонья слѣдуетъ присовокупить еще указаніе на два самостоятельныхъ промысла, которые могли бы играть важную роль въ экономической жизни Дона, еслибъ край этотъ не былъ поставленъ въ исключительныя условія, препятствующія правильному развитію его экономическихъ силъ. Мы говоримъ о промыслахъ рыбномъ и соляномъ.

Нижнее Подонье въ отношеніи рыбнаго промысла имѣетъ много общаго съ нижнимъ Поволжьемъ. Та-же близость моря, по временамъ буквально запруженнаго рыбой, которая въ извѣстное время года заполняетъ собою всю рѣку и всѣ ея развѣтвленія; та-же близость соли и удобство ея добыванія для требованій рыбосоленія; но не тѣ-же такъ-сказать рабочія условія въ той и другой мѣстности: Донъ не можетъ конкурировать съ Волгой, потому что донскому

населенію не до промысловъ—призваніе его другое. И вотъ Донъ, который одною „таранью", лещомъ и судакомъ могъ бы запрудить всѣ рынки Россіи—тащится въ хвостѣ какого-нибудь Бѣлаго озера, на которомъ безземельное населеніе почти буквально кормится отъ ерша и снѣтка. Какъ во всемъ, такъ и въ рыбномъ промыслѣ, Донъ отстаетъ отъ остальной Россіи; какъ въ промыслѣ земледѣльческомъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ, Донъ въ одно и то-же время и богатъ и нищій, какъ справедливо замѣтилъ поэтъ:

Богатъ ты, славный царь азовскаго поморья!
Богатъ... а самъ въ нуждѣ...

Если въ Россіи и извѣстна донская рыба, донской балыкъ, донская икра, какъ извѣстна рыба волжская или уральская, такъ это все-таки не доказательство развитія рыбнаго промысла на Дону, у донцовъ: въ Россіи извѣстна та рыба, собственно донская, которая ловится въ предѣлахъ донской дельты, ниже территоріи донского войска.

Относительно большее экономическое значеніе для этого края можетъ имѣть въ будущемъ и уже имѣетъ другой промыселъ—именно соляной. Какъ ни невѣроятно и ни удивительно, но Россія, при всѣхъ своихъ соляныхъ богатствахъ, нуждается въ соли; дороговизна этого естественнаго и самаго необходимаго для жизни продукта является у насъ косвенною причиною многихъ общественныхъ бѣдствій: скотскихъ падежей—отъ невозможности, вслѣдствіе дороговизны соли, давать ее въ кормъ скоту; эпидемій, оттого, что дороговизна соли заставляетъ рыбопромышленниковъ по цѣлымъ годамъ сохранять гнилые тузлуки и заражать ими и рыбу и людей. Наконецъ, Россія прибѣгаетъ къ иностранной соли, какъ къ болѣе дешевой. Вотъ почему донской соляной промыслъ, обставленный нѣкоторыми благопріятно-исключительными условіями, не можетъ быть оставленъ безъ вниманія

Въ настоящее время донскими казаками производится выволочка поваренной соли въ двухъ пунктахъ, изъ соляныхъ озеръ бассейна рѣки Маныча. Манычская соль имѣетъ уже свое историческое прошлое: уже не одно столѣтіе чумаки, какъ изъ предѣловъ войска донского, такъ и изъ Малороссіи ѣздятъ на Манычъ за солью; уже запорожскіе чумаки знали не только крымскую соль, но и манычскую; съ чумакованьемъ на Манычъ за солью, какъ на Донъ за рыбою, создался богатый циклъ народныхъ пѣсенъ, хоть-бы, напр., вотъ эта, ставшая уже историческою пѣснью, которая начинается словами:

Ой полети, галко, ой полети, чорна, та на Донъ рыбу исти,
Ой принеси, галко, ой принеси, чорна, та одъ кошового висти...

Пункты эти, гдѣ добывается манычская соль, суть: Старо-Манычское озеро, состоящее собственно изъ семи озеръ, расположенныхъ не далеко отъ границъ донской области съ астраханскою губерніею, и озеро Грузское (надо полагать „Грузкое"—„грузкое"—топкое по-малороссійски), лежащее въ 60-ти верстахъ къ западу отъ Старо-Манычскаго. Надо замѣтить, что выволочка изъ этихъ озеръ соли производится исключительно казаками и притомъ *безпошлинно*—это составляетъ одну изъ привиллегій казачьяго сословія. Впрочемъ, манычская соль обложена небольшою пошлиною, но только не въ пользу казны, а въ пользу озерной администраціи и для изготовленія принадлежностей работъ, лодокъ, снастей и проч. Пошлина эта составляетъ около 4 к. съ пуда.

Такъ какъ добыча этой соли производится верстъ за 200 отъ Дона, то доставка ея гужемъ къ станицамъ Романовской и Константиновской обходится отъ 5 до 8 к. съ пуда.

Годовая добыча соли до сихъ поръ не достигала 2 милліоновъ пудовъ; другіе же милліоны пропадаютъ безполезно для края вслѣдствіе того, что, по свидѣтельству г. Гамалицкаго, выволочка манычской соли производится первобытными пріемами и притомъ только изъ малыхъ самоосадочныхъ озеръ, между тѣмъ какъ болѣе значительныя озера манычской степи, изъ которыхъ соль могла бы добываться въ громадныхъ размѣрахъ, остаются внѣ разработки, и

неисчислимыя богатства драгоцѣннаго соляного раствора ежегодно уносятся весенними водами изъ озеръ чрезъ протоки и ерики, которыми озера эти соединяются съ Манычемъ.

Манычская соль идетъ главнымъ образомъ на рыбные промыслы Азовскаго моря, а также нижняго Подонья; мѣстное потребленіе тоже удовлетворяется этой солью. Насколько цѣна манычской соли въ продажѣ ниже цѣнъ, существующихъ на соль въ великорусскихъ губерніяхъ, можно судить по слѣдующему: въ Романовской станицѣ манычская соль продается по 25 к. за пудъ; въ Качалинѣ — за 300 верстъ отъ Романовки — по 38 к.; въ Новочеркаскѣ — 36 к. Въ великорусскихъ же губерніяхъ, при акцизѣ на пудъ въ 20 и 25 к., стоимость соли колеблется между 80 к. и 1 р. 20 к. за пудъ. Неудивительно, что въ Россіи до сихъ поръ живетъ въ народѣ предразсудокъ, что просыпать соль считается чуть-ли не грѣхомъ и вообще несчастіемъ, потому что нечаянная просыпка соли непремѣнно влечетъ за собою „ссору". Точно также существуетъ повѣрье, что подавать или пододвигать къ кому-либо за столомъ солонку съ солью предвѣщаетъ „ссору". Гдѣ источникъ этого повѣрья? Мы полагаемъ, тамъ-же, гдѣ источникъ и того повѣрья, что не слѣдуетъ мѣняться металлическими вещами, а иначе выйдетъ „ссора" или несчастіе. Всѣ эти повѣрья—остатки повѣрій каменнаго вѣка, когда металлическія вещи были слишкомъ большою рѣдкостью и обладаніе ими влекло за собою ссоры и драки. Въ такомъ же положеніи до сихъ поръ русскій народъ находится по отношенію къ мало доступной соли — въ положеніи человѣка каменнаго вѣка по отношенію къ металлическимъ вещамъ.

Выводы изъ всего этого едва-ли будутъ утѣшительны съ точки зрѣнія экономическаго уровня разсматриваемаго нами края.

Остается еще одно не разсмотрѣнное нами богатство донского края — каменноугольное и вообще богатства минеральныя, горныя; по ознакомленію съ ними будетъ посвященъ особый очеркъ.

Д. Л. Мордовцевъ.

ОЧЕРКЪ II.

ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

Краткій очеркъ исторіи донского войска и главнѣйшіе войсковые атаманы. — Административное устройство войска и современныя въ немъ учрежденія.

Добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ

НАРОДНЫЙ АФОРИЗМЪ.

По всему свѣту, отъ края до края земли, разлеглась, говоря образнымъ языкомъ народа, громкая слава казацкаго имени, но не одна добрая, а также и недобрая и—продолжая ту-же народную образность стиля—,,пока стоитъ свѣтъ солнца, слава эта не умретъ и не поляжетъ".

Дѣйствительно, вотъ уже четвертое столѣтіе казацкое имя не сходитъ съ страницъ русской исторіи, страницъ иногда самыхъ блестящихъ и яркихъ, чаще же самыхъ мрачныхъ и безотрадныхъ, и всегда рядомъ съ этимъ именемъ стоятъ, постоянно чередуясь, эпитеты — то казаки ,,вѣрные" и ,,храбрые", то казаки ,,воровскіе", то ,,понизовая вольница", то ,,воры и разбойники", то ,,голытьба кабацкая". Казакъ старшаго историческаго цикла участвовалъ и въ разореніи московскаго царства и въ его созданіи; казакъ средняго цикла явился вѣрнымъ и усерднымъ слугою существовавшаго государственнаго строя и борцомъ за русское имя въ эпоху опасностей. Имя казака новѣйшаго цикла неразрывно связано съ послѣдними кровавыми событіями на Балканскомъ полуостровѣ, событіями, послужившими началомъ возрожденія давно исчезнувшихъ было съ политической карты Европы нѣкогда славныхъ и могущественныхъ югославянскихъ государствъ—Сербіи и Болгаріи. Однимъ словомъ, исторія ,,казака" полна глубокаго интереса и подчасъ высокаго драматизма.

Мы будемъ говорить здѣсь исключительно о „донскомъ казакѣ", какъ о самомъ цѣльномъ и характерномъ, послѣ или рядомъ съ „запорожскимъ казакомъ", типѣ этого рода, ибо кромѣ „донского казака" есть и „астраханскій", и „сибирскій", и „линейный", и „терскій", и „кубанскій", и „уральскій", нѣкогда „яицкій", имя котораго также когда-то, говоря метафорически, провело глубокую борозду по лицу русской земли и исторіи; оставилъ въ этой исторіи свой слѣдъ и бывшій нѣкогда „волжскій казакъ", наконецъ „казакъ черноморскій", потомокъ „запорожскаго", пронесшій свое имя въ исторіи также со славою, полною суроваго величія.

Область, занимаемая донскими казаками или „войскомъ донскимъ", составляетъ бассейнъ средняго и нижняго Дона съ впадающими въ него рѣками Хопромъ, Медвѣдицею и Донцомъ, не считая мелкихъ притоковъ какъ самого Дона, такъ и этихъ послѣднихъ рѣкъ. Только къ востоку территорія донского войска нѣсколько раздвинулась вдоль калмыцкихъ степей по теченію Маныча. Занимаемыя казаками земли составляютъ ихъ историческое наслѣдіе. Казакъ не былъ аборигеномъ Дона хотя бы въ такой степени, въ какой исторія, напримѣръ застаетъ „полянина" аборигеномъ средняго Днѣпра, или въ какой новгородецъ является аборигеномъ своего Волхова и Ильменя: казакъ уже въ историческія времена пришелъ или скорѣе „бѣжалъ" на Донъ и тамъ осѣлся.

Самое начало, первое возникновеніе казачества какъ донского, такъ и запорожскаго, можно сказать, неуловимо для исторіи. Она, въ началѣ XVI-го вѣка, застаетъ казачество на Дону и на Днѣпрѣ уже до извѣстной степени сложившимся въ нѣчто опредѣленное, сформировавшимся; самый же процессъ первичной кристаллизаціи казачества исторіею не подмѣченъ, а онъ, конечно, начался значительно ранѣе и былъ замѣченъ только тогда, когда кристаллизующіяся частицы образовали нѣчто цѣлое и когда казачество могло заявить о себѣ въ исторіи, какъ сила дѣйствующая. Такъ, въ первой половинѣ XVI-го вѣка донскіе казаки принимаютъ уже участіе въ „собраніи русской земли" и вмѣстѣ съ московскими ратями добиваютъ Астраханское царство. Въ это-то время на страницы исторіи заносятся и имена ихъ первыхъ атамановъ—Павлова и Ляпуна. Павловъ и Ляпунъ въ донскомъ казачествѣ являются тѣмъ, чѣмъ были для запорожскаго казачества Остапъ Дашковичъ и Предиславъ Лянскоронскій, первые, если не по названію, то на дѣлѣ „кошевые атаманы" кристаллизовавшагося тогда запорожскаго войска, и чѣмъ когда-то для Рима были Ромулъ и Ремъ.

Въ первоначальномъ процессѣ образованія казачества какъ донского, такъ и запорожскаго лежали въ сущности одни и тѣ-же народные мотивы—исканіе новыхъ, привольныхъ для жизни земель и въ то-же время оберегапіе украйныхъ, пограничныхъ мѣстъ своихъ метрополій отъ хищныхъ набѣговъ татаръ: казаки образовали собою первые сторожевые посты на южныхъ оконечностяхъ территорій московскихъ (въ государственномъ смыслѣ слова), кіево-украинскихъ и польскихъ; они-же были и піонерами, проносившими далѣе къ югу владычество и культуру, конечно бѣдную, но родную имъ, — культуру своихъ метрополій. Сходство въ процессѣ образованія казачества донского и запорожскаго сказывалось и въ другихъ мотивахъ „исканія новыхъ земель": въ казаки уходило все, что не уживалось съ тяжелымъ строемъ жизни метрополій, какъ это мы видимъ вездѣ, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, начиная отъ классическихъ грековъ, уходившихъ въ суровую, съ ихъ южной точки зрѣнія, Тавро-Скиѳію, и кончая практическими англичанами и нѣмцами, уходившими и продолжающими уходить въ Америку.

Московская земля XVI-го и XVII-го вѣковъ была наиболѣе такою землею, изъ которой особенно охотно „бѣгали" русскіе люди, чтобы укрыться гдѣ-либо на новыхъ земляхъ. Такими новыми землями оказались привольные берега Дона. Нелегко жилось въ московской землѣ, когда она укладывалась въ рамки государственности и когда права личности были еще далеко не выяснены ни закономъ, ни самымъ строемъ жизни; еще менѣе были выяснены права иму-

щественныя и земельныя. ,,Крестьянство", поставленное въ неопредѣленныя отношенія къ владычествующимъ классамъ и ко всему, что носило на себѣ признакъ власти, хотя бы даже произвольной; ,,холопство обельное" и всякое другое; кабальная зависимость, повидимому ничѣмъ опредѣленнымъ не гарантированная; всякіе поборы, неизвѣстно когда и кѣмъ установленные; экономическое цыганство, состоявшее въ томъ, что народъ не зналъ своей земли и каждый годъ, въ Юрьевъ день, шатался съ мѣста на мѣсто, пока не утратилъ этого права шатанья; самоуправство сильныхъ и богатыхъ вмѣстѣ съ неограниченнымъ произволомъ всякихъ судей, тіуновъ, цѣловальниковъ, приказныхъ и подъячихъ:—все это вмѣстѣ взятое заставляло многихъ изъ московскихъ людей идти изъ своей земли куда глаза глядятъ—и все это большею частью шло къ окраинамъ и преимущественно на Донъ. Тамъ бѣглецы кормились отъ звѣрной и рыбной ловли, а потомъ переходили и къ земледѣлію, тѣмъ болѣе что почва была благопріятная. Заводились поселки—,,станицы", нѣчто въ родѣ обыкновенныхъ ,,становищъ" охотниковъ или пастуховъ: то были землянки, мазанки, плетеные шалаши, которые на зиму промазывались и отоплялись, конечно, первобытнымъ способомъ, ,,по-курному", безъ правильно устроенныхъ печей, отчего, вѣроятно, и до сихъ поръ дома казацкіе называются на Дону ,,куренями", а самыя села — ,,станицами". Вольнымъ насельникамъ Дона было, разумѣется, въ началѣ заселенія Дона не до красоты построекъ, а было бы лишь гдѣ укрыться; притомъ же постоянные набѣги на ихъ станицы непріятеля дѣлали то, что казаки и не старались прочно обстраиваться, не думали заводить ни домовъ, ни богатыхъ палатъ, ,,чтобы не игралъ на нихъ глазъ вражескій". Землянки, обнесенныя отъ дикаго звѣря терновникомъ, прятались отъ глазъ, ютились по лѣсамъ да овражкамъ у самаго Дона. Главное становище было въ Раздорахъ—это при сліяніи Дона и Донца. Потомъ, со второй половины XVI-го вѣка, столица вольнаго казачества была перенесена пониже, къ Азову, принадлежавшему туркамъ: столица эта — Черкаскъ или Черкскій городокъ, построенный на островѣ, образуемомъ Дономъ и его рукавами. Послѣ, уже въ XIX вѣкѣ, при атаманѣ Платовѣ, Черкаскъ былъ перенесенъ на нагорный берегъ Дона и названъ Новочеркаскомъ, а старый, историческій Черкаскъ, въ которомъ когда-то гостилъ Петръ I, когда бралъ Азовъ, превратился въ Старочеркаскую станицу. Причина, побудившая Платова перенести столицу донцовъ на новое мѣсто,—нездоровость климата Старочеркаска, весною заливаемаго водой, которая, по спадѣ Дона, всегда образуетъ топи и болота, порождающія каждую весну лихорадки.

И въ сказанномъ сейчасъ мы видимъ общія, родственныя черты между донскимъ казачествомъ и запорожскимъ: какъ донцы главную свою резиденцію—Черкаскъ—устроили на острову, образуемомъ Дономъ и его рукавами, такъ и запорожская ,,Сича" (Сѣчь) была первоначально расположена на островѣ Томаковкѣ, образуемомъ Днѣпромъ и его рукавами; потомъ Сѣчь перенесена была на островъ Хортицу; каждая изба у донскихъ казаковъ, какъ мы сказали выше, называлась ,,куренемъ"; точно такъ же и запорожцы раздѣлялись по ,,куренямъ"—нѣчто въ родѣ дружинъ или полковъ, и каждымъ куренемъ завѣдывалъ выборный ,,куренной атаманъ", какъ всею Сѣчью управлялъ, тоже по вольному выбору, ,,кошевой атаманъ". Главная станица у донскихъ казаковъ называлась Черкаскомъ, ,,Черкаскимъ городкомъ"; всѣхъ же малороссіянъ и запорожцевъ московскіе люди постоянно называли ,,черкасами", да и нынѣ южный скотъ называется ,,черкаскимъ". Наконецъ однимъ изъ первыхъ атамановъ донского войска, въ 1570 году, былъ Михайло Черкашенинъ—прямое доказательство, что онъ былъ изъ украинцевъ или изъ запорожскихъ казаковъ.

Вся исторія донского войска представляетъ длинный и почти безпрерывный рядъ походовъ, начиная съ того времени, когда они громили ногаевъ, разоряли ихъ улусы и обогащались добычею, и кончая почти столѣтнею войною съ кавказскими горцами и, наконецъ, въ послѣднюю войну на Балканскомъ полуостровѣ—съ тѣми же старыми своими врагами, съ черкесами, турками и баши-бузуками. Иногда въ этихъ однообразныхъ воинственныхъ состя-

заніяхъ выдается имя одного или двухъ атамановъ, память которыхъ сохраняется казачествомъ— вотъ и вся исторія Дона, исторія, страницы которой, можно сказать, буквально сплелись съ страницами русской исторіи.

Припомнимъ же главные моменты исторической жизни Дона и его наиболѣе выдающихся „сыновъ". „Сынами" донскіе казаки называютъ себя по отношенію къ Дону, который для нихъ—„*батюшка* тихій Донъ" да еще и „Ивановичъ". „Сынами" Дона назвалъ казаковъ и Пушкинъ въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ этой рѣкѣ:

Ермакъ.—Съ хромолитографіи Дрегера.

Блѣща средь полей широкихъ,
Вотъ онъ льется... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...

Выше мы сказали, что донскіе казаки подъ предводительствомъ своихъ атамановъ Павлова и Ляпуна участвовали съ войсками Грознаго въ покореніи Астраханскаго царства: это—одинъ изъ первыхъ ихъ подвиговъ въ дѣлѣ „собиранія русской земли". Подвигъ этотъ былъ оцѣненъ царемъ московскимъ, и въ 1570-мъ году, въ атаманство Михайлы Черкашенина, донскимъ казакамъ пожалована была первая *похвальная* царская грамота: это было оффиціальнымъ признаніемъ историческаго существованія войска донского какъ политической единицы.

При Грозномъ-же донскіе казаки заявили о себѣ громкимъ, ни исторически, ни политически не умирающимъ подвигомъ:—они покорили Сибирь и били челомъ этимъ царствомъ московскому царю. Покоритель Сибири былъ атаманъ Ермакъ—личность слишкомъ крупная въ исторіи Россіи и слишкомъ извѣстная, чтобы особо перечислять ея подвиги собственно въ краткомъ историческомъ очеркѣ Дона.

Послѣ Ермака въ числѣ другихъ атамановъ нѣсколько выдаются атаманы Ѳедоръ Смирной и Василій Жигулинъ, и опять-таки выдаются подвигами въ пользу московскаго государства. Въ 1591-мъ году, крымскій ханъ, во главѣ 150-тысячной орды изъ татаръ крымскихъ, азовскихъ и бѣлгородскихъ, неожиданно направился къ Москвѣ. Казаки провѣдали объ этомъ и, предводительствуемые Смирнымъ и Жигулинымъ, напали на татаръ, захватили нѣсколько плѣнныхъ и узнали отъ нихъ о намѣреніяхъ хана. Тогда Смирной и Жигулинъ немедленно отправили въ Москву, разными окольными путями, гонцовъ, извѣстили царя о грозившей Москвѣ опасности и вмѣстѣ съ собравшимися московскими ратями встрѣтили непріятеля: татары были разбиты и прогнаны, а въ исторію донского войска русскій лѣтописецъ вписалъ новый подвигъ сыновъ воинственнаго Дона.

Подобную же услугу оказали донскіе казаки Москвѣ въ 1594-мъ году, во время атаманства Прокофія Трубченина, Никиты Болдыря и Аѳанасія Савостьянова, Въ этомъ году турки изъ Азова и татары изъ Крыма предприняли походъ на московскіе украйные города, много мѣстъ разорили, захватили не мало плѣнныхъ и добычи; но на обратномъ пути

были встрѣчены казаками, разбиты и потеряли часть добычи съ 600-ми русскихъ полонянниковъ.

Въ смутное время московскаго государства донскіе казаки являются уже силою, отъ которой долгое время почти вполнѣ зависѣла участь всей русской земли. Когда царствовалъ еще Грозный и сынъ его Θеодоръ, услуги донского войска не забывались на Москвѣ: покореніе Сибири, отраженіе татаръ и постоянная сторожевая роль казака на рубежѣ—все это не могло цѣниться Москвою. И Москва, смотря сквозь пальцы иногда на крупныя „пошаливанья" „воровскихъ казаковъ" постоянно посылала на Донъ подарки—деньги, сукна, хлѣбъ, порохъ и свинецъ. Но когда на престолъ вступилъ Борисъ Годуновъ, то донскіе казаки оказались въ загонѣ: имъ не только прекращено было царское жалованье, но запрещался и въѣздъ въ московскіе предѣлы. Мало того, для охраненія московскихъ границъ отъ „воровскихъ казаковъ" Борисъ заложилъ на Донцѣ укрѣпленный городъ своего имени — Царево-Борисовъ... Эту обиду казаки и припомнили Борису въ тяжкое для него время. Когда въ Польшѣ явился невѣдомый юноша, который называлъ себя царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Грознаго, и когда на Донъ пріѣхалъ отъ него какой-то монахъ съ увѣреніемъ, что царевичъ живъ и зоветъ казаковъ къ себѣ на службу, казаки тотчасъ же рѣшили въ своемъ „войсковомъ кругу" послать 8,000 молодцовъ съ атаманами на вывѣдку — точно-ли это истинный царевичъ; а коли истинный—то добить ему челомъ всѣмъ вольнымъ Дономъ и идти добывать для него московскаго трона. Атаманами этими были Корела и Нѣжаковъ. Можно положительно сказать, что Корела съ своими казаками былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, на плечахъ котораго таинственный юноша, бродяга-претендентъ на московскій тронъ, добрался до этого трона. Кромы, взятыя Корелою и потомъ защищаемыя имъ въ теченіе всей зимы, были тою страшною преградою, о которую разбились всѣ усилія Годунова; подъ Кромами-же московское войско и присягнуло таинственному Димитрію. Подъ Кромами Корела отомстилъ Годунову за все донское войско.

Рядомъ съ Корелою на страницахъ исторіи смутнаго времени стоитъ еще болѣе яркое имя изъ числа донскихъ атамановъ. Это—Заруцкій. Въ смутахъ, слѣдовавшихъ за убіеніемъ перваго таинственнаго Димитрія, въ исторіи „тушинскаго вора", въ похожденіяхъ Марины Мнишекъ и пресловутаго „царика", наконецъ въ послѣднихъ скитаніяхъ Марины съ своимъ сынкомъ, которому тоже прочили московскую корону,—Ивашка Заруцкій, отбившійся отъ родимаго Дона и очарованный прелестями развѣнчанной польки, играетъ первенствующую роль. Но въ то время, когда Заруцкій, спасая Марину и ея сына, мечется по Поволжью, на Дону является новый атаманъ, Михайло Черпенскій, который не держитъ руку самозванцевъ, а, узнавъ объ избраніи на московское царство Михаила Θедоровича Романова, тотчасъ посылаетъ въ Москву, по старинѣ, „легковую станицу—бить государю челомъ отъ вольнаго Дона и отъ всего войска донского". Молодой царь милостиво принимаетъ „станицу", щедро жалуетъ ее всякими дарами и посылаетъ съ нею на Донъ похвальную грамоту, а московское духовенство въ такой же грамата шлетъ донцамъ благословеніе всего освященнаго собора.

Съ этого времени войско донское уже окончательно входитъ, какъ подчиненная область, въ составъ московскаго царства.

Съ окончаніемъ смутнаго времени, когда обезсиленная Москва залѣчивала недавнія раны и только думала о внутреннемъ успокоеніи, безпокойные донцы снова перенесли свои взоры на югъ и сводили старые счеты то съ ногаями, то съ азовцами, то съ крымцами. А на счетахъ этихъ было много записано за послѣднее время, за время „московскаго лихолѣтья", когда донское войско постоянно отвлекаемо было на сѣверъ, къ Москвѣ, и оставляло свой тихій Донъ открытымъ для вторженія всякихъ хищныхъ сосѣдей: такъ, за время „лихолѣтья" азовцы и крымцы не разъ вторгались въ донскіе предѣлы, грабили, разрушали и жгли ихъ городки, угоняли скотъ, уводили въ полонъ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. И вотъ донцы

начинаютъ платить сосѣдямъ по старымъ счетамъ. Мало того, что они нападаютъ на Азовъ и на Крымъ сухопутно, они, по примѣру запорожскихъ казаковъ, формулируютъ себѣ легкія флотиліи и переплываютъ черезъ Черное море, пробираются въ прекрасную и цвѣтущую Анатолію, берутъ съ боя Синопъ и Трапезонтъ и даже рыщутъ въ окрестностяхъ Цареграда. Султанъ жалуется Москвѣ на этихъ головорѣзовъ, грозитъ объявленіемъ войны московскому царству—и Москва, обезсиленная и не устроенная, боясь мщенія могущественной Турціи, объявляетъ донцамъ опалу: легковая станица, присланная на Москву съ повинною отъ Дона, держится въ Москвѣ въ заточеніи въ теченіе 1631 и 1632 годовъ. Только въ 1633 году опала эта снимается съ Дона, и потому собственно, что въ это время Москвѣ понадобилась помощь донцовъ въ походѣ московскихъ ратей подъ Смоленскъ. Донцы и здѣсь, какъ и всегда, оказываются не злопамятными по отношенію къ родной Москвѣ: они не только шлютъ свои станицы къ Смоленску для поддержки царскаго войска, но, провѣдавъ, что крымскіе и казыевскіе татары, пользуясь войною Москвы въ Литвѣ, двинулись въ московскіе предѣлы, донцы идутъ на встрѣчу татарамъ и отбиваютъ ихъ отъ украйныхъ городовъ.

1641-й годъ особенно памятенъ въ исторіи Дона. Послѣ неоднократныхъ побѣдъ, въ предшествовавшіе годы, надъ казыевскими татарами по рѣкамъ Еѣ и Кумѣ и удачныхъ поисковъ вдоль береговъ Каспійскаго моря, казаки рѣшились навсегда покончить съ хищническимъ притономъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей и, разоривъ татарскія и турецкія поселенія у Керчи и по всему черноморскому берегу отъ Анатоліи до Румеліи,—осадили Азовъ въ отмщеніе за то, что азовцы въ свою очередь пожгли донскія поселенія въ то время, когда донцы были въ отсутствіи. Какъ ни безопасно повидимому защищена была эта важная турецкая крѣпость, служившая ключомъ къ южнымъ морямъ и ко всѣмъ приморскимъ турецкимъ владѣніямъ, казаки взяли ее приступомъ, открывъ такимъ образомъ для своихъ легкихъ струговъ прямую дорогу въ Азовское и Черное море, а далѣе и къ самому Цареграду. Но донцы чувствовали, что удержать эту „укрѣпушку“ имъ не легко; они знали, что султанъ вышлетъ противъ нихъ такія силы, съ которыми одному Дону не справиться. И потому они тотчасъ же послали въ Москву легковую станицу—доложить царю о своей радости и просить подмоги войскомъ и боевыми припасами для удержанія подъ высокою царскою рукою такого важнаго города. Но Москва медлила отвѣтомъ. Она боялась вступить въ открытую борьбу съ султаномъ, хотя въ то же время очень бы желала удержать за собою ключъ къ южнымъ морямъ, ключъ, пріобрѣтеніе котораго стоило впослѣдствіи Россіи такихъ огромныхъ жертвъ и важность котораго вполнѣ могъ оцѣнить только государственный геній Петра. Для рѣшенія щекотливаго вопроса о томъ, удержать-ли за московскою державою Азовъ или возвратить опять Турціи, Москва признала необходимымъ созвать земскій соборъ. На соборѣ рѣшено было — возвратить Азовъ султану. Между тѣмъ донцы „сидѣли“ въ Азовѣ и ждали: это было то знаменитое „азовское сидѣнье“, которое стало какою-то исторической пословицею. Но донцамъ не суждено было „отсидѣться“, хотя это было не по недостатку отваги и рѣшимости съ ихъ стороны. Противъ горсти казаковъ султанъ выслалъ многочисленный флотъ и огромныя полчища турокъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, черкесовъ, волоховъ, сербовъ, арнаутовъ и грабовъ. Донцы крѣпко держались въ своемъ каменномъ гнѣздѣ, несмотря на голодъ и поражающую смертность какъ отъ непріятельскаго огня, такъ и отъ заразы, ибо трупы ихъ павшихъ товарищей остались не похороненными. „Сидѣнье“ это прославило имя атамана Петрова. Но когда отъ царя пришла грамата о сдачѣ туркамъ крѣпости — донцы повиновались.

Вторая половина XVII вѣка и начало XIX-го ознаменованы бурными событіями на Дону, которыя отразились и на всей остальной Россіи. Это были, можно сказать, послѣднія конвульсіи умирающей вольности казачества, того казачества, которое издавна носило эпитетъ „воровского“. Бурныя событія шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка группируются около имени

Стеньки Разина. Что было причиною его появленія на тихомъ Дону?—Историческая неизбѣжность, вытекавшая изъ всей суммы условій, въ которыя поставленъ былъ не только Донъ, но и все тогдашнее московское государство. Н. И. Костомаровъ съ свойственнымъ ему талантомъ объясняетъ эту историческую неизбѣжность такъ: „царствованіе Алексѣя Михайловича, особенно въ шестидесятыхъ годахъ, было чрезвычайно тяжелымъ временемъ для Россіи. Кромѣ тягостей, налагаемыхъ правительствомъ, кромѣ произвола всякаго рода начальствующихъ и обирающихъ народъ лицъ, русскіе несли на себѣ слѣдствія обременительной и дурно веденной войны съ Польшею. Побѣги—давнее, обычное средство русскихъ избавляться отъ общественной тяготы—увеличивались, несмотря на строгія распоряженія къ удержанію людей на прежнихъ мѣстахъ; умножались разбои, несмотря на то, что ловля разбойниковъ стала одной изъ главнѣйшихъ заботъ правительства. Ненависть къ боярамъ, воеводамъ, приказнымъ людямъ и богачамъ, доставлявшимъ выгоды казнѣ и самимъ себѣ,—приводила къ тому, что жители перестали смотрѣть на разбойниковъ, какъ на враговъ своей страны, лишь бы только разбойники грабили знатныхъ и богатыхъ, но не трогали бѣдняковъ и простыхъ людей; разбойникъ сталъ представляться образцомъ удали, молодечества, даже покровителемъ и мстителемъ страждущихъ и угнетенныхъ. При такомъ взглядѣ оставался уже только одинъ шагъ, чтобы разбойникъ сдѣлался главою народнаго возстанія. Толпы бѣглецовъ укрывались на Дону и тамъ усвоили себѣ понятіе о казацкомъ устройствѣ, при которомъ не было ни тягла, ни обременительныхъ поборовъ, ни ненавистныхъ воеводъ и дьяковъ, гдѣ всѣ считались равными, гдѣ власти были выборныя; казацкая вольность представлялась имъ самымъ желаннымъ образцомъ общественнаго строя. По давнему казацкому обычаю, всѣмъ давался пріютъ на тихомъ, вольномъ Дону. Бѣглецы стали тамъ называть себя казаками. Природные казаки не мѣшали имъ въ этомъ, хотя гордились передъ ними и считали себя выше ихъ; „старыхъ" природныхъ казаковъ признавало въ этомъ званіи и правительство, бѣглецовъ же именовало не иначе, какъ „воровскими казаками". Сами природные казаки, по отношенію къ своему состоянію, различались на людей домовитыхъ или богатыхъ, и на болѣе бѣдныхъ или простыхъ. Домовитые расположены были держаться исключительно своего стараго казацкаго братства, по возможности ладить съ московскимъ правительствомъ, чтобы, при его покровительствѣ, сохранять свои вольности, и чуждались бездомныхъ бѣглецовъ, которыхъ презрительно называли „голытьбою"; тѣ же, которые были побѣднѣе, готовы были, ради поживы, брататься съ этою „голытьбою" или „воровскими казаками". Но для голытьбы было мало средствъ къ жизни на Дону; естественно должно было явиться у ней желаніе вырваться

Стенька Разинъ.—Современный портретъ

Стенька Разинъ.—Современный портретъ, гравированный Фюрстомъ.

куда-нибудь для поживы; государство русское было для нея враждебно: тамъ были ея заклятые лиходѣи—служилые, приказные и богатые люди; туда рвались воровскіе казаки не только для грабежа, но и для мщенія; простой же русскій народъ былъ все-таки для нихъ роднымъ; и вотъ естественно возникла мысль: какъ было бы хорошо, если бы на Руси истребить все, что давило простой народъ, и устроить казацкую вольницу. Нужно было только человѣка, который бы соединилъ около себя всю донскую голытьбу и поднялъ ее на исполненія завѣтной думы, засѣвшей во многихъ головахъ...

,,Такой человѣкъ явился" (Русская ист. въ жизнеоп. ея глав. дѣят. II, вып 5, стр. 325—326). Это былъ Стенька—Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ. Онъ поднялъ голытьбу на Русь: онъ мстилъ за своего роднаго брата, за атамана Разина, котораго бояринъ, князь Юрій Долгорукій, въ 1665 году повѣсилъ за то, что тотъ ушелъ съ своею станицею изъ похода, когда Долгорукій не отпускалъ его, не имѣя на то никакого права, такъ какъ тогда донскіе казаки еще не присягали на вѣрность московскому правительству, и хотѣли служить—служили, по старинѣ: ,,хочу—служу, хочу—нѣтъ", а не хотѣли—никто заставить не могъ

Какіе широкіе размѣры приняло дѣло Стеньки Разина и чѣмъ оно кончилось — этого мы повторять не станемъ Добавимъ только, что когда Стенька былъ разбитъ подъ Симбирскомъ царскими войсками подъ начальствомъ князя Юрія Борятинскаго и бѣжалъ съ казаками на Донъ, то тамъ его уже окончательно добилъ атаманъ Корнило Яковлевъ и отвезъ въ Москву на казнь.

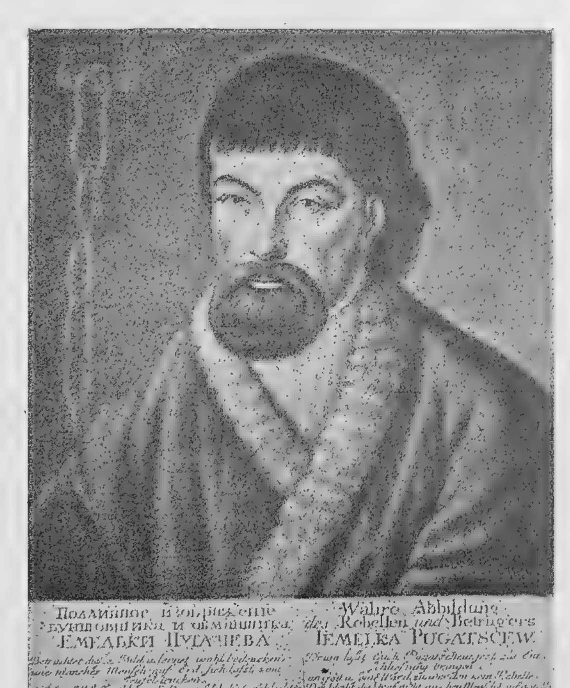
Послѣ Стеньки Разина, въ 1671 году, войско донское въ первый разъ присягнуло ,,на вѣрноподданничество" московскому царю.

Въ 1695-мъ и 1696 годахъ донскіе казаки подъ предводительствомъ самого царя Петра Алексѣевича участвовали въ завоеваніи Азова, того Азова, въ которомъ они уже ,,сидѣли" 55 лѣтъ тому назадъ.

Черезъ десять лѣтъ послѣ этого на Дону едва не повторилось дѣло Разина. Въ этой новой драмѣ главными дѣйствующими лицами являются атаманъ Кондратій Головинъ, а за нимъ—атаманъ Игнатій Некрасовъ.

Царствованіе Петра, какъ извѣстно, было еще тяжеле для народа, чѣмъ царствованіе ,,тишайшаго" родителя его Алексѣя Михайловича. Безпрерывныя войны, рекрутчина, небывалые поборы не только подушные, но и за бороду, за русское платье—заставили народъ толпами бѣжать на Донъ. Бѣглецы заселили всю подонскую и украйную землю—по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу, Битюгу. Это не могло укрыться отъ царя, и въ 1707 году онъ отправилъ на Донъ князя Юрія Долгорукова съ требованіемъ—видѣть всѣхъ скрывающихся въ землѣ донского войска бѣглецовъ. Хотя старые казаки и не показали виду, что они не довольны такимъ требованіемъ царя, нарушающимъ ихъ вѣковѣчныя права и вольности, однако недовольство было общее, и Долгорукому пришлось сложить на Дону свою голову. На Донъ пришли вѣсти, что царь хочетъ и казакамъ брить бороды, а тутъ эти вѣсти подтвердились прямымъ приказаніемъ отъ имени царя. Одинъ изъ молодыхъ атамановъ, Кондратій Булавинъ, собралъ свою станицу, напалъ на Долгорукова на рѣчкѣ Айдарѣ, перебилъ его людей и самого убилъ. Это было торжествомъ для донскихъ бѣглецовъ: городки, по которымъ, послѣ побѣды надъ Долгорукимъ, шелъ Булавинъ, встрѣчали его, какъ своего освободителя, хлѣбомъ и медомъ. Упоенный успѣхомъ и народнымъ привѣтомъ, Булавинъ задумалъ сбросить ярмо московское со всего Дона, а потомъ ,,тряхнуть и самою Москвою"—сдѣлать то, въ чемъ не успѣлъ Стенька. Но атаманъ старшинской руки, т.-е. изъ вѣрныхъ, Лукьянъ Максимовъ, напалъ на Булавина и разбилъ его. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, а молодцы его были—одни убиты въ схваткѣ, другіе пойманы и перевѣшаны всѣ за ноги. Но Булавинъ не унывалъ. Изъ своего убѣжища онъ разослалъ по всѣмъ донскимъ рѣкамъ, по городамъ и станицамъ, свои грамоты — ,,прелестныя письма": въ нихъ онъ убѣждалъ народъ стоять за

вѣру и другъ за друга противъ князей, бояръ, прибыльщиковъ и нѣмцевъ; повелѣвалъ выпускать изъ тюремъ арестантовъ; грозилъ казнью всякому, кто будетъ обижать народъ. Лукьянъ Максимовъ снова пошелъ на него, но теперь былъ самъ разбитъ. Значеніе Булавина росло. Донецъ, Хоперъ, Бузулукъ, Медвѣдица, на которыхъ уже считалось до 70-ти городковъ бѣглаго люду, поднялись на ноги. Булавинскія грамоты производили глубокое впечатлѣніе на народъ. Въ нихъ онъ, между прочимъ, упоминалъ, что царь хочетъ всѣхъ обратить въ „еллинскую вѣру"!... „Еллинская вѣра" казалась чѣмъ-то ужаснымъ. „Вѣдаете сами, молодцы, (писалъ бунтарь), какъ дѣды ваши и отцы положили и въ чемъ вы породились; прежде сего старое поле крѣпко было и держалось, а нынѣ тѣ злые люди старое поле перевели, ни во что почли, и чтобъ вамъ старое поле не истерять; а мнѣ, Булавину, запорожскіе казаки слово дали, и бѣлогородская орда и иныя орды, чтобъ быть съ вами за одно. А буде кто или которая станица тому войсковому письму будутъ противны, пополамъ верстаться не станутъ или кто въ десятки не поверстается, и тому казаку будетъ смертная казнь".



Изображеніе Пугачова въ томъ видѣ, какъ онъ содержался въ секретномъ нумерѣ, въ Пугачовской башнѣ Московскаго острога, прикованный на цѣпь.

Волненіе разросталось. Булавинъ взялъ Черкаскъ и велѣлъ отрубить головы старому атаману Лукьяну Максимову и пяти другимъ старшинамъ. Его провозгласили атаманомъ всѣхъ рѣкъ. Булавинъ, видя, что поворотъ для него уже не возможенъ, задумалъ совсѣмъ отложиться съ Дономъ отъ Москвы и искать покровительства султана, подобно тому, какъ это еще раньше дѣлали запорожцы.

Но и царь не дремалъ. Онъ послалъ на Донъ князя Василія Долгорукаго съ войскомъ и строгимъ приказомъ—все жечь, людей рубить безъ разбора, а наиболѣе виновныхъ—колесовать, четвертовать, сажать на колья. Казаки измѣнили Булавину, и онъ самъ лишилъ себя жизни.

На мѣсто Булавина явился Некрасовъ. Но и этому не повезло счастье. Долгорукій взялъ его станицу, Асауловъ городокъ, и захваченныхъ въ плѣнъ казаковъ велѣлъ четвертовать, а нѣсколько сотъ изъ нихъ повѣсилъ на висѣлицахъ, поставленныхъ на плоты — и пустилъ эти плоты по Дону. Некрасовъ, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ на Кубань съ двухтысячнымъ отрядомъ и тамъ отдался подъ власть крымскаго хана. Это-то и есть тѣ „некрасовцы", которые до послѣдняго времени жили особою русскою колоніею въ Турціи, куда они перебрались съ Кубани въ 1778 году.

Черезъ шестьдесятъ пять лѣтъ послѣ Булавина и Некрасова Донъ опять заявляетъ о себѣ на всю Россію. Изъ Зимовейской станицы выходитъ Пугачовъ и кровью тысячъ и десятковъ тысячъ жертвъ заноситъ свое страшное имя не только на страницы скромной исторіи тихаго Дона, но и далѣе еще—сплетаетъ такъ-сказать свое мужицкое имя—имя Емельки—съ именами Екатерины, Бибикова, Панинкыхъ, Державина, Суворова и Михельсона на блестящихъ внѣшнею славою страницахъ русской исторіи.

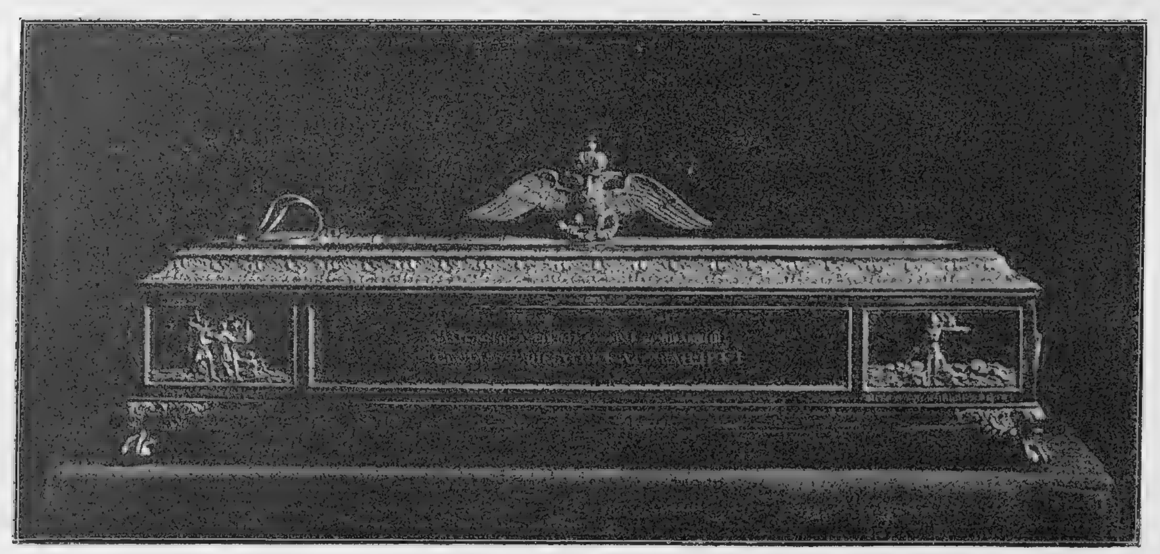
За-то на смѣну Пугачова являются на Дону люди иного закала. Краснощековъ, о кото-

ромъ до сихъ поръ сохранился въ народѣ цѣлый циклъ героическихъ пѣсенъ, не уступающихъ былинамъ Владимірова цикла; Платовъ, изъ казаковъ превращенный въ графа... Кто не помнитъ этихъ безсмертныхъ строфъ „пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ"?...

Хранилище Всемилостивѣйше пожалованныхъ грамотъ Войску Донскому.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышатъ селы!

Говоря о донскихъ войсковыхъ атаманахъ, слѣдуетъ замѣтить, что по старому казацкому обычаю, т.-е. по выбору вольными голосами всего войска атаманы назначались только до 1738 года; съ этого же времени войсковыми атаманами опредѣлялись лица по усмотрѣнію правительства. Такимъ первымъ атаманомъ не по выбору казацкому былъ Данило Ефремовъ. Послѣ него—родной сынъ,



Хранилище сабли Императора Александра I.

Степанъ Ефремовъ. Послѣ Ефремова — Алексѣй Иловайскій и т. д. Но съ 1827 года званіе войскового атамана было упразднено въ томъ смыслѣ, что съ этого года войсковымъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ считается обыкновенно государь наслѣдникъ цесаревичъ; а лицо, которому ввѣряется мѣстное войсковое управленіе, называется „наказнымъ атаманомъ": такими въ послѣднее время были—генералы: Хомутовъ, Власовъ, Потаповъ, Чертковъ.

До послѣднихъ реформъ настоящаго царствованія войско донское состояло, главнымъ образомъ, на слѣдующемъ положеніи:

Все населеніе, входившее въ войсковую территорію, т.-е. постоянное, не пришлое и не временное, дѣлилось собственно на два сословія—на „казацкое“ и на „крестьянское“. Между собой казаки различались главнымъ образомъ по заслугамъ: „простой“ казакъ могъ дослу-

Проводы казаковъ на службу. (Фотографія съ натуры).

житься и до офицера и до генерала; заслуженные казаки имѣли крестьянъ на правахъ русскаго дворянства. Какъ ни далеко стоялъ простой, бѣдный казакъ отъ богатаго помѣщика-донца, у котораго онъ могъ быть и сторожемъ и свинопасомъ, но все же онъ гордился своимъ казацкимъ происхожденіемъ и считалъ себя всегда выше не только „крестьянина“, „мужика“, но и всякаго русскаго купца — „кацапа“ или „музлапа“. Всякій ободранный казачишка, котораго мужикъ дразнилъ „чигой востропузой“, „Гармиломъ“ или „Гаврилычемъ“, который

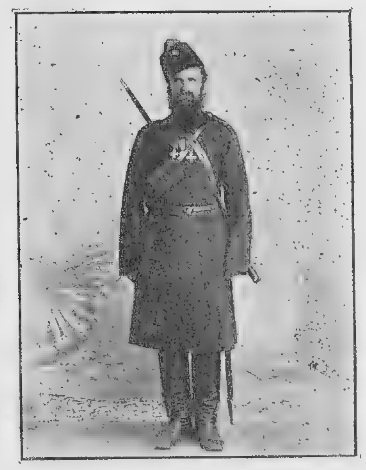
якобы по трусости постоянно норовитъ „въ камышъ" спрятаться,—всякій такой „Гаврилычъ", имѣя на плечахъ одну рваную рубаху, а на ногахъ—стоптанныя „чирики" или „поршни", а то и вовсе ничего, на головѣ же шапочку съ краснымъ или синимъ, „атаманскаго полка", околышемъ,—считалъ себя дворяниномъ природнымъ, а не выслужившимся изъ солдатъ, каковыми онъ считалъ всѣхъ дворянъ „въ Россіи". Донскіе же „крестьяне"—это большею

Донской казакъ.—Картина Э. Детайлл.

частью малороссы, давно переселившіеся на донскія земли и закрѣпленные тамъ за донскими помѣщиками — Ефремовыми, Иловайскими, Грековыми, Власовыми, Коньковыми, Астаховыми, Чернозубовыми, Себряковыми и т. д.

Въ 1835-мъ году издано было „положеніе для войска донского", и по этому положенію, согласованному отчасти съ обычнымъ казацкимъ правомъ, съ ихъ правами и обычаями, и располагался служебный казацкій modus vivendi.

Всякій казакъ отъ 17 до 20 лѣтъ считался, на служебномъ языкѣ, ,,малолѣткомъ", а потомъ—,,выросткомъ". Онъ оставался на Дону и отправлялъ станичныя повинности, которыя и назывались ,,сидѣнками". Онъ ,,сидѣлъ", по очереди, въ ,,станичной избѣ" или у другого начальства и употреблялся на службу сподручную: сходить на почту, отвезти въ другую станицу или на хуторъ казенную ,,лятучку"—это или приказъ, или письмо, или ,,лепортъ". Перешагнувъ возрастъ ,,малолѣтка", онъ уже поступалъ на дѣйствительную службу — ,,на чередъ". Для этого онъ долженъ имѣть своего коня, сѣдло, шашку, пику или ,,дротикъ", ружье и проч. У него и мундиръ долженъ быть исправный — ,,чекмень", и штаны съ красными лампасами. Но между казаками есть и бѣдные, которымъ не на что справить всего этого. И вотъ сколько слезъ бабьихъ прольется на станичномъ смотру изъ-за какихъ-нибудь неисправныхъ штановъ или кивера, проѣденнаго молью! А старики и атаманъ требуютъ, чтобъ все было исправно—и вотъ казачки и воютъ на всю станичную площадь.


Донской казакъ (Усть-Медвѣдица).

Послѣ смотра новые казаки распредѣляются начальствомъ по полкамъ, которыхъ по штату считалось: 64 полевыхъ армейскихъ, одинъ лейбъ-гвардіи казачій, ,,красный", и одинъ атаманскій—,,синій", одинъ учебный и одинъ рабочій, одна гвардейская и 13 полевыхъ конно-артиллерейскихъ баттарей. Но во время войны не стѣснялись штатами: въ поле выходилъ всякій, способный носить оружіе.

Донскіе казаки.—Рисунокъ Н. Н. Каразина.

,,Чередъ" или ,,очередная служба" состояла въ томъ, что въ обыкновенное время въ поле выходила третья часть донского войска, а двѣ трети оставались дома. Каждый казакъ долженъ былъ прослужить 25 лѣтъ; послѣ же этого срока онъ не наряжался уже въ походы за предѣлы донской земли, но все еще пять лѣтъ исполнялъ служебныя обязанности въ войскѣ, на Дону; затѣмъ уже выходилъ ,,въ чистую", и только въ такихъ случаяхъ, какъ въ 12-мъ году, обязанъ былъ снова являться въ полѣ, когда брались за оружіе и старъ и младъ.

Во владѣніи войска донского находится до 14 милліоновъ десятинъ земли. Изъ этой такъ-называемой ,,войсковой земли", на основаніи ,,положенія", нарѣзаны были ,,пожизненные" участки: генераламъ—въ размѣрѣ 1,600 десятинъ, штабъ-офицерамъ—по 400 дес., оберъ-офицерамъ—по 200, урядникамъ и рядовымъ—по 30 дес. каждому; помѣщики же надѣлены были ,,потомственными" участками въ размѣрѣ 15-ти десятинъ на каждую ревизскую душу. Кромѣ

того, на службѣ, каждый казакъ, едва выступалъ за предѣлы своей земли, получалъ отъ казны провіантъ и фуражъ, а равно жалованье и ремонтныя деньги на возобновленіе обмундированія и на покупку лошади, въ случаѣ потери ея въ походѣ.

Въ силу ,,положенія" 1835 года, войско донское подчинено двоякому управленію — военному и гражданскому. Въ военномъ отношеніи войско донское раздѣлено на четыре ,,округа", которыми и завѣдуетъ ,,войсковое дежурство"; въ гражданскомъ отношеніи войско дѣлится на семь ,,округовъ" или уѣздовъ, которыми завѣдуетъ ,,войсковое правленіе"—то-же, что въ русскихъ губерніяхъ ,,губернское правленіе". Впрочемъ, съ того времени, какъ ,,земля войска донского" переименована въ ,,область", и ,,войсковое правленіе" стало именоваться ,,областнымъ". Всею областью въ военномъ и гражданскомъ отношеніи управляетъ войсковой наказный атаманъ съ правами власти: по военной части—командира отдѣльнаго корпуса, по гражданской—генералъ-губернатора.

Вмѣсто старинныхъ правъ выбора войсковыхъ атамановъ, донцамъ предоставленъ выборъ чиновниковъ во всѣ войсковыя должности, какъ по военной части, такъ и по гражданской: это то, что въ русскихъ губерніяхъ составляетъ кругъ вѣдѣнія дворянскихъ собраній. Что касается рядовыхъ казаковъ, то они сами выбираютъ своихъ ,,станичныхъ атамановъ". По старинному обычаю, атаману вручается стариками и внѣшній знакъ атаманской власти—,,насѣка", палка съ набалдашникомъ или историческая атаманская булава. Казаки избираютъ также станичныхъ судей и другихъ должныхъ станичныхъ лицъ, вѣдающихъ мѣстнымъ судомъ и расправой и учитывающихъ въ сборѣ и контролированіи станичныхъ общественныхъ суммъ.

Мальчики-казаки.

На правахъ казаковъ съ конца прошлаго столѣтія состоятъ и калмыки буддійскаго исповѣданія, въ числѣ 20-ти тысячъ душъ обоего пола. Они кочуютъ по обширнымъ степямъ лѣваго Задонья, по теченію Маныча, гдѣ и пасутся ихъ конскіе табуны и стада овецъ. Изъ нихъ бываютъ въ войскѣ отличные наѣздники.

Таково въ общихъ чертахъ было устройство войска донского по положенію 1835 года. Но реформы царствованія Императора Александра II не обошли и Донъ. Такъ, крестьянская реформа примѣнена была и къ помѣщичьимъ крестьянамъ войска донского: они освобождены отъ крѣпостной зависимости и получили земельные надѣлы. Въ войскѣ донскомъ введены и мировыя учрежденія. Затѣмъ открыты окружные суды въ Новочеркаскѣ и въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ.

Хотя въ войскѣ донскомъ введены и земскія учрежденія, но они еще не прочно установились въ краѣ. Какъ извѣстно, многія изъ казацкихъ обществъ выразили протестъ противъ земскаго дѣла и даже отказались выбирать гласныхъ. Поводомъ къ этому, сколько можно судить по разсказамъ казаковъ, послужили нѣкоторыя недоразумѣнія, а главнымъ образомъ то, что казаки, при всѣхъ тягостяхъ обязательной для нихъ военной службы, находятъ земскіе налоги слишкомъ обременительными.

Уставъ о всеобщей воинской повинности примѣненъ также и къ войску донскому. Теперь

въ этомъ войскѣ считается: 2 полка гвардейскихъ, 60 армейскихъ конныхъ казачьихъ, 1 гвардейская и 21 армейская конно-артиллерійскія батареи. Полки учебный и рабочій упразднены. Кромѣ поименованныхъ полковъ, остальное казачье населеніе—болѣе 380 тысячъ мужского пола—составляетъ запасный контингентъ на случай военныхъ надобностей и для защиты государства, а также содержитъ мѣстные караулы, разъѣзды и посты.

Помимо правительственныхъ реформъ и нововведеній, самое время вызываетъ къ жизни лучшія силы страны. Нѣкогда дикій тихій Донъ закипаетъ живою дѣятельностью. Упомянемъ о томъ, что дѣлаетъ Донъ для образованія своихъ „сыновъ" и „дочерей". Въ войскѣ донскомъ, по статистическимъ свѣдѣніямъ 1898 года, есть 1402 учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ 43 среднихъ учебныхъ, 1250 начальныхъ и церковно-приходскихъ училищъ. Учащихся было 78,639 чел. Есть въ Новочеркаскѣ и институтъ для дѣвицъ, и „урядничье училище",

Станичный сборъ въ Цымлянской станицѣ З. В. Д.

донская семинарія и 2 духовныхъ училища. Конечно, всего этого еще мало; но недавно почти и ничего не было—ни одной гимназіи на все войско, на цѣлую страну... Пишущій это, въ дѣтствѣ обучавшійся на Дону, долженъ былъ, въ 1844 году, для продолженія своего образованія искать гимназіи—на Волгѣ, въ Саратовѣ...

Прежде не легко было достать на Дону книгу или газету; а теперь Новочеркаскъ, по числу получаемыхъ имъ изъ Петербурга произведеній періодической печати, стоитъ въ ряду первыхъ десяти провинціальныхъ городовъ; выше его стоятъ: Вильна, Казань, Кишиневъ, Кіевъ, Нижній, Одесса, Орелъ, Тула, Харьковъ и Ярославль. Саратовъ—эта „столица Поволжья"—стоитъ ниже Новочеркаска: Волга отстаетъ отъ Дона, поволжане не могутъ угоняться за казаками..

Весь строй жизни на Дону представляетъ рѣзкія отличія отъ всего, что вы видите въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, даже ближайшихъ къ донской области. Многовѣковое своеобразное теченіе этой жизни наложило печать и на внѣшнюю обстановку края и на характеръ его

населенія. Станицы казачьи и теперь не отличаются признаками благосостоянія. Богатства и даже довольства не видать, потому что все взрослое мужское населеніе постоянно отвлекается отъ домашней работы. А старикамъ, отмахавшимъ „въ полѣ", на разныхъ разъѣздахъ да караулахъ, то на Кавказѣ, то въ Польшѣ, то на границахъ, то, наконецъ, въ Петербургѣ,—отмахавшимъ, повторяемъ, десятки лѣтъ на сѣдлѣ да съ пикой въ рукахъ—не до работы. Ребятишки-казачата тоже глядятъ вонъ изъ родного гнѣзда: каждый изъ нихъ съ пеленокъ излюбилъ какого-нибудь меренка и знаетъ, что всю жизнь маячить ему не съ семьей, а съ этимъ меренкомъ—и ему тоже не до работы. Остается работникомъ только казачка. За то и лѣтомъ вы увидите ее, загорѣлую, съ будущимъ „атаманцемъ" на рукахъ, въ полѣ за полосой не сжатаго хлѣба; и зимой, въ мятель и вьюгу, она, въ суконныхъ штанахъ, тащится на дровняхъ на степь за сѣномъ или въ лѣсъ за валежникомъ, а то и верхомъ на меренкѣ потрухиваетъ куда-нибудь за дѣломъ и, сидя на сѣдлѣ по-казацки, а то и безъ сѣдла, вяжетъ чулокъ. Такая жизнь—не союзница женской красотѣ. Оттого только дѣвочку иногда вы встрѣтите на Дону хорошенькую: это южное солнце и степное приволье влили огонь въ ея молодую кровь и зажгли свѣтъ въ ея черненькихъ глазкахъ. Но это не надолго—тяжелая жизнь все это скоро отниметъ: жениха ея угонятъ въ чужую сторону, отъ отца давно вѣсточки не доходитъ, а то еще и того хуже—придетъ отъ него вѣсточка-письмо, эта страшная „лятучка", а въ ней „прописана *строка черная*"—это смерть...

Дворъ бѣднаго казака. (Фотографія съ натуры).

Рѣдко вы услышите на Дону и веселую, беззаботную пѣсню—рѣже чѣмъ въ Россіи. Да и нѣтъ почти на Дону своей пѣсни, по крайней мѣрѣ пѣсенный циклъ Дона не великъ. Поетъ казакъ иногда русскую пѣсню, а чаще взвизгиваетъ свою походную:

От Парижа до Москвы
Самъ, Государь, намъ прикажи:
Охъ, вы, слуги, мои слуги,
Вы, донскіе казаки,
Отслужите службу вѣрну и т. д.

Богатый казакъ со своимъ семействомъ. (Фотографія съ натуры).

Одежда казачки большею частью темная, точно траурная: это—черный „кубилекъ". Головной уборъ — платокъ, и больше никакихъ притязаній на щегольство. Только въ послѣднее время начинаетъ появляться пестрота въ нарядахъ, какъ вліяніе московской топорной цивилизаціи.

Все это мы говоримъ о „простыхъ" казакахъ, о народѣ. Помѣщикъ же донской—такой же помѣщикъ, какъ и русскій; образованная и богатая дончиха—и въ Парижѣ не уступитъ парижанкѣ.

Относительно общаго уровня развитія мѣстнаго населенія и причинъ недостаточности въ немъ экономическаго довольства мы находимъ довольно вѣрный отзывъ въ „Очеркахъ Дона" г. Гамалицкаго, который говоритъ: „Въ противность ходячему мнѣнію объ низкомъ уровнѣ развитія казаковъ, насколько я могъ убѣдиться изъ личнаго наблюденія, казаки не только не ниже въ этомъ отношеніи великорусскаго крестьянина, но даже выше. Число грамотныхъ у нихъ значительно больше, нежели въ средѣ крестьянъ, такъ что безграмотные между казаками составляютъ меньшинство, а между крестьянами—значительное большинство. Смѣтливость и природныя способности населенія могли бы развить край до значительной степени благосостоянія, если бы не долговременная военная служба, обязательная для всего мужского населенія.

Деревенская молодежь Цымлянской станицы. (Фотографія съ натуры).

Дурныя стороны ея, кромѣ тяжелыхъ расходовъ для каждаго отдѣльнаго хозяйства, при снаряженіи и обмундированіи членовъ семьи на службу составляющихъ не менѣе 150 рублей на каждаго казака, заключаются еще во вредѣ, происходящемъ оттого, что на службѣ казаки утрачиваютъ привычку къ земледѣльческому труду и пріобрѣтаютъ привычки, свойственныя праздной походной жизни".

Вообще нельзя не придти къ заключенію, что самое казачество, какъ извѣстная стадія историческаго хода общества, представляется одною изъ вымирающихъ формъ жизни, и чѣмъ скорѣе совершится полное вымираніе, тѣмъ лучше, ибо—говоря словами поэта—„исторія не ждетъ". Поэтому для насъ не понятны сѣтованія Кукольника, который обращается къ Дону съ слѣдующею странною рѣчью:

Здорово, Донъ сѣдой! Здорово, Донъ унылый!
Какъ родина моя, ты мнѣ сталъ святъ и милъ;

Я полюбилъ тебя со всей казацкой силой;
Печали всѣ твои къ душѣ своей привилъ...
Казацкая была страшна когда-то сила:
Донскими лодками ты пѣнилъ Черный Понтъ,
И кланялись тебѣ Азовъ и Трапезонтъ...
Но ты разбогатѣлъ, и зависть страхъ смѣнила...
И сочнымъ гроздіемъ, и рыбой, и виномъ,
И углемъ каменнымъ, и солью, и скотомъ
Богатъ ты, старый царь азовскаго поморья!..
Богатъ... а самъ въ нуждѣ...
Тебѣ одна бѣда предшествуетъ бѣдѣ...
Какъ трупъ въ степи лежишь...
Какъ у младенца спитъ твоя простая совѣсть...
Бредешь ты нищенкой и про себя ворчишь
Геройскихъ дѣлъ и бѣдъ страдальческую повѣсть...
Я вслушался въ нее; она вездѣ со мной;
Несу ее въ себѣ, и донесу къ потомкамъ...
Всплесни же, старый Донъ, могучею волной;
Благословенье дай казачества обломкамъ...
Вѣдь ты—предъ смертію, твой часъ послѣдній бьетъ,
И твой свершается предѣлъ, его никто же не прейдетъ...

Намъ кажется, что нечего плакать о томъ, что исторически отживаетъ. Если съ той поры, какъ было написано это стихотвореніе (1847 г.), на Дону явились и гимназіи, и прогимназіи, и своя печать, о чемъ прежде тамъ и помину не было, то это значитъ скорѣе, что умираетъ старый, дикій Донъ, а нарождается новый, съ зарею новой, лучшей жизни.

Д. Л. Мордовцевъ.

ОЧЕРКЪ III.

НОВОЧЕРКАСКЪ И СТАНИЦЫ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Достопримѣчательности Новочеркаска.—Станицы Усть-Медвѣдицкая, Аксайская и др.

Дѣла ихъ (донцовъ) слава оглашаетъ,
Побѣдный лавръ вѣнчаетъ ихъ;
Привѣтъ, почетъ ихъ ожидаетъ
На родинѣ, въ кругу своихъ.

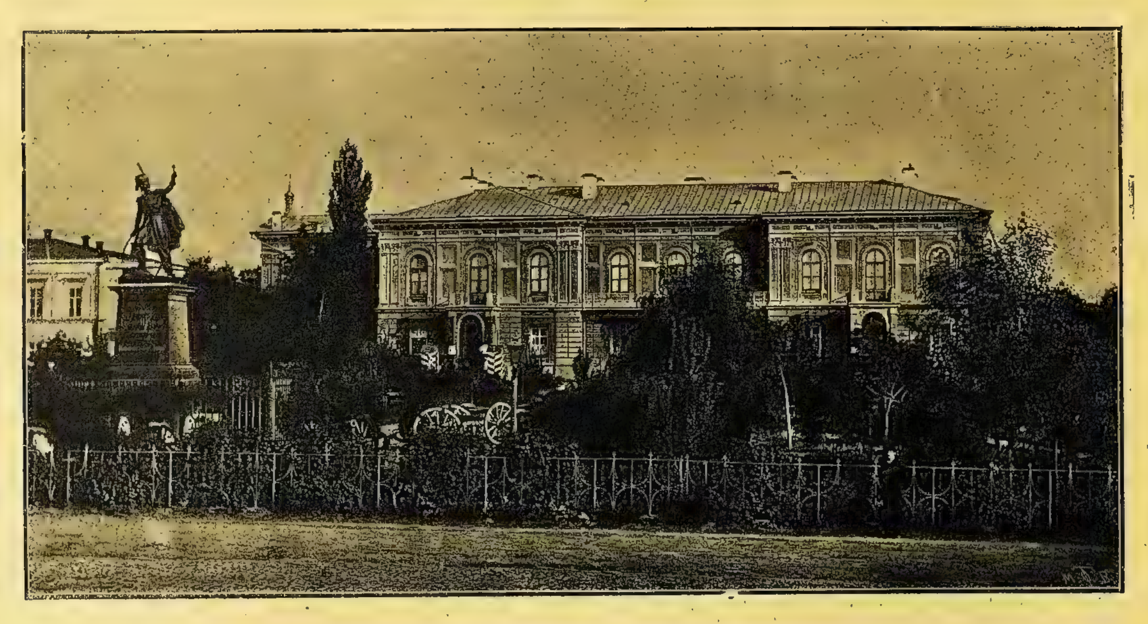
ОНСКАЯ область—не богата городами. Новочеркаскъ — единственный городъ въ области. Всѣ остальныя поселенія на Дону называются „станицами“, если они населены казаками, и „слободами“—когда населены не казаками.

Новочеркаскъ считается главнымъ областнымъ городомъ, хотя заселенъ онъ недавно, именно въ атаманство графа Платова, о чемъ было упомянуто выше. Городъ этотъ расположенъ на правомъ, возвышенномъ берегу Дона и омывается съ двухъ сторонъ небольшими притоками этой послѣдней рѣки — Тузловомъ и Аксаемъ. Въ настоящее время берегомъ Дона, мимо города проходитъ линія козлово-воронежско-ростовской желѣзной дороги, замѣнившая собою прежнюю грунтовую дорогу въ Новочеркаскъ, дорогу, которая съ сѣвера проходила каменною дамбою, устроенною для защиты пути отъ весеннихъ водъ Тузлова, и усаженною вербами аллеею вела къ самому въѣзду въ городъ. При самомъ этомъ въѣздѣ стоятъ старинныя тріумфальныя ворота, сооруженныя еще графомъ Платовымъ въ 1817 году для встрѣчи императора Александра I. До послѣдняго времени наверху воротъ видна была надпись, гласившая:

Г. Новочеркаскъ. Чугунный мостъ черезъ р. Тузловъ.

Объемлемы восторгомъ радости сердца
Текутъ во срѣтенье монарха и отца.
Днесь Александръ ту-жъ милость намъ явилъ,
Которую Великій Петръ благоволилъ.

Ворота хорошо видны и изъ вагона во время слѣдованія поѣзда желѣзной дороги. То, что написано на воротахъ, нельзя понимать буквально: Петръ I не былъ въ Новочеркаскѣ,



Г. Новочеркаскъ. Атаманскій дворецъ и памятникъ графу Платову.

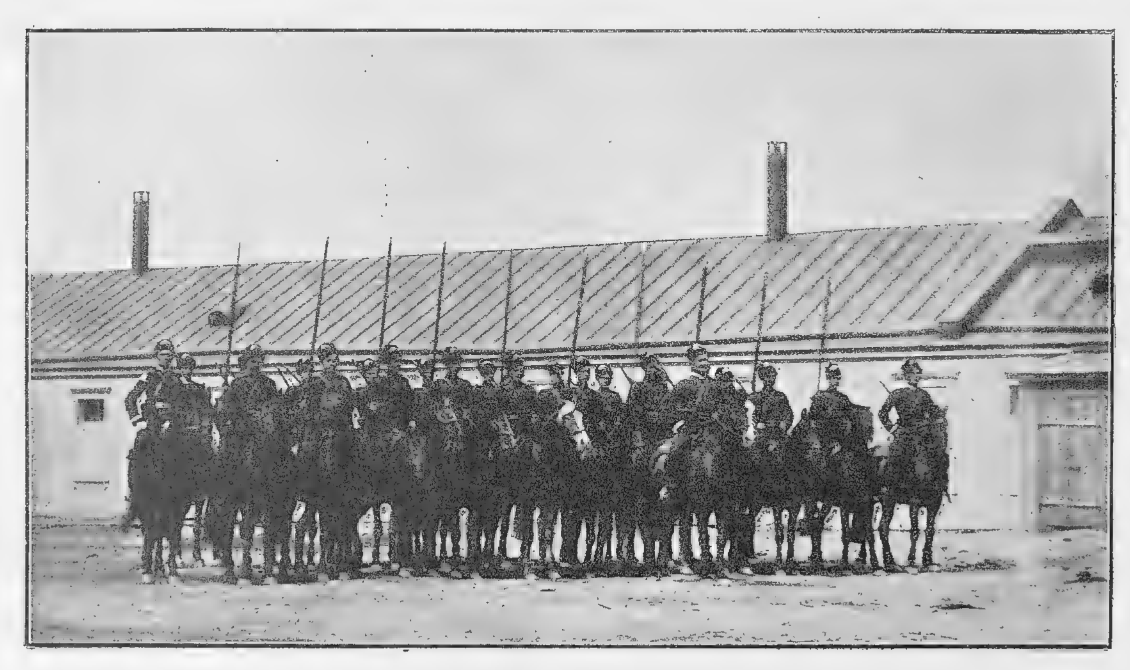
Г. Новочеркаскъ. Петербургская улица.

Г. Новочеркаскъ. Московская улица съ южной стороны.

Г. Новочеркаскъ. Видъ съ Атаманскаго дворца.

потому что въ то время городъ этотъ еще не существовалъ; а молодой царь останавливался въ старомъ Черкаскѣ, когда совершалъ извѣстный азовскій походъ.

Какъ и всѣ поселенія донской области, Новочеркаскъ не многолюденъ. Въ немъ насчитываютъ теперь за 50 тысячъ жителей, хотя въ этомъ числѣ показываются и тѣ обыватели



Г. Новочеркаскъ. Взводъ юнкеровъ.

Черкаска, которые не всегда живутъ въ немъ, а находятся или на хуторахъ, въ своихъ имѣніяхъ, или же вообще принадлежатъ къ новочеркаскому „юрту". По внѣшности Черкаскъ (такъ его называютъ, для краткости, вмѣсто Новочеркаска) мало чѣмъ отличается отъ лучшихъ великорусскихъ уѣздныхъ или средней руки губернскихъ городовъ. Какъ городъ сравнительно новый, онъ имѣетъ мало церквей, и этимъ нѣсколько отличается отъ многоцерковныхъ городовъ центральной Руси. По причинѣ этой новизны въ немъ и улицы, конечно главныя, и широки и прямы, какъ напр. улица Московская и проспекты Ермаковскій и Платовскій, названные такъ въ память славныхъ историческихъ донцовъ. Проспекты эти сходятся на главной или соборной площади, которую украшаютъ дома войскового дворянскаго собранія, архіерейскій и др.

Г. Новочеркаскъ. Донской музей.

Если бы путешественникъ вздумалъ искать въ Новочеркаскѣ какія-либо достопримѣчательности, то онъ не нашелъ бы ихъ: тріумфальныя ворота, о которыхъ сказано выше, атаманскій домъ на площади, городской садъ съ длинною аллеею, устроенный атаманомъ Хомутовымъ—вотъ и всѣ внѣшнія достопримѣчательности. Но въ немъ есть достопримѣчательности такъ-сказать внутреннія: это—войсковые клейноды или регаліи, пожалованныя

Домъ Дворянскаго собранія.
Маріинская Донская женская гимназія.
Тріумфальныя ворота, построенныя въ честь Императора Александра I.

Садъ въ Атаманскомъ дворцѣ.
Общій видъ города съ западной стороны.
Дворцовая улица.
Платовскій проспектъ.

ВИДЫ Г. НОВОЧЕРКАСКА.

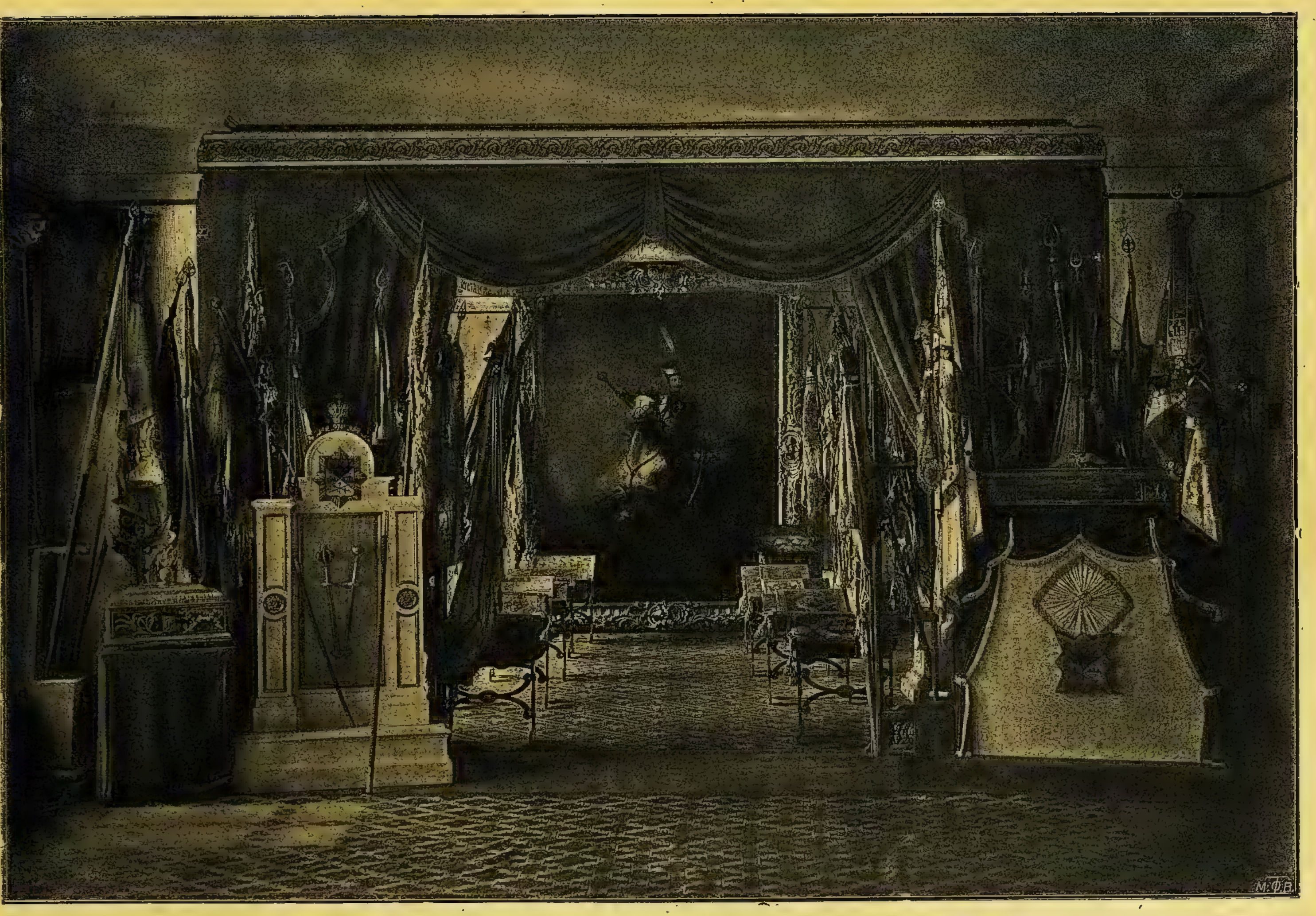
донцамъ за ихъ вѣрную службу Россіи. Регаліи эти хранятся въ зданіи войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ. Онѣ состоятъ изъ похвальныхъ царскихъ граматъ, жалованныхъ на войско знаменъ, почетнаго оружія и проч.

Г. Новочеркаскъ. Войсковой арсеналъ.

Граматы хранятся въ серебряномъ ковчегѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями. Первая изъ похвальныхъ граматъ, полученныхъ донскими казаками, принадлежитъ царю Ивану Ва-

Г. Новочеркаскъ. Общій видъ желѣзной дороги

сильевичу Грозному. Слѣдующія три граматы пожалованы имъ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Дону нѣсколько граматъ и одно знамя; царь Алексѣй Михайловичъ—два знамени; Ѳедоръ Алексѣевичъ—одно. Петръ пожаловалъ войску донскому войсковую печать, насѣку, перначъ, бунчукъ, два знамени всему войску и тридцать шесть



Г. Новочеркаскъ. Присутствіе Областного Правленія. Знамена и граматы, дарованныя Войску Донскому.

станичныхъ знаменъ съ четырьмя походными бунчуками. Въ царствованіе императрицы Анны донцамъ пожалованы два знамени, императрицы Елизаветы—тоже два, Екатерины—четыре (донцы тогда прославились въ войнахъ съ Турціею и при подавленіи Пугачовщины); императоромъ Павломъ пожаловано одно знамя. Особенныя же милости посыпались на донцовъ въ царствованіе императора Александра I: въ это время, особенно въ войны 12—15 годовъ, имя донскихъ казаковъ гремѣло по всему свѣту; объ нихъ разсказывались невѣроятные подвиги; имя Платова стало какимъ-то легендарнымъ и о подвигахъ его слагались пѣсни, которыя и теперь ходятъ въ народѣ, особенно та пѣсня, гдѣ говорится, что Платовъ нарядился купцомъ и пріѣхалъ къ Наполеону въ гости; Наполеонъ сталъ разспрашивать его о „Платовѣ—казакѣ"—что какъ-бы-де онъ желалъ повидать такого храбреца; храбрецъ отвѣчалъ, что онъ похожъ на него „какъ братецъ родной"; Наполеонъ сказалъ, что онъ непремѣнно поймаетъ его, а Платовъ, сѣвъ на коня, посмѣялся надъ простачкомъ французомъ, говоря:

Эхъ, ворона ты, ворона, загуменная карга,
Не поймавши ты ясна сокола, да сталъ перушки щипать...

Г. Новочеркаскъ. Памятникъ графу Платову.

За всѣ эти подвиги донцовъ императоръ Александръ I пожаловалъ имъ—два знамени всему войску, одиннадцать георгіевскихъ знаменъ и штандартовъ—въ казацкіе полки. Наконецъ Николай Павловичъ пожаловалъ донцамъ саблю императора Александра I, которая и хранится нынѣ въ серебряномъ ковчегѣ; онъ же пожаловалъ имъ два знамени войсковыхъ и пятнадцать полковыхъ. По поводу пожалованія имъ за венгерскую кампанію грамоты и георгіевскаго знамени, однимъ донскимъ поэтомъ сочинена была кантата слѣдующаго восторженно патріотическаго содержанія (на возвращеніе донцовъ съ войны):

Дѣла ихъ (донцовъ) слава оглашаетъ,
Побѣдный лавръ вѣнчаетъ ихъ;
Привѣтъ, почетъ ихъ ожидаетъ
На родинѣ, въ кругу своихъ.
И въ тѣхъ рядахъ, въ рядахъ героевъ,
Идутъ безстрашные донцы,
Являвшіесь (sic) средь жаркихъ боевъ,
Какими были ихъ отцы.
Донцы идутъ, и Донъ пируетъ,
Съ восторгомъ ждетъ своихъ сыновъ,
Отъ царской милости ликуетъ
И за царя въ огонь готовъ.
Казакъ, казачка, старъ и младъ
Предѣловъ радости не знаютъ,
И, снесши въ кругъ регалій рядъ,
На знамя новое взираютъ...

Усть-Медвѣдица. Соборъ женскаго Преображенскаго монастыря.

Не складно, какъ говорится, да жалостно...

Тамъ же, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, въ „войсковомъ штабѣ", который прежде назывался „войсковымъ дежурствомъ", развѣшены портреты всѣхъ войсковыхъ, а потомъ

наказныхъ атамановъ, т. е. уже тѣхъ только, которыхъ начало назначать на Донъ правительство (съ 1738 года), а не тѣхъ, коихъ избирало само войско. Такъ красуются тамъ пор-

Видъ около Новочеркаска (съ акварели Фрикке).

треты: атамановъ—Данилы Ефремова, Степана Ефремова и Алексѣя Иловайскаго. Эти три атамана изображены въ старинныхъ, прошлаго вѣка, парчевыхъ кафтанахъ или „чекменяхъ", съ широкими золотыми поясами и съ медалями на андреевской лентѣ. Въ рукѣ у каждаго—атаманская булава или „насѣка". Всѣ остальные, слѣдующіе за ними атаманы одѣты уже въ обыкновенные генеральскіе мундиры.

Къ числу достопримѣчательностей Новочеркаска принадлежитъ и памятникъ Платову. Онъ воздвигнутъ въ 1853 году и помѣщенъ противъ атаманскаго дворца. Памятникъ изображаетъ казацкаго героя въ буркѣ, съ гетманскою булавою въ одной рукѣ и съ обнаженною саблею въ другой. Онъ идетъ во главѣ донцовъ на вступившаго въ предѣлы Россіи непріятеля.

Видъ улицы въ Кумшацкой станицѣ.

Говоря о другихъ станицахъ донской области, мы должны замѣтить, что лучшія и многолюднѣйшія изъ нихъ находятся большею частью въ сторонѣ отъ пролегающаго черезъ этотъ край рельсоваго пути. Къ такимъ станицамъ принадлежатъ: Усть-Медвѣдицкая, Казанская, Распопинская и нѣкоторыя другія. Одна Каменская находится у самой линіи желѣзной дороги. Эта станица по внѣшности и по величинѣ ничѣмъ почти не отличается отъ великорусскихъ уѣздныхъ городовъ съ населеніемъ отъ 10-ти до 11-ти тысячъ обоего пола. Нѣсколько каменныхъ съ

Станица Кумшацкая на Дону.

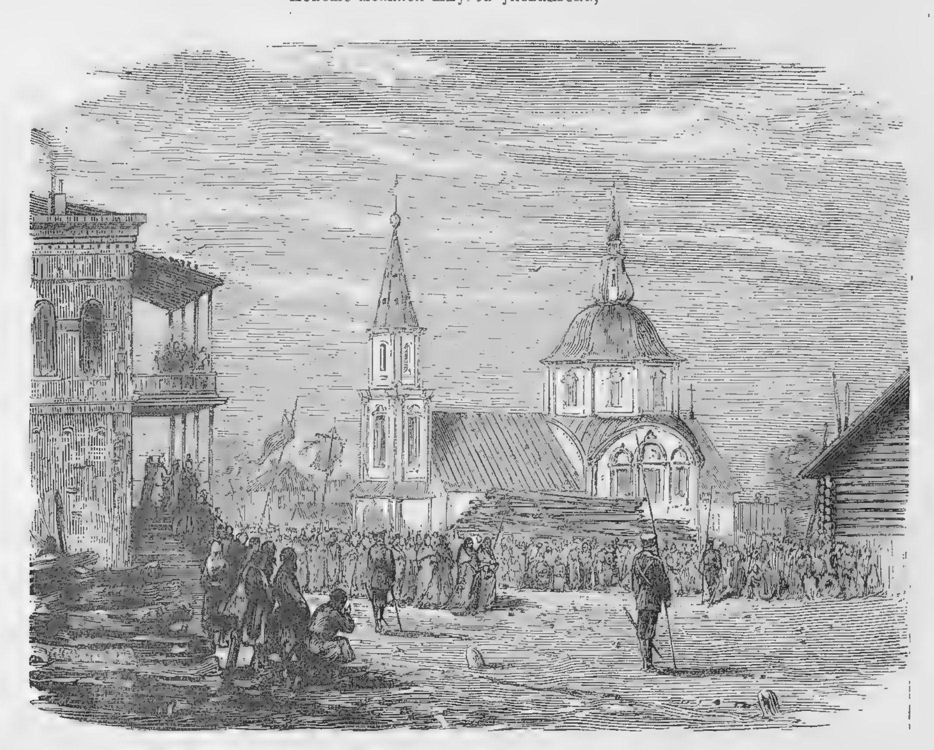
зелеными крышами домовъ среди сотенъ деревянныхъ съ соломенными и камышевыми крышами; такіе же торговые ряды и лавочки, только въ меньшемъ размѣрѣ и та же патріархальность жизни. Только внѣшній видъ мужского населенія напоминаетъ вамъ, что вы не въ уѣздномъ городѣ и не въ селѣ: красныя и съ красными околышами фуражки не только на

Видъ центральной части станицы Усть-Медвѣдицкой (Фотографія Е. В. Полякова).

старыхъ и молодыхъ казакахъ, но и на дѣтяхъ—это казачаты въ родительскихъ или въ своихъ форменныхъ шапкахъ; красные лампасы на штанахъ; чаще попадаются конные на улицахъ и у водопоя.

Такою же смотритъ и Усть-Медвѣдицкая станица, расположенная на правомъ берегу Дона, нѣсколько верстъ ниже впаденія въ него Медвѣдицы. Усть-Медвѣдица—это одинъ изъ интеллигентныхъ центровъ донской земли: тутъ есть и среднія учебныя заведенія и окружной судъ. Въ Усть-Медвѣдицѣ покажутъ вамъ могилу одного изъ бывшихъ войсковыхъ атамановъ, генерала Власова, умершаго въ 1848 году. Надпись на колоннѣ изъ чернаго гранита гласитъ о покойномъ атаманѣ:

Заутра услышитъ гласъ твой Господь,
Понеже молился Ему съ упованьемъ,



Аксай на Дону.—Оригинальный рисунокъ Ф. де-Гаанена.

Понеже стремился къ нему и мечтаньемъ,
И чувствами сердца, и сердца желаньемъ.
Воздастъ тебѣ Богъ, на небѣ, сторицей,
За добрую душу твою;
За то, что дѣлилъ ты съ убогимъ, съ вдовицей
Послѣднюю лепту свою;
За то, что страдальцамъ ты былъ утѣшенье,
Ихъ вѣрный помощникъ, защитникъ, отецъ;
И, слѣдуя твердо стезею спасенья,
Стяжалъ ты нетлѣнный, небесный вѣнецъ.

Эпитафія эта потому имѣетъ вышеприведенное начало—„заутра“, что, по преданію, сохранившемуся въ станицѣ, умирающій атаманъ шепталъ послѣднюю молитву: „Заутра услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой!“

Въ весенье половодье, когда разлившійся Донъ затопляетъ песчаную косу, отдѣляющую станицу отъ рѣки, видъ на Усть-Медвѣдицу изъ-за Дона очень красивъ.

Въ историческомъ отношенiи могутъ быть упомянуты двѣ станицы—Романовская и Потемкинская: первая изъ нихъ основана въ память поимки казаками своего „вора" Ивашки Заруц-

Нижночирская станица Земли Войска Донского.

каго съ „Маришкою-прелестницею" и названа такъ въ честь дома Романовыхъ; вторая была когда-то Зимовейскою станицею, но переименована въ Потемкинскую потому, что Зимовейская напоминала Дону Емельку Пугачова, родившагося въ этой станицѣ.

Цымлянская станица.

Станицы Кумшатская и Семиостровская, лежащiя въ низовыхъ Дона, обращаютъ на себя вниманiе картинностью своихъ мѣстоположенiй; но онѣ сами по себѣ такiя же бѣдныя селенiя, какъ большинство великорусскихъ селенiй средней руки.

Станица Аксайская, стоящая на правомъ берегу Дона ниже Новочеркаска, могла бы имѣть блестящее будущее и уже теперь играла бы завидную роль въ ряду самыхъ богатыхъ торговыхъ центровъ Россіи, если бы не неблагопріятныя условія, выпавшія на долю донцовъ вообще вслѣдствіе ихъ исключительнаго положенія въ государствѣ. Аксайская станица—это старшая сестра Ростова, говоря иносказательно. Дѣло въ томъ, что вся обширная торговля Ростова, какъ узла, связывающаго производительную жизнь цѣлой половины южной и восточной Россіи съ Европою и частью съ Азіею,—имѣла свой зародышъ въ Аксайской станицѣ; но потомъ Ростовъ все перетянулъ къ себѣ, потому что аксайцы не умѣли и не могли дать торговлѣ и ея факторамъ того, что для этого нужно—ни пристани устроенной, ни мѣстъ для складовъ,

Старый Черкаскъ.

ни торговыхъ помѣщеній. И вотъ теперь Ростовъ ширится и богатѣетъ; онъ непосредственно сносится со всѣми рынками Европы; а Аксай—прозябаетъ.

О Старомъ Черкаскѣ, бѣдной и заброшенной станицѣ, можно сказать только то, что по его улицамъ ходилъ когда то Петръ I, а теперь забывается на Дону даже и та историческая пѣсня, въ которой упоминается Черкаскъ, какъ столица вольнаго, тихаго Дона:

Какъ у насъ на Дону, во Черкаскомъ городу,
Собирались казаченьки во единъ кругъ...

Теперь и „кругъ“ казацкій превратился въ то, что въ русскихъ деревняхъ называютъ „сходомъ“.

Единственная станица, которая играетъ значительную роль въ экономической жизни Дона, собственно сѣверовосточной половины донской области,—это станица Урюпинская. Она давно извѣстна была своею ярмаркой. Урюпино—это экономическій узелъ, связывающій производительность сѣверовосточной половины донской земли съ торговыми центрами средней Россіи. Въ этихъ видахъ найдено было полезнымъ связать Урюпинскую станицу желѣзнодорожною вѣтвью съ Грязо-царицынскою желѣзною дорогою, а черезъ это—съ Москвою, даже съ Ригою и другими портами балтійскаго поморья.

Д. Л. Мордовцевъ.

ОЧЕРКЪ IV.

ДОНЕЦКІЙ КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ БАССЕЙНЪ.

Геологическое строеніе Донской земли и ея минеральныя богатства.—Антрацитъ, каменный уголь и желѣзная руда. — Донскія копи и заводы. — Штейгерскія школы. — Число рабочихъ, занимающихся горнымъ промысломъ. — Пути сообщенія для перевозки каменнаго угля. — Ихъ недостатокъ.

«Сей минералъ (каменный уголь) если не намъ, то потомкамъ нашимъ будетъ весьма полезенъ».
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

СЛОВА, поставленныя эпиграфомъ, были сказаны Петромъ Великимъ болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ, когда ему предъявили кусочки каменнаго угля, впервые найденные въ Донецкомъ краѣ мѣстными жителями. Великій государь, видѣвшій уже это топливо во время поѣздки за границу, болѣе предчувствовалъ, чѣмъ сознавалъ его пользу. Но, еслибъ мы желали примѣнить эту фразу въ настоящее время, то пришлось-бы замѣнить въ ней слово „полезенъ" словомъ „необходимъ". Въ самомъ дѣлѣ, трудно теперь найти матеріалъ, имѣющій болѣе обширное примѣненіе въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ промышленности, чѣмъ каменный уголь. Онъ, въ видѣ топлива, согрѣваетъ наши жилища; онъ-же, въ видѣ свѣтильнаго газа, распространяетъ намъ пріятный свѣтъ на улицахъ. Не онъ-ли двигаетъ наши локомотивы и пароходы, безъ которыхъ промышленность никогда бы не достигла той степени развитія, на которой она находится теперь. Безъ угля почти невозможна была-бы выплавка металловъ изъ рудъ, и ни одно желѣзодѣлательное производство не можетъ обойтись безъ него. Употребляемый для отопленія машинъ, все тотъ-же уголь производитъ и силу, которая заставляетъ двигаться на фабрикахъ и заводахъ безконечно разнообразные станки и способствуетъ выдѣлкѣ различныхъ тканей, матерій и проч.

Въ виду обширной области примѣненія, мы вправѣ считать каменный уголь основаніемъ промышленности и народнаго богатства вообще. Геологи называютъ „каменноугольнымъ" тотъ отдаленный періодъ, къ которому относится образованіе залежей угля въ природѣ; но съ неменьшимъ основаніемъ можно было-бы назвать тѣмъ-же именемъ и нашъ вѣкъ, потребляющій ежегодно болѣе 15 милліардовъ пудовъ этого матеріала на земномъ шарѣ.

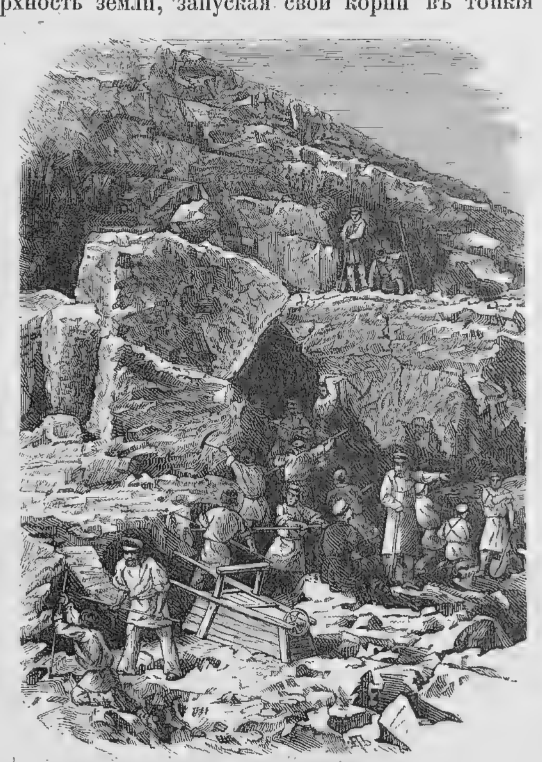
Въ ряду прочихъ странъ Россія занимаетъ весьма почетное мѣсто, если не по количеству добываемаго ежегодно угля, то по богатству и обширности своихъ каменноугольныхъ бассейновъ. Если мы проведемъ прямую линію отъ Архангельска до Новочеркаска, то получимъ ось

громадной каменноугольной формаціи въ Россіи. Но нигдѣ, на всемъ протяженіи этой полосы, она не обнаруживается такъ ясно и не глубоко подъ поверхностью земли, какъ на югѣ, вблизи Азовскаго моря. Здѣсь, посреди обширной южно-русской степи, по правую сторону рѣки Донца, тянется цѣпь холмовъ и возвышеній, извѣстная подъ названіемъ Донецкаго кряжа. Поверхность этого плоскогорія большею частью состоитъ изъ обширныхъ равнинъ съ мало замѣтными склонами, круто, однако, спускающимися къ Донцу. Лѣвый, низменный берегъ послѣдняго позволяетъ далеко видѣть необозримыя песчаныя поля, правый же рѣзко отъ него отличается своими крутизнами, отчетливо ограничивающими кряжъ съ сѣверо-востока. Къ западу и юго-западу, холмы, составляющіе Донецкое плато, незамѣтно и постепенно сливаются съ низменностями, простирающимися на западъ между кряжемъ и Днѣпромъ. Многочисленные, обыкновенно пересыхающіе лѣтомъ, потоки прорѣзываютъ кряжъ по всѣмъ направленіямъ и несутъ свои воды къ Донцу, къ морю или Днѣпру. Впрочемъ, углубленія, по которымъ они текутъ, рѣдко могутъ быть названы долинами; большею частью, они имѣютъ видъ овраговъ, съ крутыми спусками до 100—130 футовъ глубины. Это такъ-называемые яры или балки, и они составляютъ единственное разнообразіе этой мѣстности, которая можетъ быть названа гористою развѣ только по отношенію къ окружающей странѣ, горизонтальностью своею похожей на уровень океана. Только въ долинѣ р. Донца встрѣчаются нѣкоторыя, дѣйствительно живописныя мѣстности. Внизу, широкой, серебристой лентой, несутся прозрачныя воды рѣки, прихотливыми извилинами обходящей мѣловыя горы этой части кряжа, подмывающей кое-гдѣ каменный утесъ или обрывъ скалы. Вдали пестрѣютъ пашни и баштаны, перемежаясь съ лужкомъ или песчаной равниной. Кое-гдѣ, подъ пригоркомъ, раскинутъ хуторокъ изъ нѣсколькихъ хижинъ, немного дальше—другой—третій; еще дальше—и небо сливается съ горизонтомъ, на разстояніи, быть можетъ, верстъ 50. Но, въ общемъ, названіе „степи“ вполнѣ примѣнимо къ этому плоскогорію, однообразіе котораго увеличивается еще отсутствіемъ лѣсовъ и даже кустарниковъ. Лишь изрѣдка, по склонамъ балокъ, зеленѣетъ опушка лиственнаго, большею частью дубоваго кустарника, едва-ли заслуживающаго названіе рощицы. За то, по мѣрѣ приближенія къ Донцу, древесная растительность увеличивается. Дубравы, мелкіе лѣса встрѣчаются все чаще, скрытые однакожъ почти всегда въ ложбинахъ рѣчекъ и овраговъ. На лѣвомъ берегу Донца есть даже настоящій хвойный, сосновый лѣсъ. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе лѣсовъ—характеристическая черта равнинъ Донецкаго плоскогорія. Находясь на курганѣ или какой-нибудь возвышенности, видишь кругомъ себя только море травянистой растительности, большею частью пшеницы, которая, благодаря отличной черноземной почвѣ, произрастаетъ здѣсь въ изобиліи и безъ помощи удобренія даетъ такіе пышные урожаи, какихъ въ иныхъ мѣстностяхъ не получить даже при самомъ „ученомъ“ воздѣлываніи земли.

Изъ этого поверхностнаго взгляда на природу Донецкаго края мы можемъ вывести нѣкоторыя полезныя заключенія.

Преобладающую часть Донецкаго кряжа составляетъ каменноугольная формація, которая выходитъ наружу на пространствѣ по крайней мѣрѣ $^3/_4$ общей его поверхности. Она занимаетъ самую середину кряжа, ограниченная въ южной и юго-западной части кристаллическими породами, на которыхъ вся она покоится. Къ сѣверо-западу она уходитъ подъ болѣе новую пермскую формацію, обнаруживающуюся въ окрестностяхъ Бахмута породами глинистаго рухляка, отчасти гипса и осадками каменной соли. Неподалеку отъ Донца, она уступаетъ мѣсто еще болѣе новой—мѣловой формаціи, занимающей всю сѣверо-восточную окраину кряжа и проявляющейся въ весьма замѣчательныхъ породахъ мѣла, совершенно схожихъ съ юрскими и бельгійскими. Ближе къ Азовскому морю, около Таганрога, встрѣчаются уже породы известняковъ и глинъ съ отпечатками раковинъ, одинаковыхъ съ живущими нынѣ въ Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ; это заставляетъ предполагать, что юго-восточная часть Донецкаго кряжа принадлежитъ новѣйшимъ формаціямъ.

Каменный уголь въ Донецкой формаціи обыкновенно лежитъ подъ болѣе или менѣе значительными толщами различныхъ каменистыхъ породъ: песчаниковъ, известняковъ и сланцевъ. Особенно характеристичны послѣдніе. Имѣя сложеніе листоватое и состоя изъ довольно мягкаго, рыхлаго вещества, они, на почернѣвшей отъ долгаго соприкасанія съ углемъ поверхности, сохранили весьма любопытные отпечатки, въ которыхъ до малѣйшей точности рисуются всѣ формы, жилы и другія подробности листьевъ и иногда стволовъ различныхъ растеній. Они составляютъ, такимъ образомъ, какъ-будто природный гербарій, по которому наше воображеніе можетъ возстановить величественную картину той до-исторической эпохи, когда земной шаръ былъ громаднымъ пылающимъ горниломъ, покрытымъ лишь тонкою минеральною оболочкой; когда грандіозные папоротники, гигантскіе лепидодендроны—породы, составлявшія допотопный лѣсъ—покрывали въ изобиліи поверхность земли, запуская свои корни въ топкія ея болота. Благодаря высокой температурѣ почвы, эти растенія достигали колоссальныхъ размѣровъ, жадно поглощая для своего питанія углекислоту, въ избыткѣ наполнявшую тогда атмосферу.



Добываніе каменнаго угля.

Гдѣ-же нынѣ вся эта удивительная, гигантская растительность? — Глубоко, въ нѣдрахъ земли слѣдуетъ искать теперь ея остатковъ, которые съ теченіемъ времени собирались подъ водой, образуя плотные и толстые слои. Иногда весьма тонкая почва, уступая вліянію раскаленнаго ядра земного шара, внезапно осѣдала и образовывала впадины, увлекая за собою покрывавшіе ее цѣлые лѣса. Частые и обильные дожди, стремительно падая на глинистыя скалы, постепенно разрушали эти послѣднія, унося съ собою ихъ обломки, которые, вслѣдствіе своей тяжести, осаждались однородными слоями на поверхности пласта изъ растительныхъ остатковъ. Послѣдніе, со временемъ, подвергались разложенію — при чемъ нѣкоторые ихъ составные элементы, какъ водородъ, кислородъ и азотъ, улетучиваясь, образовали другія химическія соединенія; главный же элементъ всѣхъ органическихъ тѣлъ—углеродъ, перемѣшавшись съ различными землистыми веществами, образовалъ залежи каменнаго угля.

Горючій матеріалъ въ двухъ его разновидностяхъ—въ видѣ каменнаго угля и антрацита—составляетъ главное минеральное богатство Донецкой земли. Распространенный по всему протяженію кряжа, онъ образуетъ здѣсь бассейнъ, занимающій болѣе 24,000 квадратныхъ верстъ. Это, безъ сомнѣнія, одна изъ богатѣйшихъ въ мірѣ каменноугольныхъ формацій. Жаль только, что, при такомъ огромномъ пространствѣ, она не имѣетъ соотвѣтственной толщины. Уголь расположенъ въ ней параллельными слоями числомъ до 10 и 14, общая толщина которыхъ доходитъ въ иныхъ мѣсторожденіяхъ до 30 футовъ, но въ отдѣльности не превышаетъ 5—6 футовъ. Часто даже встрѣчаются прослойки каменнаго угля толщиною въ 1 футъ и менѣе. Эта недостаточность толщины донецкой угольной формаціи будетъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе, что обширный Ньюкэстльскій бассейнъ въ Англіи имѣетъ толщину около 46 футовъ, что въ Сэнтъ-Этьенскомъ бассейнѣ во Франціи толщина угольнаго пласта дохо-

дитъ до 115 футовъ, что, наконецъ, въ Монскомъ бассейнѣ въ Бельгіи находятся каменноугольныя мѣсторожденія въ 165 футовъ толщины.

При такой неблагопріятной, въ промышленномъ отношеніи, сторонѣ Донецкаго бассейна, онъ имѣетъ то значительное преимущество, что уголь въ немъ обнаруживается на весьма незначительной глубинѣ, рѣдко превышающей 40—50 саженей, очень часто въ 10 — 15 саженяхъ, а иногда не болѣе 3—5 саженей отъ земной поверхности. Рѣдко въ извѣстныхъ французскихъ и англійскихъ мѣсторожденіяхъ угля можно встрѣтить подобное явленіе. Тамъ для добыванія угля, приходится опускаться на 200 — 300, иногда же и 500 метровъ въ землю. Правда, уголь, залегающій на незначительной глубинѣ, бываетъ посредственнаго качества. Но это только верхній, вывѣтрившійся слой его; снимите его—и потомъ уже получается самый чистый сортъ угля.

Разработка угля началась въ 1839 г., въ которомъ добыто всего только 877,000 п., 11 лѣтъ спустя, въ 1850 г., добыча каменнаго угля не превышала еще $3^1/_2$ милл. п. Сильный подъемъ каменноугольной промышленности начался лишь въ 70-хъ г.г. съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Съ тѣхъ поръ, постепенно возрастая, вывозъ угля достигъ въ 1893 году — около 275,000 вагоновъ или 165.000,000 пудовъ, въ 1895 году—248 милл. пудовъ, а въ 1897 г.— 412 милл. пудовъ.

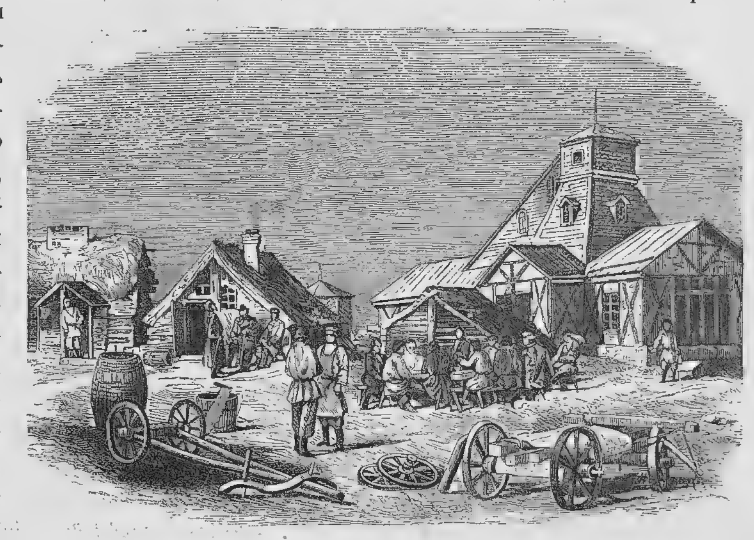
По строенію и составу своему, донецкій уголь имѣетъ почти тѣ-же свойства, какъ уголь, добываемый въ Англіи, Франціи и Бельгіи. Онъ содержитъ обыкновенно около $70^0/_0$ углерода; остальная же часть состоитъ изъ горной смолы и землистыхъ веществъ. Чѣмъ больше количество заключающагося въ немъ углерода, тѣмъ уголь считается жирнѣе, тѣмъ онъ меньше даетъ газовъ при горѣніи и тѣмъ больше оставляетъ спекшагося кокса. Уголь, содержащій менѣе $50^0/_0$ углерода, называется тощимъ и весьма рѣдко употребляется въ промышленности. Антрацитъ—тотъ-же уголь, только не заключающій въ себѣ летучихъ, смолистыхъ веществъ; вслѣдствіе этого онъ трудно загорается и горитъ безъ пламени, распространяя, однакожъ, весьма большое количество тепла. Въ Донецкомъ кряжѣ качество угольныхъ пластовъ замѣтно улучшается по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Въ то время какъ на западной окраинѣ каменноугольнаго бассейна, по берегу Верхняго Донца, находится уголь тощій, имѣющій весьма мало полезныхъ свойствъ, онъ становится все жирнѣе по направленію теченія этой рѣки и переходитъ въ антрацитъ при соединеніи ея съ Дономъ.

Иногда раздѣляютъ весь Донецкій кряжъ на двѣ части: западную и восточную; но дѣленіе это произвольно. Трудно также сдѣлать рѣзкое распредѣленіе каменноугольныхъ мѣсторожденій, хотя это и необходимо. Лучше всего группировать эти послѣднія по ихъ географическому положенію. Особенно богатыми мѣсторожденіями изобилуетъ Бахмутскій уѣздъ, Екатеринославской губерніи. Тутъ, на правомъ берегу Донца, въ среднемъ его теченіи, по склонамъ такъ-называемой Лисичьей Балки, находится одинъ изъ лучшихъ рудниковъ угля. Въ немъ извѣстно 14 годныхъ къ обработкѣ каменноугольныхъ пластовъ, общая толщина которыхъ составляетъ слишкомъ 30 футовъ. Не уступающая этой, по богатству угля, группа мѣсторожденій расположена въ долинѣ рѣки Торца, тоже неподалеку отъ Бахмута. Здѣсь особенно замѣчателенъ Корсунскій (Желѣзнянскій) рудникъ, принадлежащій Южнорусскому Обществу. По благоустройству, это одна изъ первыхъ копей края, при томъ-же, она находится у самой почти линіи Харьково-азовской желѣзной дороги, неподалеку отъ станціи Никитовки. Въ этой-же группѣ слѣдуетъ упомянуть еще о Щербиновскомъ рудникѣ. Это мѣсторожденіе было извѣстно уже съ самаго начала нынѣшняго столѣтія. Разработки производились крестьянами въ довольно обширныхъ размѣрахъ, но были исключительно направлены на одни выходы или головы угольныхъ слоевъ. Шахты опускались не глубже 10 саженъ, до уровня воды, и бросались, по недостатку средствъ для откачиванія послѣдней. Отъ этого уголь Торецкой долины (т.-е. щербиновскій, желѣзнянскій и никитовскій), хотя и развозился въ довольно большомъ

количествѣ по Днѣпру и на заводы въ Бахмутъ, но имѣлъ репутацію горючаго матеріала не очень высокаго достоинства. Впослѣдствіи Щербиновскій рудникъ началъ разрабатываться самымъ раціональнымъ образомъ, и теперь получается уголь отличнаго достоинства.

Еще заслуживаетъ вниманія группа мѣсторожденій въ долинѣ рѣчки Лугани, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Здѣсь извѣстны Орѣховскія, Голубовскія и другія шахты; но, находясь внутри Донецкаго края, вдали отъ двухъ главныхъ его рельсовыхъ путей—Харьково-азовскаго и Воронежско-ростовскаго, эти рудники не имѣли достаточно обезпеченнаго сбыта и, только съ окончаніемъ постройки Донецкой желѣзной дороги, они начали замѣтно развиваться.

Вообще можно сказать, что угольныя мѣсторожденія находятся повсемѣстно въ краѣ, по долинамъ потоковъ и рѣкъ, его орошающихъ, какъ-то: Крынки, Міуса, Кальміуса и другихъ. Мѣсторожденія антрацита расположены на восточномъ и юго-восточномъ склонѣ Донецкаго кряжа, въ бассейнѣ Нижняго Донца и балокъ, въ него вливающихся. Добычей антрацита преимущественно извѣстны Грушевскіе рудники, простирающіеся на 8 верстъ вокругъ села того-же названія. Тутъ заложено до 300 шахтъ или колодцевъ, хотя многія изъ нихъ находятся въ бездѣйствіи. Три желѣзнодорожныя вѣтви соединяютъ эти рудники съ главной Воронежско-ростовской линіей. Замѣчательный изъ всѣхъ Грушевскихъ рудниковъ принадлежитъ Русскому Обществу пароходства и торговли, выстроенный со всѣми улучшеніями и приспособленіями для правильнаго и капитальнаго веденія дѣла. Одинъ этотъ рудникъ вырабатываетъ до 5 мильоновъ пудовъ антрацита.



Алексѣевскій рудникъ.

Каменнымъ углемъ далеко не исчерпываются всѣ сокровища края. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ нѣдрахъ Донецкой земли открыто было присутствіе желѣзныхъ рудъ, преимущественно бураго желѣзняка и другихъ окисловъ желѣза. Но мѣсторожденія эти на первый взглядъ казались неправильными и непрочными, а потому оставались долгое время неразрабатываемыми. Они спорадически разсѣяны въ желѣзистыхъ глинахъ, между пластами песчаниковъ, образуя, такъ сказать, гнѣзда, выполняющія промежутки и углубленія между породами, не имѣя подобія тѣхъ рудныхъ горъ, какія видимъ, напримѣръ, на Уралѣ. На основаніи этого, многія даже компетентныя лица держались мнѣнія, что чугуноплавильная промышленность никогда не можетъ развиться въ Донецкомъ краѣ. Впослѣдствіи же болѣе точныя изысканія послужили къ опроверженію этого мнѣнія.

Желѣзнорудные пласты съ болѣе или менѣе богатымъ процентнымъ содержаніемъ (до 50% чистаго металла) были прослѣжены на значительныхъ протяженіяхъ и нерѣдко имѣли толщину до 3—4 футовъ. Такъ, напримѣръ, прекрасная группа Сулиновскихъ пластовъ, вблизи ст. Сулинъ, Воронежско-ростовской желѣзной дороги, и неподалеку отъ упомянутыхъ нами Грушевскихъ рудниковъ, тянется непрерывно на протяженіи верстъ 30-ти по южному краю

цѣлаго ряда лежащихъ и по оси кряжа идущихъ долинъ. Богатыя мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ находятся также и въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Въ одномъ Волынцовскомъ мѣсторожденіи опредѣляютъ количество руды въ трехъ, развѣданныхъ на протяженіи слишкомъ 3-хъ верстъ, пластахъ до 18 мильоновъ пудовъ. Вообще, въ Донецкомъ краѣ въ непродолжительное время было обнаружено 180 мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ, и всѣ они идутъ рядомъ съ залеганіемъ каменноугольныхъ пластовъ. Именно вслѣдствіе этого, Донецкій кряжъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ желѣзнопромышленныхъ округовъ Россіи.

Добыча желѣза особенно быстро возросла съ тѣхъ поръ, какъ къ выплавкѣ рудъ стали примѣнять минеральное топливо. Выплавка производится въ огромныхъ, такъ-называемыхъ доменныхъ печахъ (саженей 5—6 высоты), требующихъ чрезвычайно высокой температуры. Но одного нагрѣванія недостаточно еще для отдѣленія чистаго металла отъ примѣсей, заключающихся въ рудахъ. Для этого нужно еще такое вещество, которое, входя въ химическое соединеніе съ примѣсями, образовало-бы летучія вещества. Роль такого возстановляющаго металлъ тѣла играетъ именно уголь, который обладаетъ весьма сильнымъ сродствомъ съ кислородомъ. Независимо отъ этого, чтобы перевести добываемое изъ руды желѣзо въ различные его виды, какъ-то: сталь и чугунъ,—также необходимъ уголь, который, входя въ соединеніесъ желѣзомъ (правильнѣе—растворяясь въ расплавленномъ желѣзѣ), придаетъ ему соотвѣтственныя свойства.

Очевидно, такимъ образомъ, что уголь такъ-же необходимъ въ желѣзномъ производствѣ, какъ и самыя металлоносныя руды. Вотъ почему преимущественно въ тѣхъ странахъ, гдѣ желѣзо и каменный уголь встрѣчаются совмѣстно, мы видимъ наибольшее производство желѣза и наибольшую его дешевизну. Такъ, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, Великобританія даетъ самое большое количество желѣза, добываемаго тамъ исключительно на каменномъ углѣ. Словомъ, условія желѣзной промышленности въ Донецкомъ краѣ какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ развитію тамъ желѣзной промышленности, которая дѣйствительно и развивается, несмотря, однако, на множество препятствій, какъ-то: недостатокъ сбыта, недостаточное развитіе путей сообщенія, значительное разстояніе перевозки руды до мѣсторожденій угля и т. под. Надъ устраненіемъ этихъ неблагопріятныхъ условій немало поработало въ послѣднее время правительство. По мѣрѣ постройки новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, постепенно облегчается возможность привозить руды изъ болѣе отдаленныхъ мѣсторожденій; кромѣ того, правительство сознало необходимость передать заводы въ частныя руки, такъ какъ несомнѣнно, что на коммерческихъ началахъ дѣло должно идти успѣшнѣе.

Желѣзная промышленность въ Донецкомъ кряжѣ не ускользнула и отъ частной предпріимчивости. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, около села Александровскаго, въ мѣстности, съ давнихъ временъ извѣстной своимъ каменноугольнымъ и руднымъ богатствомъ, въ началѣ 80-хъ годовъ мы видимъ уже заводъ Новороссійскаго общества каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производства, обыкновенно называемый Юзовскимъ, по имени главнаго распорядителя. Заводъ этотъ учрежденъ англійской компаніей (New-Russia Comp.), съ капиталомъ въ 300,000 фунтовъ стерлинговъ, такъ что сразу былъ поставленъ въ возможность вести производство въ обширныхъ размѣрахъ. Въ Юзовѣ работаетъ множество англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ рабочихъ. Константиновская желѣзная дорога соединяетъ заводъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, тамъ, гдѣ прежде росъ одинъ только бурьянъ, возникло двухтысячное поселеніе, принявшее отчасти видъ городка, съ базаромъ каждое воскресенье, съ суровскими, бакалейными и другими лавками, гдѣ товары продаются по таксѣ, не выше харьковскихъ цѣнъ, съ англійскою гостиницей, французскою buvette, нѣмецкой Bierhalle и неизбѣжнымъ русскимъ питейнымъ домомъ; съ больницей, аптекой, докторомъ, фельдшеромъ и проч. Для поддержанія порядка въ Юзовѣ постоянно пребываетъ особая полицейская команда. Изъ служащихъ при заводѣ устроенъ санитарный комитетъ; кромѣ того имѣется общество потребителей, при немъ библіотека и т. д.

Собственно русскіе капиталы, для поднятія туземнаго производства, явились почти послѣдними въ Донецкомъ краѣ. Капиталистомъ, поддержавшимъ, можно сказать, честь русскаго имени, оказался Д. А. Пастуховъ, основавшій въ 1872 году обширный заводъ на землѣ Войска Донского у станціи Сулинъ, нѣсколько выше Грушевскаго рудника, въ полуверстѣ отъ линіи Ростовской дороги. Какъ было уже сказано, мѣстность эта изобилуетъ прекрасными мѣсторожденіями желѣзной руды и антрацита, на которомъ и рѣшено было выплавлять. Сулиновскій заводъ построенъ весьма раціонально и расположенъ по скату холма. Кромѣ доменной печи и нѣсколькихъ зданій для машинъ, конторы, служащихъ, больницы и весьма удовлетворительныхъ домовъ для рабочихъ, на заводской площади устроенъ передѣльный заводъ съ кузницей, столярной и слесарной мастерскими и ваграночная печь съ большимъ сараемъ для литья и формовки чугунныхъ издѣлій. Отъ завода къ станціи выстроена небольшая желѣзнодорожная вѣтвь. Въ видахъ успѣха русскаго металлургическаго дѣла, нельзя не пожелать, чтобы примѣръ этого завода содѣйствовалъ привлеченію сюда еще большаго количества капиталовъ.

Въ 1865 году, на землѣ государственныхъ крестьянъ Бахмутскаго уѣзда, около хуторовъ Клиновскихъ (верстахъ въ 10 отъ Бахмута), между породами пермской формаціи, найдены были отвалы древней разработки и плавки мѣдныхъ рудъ. Развѣдочными рвами были открыты куски этихъ рудъ, шлаки, древесный и каменный уголь, также и кости животныхъ, пропитанныя мѣдной зеленью. Это обстоятельство побудило къ дальнѣйшему производству розысковъ. Немного спустя, на рѣчкѣ Лугани, около села Тринадцатой Роты, а также около селенія Цареборисова (верстахъ въ 12 отъ гор. Изюма) были открыты признаки руды въ видѣ мѣднаго колчедана, вкрапленнаго въ прожилкахъ въ массѣ зеленовато-сѣраго песчаника. Изысканія въ этомъ направленіи дѣятельно продолжались горнымъ вѣдомствомъ и частными лицами То-же приходится сказать и о свинцовыхъ рудахъ, которыя были розысканы около границы Екатеринославской губерніи съ Донскою областью, близъ хутора Христофоровки, въ верховьяхъ рѣчки Кленовой. Свинцовая руда, въ видѣ свинцоваго блеска, вкрапленнаго въ известнякѣ, была разыскана тоже на правой сторонѣ рѣчки Оскола, около селенія Цареборисова. Итакъ, Донецкій край слѣдовало-бы назвать не каменноугольнымъ, а рудно-угольнымъ кряжемъ. Къ этому нужно прибавить еще нахожденіе ртути и марганцовыхъ рудъ въ значительномъ количествѣ, открытыхъ въ позднѣйшее время.

Въ окрестностяхъ-же Бахмута, которыя вообще представляютъ собою одинъ изъ богатѣйшихъ уѣздовъ края, непослѣднюю отрасль промышленности составляетъ добываніе соли. Почва этой мѣстности, принадлежащая, какъ сказано, къ пермской формаціи, между другими породами, содержитъ осадки каменной соли, образующей, вслѣдствіе своей растворимости, подземные разсолы, которые извлекаются изъ нѣдръ земли посредствомъ буровыхъ скважинъ и обрабатываются на заводахъ выпариваніемъ. Хотя бахмутской соли и приходится выдерживать значительную конкуренцію съ солью южныхъ и юговосточныхъ лимановъ, тѣмъ не менѣе она, въ довольно большомъ количествѣ, не только расходится для мѣстнаго потребленія, но и вывозится дальше въ Харьковъ и даже въ Москву. Къ числу породъ пермской формаціи, добываемыхъ около Бахмута, принадлежитъ также и гипсъ или алебастръ. Не имѣя, правда, свойствъ флорентійскаго, ни даже нашего казанскаго алебастра, онъ не можетъ имѣть значенія для скульптурныхъ работъ, но съ успѣхомъ употребляется въ строительномъ дѣлѣ и въ громадномъ количествѣ обжигается на мѣстѣ.

Говоря о минеральномъ богатствѣ Донецкаго края, невозможно не упомянуть объ огромныхъ массахъ строительнаго камня всѣхъ сортовъ, повсемѣстно находящагося въ краѣ, большею частью подъ весьма незначительнымъ слоемъ чернозема или глины. Мѣстные жители пользуются имъ для различныхъ экономическихъ или несгораемыхъ построекъ, какъ то сараевъ, кузницъ и т. п. Но знаніе строительнаго дѣла позволило-бы имъ обращать этотъ ма-

теріалъ и для жилыхъ домовъ, какъ это сдѣлано на нѣкоторыхъ мѣстныхъ заводахъ, гдѣ большія сооруженія выстроены изъ мѣстнаго камня.

Всѣ эти естественныя богатства края составляютъ вѣрный залогъ, чтобы современемъ донецкія степи покрылись лѣсомъ дымовыхъ трубъ и образовали своего рода Бирмингамскій округъ для Россіи. Но болѣе или менѣе скорое осуществленіе этого желанія, безъ сомнѣнія, зависитъ, прежде всего, отъ успѣха здѣсь каменноугольнаго дѣла. Разсмотримъ поэтому болѣе подробно положеніе послѣдняго.

Хотя, вслѣдствіе необычайно быстраго истребленія лѣсовъ, возвысившейся затѣмъ цѣны на дрова въ болѣе отдаленныхъ центрахъ и быстро увеличившейся потребности въ замѣнѣ древеснаго топлива минеральнымъ, за послѣднее время каменноугольное дѣло сильно подвинулось впередъ въ Донецкомъ краѣ, но все-таки оно оставляетъ еще многаго и очень даже многаго желать. Это въ особенности относится къ тѣмъ рудникамъ, которые расположены вдали отъ рельсовыхъ путей. До сихъ поръ еще, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, уголь разрабатывается первобытными, можно сказать, средствами. Шахты, т.-е. болѣе или менѣе широкіе вертикальные колодцы, служащія для добыванія угля, рѣдко опускаются на значительную глубину; большею частью онѣ углубляются только до уровня грунтовыхъ водъ. Затѣмъ, шахтохозяева часто предпочитаютъ перенести работу въ другое мѣсто, чѣмъ бороться, въ случаѣ большей глубины, съ такимъ могучимъ и гибельнымъ препятствіемъ, какъ наводненіе. Короче сказать, здѣсь каменный уголь разрабатывается еще весьма часто хищническимъ образомъ. Устраиваемое надъ отверстіемъ шахты колесо (валъ), на которое наматывается канатъ съ подвѣшенными къ нему подъемными корзинами или бадьями, обыкновенно приводится на этихъ рудникахъ въ движеніе коннымъ, иногда даже просто ручнымъ приводомъ. При такомъ, слишкомъ несовершенномъ способѣ добычи, понятно, получается уголь въ весьма ограниченномъ количествѣ и при томъ едва-ли не послѣдняго сорта. Къ сожалѣнію, такихъ мелкихъ шахтъ еще слишкомъ много имѣется въ Донецкомъ бассейнѣ, и онѣ еще долго будутъ портить репутацію Донецкаго каменноугольнаго кряжа.

Но, если такъ неутѣшительно положеніе шахтъ, находящихся вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, за то въ мѣстностяхъ, окаймляющихъ желѣзнодорожные и естественные пути, устроено нѣсколько капитальныхъ рудниковъ, гдѣ работы производятся по всѣмъ правиламъ горной техники и со всѣми современными приспособленіями. Къ такимъ, напримѣръ, принадлежатъ Поляковскія шахты, Грушевскій рудникъ и нѣкоторыя другія частныя копи; изъ казенныхъ-же выдается по благоустройству Лисичанскій рудникъ, устроенный правительствомъ не столько съ цѣлью эксплоатаціи угля, сколько для того, чтобы дать возможность окрестнымъ владѣльцамъ видѣть образцовое веденіе хозяйства и познакомиться съ техникой этого дѣла. На двухъ казенныхъ шахтахъ въ Лисичанскѣ ежегодно добывается до $^1/_2$ мил. пуд. угля. Лисичанскій рудникъ расположенъ на самомъ берегу Донца, въ мѣстности чрезвычайно здоровой и живописной. Кругомъ раскинуто большое и многолюдное село; подъѣзжая къ нему, поражаешься громаднымъ каменнымъ зданіемъ, съ огромною трубою, сразу напоминающею заводскія постройки. Это такъ называемое надшахтное зданіе знаменитой шахты „Дагмары". Въ немъ помѣщается машина, подымающая уголь, водоотливная машина, паровые котлы и проч. Сама шахта имѣетъ видъ прямоугольнаго, глубокаго колодца, раздѣленнаго перегородками на отдѣленія: насосное, подъемное и для лѣстницъ. Если, свѣсившись надъ колодцемъ, заглянуть въ него,—невольно отступишь въ испугѣ. Зіяющая, черная пасть шахты наводитъ страхъ, и ощущаешь такое-же чувство, какъ стоя надъ краемъ пропасти. Но любопытство заставляетъ преодолѣть страхъ, и рѣшаешься, наконецъ, спуститься внизъ. Этого можно достигнуть при помощи узкой и скользкой лѣстницы,—что не вполнѣ безопасно. При полнѣйшей тьмѣ въ колодцѣ, легко выпустить изъ рукъ перекладину лѣстницы, или поскользнуться, сходя по мокрымъ ея ступенямъ. И тогда—горе! глухой стукъ тѣла о дно шахты былъ-бы отвѣтомъ

на крикъ о помощи! Гораздо безопаснѣе спускъ въ корзинѣ, да къ тому-же онъ и менѣе продолжителенъ: какихъ-нибудь три-четыре минуты вы, какъ-будто, падаете съ высоты саженей шестидесяти, испытывая какое-то странное ощущеніе, при чемъ вамъ мерещатся только потныя стѣнки колодца. Скорчившись въ своей корзинѣ, вы, наконецъ, вздыхаете свободнѣе, когда очутитесь на днѣ, хотя плохо освѣжаемый воздухъ, смѣшанный съ углекислотою, составляетъ тамъ весьма тяжелую атмосферу. Тутъ, при мерцающемъ свѣтѣ лампъ рудокоповъ, вы можете разглядѣть ихъ работы. Прежде всего, вамъ бросаются въ глаза темныя отверстія, откуда доходитъ до васъ глухой стукъ инструментовъ. Это—подземныя галлереи, или штреки, идущія въ различныхъ направленіяхъ и имѣющія каждая свое назначеніе. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ производится собственно ломка каменнаго угля; другія служатъ для освѣженія или вентиляціи воздуха; иныя сдѣланы для отвода воды, которая постоянно течетъ со стѣнокъ и принимается въ особые резервуары, откуда выкачивается наверхъ паровымъ насосомъ. Въ тѣхъ галлереяхъ, въ которыхъ производится ломка минерала, уложены рельсы, по которымъ безпрерывно ходятъ вагончики, передвигаемые людьми или лошадьми. Въ эти вагончики нагружается уголь, выламываемый рабочими, при помощи кирокъ и ломовъ. Часто этихъ инструментовъ бываетъ недостаточно; тогда приходится прибѣгать къ пороху или динамиту: въ небольшую, выдолбленную въ пластѣ, щель закладываютъ взрывчатый патронъ съ довольно длиннымъ и медленно горящимъ фитилемъ; послѣдній зажигается, рабочіе уходятъ въ сторону, происходитъ взрывъ—и валятся цѣлыя массы минерала.

При Лисичанскомъ рудникѣ основано Горнымъ вѣдомствомъ еще заведеніе, которое вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Это такъ называемая штейгерская школа, имѣющая цѣлью приготовить горныхъ мастеровъ, которые имѣли-бы, кромѣ практическихъ свѣдѣній, еще нѣкоторыя научныя познанія по горной части. Обѣихъ этихъ цѣлей весьма легко достигнуть школѣ, гдѣ преподаваніемъ занимаются горные инженеры и гдѣ, въ окрестностяхъ, находится такъ много рудниковъ. Другое подобное-же училище въ Донецкомъ краѣ устроено при Корсунскихъ копяхъ Южнорусскимъ обществомъ. Нужно замѣтить, что такія школы вполнѣ отвѣчаютъ потребностямъ каменноугольнаго края и отчасти даже должны повліять на дальнѣйшее развитіе въ немъ промышленности, для которой весьма важно имѣть знающихъ, искусныхъ мастеровъ и рабочихъ, умѣющихъ обращаться съ горными инструментами, порохострѣльной и динамитной работой.

Среднее число рабочихъ, занятыхъ въ 1897 г. горнымъ промысломъ въ Донецкомъ краѣ, было 11,220 чел.; изъ нихъ внутри рудниковъ обращалось 9,249 и на поверхности 1,971 чел. На каждаго изъ чернорабочихъ, обращавшихся внутри рудниковъ, считая въ году 200 рабочихъ дней, приходилось среднимъ числомъ около 58 пудовъ добытаго угля въ сутки. Весьма характерно, что почти всѣ рудокопы, по языку и обычаямъ, отличаются отъ мѣстнаго населенія, преобладающій элементъ котораго составляютъ малороссы. Горнозаводскіе же рабочіе—большею частью пришлецы изъ разныхъ странъ Россіи, еще въ концѣ прошлаго столѣтія переселенные или сосланные сюда, какъ для заселенія края, такъ и для надобностей горной промышленности. Эти переселенцы образовали здѣсь особое сословіе горнозаводскихъ крестьянъ. Закрѣпленные за казенными копями и заводами и не получивши потомъ въ надѣлъ достаточнаго количества земли, крестьяне не могли заняться хлѣбопашествомъ; но возрастающая потребность въ рабочихъ рукахъ, при развитіи горнаго дѣла, дала имъ возможность получать болѣе или менѣе сносные заработки. Нынѣ эти рабочіе образовали цѣлые поселки, сгруппированные около значительнѣйшихъ копей и заводовъ. Особенно славятся опытомъ и знаніемъ горнозаводскихъ работъ лисичанскіе и луганскіе рабочіе, которые и нанимаются на многихъ рудникахъ. Къ нимъ прибываютъ пришлые люди изъ другихъ губерній; но, такъ какъ главный промыселъ послѣднихъ составляетъ хлѣбопашество, то они и работаютъ въ рудникахъ лишь извѣстную часть года—съ сентября по апрѣль; съ наступленіемъ же весны, они оста-

вляютъ горную работу и уходятъ въ поле. Такимъ образомъ, 4—5 мѣсяцевъ въ году рудники не имѣютъ такого количества рабочихъ, какое необходимо для полнаго веденія дѣла. Эти перерывы и остановки работъ имѣютъ, конечно, весьма вредное вліяніе на веденіе дѣла. Такъ, напримѣръ, на Грушевскихъ рудникахъ въ зимнее время набирается рабочихъ до 3,500 человѣкъ, а лѣтомъ остается ихъ не болѣе 1,000. Впрочемъ, углепромышленники замѣчаютъ, что уходятъ большею частью или одинокіе, или плохіе работники; хорошая артель рѣдко покидаетъ шахты и, при условіи достаточной заработной платы, не промѣняетъ мрачной среды рудника, съ которой она свыклась, на привольный воздухъ степи.

Поистинѣ, достойно удивленія усердіе рудокоповъ, которые проводятъ половину жизни подъ землею, посвящая ее тяжелому труду выломки минеральныхъ богатствъ. При тускломъ свѣтѣ лампы, въ подземельяхъ, искусственно вентилируемыхъ и часто до того узкихъ, что приходится ползать на корточкахъ, гдѣ густой и теплый воздухъ стѣсняетъ дыханіе, — они безъ устали работаютъ—одинокіе, голые или почти голые, въ поту, покрытые черною, лоснящейся корою. Тяжесть этой работы увеличивается еще, при значительныхъ глубинахъ, опасностью, которая тѣмъ серьезнѣе, что ее большею частью нельзя предупредить. Во всякой каменноугольной копи образуется такъ-называемый „рудническій газъ", представляющій химическое соединеніе углерода съ водородомъ. Газъ этотъ, подымаясь, вслѣдствіе легкости, въ верхніе слои шахты, образуетъ тамъ съ воздухомъ гремучую смѣсь. При малѣйшемъ соприкосновеніи пламени съ этой смѣсью происходитъ взрывъ, сопровождаемый обвалами шахты и ведущій за собою весьма гибельныя послѣдствія. Хотя употребленіе предохранительной лампы Дэви предупреждаетъ взрывы, но часто рабочіе сами, вслѣдствіе неосторожности, вызываютъ бѣду на свои головы. Обвалы шахтъ могутъ происходить и безъ взрыва; нерѣдко деревянная обшивка галлерей, тамъ, гдѣ она недостаточно прочна, уступаетъ громадному давленію земли и тогда — горе рабочимъ, находящимся въ галлереяхъ! Раздавленные или по крайней мѣрѣ изувѣченные, они,—если только не убило ихъ на мѣстѣ,—должны дожидаться, пока возможно будетъ принять мѣры къ ихъ спасенію. Не менѣе ужасную случайность въ копи составляетъ наводненіе. Вода, просачиваясь понемногу изъ грунта, наконецъ, накопляется въ большихъ массахъ; иногда-же, послѣ проливныхъ дождей, она вдругъ вливается въ колодецъ и затопляетъ шахты, при чемъ уноситъ людей и лошадей, ломаетъ стѣны и вагоны, вообще—опустошаетъ и разрушаетъ копь.

Не будемъ останавливаться надъ печальнымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ разрушенная шахта, а обратимся къ картинѣ болѣе свѣтлой и утѣшительной—къ каменноугольной промышленности, а въ особенности-же къ будущности ея для Донецкаго края.

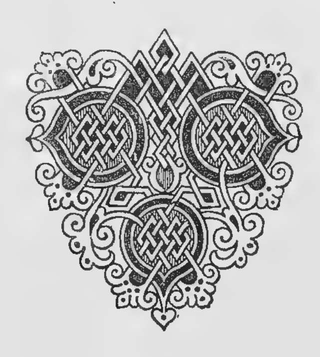
Слова Петра Великаго, приведенныя въ началѣ этого очерка, долгое время служили какъ-бы девизомъ по отношенію къ разработкѣ угля въ Донецкомъ краѣ. Забота объ этомъ предоставлялась всегда „потомкамъ". Только въ недавнее время сознаніе громадной пользы каменнаго угля, а также примѣръ Англіи, для которой уголь послужилъ основаніемъ всѣхъ ея богатствъ, въ особенности опустошенія лѣсовъ и вздорожаніе вслѣдствіе этого топлива—все это заставило обратить вниманіе на Донецкій край и находящіяся въ немъ богатства. Были основаны казенныя копи, частнымъ промышленникамъ дѣлались льготы, назначены экспедиціи изъ горныхъ инженеровъ для изслѣдованія края. И что-же? оказалось, что въ нѣдрахъ донецкой земли кроется такое огромное количество угля, что, по приблизительному расчету, его хватило-бы слишкомъ на 12,000 лѣтъ! Но, несмотря на это богатство, десятки милліоновъ пудовъ угля привозятся ежегодно въ Россію изъ Великобританіи и другихъ странъ и имѣютъ обращеніе въ мѣстностяхъ, даже сравнительно недалеко лежащихъ отъ Донецкаго кряжа, какъ, напримѣръ, въ Одессѣ. Причина этого явленія заключается вовсе не въ качествѣ угля, а въ недостаточной добычѣ его и въ цѣнѣ.

Доставка донецкаго угля въ Одессу, вслѣдствіе недостатка хорошихъ путей сообщенія,

обходится такъ дорого, что онъ не можетъ тамъ конкурировать съ англійскимъ. Это отсутствіе путей сообщенія, увеличивающее цѣну угля въ 5 — 6 разъ и болѣе, противъ дѣйствительной его стоимости, было до послѣдняго времени главнымъ тормазомъ развитія каменноугольной промышленности въ Донецкомъ краѣ. Очевидно, что для такого дешеваго и громоздкаго матеріала, какъ каменный уголь, полезнѣе имѣть естественные водяные пути сообщенія; тогда перевозъ ихъ будетъ обходиться значительно дешевле. Но въ Донецкомъ краѣ такихъ путей почти нѣтъ; главный водяной путь края, Сѣверный Донецъ, представляетъ такъ много затрудненій для правильнаго судоходства, что углепромышленники пользуются имъ въ весьма ограниченномъ количествѣ. Для того же, чтобы сдѣлать эту рѣку вполнѣ судоходною, потребовались-бы значительныя денежныя затраты. Что-же касается рельсовыхъ путей, то, хотя это дѣло сильно уже подвинулось впередъ и продолжаетъ понемногу систематически подвигаться, но до полнаго удовлетворенія каменноугольной промышленности быстрымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ — очень еще далеко. Поэтому уголь, прежде чѣмъ достигнуть мѣста назначенія, долженъ сперва на шахтахъ проваляться.

Въ каменноугольномъ дѣлѣ чрезвычайно важную роль играетъ уменьшеніе количества перегрузокъ; не говоря уже о стоимости, каждая перегрузка сопровождается измельченіемъ угля и тратой, такимъ образомъ, матеріала. Во избѣжаніе этого, для правильнаго веденія дѣла, каменноугольныя желѣзныя дороги должны быть снабжены вѣтвями, проведенными до мѣстъ добыванія угля и продолжающимися до самыхъ гаваней,—какъ это, напримѣръ, устроено въ Англіи, гдѣ уголь нагружается на шахтахъ въ вагоны и доставляется безъ всякихъ перегрузокъ къ гавани; а тамъ уже прямо изъ вагоновъ выгружается въ трюмъ корабля. Нынѣшнее развитіе желѣзнодорожной сѣти въ Донецкомъ районѣ, несмотря на ея значительность, все еще не въ состояніи удовлетворять раціональнымъ условіямъ подвоза угля безъ перегрузокъ. Между тѣмъ въ этомъ именно обстоятельствѣ и заключается главный тормазъ, чтобы своевременно и въ достаточномъ количествѣ снабжать углемъ югъ и юго-западъ Россіи, гдѣ, по условіямъ мѣстной промышленности, съ каждымъ годомъ проявляется все большій и большій запросъ на уголь. Да, кромѣ того, русскому каменному углю, по его высокой доброкачественности, давно-бы пора уже выступить и на международномъ рынкѣ.

Инженеръ *А. Габерфельдъ.*



ОЧЕРКЪ V.

ТАТАРЫ-НОГАИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Ставропольскій край.—Очеркъ его исторія и состояніе его въ настоящее время.—„Крѣпость № 8".—Наружный обликъ г. Ставрополя.—Откуда явились ногаи.—Свѣдѣнія, сохранившіяся о нихъ въ исторіи.—Городъ Ногайскъ.—Численность ногайцевъ и мѣста ихъ кочевокъ.—Характеръ ногайской степи.—Администрація и общественное самоуправленіе въ ногайской степи.—Судъ.—Роль и значеніе ногайскаго духовенства.—Понятія о собственности и семейныя начала.—Ногайскіе типы.—Бытъ: одежда, пища, жилище.—Источники пропитанія.—Монотонность степной жизни.—Праздники.—Джигитовка въ степи.—Обряды и обычаи ногаевъ: отогнаніе дьявола отъ новорожденнаго; свадьба и свадебный пиръ; похороны и поминки; средство для избѣжанія посѣщеній мертвеца.—Мнѣнія путешественниковъ о характерѣ ногаевъ.—Вопросъ о будущности ногайскаго народа.

„Въ степяхъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями изстари кочуютъ ногаи"...

СЛОВА ИЗЪ ГЕОГРАФІИ.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ губернія составляетъ окраину предгорій сѣвернаго Кавказа и ровною степною гладью разстилается между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Только въ западной части степной характеръ этой окраины нарушается довольно высокимъ отрогомъ одной изъ вѣтвей Кавказскаго хребта. Эта гористая полоса представляетъ собственно собою рядъ плоскихъ возвышенностей, отдѣляющихся отъ цѣпи горъ Ташлы-Сыртъ, идущей отъ запада къ востоку немного сѣвернѣе Эльборуса. Эти возвышенности направляются къ сѣверу вдоль праваго берега Кубани, мимо верховьевъ Кумы и Подкумка, наполняютъ собою всю западную часть Пятигорскаго уѣзда, затѣмъ входятъ въ уѣздъ Ставропольскій, гдѣ за Ставрополемъ къ сѣверу и сѣверо-западу постепенно понижаются и мало-по-малу переходятъ въ приазовскую низменность.

На всемъ протяженіи отъ Ташлы-Сырта и до Ставрополя этотъ гребень служитъ водораздѣломъ между бассейнами Каспійскаго и Чернаго морей. Такъ какъ гребень держится западной окраины нагорной полосы, то поэтому и всѣ воды почти исключительно направляются на востокъ и вслѣдствіе того восточный скатъ нагорной полосы, хотя и обращенный къ сухой прикаспійской степи — сравнительно гораздо богаче водой и представляетъ болѣе удобствъ для осѣдлой жизни, чѣмъ западный склонъ. Въ почвѣ здѣшней мѣстности мѣстами залегаетъ известковый ракушникъ или—иначе—степной известнякъ, заключающій въ себѣ много раковинъ, по главнымъ образомъ Mactra podolica, Buccinum dissitum и нѣкоторыя другія. Цвѣтъ его бѣлый или желтовато-сѣрый, а иногда красноватый; залегаетъ на глубинѣ отъ $^1/_3$ арш. и до 3 аршинъ. Этотъ известнякъ ломается на постройки и для выжиганія извести; изъ него также дѣлаютъ столбы, дымовыя трубы, корыта, молотильные катки, могильные кресты и

плиты. Каменоломни его находятся въ г. Ставрополѣ и при селеніяхъ: Русской, Донскомъ, Безопасномъ, Палагіадѣ, Дубовкѣ, Тугулукѣ, Кугультѣ и Терновкѣ.

По обѣ стороны ставропольскаго нагорья разстилаются степи. Къ западу эти степи сливаются съ Черноморскими, къ востоку достигаютъ Каспійскаго моря. Степь, лежащая къ западу, во всѣхъ направленіяхъ перерѣзывается крутыми балками, которыя наполняются водою только весною и осенью; въ южной части она покрыта ковылемъ, а къ сѣверу, съ приближеніемъ къ Манычу, становится песчано-солонцеватою; мѣстами здѣсь встрѣчается много соляныхъ озеръ и солонцевъ. Осѣдлое населеніе здѣсь группируется болѣе въ западной части. Восточная степь чѣмъ ближе къ нагорью, тѣмъ болѣе сходна съ западной степью и тѣмъ удобнѣе для осѣдлыхъ поселеній, но чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ она становится безплоднѣе, ровнѣе, беднѣе водой и только прорѣзывается песчаными дюнами—въ видѣ бугровъ, какъ-то грустно торчащихъ посреди унылой степной пустыни.

Рѣки Кума и Манычъ составляютъ главныя водныя артеріи края. Но обѣ эти рѣки до того мелководны и съ такимъ тихимъ теченіемъ, что лѣтомъ онѣ окончательно теряются въ пескахъ и лишь весною—въ половодье—Манычъ впадаетъ въ Донъ, а Кума—въ Каспійское море. При этомъ должно замѣтить, что въ Манычѣ, текущемъ лишь плесами, въ иные годы образуются два теченія: одно—на западъ, другое—на востокъ, причемъ западный Манычъ течетъ въ Донъ, а восточный Манычъ соединяется съ Гайдукомъ (рукавомъ Кумы), то-есть, значитъ, вливается въ Каспійское море. Кума въ верхнемъ своемъ теченіи и притоки ея текутъ по самой населенной и плодородной части края. За притокомъ Буйволою, Кума вступаетъ уже въ степь, лишь изрѣдка кое-гдѣ заселенную осѣдлыми жителями. Вообще Ставропольскій край бѣденъ проточными водами, которыя сосредоточились главнымъ образомъ въ западной его части, да и здѣсь въ низовьяхъ рѣкъ вода очень плоха,—и поэтому жители по большей части берутъ воду изъ колодцевъ или родниковъ. Въ восточной же степи кочевники довольствуются водою, собираемою въ такъ-называемыхъ *копаняхъ*, устраиваемыхъ въ пескахъ, куда набирается почвенная вода. Озера находятся въ долинѣ рѣки Маныча и вблизи Каспійскаго моря; въ гористой части страны ихъ очень немного. Всѣ эти озера—малы, за исключеніемъ сопровождающихъ русло Маныча, и содержатъ въ себѣ воду соленую и горько-соленую; къ самоосадочнымъ соленымъ озерамъ относится и озеро Джелча, въ 8 верстахъ отъ озера Маныча. Многія изъ озеръ высохли и обратились въ солончаки, наполняющіеся водой только весною во время таянія снѣговъ или при сильныхъ дождяхъ.

Въ лѣсахъ здѣсь чувствуется недостатокъ не только въ степныхъ мѣстностяхъ, но даже и въ гористыхъ, а въ прикаспійской степи лѣсовъ вовсе нѣтъ. Казенныхъ лѣсовъ и лѣсовъ государственныхъ крестьянъ насчитывается лишь едва до 30 тысячъ дес.; изъ нихъ самыя большія дачи находятся въ 2 верстахъ отъ г. Ставрополя (Русская) до 5,000 дес. слишкомъ и близь Пятигорска (Бештовогорская) до 6,000 дес. Строевого лѣса — нѣтъ; онъ привозится съ Волги, съ Дона или изъ-за Кубани. До 1802 г. кругомъ Ставрополя находились еще дремучіе лѣса. Тогда ихъ истребляли чисто съ стратегическою цѣлью, такъ какъ въ ту пору шла борьба съ горцами; впослѣдствіи лѣса стали рубиться уже безъ нужды, зря, и скоро были опустошены въ конецъ. Для топлива, кромѣ дровъ, нынѣ уже употребляются за недостаткомъ лѣса — хворостъ, кизякъ, каменный уголь и донской антрацитъ.

Климатъ Ставропольскаго края — непостояненъ: часто въ одинъ и тотъ же день бываетъ нѣсколько колебаній отъ холода къ теплу и наоборотъ. Низовья Кумы и прибрежье Маныча считаются мѣстностями чрезвычайно нездоровыми: отъ гнилой, стоячей воды и отъ сильныхъ жаровъ зарождаются лихорадки, тифъ и другія болѣзни. А песчаныя пространства, сильно накаляясь подъ знойными лучами южнаго солнца, производятъ сильныя росы и густые туманы, и происходящія при этомъ рѣзкія перемѣны температуры располагаютъ къ простуднымъ болѣзнямъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ вкратцѣ характеръ ставропольскихъ степей...

Ставропольскія степи лежатъ на томъ великомъ, историческомъ пути изъ Азіи въ Европу, по которому со временъ глубокой древности двигались народы, переселявшіеся съ востока на западъ. Смѣняясь одни другими, кочевники проходили по этимъ степямъ, какъ тѣни китайскаго фонаря, не оставляя по себѣ почти никакихъ прочныхъ слѣдовъ и воспоминаній. Они проходили здѣсь нестройными ордами, со своими стадами, останавливались здѣсь на время, кормились и затѣмъ исчезали, уходя далѣе на западъ. Единственными памятниками о бывшихъ здѣсь посѣтителяхъ, можетъ быть, служатъ лишь курганы. Только у мѣстечка Святого Креста (въ Новогеоргіевскомъ уѣздѣ) сохранились еще развалины какого-то невѣдомаго города, близъ котораго находили монеты, и при этомъ одна изъ нихъ оказалась съ куфическими надписями...

Въ X вѣкѣ между Дономъ и Каспійскимъ моремъ жили Козары, Ясы и Косоги. Славяне, какъ извѣстно, уже издревле были знакомы съ сѣверными предгорьями Кавказа и довольно успѣшно порой воевали подъ предводительствомъ удѣльныхъ князей съ обитавшими здѣсь народами. Такъ, въ 966 г. Святославъ побѣдилъ Ясовъ и Косоговъ, а въ 969 г. при немъ же Руссы разрушили Семендеръ (старые Тарки, въ сѣверномъ Дагестанѣ). Въ XI столѣтіи борьба продолжалась: Мстиславъ въ 1016 г помогалъ Византійцамъ въ войнѣ съ Козарами, а въ 1022 г. ходилъ на Косоговъ и обложилъ ихъ данью. Въ лѣтописяхъ подъ 1065 г. упоминается, что Косоги были данниками Ростислава. По словамъ лѣтописей, въ XI и въ началѣ XII столѣтія на полуостровѣ Таманьскомъ существовало даже цѣлое Тмутараканское княжество, занимавшее довольно значительное пространство по восточному берегу Азовскаго моря. Въ XII столѣтіи въ здѣшнихъ степяхъ усилились Половцы, а въ XIII напали Монголы и надолго оттѣснили Русскихъ далеко на сѣверъ отъ Кавказа и отъ береговъ Чернаго моря. Послѣ паденія Золотой Орды, на этихъ мѣстахъ оказались посреди прочихъ остатковъ Татары и Ногаи или Ногайцы. Въ XVI вѣкѣ царь Иванъ Грозный вступилъ въ миролюбивыя сношенія съ кавказскими народами—съ Кабардинцами. Въ 1559 г., по завоеваніи города Терки, построеннаго на одномъ изъ рукавовъ рѣки Терека, заселилъ этотъ городъ стрѣльцами и казаками, а въ 1561 г. царь женился на кабардинской княжнѣ, Маріи Темрюковнѣ. Хотя въ XVI столѣтіи ногайскіе предводители и признавали надъ собой власть Московскихъ государей, но зависимость ихъ — также, какъ Кабардинцевъ и другихъ народовъ, жившихъ по сѣвернымъ предгорьямъ Кавказа, была болѣе номинальная, нежели фактическая. Пока они находили выгоднымъ для себя признавать русское владычество—они признавали его, когда же интересы ихъ не требовали этого—они легко обращались въ непріятеля.

Но какъ бы то ни было, съ этого времени цари московскіе стали уже постоянно сноситься съ владѣтелями Кавказа и даже не рѣдко посылали сюда войска. Въ 1587 г. при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ войско, посланное сюда изъ Астрахани, завладѣло берегами рѣки Койсу, а въ 1594 г. здѣсь устроено русское укрѣпленіе (городъ). При Борисѣ Годуновѣ здѣсь были заложены крѣпости въ Таркахъ, Буйнахъ и на Тузлукѣ; въ 1604 г. русскія войска дѣйствовали здѣсь на рр. Сулакѣ и Сунджѣ. Послѣ этого въ теченіе ста лѣтъ слишкомъ — вплоть до Персидскаго похода Петра I — дѣла Русскихъ по отношенію къ предгорьямъ Кавказа оставались въ застоѣ. Первое заселеніе Русскими сѣверныхъ предгорій Кавказа началось съ 1711 г., когда были выведены на низовье Терека Гребенскіе казаки, образовавшіе здѣсь пять станицъ. Въ 1722 г. крѣпость Терки была упразднена и вмѣсто нея устроена крѣпость Святого Креста, на Сулакѣ, но въ 1736 г. она также оставлена вслѣдствіе нездороваго климата той мѣстности,— и учреждена крѣпость Кизляръ. Но еще долго послѣ того—болѣе ста лѣтъ—приходилось русскому солдату выдерживать ожесточенную борьбу съ горцами изъ-за каждаго камня, изъ-за каждаго куста, за каждую пядь земли... Въ 1763 г. была основана на Терекѣ крѣпость Моздокъ и положено начало линіи военныхъ постовъ и поселеній, первоначально по Тереку—отъ Кизляра до Моздока, а потомъ въ 1777 г. отъ Моздока до Азова. Эта линія была названа

Общій видъ города Ставрополя.

Кавказскою. Моздокскую линію занимали казаки Терскіе, Семейные, Гребенскіе, казаки, переведенные съ Дона и, наконецъ, въ 1770 г. по Тереку въ пяти станицахъ былъ разселенъ вновь образованный Моздокскій полкъ, составившійся изъ переведенныхъ сюда съ Волги бывшихъ Волжскихъ казаковъ. Въ составъ этого полка въ 1777 г. поступило еще 200 кибитокъ крещеныхъ калмыковъ разныхъ ордъ; въ другія казачьи войска также поступило въ разное время не мало инородцевъ, принявшихъ крещеніе. Такимъ образомъ, военная колонизація потянулась вверхъ по Тереку и далѣе по верховьямъ рѣкъ Малки и Кумы, перешла на Кубань и къ концу XVIII столѣтія уже достигла устьевъ Кубани.

По Кучукъ-Кайнарджійскому миру (1774 г.) къ Россіи отошли прибрежья Азовскаго моря, и изъ нихъ, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ частей другихъ губерній, образована въ 1775 г. губернія Азовская. Вскорѣ она, вмѣстѣ съ губерніями: Астраханской, Саратовской и Новороссійской, составила особое намѣстничество подъ управленіемъ князя Г. А. Потемкина. По мысли-то Потемкина и была учреждена въ 1777 г. отъ Моздока до Азова „по сухой границѣ“ Кавказская линія, состоявшая изъ пяти укрѣпленныхъ станицъ: Екатериноградской, Павловской, Марьинской, Георгіевской и Александровской—и четырехъ крѣпостей: Сѣверной, Ставропольской, Московской и Донской. По мысли же князя Потемкина началось здѣсь и водвореніе крестьянъ въ степи между Кумою и Калаусомъ. Въ эту эпоху—въ эпоху временщиковъ и фаворитовъ—многія земли здѣсь были пожалованы въ частное владѣніе, какъ, напримѣръ, князю Трубецкому, графу Воронцову, Зубову и другимъ, — и всѣ эти пространства мало-по-малу стали заселяться пришельцами изъ внутреннихъ губерній. За военнымъ укрѣпленіемъ подъ-кавказья послѣдовало и его гражданское устройство. Въ 1786 г. была учреждена Кавказская губернія, состоявшая изъ двухъ областей: Астраханской и Кавказской.

Нѣтъ необходимости слѣдить далѣе ни за подробностями административныхъ передѣлокъ, которымъ подвергался этотъ край, ни за всѣми перипетіями той упорной, кровавой борьбы, сценой которой былъ этотъ край въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Кавказскія войны составляютъ цѣлую эпопею. Объ этихъ войнахъ существуетъ богатая литература. Пушкинъ и Лермонтовъ посвятили этой борьбѣ не одну поэму и не одно стихотвореніе. Не было въ ту пору почти ни одного поэта, который не пытался бы воспѣть „погибельный Кавказъ“. Романъ подъ заглавіемъ „Война Русскихъ съ Кабардинцами или Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга“—представляетъ собой выразительный типъ цѣлой отрасли беллетристической литературы, касающейся событій изъ времени Кавказскихъ войнъ. Повѣстями Марлинскаго (какъ, напримѣръ, его „Амалатъ-Бекомъ“) зачитывалась вся образованная русская публика. Громадныя кипы портретовъ кавказскихъ героевъ и аляповатыхъ, пестро раскрашенныхъ картинъ, изображавшихъ различные моменты изъ эпохи борьбы, ежегодно массой расходились по Россіи, разносимыя коробейниками въ самые глухіе уголки нашего обширнаго отечества...

Здѣсь мы упомянемъ только, что въ 1847 г. изъ бывшей Кавказской области была образована Ставропольская губернія, въ составъ которой входило все пространство отъ границъ Черноморья, Земли Войска Донского и Астраханской губерніи до самаго гребня главнаго хребта Кавказскихъ горъ. Въ 1867 г. изъ нея образованы собственно Ставропольская губернія, области Терская и Кубанская, причемъ къ послѣдней же присоединено и Черноморье.

Теперь слово о самомъ городѣ Ставрополѣ.

Ставрополь—изъ числа новыхъ городовъ; ему едва лишь исполнилось столѣтіе. Но у него уже есть своя исторія, краткая, небольшая, не богатая событіями, но тѣмъ не менѣе исторія краснорѣчивая, съ печалями и радостями, съ тревогами и волненьями... Ставрополь, какъ уже сказано, былъ основанъ въ стратегическихъ видахъ и въ числѣ укрѣпленій, расположенныхъ отъ Моздока до Азова, предназначенъ былъ для защиты русскихъ предѣловъ отъ хищническихъ набѣговъ горскихъ племенъ, жившихъ за Кубанью. Сначала городъ значился, просто,

подъ именемъ „укрѣпленья № 8" и только уже впослѣдствіи былъ названъ греческимъ именемъ (Ставрополь — по-гречески значитъ „Городъ Креста"). Преданіе гласитъ, что городъ названъ такъ въ память найденнаго при его основаніи креста. Преданіе о крестѣ сохранилось, но самый крестъ исчезъ. Находящійся въ настоящее время каменный крестъ на дворѣ крѣпости, составляющей нынѣ дворъ ставропольскаго интендантскаго отдѣла, поставленъ въ 1817 г. въ память избавленія жителей отъ чумы.

Въ первый разъ Ставрополь упоминается въ 1777 г., когда на военной оборонительной линіи отъ Моздока до Азова, въ числѣ другихъ укрѣпленій, было рѣшено построить крѣпость подъ № 8. Крѣпость была воздвигнута на горѣ, на которой теперь находится Казанскій ка-

Г. Ставрополь. Каѳедральный соборъ.

ѳедральный соборъ. Нынѣ отъ крѣпости остались лишь едва примѣтныя амбразуры и слѣды вала. Первыми строителями города были солдаты Владимірскаго драгунскаго полка. Въ 1778 г. къ драгунамъ были еще присоединены Хоперскіе казаки, заведшіе около крѣпости станицу. Казачьи семейства оставались сначала на старыхъ мѣстахъ своего жительства при Новохоперской крѣпости, въ станицахъ: Алферовкѣ, Пыховкѣ и Красной,—въ ожиданіи, пока ихъ мужья и отцы не построятъ для нихъ домовъ на новой линіи. Въ этихъ постройкахъ прошелъ весь 1778 г. Въ теченіе этого года казаками было построено въ Ставропольской станицѣ 179 домовъ, а въ крѣпости—полковничій домъ, два старшинскихъ, 13 домовъ для офицеровъ, 3 сарая для полковой аммуниціи и обоза, гаубтвахта, пороховой погребъ и двѣ маркитанскія лавки. Словомъ, въ 1778 г. населеніе здѣсь было исключительно военное, такъ какъ семьи казацкія прибыли сюда только въ слѣдующемъ году. Около этого же времени стали поселять при Ставропольской крѣпости отставныхъ солдатъ, спабжать ихъ оружіемъ, рабочими

волами, лошадьми и т. д. Такимъ образомъ основалась „солдатская слободка", которая и донынѣ сохранила свое названіе, хотя и составляетъ уже часть города. Въ 1779 г. было поселено 332 отставныхъ солдата, а въ 1782 г. ихъ уже насчитывалось 494 человѣка—и при нихъ женъ 81 и 37 дѣтей. Слободка отстояла отъ крѣпостного вала на 350 саж. и между ею и крѣпостью стоялъ лѣсъ, называвшійся впослѣдствіи Бабиной рощей, остатки которой уцѣлѣли и нынѣ подъ названіемъ „Воронцовскаго сада". Вотъ эта-то бѣдная слободка „солдатская" и разрослась въ Ставрополь — въ городъ почти съ 30 тыс. жителей, въ которомъ недвижимыя имущества представляютъ цѣнность въ 7 милліоновъ руб. Нынѣ онъ первенствующій городъ на всемъ сѣверномъ Кавказѣ. Ставрополь не напрасно прожилъ свои сто лѣтъ... Но первые поселенцы его натерпѣлись не мало горя. Первый годъ для поселенцевъ—для солдатъ и казаковъ—былъ во всѣхъ отношеніяхъ тяжелымъ годомъ. 4 іюня 1779 г. Дулакъ-Султанъ напалъ на Ставропольскую крѣпость. Хотя онъ былъ отбитъ съ урономъ, но при этомъ нападавшіе—темиргоевцы и бесленеевцы — убили 20 казаковъ и отогнали 240 лошадей, сами потерявъ 30 человѣкъ убитыми. Затѣмъ, послѣдовали подъ рядъ три-необычайно суровыя зимы, неурожай травъ и, наконецъ, чума со всѣми ея ужасами...

Въ 1780 г. въ крѣпости была построена первая церковь. Съ этого времени сюда стали являться и выходцы изъ внутреннихъ губерній, народонаселеніе города увеличивалось и, наконецъ, выстроилась цѣлая улица—Большая Черкасская (что нынѣ Николаевская). Въ 1802 г. Ставрополь сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Кавказской губерніи. Въ 1808—1809 гг. сюда переселилось до 50 армянскихъ семействъ, которыя и завели здѣсь торговлю. Съ 1822 г. Ставрополь сталъ областнымъ городомъ, а въ 1847 г. превращенъ въ губернскій городъ. Въ настоящее время онъ считается въ числѣ хорошихъ провинціальныхъ русскихъ городовъ...

Городъ расположенъ на мѣстности, покрытой холмами и изрытой небольшими оврагами. Въ окрестностяхъ города берутъ начало небольшія рѣчки: Ташла, Мамайка, Мутнянка, а въ самомъ городѣ—Жолобовка. Изъ нихъ Ташла омываетъ сѣверную часть города, а Мамайка—южную. Кромѣ того, городъ снабжается водой изъ 600 колодцевъ и изъ нѣсколькихъ бассейновъ, выведенныхъ изъ Карабьинскаго источника, лежащаго въ трехъ верстахъ отъ центра города. Лучшими частями города считаются: *Старый* и *Новый городъ* и *Воробьевка*.

Старый городъ — самая красивая часть Ставрополя — расположенъ по обѣимъ сторонамъ Николаевской улицы (бывшая Черкасская). Посрединѣ этой улицы, по всему продолженію ея, то-есть—на протяженіи полуторы версты тянется прекрасная тѣнистая аллея. Этимъ бульваромъ Николаевская улица раздѣляется пополамъ, на двѣ широкія улицы, идущія параллельно аллеѣ, вправо и влѣво отъ нея. На правой сторонѣ улицы построены большіе каменные дома, въ которыхъ помѣщаются: почтамтъ, мужская гимназія, основанная лично императоромъ Николаемъ I въ 1837 г., клубъ, магазины, гостиницы. На лѣвой сторонѣ находятся: зданіе городской думы довольно красивой архитектуры,—въ немъ помѣщаются всѣ общественныя городскія управленія; гостиный дворъ, преимущественно занимаемый армянскимъ купечествомъ; въ срединѣ его лицевого корпуса устроена церковь. На нижней части Николаевской улицы находится Троицкій соборъ. Къ югу, параллельно съ Николаевской улицей, идетъ Александровская, на которой находятся Воронежскій садъ, больница, уѣздное училище. Улицы Николаевская и Александровская соединяются между собою посредствомъ Театральной улицы, на которой помѣщаются лучшіе магазины, театръ, аптека и католическая церковь. Съ другой стороны Театральная улица соединяется съ прежнимъ Татарскимъ базаромъ—съ улицей Коммиссаріатской, гдѣ находятся—пріютъ, присутственныя мѣста, домъ интендантскаго отдѣла и склада, городская полиція, помѣщеніе пожарной команды и Казанскій соборъ. Николаевская и Александровская улицы еще встрѣчаются съ Архіерейскою, гдѣ находятся: духовное училище, архіерейскій домъ и церковь, а также каменный мостъ, перекинутый черезъ большой ровъ, по которому протекаетъ родникъ Желобокъ. Наконецъ, Николаевская и Александров-

ская улицы выходятъ на ярмарочную площадь, расположенную за Тифлисскими каменными воротами.

Новый городъ начинается обширною базарною площадью. Правая сторона площади занята двумя гостиными дворами, духовною семинаріей, Андреевской церковью и многими красивыми каменными домами. На лѣвой сторонѣ — новое зданіе для помѣщенія гимназіи, телеграфное управленіе, соляная контора, лютеранская церковь и госпитальныя зданія, позади которыхъ, немного отступя, растянулся военный форштадтъ. Къ югу и востоку за военною слободкой стоитъ тюремный замокъ и находятся Мутнянское, Мамайское и Георгіевское пред-

Г. Ставрополь. Николаевскій проспектъ.

мѣстья. Влѣво отъ госпитальныхъ зданій раскинулась Воробьевка — часть города, состоящая изъ четырехъ, довольно хорошо обстроенныхъ улицъ. За Воробьевкою тянется Подгорная слободка, по берегамъ рѣчки Ташлы. Въ этой слободкѣ улицы кривыя и тѣсныя и домишки въ ней по большей части бѣдные, убогіе. За Ташлой на возвышенности находится женскій Іоанно-Маріинскій монастырь. Слобода Станица удержала свое названіе отъ полка Хоперскихъ казаковъ, жившихъ здѣсь до 1827 г. Въ Станицѣ и до сего времени существуетъ старый базаръ, кругомъ обстроенный каменными и деревянными домами, которыхъ нижніе этажи заняты лавками; посреди площади находятся мясные ряды. Станица оканчивается улицами, выходящими на ярмарочную площадь. Къ сѣверной сторонѣ площади примыкаетъ Успенское кладбище съ красивой церковью, построенной въ готическомъ стилѣ. Кладбище обнесено каменною оградой. Отъ ярмарочной площади тянутся строенья по обѣимъ сторонамъ родника Желобка

до Архіерейскаго моста, за которымъ раскидывается новая обширная площадь, въ срединѣ которой находится церковь св. Варвары, построенная въ большомъ тѣнистомъ саду, обнесенномъ каменною оградой. По обѣ стороны этой площади расположена Солдатская слободка.

До 1817 г. въ Ставрополѣ была только одна деревянная церковь, принадлежавшая полку Хоперскихъ казаковъ и впослѣдствіи перевезенная ими на Кубань. Въ 1817 г была выстроена здѣсь первая соборная церковь — Троицкій соборъ, со времени постройки новаго каѳедральнаго собора Казанской Божіей Матери, называемый Старымъ соборомъ. Въ настоящее время въ городѣ до 17 церквей (съ домовыми), кромѣ церкви католической и лютеранской, есть еще одна церковь армяно-григоріанская, еврейская синагога и мечеть. Домовъ болѣе 5 тысячъ. Жителямъ города принадлежатъ 17,500 дес. земли—и изъ нихъ около 15,000 дес. идетъ подъ пашню. Садовъ въ городѣ считается болѣе 160; въ нихъ растутъ сливы, вишни, кизиль и прочіе фрукты и ягоды. Кое-гдѣ даже разводятъ персики и виноградъ. Въ окрестностяхъ города расположено до 40 хуторовъ.

Г. Ставрополь. Казармы мѣстнаго гарнизона.

Мѣстами гулянья для городскихъ жителей служатъ: обширный, тѣнистый бульваръ и Воронцовскій садъ. Въ саду устроены оранжереи, пруды, вокзалы, проведены густыя, прекрасныя аллеи. Въ лѣтніе вечера здѣсь часто играетъ музыка, устраиваются аллегри и т. под. Такимъ образомъ оказывается, что въ Ставрополѣ есть положительно все, что полагается имѣть каждому порядочному губернскому городу. Въ немъ есть и соборъ, построенный на самомъ высокомъ мѣстѣ города, есть и бульваръ, и каменный гостиный дворъ, и всевозможныя училища (со включеніемъ сюда, разумѣется, семинаріи, женской гимназіи и пріютовъ), есть и публичная библіотека, и богадѣльня, и тюрьма, есть даже, наконецъ, метеорологическая станція, что, какъ извѣстно, имѣется ужь далеко не въ каждомъ губернскомъ городѣ. И засимъ наружный обликъ Ставрополя — конченъ...

Жители его занимаются садоводствомъ, огородничествомъ и хлѣбопашествомъ, а также ломкой камня, идущаго на постройки, работами на мѣстныхъ заводахъ и различными ремеслами. Здѣсь сѣется: рожь, овесъ, пшеница, также просо, ячмень и гречиха. Болѣе-же всего жители занимаются разведеніемъ картофеля, капусты, огурцовъ и прочихъ овощей. Садоводствомъ занимаются преимущественно тѣ горожане, которые живутъ по Тагилѣ и Мамайкѣ,

гдѣ сады изобилуютъ сливами, вишнями, кизилемъ и т. под. Торговля скотомъ и всякими сырыми животными матеріалами довольно значительна. Скотъ гоняется въ Москву и въ Петербургъ. Ставропольскіе скотопромышленники ежегодно отправляютъ отсюда на продажу до 30 тыс. головъ крупнаго скота и до 10 тыс. овецъ. Сало отправляется черезъ Ростовъ и Таганрогъ за границу. Кромѣ того, значительная торговля идетъ кожами и овчинами, которыхъ вывозится отсюда для отправки во внутреннія губерніи свыше 15 тыс. штукъ. Спиртные напитки, то-есть—разныхъ сортовъ водки, выдѣлываемыя на мѣстѣ, и красное вино, Кизлярское и Прасковейское, также составляютъ предметъ мѣстной торговли. Строевой лѣсъ доставляется въ Ставрополь изъ Царицына. Вообще же торговый оборотъ города достигаетъ до 6 милл. руб. въ годъ. Базары—еженедѣльно, по понедѣльникамъ и пятницамъ. Въ теченіе года соби-

Г. Ставрополь. Тифлисскія ворота на Николаевскомъ проспектѣ.

раются три ярмарки: лѣтняя—Троицкая, существующая съ 1797 г., лучшая по оборотомъ, осенняя—Ивановская—12 октября, и недавно установленная Іоанно-Предтеченская, 29 августа. На первой ярмаркѣ деревенскіе жители запасаются отъ городскихъ торговцевъ вяленою сухою рыбой, косами, серпами и вообще всѣмъ, нужнымъ для предстоящаго сѣнокоса и для жатвы, сами же распродаютъ остатки хлѣба. Кромѣ того, тутъ же происходитъ торговля рогатымъ скотомъ и лошадьми. Въ это время здѣсь устраиваются конскія скачки. Лѣтняя ярмарка важна для деревни; осенняя-же болѣе интересуетъ городъ. На Ивановской ярмаркѣ горожане запасаются на зиму всѣми необходимыми продуктами: теплою одеждой, топливомъ, красными товарами и т. д. На Троицкую ярмарку привозится товаровъ на сумму до 400 тыс. р. и продается почти на 300 тыс. р.; на осеннюю-же ярмарку привозится на 250—300 тыс. р., а продается на 150—200 тыс. р. Предтеченская ярмарка — ничтожна по своимъ оборотамъ. Скотъ здѣсь главнымъ образомъ закупается у кочевниковъ. Рыба доставляется изъ ближнихъ озеръ, съ Кубани и Дона: съ Кубани доставляютъ севрюгу, осетры и крупнаго сазана; съ Дона приво-

зятъ судака, стерлядь, лещей, севрюгу, осетра, икру, тешку, балыкъ. Сельди привозятся съ Черноморья, шамая—изъ Кизляра и т. д.

Жителей въ Ставропольской губерніи по переписи 1897 г. состояли изъ 876,298 д. Составъ населенія чрезвычайно разнообразенъ—по національности, и по религіи и по образу жизни: русскіе, греки, армяне, эсты, нѣмцы (въ 16 верстахъ отъ Ставрополя находится большая нѣмецкая колонія—Іогансъ-Дорфъ) и осѣдлые, и кочевые инородцы монгольской расы: калмыки, кочующіе въ сѣверной части Ставропольскаго уѣзда и исповѣдующіе ламайскую религію; трухмены, занимающіе земли по обѣ стороны рѣки Кумы; за ними—ближе къ Каспійскому морю—кочуютъ погаи, исповѣдующіе магометанство также, какъ и трухмены. Въ здѣшнемъ краѣ на 100 православныхъ приходится по 18 иновѣрцевъ. Русскихъ считается до 750 тыс. чел., погайцевъ и трухменъ—до 84 тыс. слишкомъ, калмыковъ и киргизовъ до 11 тыс. Такимъ образомъ, оказывается, что трухмены и погаи составляютъ 0,24% всего населенія, то-есть являются, послѣ русскихъ, преобладающимъ элементомъ въ краѣ.

Г. Ставрополь. Церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

Главныя занятія жителей: хлѣбопашество и скотоводство,—чему способствуютъ и климатъ, и плодородіе почвы и обиліе пастбищныхъ мѣстъ. Кромѣ того, русскіе крестьяне и нѣмецкіе колонисты еще съ успѣхомъ занимаются садоводствомъ, разведеніемъ виноградниковъ, пчеловодствомъ и мѣстами изрѣдка шелководствомъ. Хлѣбопашество развито повсюду, за исключеніемъ степей кочевниковъ. Хлѣбъ въ значительномъ количествѣ вывозится отсюда въ Ростовъ-на-Дону и въ горы. Въ одинъ Ростовъ отправляется отсюда хлѣба до 400 тыс. четв. Кромѣ хлѣба еще сѣютъ довольно много льняного и подсолнечнаго сѣмени; перваго ежегодно отправляется въ Ростовъ до 200 тыс. четв., а второго—до 30 тыс. пуд. Здѣсь, какъ уже сказано, благодаря богатымъ пастбищамъ, сильно развито скотоводство. Лошадей насчитывается до 185 тыс. головъ, рогатаго скота—до 750 тыс., овецъ—простыхъ болѣе $1^1/_2$ милліона, тонкорунныхъ—до 2 тыс., до 150 тыс. свиней, до 40 тыс. козъ и до 8 тыс. верблюдовъ. Въ Ростовъ вывозится отсюда: шерсти—до 130 тыс. пуд., сала—до 50 тыс. пуд., кожи—до 10 тыс. штукъ и до 80 мил. овчинъ; выгоняется лошадей до 6 тыс. шт., рогатаго скота—до 35 тыс. головъ, овецъ и козъ—до 60 тыс. Остальные же кое-какіе промыслы служатъ лишь какъ-бы подспорьемъ къ сельскому хозяйству. Заводско-фабричная промышленность почти исключительно касается лишь обработки продуктовъ, доставляемыхъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Развитію промышленности здѣсь не мало препятствовалъ недостатокъ въ топливѣ. Фабрикъ и заводовъ до послѣдняго времени здѣсь было до 200, работало на нихъ около 1,000 человѣкъ и производилось на нихъ товаровъ на $1^1/_2$ милліона руб. Всего болѣе заводовъ—маслобойныхъ, салотопенныхъ, кожевенныхъ, шорныхъ и сыромятныхъ, гончарныхъ, горшечныхъ, кирпичныхъ, мы-

лёваренныхъ, сальносвѣчныхъ, табачныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ. Лучшія ярмарки: въ Ставропольскомъ уѣздѣ, Ѳоминская, въ с. Среднемъ Егорлыкѣ (привозъ—около 300 тыс. руб.); въ Пятигорскомъ у., въ слободѣ Александровской—Евдокеевская (привозъ—300 тыс. р.); въ Новогригорьевскомъ у., въ с. Петровскомъ 21 ноября (привозъ около 300 тыс. р.); въ с. Медвѣдскомъ 25 марта (привозъ на 130 тыс. р.) и въ с. Дивномъ 9 марта (привозъ на 100 тыс. р.). У кочевниковъ ярмарка собирается 9 апрѣля и 1 августа при лѣтней ихъ ставкѣ; на первую привозится товаровъ на 80 тыс. р., на вторую—слишкомъ на 70 тыс. руб.

Хлѣба въ здѣшнемъ краѣ засѣвается такъ много, что мѣстные жители не въ состояніи убирать его собственными средствами. Вслѣдствіе этого изъ Россіи ежегодно прибываетъ сюда на время уборки хлѣба около 20 тыс. рабочаго народа. Появленіе рабочихъ изъ Россіи начи-

Г. Ставрополь. Вокзалъ.

нается, обыкновенно, съ 1 мая и продолжается до 1 іюня. Рабочіе пробираются къ извѣстному имъ болѣе центральному пункту, останавливаются тамъ и уже оттуда, смотря по запросу, расходятся по селеніямъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ по окончаніи сѣнокоса и уборки хлѣба возвращаются во-свояси, другіе же остаются еще на осень для молотьбы, а иные поступаютъ къ хозяевамъ на срокъ или до Покрова дня того-же года или до Троицына дня слѣдующаго года.

Сюда-же тянутся и переселенцы изъ внутреннихъ губерній. Слухи о плодородіи и привольи ставропольскихъ степей прошли далече и, передаваясь изъ устъ въ уста, придали ставропольскому краю какой-то фантастическій оттѣнокъ. Названіе Ставропольской губерніи сдѣлалось именемъ нарицательнымъ. При словахъ „Ставропольская губернія" русскому крестьянину, захудавшему и обнищавшему на своемъ истощенномъ, нищенскомъ клочкѣ земли, начинали мерещиться какія-то чудеса, Обѣтованная Земля, просторъ необъятный, воля-вольная и безпечальное житье. И крестьяне, не зная въ точности ни этой Земли Обѣтованной, ни до-

рогъ, ведущихъ къ ней, руководствуясь лишь той поговоркой, что „языкъ до Кіева доведетъ“,—шли къ ней, тянулись со своими семьями и со своимъ убогимъ скарбомъ, шли изъ Олонецкой губерніи, изъ Смоленской, изъ Черниговской—отовсюду...

Колонизація края еще далеко не закончилась въ наши дни...

Остатки нѣкогда страшныхъ и сильныхъ ордъ Монгольскихъ кочуютъ нынѣ мирно въ Ставропольской губерніи, разбросанные по нѣсколькимъ участкамъ. Все, что уцѣлѣло изъ племени ногайцевъ, усвоило себѣ названія отъ мѣстъ прежнихъ или нынѣшнихъ кочевокъ. (Рѣчь о ногайцахъ, живущихъ въ Области Уральскаго войска и приписанныхъ къ казацкому сословію—также, какъ о ногайцахъ закубанскихъ — не входитъ въ предѣлы настоящаго очерка). Въ Ставропольскомъ уѣздѣ живутъ ногайцы—Калаусо-Джембойлукскіе; въ Пятигорскомъ у.—Калаусо-Саблинскіе и Бештау-Кумскіе; въ Кизляро-Моздокскомъ—Караногайцы и Аги-Кулакъ-Едисано-Джембойлукцы. Должно думать, что въ прежнія времена распространеніе ногаевъ не ограничивалось предѣлами Ставропольскихъ степей. По всему вѣроятію, они во дни оны разселялись шире нынѣшняго, занимая большія пространства земли. Есть основанія предполагать, что ихъ кочевья проникали далеко въ глубь нашихъ восточныхъ степей.

Такъ, напримѣръ, въ 400 верстахъ отъ Оренбурга и въ 64 верст. отъ Мензелинска, на правомъ берегу рѣки Ука, неподалеку отъ впаденія въ нея рѣчки Миняуса, находится село Ногайбокъ, бывшая крѣпость, основанная въ 1736 г. по случаю башкирскаго бунта. Говорятъ, что на мѣстѣ этого села и въ его окрестностяхъ жили въ старину Ногаи и построили здѣсь даже городъ, на что, между прочимъ, указываетъ и названіе протекающей здѣсь рѣчки „Кала-Елга“ (городовая рѣчка), а также остатки древняго рва и вала, уцѣлѣвшіе по этой рѣкѣ, въ полуверстѣ отъ ея устья. Послѣ удаленія ногаевъ на югъ здѣсь кочевалъ башкиръ Ногайбокъ, по имени котораго и самый юртъ назывался деревней Ногайбоковой.

Ногаи во времена своего могущества наводили не малый страхъ на своихъ сосѣдей, а въ числѣ ихъ и Русскіе терпѣли отъ нихъ не мало „обидъ и утѣсненій“. Со временъ Іоанна III ногайцы то вступаютъ съ Россіей въ мирныя торговыя сношенія, то воюютъ съ нею, то русское правительство употребляетъ ихъ орудіемъ противъ своихъ враговъ. Бывало и такъ, что часть ногайцевъ нападала на русскіе предѣлы, а другая часть оставалась въ то же время съ русскими въ мирѣ. Среди ногайцевъ часто происходили смуты и междоусобицы, которыми русское правительство и пользовалось не однажды. Въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина подъ 1480 г. сказано: „Татары Шибанскіе и Ногайскіе, коихъ улусы находились между рѣчкою Бузулукомъ и моремъ Аральскимъ, являются дѣйствующими въ нашей исторіи и въ сношеніяхъ съ Москвою, нерѣдко служа орудіемъ ея политикѣ“. Даже честь уничтоженія Золотой Орды принадлежитъ собственно не Москвичамъ, а ногайцамъ, „ибо Ахмата русскіе не преслѣдовали отъ Угры, напалъ-же на него и разорилъ Орду Ибакъ Шиманскій съ ногайцами“. (Архангелогор. Лѣтопись. Стр. 159). Что московское правительство пользовалось ногайцами, какъ орудіемъ противъ своихъ враговъ, видно, напримѣръ, изъ того, что однажды въ 1487 г. Іоаннъ III совѣтовалъ Менгли-Гирею возбудить ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ. Въ тѣ дни „тѣнь Батыева царства (т.-е. Золотая Орда), какъ говоритъ историкъ, скиталась изъ мѣста въ мѣсто; иногда переходила за Днѣпръ, иногда удалялась къ предѣламъ страны Черкасской, къ берегамъ Кумы“. Наконецъ, въ 1502 г. Менгли-Гирей торжественно извѣщалъ, что древняя Большая Орда уже не существуетъ... Ногаи не однажды тревожили и русскія окраины, врывались и въ Крымъ, захватывали стада, выжигали селенія и „плавали въ крови женъ и младенцевъ, которые укрывались въ лѣсахъ или въ ущельяхъ горъ“. Въ половинѣ XVI вѣка „Ногайскіе татары, кочуя близъ моря Каспійскаго, раздѣлялись на три улуса, принадлежавшіе тремъ князьямъ—братьямъ: Шидаку, Кошуму и Шигъ-Мамаю; первый

жилъ въ городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ; второй повелѣвалъ всею землею между Кумою, Яикомъ и Волгою; третій господствовалъ надъ частью Сибири". Въ то время ногаи были народъ многочисленный, воинственный и сильный.

Но болѣзни, голодовки, періодически посѣщавшія ногайскіе улусы — дѣлали свое дѣло, обезсиливали степное населеніе, погруженное въ тьму невѣжества. „Улусы ногайскіе, писалъ Курбскій, прежде многолюдные, богатые, опустѣли въ жестокую зиму 1557 г.; скотъ и люди гибли въ степяхъ отъ несноснаго холода. Нѣкоторые мурзы искали убѣжища въ Тавридѣ, а нашли въ ней язву съ голодомъ, произведеннымъ чрезвычайною засухой. Къ симъ бѣдствіямъ присоединялось междоусобіе. Въ ногайской ордѣ улусы возставали на улусы". Въ Исторіи говорится, что Іоаннъ IV въ 1565 г. овладѣлъ землею Черкасскою и располагалъ ногаями, но не трудно убѣдиться, что это покореніе было лишь номинальное, покорность — на словахъ, владычество—на бумагѣ.

Ногаи долго еще продолжали наводить на русскихъ людей страхъ и трепетъ. Въ исторіи Карамзина подъ 1572 г. значится: „Знатнѣйшій храбрецъ невѣрныхъ, бичъ, губитель христіанъ, Дивій, Мурза ногайскій, отдался въ плѣнъ суздальскому витязю Алалыкину. Сей день принадлежитъ къ числу *великихъ* дней нашей военной славы: Россіяне *спасли Москву и честь*"... Однако черезъ 8 лѣтъ послѣ „сего великаго дня" ногаи уже опять жгли селенія въ нашихъ предѣлахъ—въ уѣздахъ: Бѣлевскомъ, Козельскомъ, Воротынскомъ, Мещовскомъ и Масальскомъ. Впрочемъ, ногаи не постоянно, какъ уже сказано, воевали съ нами: не однажды послы ихъ являлись въ Москву съ предложеніемъ услугъ и съ требованіемъ свободной торговли. Ногаи торговали въ эту пору лошадьми, и пошлина на этотъ живой товаръ была довольно значительна. Ногаи, торговавшіе лошадьми, изъ вырученныхъ ими денегъ платили въ казну 5 со 100 и, кромѣ того, еще отдавали царю на выборъ десятую долю своихъ табуновъ. Лучшій конь ногайскій стоилъ 20 рублей.

Послѣ смерти Мегметъ-Гирея, сыновья его—Сайдетъ и Муратъ—дѣлаются ставленниками Московскаго государя, и Муратъ проситъ лишь о томъ, чтобы его избавили „отъ строгаго, явнаго присмотра, дабы ногаи и крымцы имѣли къ нему болѣе довѣренности и не видѣли въ немъ раба московскаго"... При Борисѣ Годуновѣ ногайцы *считаются* въ зависимости отъ русскаго правительства. А между тѣмъ при Петрѣ I русскимъ войскамъ подъ Азовомъ не разъ приходилось сражаться съ ногаями. Такъ, напримѣръ, „іюля въ 15 день (1696 г.) приходилъ Нурядынъ-Салтанъ да Кафинскій Муртоза паша къ самымъ московскихъ войскъ обозамъ, со многими ордами, съ Крымцы, съ Ногайцы, съ Кубанцы и съ Горскими Черкесы, и съ Едисаны, и у нашей конницы былъ съ ними бой; и ѣхали наши на непріятельскихъ хребтахъ, рубя ихъ, догоняя верстъ съ десять до самой рѣчки Кагальника, и насилу Нурадымъ-Салтанъ и паша сами ушли".

Только уже въ царствованіе Екатерины II, по присоединеніи Крыма въ 1783 г., ставропольскія степи, такъ долго служившія привольемъ для кочевыхъ ордъ, стали фактически окончательно входить въ предѣлы русскаго государства. Еще въ 1770 г., во время турецкой войны, часть ногайскихъ ордъ, кочевавшая въ Буджакѣ, была поселена подъ покровительствомъ Россіи между Дономъ и Кубанью, откуда протянулась и на рѣку Ею. Въ 1790 г. ногайцы поселились на р. Молочныхъ водахъ и обложены податью. Съ 1801 г. было предположено обращать ногайцевъ къ осѣдлой жизни, но всѣ мѣры, принимавшіяся въ этомъ направленіи, остались безуспѣшны. Приковать ногайца къ одному мѣсту, что удержать вѣтеръ въ полѣ — оказывалось равно немыслимо... Въ 1814 г. герцогъ Ришелье нашелъ нужнымъ какъ для ногаевъ, такъ и для другихъ поселенцевъ здѣшняго края—устроить пристань на Азовскомъ морѣ. Вслѣдствіе того, въ 1820 г. русское село Обиточное, при рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Азовское море, было превращено въ городъ Ногайскъ. Разсчитывали, что Ногайскъ сдѣлается главнымъ городомъ для всего ногайскаго населенія, но расчеты не оправдались. Село Оби-

точное такъ и осталось селомъ, большой русской деревней, — и превращеніе ея въ городъ произошло лишь на бумагѣ. Да и ногайцы со своей стороны еще вовсе не нуждались въ городахъ... Ногайскъ—поселеніе почти исключительно земледѣльческое. Хлѣбопашество и скотоводство—главныя занятія его жителей, которые, за недостаткомъ земель у города, арендуютъ ихъ въ разныхъ частяхъ Бердянскаго уѣзда. Торговля и промышленность Ногайска—ничтожны: въ немъ одинъ кирпичный заводъ, около 20 лавокъ, харчевня и постоялые дворы. Жителей около 3 тыс. душъ. Въ городѣ до 600 домовъ, одна церковь (армяно-григоріанская), да одна часовня. Здѣсь бываютъ базары еженедѣльно, собирается ярмарка, но обороты ихъ крайне микроскопичны...

Въ Ставропольской губерніи, какъ уже сказано, считается до 90 тыс. кочующихъ народовъ: калмыковъ, трухменъ, киргизовъ и ногайцевъ (едисанцевъ, едишкульцевъ, джембулуковцевъ и караногайцевъ).Въ административномъ отношеніи кочевники составляютъ: Больше-Дербетскій улусъ и три приставства: Трухменское, Агикулакъ-Джембулуковское и Караногайское. Населеніе двухъ послѣднихъ приставствъ и составляютъ ногаи. Въ Агикулакъ-Джембулуковскомъ приставствѣ ихъ считается до 24,000 и въ Караногайскомъ болѣе 38,000 тыс. Въ первомъ приставствѣ—до 4,000 кибитокъ (то-есть самостоятельныхъ хозяйствъ), а во-второмъ—5,600 кибитокъ. Такъ какъ въ скотоводствѣ заключается все богатство кочевниковъ, то поэтому мы должны здѣсь коснуться этой отрасли ихъ хозяйства и привести нѣсколько цифръ. Въ Агикулакъ-Джембулуковскомъ приставствѣ считается, на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній,— лошадей 6,500, рогатаго скота — 19,200, овецъ — 55,500, козъ — 1,800, верблюдовъ — 430, итого — 83,430 головъ скота. Въ Караногайскомъ приставствѣ: лошадей — 13,500, рогатаго скота—32,200, овецъ—116,000, козъ—9,600 и верблюдовъ—570, итого—171,870 головъ. Несмотря на эти крупныя цифры, читатель увидитъ ниже, что ногаи—въ массѣ—народъ очень бѣдный...

Каждое изъ ногайскихъ племенъ раздѣляется на „кубы", имѣющіе значеніе нашихъ волостей. Такъ, Агикулакъ-Джембулуковцы раздѣляются на 2 куба—и въ этихъ кубахъ до восьми ауловъ; едисанцы живутъ въ двадцати аулахъ, распадающихся на 3 куба, а едишкульцы живутъ въ двухъ аулахъ. У караногайцевъ считается 9 поселеній, но эти поселенія въ сущности составляютъ лишь зимовники. Кромѣ этихъ населенныхъ мѣстъ, существуютъ еще административно-полицейскіе пункты, устроенные среди кочевниковъ для наблюденія и для управленія ими. Такіе пункты называются ставками. При ставкѣ, обыкновенно, находится больница, школа, базаръ; здѣсь же живетъ правительственный чиновникъ (приставъ), его помощники, переводчики, письмоводители и команды казаковъ.

Въ составъ Агикулакъ-Джембулуковскаго приставства вошли три ногайскія племени, уже выше упомянутыя: едисанцы, джембулуковцы и едишкульцы. Едишкульцы живутъ осѣдло; ихъ считается болѣе 800 хозяевъ. Кибитокъ, имѣющихъ по 1 штукѣ скота, до 150, а кибитокъ, не имѣющихъ вовсе скота — до 250. Джембулуковцы почти всѣ кочевники, за исключеніемъ лишь аула Камышъ-Бурунъ, живущаго осѣдло. Это — самое большое ногайское поселеніе, замѣчательное, между прочимъ, тѣмъ, что его жители ведутъ свое хозяйство на русскій ладъ. Въ этомъ аулѣ 82 двора, имѣющихъ: до 80 лошадей, болѣе 1,000 головъ рогатаго скота, свыше 1,000 овецъ, 50 козъ. У джембулуковцевъ считается до 850 хозяйствъ, изъ которыхъ у 162 вовсе не имѣется скота. Едишкульцы всѣ кочуютъ; у нихъ—болѣе 2 тыс. кибитокъ (хозяйствъ); изъ числа этихъ хозяйствъ у 180 скота совсѣмъ нѣтъ, а у 460 слишкомъ имѣется не болѣе, какъ по одной штукѣ. Караногайцы также кочуютъ всѣ безъ исключенія. Караногайцы—племя вполнѣ кочевое, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, потому что рѣшительно нѣтъ ни одного караногайца, который отрѣшился бы отъ прадѣдовскихъ традицій и промѣнялъ бы бродячую жизнь на осѣдлую. Правда, былъ одинъ изъ нихъ, человѣкъ состоятельный, имѣвшій много скота и нѣсколько женъ, который купилъ

было въ окрестностяхъ Кизляра садъ и даже домъ, но онъ тѣмъ не менѣе попрежнему продолжалъ перекочевывать со своими женами и со скотомъ изъ одного мѣста въ другое.

Здѣсь кстати должно замѣтить, что къ инородцамъ Ставропольской губерніи причислены и караногайцы, живущіе на черезполосномъ участкѣ земли въ 40 верстахъ за Кизляромъ. Этотъ участокъ называется „Огузъ-ери", что по-русски значитъ „мѣсто для пастьбы", такъ какъ эта земля была отведена кочевникамъ для пастьбы въ то время, когда они отбывали подводную повинность натурою. На этомъ участкѣ, занимающемъ болѣе 10 тыс. дес. пространства довольно плодородной земли, находятся отличные покосы и можетъ прекрасно расти: пшеница, овесъ, ячмень, чечевица, рисъ и проч. Но ногайцы, какъ новички въ земледѣліи, еще не могутъ вполнѣ воспользоваться всѣми выгодами своей благодатной стороны. Громадное большинство изъ нихъ — кочевники, какъ уже видѣлъ читатель: лишь самая незначительная часть изъ нихъ согласилась принять надѣлъ и *считается* поэтому осѣдлою. Для орошенія земли кочевники и осѣдлые ногайцы сообща провели воду изъ Терека съ помощью канавы. Хотя почва Огузъ-ери и годна подъ виноградники, но ногайцы вовсе не занимались до сего времени садоводствомъ. Даже въ земледѣліи пріемы обработки у осѣдлыхъ ногайцевъ самые первобытные. Такъ, напримѣръ, сѣмена риса они просто бросаютъ на непаханное поле, разбитое на квадратики, окруженные невысокими валами для задержанія напускаемой воды. Время отъ времени на поле напускается вода,—и этимъ оканчивается весь уходъ за хлѣбомъ. Кромѣ этой группы людей осѣдлыхъ, живущихъ на Огузъ-ери, всѣ караногайцы, какъ уже сказано, остаются вѣрны своимъ традиціямъ и кочуютъ на степномъ привольи...

Самый большой процентъ бѣдняковъ, не имѣющихъ скота, оказывается въ средѣ агикулакъ-джембулуковцевъ. Немного богаче слѣдуетъ считать и имѣющихъ отъ 2 до 10 штукъ скота. Эти-то двѣ категоріи и составляютъ разрядъ бѣдныхъ, число которыхъ выражается въ слѣдующихъ ужасающихъ процентахъ: „у караногайцевъ бѣдныхъ семействъ — слишкомъ 72% всего населенія; у агикулакъ-джембулуковцевъ 90%... Въ степяхъ, въ средѣ кочевниковъ оказывается тоже, что и въ цивилизованныхъ обществахъ: масса бѣдствуетъ, а благоденствуетъ лишь самая незначительная группа людей. Глядя на ногайцевъ, на ихъ грустныя, истомленныя, апатичныя лица, невольно думается: не изъ числа ли они тѣхъ расъ, которыя, подобно краснокожимъ сѣверной Америки, почти безслѣдно, какъ тѣни, проходятъ по землѣ, какъ бы осужденныя историческою судьбой на вымиранье? Поколѣнія идутъ, смѣняются одни другими,— и что же остается позади ихъ? На погасшемъ очагѣ кучка золы, разносимой степнымъ вѣтромъ, да въ могилѣ — прахъ и пепелъ...

Прежде, чѣмъ говорить о характерѣ ногаевъ, объ ихъ кочевомъ житьѣ-бытьѣ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, мы должны нарисовать передъ читателемъ сцену дѣйствія, то-есть ту степь, мѣстами зеленую, мѣстами песчаную и солончаковую, на которой кочуютъ ногайцы всю свою жизнь и которую ни разу не покидаютъ они, со дня рожденья—до могилы... Мы должны посмотрѣть на эту степь именно, какъ на сцену, на которой невидимо-незримо для цивилизованнаго общества разыгрывается одинъ изъ печальныхъ и поучительныхъ актовъ всемірной комедіи. На этой степи, затерявшейся между Чернымъ моремъ и Каспіемъ, на порогѣ Азіи, живутъ темные люди,—не живутъ, а—вѣрнѣе сказать—прозябаютъ подобно своимъ стадамъ, перекочевывающимъ вмѣстѣ съ ними съ одного мѣста на другое. На этой степи люди влачатъ жалкое существованіе, не только не принося своей лепты въ сокровищницу общечеловѣческаго прогресса, но сами едва не умирая съ холоду и съ голоду; они пугаются фантомовъ своего собственнаго воображенія, а въ борьбѣ съ дѣйствительными напастями, одолѣвающими ихъ, оказываются безсильны, немощны и беззащитны, какъ дѣти. Съ тупой покорностью изживаютъ они жизнь и съ такою же покорностью умираютъ...

Степи здѣшнихъ инородцевъ-кочевниковъ охватываютъ сѣверъ и весь сѣверо-востокъ Ставропольской губерніи. Онѣ раздѣляются на двѣ части, далеко неравныя между собой.

Меньшая изъ нихъ—Калмыцкая степь или Больше-Дербетовскій аулъ—раскинулась на самомъ сѣверѣ губерніи, такъ что сѣверною и восточною стороной примыкаетъ къ западному Манычу; на югѣ улусъ граничитъ съ Трухменской степью. Другая—большая—половина степей прилегаетъ къ Терской области, а на востокѣ отдѣляется узкою береговою полосой отъ Каспійскаго моря; съ сѣвера границу ея составляетъ территорія Астраханской губерніи. Эта большая половина въ свою очередь распадается еще на двѣ степи, непосредственно сливающіяся между собой: степь западную — Трухменскую, и восточную — степь Ногайскую.

Ногайская степь занимаетъ громадный четыреугольникъ, составляющій собой восточную часть Ставропольской губерніи. Въ ногайской степи считается 1.132,000 дес., да около 300 тыс. дес. лежатъ между Кумою и Гайдукомъ. Длина и ширина степи почти одинаковы. Хотя степь собственно на востокѣ упирается прямо въ море, но административная граница губерніи идетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, оставляя за собой полосу земли, числящуюся въ предѣлахъ Терской области. Мѣстность на всемъ пространствѣ степи представляетъ низменную равнину, такъ что многіе пункты ея, особенно въ восточной части, ниже уровня Чернаго моря. Впрочемъ, хотя ногайскую степь можно проѣхать въ любомъ направленіи въ какомъ угодно экипажѣ, но, несмотря на то, эту степь нельзя назвать плоскостью: напротивъ, въ большей части своей, мѣстность слегка волниста, въ нѣкоторыхъ пунктахъ покрыта буграми и усѣяна курганами. По всему видно, что эта степь еще не въ очень древнія времена была покрыта водой, составляла дно моря, которое и сдѣлало здѣсь большіе осадки. По разсказамъ ногайцевъ, дѣды ихъ кочевали на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь идетъ рядъ селъ по рѣкѣ Кумѣ и притоку ея Буйволѣ, а большая часть нынѣшней Караногайской степи была еще въ ту пору покрыта водой...

Караногайская степь, дѣйствительно, лежитъ очень невысоко надъ уровнемъ моря. И нынѣ еще случаются такіе годы, когда воды Каспійскаго моря выходятъ изъ береговъ, заливая степь на нѣсколько десятковъ верстъ. Во всякомъ случаѣ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что эта степь сравнительно въ недавнее время вышла изъ-подъ воды. Должно полагать, что дно бывшаго моря въ этихъ мѣстностяхъ было совершенно гладкое, лишь съ незначительнымъ уклономъ къ центру; верхніе пласты почвы по преимуществу, очевидно, были глинистые, частію же на нихъ осѣлъ сверху песокъ, а въ нѣкоторыя мѣста песокъ, можетъ быть, нанесенъ былъ и разливами рѣкъ уже по осушеніи мѣстности. Нынѣ же дующіе въ степи сильные восточные вѣтры разносятъ песокъ по степи, и тотъ, встрѣчая на своемъ пути какую-нибудь преграду, тотчасъ же образуетъ продольный бугоръ, параллельный господствующему вѣтру—такъ, что большая часть бугровъ идетъ именно по направленію съ востока на западъ или же слегка уклоняясь къ сѣверо-западу. Можетъ быть также, что въ эпоху осушенія этой мѣстности, матерковыя воды, стекающія въ море, проходя по пескамъ, въ свою очередь промывали ихъ и, перенося съ мѣста на мѣсто, образовали длинные параллельные бугры. Такимъ-то образомъ и составились въ степи тѣ причудливыя неровности, которыя нынѣ находятъ тамъ. Почва степи содержитъ и понынѣ большой процентъ поваренной и другихъ легко растворимыхъ солей.

Ногайская степь отличается большимъ разнообразіемъ своей почвы: въ ней встрѣчаются и сыпучіе пески и пласты плотной глины. Почти посрединѣ степи разстилаются Божиганскіе пески, представляющіе собой сыпучее, волнистое и зыбкое море сѣраго песку, тянущееся верстъ на 40 въ длину и съ небольшими перемежками верстъ 20 въ ширину. Это своего рода—ногайская Сахара, мѣстами заключающая продолговатые клочки почвы, покрытые зеленью—ногайскіе оазисы. Къ юго-западу отъ Божиганскихъ песковъ поднимаются почти отвѣсныя горы песку, также сѣраго цвѣта, въ нѣсколько саженъ вышины. Эти пески называются Бакылзанскими. Прикумскіе пески тянутся сплошною полосой въ нѣсколько верстъ ширины; тутъ песокъ мелкій, желтаго цвѣта и ложится до того плотно, что отъ ѣдущаго или идущаго по немъ не остается слѣда. Прикумскіе пески содержатъ въ себѣ много перетертыхъ раковинъ, вслѣд-

ствіе чего во время движенія песка остатки раковинъ по своей легкости собираются вѣтромъ на верхъ, образуя бѣлый налетъ, издали кажущійся какъ бы выцвѣтомъ соли. Эти пески легко зарастаютъ гребенчукомъ, бурьяномъ и пыреемъ у подножія бугровъ; поэтому бугры издали представляются для незнакомаго и неопытнаго глаза высокими горами, покрытыми лѣсомъ.

Въ юго-восточномъ углу ногайской степи пески не залегаютъ сплошною массой, а разбросаны тамъ и сямъ довольно длинными полосами; эти пески также мелки, сѣраго цвѣта, легко зарастаютъ травой и, вѣроятно, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ зарастутъ окончательно. Песчаные бугры въ степи выше сосѣднихъ мѣстъ и не содержатъ много поваренной соли. Вывѣтриваясь годъ отъ года все болѣе и болѣе, они покрываются травой и способны давать хорошіе урожаи ржи, проса, арбузовъ и другихъ растеній, любящихъ легкую почву. Въ особенности ложбинки между буграми удобны для развитія растительности. Вообще же юго-восточный уголъ ногайской степи представляетъ площадь, изрѣзанную песчаными буграми и покрытую тамъ и сямъ озерками. Во многихъ мѣстахъ долины между буграми представляютъ прекрасные покосы и мѣста, удобныя для разведенія бахчей.

Къ сѣверу отъ этой мѣстности начинаются солончаки, идущіе отъ Каспійскаго моря въ сѣверо-западномъ направленіи и, постепенно расширяясь, идутъ въ самую глубь степи, гдѣ солонцы уже до того сильны, что представляютъ рядъ соляныхъ озеръ. Проѣзжать по этой мѣстности въ сухое время трудно, потому что здѣсь нѣтъ прѣсной воды, а во время дождей проѣздъ крайне неудобенъ потому, что лошади совсѣмъ тонутъ въ грязи. Растительность здѣсь—самая жалкая, тщедушная.

Самый же центръ ногайской степи занимаетъ равнина, доходящая въ юго-западномъ направленіи до самой границы степи, на западѣ упирается въ Божиганскіе и Бакылзанскіе пески, а на востокѣ граничитъ песками юго-восточнаго угла и солонцами. Поперекъ ея, почти посрединѣ, пересѣкаютъ постепенно надвигаемые вѣтрами съ востока и съ юго-востока песчаные бугры. Эти бугры дѣлятъ всю равнину на двѣ части: сѣверную (собственно центральную) и южную (равнину Гводъ). Все это пространство покрыто бѣдною растительностью, главнымъ образомъ—полынью, дикою сурѣпицею, мѣстами солодковымъ корнемъ, лебедою и другими тому подобными травами. Почва здѣсь хотя солонцовата, но не настолько, чтобы здѣсь не могъ родиться хлѣбъ. Воды подпочвенной—достаточно; вода слегка солонцоватая, годится для скота. Находятся копани и съ прѣсной водой. Къ сѣверу отъ этой центральной степной полосы—отъ береговъ рѣки Кумы до восточной границы степи—тянется пространство, покрытое песчаными буграми, густо поросшими травой. Между буграми находятся долинки, вслѣдствіе солонцоватости своей почвы покрытыя лишь однѣми солянками; по буграмъ-же растутъ: полынь, пырей и другія травы. Въ средней части этой полосы, въ особенности въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится сухое русло Старой Кумы,—растительность прекрасная. Путешественники, проѣзжавшіе по этой мѣстности весной (въ маѣ мѣсяцѣ), разсказываютъ, что въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ степи—болѣе южныхъ—трава страдаетъ и вянетъ отъ засухи, здѣсь почви свѣжи, прохладны и влажны до того, что даже платье, лежащее на землѣ, пропитывается сыростью, трава оказывается мокрою, какъ бы послѣ дождя, и почва бываетъ сырою. Зимою здѣсь кочуютъ трухмены.

За этой полосой тянется съ запада на востокъ рѣка Кума съ ея разливами на нѣсколько верстъ ширины между сыпучими песками; впрочемъ, самая значительная часть песковъ расположена по правую сторону отъ нея. Прикумскіе пески начинаются въ нѣсколькихъ верстахъ восточнѣе мечети Нуръ-Магомета и тянутся на востокъ вплоть до самаго Каспійскаго моря—полосою въ нѣсколько верстъ ширины. Въ сѣверной части ихъ протекаетъ Кума, раздѣляясь въ полноводіе на множество рукавовъ, представляющихся, вслѣдствіе незначительнаго пониженія почвы, озерами или—лучше сказать—лужами, заросшими камышемъ. По причинѣ разлитія по пескамъ, Кума, обыкновенно, не доходитъ до моря, теряясь въ нихъ окончательно. Иногда,

впрочемъ, она выходитъ изъ песковъ и, пройдя по плотному солончаковому грунту, однимъ русломъ достигаетъ моря. Воды ея, профильтрировавшись сквозь пески, казались совершенно прозрачными, и такъ какъ въ этихъ мѣстахъ по берегамъ Кумы и въ самомъ ея руслѣ не росло камыша, то вода была пріятна на вкусъ. По рѣкѣ Кумѣ, на ея островахъ да и вдоль береговъ есть пространства, покрытыя хорошею луговою растительностью. Кое-гдѣ ближе къ мечети Нуръ-Магомета растетъ даже тимофѣевка. Неудобство этой мѣстности — несчетныя тучи комаровъ, которые съ наступленіемъ лѣтняго зноя положительно не даютъ покоя ни людямъ, ни скоту. Камыши представляютъ собой главное гнѣздилище комаровъ.

Къ сѣверу отъ Кумы, въ особенности въ восточной части, тянется совершенно ровная плоскость, сильно солончаковая, покрытая рѣдкою жалкою полынью; въ западной части почва изрыта углубленіями, въ которыхъ выцвѣтаетъ соль; зной ужасный,—и почти никакой растительности нѣтъ въ этомъ ногайскомъ пеклѣ.

Въ западной части ногайской степи мѣстами залегаютъ солончаки, мѣстами развивается богатая, роскошная растительность, представляющая оазисы, пріятные для глазъ. На почвѣ глинистой здѣсь травы хуже, такъ какъ глина, занимая по преимуществу самыя низкія мѣста, довольно солонцовата—въ особенности котловины. На такихъ мѣстахъ нѣтъ ни покосовъ, ни распашекъ; только овцы съ голоду обрываютъ растущую здѣсь полынь и кое-какія другія травы. Тамъ же, гдѣ мѣстность неровная, могутъ быть хорошіе посѣвы пшеницы. Прѣсная вода находится на значительной глубинѣ, а поэтому сюда—въ степь—привозятъ ее изъ ставки Аги-Кулакъ, гдѣ находится колодезь съ хорошей прѣсной водой, вырытый на днѣ сухого русло Горькой балки, имѣющей очень излучистые берега. На пространствѣ этой балки растутъ: пырей, вика, овсюкъ, чаберъ, солодковый корень, дикій ленъ, полынь, ромашка, молочай и нѣкоторыя другія степныя травы. Здѣсь сѣется рожь, а мѣстами—ближе къ пескамъ (въ мѣстности, называемой „Зонгаръ") прекрасно растетъ просо. Въ пескахъ „Зонгаръ" находится даже нѣсколько прѣсныхъ озеръ въ сажень и болѣе глубины, вода въ которыхъ не высыхаетъ и лѣтомъ; вокругъ нихъ разстилаются прекрасныя покосныя мѣста съ лучшими травами.

Въ караногайской степи также много соленыхъ озеръ. Ихъ болѣе тридцати. Изъ нѣкоторыхъ жители добываютъ соль для собственнаго употребленія и для сбыта на сторону. На нѣкоторыхъ озерахъ разработка соли не производится. На Большомъ Гайдукскомъ озерѣ посредствомъ ручныхъ пешень и лопатъ ежегодно можно добывать соли до 200 тысячь пудовъ, изъ которой до 15 тысячъ пудовъ отпускается Кубанскимъ и Терскимъ казакамъ.

Ногайскую степь, какъ уже сказано, занимаютъ кочующіе инородцы: караногайцы, едишкульцы, джембулуковцы и едисанцы, составляющіе вмѣстѣ одинъ народъ ногайскій, и трухменцы. Самое обширное изъ этихъ племенъ—караногайское, занимающее большую восточную половину степи; западнѣе отъ нихъ живутъ едишкульцы, занимая полосу отъ Кумы на югъ поперекъ степи; слѣдующую затѣмъ полосу занимаютъ джембулуковцы и, наконецъ, самую западную часть степи—едисанцы. Трухмены приходятъ въ ногайскую степь только на зиму, располагаясь въ Прикумскихъ пескахъ.

Караногайцы сѣверной части степи зимуютъ въ сѣверо-восточномъ углу, въ пескахъ близъ Каспійскаго моря и рѣки Кумы, часть же ихъ живетъ около копаней по степи. Караногайцы, зимующіе близъ Каспійскаго моря, раннею весной, то-есть въ мартѣ мѣсяцѣ, перекочевываютъ на степь, гдѣ остаются до конца апрѣля, пока объягнятся всѣ овцы, а потомъ двигаются на Куму, на которой и остаются недѣли двѣ, а потомъ опять переходятъ въ степь, гдѣ уже остаются до сентября мѣсяца, послѣ чего подаются на зимовки къ морю. Восточные караногайцы зимуютъ по лѣвому берегу рѣки Терека и за Терекомъ—въ Кизлярскомъ участкѣ; съ половины мая они перекочевываютъ на степь въ Караногай. Южные ногайцы зимуютъ въ пескахъ на казачьихъ земляхъ; тамъ же они проводятъ и лѣто; весною же бываютъ на Кумѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, зимуютъ и въ пескахъ южной части степи. Едишкульцы частью зимуютъ

съ караногайцами, частью по лѣвой сторонѣ Терека, а часть остается въ своей степи на зимовкахъ. Весною вмѣстѣ съ караногайцами они посѣщаютъ на короткое время Куму. Джембулуковцы зимуютъ частью къ югу отъ ставки Аги-Кулакъ, частью къ востоку отъ нея, а лѣто проводятъ около своихъ зимовокъ. Едисанцы также живутъ на постоянныхъ мѣстахъ, не отходя далеко отъ своихъ зимовокъ. Трухмены зимуютъ по берегамъ Кумы, а на лѣто уходятъ въ трухменскую степь.

Весною Кума служитъ пристанищемъ и какъ бы сборнымъ пунктомъ чуть ли не для всѣхъ кочевниковъ. Кромѣ ногайцевъ, на берега ея заходитъ не мало и калмыковъ изъ Астраханской губерніи. Кочевники, обыкновенно, не остаются подолгу на одномъ мѣстѣ, а, пробывши 3—4 дня, перекочевываютъ на нѣсколько верстъ далѣе. Часть кочевниковъ идетъ съ востока на западъ и, дошедши немного далѣе мечети Нуръ-Магомета, спускается по большой колесной дорогѣ прямо на югъ. Другая же часть кочевниковъ движется въ обратномъ направленіи...

Изъ этого очерка характера ногайской степи видно, что она вообще не совсѣмъ удобна для осѣдлой жизни и для вполнѣ успѣшнаго развитія сельскаго хозяйства. Она именно — по своимъ физическимъ условіямъ—годится всего болѣе для кочевниковъ-скотоводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ центрѣ она солончакова, мѣстами покрыта массами сыпучаго песку и песчаными буграми, иногда лишь поросшими пыреемъ... Далѣе: западные вѣтры, приносящіе съ собою дождь, здѣсь бываютъ рѣдко, а дующіе здѣсь восточные вѣтры сильно сушатъ почву. Вслѣдствіе этого степная растительность—и безъ того скудная и жалкая вообще—уже окончательно пропадаетъ. Только самая западная часть степи, какъ читатель видѣлъ, находится въ нѣсколько лучшихъ почвенныхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего живущіе тамъ едисанцы уже и ведутъ полуосѣдлый образъ жизни.

Ногаи, какъ вообще кочевники, не живутъ да и не могутъ жить правильно организованными обществами: ихъ хотоны и аулы группируются случайно или по причинамъ, невѣдомымъ для неопытнаго наблюдателя Эти аулы въ одно время являются въ большемъ количествѣ кибитокъ, въ иное время—въ меньшемъ. Ногаецъ ставитъ свою кибитку и располагается на временное житье-бытье тамъ, гдѣ ему нравится, и кочуетъ со своимъ скотомъ, гдѣ находитъ для себя болѣе выгоднымъ и удобнымъ. Степи считаются принадлежностью въ равной степени каждаго кочевника. Ни частнаго, ни общиннаго права на участки степной земли ногаецъ не признаетъ ни за кѣмъ, считая себя такимъ же полнымъ хозяиномъ каждаго клочка земли, какъ и всякаго другого своего соплеменника. Все дѣло лишь въ томъ: кто первый занялъ извѣстную мѣстность и кто сильнѣе. Только родовая связь заставляетъ кочевниковъ не разбродиться по степямъ въ одиночку и составлять группы: каждый родъ крѣпко, нерушимо хранитъ древнія преданія о своемъ родственномъ происхожденіи и, уважая свои родовыя традиціи, считаетъ своимъ непремѣннымъ, завѣтнымъ долгомъ не удаляться отъ „своихъ" и не переходить на сторону „чужихъ". Впрочемъ, несмотря на то, и изъ этихъ родовыхъ группъ иногда выдѣляются семьи или кибитки, которыя кочуютъ отдѣльно отъ другихъ и нерѣдко даже вдали отъ своихъ родичей. Эти отдѣльныя кибитки или незначительныя группы ихъ, обыкновенно, легко ускользаютъ въ пустынныхъ степяхъ отъ всякаго надзора. Въ такихъ-то одиночныхъ кибиткахъ и ютятся порой разбойники и грабители — охотники до чужихъ стадъ. Надзоръ за ними почти не существуетъ, да онъ и невозможенъ при настоящихъ порядкахъ земельнаго пользованія у кочевниковъ. Въ кочевьяхъ ногайцевъ, какъ уже было упомянуто, административно-полицейскій надзоръ сосредоточиваетъ въ лицѣ приставовъ и ихъ помощниковъ. Степное начальство жалуется, что личный составъ его недостаточенъ для такихъ громадныхъ пустынныхъ пространствъ, каковы степи ногайцевъ каждаго улуса и каждаго приставства. Да къ тому же еще, жалуется начальство, въ ногайскихъ кочевьяхъ на приставахъ лежитъ масса обязанностей, чисто хозяйственныхъ. Правда, для надзора за кочевниками еще имѣются казаки, назначаемые въ помощь попечителямъ улусовъ и приставамъ. Но опять таки число этихъ казаковъ, утвер-

ждаютъ начальствующія лица, совершенно недостаточно, да къ тому же эти казаки служатъ еще при улусныхъ и приставскихъ ставкахъ въ качествѣ стражниковъ, при мѣстныхъ тюрьмахъ, при кассовыхъ сундукахъ, въ качествѣ посыльныхъ туда и сюда по дѣламъ администраціи или суда; накопецъ, они же командируются для сопровожденія арестантовъ. Такимъ образомъ, для разъѣздовъ по степи у казаковъ рѣшительно не остается свободнаго времени... Все это—такъ. Но дѣло въ томъ, что для того бдительнаго идеальнаго надзора, о какомъ мечтаетъ степное начальство, пришлось бы къ каждому ногайцу поставить по одному стражнику. Для осуществленія такого идеальнаго надзора потребовался бы цѣлый корпусъ войска... Очевидная нелѣпость, такъ какъ ногаи — народъ мирный, спокойно кочующій со своими стадами овецъ и козъ по отведенной имъ степи.

Не возможно-же насильно навязывать дикимъ кочевникамъ наши понятія о поземельной собственности и о преимуществахъ осѣдлой жизни передъ жизнью скитальческой, кочевой, также точно, какъ нельзя путемъ административно-полицейскаго насилія привить чувства и думы „культурныхъ людей". Не казацкій надзоръ нуженъ для кочевниковъ, а школа... Не даромъ же, по словамъ законодателя, прежній порядокъ внутренняго устройства и управленія въ средѣ инородцевъ долженъ оставаться дотолѣ, пока *„съ перемѣною нравовъ и образа жизни этихъ инородцевъ самое управленіе ими не измѣнится"* (Сводъ Законовъ Изд. 1857 г. Т. X. ч. 2. Стр. 1444).

Въ общественныхъ и семейныхъ своихъ дѣлахъ ногайцы управляются на основаніи старинныхъ степныхъ обычаевъ и обрядовъ и также на основаніи особенныхъ правилъ, означенныхъ въ учрежденіи объ управленіи этими инородцами.

Исковыя дѣла ихъ разбираются внутреннимъ управленіемъ и посредниками, свободно избираемыми изъ среды же инородцевъ. Если эти иски переносятся въ общія судебныя мѣста, то и тамъ они подлежатъ рѣшенію на основаніи степныхъ законовъ и обычаевъ, и только при недостаткѣ народныхъ законовъ или—вѣрнѣе сказать—обычнаго права—прилагаются къ дѣлу общія постановленія дѣйствующаго законодательства. За проступки и преступленія маловажныя—какъ, напримѣръ, за дурное поведеніе, за кражу до 30 рублей (при томъ менѣе трехъ разъ) ногайцы и нынѣ судятся своимъ собственнымъ мірскимъ судомъ и подвергаются наказаніямъ по мірскимъ приговорамъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ законъ требуетъ, чтобы приговоръ былъ постановленъ съ вѣдома народныхъ головъ и старшинъ и былъ утвержденъ полицейскимъ начальствомъ. (При этомъ постановлено также, чтобы тѣлесное наказаніе ни въ какомъ случаѣ не превышало ста ударовъ розгами). Только дѣла объ убійствахъ, разбояхъ и насиліяхъ, о поджогахъ и дѣланіи фальшивой монеты, о кражѣ и угонѣ лошадей и другого скота на сумму свыше 30 рублей (въ третій разъ) судятся по общимъ законамъ. На основаніи обычнаго народнаго права рѣшаются у ногайцевъ всѣ дѣла, проистекающія изъ нарушенія семейственныхъ правъ и обязанностей; раздѣлъ имущества также производится на основаніи положеній обычнаго права. Только въ томъ случаѣ, когда тяжущіеся, недовольные рѣшеніемъ своего духовенства, сами обращаются съ просьбою къ нашему начальству, тогда разсмотрѣніе этихъ дѣлъ предоставляется обыкновенно судебнымъ мѣстамъ по порядку, установленному общими узаконеніями. Вообще же ногайцы какъ въ общественномъ, такъ и въ частномъ быту руководствуются большею частью своимъ традиціоннымъ правомъ и рѣшаютъ почти постоянно всѣ дѣла по своимъ „темнымъ обычаямъ и обрядамъ, на единомъ преданіи основаннымъ"...

У ногайцевъ—два рода суда: *Торе* или *Адатъ*—судъ собственно гражданскій, основанный на преданіяхъ,—и *Шеріатъ*—судъ духовный, основанный на священныхъ книгахъ мусульманъ. Гражданскій судъ составляется изъ почетныхъ стариковъ, избираемыхъ тяжущимися сторонами; число судей при этомъ неограничено, но должно быть не менѣе 4, то-есть по 2 съ каждой стороны. Судъ духовный совершаетъ кади одинъ или же въ важныхъ дѣлахъ съ помощью двухъ наибовъ. Интересно то обстоятельство, что по суду Торе женщины въ свидѣ-

тели не допускаются ни въ какомъ случаѣ, а по Шаріату допускаются двѣ женщины за одного мужчину, то-есть изъ двухъ женщинъ какъ бы составляется одинъ свидѣтель, другой же свидѣтель долженъ быть непремѣнно мужчина.

Ногайское духовенство, занимающее, какъ читатель уже замѣтилъ, выдающееся положеніе въ средѣ народа, раздѣляется на три степени: кади (или кадій), наибъ и эфенди. Кади, какъ главное лицо въ духовной іерархіи, разбираетъ дѣла между родителями и дѣтьми, дѣла, касающіяся супружескихъ отношеній, раздѣлы имѣній и т. под. Кади можетъ приглашаться для совершенія всякихъ обрядовъ и въ другіе приходы кочевья—кромѣ того, въ которомъ онъ имѣетъ свое мѣстожительство. Наибъ играетъ роль помощника Кади. Эфенди только въ одномъ своемъ приходѣ наблюдаетъ за благочиніемъ и исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, за заключеніемъ браковъ, погребеніемъ умершихъ, обученіемъ дѣтей грамотѣ и т. д. При раздѣлѣ имѣнія между наслѣдниками, кади получаетъ „ресмъ", то-есть $2^1/_2$ процента съ имѣнія (по $2^1/_2$ коп. съ рубля). При разборѣ дѣла о какомъ-нибудь имѣніи, кади получаетъ съ этого имѣнія десятую часть. За совершеніе обряда бракосочетанія эфенди получаетъ: одинъ золотникъ золота, если ногаецъ женится на дѣвушкѣ, и ползолотника, если невѣстою является вдова. Еще, кромѣ того, духовенству отказывается часть имѣнія на поминъ души завѣщателя (*искатъ*). Ежегодно въ пользу бѣдныхъ и духовенства отъ населенія (отъ обоихъ половъ) поступаетъ подушное приношеніе (*фateратъ*) во время праздника Байрама—по $4^1/_2$ фун. пшеницы, а за неимѣніемъ ея по 9 фун. проса или ячменя.

Ногаецъ.—Рисунокъ В. Верещагина.

Наконецъ, богатые хозяева въ пользу бѣдныхъ и духовенства платятъ еще по $2^1/_2$ процента съ капитала, состоящаго въ золотѣ или серебрѣ свыше 200 дирхамовъ (въ рублѣ 7 дирхамовъ), по $2^1/_2$ процента съ конскаго табуна, разумѣется, по оцѣнкѣ его на деньги, тридцатую штуку со скота, сороковую съ барановъ и десятую часть съ зерноваго хлѣба. Этотъ сборъ называется „закатъ" Затѣмъ уже никакихъ другихъ доходовъ ногайскому духовенству не полагается.

Ногайская семья живетъ на началахъ патріархальныхъ. Отцу семейства повинуются не только ж ны и дѣти, но и младшіе братья и другіе родственники, живущіе нераздѣльно. При жизни отца у дѣтей не бываетъ собственности — за исключеніемъ лишь того случая, когда отецъ даритъ имъ часть имѣнія подъ именемъ „суннетъ". Отецъ можетъ лишать наслѣдства

непокорныхъ дѣтей и передавать имѣніе постороннему человѣку, но при этомъ нужно, чтобы передача совершилась при свидѣтеляхъ, чтобы завѣщатель находился въ здравой памяти и, наконецъ, чтобы тотъ, кому передается имѣніе, вступилъ во владѣніе имъ при жизни главы семейства. Если же имѣніе родовое, то безъ согласія родичей, оно не можетъ быть передаваемо постороннему, не можетъ выходить изъ рода... Жена повинуется мужу, а мужъ долженъ признавать ее, какъ подругу, но не какъ рабыню. По Корану, „мужу предоставляется господство надъ женой, жена должна быть послушна мужу". За непослушаніе мужъ вправѣ наказывать ее тѣлесно, при чемъ наказаніе, впрочемъ, не должно причинять увѣчій и ранъ. За слишкомъ жестокія истязанія жены, кади можетъ также въ свою очередь и мужа подвергнуть такому же тѣлесному наказанію... Коранъ дозволяетъ брать болѣе одной жены лишь въ томъ случаѣ, если мужъ имѣетъ достаточно средствъ для содержанія женъ и для обезпеченія дѣтей на случай своей смерти. А такъ какъ мужъ обязанъ давать женѣ содержаніе, особое помѣщеніе и прислугу, а жены не обязаны собственнымъ трудомъ зарабатывать деньги, то поэтому многоженство—въ силу экономическихъ условій—въ средѣ ногаевъ встрѣчается не часто. Оно бываетъ лишь привиллегіей людей богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, достаточныхъ, а такихъ въ средѣ нашихъ кочевниковъ, какъ мы уже видѣли, оказывается весьма немного.

Мы привели здѣсь нѣсколько пунктовъ изъ обычнаго права ногайцевъ для того, чтобы читатель могъ составить себѣ хотя бы нѣкоторое понятіе о направленіи и характерѣ ногайской юрисдикціи.

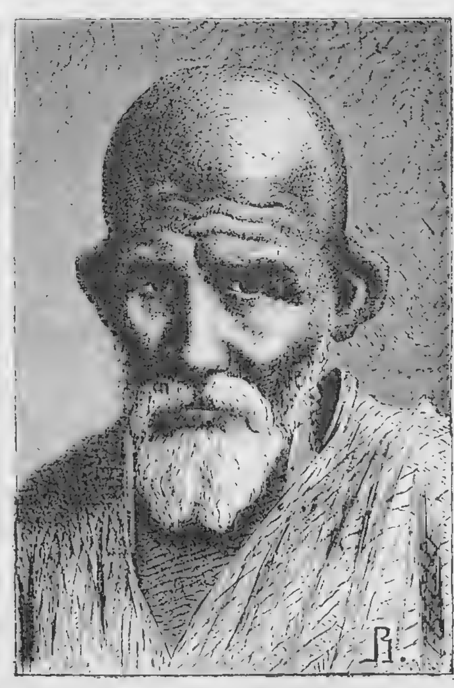
Ногаецъ—средняго роста, сухощавъ; кожа у него оливковаго цвѣта, голова бритая; лицо продолговатое, сухощавое; прямой носъ съ горбикомъ; глаза каріе; высокій лобъ; узкій подбородокъ; темная борода и усы... Вотъ довольно точный портретъ ногайца.

Впрочемъ, ногайцы нѣкоторыхъ родовъ, явственнѣе сохранившихъ признаки своего монгольскаго происхожденія, нѣсколько разнятся отъ нарисованнаго нами типа. Лицо у нихъ широкое и плоское; глаза узкіе, съ косымъ разрѣзомъ; плоскій, приплюснутый носъ; толстыя губы и рѣдкая бородка. Затѣмъ, ногаецъ осѣдлый и кочующій замѣтно отличаются другъ отъ друга. Ногаецъ осѣдлый въ громадномъ большинствѣ случаевъ некрасивъ собой, вялъ, неповоротливъ. Сидѣніе на корточкахъ возлѣ огня, нечистота и дымъ, разъѣдающій глаза, недостатокъ движенія и скудная пища—неотразимо накладываютъ на него свою зловѣщую печать Напротивъ же ногаецъ кочующій (напримѣръ, караногаецъ или единкулецъ) довольно красивъ собой, почти высокаго роста, статенъ, проворенъ и ловокъ... Въ средѣ осѣдлыхъ ногайцевъ часто встрѣчаются лица, положительно безобразныя, измозжденныя, состарѣвшіяся прежде времени... Словно, сама судьба мститъ имъ за ихъ измѣну прадѣдовскимъ традиціямъ, за ихъ измѣну укладу кочевой жизни... За то въ аулахъ, кочующихъ на всемъ привольи зеленѣющихъ степей, встрѣтить свѣжія, здоровыя и крѣпкія лица совсѣмъ не въ диво. Впрочемъ, относительно женской красоты должно замѣтить, что она здѣсь, у „вольныхъ сыновъ степей" цѣнится на вѣсъ калыма (приданаго)—также точно, какъ часто случается и въ нашей культурной средѣ...

Теперь познакомимъ читателя съ туалетомъ ногайскихъ дамъ и кавалеровъ.

Всѣ духовныя лица, народныя головы, старшины родовъ и вообще всѣ почетные, зажиточные люди носятъ платье, которое по покрою и по цвѣту не отличается отъ одежды прочихъ сословій. Разница оказывается только въ цѣнности костюма, да въ чалмахъ, составляющихъ принадлежность лицъ духовнаго званія. Люди богатые и средняго достатка надѣваютъ, обыкновенно, сверхъ бѣлья бешметъ или архалукъ (капталъ) желто-полосатаго, зеленаго или синяго цвѣта, а въ холодное время года носятъ шубы (тонъ-шуга), крытыя синимъ или чернымъ сукномъ, а иногда—плисомъ. Лѣтомъ накидываютъ какой-нибудь халатъ, нерѣдко шел-

ковый, на шелковый же бешметъ, стянутый ременнымъ поясомъ (бельбеу) а чаще кушакомъ, съ привѣшеннымъ къ нему ножикомъ (пшякъ) въ черныхъ или красныхъ ножнахъ. Синіе нанковые или демикатоновые штаны — ,,станъ'', баранья шапка — ,,боркъ'' съ круглою верхушкою, крытою сукномъ, иногда еще подъ нею ,,аракчинъ'' или ермолка, шитая мишурою, черные сафьянные чулки, а сверху ихъ черные или красные сафьянные съ толстыми подошвами и увѣсистыми подборами башмаки (башмакъ) — дополняютъ нарядъ богатаго ногайца. Есть еще особенная шапка съ нагольною верхушкой, овчиною внизъ; бока ея возлѣ оторочки изъ курпея обшиваются гладкою сарпинкою или какою-нибудь подобною же дрянною матеріей—въ видѣ фестоновъ. Эта шапка носится въ видѣ траура и по истеченіи года послѣ смерти близкаго лица снимается. Многіе, впрочемъ, носятъ ее и просто въ домашней жизни, какъ шапку очень легкую и удобную для кибитки... Молодые люди носятъ еще иногда черкески



Типы старыхъ ногайцевъ.—Рисунокъ В. Верещагина.

или чекмени изъ бѣлаго и желтаго сукна домашняго издѣлія и порой съ газырями на груди, какъ у линейныхъ казаковъ и горцевъ. Ношеніе оружія имъ запрещено, кромѣ отбывающихъ воинскія обязанности на кордонахъ.

Бѣдные же люди въ средѣ ногайцевъ — также, какъ и повсюду въ мірѣ, довольствуются самою грубою одеждой, приготовленной дома, и вообще прикрываютъ свою наготу, какъ попало, чѣмъ Богъ пошлетъ. Нагольный полушубокъ, простой бешметъ, армякъ изъ толстаго сукна, мужицкіе или солдатскіе сапоги, купленные гдѣ попало, шапка и, наконецъ, прочія принадлежности туалета — оборванныя, изношенныя — составляютъ повседневный, типичный костюмъ ногайца. Глядя на иного оборванца, даже не скоро догадаешься: что напялено у него на плечи. Онъ напоминаетъ собой ходячее растрепанное чучело — въ родѣ того, какое ставится на огородѣ для устрашенія воронъ и воробьевъ. На одномъ—бешметъ, потерявшій свой верхній слой, еле-еле держащійся на плечахъ, благодаря лишь уцѣлѣвшей, хотя и проношенной подкладкѣ, потемнѣвшей и грязной, совершенно сливающейся съ загорѣлой кожей. Другой

щеголяетъ въ жалкихъ остаткахъ сѣрой солдатской шинели, конечно, безъ пуговицъ, безъ воротника и безъ рукавовъ, уже отслужившихъ вѣрой и правдой свой вѣкъ. Ногай не чуждается никакихъ лохмотьевъ: каждый обносокъ у него идетъ въ дѣло. Тряпки всевозможныхъ цвѣтовъ и матерій и различной доброты безъ разбора нашиваются слоями на прорѣху и такимъ образомъ копятся на бешметѣ по нѣсколько лѣтъ. На спинѣ бешмета почти всегда встрѣчается весьма неизящная нашивка, на подобіе спинной нашивки арестантскихъ куртокъ. Эта нашивка выдѣляется изъ числа прочихъ многочисленныхъ заплатъ, потому что состоитъ изъ краснаго сафьяннаго или суконнаго четыреугольника, дюйма въ два или три длиною и шириною. Она пришивается къ бешмету сзади и часто еще бываетъ украшена серебрянымъ или мишурнымъ позументомъ. Иногда, впрочемъ, эта нашивка бываетъ и одного цвѣта съ бешметомъ. Въ этой нашивкѣ, какъ говорятъ, правовѣрные сохраняютъ всякаго рода талисманы и молитвы... Праздничные костюмы поопрятнѣе и поцѣннѣе, но все же съ прорѣхами, съ заплатами изъ всевозможныхъ тряпокъ и съ разными пестрыми наставками.

Костюмъ женщинъ также незатѣйливъ: въ обыкновенное время—красная или желтая рубаха, туфли, полосатые шальвары, а на головѣ—бѣлое покрывало, откинутое назадъ. Сверхъ рубахи надѣваютъ также цвѣтной женскій бешметъ, зеленый или красный; иныя надѣваютъ кафтанъ изъ краснаго сукна, что уже считается шикарнымъ нарядомъ.

Богатыя женщины носятъ платье такого же цвѣта и покроя, но чаще изъ канауса и другихъ шелковыхъ матерій, а бешметы, нѣсколько отличающіеся покроемъ отъ мужскихъ, дѣлаютъ съ красивыми серебряными застежками во всю грудь—отъ шеи до пояса, называемыми *тесъ-тюйме*. Къ этимъ застежкамъ, очень живописно рисующимся на груди женщины—особенно молодой и здоровой, придѣлываются еще дутые шарики подъ рѣзьбою, хотя и грубоватой, но очень характерной, своеобразной отдѣлки. Въ ушахъ носятъ огромныя серьги, чаще серебряныя—круглой или овальной формы, а въ одной изъ ноздрей — иногда еще изрѣдка—кольцо (серьга). Замѣчателенъ поясъ, которымъ ногаянки стягиваютъ свою талію поверхъ бешметовъ и кафтановъ. Этотъ поясъ—„кусакъ"— составляется изъ огромныхъ серебряныхъ бляхъ или пряжекъ, величиною въ ладонь, нерѣдко украшенныхъ сердоликовыми и другими камнями; наборка его у людей богатыхъ также дѣлается изъ серебра съ рѣзьбою, иногда съ чернядью туземнаго произведенія. Вообще богатыя женщины одѣваются очень щеголевато. Ногайскія дамы—не хуже нашихъ—умѣютъ „по-своему" кокетничать...

Молодыя женщины иногда носятъ на рукахъ увѣсистые серебряные браслеты и острое серебряное украшеніе на лбу или подъ подбородкомъ, прикрѣпляемое къ серьгамъ; это украшеніе состоитъ изъ разнообразныхъ колецъ, цѣпочекъ и чешуи. Отличительный головной уборъ замужнихъ женщинъ заключается въ небольшомъ платкѣ, повязываемомъ вокругъ головы; сверхъ него накидывается тастаръ, опускающійся почти до пятокъ. Дѣвушки вмѣсто того до выхода замужъ носятъ мѣховыя или стеганыя шапочки, съ круглыми изъ краснаго сукна верхушками, всегда обшиваемыми на-крестъ тесемками изъ кованаго серебра, что очень идетъ къ гладко причесаннымъ, чернымъ и блестящимъ волосамъ ногайскихъ дѣвушекъ. Въ косу вплетается, вмѣсто лентъ, бѣлое полотенце, скрученное жгутомъ, называемое „шашьбау" и достигающее въ уборѣ чуть не до земли. Дѣвушки также носятъ бешметы и шальвары. Серебряныя украшенія, столь любимыя въ степяхъ, можно встрѣтить здѣсь и на цѣнной, дорогой и изящной одеждѣ и на жалкихъ, отрепанныхъ лохмотьяхъ, на лицахъ молодыхъ и дряхлыхъ, на красивыхъ и безобразныхъ, то-есть—также, какъ и у насъ, какъ и вездѣ...

Ногаецъ не изнѣженъ и не прихотливъ на пищу. Главная и любимая пища его — кирпичный чай. Какъ русскій человѣкъ безъ хлѣба, такъ ногаецъ безъ кирпичнаго чая обойтись не можетъ. Хлѣба ногайцы не ѣдятъ вовсе или очень мало. Кромѣ чая, они ѣдятъ вареное пшено, небольшія пышки, вареныя въ салѣ, и *бишбармакъ*—кушанье изъ баранины и сарачинскаго пшена. Пьютъ *бузу*, приготовляемую изъ пшена, и *аракъ*, родъ спиртнаго напитка

изъ молока, и отчасти *кымызъ* (кумысъ). Мясо почти ѣдятъ только въ праздники. За то же въ праздникъ ногаецъ, какъ говорится, „распоясывается". Съ величайшимъ наслажденіемъ ѣстъ онъ тогда баранину вареную, сало—и все это запиваетъ изъ маленькой деревянной чашечки *щербою*, отваромъ изъ баранины безъ всякихъ приправъ. Въ этотъ отваръ иногда сыплютъ немного соли, а то и просто обходятся совсѣмъ безъ соли. Ногаецъ въ теченіе нѣсколькихъ дней можетъ довольствоваться очень малымъ – одною пышкой или однимъ какимъ-нибудь чурекомъ, но ужь за то если онъ дорвется до угощенья, то будетъ ѣсть и пить безъ конца, до ошеломленія..

Какъ пища, также незатѣйливо и жилище ногайца.

Осѣдлые ногайцы живутъ въ сакляхъ — въ жалкихъ мазанкахъ, расположенныхъ очень неправильно, полутемныхъ, тѣсныхъ и грязныхъ. Сакли устраиваются изъ земли, изъ дерева или изъ саманнаго кирпича, кроются соломой или тростникомъ. (Закубанскіе ногайцы живутъ въ домахъ,—и въ ихъ аулахъ рѣдко можно встрѣтить кибитку, какъ напоминаніе о прежней кочевой жизни).

Кочующій ногаецъ живетъ въ кибиткѣ и считаетъ свое жилище тѣмъ лучше, тѣмъ выше цѣнитъ его, чѣмъ скорѣе—безъ большой траты времени и силъ—можно разобрать его, перевезти на другое мѣсто и поставить его вновь. Основаніемъ для кибитки служатъ складныя деревянныя клѣти, съ обѣихъ сторонъ утвержденныя на ремнѣ петлями. Когда нужно постановить кибитку, то сперва разставляютъ эти клѣти кругообразно, смотря по ихъ величинѣ, и обкладываютъ ихъ кошмами; къ вершинѣ прикрѣпляютъ полукруглую клѣть, съ отверстіемъ наверху; весь клѣтчатый верхъ также обкладываютъ кошмами, при концѣ которыхъ висящія веревки служатъ для того, чтобы при помощи ихъ—по мѣрѣ надобности—поправлять и выравнивать кошмы. Съ одной стороны кибитки оставляется, вмѣсто двери, отверстіе, завѣшиваемое полостью. И вотъ походный, подвижной домъ ногайца вполнѣ готовъ... Все семейство, обыкновенно, помѣщается въ одной кибиткѣ; только у богатыхъ имѣется еще другая кибитка для младшихъ членовъ семьи, для кладовой и кухни. Такой подвижной домъ въ полчаса можетъ быть разобранъ и уложенъ на арбу, на другую арбу также скоро укладывается „хурдамурда" (домашняя рухлядь)—и семейство готово въ путь. Въ кибиткѣ нѣтъ никакихъ обычныхъ домашнихъ принадлежностей и обыденныхъ житейскихъ припасовъ, словомъ — ничего того, къ чему привыкло культурное человѣчество. Въ кибиткѣ нѣтъ даже печи, которая здѣсь замѣняется тагаломъ. Для варки баранины или кирпичнаго чая на таганъ ставятъ чугунный котелокъ, а подъ нимъ разводятъ огонь, причемъ, вмѣсто дровъ, идетъ кизякъ. На землѣ въ кибиткѣ настланы кошмы, на которыхъ лежатъ постели. Платье же и драгоцѣнности, если таковыя имѣются, хранятся въ кованомъ сундукѣ. А вся мелочная деревянная посуда виситъ на клѣтяхъ, привязанныхъ ремнями. Въ кибиткѣ—грязно, тѣсно и душно. Хотя вверху кибитки, какъ сказано, и находится отдушина для того, чтобы дымъ могъ свободно проходить изъ кибитки, но въ ненастную погоду, когда эта отдушина закрывается большимъ кускомъ полости, прикрѣпленной къ жердямъ кибитки, человѣкъ непривычный почувствуетъ себя очень дурно. Лѣтомъ для житья кибитка еще довольно удобна, но за то зимою, несмотря на то, что она обита войлокомъ, въ ней бываетъ страшно холодно во время сильныхъ степныхъ вьюгъ и пронизывающаго вѣтра, съ воемъ и свистомъ врывающагося въ дырья кибитки. Дѣти въ оборванныхъ рубашенкахъ или совсѣмъ голыя ежатся и дрожатъ подъ овчинами, а взрослые, скорчившись, сидятъ той порой у огонька и кое-какъ отогрѣваютъ свои окоченѣвшія руки. Во время шурановъ (жестокихъ степныхъ мятелей) въ кибитку же загоняются телята, бараны и козы, а крупный скотъ—лошади и верблюды оставляются на произволъ судьбы—на стужѣ и на вѣтру. Въ такое время не рѣдко гибнутъ цѣлыя стада кочевниковъ, и сегодняшній богатый ногаецъ завтра становится нищимъ (*байгушемъ*).

Когда стада рогатаго скота, овецъ и конскіе табуны вытравятъ близъ аула весь поднож-

ный кормъ, тогда изъ аула посылаются соглядатаи для отысканія хорошихъ пастбищъ и удобныхъ мѣстъ для кочевья, то-есть такихъ мѣстъ, гдѣ есть родники. Когда такое мѣсто найдено, начинается перекочевка. Все приходитъ въ движеніе, всѣ суетятся отъ стараго до малаго... Кошмы стаскиваются съ кибитокъ и кладутся на арбы; кошмы покрываются клѣтями, а на клѣти кладутся таганы, котлы, тулупы, овчины, мерлушки, конская сбруя и всякая одежда—однимъ словомъ, вся домашняя „хурда-мурда". Утромъ съ первыми солнечными лучами запрягаются лошади, арбы скрипятъ и, наконецъ, караванъ трогается въ путь. При этомъ должно замѣтить, что въ лѣтнюю жаркую пору, когда въ камышахъ носятся тучи комаровъ и слѣпней, скотъ спасается между буграми въ долинахъ, освѣжаемыхъ сѣверными вѣтрами.

Такъ какъ главный или—вѣрнѣе сказать—единственный источникъ пропитанія кочевыхъ ногайцевъ, какъ читатель уже знаетъ, заключается въ скотоводствѣ, то поэтому мы и должны здѣсь поподробнѣе поговорить о ногайскихъ стадахъ и табунахъ.

Лошади ногайскія довольно рослы, статны и способны для верховой ѣзды и для упряжки, но дики до чрезвычайности. Нуженъ очень вѣрный глазъ, нужна опытная, сильная и мѣткая рука, нужно большое умѣнье для того, чтобы поймать иного скакуна арканомъ, удержать на немъ, надѣть на него узду и благополучно довести до аула. Стоитъ посмотрѣть, съ какимъ проворствомъ, съ какою ловкостью ногаецъ-табунщикъ ловитъ лошадей на арканъ... Разъѣзжая верхомъ, онъ прежде всего сгоняетъ весь табунъ въ одну кучу, а затѣмъ, намѣтивъ нужную ему лошадь, быстро набрасываетъ на нее петлю изъ веревки, свитой изъ конскаго волоса и бывающей семи или восьми саженъ длины. Эта веревка заблаговременно привязывается къ торокамъ сѣдла крѣпко-на-крѣпко. Схвативъ, такимъ образомъ, намѣченную лошадь, табунщикъ постепенно подъѣзжаетъ къ ней все ближе и ближе, подтаскивая къ себѣ понемногу веревку и наматывая ее себѣ на руку. И тутъ взбѣшенный, разъяренный скакунъ поневолѣ смиряется и привычною рукой отводится въ аулъ.

Должно замѣтить, что иногда въ табунѣ есть такія строптивыя лошади, такіе дьяволы во плоти, съ которыми и самому искусному табунщику трудно управляться. Въ такомъ случаѣ этихъ свирѣпыхъ животныхъ заранѣе стреноживаютъ, чтобы они не бунтовали и не смущали табунъ своимъ дурнымъ примѣромъ...

Ногайцы сами конюхи и пастухи, ветеринары и фельдшера для своей скотины. Ногайцы въ лѣченіи скотскихъ болѣзней не уступятъ нашему любому деревенскому искуснику-ветеринару. Средства у нихъ—самыя простыя: смола, скипидаръ и различныя травы, собираемыя ими въ степи. Они сами въ случаѣ нужды холостятъ жеребцовъ, сами сдираютъ съ павшей лошади шкуру съ хвостомъ и затѣмъ продаютъ ее, или же безъ излишней процедуры употребляютъ ее на шитье кафтановъ, шароваръ и сапогъ. Кумысомъ, доставляемымъ кобылицами, они очень дорожатъ и считаютъ его въ своемъ родѣ нектаромъ. Относительно же здѣшняго рогатаго скота, можно только сказать, что онъ лучше скота великорусскихъ породъ, мясо его очень вкусное, но ногаи, страстные любители баранины, рѣдко употребляютъ говядину въ свое кушанье.

Отъ курдючныхъ овецъ ногайцы пользуются саломъ. Почти каждая овца даетъ около 30 фунтовъ сала. Шерсть этихъ овецъ довольно легкая и пригодная на разныя издѣлія: изъ овчинъ, напримѣръ, приготовляются для зимняго времени довольно хорошіе и теплые тулупы—и преимущественно изъ черныхъ мерлушекъ (ягнячьихъ шкуръ), рѣдко изъ сѣрыхъ, которыми такъ славится Крымъ. И все это въ прежнее время стоило очень дешево... Лѣтъ 40 тому назадъ лучшій овчинный тулупъ, во весь ростъ человѣка, стоилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ „8 рублей мѣди", а мерлушечій рублей 15 и не дороже 16. Любопытны пріемы ногайцевъ при выдѣлываніи овчинъ и мерлушекъ. Снявши острымъ ножомъ шкуры съ зарѣзаннаго барана, овцы или ягненка, ногайцы растягиваютъ ихъ на особыхъ доскахъ и прибиваютъ по краямъ гвоздочками. Въ ясную погоду лѣтомъ и осенью шкуры сушатъ на солнцѣ и если

желаютъ, чтобы шкуры вышли получше, болѣе высокаго достоинства, то не допускаютъ до того, чтобы шкуры слишкомъ засыхали; снявши съ досокъ, шкуры кладутъ въ небольшія кадки, налитыя водою съ солью (тузлукомъ). Полежавъ нѣсколько дней въ этомъ составѣ, шкуры становятся мягче; тогда берутъ ихъ и вторично высушиваютъ, развѣшивая на доскахъ. Достаточно высушивъ ихъ, обливаютъ ихъ кислымъ молокомъ — опять-таки съ той цѣлью, чтобы сдѣлать ихъ еще мягче, нѣжнѣе. Наконецъ, шкурки обсыпаютъ мѣломъ и сильно и долго мнутъ ихъ руками, послѣ чего мѣлъ счищается—и шкуры готовы.

Выдѣланныя такимъ манеромъ овчины и мерлушки ногайцы или продаютъ русскимъ купцамъ или употребляютъ ихъ на тулупы и шапочки для своихъ семействъ или для продажи. Ногайцы, кстати замѣтить, не только зимой, но даже и лѣтомъ—по привычкѣ—ходятъ иногда въ мерлушечьихъ шапкахъ. Шерсть овечью ногайцы употребляютъ на кошмы или—иначе—полости. Эти валенныя кошмы довольно мягки и бываютъ грубоваты лишь тогда, когда для валки ихъ не очень старательно вычищаютъ шерсть. Полости служатъ и вмѣсто постелей, идутъ и на покрышку кибитокъ и на подсѣдельники. На кибитки, обыкновенно, употребляются толстыя и довольно плотныя кошмы для того, чтобы проливной дождь не пробивалъ ихъ насквозь и не подмачивалъ имущества, хранящагося въ кибиткѣ. Ногайцы также собираютъ въ значительномъ количествѣ верблюжью шерсть въ то время, когда верблюды линяютъ, и приготовляютъ изъ нея теплую одежду и обувь. Вообще же ногайцы главнымъ образомъ сбываютъ русскимъ закупщикамъ рогатый скотъ, лошадей, овецъ, сало, полости, верблюжью и овечью шерсть, овчинные и мерлушечьи тулупы, выдѣланныя овчины, мерлушки и т. под. Въ старые годы въ аулѣ, состоявшемъ изъ 50 кибитокъ, бывало до семи тысячъ лошадей въ табунѣ, до десяти тысячъ головъ рогатаго скота и болѣе двадцати тысячъ овецъ курдючныхъ... Но эти и подобныя имъ цыфры уже давно отошли въ темную область миѳовъ и преданій о ногайскомъ ,,золотомъ вѣкѣ''. Ногаи бѣднѣютъ...

Жизнь ногайцевъ на кочевьи вообще тянется крайне однообразно, вяло и апатично. По цѣлымъ днямъ сидятъ они возлѣ своихъ кибитокъ съ небольшими трубочками во рту и предаются созерцанію или слушаютъ *хабаръ* (новости). До новостей они большіе охотники, и каждая новость съ удивительной быстротой расходится по всему кочевью ногайцевъ. Также любители они сказокъ и разсказовъ съ фантастическимъ оттѣнкомъ. Съ виду ногайцы очень просты, но въ дѣйствительности они чрезвычайно изворотливы. Они — люди вовсе не кровожадные, не склонные къ разбоямъ и убійству, но при случаѣ они не прочь, напримѣръ, увести лошадь или барашка. Ногаецъ берется за оружіе лишь въ крайнемъ случаѣ — для защиты своихъ стадъ отъ дикихъ звѣрей или же себя отъ враговъ.

Монотонная и вялая ногайская жизнь разнообразится лишь рожденіями дѣтей, свадьбами, похоронами и праздниками, играющими роль эпохъ для степного человѣчества.

Главныхъ религіозныхъ праздниковъ у ногайцевъ въ теченіе года бываетъ два: Ораза-Бейрамъ (въ простонародьи Байрамъ) и Курбанъ-Бейрамъ. Первый празднуется одинъ день, а второй—три дня. Кромѣ того еще Джюма (пятница) считается днемъ отдохновенія. Приво, димъ кстати названія и другихъ дней недѣли: Джюма-Сангъ — суббота, Базаръ — воскресенье-Дюйма-Сембе—понедѣльникъ, Сале—вторникъ, Саръ-Сембе—среда, Бей-Сембе (или Шембе) — четвергъ. Ораза или Рамазанъ Бейрамъ установленъ въ воспоминаніе ниспосланія правовѣрнымъ Корана, а Курбанъ-Бейрамъ—въ честь принесенія Авраамомъ жертвы, которою мусульмане считаютъ не Исаака, но своего родоначальника — Измаила. Торжественные дни своихъ немногихъ праздниковъ ногайцы проводятъ въ угощеньи, въ устройствѣ скачекъ, въ стрѣльбѣ, въ борьбѣ, въ пѣньи и въ плясках.

Ногайская джигитовка не особенно замѣчательна и наѣздничествомъ вообще отличаются немногіе. Но народныя гульбища здѣсь все-таки не лишены своего рода характерности и интереса. Общественныя собранія устраиваются, конечно, на открытомъ воздухѣ, въ степи...

На эти праздничныя собранія даже допускаются и женщины въ качествѣ зрительницъ. Онѣ, впрочемъ, сидятъ вдалекѣ отъ ристалища, скромно помѣщаясь на какомъ-нибудь возвышеніи. Отличившимся удальцамъ раздаются награды: шелковые или бумажные пояса, платки, различные мелкіе предметы домашняго рукодѣлія, иногда домашнія животныя и даже деньги, тутъ же собираемыя зрителями въ складчину. И эти сцены въ степи, подъ открытымъ небомъ, на фонѣ зелени—очень живописны, дышатъ силой и своеобразной, дикой прелестью... Также торжественно еще празднуютъ ногайцы встрѣчу Новаго года, который справляютъ они 10 сентября—по нашему стилю.

Теперь мы сдѣлаемъ легкій очеркъ жизни ногайца, со дня рожденія и до смерти, причемъ будемъ имѣть случай коснуться нѣкоторыхъ ногайскихъ обрядовъ и обычаевъ, наиболѣе выдающихся по своей характерности.

При рожденіи дѣтяти, родственники и друзья отца въ старину собирались у воротъ сакли или близъ кибитки и поднимали страшный шумъ и стукотню въ пустые котлы — для того, чтобы—по ихъ повѣрью—прогнать отъ новорожденнаго дьявола. Нынѣ этого обычая уже нѣтъ. Новорожденному нарекается имя или отцомъ его или кѣмъ-либо изъ почетныхъ, уважаемыхъ лицъ изъ среды родныхъ или знакомыхъ. Младенецъ мужескаго пола можетъ оставаться безъ обрѣзанія до 8 лѣтъ, смотря потому, какъ заблагоразсудится его родителямъ. Для обрѣзанія приглашается или духовное лицо или же особенный искусникъ въ этомъ дѣлѣ. Случается даже, что и женщины занимаются обрѣзаніемъ. Мальчикъ съ 7—10 лѣтъ уже пріучается ко всѣмъ занятіямъ кочевой жизни. Онъ, напримѣръ, уже мастеръ скакать на лошади, ловить коней въ табунѣ; онъ пасетъ скотину въ степи, стрижетъ овецъ, „валяетъ" вмѣстѣ со взрослыми полости, выдѣлываетъ шкуры и мерлушки; но очень немногія изъ дѣтей умѣютъ читать и писать. Дѣвочки занимаются шитьемъ тулуповъ, шапочекъ и вообще женскими рукодѣльями.

Маленькая дѣвочка.

Сватовство у ногайцевъ заводится иногда очень рано, когда жениху и невѣстѣ бываетъ не болѣе семи лѣтъ отъ роду, а иногда еще и ранѣе. Отецъ мальчика отдаетъ калымъ отцу невѣсты или тотчасъ или въ извѣстный срокъ, когда читаетъ молитву и затѣмъ дѣти уже считаются обрученными. Калымъ иногда выплачивается не вдругъ, не разомъ, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а по совершеннолѣтіи обрученныхъ заключается и бракъ. Но при этой продолжительности встрѣчаются большія неудобства и дѣло иногда совсѣмъ расходится. Случается, напримѣръ, что родители, вслѣдствіе какой-нибудь ссоры, разрываютъ сватовство, иногда состоявшееся чуть ли еще не до рожденія жениха и невѣсты. А бываетъ и такъ, что въ продолженіе 10—15 лѣтъ которое-нибудь изъ договорившихся семействъ обѣднѣетъ, впадетъ въ нищету,—тогда легко можетъ произойти тяжба за калымъ. Рѣдко случается, чтобы семейство, разбогатѣвшее или сохранивше свое statu quo, захотѣло исполнить старое условіе относительно обѣднѣвшаго семейства. Браки здѣсь заключаются по большей части между людьми равныхъ состояній. Для того, чтобы богатое семейство рѣшилось породниться съ обѣднѣвшей семьей, нужно, чтобы невѣста была красавица, или, чтобы между женихомъ и невѣстой установилась интимная, неразрывная связь. Въ такомъ случаѣ иногда происходятъ и похищенія женихами невѣстъ. Похищеніе устраивается, разумѣется, съ обоюднаго согласія влюбленныхъ и считается

удальствомъ и молодечествомъ, но за это удальство отважный наѣздникъ порой дорого расплачивается, если онъ къ тому времени еще не успѣлъ фактически вступить въ свои завѣтныя любовныя права... Иногда обрученные растутъ, не зная другъ друга, но если между сговорившимися семействами идетъ все складно и ладно, то женихъ, сдѣлавшись молодымъ человѣкомъ, можетъ посѣщать невѣсту—только подъ условіемъ большой скромности съ его стороны; оставаться съ нею наединѣ или вступать съ нею въ интимную связь — не допускается.

Отецъ жениха, пріискавшій невѣсту для сына и уплатившій за нея условленный выкупъ (калымъ), передъ тѣмъ, какъ взять избранницу въ свой домъ, приглашаетъ къ себѣ нѣсколько довѣренныхъ отъ нея лицъ и отправляется съ ними, въ присутствіи духовнаго лица, къ родителямъ невѣсты. До отправленія поѣзда, передъ невѣстой на прощанье провизжитъ *домра*—нѣчто въ родѣ нашей двухструнной балалайки, туземный пѣвецъ пропоетъ какую-нибудь пѣсню, а любители попляшутъ. Затѣмъ, по прочтеніи установленной на этотъ случай молитвы, невѣсту усаживаютъ въ приготовленную для нея арбу, иногда великолѣпно раскрашенную въ щегольскіе туземные узоры и въ различные цвѣта. На эту же арбу (или на другую, если невѣста изъ богатой семьи) укладывается все ея имущество и сверхъ того устанавливается ея брачная кибитка, называемая *отаўй*. У этой кибитки верхъ дѣлается круглый и вся она состоитъ изъ цѣльной рѣшетки. Кибитка становится на арбу только въ такомъ случаѣ, если у арбы нѣтъ закрытаго верха, котораго, впрочемъ, не бываетъ у большинства арбъ бѣднаго ногайскаго люда. Не рѣдко также брачную кибитку переносятъ на рукахъ въ домъ новобрачнаго. Если же невѣста—вдова, то арба ея остается незакрытою во время брачнаго поѣзда. Эта торжественная арба называется *куйме*.

Мальчикъ-ногаецъ.

Переѣздъ молодыхъ въ домъ жениха совершается въ сопровожденіи родственницъ и знакомыхъ, при стеченіи народа, надѣляемаго подарками отъ новобрачныхъ. Численность поѣзда, цѣнность подарковъ и обиліе угощенія всецѣло, разумѣется, зависятъ отъ состоянія новобрачныхъ. Во время этого переѣзда происходятъ скачки вперегонку, джигитовка и т. под. Вообще же въ свадебныхъ увеселеніяхъ ногайцевъ не проявляется особенной удали и размашистости; не бываетъ и большого шума.

Для угощенья на брачномъ пиршествѣ закалываютъ, обыкновенно, коровъ и барановъ, а люди богатые рѣжутъ и лошадей. Въ такихъ случаяхъ, кромѣ обычнаго лакомства—калмыцкаго чая, гости ѣдятъ *бузу*, приготовляемую изъ муки и пшена. Есть и секретное угощеніе для мужчинъ—водка (арика), до которой ногаи въ послѣднее время стали большіе охотники. *Кымызъ* также, какъ уже сказано, принадлежитъ къ числу любимыхъ напитковъ. Подаютъ на пирахъ и еще одинъ хмѣльной напитокъ — *балъ-буза*, въ родѣ нашего меда. Онъ идетъ на угощенье ногайскихъ дамъ и молодежи, но отъ него также бываютъ не прочь и очень почтенные люди—особенно изъ духовнаго званія... На богатой свадьбѣ происходятъ и конскія скачки, и борьба силачей, и игры на *кабуръ* или *тамуръ*, пѣніе и пляски дѣвушекъ, пляски, впрочемъ, очень монотонныя и нисколько не напоминающія собой бойкія, живыя, жгучестрастныя пляски горскихъ жителей...

Бѣдный женихъ посѣщаетъ свою невѣсту въ ея собственномъ домѣ, до времени полной уплаты калыма, а потомъ уже скромнымъ образомъ перевозитъ ее къ себѣ въ кибитку.

По выходѣ замужъ, женщина покрывается *тастаромъ* (бѣлое женское покрывало, въ родѣ грузинской чадры) и цѣлый годъ живетъ невидимкой въ своей завѣтной кибиткѣ—отаўй, куда не можетъ войти никто изъ постороннихъ мужчинъ: сюда входъ открытъ лишь для родныхъ и для подругъ ея мужа. Если молодая бываетъ въ саклѣ, то всегда скрывается за занавѣской, гдѣ она и принимаетъ всѣ визиты. По прошествіи года лицо ея открывается, тастаръ откидывается назадъ, какъ обыкновенно носятъ его ногайскія женщины (*бикéляръ*). При этомъ должно замѣтить, что ногаи, даже и давно женатые, какъ-то неохотно обращаются къ своей женѣ при постороннихъ и говорятъ съ ними лишь въ случаяхъ крайней необходимости—такъ, что иной незнакомый съ мѣстными обычаями могъ бы, пожалуй, подумать, смотря на жену ногайца, что они даже и не знакомы между собой. Молодой же, недавно женившійся ногай даже старается не смотрѣть на кибитку—отаўй, боится пройти днемъ мимо того мѣста, гдѣ заключена его молодая подруга. Онъ какъ будто совѣстится положенія женатаго человѣка...

Всю жизнь ногаецъ скитается по степи со своимъ стадомъ, весь вѣкъ свой изживаетъ также жалко и безцѣльно, какъ и его бараны, пощипывающіе травку на вершинѣ степного кургана. Всю жизнь ногаецъ, подобно своимъ баранамъ, кружится взадъ и впередъ по степи, живетъ незамѣтно, безслѣдно, — и также безслѣдно и незамѣтно умираетъ, оставляя по себѣ кучку праха, то-есть—не болѣе того, что оставляетъ и баранъ...

Когда ногаецъ умираетъ, то опять также, какъ при его появленіи на свѣтъ, сходятся къ нему родные и знакомые. Не доѣзжая нѣсколько шаговъ до сакли или до кибитки покойника, посѣтители сходятъ съ лошадей, читаютъ изъ Корана слѣдуемые стихи и принимаются плакать—и плачутъ самымъ ужаснымъ, раздирательнымъ образомъ. Плачутъ, впрочемъ, только однѣ женщины, а мужчины сохраняютъ при этомъ свою невозмутимую важность. Слезы обыкновенно начинаются жалобными причитаніями, а затѣмъ переходятъ въ оглушительные вопли, крики и стоны. Добрые люди этимъ даютъ знать, что они пришли раздѣлить съ осиротѣвшимъ семействомъ его горе. Прочтя изъ Корана стихи, посѣтители входятъ въ жилище покойнаго, гдѣ, между тѣмъ, не прекращаются плачъ и рыданія. Затѣмъ, оплакавъ покойника, его относятъ на кладбище и опускаютъ въ могилу, а надъ могилой ставятъ камень въ аршинъ вышиной.

Одному изъ путешественниковъ удалось присутствовать при похоронахъ ногайца, и этотъ путешественникъ (Андрей Павловъ) оставилъ намъ описаніе ихъ. „Сынъ покойнаго,—разсказываетъ онъ,—запрегъ двѣ одноконныя арбы, на одну изъ нихъ положилъ умершаго, а на другой все семейство отправилось на кладбище. Я изъ любопытства слѣдовалъ за ними. Спустя четверть часа въѣхали мы на высокій курганъ, усыпанный могилами. Надъ каждою изъ нихъ былъ поставленъ четыреугольный столбъ. Столбы были безъ надписи... Могила была вырыта въ 3 аршина глубины, въ аршинъ длины и ширины; внутреннія стѣны ея обложили камышемъ, а снаружи у одного конца оставили узенькій проходъ... Покойника сняли съ арбы и, донесши его до прохода, спустили въ могилу и поставили стоймя, лицомъ къ востоку. Потомъ сдѣлали изъ камыша вокругъ могилы загородку, до 3 аршинъ вышиною, и обсыпали ее землей. (Эта ограда всегда устраивается для сохраненія тѣла отъ хищныхъ звѣрей; спустя двѣ недѣли, загородка снимается и могила засыпается землею). Вокругъ этой насыпи родственники умершаго, постлавши на землю чистыя полости, сѣли на нихъ и, поджавши ноги, около часа съ благоговѣніемъ произносили молитвы. Напослѣдокъ въ знакъ прощанія преклонили они головы къ землѣ и, вставши, съ прискорбіемъ возвратились въ аулъ". И подобныхъ кладбищъ много разсѣяно по ногайской степи. Часто мужчины носятъ въ теченіе года — въ видѣ траура—шапку особаго покроя; иногда, впрочемъ, ее носятъ и постоянно въ обыденной жизни, какъ мы уже выше говорили.

Черезъ годъ, ровно въ день кончины, опять собираются всѣ одно-аульцы (иногда и посторонніе), знакомые, друзья и родственники и, помолившись, произносятъ похвальное слово въ память умершаго, а женщины опять принимаются за свои отчаянные вопли и стоны. Поминки сопровождаются угощеньемъ, состоящимъ изъ мяса, чурековъ, чая, кымыза, бузы и даже „араки". Все это, какъ водится, пересыпается разсужденіями о суетѣ мірской и неизбѣжными сплетнями...

У караногайцевъ тѣло покойника обмываютъ и зашиваютъ, за исключеніемъ головы, въ кусокъ коленкора или бязи. Едва только вѣсть о смерти разнесется по аулу, какъ всѣ кошки въ аулѣ привязываются и держатся взаперти до самыхъ похоронъ—изъ страха, чтобы какая нибудь кошка не перескочила черезъ тѣло покойника Ногайцы вѣрятъ, что если кошка перепрыгнетъ черезъ тѣло, то умершій станетъ по ночамъ посѣщать свое семейство. Наибъ или кади (смотря по средствамъ) читаетъ молитвы и затѣмъ въ сопровожденіи мужчинъ, ѣдущихъ верхомъ, и женщинъ, идущихъ пѣшкомъ или ѣдущихъ въ арбахъ, покойника кладутъ на арбу и везутъ на кладбище, устроенное непремѣнно на курганѣ для того, чтобы сократить правовѣрному путь въ рай, обѣщанный Кораномъ. Во время процессіи никто не плачетъ, но всѣ лишь вспоминаютъ добрыя качества покойнаго. По прочтеніи молитвы, покойника опускаютъ въ могилу и кладутъ въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ могилѣ съ южной стороны. По возвращеніи домой, женщины поднимаютъ плачъ —необходимый для того, чтобы проводить душу умершаго. Плачъ продолжается не болѣе получаса, то-есть — именно столько времени, сколько его нужно—по приблизительному расчету караногайцевъ—для того, чтобы душа правовѣрнаго успѣла долетѣть до рая. Пока женщины плачутъ, мужчины, усѣвшись въ кружокъ, ѣдятъ *маханъ* (вареная баранина), запивая *шорбомъ* изъ *щербою* (отваръ изъ бараньяго мяса, въ родѣ бульона) и аракомъ. За ѣдою слѣдуютъ воздыханія о покойномъ и затѣмъ всѣ расходятся по домамъ. По окончаніи шести недѣль со дня смерти, устраиваются поминки, начинающіяся молитвой и кончающіяся женскимъ плачемъ и угощеньемъ. Вещи, принадлежавшія покойному, раздаютъ въ этотъ день нищимъ, и, начиная съ этого дня, вдова можетъ снова выйти замужъ, а родственники—снять трауръ, состоящій, обыкновенно, изъ чернаго платка у женщинъ и черной шапки у мужчинъ.

Мальчикъ-ногаецъ 15 лѣтъ.

Убитый на войнѣ или злымъ человѣкомъ считается праведникомъ, и его, не обмывая, зашиваютъ окровавленнаго въ мѣшокъ и опускаютъ въ могилу. Душа его должна идти прямо

въ рай. Надъ его могилой ставится флагъ, указывающій каждому кочевнику, что тутъ покоится праведный.

Въ заключеніе мы приведемъ нѣсколько мнѣній о характерѣ ногайцевъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Эти отзывы — крайне разнообразны и противорѣчивы.

Одинъ путешественникъ восхваляетъ ногайцевъ, ихъ мужество, храбрость, находчивость. ,,Человѣколюбіе, пріязнь и дружеское расположеніе,—говоритъ онъ,—ногаецъ оказываетъ своему знакомому, пріятелю, другу и страннику"... ,,Пріѣзжаете вы къ нему въ аулъ, какъ незнакомецъ, онъ принимаетъ васъ съ привѣтливостью, даетъ первое мѣсто, разспрашиваетъ о вашей нуждѣ, удовлетворяетъ ее по возможности, угощаетъ васъ... оставляя свое занятіе, ѣдетъ по вашему желанію въ то мѣсто, куда вамъ нужно, и не взявши съ васъ ни копѣйки, ни за угощеніе, ни за услугу—указываетъ вамъ путь и дѣлается въ дорогѣ хранителемъ васъ и вашего имущества, пожелавъ отъ добраго сердца счастливаго успѣха во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ".

Другой изслѣдователь говоритъ, что ногайцы сострадательны и гостепріимны, раззорившимся помогаютъ, чѣмъ могутъ, и затѣмъ добавляетъ, что ихъ характеръ ,,вкрадчивый и скрытный"—постигнуть весьма трудно... Стыда они не знаютъ... ласковое обращеніе выводитъ ихъ изъ границъ подчиненности... они лѣнивы: мужчины сидятъ въ кибиткѣ совершенно праздно или только разъѣзжаютъ по степи и ауламъ. Они склонны къ своеволію и грабежу домашняго скота. Средствъ къ искорененію такого направленія наклонностей ногайцевъ *не предвидится* никакихъ... Объ образованіи дѣтей заботятся немногіе ногайцы, обучая въ своихъ домахъ; для лучшаго же воспитанія отдаютъ дѣтей на сторону—именно къ затеречнымъ татарамъ. Знающіе хорошо татарскую грамоту, при *хорошемъ* образѣ мыслей и поведеніи, *поступаютъ*, по выборамъ обществъ, *на должности духовныхъ*".

Третій наблюдатель такимъ образомъ рекомендуетъ ногайцевъ: ,,Ногайцы вообще грязны, незнакомы съ великодушіемъ, корыстолюбивы. Правда, гостепріимство считается у нихъ первою обязанностью; но, несмотря на это, ни одинъ ногай безъ вѣрнаго расчета не испечетъ чурека, не заколетъ барана для гостя,—напротивъ, бывало весьма много примѣровъ, что гости обкрадывали хозяина, а хозяинъ обкрадывалъ гостей. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна, ленты или шнурки составляютъ предметъ желаній одного и возбуждаетъ зависть въ другихъ"...

,,Въ кругу степныхъ людей,—пишетъ старинный путешественникъ,—вникая въ ихъ характеръ, я совершенно переродился. Началъ *иначе* о нихъ мыслить, разсуждать и чувствовать. Какая же непостижимая сила привела меня до такого состоянія,—спрашивалъ я себя?—И вдругъ пробудилась въ душѣ моей новая мысль: ,,Ты—среди людей добрыхъ, безъ лести, хитрости и коварства. Вотъ эти самыя свойства привязываютъ къ нимъ твою душу, сердце, мысли и волю"...

Слѣдующій пишетъ, что ногайцы, какъ ,,народъ, издавна униженный и потерявшій всякую энергію, лукавъ и до такой степени упоренъ, что лучше согласится *остаться на худшемъ примѣрѣ отцовъ своихъ*, нежели воспользоваться какими-нибудь нововведеніями, ко благу ихъ относящимися. *Отличительныя* черты ихъ—лѣность, безпечность и недальновидность... Нѣтъ, кажется, нигдѣ такого уничиженія для женщины, какъ здѣсь (у ногайцевъ), потому что *вся домашняя работа* лежитъ на ихъ обязанности"...

Наконецъ, одинъ изслѣдователь прямо утверждаетъ, что ногайцы — страшные лѣнивцы, попрошайки, обиралы и т. д., и т. д.

Замѣтьте, читатель, что все эти разнорѣчивыя и иногда діаметрально противоположныя мнѣнія высказываются объ одномъ и томъ же народѣ въ одну и ту же эпоху его существованія... Не трудно замѣтить причину неблагопріятныхъ отзывовъ о ногаяхъ, а также и про-

творѣчій, вкрадывающихся въ эти отзывы. Причина недоразумѣній кроется въ томъ, что культурный человѣкъ, встрѣтившись съ полудикимъ степнымъ кочевникомъ, начинаетъ мѣрить его на свой нравственный аршинъ... Отсюда-то происходятъ и всѣ ошибочныя умозаключенія.

Если ногаецъ, видя хорошее отношеніе къ себѣ со стороны „городского, образованнаго" человѣка, захочетъ отплатить ему лаской за ласку, за любезность любезностью и потреплетъ его дружески рукой по плечу, то „городской" собесѣдникъ его немедленно же послѣ того занесетъ въ свою записную книжку на память потомству слѣдующую характеристику: „Ласковое обращеніе выводитъ ногайцевъ изъ границъ подчиненности; они становятся до неприличія фамильярны, грубы" и т. д. Голодъ, какъ извѣстно, не тетка. Случается, что бѣднякъ-ногаецъ крадетъ барана. Приставъ, узнавъ о кражѣ, отмѣчаетъ: „Ногайцы склонны къ грабежу домашняго скота". А между тѣмъ никто не подумаетъ называть весь русскій народъ конокрадами только потому, что крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей занимаются этимъ „ремесломъ"... Ногайцевъ называютъ „своевольными". Но что разумѣть подъ этимъ словомъ? Чиновнику можетъ показаться „своеволіемъ" самый обыденный, естественный актъ, признанный законнымъ обычнымъ правомъ этого степного народа... Одинъ изслѣдователь, напримѣръ, говоритъ, что нѣтъ никакихъ средствъ для поднятія нравственнаго уровня ногайцевъ и слѣдомъ же за этимъ разсказывается о томъ, что ногайцы, бывшіе въ ученьи, при хорошемъ образѣ мыслей и при хорошемъ поведеніи занимаютъ должности духовныхъ, то-есть—другими словами—нравственный уровень ихъ значительно повысился. Если повышеніе нравственнаго уровня произошло лишь вслѣдствіе обученія грамотѣ и Корану „у затеречныхъ татаръ", то во сколько же разъ возвысился бы этотъ уровень, если бы дать ногайцамъ хорошую школу!..

У ногайцевъ, какъ вообще у народа полудикаго, непричастнаго цивилизаціи, умъ находится въ дремотномъ состояніи, а поэтому ногайцы и кажутся людьми неподвижными, тупыми, лѣнивыми... Но при этомъ несомнѣнно, что въ характерѣ ногайцевъ нѣтъ такихъ „особенныхъ" чертъ, которыя не замѣчались бы въ нравственной физіономіи и другихъ народовъ, стоявшихъ нѣкогда или стоящихъ нынѣ на той же степени развитія, на какой находятся въ настоящее время ногаи.

Говорятъ, что „нигдѣ нѣтъ *такого* уничиженія для женщинъ, какъ у ногайцевъ, потому что вся домашняя работа лежитъ на ея обязанности"... Но не трудно замѣтить, что если исполненіе домашнихъ работъ женщинами служитъ доказательствомъ великаго уничиженія ихъ, то, слѣдовательно, и русская крестьянка, исполняющая всѣ домашнія работы, находится въ такомъ же положеніи. Не даромъ же нашъ поэтъ незабвенный писалъ:

«Доля ты!—русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!»...
. . . .
«И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки».

Не даромъ же поэтъ, обращаясь къ русской крестьянкѣ, говоритъ:

«Ты вся—воплощенный испугъ,
Ты вся—вѣковая истома!...»

Правда, мусульманскій законъ даетъ мужу право подвергать жену тѣлесному наказанію. Но въ то же время мусульмане къ этому наказанію питаютъ нескрываемое отвращеніе и не практикуютъ его въ своемъ домашнемъ быту. А у насъ, между тѣмъ, арапникъ и розги еще и по сейчасъ въ полномъ ходу, какъ непремѣнныя принадлежности домашняго обихода.

Также точно не трудно замѣтить, что не можетъ служить отличительной чертой умственной организаціи ногайцевъ и „склонность ихъ *слѣдовать примѣру отцовъ*" и чураться всякихъ нововведеній, „къ благу ихъ относящихся". Это — склонность общечеловѣческая, и не намъ упрекать въ ней ногайцевъ. Если народъ великорусскій не могъ еще пробиться на путь широкій общечеловѣческаго развитія и пока все еще стоитъ „у порога", то что же можно ожидать и требовать отъ какихъ-то несчастныхъ кочевниковъ, затерявшихся гдѣ-то тамъ, въ прикаспійскихъ степяхъ!...

Правда, ногаецъ посреди своей степи производитъ на зрителя грустное, тяжелое впечатлѣніе. Съ теченіемъ времени ногайцы все болѣе и болѣе бѣднѣютъ и число ихъ все убываетъ... Бывали примѣры—исторія указываетъ ихъ... исчезали съ лица земли народы, даже и не такіе кочевые, полудикіе, какъ наши ногаи. Въ Америкѣ, въ Африкѣ, въ Азіи и въ Европѣ исчезали народы не только такіе, какъ, напримѣръ, племена краснокожихъ въ Сѣверной Америкѣ, или какъ, напримѣръ, Тасманцы, но исчезали даже народы, создававшіе цивилизацію, хотя и одностороннюю, воздвигавшуюся на неустойчивомъ основаніи, на антисоціальныхъ началахъ. Если исчезали народы, основывавшіе въ свое время могущественныя имперіи, то еще незамѣтнѣе, еще легче можетъ исчезнуть съ лица земли какое-нибудь кочевое племя. Отъ первыхъ народовъ остаются, по крайней мѣрѣ, груды мусора и щебня, а иногда и цѣлыя пирамиды; отъ кочевниковъ же иногда не остается и кургановъ...

Прислушиваясь къ вою вѣтра, разгуливающаго по степи вокругъ убогаго кочевья, глядя на ногайцевъ, дрожащихъ и посинѣвшихъ отъ холода, жадно протягивающихъ къ огоньку свои окоченѣвшія руки, невольно думается: дунетъ вѣтеръ, подхватитъ этихъ людей, сгорбленныхъ, съ измозжденными лицами, и умчитъ ихъ съ ихъ кибитками и стадами ни вѣсть куда... И ногайцы исчезнутъ безслѣдно, какъ кошмаръ, какъ фантомы разстроеннаго воображенія.

Можетъ быть, ногайцы уцѣлѣютъ, отмѣтятъ себя впослѣдствіи какими-нибудь выдающимися дѣяніями на аренѣ общемировой дѣятельности и, можетъ быть, славные подвиги ихъ въ области умственнаго и нравственнаго развитія запишутся на страницахъ исторіи. Кто знаетъ? А можетъ быть и исчезнутъ они безслѣдно, какъ уже безслѣдно исчезли до нихъ многіе народы, проходившіе по тѣмъ же самымъ степямъ, на которыхъ теперь кочуютъ они... Кто знаетъ?...

Какъ бы то ни было, теперь ногаецъ производитъ грустное впечатлѣніе...

Сидитъ ли онъ у своей кибитки и смотритъ на далекій горизонтъ, онъ—молчаливъ и задумчивъ, какъ молчалива и задумчива кажется пустынная степь, надвигающаяся на него со всѣхъ сторонъ... Запоетъ ли ногаецъ свою тихую, однообразную пѣсню, — и въ пѣснѣ его звучитъ унылая нота, въ ней слышится, какъ будто, протяжное, глухое завываніе того же степного вѣтра, что бушуетъ порой вокругъ кочевья и, словно, въ самомъ дѣлѣ, угрожаетъ сорвать всѣ эти жалкія кибитки и унести ихъ вдаль..

П. В. Засодимскій.

ОЧЕРКЪ VI.

НИЗОВЬЕ ВОЛГИ ОТЪ ЦАРИЦЫНА ДО АСТРАХАНИ.

Городъ Царицынъ и его коммерческое значеніе.—Берега Волги отъ Царицына до Астрахани.—Сарепта.—Замѣчательныя производства города.—Село Владиміровка.—Озеро Баскунчакское.—Черный Яръ.— Царевскій курганъ.—Городъ Енотаевскъ.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ!
Мы не воры и не разбойнички,
Степана Разина мы работнички.
Мы весломъ махнемъ—корабли возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.

(изъ казацкой пѣсни).

ЕДВА-ЛИ не лучшій способъ нагляднѣе ознакомиться съ мѣстностями и этнографическимъ характеромъ края низовой Волги,—это сѣсть на одинъ изъ пароходовъ, поддерживающихъ сообщеніе между городами, лежащими на Волгѣ. Пароходы, идущіе внизъ по Волгѣ, стоятъ у Царицына довольно долго, поджидая поѣзда Грязе-Царицынской желѣзной дороги. Но прежде, чѣмъ сѣсть на пароходъ, осмотримъ самый городъ Царицынъ, въ настоящее время быстро развивающійся въ коммерческомъ отношеніи. Этотъ городокъ насчитываетъ себѣ около трехъ столѣтій. Основанный въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ крѣпость, которая должна была удерживать отъ набѣговъ ногайцевъ и киргизовъ, онъ игралъ довольно видную роль въ смутныя времена Россіи, онъ былъ театромъ, на которомъ разыгрывались всевозможныя страсти народной жизни; служилъ ареной, на которой съ перемѣннымъ счастьемъ подвизались герои кровавой и смутной эпохи: и Стенька Разинъ, и бунтовщикъ Булавинъ, и Емелька Пугачевъ, и самозванецъ Богомоловъ. Болѣе ста лѣтъ шла подобная неурядица во всемъ краѣ. Ложные Петры, Лжедмитріи появлялись въ этихъ мѣстахъ, весьма часто или, вѣрнѣе, всегда находя себѣ приверженцевъ среди смѣлаго и безпокойнаго населенія края, жаждущаго легкой добычи и вольной жизни.

Отъ Царицына вплоть до Дона, на протяженіи 60 верстъ, шла такъ называемая укрѣпленная Царицынская линія для защиты пограничныхъ владѣній Россіи отъ внезапныхъ набѣговъ калмыковъ и ногайцевъ.

Самый городъ Царицынъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, соединившимъ его съ центромъ отпускной торговли низовья Волги—съ Москвой посредствомъ Грязе-Царицынской линіи и съ Дономъ посредствомъ Калачинской линіи, значительно измѣнился. Каменныя постройки быстро воздвигаются. Весь центръ дѣятельности города сосредоточился въ новой его части близъ пароходныхъ пристаней и вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ. Пріѣзжающаго путешественника по желѣзной дорогѣ прежде всего поражаютъ странной формы вагоны, напоминающіе громадныя бочки съ выступами по срединѣ — это наливные вагоны для перевозки нефти нефтяной компаніи братьевъ Нобель. Сильное развитіе нефтяной промышленности на Апшеронскомъ полуостровѣ дало значительный толчокъ развитію и благосостоянію Царицына, такъ какъ онъ

Видъ на г. Царицынъ съ Волги.

сдѣлался съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ перехватывающимъ въ значительной степени торговые грузы, которые въ прежнее время подымались вплоть до Нижняго. Въ настоящее время товары идутъ на Царицынъ по Волгѣ, а оттуда по желѣзной дорогѣ прямо въ Москву.

Но не одна нефтяная промышленность способствовала коммерческому развитію города. Прямо противъ самаго вокзала Грязе-Царицынской дороги почти на версту тянется цѣлый рядъ прекрасныхъ магазиновъ, выстроенныхъ по линіи желѣзной дороги и принадлежащихъ крупнымъ астраханскимъ рыбопромышленникамъ, какъ, напр., братьямъ Сапожниковымъ, Орѣховымъ, Марковымъ. Ліанозову и др. Въ самомъ дѣлѣ, самый бѣглый взглядъ на астраханско-каспійское рыболовство и рыбопромышленность даетъ возможность констатировать фактъ чрезвычайнаго увеличенія какъ астраханскаго рыболовства, такъ и районовъ сбыта ,,астраханской рыбки" Постепенное обѣднѣніе рыбою рѣкъ Европейской Россіи по направленію отъ запада къ востоку, по мѣрѣ культурной дѣятельности русскаго человѣка, полное, напр., обѣднѣніе водъ Днѣпра и Дона, все более увеличиваетъ запросъ на астраханскую рыбу даже и въ тѣхъ районахъ, гдѣ въ прежнее время собственное рыболовство съ избыткомъ удовлетворяло мѣстнымъ потребностямъ. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, вся Россія стала рынкомъ

астраханскаго рыболовства. Жесткую, плохо приготовленную воблу ѣстъ хохолъ въ своей Малороссіи. Чехонь и бѣлоглазку промышленникъ-еврей провезъ своимъ собратьямъ въ Польшу. Ѣстъ москвичъ бѣлужину и бѣлорыбицу, а петербургскій рабочій—астраханскія сельди.

Общій видъ города Царицына.

Коммерческое развитіе города велико. Потребность въ биржѣ, гдѣ бы царицынскіе или астраханскіе купцы могли бы совершать свои торговыя сдѣлки, до того велика, что мѣстные купцы устроили себѣ родъ коммерческихъ собраній, такъ сказать биржу, въ вокзалѣ Грязе-Царицынской желѣзной дороги. Путешественника, сидящаго въ залѣ перваго класса, невольно

поражаетъ цѣлый рядъ фигуръ, молча входящихъ въ залъ и, помолившись передъ большою иконою въ углу, молча разсаживающихся. Черезъ нѣсколько минутъ начинается, судя по мимикѣ, оживленный разговоръ полушепотомъ по группамъ въ два—три человѣка. То здѣсь, то тамъ услышишь приказъ, обращенный къ лакею: „пару чаю", или „три рюмки водки" и прерванный шепотъ оживленно возобновляется. Здѣсь то совершаются торговыя сдѣлки всевозможныхъ промышленниковъ, здѣсь выползаютъ мало-по-малу мушки и таракашки въ солидные капиталы. А между тѣмъ призывный свистъ отходящаго парохода общества „Самолетъ" зоветъ насъ. Проѣхавъ небольшую площадь, отдѣляющую вокзалъ отъ пристани, вы спускаетесь по большой деревянной лѣстницѣ къ Волгѣ. Еще нѣсколько минутъ смотрите вы на этотъ городъ, которому пришлось столько вынести отъ людей, нарушавшихъ общественные законы и порядокъ, городъ, защищавшій основы русской гражданственности отъ иноземныхъ

Сарепта.

племенъ и иноземныхъ, чуждыхъ ей законовъ. Вонъ, вдали, вокругъ старой части города виднѣются остатки валовъ, остатки старины. Не даромъ Петръ Великій въ 1721 году на возвратномъ пути изъ персидскаго похода, окруженный жителями города, отдалъ народу трость свою и сказалъ: „вотъ вамъ моя трость; какъ я управлялся ею съ друзьями, такъ вы обороняйтесь ею противъ враговъ"; затѣмъ, снявъ съ своей головы шапку и отдавая ее, сказалъ: „какъ никто не смѣетъ этого картуза съ головы царскаго величества снять, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить". Картузъ старый, съѣденный молью, изъ валенаго сукна съ козырькомъ и трость—громадная дубина (каково то приходилось друзьямъ!) изъ персидской черешни Царицынъ сохраняетъ какъ святыню.

Вплоть до Царицына правый берегъ Волги, оставаясь все гористымъ, представлялъ изъ себя весьма живописную картину. Грандіозные и часто мрачные контуры горъ рѣзко выдѣлялись передъ лѣвымъ низменнымъ берегомъ, часто покрытымъ лѣсами. Начиная отъ Царицына, характеръ береговъ Волги значительно измѣняется и по мѣрѣ того какъ пароходъ подвигается отъ Царицына къ Астрахани, правый берегъ мало-по-малу теряетъ свой возвышен-

ный характеръ, каменныхъ утесовъ и другихъ возвышенностей на немъ почти совсѣмъ не встрѣчается. Кое-гдѣ и хотя попадается высокій крутой берегъ, но это уже не гора, а просто черноземный или глинистый обрывъ, называемый мѣстными жителями „яромъ"; правый берегъ такимъ образомъ теряетъ свой живописный характеръ и глазамъ путешественника представляется однообразно унылый видъ прямой линіи съ едва замѣтными повышеніями и пониженіями. Пріятность путешествія днемъ весьма не велика; однообразныя картины не привлекаютъ вашего взора, а страшная духота на пароходѣ доставляетъ вамъ цѣлый рядъ мученій: жара и духота невыносимы. Широта меньше 50° весьма чувствительно даетъ себя знать. Днемъ полное безвѣтріе, раскаленный воздухъ давитъ васъ, обжигая своимъ прикосновеніемъ. Но вотъ восемь часовъ вечера, день сразу смѣняется ночью тихой и звѣздной! Но что за ночь?! Сумерокъ почти нѣтъ. Она съ избыткомъ выкупаетъ всѣ дневныя невзгоды. Чудныя по Волгѣ

Общій видъ г. Сарепты.

ночи! Вы незамѣтно просиживаете всю ночь на палубѣ, жадно вдыхая въ себя освѣженный воздухъ. Мѣрно пыхтитъ пароходъ, прорѣзывая тихія, спокойныя воды Волги, окутанныя синеватой мглой мягкой ночи Взглядъ не можетъ оторваться отъ волнъ, въ которыхъ переливаются отражающіяся свѣтлыя полосы блѣднаго мѣсяца. А Волга! Широко, широко раскинулась она между отдаленными берегами, контуры которыхъ еле-еле виднѣются.

Волга, такъ долго протекавшая однимъ могучимъ потокомъ, верстахъ въ 20 выше Царицына выпускаетъ изъ себя большой рукавъ—Ахтубу, съ которой вновь сливается лишь возлѣ Астрахани, по пути же теченія Волга и Ахтуба многократно соединяются многочисленными, болѣе или менѣе значительными протоками. Несмотря на выдѣленіе такого большого рукава, Волга ниже Царицына широко разливается и, словно уставшая послѣ бѣга въ нѣсколько тысячъ верстъ, течетъ гораздо медленнѣе и становится все менѣе и менѣе глубокою; тотчасъ за Царицынымъ уже встрѣчаются отмели и пароходъ то и дѣло пріостанавливаетъ свой ходъ и слышится команда капитана, по мѣрѣ того какъ наметчикъ выкрикиваетъ глубину: „тихо, совсѣмъ тихо, задній ходъ, стопъ". Отмели находятся по обѣимъ сторонамъ рѣки, между кото-

рыми остается фарватеръ Волги не болѣе 50-ти саженей ширины. Вотъ вдали виднѣется пристань колоніи Сарепты. Этой замѣчательной колоніи съ парохода не видно; она расположена верстахъ въ трехъ отъ берега Волги, по р. Сарпѣ. Колонія Сарепта совершенно самобытна; она не имѣетъ ничего общаго ни по ея основанію, ни по ея современному устройству съ массой нѣмецкихъ колоній, основанныхъ въ этомъ краѣ при императрицѣ Екатеринѣ II. Сарепта настолько замѣчательна по своему устройству, что мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о моравскихъ братьяхъ или душевныхъ христіанахъ, такъ какъ всѣ колонисты послѣдователи этого ученія. Дѣйствительно культура Сарепты, ея нравы, міросозерцаніе, обстановка жизни, все это крайне оригинально.

Въ Германіи существуетъ городъ Гернгутъ; жители этого города—гернгутеры вѣрятъ и полагаются на сердце человѣка больше, чѣмъ на умъ; чувству они довѣряли болѣе, чѣмъ разсудку; болѣе всего они полагались на доброту. Любить Бога и ближняго ихъ законъ. Что касается гражданскаго строя жизни, то у нихъ абсолютное равенство и общность имущества. Продукты работы каждаго брата присоединялись къ общей массѣ продуктовъ, вырабатываемыхъ другими членами общины, и шли на удовлетвореніе нуждъ всей общины. Члены общины обыкновенно жили вмѣстѣ въ какомъ-нибудь большомъ домѣ и всѣ интересы ихъ были общими. Каждый полъ по возрасту подраздѣлялся на такъ называемые хоры: дѣвочекъ, мальчиковъ, холостыхъ братьевъ, холостыхъ сестеръ, женатыхъ братьевъ, замужнихъ сестеръ. Надъ каждымъ хоромъ былъ блюститель или блюстительница нравственности и весь такой домъ избиралъ себѣ начальника для экономическаго завѣдыванія дѣлами общины и начальницу для завѣдыванія хозяйствомъ такого дома. Въ настоящее время достовѣрно неизвѣстно вполнѣ ли придерживаются колонисты Сарепты такихъ воззрѣній и отношеній, или, быть-можетъ, они уже отклонились отъ первоначальнаго типа братьевъ, основавшихъ эту колонію въ 1765 году. Благодаря замкнутости и крайней осторожности сарептскихъ колонистовъ, невозможно узнать ничего достовѣрнаго, хотя многіе факты наводятъ на мысль о полномъ тождествѣ вѣрованій и строя соціальной жизни гернгутеровъ и сарептскихъ колонистовъ. Многіе заводы, числящіеся офиціально напр., за отдѣльными, лицами, составляютъ достояніе всей общины, хотя отдѣльныя лица берутъ на нихъ патенты. Изъ Гернгута присылаются въ Сарепту ревизоры, а также назначается отъ нихъ постоянный членъ хозяйственнаго комитета. Промышленныя предпріятія Сарепта ведетъ на капиталы Гернгута и такимъ образомъ между ними существуетъ тѣсная связь, которая и заставляетъ предполагать, что обычаи и соціальное устройство Сарепты мало чѣмъ отличаются отъ Гернгута.

Въ Сарептѣ есть мужское и женское учебное заведенія приблизительно въ объемѣ гимназическаго курса. Всѣ учителя выписываются изъ Германіи; весьма характерно, что учитель русскаго языка также нѣмецъ. Всѣ почти колонисты большіе любители естествознанія и многіе изъ нихъ состоятъ учеными членами различныхъ германскихъ энтомологическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ обществъ. Они по большей части собиратели разнаго рода коллекцій, которыя они продаютъ за границу, такъ что фауна и флора Саратовской и Астраханской губерній отлично извѣстны въ Германіи. Такъ какъ колонисты состоятъ корреспондентами различныхъ ученыхъ журналовъ, то въ Сарептѣ можно всегда найти массу всевозможныхъ періодическихъ изданій по естествознанію. Недаромъ одинъ ученый ихтіологъ, живущій въ Астрахани, отправляясь въ Сарепту, говорилъ: „Я ѣду въ публичную библіотеку".

Колонія Сарепты имѣетъ массу привилегій, благодаря чему она очень богата. Колонисты платятъ только по $7^1/_2$ копѣекъ съ десятины и по $1^0/_0$ съ капитала за фабрики. Колоніи принадлежитъ до 16,000 десятинъ земли, изъ которыхъ 10,000 солончаковъ. Сарепта въ исторіи своего развитія также не избѣгла общей участи низовыхъ поселеній Волги въ смутныя времена. Во время Пугачева колонисты разбѣжались и вся колонія была совершенно разграблена.

Неудивительно, что при множествѣ привилегій, которыми пользуется Сарепта, колонія процвѣтаетъ. Наиболѣе замѣчательно производство горчичное, возникшее здѣсь лишь въ началѣ XIX-го столѣтія. Заводъ Кноблока приготовляетъ болѣе 30,000 пудовъ горчицы. Здѣсь же на берегу у пристани можно пріобрѣсти знаменитый горчичный бальзамъ, которымъ лѣчатся отъ ревматизма. Табачное производство стояло довольно высоко, но въ настоящее время на эту отрасль промышленности колонисты мало обращаютъ вниманія, вслѣдствіе того, что конкурренція сдѣлала эту отрасль производства не столь выгодной. Сарепта управляетъ сама собой безъ всякаго вмѣшательства какихъ бы то ни было уѣздныхъ или губернскихъ властей, но находится въ зависимости отъ министерства государственныхъ имуществъ. Управленіе церков-

Село Владиміровка.

ными и общественными дѣлами находится въ рукахъ епископа и пастора братской евангелической церкви, инспектора училищъ и директора финансоваго управленія. Для внутренняго судопроизводства и гражданскихъ дѣлъ у нихъ учреждено правленіе, состоящее изъ двухъ начальниковъ, юстиціаріуса и двухъ выборныхъ засѣдателей. Правленіе это по правамъ равно магистрату и не подчинено никакимъ правительственнымъ учрежденіямъ; дѣла же уголовныя подлежатъ вѣдѣнію русскаго суда.

Отъ Сарепты берега Волги принимаютъ совершенно степной видъ; тянутся вдоль береговъ сыпучіе пески, покрытые то желтой травой, то тальникомъ, то камышомъ. Изрѣдка лишь по берегамъ попадаются калмыцкія кибитки. Семьи калмыковъ уподобляются птицамъ-рыболовамъ („мартышкамъ“ по мѣстному выраженію). Калмыки, нанимаясь къ хозяину, получаютъ отъ него необходимое продовольствіе для одного лишь человѣка. Семья его живетъ какъ умѣетъ. Обыкновенно ихъ кибитки располагаются вблизи тони (мѣсто, очищенное отъ

всякихъ препятствій для тяги невода), подбирая выбрасываемую рыбаками за негодностью рыбу и оспариваютъ ее у мартышекъ.

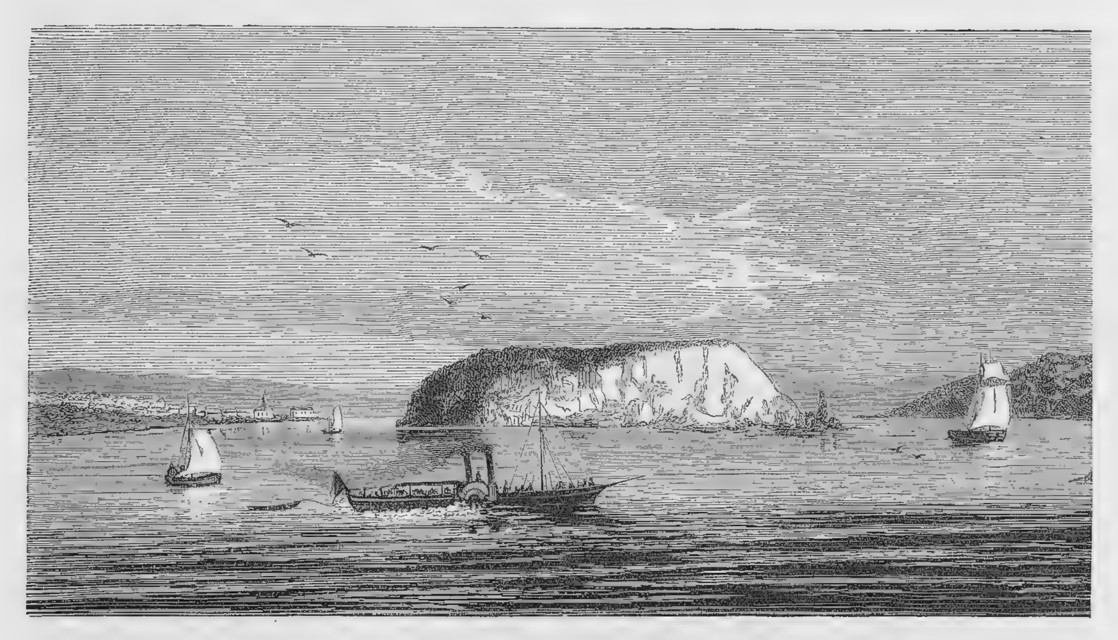
Нѣсколько верстъ ниже Сарепты Волгу прорѣзываетъ каменная гряда, называемая „Огрудками" по мѣстному выраженію. Послѣ нѣсколькихъ деревень, расположенныхъ у праваго берега Волги, пароходъ подходитъ къ лѣвому берегу и останавливается у пристани села Владиміровка. Село Владиміровка съ 8000 жителей замѣчательно въ качествѣ хлѣбной и соляной пристани. Верстахъ въ 50-ти отъ этой слободы расположено озеро Баскунчакское, главное мѣсто добыванія соли въ Астраханскомъ краѣ. Въ прежнее время соль перевозилась подводами къ самой пристани, гдѣ складывалась въ такъ-называемые буфы—(около 40 тыс. пуд.).

Общій видъ г. Черный Яръ.

Быстрое развитіе спроса на астраханскую соль сдѣлало то, что въ послѣднія пять лѣтъ вывозъ соли изъ Баскунчакскаго озера увеличился съ 5 милліоновъ пудовъ до 8 милліоновъ изъ общей цифры 10 милл. вывоза соли изъ Астраханской губерніи. До проведенія желѣзной дороги здѣсь было развито чумачество и фурщики доставляли соль на пристань, причемъ встрѣчалась масса затрудненій, благодаря которымъ иногда нельзя было достать фуръ ни за какія деньги. Хотя вокругъ Баскунчакскаго озера и имѣется выгонъ шириною въ 10 верстъ для выпаса солевознаго скота и трактъ отъ озера къ пристани нарѣзанъ отъ 3—8 в. ширины и по тракту устроены колодцы, но лѣтомъ трактъ такъ сильно выбивается, колодцы же становятся маловодными, что 15—20 тысячъ скота не находятъ себѣ ни достаточнаго подножнаго корма, ни водопоя. Часто фурщики брали съ собой сѣно, а еще чаще въ засушливые года, чтобы уберечь скотъ отъ истощенія и болѣзни вовсе отказывались отъ прибыльнаго для нихъ чумачества. Другое затрудненіе представляла тѣснота на пристани; иногда на ней приходилось разобрать и при-

пять до 2200 фуръ въ день. Кромѣ того, весной Владимірская пристань заливается кругомъ водой и имѣетъ сообщеніе со степью посредствомъ земляной дамбы, длиною въ $2^1/_2$ версты, по которой транспорты могли слѣдовать только по три въ рядъ. При малѣйшемъ безпорядкѣ встрѣчи нагруженнаго транспорта съ порожнимъ на одной колеѣ останавливалось иногда движеніе на дамбѣ по цѣлымъ часамъ. Благодаря этимъ затрудненіямъ, провозъ соли отъ озера обходился весьма дорого—5 коп. съ пуда за 50 верстъ. Чтобы понизить стоимость соли, столь важнаго продукта для множества милліоновъ потребителей, правительство приступило къ постройкѣ солевозной желѣзной дороги, соединяющей озеро съ Волгой, что конечно благотворно отзывается на разработкѣ соли въ озерѣ и на дешевизнѣ ея перевозки. Баскунчакская соль скоро заняла видное мѣсто на нашемъ рынкѣ.

Вотъ пароходъ приближается къ высокому, крутому, издали чернѣющему яру—это Черный Яръ, уѣздный городъ Астраханской губерніи, незначительный и бѣдный и жалко высматри-



Царевъ курганъ на Волгѣ.

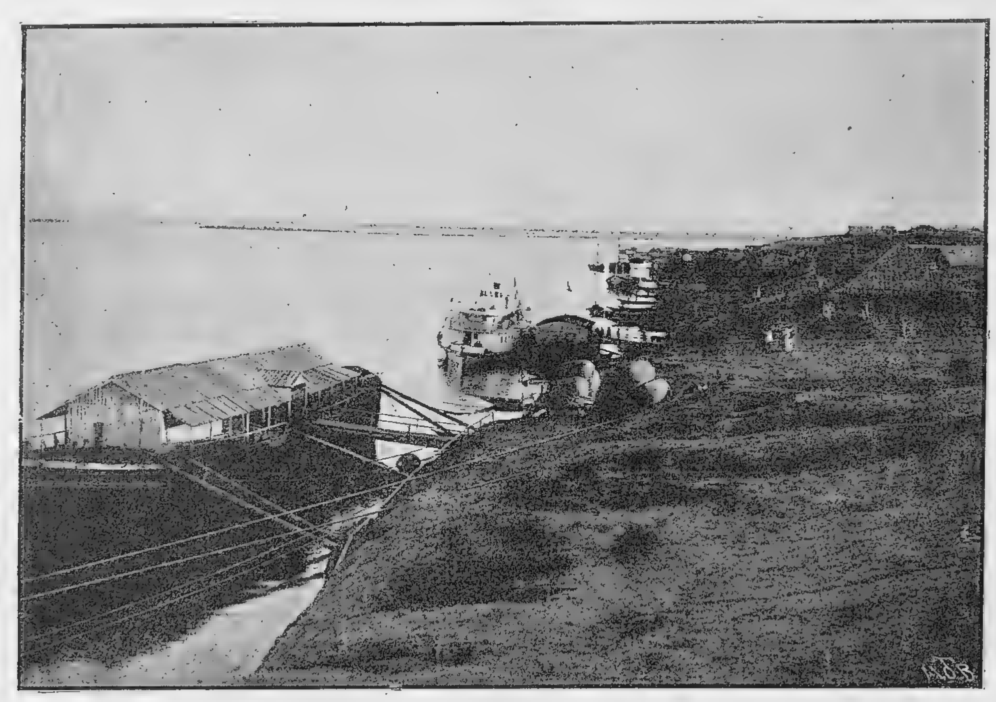
вающій съ высоты своего мѣстоположенія. Берега Волги за Чернымъ Яромъ становятся еще болѣе пустынными; лишь изрѣдка попадаются рыболовныя ватаги, расположенныя по берегу съ своими чернѣющими, загрязненными ватагами и по временамъ станицы Астраханскаго казачьяго войска. За Енотаевскомъ, послѣ однообразныхъ, унылыхъ видовъ береговъ, взоръ вашъ невольно останавливается и любуется прихотливыми формами мечети и другихъ строеній въ индѣйскомъ вкусѣ наслѣдниковъ князей Тюменевыхъ. Вотъ проѣзжаетъ пароходъ Ветлянскую станицу, прославившуюся на весь міръ своей чумой.

Въ Царевскомъ уѣздѣ, на пространствѣ 90 в., отъ села Верхнеахтубинскаго до деревни Зубовки, вдоль береговъ Ахтубы, по направленію къ юговостоку тянутся развалины монгольскихъ зданій, образующія курганы различныхъ размѣровъ. Въ окрестностяхъ Царева и въ самомъ городѣ ихъ особенно много. Вся равнина отъ города Царева до рѣки Кульгуты въ 7-ми верстахъ отъ города и до рѣки Царевки сплошь усѣяна такими курганами,—здѣсь было становище Золотой или Кипчакской Орды.

Учредивъ царственную резиденцію на берегахъ Ахтубы, монголы силою разрушительнаго

своего деспотизма распространяютъ бѣдствія на угнетенную Россію. Огромныя зданія, разрушившіяся отъ роковыхъ ударовъ времени, невольно напоминаютъ мрачную эпоху монгольскаго владычества—это гробы могущественной славы монголовъ.

Изъ развалинъ Батыева царства, разсѣянныхъ по берегамъ Ахтубы, особенно сильнаго вниманія заслуживаетъ огромный курганъ, примыкающій къ сельцу Колобовщинѣ и отстоящій отъ города Царева въ 6-ти верстахъ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связаны многія историческія воспоминанія. Царевскій курганъ расположенъ на возвышенномъ берегу Ахтубы. Съ сѣверо-восточной стороны съ него представляется необозримая Ахтубинская степь, а внизу къ юго-восточной сторонѣ разстилаются роскошные луга, орошаемые рѣчными и озерными водами. Этотъ контрастъ видовъ между лугами и степью придаетъ особую прелесть кургану, съ котораго открывается самый очаровательный видъ на необозримыя пространства луговъ. Много



Г. Енотаевскъ. Видъ пароходцыхъ пристаней.

минуло столѣтій, когда зданіе, составляющее основу кургана, было воздвигнуто, но при всемъ томъ оно было такъ велико, что и теперь еще его можно видѣть простымъ глазомъ верстъ за двадцать, несмотря на то, что жителями сельца Колобовщины добыта изъ него масса кирпича, необходимая для постройки цѣлаго селенія. Въ настоящее время длина кургана болѣе двухсотъ англійскихъ футъ приблизительно при такой же ширинѣ и высотѣ около 50 футъ. Лѣтъ 30 назадъ высота кургана была еще болѣе значительна. Въ самомъ центрѣ его возвышенія была глубокая впадина, образовавшаяся по всей вѣроятности отъ обвала верхнихъ его частей и изобиловавшая змѣями. Въ настоящее время, благодаря постоянному добыванію кирпича изъ кургана, нѣтъ возможности составить правильнаго понятія о фасадѣ зданія, изъ котораго образовался курганъ. Одна безобразная масса камней, соединенныхъ землею, составляетъ теперь поверхность кургана. Вокругъ него множество могилъ, причемъ скелеты лежатъ головой на западъ, какъ хоронятъ магометанъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что по всей вѣроятности это былъ русскій монастырь, при которомъ былъ дворецъ для пріѣзда русскихъ князей и по-

дворье для жилища архіерея. Этотъ дворецъ будто бы былъ превращенъ монголами въ мечеть при ханѣ Ахметѣ, когда русскіе отказались платить дань монголамъ. Этотъ курганъ пользуется большимъ уваженіемъ въ религіозныхъ понятіяхъ киргизовъ. Ни одинъ киргизъ не проѣзжаетъ мимо кургана, не воздавши на немъ поклоненія Аллаху. Бросая верблюдовъ и лошадей, онъ благоговѣйно всходитъ на самый верхъ кургана и посредствомъ различныхъ тѣлодвиженій, сопровождаемыхъ криками и колѣнопреклоненіями, выражаетъ свои молитвенныя чувства. Безъ сомнѣнія, они почитаютъ эти развалины вслѣдствіе убѣжденія, что здѣсь нѣкогда было святилище исповѣдуемой ими вѣры и покоится также могильный прахъ ихъ предковъ.

Наиболѣе значительный городъ, попадающійся на пути до Астрахани — Енотаевскъ, уѣздный городъ Астраханской губерніи съ 2000 жителей, славится своимъ прекраснымъ виноградомъ, по качеству своему превосходящимъ даже Астраханскій. Енотаевскъ расположенъ

Общій видъ г. Енотаевска.

при Ен—притокѣ Волги, былъ первоначально крѣпостью, основанной въ 1743 году. Жители занимаются рыболовствомъ, а также перевозкою клади между городами: Астраханью, Царицынымъ и Саратовымъ. Енотаевскій уѣздъ находится въ средней части губерніи и носитъ общій характеръ съ нею. Почва песчаная, суглинистая и, кромѣ сыпучихъ песковъ и мѣстъ, залитыхъ водами, довольно производительная, особенно для травъ. Занятія жителей (русскіе, калмыки, киргизы) рыболовство, но главнымъ образомъ скотоводство. Въ послѣднее время развилась весьма сильно арбузная промышленность. Правый берегъ Волги въ концѣ осени вы видите покрытымъ зелеными шарами—это арбузы, которыми высѣваются здѣсь сотни десятинъ. Осенью на баркахъ ихъ свозятъ въ Царицынъ, по желѣзной дорогѣ въ Москву и Петербургъ. Надо видѣть суету и горячку арбузоотправителей, чтобы понять, что эта новая отрасль промышленности становится серьезнымъ подспорьемъ для мѣстнаго производителя.

Возлѣ Царицына, вообще въ мѣстности Нижней Волги, болѣе чѣмъ въ какой-нибудь другой, живо сохранилось въ народной памяти множество преданій и разсказовъ о старинѣ. Героемъ этихъ преданій по большей части является Стенька Разинъ. Плывете ли вы на доща-

никѣ, или заберетесь въ третій классъ на пароходѣ, или на баркѣ среди рабочихъ, но разъ разговоръ коснется Стеньки Разина, угрюмыя лица просвѣтлѣютъ и каждый наперерывъ спѣшитъ что-нибудь сообщить о Разинѣ баснословнаго и миѳическаго. По мнѣнію народа, это былъ колдунъ, чародѣй, который леталъ на коврѣ-самолетѣ, плавалъ на платкѣ по рѣкамъ и морямъ. Дѣйствительно, здѣсь, невдалекѣ отъ тихаго Дона разбойничалъ близко памятный всей юго-восточной части Россіи Стенька Разинъ со своими „работничками". По берегамъ Волги народъ указываетъ на множество урочищъ, съ которыми преданія и легенды связали имя Разина. Быстро проѣзжая на пароходѣ мимо этихъ мѣстъ, трудно заподозрить ту поэзію, которой окрашены въ народномъ воображеніи эти угрюмые берега и текущія струи Волги. Но разговоритесь съ народомъ, и вы погрузитесь въ цѣлый міръ народнаго эпоса о стародавнихъ временахъ Поволжья. Нѣкоторыя легенды о Разинѣ имѣютъ большое сходство съ миѳомъ о Прометеѣ. Орелъ въ глубокомъ лѣсу передъ очами заблудившагося перепуганнаго путника выклевываетъ сердце сѣдого старика Разина. Прежде было два орла, но прошло сто лѣтъ и одинъ изъ нихъ отлетѣлъ. Пройдетъ сто лѣтъ—отлетитъ и этотъ и „передай ты людямъ", говоритъ Разинъ, обращаясь къ путнику, „чтобы они жили въ правдѣ, а то я опять приду и плохо будетъ людямъ неправеднымъ". Въ другой легендѣ, всякая „болотная тварь" также по цѣлымъ ночамъ мучила Разина и онъ также говорилъ заблудившейся путницѣ, что прежде его мучила тварь съ двухъ болотъ, а сто лѣтъ прошло и мучитъ его только тварь съ одного болота. Пройдетъ еще сто лѣтъ и онъ явится вновь, чтобы наказать жившихъ не по правдѣ. Вообще имя Разина въ народныхъ легендахъ окружено ореоломъ чародѣйства и мученичества.

Миѳъ о Прометеѣ вылился въ миѳъ о Разинѣ и въ народной памяти еще долго будетъ жить этотъ богатырь. Онъ живо встаетъ передъ очами народа и, ставъ одной ногой на бортъ лодки, могучимъ взмахомъ рукъ приноситъ Волгѣ въ жертву грузинскую царевну.

Но вотъ вы приближаетесь къ Астрахани; верстахъ въ 20 проѣзжаемъ мимо архіерейскаго хутора; еще ближе, верстахъ въ четырехъ отъ города, расположенъ Калмыцкій базаръ, постоянное мѣстопребываніе высшаго жреца калмыковъ ламайской вѣры, отпрыскъ буддизма. Мы посѣтили этотъ базаръ въ сопровожденіи спеціальнаго корреспондента англійской газеты „Times", который былъ чрезвычайно удивленъ отказомъ жреца совершить моленіе, несмотря на предложенныя деньги. „Мы не молимся за деньги", послѣдовалъ отвѣтъ черезъ переводчика. Тѣмъ не менѣе, двери храма были намъ любезно отворены и мы могли налюбоваться на массу всевозможныхъ истукановъ, а также музыкальныхъ инструментовъ, которыми калмыки сопровождаютъ свое богослуженіе. Надо замѣтить, что жрецы и присутствующіе постоянно совершаютъ въ церкви трапезу. Изъ храма мы перешли въ родъ часовни, въ которой помѣщается громадный вертящійся барабанъ съ написанными на немъ молитвами—это для усердныхъ богомольцевъ (такъ какъ калмыки не знаютъ ни одной молитвы) въ то время, когда бываетъ запертъ храмъ. Мы любовались черезъ приподнятый пологъ жрецомъ, чинно сидѣвшимъ, поджавъ подъ себя ноги, на коврѣ въ своей кибиткѣ, внутренность которой была украшена, кромѣ ковровъ, многими серебряными предметами.

Н. И. Тарановъ.

ОЧЕРКЪ VII.

СОЛЯНЫЯ ОЗЕРА И СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Элтонское озеро.—Соль-самосадка.—Видъ озера.—Баскунчакъ. — Потребители элтонской соли. — Предѣлы и размѣры ея потребленія. — Процессъ самосадки.—Старая соль.—Неисчерпаемое ея богатство.—Способы ломки и выволочки. — Солевозный трактъ и солевозы. — Приозерное селеніе. — Озеро Индеръ и впечатлѣнія поѣздки сюда. — Казачья уральская соль. — Цѣны на соль въ разныхъ мѣстностяхъ. — Соль у крестьянъ.

И старая кобыла до соли лакома.

НАРОДНАЯ ПОСЛОВИЦА.

Элтонское озеро, пермскія соляныя варницы и илецкая соль составляютъ главные соляные магазины Восточной Россіи. Первое же мѣсто по богатству производства принадлежитъ Элтону.

ГЕОГРАФІЯ РЕДРОВА.

«Бузуномъ» называется элтонская самосадочная соль въ отличіе отъ вывозной пермянки и балахонки и отъ коло́нной «бузы».

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ДАЛЯ.

ЧТОБЫ представить себѣ вліяніе соли на животныхъ и скотоводство, достаточно сравнить мелкій сѣверный русскій скотъ и чухонскую коровенку съ крупнымъ и мясистымъ черкасскимъ воломъ. Разница получится почти такая же, какъ между полтинникомъ, во что цѣнится пудъ соли въ степныхъ губерніяхъ, и рублемъ слишкомъ, во что обходится то же количество благодѣтельнаго продукта въ среднихъ и сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Тамъ, гдѣ дорога соль и ея очень мало,—скотъ мелокъ, мясо мало питательно и не вкусно. Высокая цѣна на соль, стѣснивъ питаніе ею нашего скота, предназначеннаго на убой, этимъ самымъ ухудшила русскую пищу и обузила деревенскій и городской разносолъ. Богатыми кормовыми травами покрыты тѣ обширныя южныя равнины, которыя мы привыкли называть степями и которыя населены кочующими пастушескими племенами. Въ степяхъ этихъ недостатокъ воды и лѣсовъ и мѣстъ, удобныхъ для посѣва хлѣбовъ и рыбной ловли, мѣшаетъ всякой осѣдлости, а движущіеся пески придаютъ видъ пустыни. Но въ пустыняхъ этихъ, несмотря на песчаность и мѣстами на соленость почвы, соль производитъ благодѣтельное и оживляющее вліяніе на весь бытъ кочевого населенія.

Соль придаетъ травамъ, служащимъ пищею скоту, питательность, а песокъ пустынныхъ степей кстати образуетъ подвижные бугры или холмы, за которыми скотъ укрывается отъ холодныхъ вѣтровъ и неистовыхъ „буруновъ" или мятелей. Соль же изъ почвы входитъ

растворенною въ сокѣ растеній для ихъ питанія не только тамъ, гдѣ солончаковая почва, но и вездѣ, гдѣ только зеленѣетъ какое-либо растеніе. Какъ въ крови человѣка, такъ и въ сокѣ растеній присутствіе соли замѣтно настолько же, что невозможно сомнѣваться въ ея потребности и пользѣ для нихъ. Сродство и связь растеній съ солью такъ велики, что иныя травы и живутъ лишь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много соли. Таковы разнаго вида ,,солянки, сольники или сольное зелье". Тамъ, гдѣ виднѣются маленькіе сочные листочки приморскаго млечника (glaux maritima) или гдѣ растетъ бархатистый лиственный мохъ (pattia Heimii), тамъ несомнѣнно оказывается ключъ съ поваренной солью. Такіе растительные путеводители могутъ даже служить прямымъ указаніемъ на скрытые соляные источники для тѣхъ опытныхъ глазъ, которые умѣютъ различать эти виды растеній: бери заступъ—и копай.

,,Чувствуя круговращеніе соли въ собственной крови,—говоритъ одинъ ученый,—мы усматриваемъ еще такимъ образомъ то же круговращеніе ея и въ сокѣ зеленѣющаго растенія, и съ благоговѣніемъ познаемъ, что великая мать-природа предоставила соли разнообразную роль, призвала ее быть одною изъ своихъ дѣятельныхъ силъ". Для этого природа въ неизсякаемомъ обиліи распредѣлила соль по землѣ и морямъ, придавъ имъ еще новую прелесть. Доказательства такому обилію представляетъ весь громадный юго-востокъ Россіи, т.-е. вся эта сплошная равнина, необычайно богатая солью и предоставленная гуртовому скотоводству. Избытокъ здѣсь соли лишилъ людей возможности заводить въ нихъ хлѣбопашество и по зависимости отъ него осѣдлость: солончаки и соляныя озера превратили людей въ кочевниковъ. За то соляныя богатства обезпечили разведеніе рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ, и изъ кочевниковъ сдѣлали скотоводовъ.

Элтонское озеро съ самосадочной солью покажетъ намъ, какъ ея много въ степи, несмотря на то, что внутри Россіи въ ней большой недостатокъ и въ самомъ дѣлѣ нечѣмъ осолиться.

Озеро находится въ Царевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи, въ 132 верстахъ отъ Николаевской слободы, находящейся противъ Камышинскихъ складовъ, и 237 верстахъ отъ Саратова. По величинѣ оно принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ соляныхъ озеръ Россіи, имѣя площадь въ 200 квадратныхъ верстъ. Соперникъ его—Баскунчанское озеро, находящееся въ Черноярскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи, въ 50 верстахъ отъ Волги, имѣетъ площадь въ $112^3/_4$ верстъ. Впрочемъ, Баскунчакъ — соперникъ только по добротности соли, которая считается одною изъ самыхъ лучшихъ, какъ и соль сосѣдняго съ нимъ астраханскаго озера (въ 75 верстахъ отъ Баскунчака далѣе)—Батырбека. Добыча обоихъ послѣднихъ озеръ вмѣстѣ съ остальными составляетъ то количество, какое ежегодно получается съ Элтона. Несмотря на то, что близъ Элтона лежатъ другія соляныя озера: Безымянное, Красно-Гусиное, Голый Лиманъ и друг., но, за избыткомъ элтонской соли, выволочка ея изъ этихъ вмѣстилищъ не производится. Въ самомъ дѣлѣ, кажется такъ, что, несмотря на многія столѣтія ломки соли, въ Элтонѣ она какъ будто еще не начата.

Элтонскою солью исключительно продовольствуются, не употребляя никакой другой: Царевскій уѣздъ, въ Саратовской губерніи—Царицынскій, Камышинскій и Балашовскій; Борисоглѣбскій Тамбовской губ.; Новохоперскій Воронежской и узкая полоса по лѣвому берегу Волги отъ границъ Астраханской губерніи до города Самары. Въ губерніяхъ: Курской, Орловской, Тульской и Рязанской она встрѣчается съ крымскою солью. Уже въ небольшомъ количествѣ идетъ въ землю войска Донского и именно въ станицу Усть-Медвѣдицкую. Баскунчакскую либо провозятъ мимо вверхъ по Волгѣ до Нижняго и Казани, либо расходуютъ на мѣстныхъ астраханскихъ рыболовныхъ ватагахъ. Ломка соли въ Элтонѣ издревле производилась калмыками, которые, съ принятіемъ подданства Россіи при царѣ Алексѣѣ и съ открытіемъ мѣновой торговли, дозволяли нашимъ брать соль какъ товаръ. Промышленники, пользуясь случаемъ, устроили земляной городокъ и ломали соль уже совершенно свободно. Вывозка ея въ запасные мага-

зины началась лишь въ 1741 г. въ количествѣ 13,275 пудовъ ежегодно. Въ 1807 года она возросла до 10 милл., но послѣ стали вывозить лишь половину этого количества.

На Элтонѣ происходитъ обычный процессъ самосадки. Озеро лежитъ въ гладкой пустынѣ, въ иловатыхъ и вязкихъ берегахъ, которые лишь на западѣ возвышаются отъ 3 до 4 саженъ. Съ разныхъ сторонъ бѣгутъ въ него теплыя, солоноватыя и горьковатыя воды восьми рѣчекъ и множество ключей и родниковъ, среди которыхъ есть и прѣсноводные. Изъ озера нѣтъ истока. Налитая вода подъ именемъ рапы или тузлука весною покрываетъ озеро на цѣлый аршинъ, къ серединѣ лѣта уменьшается до полуаршина, а въ сухмень или знойное лѣто до одной четверти аршина, когда кристаллы народившейся соли можно видѣть въ формѣ звѣздочекъ, которыя составляютъ какъ бы пленку и затѣмъ, сливаясь между собою и дѣлаясь тяжелѣе, падаютъ на

Разработка соли на соляномъ озерѣ.

дно озера кристаллами въ формѣ кубовъ. Такой процессъ повторяется нѣсколько разъ въ году. Весною и осенью твердую кожу озернаго дна растворяетъ снѣжная вода и вода изъ ручьевъ, отчего дно покрыто постоянно насыщеннымъ солянымъ растворомъ. Самый же бассейнъ озера содержитъ въ себѣ соли на неизмѣримую глубину, т.-е. такъ много, что ея хватило бы на всю Европу. Теплота рапы сильно увеличивается во все время химическаго процесса и самая соль становится также теплою. Слой новой осадки отливаетъ малиновымъ цвѣтомъ, но пока эта соль рыхла и легка, она считается „молодою", которая, заключая въ себѣ много соляно-кислой магнезіи по причинѣ вязкости и горечи, въ пищу не годится. Надо ждать, пока, начавъ крѣпнуть, соль сядетъ на прежніе слои; весной будущаго года она промоется прѣсною водой набѣгающихъ ручьевъ. Тогда она потеряетъ горечь и вяжущій вкусъ. Нижняя часть слоя скопится въ плотную массу и тогда уже получаетъ право на вниманіе и на почетное имя „старой" соли, цвѣта темно-синяго. Этотъ слой точно также отдѣляется прожилками иловатой осадки, по которымъ можно было бы, какъ по слоямъ древесины хвойныхъ породъ деревьевъ, сосчитать года озерной жизни.

На бѣду степные вѣтры очень часто мутятъ озеро, засыпаютъ его пылью, а ежегодная ломка окончательно отнимаетъ возможность произвести это интересное и поучительное счисленіе.

Въ 1805 году произведенъ слѣдующій опытъ: въ двухъ верстахъ отъ берега вырытъ былъ въ озерѣ колодецъ, глубиною въ двѣ сажени. „Оказалось (пишетъ очевидецъ), что первые слои имѣли толщину отъ полувершка до двухъ. По снятіи сорока двухъ слоевъ, пришелъ слой соли толщиною въ пять вершковъ, несравненно тверже и лучше. Наконецъ, когда вынуто было сто слоевъ, открылся пластъ соли столь крѣпкій, что, при разработкѣ, поломались желѣзные инструменты. Этимъ прекратилось дальнѣйшее изслѣдованіе, но не столько отъ чрезвычайной твердости соли, какъ отъ того, что мѣста, изъ которыхъ ее выламывали, наполнялись безпрерывно рапою, высѣдавшею изъ-подъ слоевъ. Это крайне затрудняло работу, да и тяжелый воздухъ, сопровождаемый смраднымъ запахомъ, не дозволялъ рабочимъ болѣе десяти минутъ оставаться въ копи". На основаніи этихъ наблюденій обыкновенно ломаютъ эти старые слои,

Баскунчакское соляное озеро.

предварительно очищая отъ нихъ верхній слой, насѣдающій весною и въ маѣ мѣсяцѣ еще поддающійся огребанью.

Такъ какъ около береговъ самосадка не чиста, то привычно ломаютъ соль въ разстояніи двухъ и болѣе верстъ отъ берега. Обыкновенно два ломщика отправляются въ лодкѣ. На Индерѣ (самосадочномъ озерѣ Уральскаго войска въ 390 верстахъ отъ Уральска) я, однако, имѣлъ возможность очень далеко отойти отъ берега (въ октябрѣ), идя, какъ по плотному льду, и, конечно, могъ бы также дойти до другого берега (озерная площадь Индера и 112 квадратныхъ верстъ).

Выходятъ и выѣзжаютъ ломщики на элтонскій промыселъ съ желѣзной пѣшней, лопатой и шестомъ съ желѣзнымъ наконечникомъ. Одинъ разбиваетъ соль на днѣ пѣшней, другой подбираетъ ее лопатою, сдѣланною въ видѣ черпака, и промываетъ рапой. Вывезенная на берегъ и сложенная въ бугры, соль промывается еще разъ дождемъ; провѣтрившаяся и просохнувшая идетъ въ мѣста складовъ. Для работъ предпочитаютъ тихое безвѣтрянное время, иначе вѣтры либо нагонятъ много рапы, либо совсѣмъ ее сгонятъ. Она во время жаровъ дѣлается

до того крѣпкою, что у рабочихъ разъѣдаетъ здоровое тѣло до ранъ. Съ порѣзами и случайными болѣзненными пріобрѣтеніями на кожѣ въ самосадочныя озера пускаться нельзя.

Богатый Элтонъ по-калмыцки „алтынъ-норъ", т.-е. золотое озеро, собралъ около себя уметъ Заикина, ничтожное селеніе казенной постройки, съ церковью, казармами для солдатъ и казаковъ; въ двухъ—трехъ дворахъ должны жить остающіеся при озерѣ на всю зиму. По направленію къ озеру, посрединѣ Царевскаго уѣзда, на „солевозномъ пунктѣ" приладились издавна одинокіе хутора или „уметы" малороссовъ, водворенныхъ обязательно; поселенцы эти были причислены къ разряду солеломщиковъ и солевозчиковъ На трактѣ вырыли имъ колодцы, жителей освободили отъ пошлинъ и оградили ихъ форпостами отъ степныхъ набѣговъ. Элтонъ, какъ дѣловое селеніе, очень скучно и въ особенности унылъ видъ самого озера, этого бѣлаго снѣга среди жаркаго лѣта, въ мертвой пустынѣ. Мнѣ не забыть давящаго, ужасающаго впе-

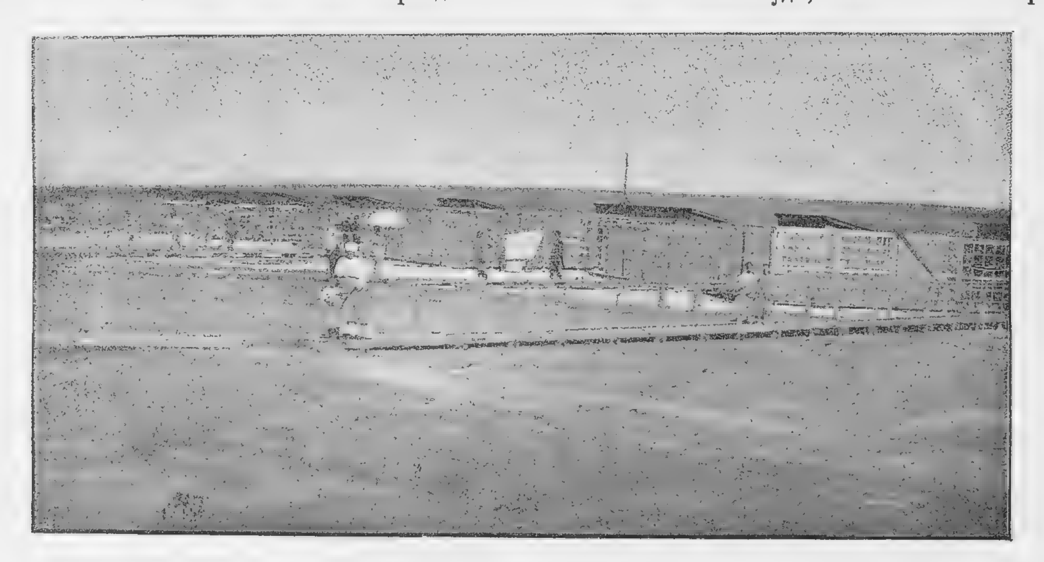
Фуры съ солью въ пути.

чатлѣнія одиночества, испытаннаго мною на берегахъ Индерскаго озера, несмотря на то, что кругомъ его обступили горы, носящія это же имя, высящіяся террасами изъ каменистыхъ пластовъ глесовой массы. Шпатовой гипсъ лежитъ плотной массой, образуя скалистые голые холмы, усиливающіе тяжесть грустныхъ впечатлѣній на всемъ томъ пути въ 12 верстъ, что приходится дѣлать отъ крѣпости Горской до озера.

Я видѣлъ его въ то время, когда не было на немъ ни одной живой души, ни одной птицы, не слышно было ни одного звука, и только на самомъ озерѣ, въ расщелинахъ скалистаго сѣвернаго берега, меланхолически журчали соляные ключи. Гдѣ въ глесовой массѣ образовались провалы, тамъ можно было замѣтить, какъ эти ручьи бѣжали по дну глубокой пропасти. Слѣдовъ работъ мы не замѣтили никакихъ; сплошной соляной черепъ покрывалъ озеро, но не все: въ серединѣ его этой коры не бываетъ. Слѣды работъ я нашелъ уже въ Горской, въ видѣ бугровъ, очень густо забросанныхъ сѣрою степною пылью. На озеро Грязное (въ 30 верстахъ отъ Гурьева) я уже не ѣздилъ. Выработка здѣсь незначительна по количеству добычи, а впе-

чатлѣнія предполагались еще болѣе тягостныя по наибольшей пустынности и безплодности гурьевской степи. Кромѣ этихъ двухъ, въ землѣ Уральскаго казачьяго войска имѣются еще 13 соляныхъ озеръ, но всѣ они не заслуживаютъ вниманія ни по величинѣ, ни по добротности соли. Въ соляныхъ степяхъ соляные источники разливаются по поверхности земли; палящіе солнечные лучи быстро производятъ въ нихъ испареніе воды: почва, лишенная всякой растительности, покрывается толстою и крѣпкою корою соли. Съ зауральскимъ Индеромъ случилось такъ, что соляные ручьи, уносящіе соль изъ степной почвы, слились вмѣстѣ и, найдя на пути углубленіе или впадину въ почвѣ, размыли ее и вылились въ одинокое степное озеро. Замѣчательны уральскія соляныя озера тѣмъ, что ломка на нихъ, по старинной привилегіи войска, производится безъ платежа пошлинъ и покупается съ платою лишь за работу и доставку.

Не то на Элтонѣ. Добыча соли не трудная, обходится около $5^3/_4$ коп. съ пуда, такъ что вмѣстѣ съ акцизомъ въ 30 коп. и арендною платою по 1 коп. съ пуда, соль на мѣстѣ не пра-



Тинакскія лечебныя грязи. (Ванны на озерѣ).

вышаетъ цѣны 36—37 коп. за пудъ. За то перевозка (которой занимаются главнымъ образомъ крестьяне Пензенской губерніи), перевозка до Волги съ пуда и версты отъ 0,06 до 0,075 коп. и дальнѣйшая развозка по губерніямъ дѣлаетъ этотъ товаръ далеко не общедоступнымъ: стоитъ навести справки на главныхъ мѣстахъ складовъ элтонской соли: въ Саратовѣ, Камышинѣ, Симбирскѣ, Сызрани, Казани, Чебоксарахъ и Нижнемъ. Въ Саратовѣ она продается отъ 47 до 52 к. за пудъ; въ Симбирскѣ отъ 50 до 65, въ Казани и Нижнемъ отъ 50 до 52 коп. Баскунчакская дешевле по причинѣ добычи (отъ 1 до 2 коп. съ пуда) и доставки по наименьшему разстоянію озера отъ пристани. Эту соль на мелководныхъ волжскихъ пристаняхъ можно купить за 34 коп., а въ Казани и Нижнемъ за 48 коп. Въ барышахъ остается только одно пріобрѣтеніе: удаленныя отъ мѣстъ сплавовъ и заброшенныя далеко въ степь соленыя озера вызвали особенный промыселъ „солевозовъ", который между прочимъ кормитъ населеніе Пензенской губерніи, отыскивающей пропитаніе въ самыхъ разнообразныхъ отхожихъ промыслахъ, несмотря на то, что эта губернія—черноземная и въ гербѣ ея помѣщены хлѣбные снопы.

Конечно, на „кривой" (съ забытою солонкой) крестьянскій столъ отличная элтонская соль попадаетъ далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ получается изъ озера. Ни одинъ продуктъ зем-

ного царства не даетъ столько поводовъ къ поддѣлкамъ и обманамъ. Температура и влажность воздуха имѣютъ огромное вліяніе на вѣсъ соли, ее незамѣтнымъ образомъ и очень легко подмѣшивать пескомъ и другими вредными и безвредными примѣсями. И при всемъ томъ крестьяне смотрятъ на соль какъ на такую рѣдкость и драгоцѣнность, которая требуетъ почета даже при сохраненіи ея. Въ крестьянскихъ избахъ, какъ и въ старинныхъ дворцахъ и богатыхъ домахъ, ни одинъ сосудъ въ поставцахъ не украшался такъ, какъ затѣйливо украшаются „солоницы". Стоитъ въ любой избѣ взглянуть на деревянныя солоницы съ прорѣзной высоко задней стѣнкой, съ расписной и рѣзной крышкою, для окраски которыхъ, кажется, не найдутъ подобающей и достойной дорогого продукта краски. Тамъ, гдѣ точатъ чашки и ложки, пристроилось и изготовленіе липовыхъ и березовыхъ солоницъ. У архангельскихъ поморовъ, при уходѣ ихъ на морскіе промыслы и на долгое время, для соли имѣются „сольники"—бурачки или берестянки, которые стараются также изукрасить фольгой или слюдою и придать яркіе цвѣта разнообразныхъ красокъ.

С. В. Максимовъ.

ОЧЕРКЪ VIII.

ГОРОДЪ АСТРАХАНЬ И АСТРАХАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Общая характеристика города Астрахани.—Историческія данныя.—Населеніе.— Торговое значеніе Астрахани. — Достопримѣчательности города.—Границы Астраханской губерніи.—Гидрографія.—Почва.—Промышленность.

Исторія Астраханскаго края — это исторія народовъ и царствъ.

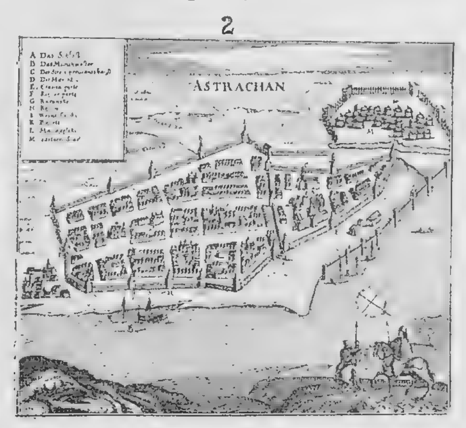
ЧЕРКАСОВЪ.

НЕДАРОМЪ Астрахань простой народъ называетъ „баловницей“, „балуй-городомъ“. Положеніе рабочаго люда въ Астрахани настолько удовлетворительно, что привлекаетъ въ южную часть Астраханской губерніи все большее и большее количество рабочихъ, значительная часть которыхъ, несмотря часто на семейныя или родственныя узы въ другихъ губерніяхъ, не только остается въ губерніи на долгіе годы, но часто и на всю жизнь. Рыбы вдоволь, плодовъ также, чихирь дешевъ,—трудно послѣ такого роскошнаго содержанія возвращаться къ себѣ домой, гдѣ ждетъ лишь черный хлѣбъ, да и то иногда на половину съ мякиной. Самый заурядный, простой рабочій, обыкновенно калмыкъ или киргизъ, получаетъ въ Астрахани три фунта печенаго ржаного хлѣба, фунтъ русскаго пшена или пшеничной муки и рыбы, сколько можетъ съѣсть. Всѣ же другіе рабочіе продовольствуются еще лучше, получая бѣлый пшеничный хлѣбъ, калачи и чай сколько угодно.

Самую главную промышленность Астраханской губерніи составляетъ рыболовство. По мѣрѣ приближенія къ Астрахани отъ Царицына, характеръ дѣятельности населенія измѣняется: изъ земледѣльческой она болѣе и болѣе принимаетъ рыбопромышленный характеръ. Волго-каспійское рыболовство занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Сравнительно небольшой районъ даетъ до 12 милліоновъ пудовъ рыбы, на сумму болѣе 20 милліоновъ руб. сер. Судоходство также составляетъ весьма важное и прибыльное занятіе жителей. Въ два года, обыкновенно, шкуна уже окупается, и судохозяинъ беретъ громадные барыши. Въ особенности оживилось судоходное дѣло въ послѣднее время съ развитіемъ нефтяной промышленности. Нефтяная горячка вызвала страшныя повышенія фрахтовъ, а вслѣдствіе этого вызвала усиленное судостроеніе. Явилось много новыхъ типовъ судовъ. Паровыя баржи наливомъ служатъ представителями новаго направленія. Вездѣ стремятся сберечь время или употребить его съ наибольшей выгодой.

Особенно оживленную картину представляетъ Астрахань лѣтомъ, въ первыхъ числахъ іюля: тысячи рыболововъ со своими женами и часто съ семьями пріѣзжаютъ въ городъ, чтобы сойтись съ хозяевами различныхъ рыболовныхъ ватагъ, и законтрактовываются доставлять имъ

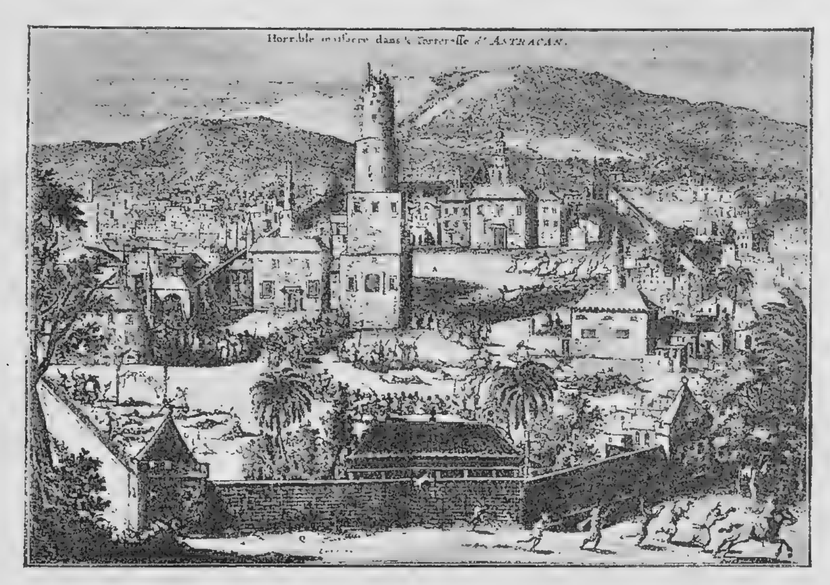
Видъ г. Астрахани въ XVII столѣтіи.



Планъ г. Астрахани въ XVII столѣтіи.

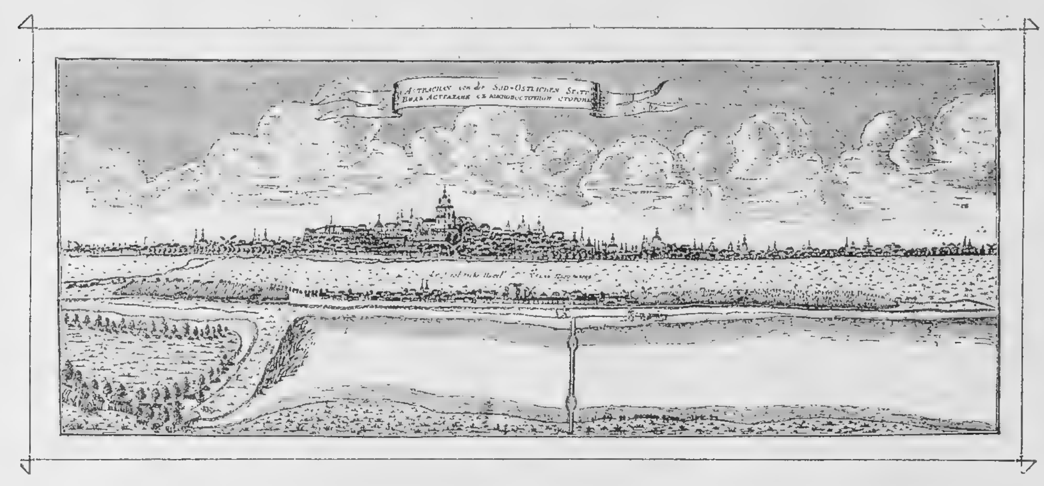
(Гравюры, помѣщенныя въ путешествіи А. Олеарія).

рыбу по извѣстной цѣнѣ, получая при этомъ весьма солидные задатки, иногда до тысячи рублей. Жены слѣдуютъ за мужьями отчасти въ качествѣ хранительницъ задатковъ, чтобы разгулявшаяся натура „вольнаго" или „подряднаго" ловца не спустила ненарокомъ этихъ денегъ. Въ это время въ Астрахани идетъ разливное море. Пьянство въ этомъ случаѣ грѣхомъ не считается, и кабаки торгуютъ за цѣлый годъ. Въ трактирахъ на столѣ передъ ловцами можно встрѣтить и коньякъ, и мадеру, и портвейнъ, но особенно много выпивается пива и водки; чихирь льется въ изобиліи. Но это бываетъ уже послѣ подряда, а до того ловцы ходятъ артелями односельчанъ, развѣдываютъ цѣны на рыбный товаръ и торгуются съ хозяевами. Ловцы



Взятіе г. Астрахани Стенькою Разинымъ. (Изъ описанія путешествія І. Стрюйса.

обыкновенно подряжаются на годъ. Семьи ловцовъ принимаютъ большое участіе въ промыслѣ. Онѣ починяютъ сѣти и покрываютъ ихъ особымъ составомъ, такъ какъ отъ воды сѣти портятся, точатъ уды, разъѣдаемыя соленой водой, такъ какъ морскіе ловцы ловятъ рыбу на



Видъ Астрахани въ 1769 г. по рисунку путешествія С. Гмелина.

крючья, навязанные на веревкахъ. Въ ранніе годы отецъ беретъ съ собою сына, который, помогая ему, постепенно пріучается къ рыболовному дѣлу.

При въѣздѣ въ Астрахань путешественника поражаютъ цѣлые лѣса мачтъ среди ряда па-

Гелюнгъ.

Армянинъ.

Типы жителей г. Астрахани.

роходовъ, между которыми немало большихъ морскихъ пароходовъ для плаванія по Каспійскому морю. Лавируя между ними, пароходъ подходитъ къ той части города, гдѣ впадаетъ рѣка Кутумъ въ Волгу. Это—пароходная пристань.

Астрахань расположена на буграхъ, образуемыхъ многочисленными протоками Волжской дельты. Важнѣйшіе изъ протоковъ: Болда, Кутумъ, Царевна; изъ бугровъ же — Заячій или

Татаринъ.

Армянка.

Татарка.

Персіянинъ.

ТИПЫ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА АСТРАХАНИ.

Кремлевскій, Паребичевъ, Казачій и др. Мѣстность, вообще, низменная, замѣчательная въ орографическомъ отношеніи тѣмъ, что вершина самаго высокаго Кремлевскаго бугра лежитъ на 43 фута ниже уровня океана, такъ что, въ случаѣ осуществленія проектируемаго соединенія

Каспійскаго и Азовскаго морей каналомъ, вся Астрахань была бы залита водою, надъ поверхностью которой одиноко торчалъ бы только шпицъ нынѣшняго собора, — самаго высокаго зданія, построеннаго на самой высокой мѣстности.

Исторія Астрахани до ея присоединенія къ Россіи мало извѣстна. Предполагаютъ, что начало ея у устьевъ Волги было положено хозарами до X-го вѣка по Р. Хр. Въ это время хозары составляли могущественное государство, простиравшееся до Оки и Днѣпра. Предполагаютъ, что ихъ столица Атель была родоначальницею Астрахани. Впервые слово Астрахань (Хаджи-Тархана) появляется во время водворенія монголо-татаръ въ низовьяхъ Волги. По распаденіи Золотой Орды въ XIV вѣкѣ, Астрахань сдѣлалась резиденціей хановъ особой орды— Астраханской. Въ концѣ этого столѣтія Астрахань была совершенно уничтожена Тамерланомъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи Астрахань получила весьма большое значеніе и стала важнымъ торговымъ пунктомъ, черезъ который проходили всѣ азіатскіе товары въ Европу. Несмотря на

Видъ на г. Астрахань съ юга.

богатства Астрахани, постройки ея состояли тогда изъ землянокъ и шалашей. Богатство Астрахани привлекало къ себѣ взоры крымскихъ татаръ и ногайцевъ, нерѣдко предпринимавшихъ на нее набѣги, и астраханцы начали прибѣгать къ покровительству Москвы. Въ половинѣ XVI-го столѣтія Астрахань при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ была присоединена къ Россіи, и Грозный прибавилъ къ своимъ титуламъ еще и „царя астраханскаго". Послѣ этого было нѣсколько неудачныхъ возмущеній, съ цѣлью свергнуть русское владычество, а также и неудачныхъ попытокъ со стороны крымскихъ хановъ отнять у Россіи Астрахань. При Петрѣ Великомъ Астрахань достигла полнаго процвѣтанія. Петръ I устроилъ здѣсь портъ и верфь для постройки кораблей. Въ 1860 году этотъ портъ переведенъ въ Баку, обширныя же пространства для порта и многочисленныя зданія переданы въ вѣдѣніе пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій". Петръ Великій также повелѣлъ насадить тутовыхъ деревьевъ, съ цѣлью развитія мѣстнаго шелководства. И теперь еще вблизи Астрахани находится роща тутовыхъ деревьевъ, къ сожалѣнію, не оживленная гусеницами шелкопрядовъ. Многое задумывалъ великій монархъ, простирая свой взглядъ вглубь Азіи и сознавая выгодность торговыхъ сношеній съ Востокомъ для начинающей русской промышленности. Между прочимъ, Петръ обратилъ свое

вниманіе также на развитіе виноградарства въ Астрахани. Астрахань напомнила ему одну изъ дикихъ мѣстностей Венгріи, гдѣ онъ ѣлъ прекрасный виноградъ. Въ настоящее время виноградные сады въ Астрахани процвѣтаютъ. Съ учрежденіемъ товаро-пассажирскихъ пароходовъ Зевеки американскаго типа, перевозящихъ какъ грузы, такъ и пассажировъ за весьма дешевую плату, астраханскій виноградъ получилъ громадный сбытъ, главнымъ образомъ, въ поволжскіе города. Въ началѣ осени, когда поспѣваетъ виноградъ, послѣдній является преобладающимъ товаромъ, перевозимымъ пароходами. Образовался цѣлый классъ торговокъ и торговцевъ виноградомъ, которые буквально живутъ на пароходахъ, постоянно отвозя въ Саратовъ грузы винограда и возвращаясь обратно въ Астрахань за новымъ грузомъ. Въ Астрахани произрастаютъ прекрасные сорты винограда—„изабелла" и другіе. Что касается винодѣлія, то оно еще въ зародышѣ и ведется первичными способами, т. е. виноградъ давятъ

Видъ на г. Астрахань съ Волги.

просто ногами. Одинъ изъ мѣстныхъ промышленниковъ—Зварыкинъ—стремился поставить эту отрасль промышленности на лучшую степень. Вина съ его садовъ завоевали себѣ нѣкоторую извѣстность не только на мѣстѣ производства, но и въ другихъ мѣстахъ, даже отчасти и въ Петербургѣ.

Въ настоящее время Астрахань имѣетъ болѣе 100 тысячъ жителей. Населеніе ея весьма пестро и разнообразно: калмыки, татары, хивинцы, персы, бухарцы, представители различныхъ европейскихъ націй — все это имѣется здѣсь ради коммерческой цѣли — движется, суетится, пестрѣя своими туземными нарядами. То выдается среди толпы на пароходной пристани остроконечная шапка перса или бѣлая чалма турка, то пестрѣетъ разноцвѣтный сарафанъ русской красавицы, пріѣхавшей издалека на рыбныя ватаги—рѣзать и солить рыбу.

Женскій трудъ въ промыслахъ Астраханской губерніи занимаетъ видное мѣсто, такъ какъ приготовленіе въ прокъ рыбы исключительно находится въ рукахъ женщинъ, тогда какъ собственно для рыболовства употребляются лишь мужчины, главнымъ образомъ калмыки—народъ чрезвычайно выносливый. Въ жестокую стужу, передъ замерзаніемъ рѣки, тянутъ калмыки

неводъ, стоя по поясъ въ холодной водѣ, и лишь стряхнувъ осколки льда съ своей одежды—вновь идутъ тянуть другую тоню. Калмыки—народъ въ высшей степени честный и трудолюбивый. Не будь этихъ работниковъ-рыболововъ, никогда бы астраханско-каспійское рыболовство не достигло той высоты развитія, на какой находится теперь. Русскіе обыкновенно занимаютъ въ рыболовномъ промыслѣ какія-нибудь высшія административныя должности. Женщины-работницы нанимаются, обыкновенно, на путины весеннюю и осеннюю. На обязанности ихъ лежитъ потрошить рыбу, присылаемую съ тонь, приготовлять ее къ соленію. Во время сильнаго хода рыбы, когда въ одинъ неводъ попадаются десятки тысячъ особей, онѣ, не смыкая глазъ, работаютъ день и ночь. При мерцающемъ свѣтѣ фонарей, сидя верхомъ на скамейкахъ, одѣтыя въ бѣлыя куртки и такіе-же шаровары, закутанныя какъ можно тщательнѣе (во избѣжаніе укусовъ мошекъ и комаровъ, милліардами водящихся здѣсь), работницы очень мало

Г. Астрахань. Рыбныя пристани на р. Кутумъ.

походятъ на женщинъ, а скорѣе на какихъ-то фурій, въ рукахъ коихъ сверкаютъ ножи, которыми онѣ потрошатъ еще трепещущую рыбу, оглушенную предварительнымъ ударомъ крючка. Женщины получаютъ плату поштучно, обыкновенно 50 коп. съ тысячи рыбъ; слѣдовательно, работать какъ можно быстрѣе—прямая ихъ выгода. Во время сильнаго хода рыбы онѣ бываютъ такъ утомлены, что, потроша рыбу, засыпаютъ. Ихъ обыкновенно пробуждаетъ выскользнувшая изъ рукъ рыба или грозный окрикъ приказчика,—и утомленныя руки вновь принимаются за тяжелое дѣло рѣзки. Кровь струится изъ рукъ, порѣзанныхъ о рыбью чешую.

По замѣчанію одного путешественника, Астрахань представляетъ собою фокусъ, въ которомъ собираются лучи всей Волжской дельты—и относительно рыболовства, и относительно соледобыванія, и относительно торговли со степью, Персіей, Кавказомъ, съ средне-азіатами и туркменами. Какъ важенъ такой пунктъ, который, кромѣ того, составляетъ многолюдный, конечный административный центръ передъ впаденіемъ Волги въ море, омывающее сѣверъ Персіи, восточный Кавказъ и Киргизскія и Туркменскія степи, составляющія кратчайшій путь въ

Среднюю Азію. Въ Астрахани встрѣчаются произведенія всей восточной и частью сѣверо-западной Россіи, а также производства только-что названныхъ странъ и областей. Что можно бы сдѣлать изъ такого богато одареннаго края, при условіи должной предпріимчивости и образованія!—Моря нефти, буквально потопляющей изъ своихъ источниковъ и колодцевъ южную часть Закавказскаго берега, и богатѣйшія соляныя озера низовьевъ Волги — одни могли бы дать жизнь краю. О томъ же, что хранится въ нѣдрахъ степей, нечего и говорить. Соляны озера лежатъ часто вдоль Волги. Громадное же скотоводство степей и его продукты развѣ не служатъ предметами потребленія не только въ Россіи, но и за границей. Трудно сказать, что могло бы сдѣлать общество болѣе предпріимчивое изъ пункта, гдѣ встрѣчаются всѣ эти предметы. Баснословныя богатства рыбы, нефти, соли, хлопка, грубыхъ винъ восточнаго Кавказа,

Г. Астрахань. Торговля рыбой у Коммерческаго моста

мѣстнаго вина „чихиря" и прекрасныхъ мѣстныхъ астраханскихъ винъ, всевозможные товары, сырыя кожи, шерсть и волосъ, плоды всякаго рода и рисъ — движутся вверхъ по многоводному пути Волги и встрѣчаютъ въ обмѣнъ произведенія всей Россіи и даже мануфактуръ Европы.

Все это стекается къ Астрахани. Пароходныя общества, страховыя конторы, частныя компаніи должны были бы наводнить городъ и сдѣлать изъ него что-нибудь блестящее и по движенію, и по удобствамъ жизни. А между тѣмъ что мы видимъ? Жалкій, полуазіатскій, огромный, но грязный и неудобный городъ, въ которомъ въ ненастное время нельзя двинуться, такъ какъ нѣтъ мостовыхъ, и трудно дышать, вслѣдствіе зловонныхъ испареній.

Наиболѣе замѣчательную часть Астрахани составляетъ Кремль, обнесенный высокими каменными стѣнами, съ восемью башнями, построенный по повелѣнію Бориса Годунова. Матеріаломъ для постройки Кремля послужили развалины прежней татарской столицы—Сарая. Въ

Кремлѣ находится каѳедральный Успенскій соборъ — коллосальное зданіе въ 14 саженей вышины, далеко видиѣющееся съ парохода. Успенскій соборъ замѣчателенъ своими богатствами; въ немъ царскія врата серебряныя, серебряный престолъ около трехъ пудовъ вѣсу; на одномъ изъ евангелій верхняя доска изъ чистаго золота, вѣсомъ около пуда, усыпана алмазами, яхонтами и изумрудами, стоимостью около 120 тысячъ рублей. Двѣ архіерейскія митры, украшен-

Бирючья коса.

ныя также драгоцѣнными камнями, стоятъ одна 150, другая 50 тысячъ рубл. сереб. Изъ другихъ зданій замѣчателенъ городской музей, въ которомъ находится множество моделей типовъ судовъ, ходящихъ по Волгѣ и Каспійскому морю, различныхъ рыболовныхъ орудій, образцы соли Астраханскихъ озеръ, мѣстныхъ животныхъ, коллекцій монетъ, отысканныхъ въ разва-

Часть крѣпостной стѣны. Никольскія ворота.

Виды Кремля въ Астрахани

линахъ древняго Сарая. Интересна также библіотека, довольно полно составленная, въ которой бываетъ много читателей. Въ числѣ достопримѣчательностей города показываются шлюпки Петра Великаго, на которыхъ онъ совершалъ свои поѣздки, бывши въ Астрахани.

Не можемъ не отмѣтить, что, несмотря на такое сильное развитіе пароходства и судоходства по Волгѣ и Каспійскому морю и рыболовства на нихъ, въ Астрахани, до самаго послѣдняго времени, не существовало никакого морского училища, никакой штурманской школы, гдѣ бы жители могли ознакомиться хотя-бы съ элементарными пріемами мореходства. Дѣло

велось на авось, десятки и сотни людей гибли ежегодно въ морѣ и въ рѣкахъ, благодаря незнанію основныхъ началъ мореходства. Лишь недавно обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству были учреждены въ Астрахани мореходные классы; но весьма небольшое количество учениковъ, остающееся почти одинаковымъ, показываетъ незначительный успѣхъ этой школы среди мѣстнаго населенія.

Астраханская губернія граничитъ на сѣверѣ съ Саратовской и Самарской губ., на востокѣ—съ землею Уральскаго Казачьяго Войска, на югѣ—Каспійскимъ моремъ и Ставропольской губ. и на западѣ—землею Войска Донского. Начиная съ утвержденія губерніи въ 1717 году до 1851 года она измѣнялась много разъ въ своихъ предѣлахъ. По пространству своему она

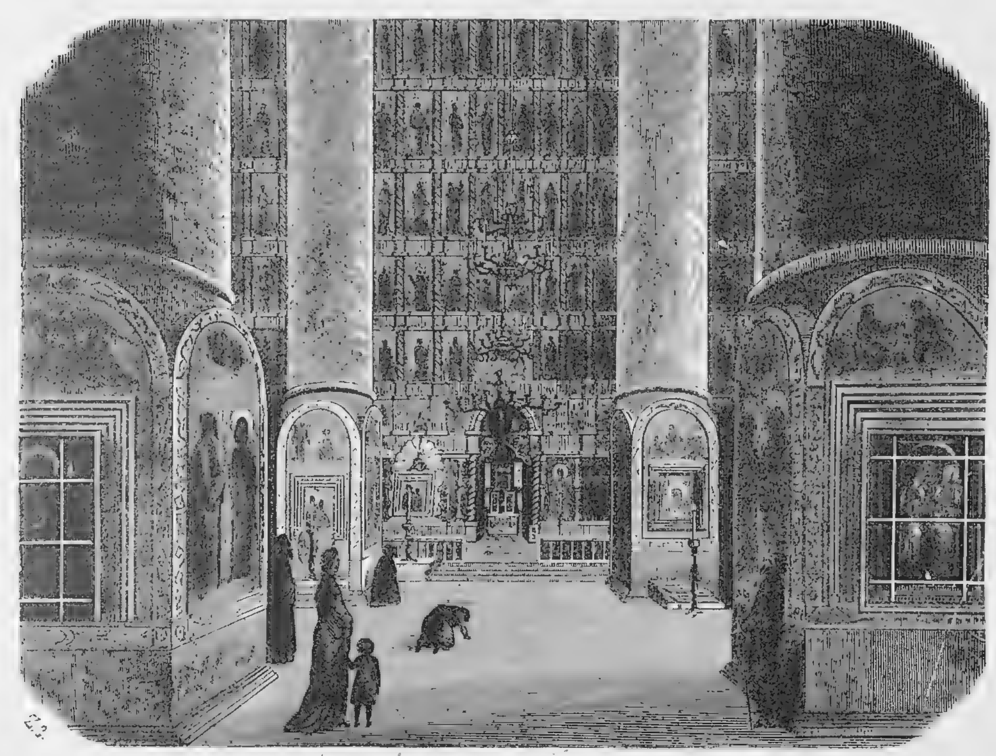
Соборъ въ Астрахани.

весьма велика; только четыре губерніи превосходятъ ее по величинѣ: Архангельская, Вологодская, Пермская и Оренбургская. Населеніе ея весьма незначительно—всего 601,500 жителей обоего пола, считая вмѣстѣ съ калмыками и киргизами. Причина незначительности населенія заключается главнымъ образомъ въ бѣдности почвы, совершенно неспособной къ земледѣлію въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи.

Астраханская губернія представляетъ низменную равнину съ разсѣяннымъ на ней безчисленнымъ множествомъ соленыхъ озеръ и болотъ и участками сыпучихъ песковъ. Эта губернія представляетъ часть обширной впадины материка, въ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ которой лежатъ Каспійское и Аральское моря. Площадь имѣетъ общій наклонъ къ юго-востоку, что показываетъ направленіе Волги и нѣсколько степныхъ рѣчекъ лѣвой ея стороны, между тѣмъ какъ на правой—нѣтъ такого общаго склона. Рѣка Манычъ течетъ на западъ и впадаетъ въ Донъ, а направленіе протоковъ, образующихъ рѣку Сарпу, показываетъ, что часть

Астраханской губерніи правой стороны склоняется съ юга на сѣверъ, хотя правда и весьма незначительно, такъ какъ цѣпь озеръ и протоки между ними имѣютъ лишь весьма слабое теченіе и представляютъ изъ себя почти стоячія озера и болота, образующія рѣку Сарпу, впадающую съ правой стороны въ Волгу.

Въ губерніи нѣтъ горъ или холмистыхъ узловъ, которые бы служили водораздѣломъ; вмѣсто горъ, въ предѣлахъ ея появляются такъ-называемые эргени — уступы или спуски отъ болѣе возвышенныхъ степей Придонскаго края къ низменнымъ Поволжскимъ. По лѣвую сторону Волги, въ сѣверо-восточной части губерніи находятся отдѣльныя возвышенности, одиноко разбросанныя по степи. Эти возвышенности не оказываютъ никакого вліянія ни на климатъ, ни на распредѣленіе и направленіе водъ. Эти горы весьма интересны потому, что составляютъ



Иконостасъ Успенскаго собора въ Астрахани.

безмолвные памятники тѣхъ геологическихъ переворотовъ, которые имѣли мѣсто въ этой области.

Волга, входя въ предѣлы Астраханской губерніи, совершенно измѣняетъ свой характеръ теченія. Все время она текла, принимая въ себя новые притоки и все увеличиваясь въ своемъ могуществѣ; здѣсь же, выпустивъ близъ Царицына свой первый и наибольшій рукавъ Ахтубу, она, входя въ предѣлы губерніи, отдѣляетъ отъ себя множество рукавовъ, дробящихся на мелкіе протоки, ерики, пpораны. Количество выпускаемыхъ рукавовъ все увеличивается при приближеніи къ морю и сѣть, образуемая безчисленными переплетеніями рукавовъ, все расширяется и увеличивается и становится словно кружевомъ водъ. Волга впадаетъ въ Каспійское море болѣе чѣмъ 200-ми рукавами и подобно всѣмъ большимъ рѣкамъ образуетъ обширнѣйшую дельту, съ каждымъ годомъ все увеличивающуюся и заходящую все дальше и дальше въ море. Самые длинные и большіе рукава расположены на лѣвой сторонѣ Волги. Ахтуба, отдѣлившись отъ Волги вблизи Царицына, прежде впадала самостоятельно въ Каспійское море; по лѣтъ со-

Реальное училище. — Видъ на Кремль.
Памятникъ Императору Александру II. — Арбузный рынокъ.
Троицкій соборъ. — Часть Московской улицы.

ВИДЫ ГОРОДА АСТРАХАНИ.

рокъ тому назадъ подъ вліяніемъ измѣненія конфигураціи дна отъ наносимыхъ теченіемъ песковъ, она соединяется съ Волгою вблизи Астрахани. Изъ другихъ рукавовъ лѣвой стороны болѣе извѣстны: Рыча, Бузанъ, Болда, Царевъ, Чаганъ, Иванчукъ. Съ правой стороны, вблизи только Астрахани отдѣляются: Бактемиръ, Камызякъ, Каныча, Кара-Булакъ. Всѣ рукава и протоки образуютъ безчисленное множество острововъ, большею частью весьма низменныхъ, болотистыхъ, покрытыхъ часто непролазными камышами, любимымъ убѣжищемъ кабановъ, водящихся здѣсь въ изобиліи. Охота на кабановъ составляетъ любимое занятіе Астраханскихъ охотниковъ. Острова же болѣе возвышенные, не заливаемые водою во время моряны, т.-е. когда дуетъ юго-восточный вѣтеръ, нагоняющій воду съ моря, называются „буграми“.

Побережья какъ моря такъ и безчисленнаго множества устьевъ Волги иззубрены множествомъ заливовъ, частью обмелѣвшихъ и заросшихъ камышемъ и чеканомъ, называемыхъ здѣсь ильменями и соединенныхъ съ моремъ или рѣкой узкими ериками. Все побережье Каспійскаго моря покрыто такими ильменями то обсыхающими, то вновь при морянѣ заливаемыми водой.

Поселенцы города Астрахани.

Отъ этого и все сѣверо-восточное побережье Каспійскаго моря называется „Чернями“ или „Мочагами“.

Выше мы видѣли, что на правой сторонѣ Волги протекающія рѣки весьма интересны по своимъ неодинаковымъ склонамъ. Вообще правый берегъ богатъ рѣками, стекающими съ эргеней, ихъ болѣе 80, по большей части весьма незначительныхъ, частью впадающихъ въ болотно-озерную линію рѣки Сарпы, частью безслѣдно теряющихся въ землѣ. Эти рѣчки протекаютъ въ глубокихъ ложбинахъ, рытвинахъ и потому часто называются балками. Лѣвая часть губерніи за Волгой гораздо бѣднѣе рѣчными водами, чѣмъ правая. На сѣверѣ, на границѣ Самарской губерніи протекаетъ довольно значительная рѣка Еруланъ.

Почва Астраханской губерніи по большей части песчаная или глинистая; въ послѣдней вода держится недолго и быстро высыхаетъ съ наступленіемъ лѣта, такъ что весенняя роскошная растительность луговыхъ степей на этой почвѣ быстро исчезаетъ и земля уже въ началѣ лѣта является совершенно выжженной и засохшей; за то въ мѣстахъ песчаныхъ влага держится очень долго и достаточно вырыть небольшую ямку въ пескѣ, чтобы ощутить холодную и влажную землю и обыкновенно на глубинѣ $1^1/_2$—2-хъ аршинъ показывается вода. Такія то мѣста избираютъ киргизы для своихъ становищъ, но и онѣ бываютъ недолговѣчны. Сыпучіе пески составляютъ бичъ этого края; сухіе пески, подымаемые сильнымъ вѣтромъ, часто заносятъ плодороднѣйшіе оазисы и заставляютъ деревни бросать не только свои пашни, но и

усадьбы; такъ, напримѣръ, Ханская Ставка внутренней Орды, основанная всего въ 1825 году, за это полстолѣтіе почти совсѣмъ занесена песками, такъ что погибли небольшія рощи осокорей и вяза, которыя росли здѣсь. Вообще, берега низовьевъ Волги весьма неудобны для колонизаціи; правый берегъ рыхлый, глинистый, постоянно подмывается водой и отваливается большими массами, такъ что приходится переносить селенія подальше отъ воды. Такъ, въ Черномъ Ярѣ была перенесена цѣлая улица и каменный соборъ на другое мѣсто и теперь тамъ, гдѣ была когда то улица, спокойно плаваютъ пароходы. На лѣвомъ берегу, затопляемомъ весною, населеніе вынуждено бываетъ устраиваться не по берегу Волги, а вдали отъ него, куда заливная вода не доходитъ. Море также все болѣе отходитъ и поселенія, расположенныя прежде по берегу моря, теперь отстоятъ отъ него на нѣсколько верстъ. Такъ, на берегу моря, при Екатеринѣ II были поселены двѣ деревни. Въ 1850-мъ году при повѣрочномъ межеваніи эти деревни оказались удаленными отъ берега на 12 верстъ и по бывшему дну морскому на чистомъ пескѣ были покосы, орошаемые 24-мя Волжскими протоками.

Общій характеръ почвы—песокъ и глина—указываетъ на небольшое количество пашней

Поселенцы города Астрахани.

въ Астраханской губерніи и на ея неплодородіе. Одинъ Царевскій уѣздъ отличается лучшей, болѣе черноземной почвой и онъ главнымъ образомъ занимается земледѣліемъ. Если возьмемъ статистическія данныя за семилѣтіе съ 1890—96-й годъ включительно, то окажется, что Царевскій уѣздъ занимается наиболѣе земледѣліемъ, затѣмъ Черноярскій и отчасти Енотаевскій. Астраханскій и Красноярскій почти ничего не сѣютъ. Въ среднемъ въ губерніи засѣвалось въ эти года 65,000 четвертей пшеницы, 24,000 ржи, овса и другихъ яровыхъ хлѣбовъ 21,000, всего 110,000 четвертей хлѣба, причемъ сборъ безъ сѣмянъ давалъ 362,000 четвертей хлѣба; изъ нихъ на долю одного Царевскаго уѣзда приходилось около 70,000 четвертей посѣва и 250,000 сбору. Степь урожая была 3,6, причемъ на одну душу населенія губерніи приходилось 0,4 четверти, или, разложивъ по уѣздамъ, въ Царевскомъ уѣздѣ приходилось на душу 1,79, въ Черноярскомъ 0,86 и въ Енотоевскомъ 0,47, причемъ посѣвы почти исключительно производились на крестьянскихъ земляхъ. Исключивъ изъ общаго пространства уѣздовъ величину озеръ, получимъ слѣдующія данныя: 34,730 кв. верстъ Астраханскій уѣздъ, 31,564—Енотаевскій, 16,273—Царевскій уѣздъ и въ Черноярскомъ 25,051, а всего безъ озеръ 107,618 кв. верстъ, или съ одной кв. версты въ Астраханской губерніи производилось хлѣба 3,67 четвертей на общее количество жителей обоего пола 601,514, или на душу 0,4 четверти.

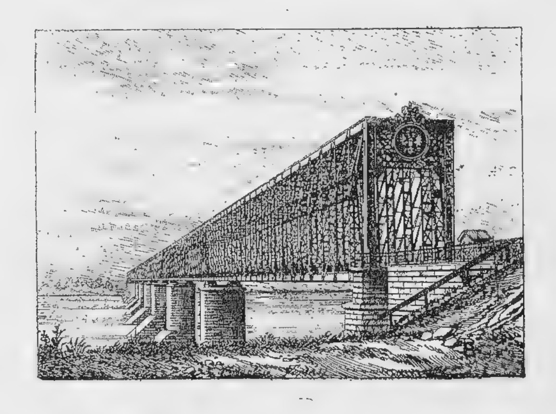
Главную промышленность жителей Астраханской губерніи, кромѣ рыболовства, составляетъ

еще скотоводство, каковымъ исключительно занимаются кочевые народы—Киргизы и Калмыки. Калмыки кочуютъ по правую сторону рѣки Волги, Киргизы — на лугахъ по лѣвой сторонѣ, причемъ они нанимаютъ для кочевья у Калмыковъ часть земель и правой стороны. Послѣднія тридцать лѣтъ замѣчается нѣкоторое уменьшеніе скотоводства Астраханской губерніи.

Мѣстность низовьевъ Волги съ ея громадными заливными и нагорными степями вообще мало удобна для осѣдлой жизни. Эта мѣстность словно самой природой была опредѣлена для того, чтобы искони служить пристанищемъ для кочевыхъ народовъ. Дѣйствительно, вся эта мѣстность служила какъ бы воротами, черезъ которыя входили изъ Азіи въ Европу Орды различныхъ кочевниковъ. Начиная съ III-го столѣтія, появились Хозары, которые устроились довольно прочно на берегахъ Волги. За ними шли безпрерывно Угры, Гунны, Обры, Мадьяры, Хвалисы, направлявшіеся преимущественно къ Дунаю и Карпатскимъ горамъ. Въ XIII-мъ столѣтіи, передъ нашествіемъ Монголовъ, двигались здѣсь народы, согнанные съ своихъ обиталищъ двинувшимися Монголами. Дольше другихъ здѣсь между Волгой и Дономъ проживали Половцы, имѣвшіе уже извѣстную осѣдлость, такъ какъ у нихъ на Волгѣ и на Дону были уже поселенія и городки. Въ XIII столѣтіи появились Монголы, образовавшіе здѣсь свое царство. На берегахъ Ахтубы была ставка хановъ Золотой Орды—Сарай, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится уѣздный городъ Царевъ. Потомъ здѣсь учредилось особое ханство Астраханское, подпавшее подъ власть Россіи. Въ XVII-мъ столѣтіи изъ-за Алтая пришли Калмыки, которые слились съ Ногайскими татарами, кочевавшими на Кубани. Въ 1771 г. большая часть Калмыковъ выселилась вновь изъ предѣловъ Россіи. Въ то же время остались на постоянномъ жительствѣ Заволжскіе татары Кундровскіе или Карагачи. Движеніе кочевыхъ народовъ не прекратилось до XIX-го стол., когда появились Туркмены и Каракалпаки.

Чего не видѣли быстрыя волны Волги? Какихъ племенъ, нарѣчій, языковъ; какихъ вѣрованій, обычаевъ, нравовъ; какихъ удивительныхъ соціальныхъ и общественныхъ отношеній. Мало найдется мѣстностей на свѣтѣ, которыя имѣли бы такое разнообразное историческое прошлое. Здѣсь, на берегахъ Волги покоятся останки и брахицефаловъ и долихоцефаловъ, чистыхъ послѣдователей буддизма, и ревностныхъ Магометанъ, и огнепоклонниковъ, и христіанъ. Здѣсь богатое поле для философа, размышляющаго о судьбахъ человѣчества.

Н. И. Тарановъ.



Александровскій ж. д. мостъ черезъ Волгу.

ОЧЕРКЪ IX.

КАЛМЫКИ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ, АСТРАХАНСКОЙ И СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

Дербенъ-Ойратъ. — Исторія переселенія калмыковъ въ Россію. — Обратный уходъ ихъ въ Китай. — Политическое и соціальное устройство калмыковъ до ихъ ухода.—Численность калмыковъ.—Устройство калмыковъ въ настоящее время.—Сословія: нойоны и засанги.—Степь.—Эргени. Низменная часть степи.—Мочаги.—Луговая степь.—Климатическія условія.—Перекочевки.—Размѣщеніе народонаселенія.—Занятія.—Антропологическія черты.—Жилище.—Утварь.—Пища.

ИЗДАВНА знакомо было русскому человѣку сѣверное побережье Каспійскаго моря; издавна заселилась вся степь, лежащая между низовьями Волги и Дона, пришлыми людьми, что не больно-то уживались у себя дома; но все-же теперь живетъ здѣсь отнюдь не русскій человѣкъ, а тоже человѣкъ пашлый, тоже человѣкъ, не ужившійся у себя дома, пришедшій съ далекой родины поискать, не обернется ли къ нему судьба лицомъ на мѣстѣ новаго его сельбища, не пріютитъ ли его далекая страна, куда когда-то предки его ходили не съ поклономъ, а съ огнемъ и мечомъ, не искателями сельбищъ, а страшными побѣдителями; живетъ здѣсь тотъ, чей Богъ живетъ на землѣ, въ недоступномъ Тибетѣ, для кого трауръ—желтый цвѣтъ въ противность всѣмъ нашимъ понятіямъ о траурѣ, кто Богу молится при помощи машины, кто Богу служитъ—въ трубу играетъ, кто до сихъ поръ сумѣлъ остаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ при своемъ приходѣ въ эти мѣста, — живетъ здѣсь „калмаклыкъ", а по нашему, попросту — калмыкъ, и это слово не на вѣтеръ пущено, а значитъ въ тюркскихъ языкахъ—„отсталой, отставшій, отдѣлившійся". — Для того, чтобы уяснить себѣ причины и обстоятельства появленія этого народа въ нашемъ отечествѣ, намъ придется заглянуть въ глубь монгольскихъ степей, гдѣ калмыки жили долго, но отнюдь не мирно, и откуда двинулись въ Россію, пожалуй, по знакомой, давно проторенной еще предками ихъ, дорожкѣ. Золотое времячко Чингиса миновало, и даже потомки его едва могли держаться на престолѣ Срединной имперіи; обаяніе и власть монголовъ были расшатаны какъ нѣкоторыми неудачами, такъ и усиленіемъ манджуръ и другихъ, прежде подвластныхъ монголамъ, народовъ.

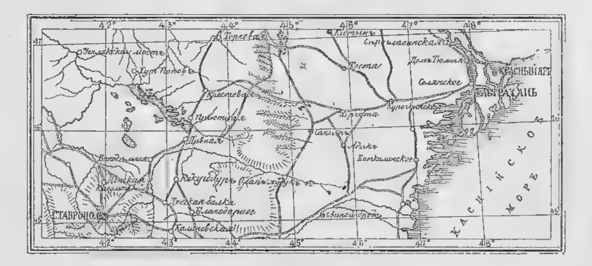
Около половины XIV столѣтія безпорядки въ Китаѣ въ особенности усилились; дѣла приняли крайне неблагопріятный оборотъ, и монгольская династія была свергнута съ престола,

Монголы изъ полновластныхъ хозяевъ страны обратились въ покоренныхъ, а потому и не могли очень долгое время обжиться въ новыхъ условіяхъ; нѣсколько разъ поднимались они противъ своихъ притѣснителей манджуръ, страна чуть не постоянно раздираема была кровопролитными междоусобіями, порядка никакого не было и всякій сильный владѣтель объявлялъ себя независимымъ ханомъ, пока не приходили манджуры, а то такъ и свои же сородичи, и не покоряли его и не порабощали себѣ его ханства. Повсюду успѣло образоваться множество вполнѣ независимыхъ одно отъ другого мелкихъ владѣній то въ силу тщеславія правящихъ классовъ, то въ силу желанія соблюсти свою независимость. Именно для этой-то цѣли, пользуясь всеобщею безурядицею, три монгольскіе рода: Чоросъ, Хойтъ и Хошотъ, кочевавшіе до той поры въ сѣверо-западной части Китая, сопредѣльной съ владѣніями Азіатской Россіи и называвшейся Дзюнгаріею, образовали въ концѣ XIV столѣтія крѣпкій союзъ, принявшій названіе Ойратскаго союза, что, собственно говоря, составляетъ плеоназмъ, такъ какъ уже самое слово „ойратъ" значитъ не что иное, какъ союзъ; прошло всего лишь нѣсколько лѣтъ со времени образованія союза, какъ къ нему присоединилось еще одно монгольское племя Торгоутъ, и тогда союзъ четырехъ племенъ сталъ называться „Дербенъ-Ойратъ", что слово въ слово означаетъ „четверной союзъ". Понятное дѣло, что Дербенъ-Ойратъ представлялъ изъ себя весьма почтенную силу, и потому монголы, принадлежавшіе къ этому союзу, управляемые своими наслѣдственными тайшами и нойонами, состоявшими какъ-бы въ вассальныхъ отношеніяхъ къ тайшамъ, постоянно держали въ страхѣ китайское правительство, наводя ужасъ на его подданныхъ набѣгами и непомѣрною жестокостью; но и самимъ ойратамъ жилось не особенно хорошо, такъ какъ они постоянно должны были находиться на-готовѣ, чтобы во всякую данную минуту быть въ состояніи дать отпоръ исконнымъ врагамъ своимъ; такое постоянное напряженіе силъ должно было значительно ослаблять народъ, а внутреннія неурядицы, происходившія вслѣдствіе тщеславныхъ попытокъ отдѣльныхъ тайшей, только способствовали къ ослабленію обаянія силы, которое было сначала такъ полезно ойратамъ въ ихъ политической жизни. Съ самаго основанія союза главою его былъ конъ-тайша (по кит. — хунъ-тай-тзи),—титулъ, принадлежавшій сначала прирожденнымъ тайшамъ чоросскаго племени, но этотъ родъ управлялъ страною и народомъ слишкомъ слабо, что и было причиною раздробленія ихъ собственнаго племени на двѣ несогласныя одна съ другою партіи: Зюнгаръ и Дербетъ; черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ конъ-тайши совершенно утратили всякое вліяніе не только на дѣла всей Монголіи, но даже и на свой союзъ и притомъ въ такой степени, что тайши отдѣльныхъ поколѣній дѣйствовали каждый соображаясь со своими собственными интересами, увеличивая свои силы насчетъ слабыхъ и въ свою очередь падая подъ гнетомъ болѣе сильныхъ; но едва-лишь наступала какая-либо дѣйствительная общенародная опасность, какъ, несмотря на всю эту полную неурядицу, ойратскіе тайши соединялись вмѣстѣ и снова начинали междоусобія и взаимную борьбу, едва-лишь гроза и опасность миновали.

Интересно, что сношенія ойратовъ съ русскими начались, собственно говоря, еще въ 1618 году, когда тайши Байбагасъ-Батуръ и потомъ Хара-Хула присылали въ Москву своихъ пословъ съ мирными предложеніями и согласно съ выраженнымъ ими желаніемъ, получили граматы, въ силу которыхъ русское правительство принимало ойратовъ подъ „свою государскую руку" и подъ защиту, приглашая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Сибирь, а также и въ другіе города для торговли. Уже въ началѣ XVII столѣтія, когда первенство въ союзѣ принадлежало уже тайшамъ Хошотовскаго рода, возводимымъ самимъ далай-ламою въ титулъ хановъ, дзюнгарскій тайша Хара-Хула, порѣшивши возстановить прежнее значеніе Чоросскаго рода, подчинилъ своей власти множество мелкихъ нойоновъ; но, къ сожалѣнію, этотъ энергичный правитель не понялъ, что прежде всего ему выгодно жить въ мирѣ съ остальными тремя поколѣніями, и, желая преобразовать союзъ и стать, конечно, во главѣ его, сталъ притѣснять остальныхъ ойратовъ, всячески стѣсняя и ограничивая ихъ права. Достичь цѣли ему не уда-

лось, но намѣренія отца выполнилъ сынъ его Эрдени-Батуръ-Убуши, извѣстный въ нашихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ подъ именемъ „Богатырь-тайши". Само собою разумѣется, что стѣсненія и притязанія Хара-Хулы были причиною того, что множество тайшей и нойоновъ, съ подвластнымъ имъ народомъ, стали отдѣляться отъ союза, перекочевывая или къ монголамъ, или въ предѣлы Сибири; въ числѣ этихъ-то послѣднихъ и были, между прочимъ, торгоуты, выведенные изъ Дзюнгаріи вліятельнымъ тайшею этого поколѣнія Хо-Урмокомъ, который первый отдѣлился, около 1621 г., отъ Ойратскаго союза и первоначально расположился кочевьемъ по берегамъ рѣки Оби, Иртыша и Тобола, гдѣ, впрочемъ, все-же не могъ найти покойнаго убѣжища для себя и подвластныхъ ему торгоутовъ; тѣснимые съ одной стороны своими же сородичами-монголами, подъ предводительствомъ разныхъ тайшей, желавшихъ подчинить ихъ снова своей власти, а съ другой стороны—киргизъ-кайсаками, они поневолѣ должны были снова искать для своего кочевья болѣе удобнаго пристанища.

Слухомъ земля полнится, а потому скоро и наслышались калмыки (иначе клеты или недовольные) о богатствѣ и привольѣ степей русскихъ; эти обширныя степи южной Россіи, раскинувшіяся между рѣками Ураломъ, Волгою и Дономъ, совершенно пустынныя въ то время, представляли несомнѣнно для нихъ всѣ необходимыя имъ условія въ отношеніи полной безопасности и довольства, а потому, никому не сказавъ ни слова, Хо-Урмокъ и перекочевалъ изъ Сибири, въ 1628 году, съ шестью своими сыновьями и 50,000 подвластныхъ ему кибитокъ, къ южнымъ предѣламъ Россіи, гдѣ занялъ сначала степи между рѣками Эмбою и Ураломъ и на сѣверъ до рѣки Самары, а затѣмъ въ 1632 году перешелъ на приволжскія степи, расположивъ свою ставку на берегу рѣки Ахтубы.



Теченіе Маныча.

Понятное дѣло, что русское правительство, не имѣя возможности отразить силою этотъ самовольный захватъ кочевниками своихъ владѣній и предоставляя имъ эти земли безданно-безпошлинно, вѣроятно разсчитывало на то, что ойраты или калмыки будутъ составлять живой оплотъ южныхъ границъ Россіи отъ вторженія разныхъ ордъ изъ глубины Азіи; но расчетъ этотъ оказался невѣрнымъ, потому что калмыки, явившись въ Россію въ числѣ почти 250,000 душъ, въ скоромъ времени по приходѣ своемъ на новыя сельбища, начали производить страшные грабежи и опустошать пограничные города и села, такъ что въ концѣ-концовъ правительство вынуждено было выслать противъ нихъ войско, которое, хотя на время, усмирило эту необузданную орду. Дѣлать нечего—пришлось калмыкамъ смириться, и отправленные тайшею Шукюръ-Дайчиномъ въ 1655 году въ Москву послы клялись по шертной записи царю Алексѣю Михайловичу быть въ послушаніи и грабежей больше не производить, а въ 1661 году обязались даже выступить въ походъ совмѣстно съ русскими войсками на крымскіе улусы; въ декабрѣ того же года, тайша Пунцукъ (внукъ Хо-Урмока), еще при жизни отца своего Шукюръ-Дайчина, принесъ въ урочищѣ Берекетѣ, въ присутствіи князя Черкасскаго, присягу отъ имени своего отца, всѣхъ родственниковъ и улусныхъ людей, „быть царю въ вѣчномъ подданствѣ", а притомъ въ подтвержденіе присяги „лизалъ свой ножъ и къ горлу его прикладывалъ", призывая за нарушеніе присяги на себя и на народъ свой Божій гнѣвъ и огненный мечъ.

Несмотря на всѣ эти знаки вѣрноподданнической преданности, на клятвы и увѣренія, все-же калмыки грабили и измѣняли Россіи чуть не каждый день по той простой причинѣ, что не грабить и не измѣнять они не могли, такъ какъ не вышли еще изъ того періода развитія народа, когда онъ живетъ набѣгомъ и въ силу этого не обращаетъ особеннаго вниманія

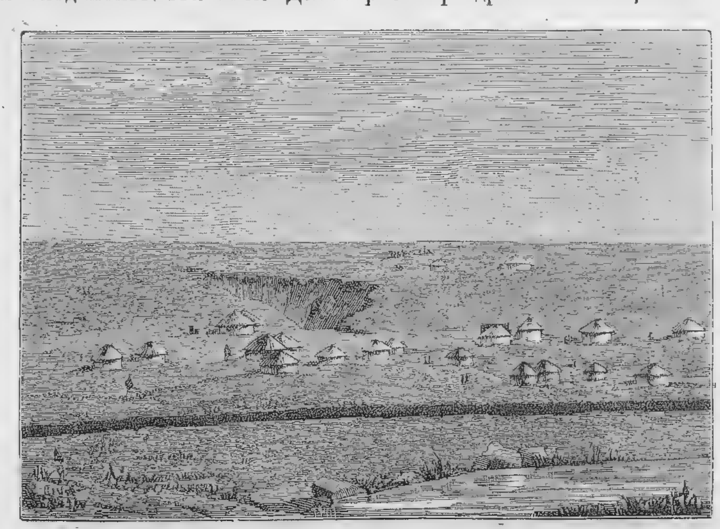
на то, что онъ только что обѣщался не грабить, а жить мирно и тихо. Ясное дѣло, что такое поведеніе калмыковъ поставило русское правительство въ необходимость требовать чуть не каждый годъ подтвержденія присяги, которую снова принесъ въ 1673 году, на рѣкѣ Солянкѣ, близъ Астрахани, знаменитый тайша Аюка, повторившій по собственному побужденію всѣ тѣ-же церемоніи, какъ и отецъ его Пунцукъ. Аюка умѣлъ ладить съ астраханскими воеводами, и потому около 1700 года было дозволено калмыкамъ, пользовавшимся до этого времени только степями на луговой сторонѣ рѣки Волги или, какъ тогда говорили, „ногайскою степью", кочевать и на нагорной или крымской сторонѣ, т.-е. на правомъ берегу Волги. Еще въ 1690 г. далай-лама пожаловалъ этому энергичному человѣку титулъ хана, печать — „цойль" и всѣ знаки ханскаго достоинства, такъ что такимъ образомъ титулъ конъ-тайши ойратовъ, которымъ въ сущности никто не пользовался изъ прибывшихъ въ Россію тайшей, былъ замѣненъ званіемъ хана Калмыцкой орды. Съ этого времени во всѣхъ сношеніяхъ правительства съ Аюкою онъ именуется ханомъ, а по смерти его, въ 1724 году, само уже правительство начало заботиться о назначеніи калмыцкихъ хановъ, и потому въ инструкціи, данной по этому случаю астраханскому губернатору 3 мая 1724 года, сказано, чтобы онъ „снарядился всячески, дабы владѣльцы не выбрали изъ себя хана, а просили бы объ этомъ Его Императорское Величество". Избранный послѣ долгихъ смутъ и семейныхъ раздоровъ одинъ изъ сыновей Аюки, Церенъ-Дондокъ, утвержденъ былъ въ 1731 году правительствомъ въ званіи хана, причемъ были пожалованы ему Высочайшая грамата и знаки на ханское достоинство; но этотъ первый выборъ былъ весьма неудаченъ, такъ какъ слабое управленіе Церенъ-Дондока и страсть его къ пьянству были причиною безчисленныхъ споровъ и несогласій въ умахъ и столкновеній за право на ханское достоинство, почему правительство сочло необходимымъ вызвать Церенъ-Дондока въ Петербургъ, гдѣ онъ скоро и умеръ отъ опьянѣнія.

Вмѣсто него былъ назначенъ въ 1735 г. внукъ Аюки, Дондокъ-Омбо, „главнымъ управителемъ калмыцкаго народа"; этотъ управитель видимо нравился нашему правительству и умѣлъ подладиться подъ всякую стать, такъ что въ 1737 году за нимъ утвердили и званіе хана. По смерти Дондокъ-Омбо въ 1741 году, назначенъ былъ другой внукъ Аюки, Дондокъ-Даши, „намѣстникомъ" ханства; въ 1758 году онъ былъ утвержденъ въ званіи хана, а малолѣтній сынъ его Убаши—въ званіи намѣстника.

А между тѣмъ въ Дзюнгаріи дѣла шли вовсе не ладно; тамъ постоянно происходили междоусобія и другіе безпорядки между мелкими калмыцкими владѣльцами, окончившіеся порабощеніемъ калмыковъ китайскимъ правительствомъ; то и дѣло маленькія партіи калмыковъ тянулись въ Россію по давно проторенной дорожкѣ и конечно находили здѣсь для себя привольное и безопасное убѣжище. Такимъ-то побытомъ число калмыковъ, находившихся въ Россіи, постепенно увеличивалось, такъ что во второй половинѣ прошедшаго столѣтія число ихъ простиралось до 80 т. кибитокъ или семействъ, подвластныхъ намѣстнику хана и подчиненнымъ ему на вассальныхъ правахъ нойонамъ. Въ то же время и на югѣ Россіи возникшіе, по смерти Дондокъ-Даши, въ 1761 году, раздоры между потомками Аюки за ханское достоинство были причиною страшныхъ безпорядковъ и столкновеній въ улусахъ, причемъ главнымъ виновникомъ ихъ былъ тайша Цебекъ-Дорджи, внукъ хана Дондокъ-Омбо, непризнавшій надъ собою власти малолѣтняго Убаши, котораго русское правительство сдѣлало намѣстникомъ.

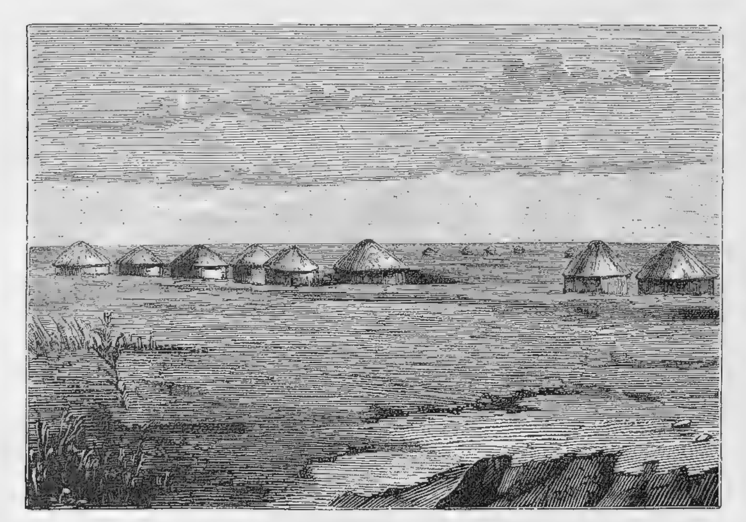
Желая достичь своей цѣли, т.-е. ханскаго достоинства, и не надѣясь на поддержку со стороны правительства, Цебекъ-Дорджи началъ всѣми мѣрами склонять калмыковъ къ неповиновенію не только намѣстнику, но даже и русскому правительству, и помощью интригъ успѣлъ убѣдить многихъ вліятельныхъ лицъ, особенно въ средѣ духовенства, къ обратному удаленію изъ Россіи въ Дзюнгарію. Дѣлу Цебекъ-Дорджи помогли и сами русскіе, такъ какъ около этого же времени правительство признало необходимымъ ограничить нѣкоторыя права

намѣстника ханства и приступить къ водворенію военныхъ линій по берегамъ Волги, Урала, Самары и Терека; эти-то распоряженія, вмѣстѣ съ распущенною кстати въ народѣ молвою, что правительство намѣрено будто-бы взять въ казну большую часть калмыцкихъ земель, а калмыковъ принудить къ осѣдлой жизни и, обративъ въ военное сословіе, образовать изъ нихъ отдѣльное войско, не могли нравиться калмыкамъ, и потому, послѣ нѣсколькихъ сходокъ народныхъ, они рѣшились оставить Россію. Задуманный калмыками планъ бѣгства приведенъ былъ ими въ исполненіе въ 1771 г.; въ январѣ мѣсяцѣ этого года большая часть калмыковъ, находившихся на луговой сторонѣ рѣки Волги, откочевала за Уралъ, къ границѣ Китая, куда калмыки достигли въ весьма маломъ числѣ послѣ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ ими въ пути. Ясно, что время переселенія народовъ прошло: со всѣхъ сторонъ бросались на переселяющихся разные кочевники, убивали мужчинъ, отнимали женщинъ и дѣтей и грабили то немногое имущество, которое несчастные позабрали съ собою изъ своихъ кочевьевъ. Голодные, холодные и оборванные прибыли калмыки въ предѣлы Срединной имперіи, и китайское правительство, успѣвшее между тѣмъ подчинить себѣ всю Дзюнгарію и раздробившее Ойратскія поколѣнія, распредѣлило бѣглецовъ по кантонамъ Илійской области, гдѣ имъ снова пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ русскими, когда недавно наши войска заняли Кульджу. Не разъ горевали калмыки о томъ, что послушались своего тщеславнаго тайши, но помочь бѣдѣ было невозможно, и въ предѣлахъ Россіи оставалось около 13,000 кибитокъ (65 тыс. душъ) калмыковъ, не успѣвшихъ присоединиться къ бѣжавшимъ по отдаленности кочевья и по недостатку переправъ, такъ какъ въ это время Волга не была еще покрыта льдомъ.


Аршанъ-Зельменъ (Лѣтня ставка Малодербетовскаго улуса.)

Послѣ бѣгства калмыковъ, званіе хановъ и намѣстниковъ было уничтожено; но, обозрѣвая историческіе и законодательные акты и офиціальную переписку, сохранившуюся въ залахъ архива калмыцкаго управленія за прошедшія два столѣтія, мы находимъ, что весь періодъ времени отъ прихода калмыковъ въ Россію до бѣгства ихъ — рѣзко отличается отъ временъ послѣдующихъ особеннымъ характеромъ отношеній русскаго правительства къ этому народу. Какъ и слѣдовало ожидать, калмыки были въ продолженіе этого времени скорѣе плохіе союзники, нежели безпокойные подданные Россіи, такъ какъ правительство, оставляя въ совершенной неприкосновенности сословныя права калмыковъ и не вмѣшиваясь въ управленіе народомъ, предоставляло его сначала тайшамъ, потомъ ханамъ или ихъ намѣстникамъ—словомъ, ихъ родовымъ начальникамъ и уже съ ними вело переговоры, скорѣе дипломатическіе, нежели властительные. Правительство, занятое у себя дома дѣлами особенной государственной важности, не имѣло ни времени, ни возможности слѣдить за дѣлами калмыцкаго народа, и вообще періодъ пребыванія калмыковъ подъ покровительствомъ Россіи, съ 1630 по 1771 годъ, представляетъ разгулъ дикой свободы, необуздываемой никакою властью. Такъ, напримѣръ, хотя калмыки и считались подданными Россіи, но управлялись самовластіемъ хановъ и нойоновъ, которое поддерживалось правительствомъ до такой степени, что даже тѣхъ калмыковъ, кото-

рые совершали убійства и другія преступленія въ русскихъ городахъ и селахъ, отсылали на судъ къ ханамъ. Правда, старались иногда, хотя нѣсколько, умѣрять безобразія, чинимыя калмыками, но существовавшія въ городахъ, пограничныхъ со степью, правительственныя учрежденія, называвшіяся „калмыцкими канцеляріями" и „управами калмыцкихъ дѣлъ", рѣшительно не могли имѣть никакого вліянія на дѣла калмыковъ, такъ какъ правительство, въ силу договоровъ съ ханами и особыхъ указовъ, разрѣшило ханамъ для разбора дѣлъ калмыковъ съ русскими назначать въ эти учрежденія особыхъ „боодокчеевъ", которые обязаны были судить и рядить эти дѣла. Собственно говоря, никакого правительственнаго надзора за ордою въ точномъ смыслѣ этого слова не существовало; всѣ мѣропріятія въ этомъ отношеніи ограничивались единственно тѣмъ, что въ 1729 году было тайно предписано астраханскому губернатору Волынскому имѣть при ханѣ Аюкѣ и сынѣ его Чардырджабѣ и другихъ главнѣйшихъ, именитыхъ нойонахъ довѣренныхъ людей, которые, подобно англійскимъ комиссарамъ при остъ-индскихъ владѣтеляхъ, слѣдя тайно за ихъ поступками, сообщали бы губернатору о вредныхъ для Россіи замыслахъ калмыковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при ханѣ учрежденъ былъ, подъ видомъ почетной стражи, драгунскій эскадронъ, а завѣдываніе вообще калмыцкими дѣлами, подъ главнымъ вѣдѣніемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сосредоточивалось съ половины прошедшаго столѣтія въ конторѣ калмыцкихъ и татарскихъ дѣлъ, находившейся въ Астрахани; скоро, однако, оно было поручено комендантамъ сначала въ Саратовѣ, потомъ въ Царицынѣ и наконецъ въ Енотаевскѣ, подъ названіемъ и съ званіемъ „командующаго при калмыцкихъ дѣлахъ". Тѣмъ не менѣе, съ 1762 года наше правительство, въ виду безпрерывныхъ смутъ и столкновеній въ улусахъ за ханское достоинство, учредило особыя должности „дворянъ" въ пограничныхъ городахъ и улусахъ при нойонахъ для разбора жалобъ и для наблюденія какъ за нойонами, такъ и за потомками хановъ, и для извѣщенія о ходѣ дѣлъ командующихъ. Какъ ни глядѣли „дворяне" за кочевниками, но, обязанные договорами „не брать русскихъ людей въ полонъ", не грабить и не разорять города и села, калмыки и не думали выполнять эти условія, постоянно то и дѣло нарушали свои обѣщанія, и, на требованіе изъ Москвы и Петербурга о наказаніи виновныхъ, ханы, какъ водится, отвѣчали, что они таковыхъ при всѣхъ стараніяхъ, къ сожалѣнію, не нашли, а потому и пріятными начальству быть не могутъ; такъ и приходилось затѣмъ замолчать передъ невозможностью распорядиться въ степи самимъ. Съ другой стороны, калмыцкіе ханы и нойоны, пользуясь съ подвластнымъ имъ народомъ безданно и безпошлинно русскою территоріею, съ условіемъ по первому требованію выставлять на помощь русскимъ вспомогательный отрядъ, никогда не выполняли и этого условія, такъ что, когда, напримѣръ, въ іюнѣ 1674 года по указу царя приказано было Аюкѣ идти съ войсками на крымцевъ, то 9 октября 1675 года князь Каспулатъ Черкасскій отписывалъ на Москву, что: „Аюка не пошелъ и Церенъ-Соломатайшу съ подвластными ему идти не пустилъ, а хотя и послалъ брата своего Замсо съ не-


Калмыцкая степь.

большимъ отрядомъ, но и тотъ съ дороги вернулся, и только одинъ Мазанъ-Бутуръ пошелъ съ 1000 человѣкъ".

Долго длились эти неурядицы и привели, наконецъ, правительство къ тому убѣжденію, что необходимо обратить всѣхъ калмыковъ въ казенное вѣдомство; съ этою именно цѣлью взяты были въ 1786 г., отъ наслѣдниковъ умершаго нойона, полковника князя Дондукова, принадлежавшіе имъ улусы Богацоксуровскій и Эркетеневскій, а взамѣнъ ихъ пожалованы имъ пенсіи и крестьяне въ Могилевской губерніи и кромѣ того отобраны въ казну и Дербетовскіе улусы. Недовольные этими мѣрами калмыки, громко протестуя противъ притѣсненій, причиняемыхъ имъ мѣстнымъ начальствомъ, начали самовольно переходить съ приволжскихъ степей на земли Войска Донского, и въ концѣ-концовъ туда перекочевало все населеніе Большедербетовскаго улуса. Помѣшать такому захвату новыхъ земель правительство не хотѣло, да и не могло, но тѣмъ не менѣе, въ 1798 году, калмыки, находившіеся на войсковыхъ земляхъ, были причислены къ Войску Донскому, а въ слѣдующемъ году начальство этого войска стало подчинять ихъ казачьимъ обязанностямъ. Для кочевья этихъ калмыковъ отведена была близъ Романовской станицы земля, такъ что на $10^1/_2$ тысячъ этихъ калмыковъ, носящихъ названіе „базовыхъ", пришлось слишкомъ милліонъ десятинъ превосходной земли, при чемъ калмыки обязаны нести казачью службу, но въ исполненіе ими этой повинности имъ зачисляется то, что они поступаютъ въ табунщики къ частнымъ заводчикамъ, которые предпочитаютъ нанимать преимущественно предъ прочими калмыковъ, какъ ловкихъ наѣздниковъ и табунщиковъ; они назначаются къ заводамъ самимъ войсковымъ начальствомъ, а коннозаводчики за каждаго назначеннаго имъ калмыка уплачиваютъ опредѣленную сумму въ войсковую казну.

Основаніемъ настоящаго общественнаго устройства калмыковъ служитъ „хотонъ", т.-е. группы родственныхъ семей, нераздѣльно кочующихъ въ извѣстной мѣстности; собраніе родственныхъ между собою хотоновъ, хотя и въ дальней степени родства, составляетъ „аймаки", а нѣсколько аймаковъ — „анги" или роды, не имѣющіе, впрочемъ, никакого особаго общественнаго значенія; наконецъ, соединеніе нѣсколькихъ родовъ или аймаковъ составляетъ „улусъ". Такихъ улусовъ насчитывается въ настоящее время 10, а именно: въ Области Войска Донского— Большедербетовскій, въ Ставропольской губерніи — часть Большедербетовскаго, и въ Астраханской губерніи: Малодербетовскій, Хошоутовскій, Икицохуровскій, Яндыковскій, Эркетеневскій, Багацохуровскій, Харахусо-Эрденевскій и Мелковладѣльческій. Данныя переписи 1897 года о численности населяющихъ Россію племенъ еще не разработаны, поэтому точную цифру калмыковъ въ настоящее время опредѣлить трудно. По статистическимъ свѣдѣніямъ семидесятыхъ годовъ, калмыцкое населеніе распредѣляется въ перечисленныхъ выше цифрахъ слѣдующимъ образомъ:

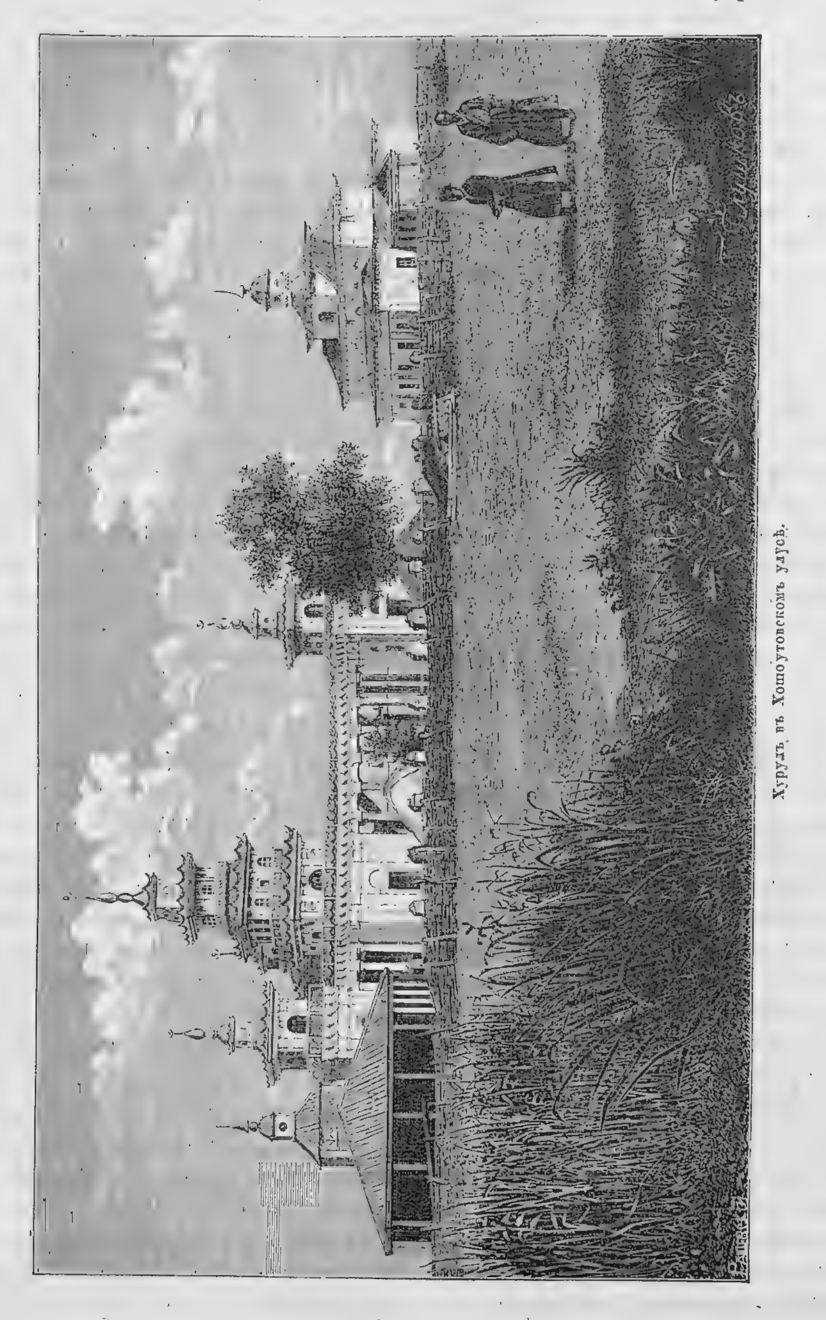
	М.	Ж.	Всего.
1 Большедербетовскій (З. В. Д.)	10,000	9,500	19,500
2. Большедербетовскій (Ставр. губ.)	2,500	2,000	4,500
3. Багацохуровскій ,, 4. Эркетеневскій ,, 5. Яндыковскій ,, 6. Икицохуровскій ,, 7. Хошоутовскій ,, 8. Малодербетовскій ,, 9. Харахусо-Эрденевскій ,, 10 Мелковладѣльческій ,,	64,012	52,100	116,112
Владѣльцевъ-нойоновъ, зайсанговъ и духовенства	3,110	1,457	4,567
Итого	79,622	65,057	144,679

При первомъ же взглядѣ на эти цифры, мы поражаемся тѣмъ фактомъ, что количество женщинъ составляетъ всего 82 процента общаго мужского населенія. Даже если мы допустимъ то предположеніе, что при составленіи посемейныхъ списковъ могли совершенно невольно вкрасться нѣкоторыя ошибки, что не было обращено достодолжнаго вниманія на точную запись членовъ семейства женскаго пола и, наконецъ, что многія женщины были умышленно скрыты отъ счетчиковъ съ цѣлью показать большее количество безбрачныхъ и, слѣдовательно, не живущихъ отдѣльными кибитками,—несмотря на это, несоразмѣрность цифръ въ отношеніи половъ все-же весьма очевидна. Основной причины этого крайне интереснаго факта слѣдуетъ искать въ томъ, что калмыцкія женщины несутъ въ семейномъ быту почти всѣ наиболѣе трудныя работы, изнуряющія ихъ силы и способствующія ранней ихъ смерти, а также и отъ неправильныхъ и вполнѣ жестокихъ пріемовъ во время родовъ. Кромѣ того, хотя оказавшійся при этой переписи фактъ несоразмѣрности числовыхъ отношеній между полами, по важности его, и требуетъ чрезвычайно строгой повѣрки, но вообще слѣдуетъ замѣтить, что женщины въ калмыцкомъ народѣ не такъ долговѣчны, какъ мужчины, такъ что послѣдніе достигаютъ болѣе глубокой старости; съ самаго дня своего рожденія привыкая къ кочевой жизни и къ постоянному пребыванію на открытомъ воздухѣ, тѣлесныя силы калмыка пріобрѣтаютъ особую крѣпость, врожденная же безпечность и всегдашнее спокойствіе духа способствуютъ къ достиженію преклонныхъ лѣтъ, если только здоровье не было надломлено сифилисомъ, пустившимъ глубокіе корни въ степи, и его послѣдствіями, или тяжелыми, почти невыносимыми для русскаго человѣка работами по рыболовству, при производствѣ которыхъ калмыкъ не обращаетъ обыкновенно никакого вниманія на состояніе своего здоровья, работаетъ въ самыхъ ужасающихъ санитарныхъ условіяхъ, не разбирая погоды, во всякое время года, страдая застарѣлыми ревматизмами и вторичными формами заразительныхъ болѣзней. Вообще, только богатымъ калмыкамъ и духовенству живется хорошо, бѣдняки же, какъ и вездѣ, едва перебиваются и влачатъ самое несчастное существованіе.

Могила Нойона, или владѣльца Хошоутовскихъ калмыковъ Астраханской губерніи (Серджаба Тюмен., командовавшаго Калмыцкимъ казачьимъ войскомъ въ 1812 г.).

Какъ правительство ни старалось устроить бытъ калмыковъ, но, не познакомившись поближе съ основами народнаго калмыцкаго быта, трудно было сдѣлать что-нибудь нужное и прочное въ этомъ отношеніи; открылось, между прочимъ, по произведеннымъ изслѣдованіямъ, что главныя причины разстройства экономическаго положенія калмыцкаго народа заключались въ непомѣрной и неограниченной власти и алчности нойоновъ, которымъ положеніе 1825 г., назвавъ ихъ совершенно безъ всякаго основанія „владѣльцами“, придало еще больше власти и самоуправства надъ рядовыми калмыками; у калмыковъ никогда не бывало крѣпостного права и вдругъ оно явилось въ степи къ великому изумленію простыхъ калмыковъ, никогда не бывшихъ рабами; кромѣ того, сильное вліяніе умножившагося духовенства, нравственный развратъ въ народѣ, проистекавшій отъ невѣжества и бѣдности и, наконецъ, отчасти самый порядокъ управленія, начала котораго во многомъ не соотвѣтствовали ни положенію, ни привычкамъ, изстари укоренившимся въ народѣ. Понятно, что все это вмѣстѣ взятое должно было указывать на необходимость измѣнить существовавшій порядокъ мѣстнаго калмыцкаго управ-

ленія, издавъ положеніе, которое болѣе соотвѣтствовало бы нуждамъ народа, уровню его нравственныхъ и вообще культурныхъ понятій, его быту и правамъ, и открывало бы калмыкамъ путь къ гражданственности и благоустройству. Съ этою цѣлью для управленія калмыц-



Хурулъ въ Хошоутовскомъ улусѣ.

кимъ народомъ составлено было, подъ руководствомъ астраханскаго губернатора, положеніе 1834 года, въ силу котораго учреждено было надъ калмыцкимъ народомъ въ первый разъ попечительство, существующее и до настоящаго времени. Этимъ положеніемъ управленіе калмыцкимъ народомъ, попечительство и ближайшее наблюденіе надъ калмыками поручено было

управляющему астраханскою палатою государственныхъ имуществъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ и въ силу этого присвоено званіе главнаго попечителя; изъ такъ-называемаго ордынскаго отдѣленія палаты образовано было главное управленіе калмыцкимъ народомъ, состоящее подъ наблюденіемъ и руководствомъ астраханскаго губернатора на томъ же основаніи, какъ и по управленію бывшими государственными крестьянами. Прежде дѣлами, относившимися до религіи, завѣдывало, какъ главное судебное правительственное мѣсто для духовныхъ дѣлъ калмыцкаго народа, ламайское духовное управленіе, состоявшее, подъ предсѣдательствомъ ламы, изъ четырехъ членовъ калмыцкаго духовенства; въ 1867 году это учрежденіе было упразднено и затѣмъ всѣ его обязанности сосредоточены въ лицѣ одного ламы; судебною частью среди калмыковъ завѣдывалъ, на правахъ судебныхъ инстанцій второй степени, судъ „зарго", состоявшій изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ, опредѣляемыхъ отъ правительства, и двухъ асессоровъ изъ нойновъ; судьи эти были тоже уничтожены, а дѣла, входившія въ кругъ вѣдомства суда зарго, перешли въ вѣдѣніе общаго судебнаго учрежденія въ губерніи, тогда какъ первую инстанцію суда составляютъ и до сихъ поръ улусные суды, переименованные въ улусные зарго и состоящіе, подъ предсѣдательствомъ нойона, владѣльца или правителя улуса, изъ улуснаго попечителя и двухъ засѣдателей изъ зайсанговъ. Уже изъ этихъ немногихъ словъ, касающихся общественнаго устройства калмыковъ, мы видимъ, какую огромную роль играютъ въ ихъ жизни нойоны и зайсанги, а потому мы и постараемся разъяснить, на чемъ именно основаны ихъ права и привилегіи и насколько они могутъ и должны являться владыками судебъ всего народа. Когда случилось первое появленіе привилегированныхъ сословій среди калмыковъ — опредѣлить трудно, такъ какъ никакихъ историческихъ документовъ на этотъ счетъ не имѣется, а просто держится въ народѣ преданіе, что всѣ калмыки дѣлились на „Цаганъ-Іоста" или бѣлую кость и „Хара-Іоста" или черную кость; ясно, что тутъ и рѣчи не могло быть о воспоминаніи покоренія бѣлыми людьми (Цаганъ-Кюнъ) людей черныхъ, а дѣло объясняется такъ, что въ силу разныхъ политическихъ переворотовъ въ средѣ самого народа сильные подчинили своей власти болѣе слабыхъ. Уже самый воинственный духъ калмыковъ-ойратовъ, сложившійся подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній и борьбы между отдѣльными поколѣніями, кочевавшими въ центральной Азіи, повелъ къ подчиненію массы народной преобладающему вліянію отдѣльныхъ лицъ, которыя имѣли первоначально лишь чисто-военное значеніе въ средѣ народа; этими-то лицами являлись нойоны, изъ коихъ старшіе въ родѣ становились тайшами, конъ-тайшами и даже по временамъ ханами. Уже самое коренное значеніе слова „нойонъ"—начальникъ, вождь—указываетъ, что власть этого лица, въ отношеніяхъ его къ простому народу, должна была ограничиваться однимъ лишь предводительствованіемъ въ военное время, и что обязательныя отношенія низшаго сословія заключались только въ поставленіи извѣстнаго числа вооруженныхъ воиновъ и въ сборѣ необходимыхъ припасовъ для содержанія войска и для общественныхъ надобностей, „нутугинъ-гарудъ", на нужды нутуга или кочевья извѣстной части народа. Количество этого сбора обусловливалось встрѣчавшеюся въ данномъ случаѣ необходимостью, такъ что первоначально эта повинность не была постоянною, а измѣнялась сообразно съ обстоятельствами. Впослѣдствіи, съ усиленіемъ самовластія нойоновъ, произволъ ихъ въ этомъ отношеніи рѣшительно не имѣлъ границъ; они брали съ простыхъ калмыковъ сколько вздумается, сдѣлали подать постоянною (албаснъ) и нерѣдко лишали народъ послѣдняго достоянія. Не разобравъ общественныхъ отношеній народа, правительство въ 1744 году совершило первую и совершенно непоправимую ошибку, когда, принявъ нойоновъ за калмыцкое дворянство, оно издало указъ, гдѣ разъясняетъ, что „калмыковъ, которые приходятъ и просятся на волю безъ всякаго письменнаго вида отъ помѣщиковъ, такихъ за такое своевольство наказывать батогами и отдавать тѣмъ помѣщикамъ и прочимъ, потому что по указу 1737 года повелѣно быть калмыкамъ, у кого объявлены, неотъемлемыми, почему они стали быть уже равно яко ихъ крѣпостные". Такимъ образомъ, вслѣдствіе канцелярскаго не-

доглядства введено было въ степи крѣпостное право, и до сихъ поръ еще чувствуются послѣдствія этой ошибки; какъ ни старалось потомъ правительство исправить, хотя отчасти, нанесенный калмыкамъ вредъ, хоть и предписывало оно впослѣдствіи лицамъ, служившимъ въ управленіяхъ по калмыцкимъ дѣламъ, чтобы они „присматривали стороною, дабы нойоны не разоряли слишкомъ своихъ подвластныхъ“,—все-же и до сей поры сословныя права нойоновъ остались почти безъ измѣненія, съ тѣмъ лишь развѣ исключеніемъ, что имъ предоставлено право сохранять всѣ принадлежащія имъ по происхожденію права и управленіе подвластными имъ калмыками, въ случаѣ принятія ими христіанской вѣры, и даже тогда, когда съ нойономъ обратятся въ христіанство подвластные ему калмыки, пока нойонъ не изъявитъ желанія передать ихъ въ казенное вѣдомство; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, взамѣнъ дохода съ прежнихъ подвластныхъ нойону, выдается ежегодно равная албану сумма изъ казны, а если калмыки, принадлежащіе нойону-владѣльцу, остающемуся въ прежней вѣрѣ, примутъ христіанство, то нойонамъ, въ вознагражденіе за отходящій отъ нихъ доходъ, выдается единовременно изъ казны сумма, равная пятилѣтнему доходу его по числу семействъ, принявшихъ крещеніе. Кромѣ того, земли, отведенныя калмыкамъ, считаются состоящими у нихъ на правахъ общиннаго пользованія, и потому нойоны никакихъ правъ на эти земли не имѣютъ; они обладаютъ своими собственными землями, а въ управленіе улусомъ вступаютъ по праву наслѣдства, хотя въ случаѣ дурного поведенія и могутъ быть устранены отъ управленія главнымъ попечителемъ, съ утвержденія начальника губерніи или атамана. Однимъ словомъ, все, чего добилось правительство по отношенію къ ограниченію правъ нойоновъ, состоитъ въ томъ, что они изъ помѣщиковъ-рабовладѣльцевъ обращены въ послѣднее время въ чиновниковъ, получающихъ черезчуръ уже щедрое вознагражденіе отъ управляемаго ими народа.

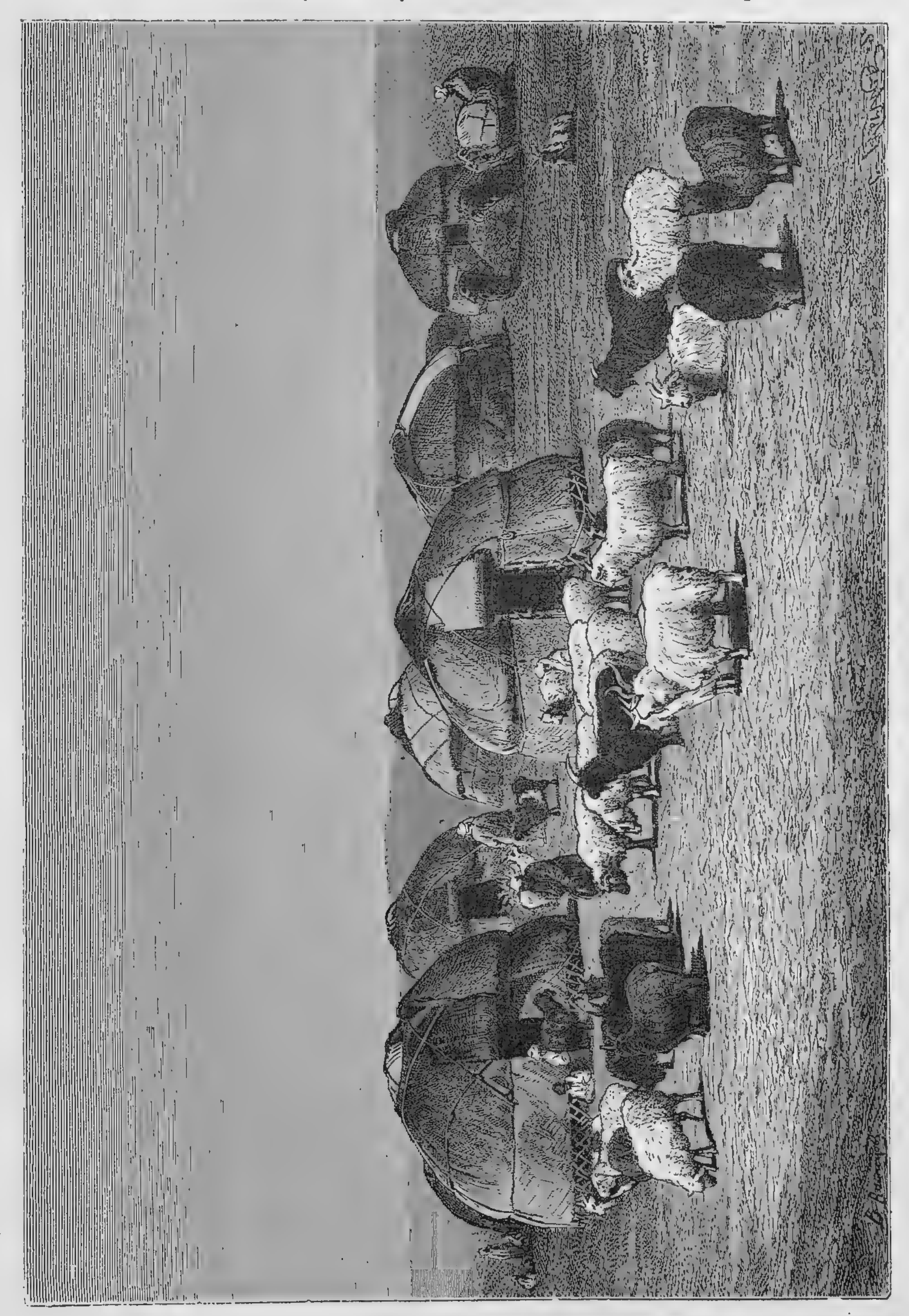
Духовный глава калмыковъ Астраханской губ.

Еще менѣе смысла заключаетъ въ себѣ учрежденіе сословія зайсанговъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, первоначально это были дальніе родственники нойоновъ, которымъ послѣдніе поручали ближайшій надзоръ за подвластными имъ калмыками и разбирательство происходившихъ между ними маловажныхъ споровъ и дѣлъ; для этой-то именно цѣли народъ, вѣроятно, и дѣлился на аймаки. Другимъ основаніемъ къ установленію этого званія было то, что нѣкоторые нойоны, по неимѣнію родственниковъ, должны были поручать ближайшій надзоръ за кочевьями подвластнаго народа особымъ довѣреннымъ лицамъ изъ простолюдиновъ, отличая ихъ отъ послѣднихъ освобожденіемъ отъ податей, или жаловать имъ это званіе за наличныя услуги и вѣрную службу; такъ, напримѣръ, и до сихъ поръ сохранилось въ памяти народной воспоминаніе о пожалованіи нойономъ Тундутовымъ въ званіе зайсанговъ нѣсколькихъ человѣкъ своей прислуги, которымъ онъ далъ притомъ въ управленіе цѣлые роды, неимѣвшіе до той поры зайсанговъ и выморочные. И тутъ правительство не потрудилось познакомиться съ сутью дѣла, избавило зайсанговъ отъ произвола нойоновъ, которые могли лишать ихъ этого званія, и признало ихъ владѣльцами на правахъ почетныхъ гражданъ; такимъ образомъ, сословіе зайсанговъ, установленное первоначально частными людьми

и имѣвшее значеніе надзирателей или управителей извѣстной части народа, подвластнаго нойонамъ, было утверждено правительствомъ въ такихъ правахъ, для полученія которыхъ это сословіе не имѣло никакого повода и основанія.

Въ общихъ чертахъ степь, въ которой живутъ калмыки, находящуюся на правомъ берегу Волги, въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ и въ землѣ Войска Донского, можно раздѣлить сообразно мѣстнымъ условіямъ на три части, имѣющія между собою значительное различіе. Первую, лучшую часть, по западной границѣ Астраханской губерніи и напротивъ того, въ восточной окраинѣ земли Донского Войска, представляетъ высокая степь или то, что на народномъ языкѣ называется „Эргени", отъ калмыцкаго слова „эрге", т.-е. возвышеніе, холмъ; эта часть степи, составляющая такимъ образомъ восточную окраину придонскихъ степей и являющаяся какъ-бы продолженіемъ на югъ Общаго Сырта, есть не что иное, какъ террасовидные спуски донской равнины въ низменную Калмыцкую степь, и тянется на протяженіи болѣе 300 верстъ отъ праваго берега рѣки Волги, близъ колоніи Сарепта, до долины Маныча, сѣверный берегъ которой составляетъ южную окраину Эргеней. По общему виду своему Эргени представляютъ цѣлую систему небольшихъ возвышенностей, главный хребетъ которыхъ, направляясь отъ сѣвера къ югу, выпускаетъ отъ себя къ востоку и западу отроги, отдѣляющіеся другъ отъ друга болѣе или менѣе глубокими оврагами и балками, по дну которыхъ протекаютъ или родниковыя воды изъ имѣющихся здѣсь весьма слабыхъ родниковъ, или весеннія, половодныя, проистекающія отъ тающихъ снѣговъ и весеннихъ дождей. Эти воды, стекающія по балкамъ къ востоку, наполняютъ котловины или болѣе углубленныя мѣста въ низменной Калмыцкой степи, образуя Сернинскія озера и нѣкоторыя другія, расположенныя у подошвы Эргеней; тѣ же изъ нихъ, которыя направляются къ западу, составляютъ или лѣвые притоки р. Дона, какъ, напримѣръ, Донская Царица, Аксай, Салъ, или же, подобно восточнымъ, наполняютъ въ видѣ озеръ болѣе углубленныя мѣста придонскихъ степей. Всѣ эти протоки хотя и носятъ названіе рѣчекъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ постояннаго теченія; по стокѣ весеннихъ водъ остается на днѣ балокъ или овраговъ топкая, болотистая грязь или небольшіе плесы большею частью горькосоленой воды. Даже и рѣки здѣсь полнаго теченія не имѣютъ, и такая все-же довольно значительная рѣка, каковъ Манычъ, безчисленное количество разъ пропадаетъ подъ почвою для того, чтобы черезъ нѣсколько верстъ снова выйти на поверхность на полное смущеніе досужихъ людей, которыхъ такъ и подмываетъ урегулировать его теченіе, словно изъ цѣлой системы маловодныхъ озеръ есть какая-либо возможность сдѣлать рѣку. Составъ почвы этой высокой части степи по разнообразію его опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ чрезвычайно трудно; хотя здѣсь и встрѣчаются довольно значительные острова хорошаго, плодороднаго чернозема, но по преимуществу почва состоитъ изъ глины, суглинка и супеска, представляя даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно сплошные солончаки; подпочва же преимущественно песчаная и только мѣстами глинистая. Растительность на Эргеняхъ, особенно по балкамъ и ложбинамъ, удерживающимъ влажность даже во время сильныхъ жаровъ, несравненно лучше, нежели въ другихъ частяхъ степи, и хлѣбопашество ведется сравнительно довольно успѣшно водворенными въ этой части степи, по Царицынско-Ставропольскому тракту, крестьянами; земля даетъ здѣсь даже очень обильные урожаи, если только не разгнѣвается на трудолюбца матушка-природа и не пошлетъ на его голову очень сильныхъ засухъ, нерѣдко въ конецъ уничтожающихъ труды земледѣльцевъ; правда, и калмыки занимаются здѣсь тоже хлѣбопашествомъ, но лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, да и то большею частью вмѣстѣ съ крестьянами на извѣстныхъ условіяхъ; калмыкъ еще не пережилъ кочевой стадіи развитія и, какъ ни стараются его цивилизаторы изъ чиновниковъ, онъ все является плохимъ земледѣльцемъ, неухватистымъ и даже прямо слабосильнымъ, такъ какъ на промыслахъ онъ пересилитъ любого русскаго промышленника, а по части невзыскательности въ отношеніи санитарныхъ и иныхъ условій—такъ и вовсе русскаго ловца за поясъ заткнетъ. Изъ

хлѣбныхъ растеній воздѣлываютъ въ этой мѣстности преимущественно рожь и яровую пшеницу; озимь сѣютъ менѣе, потому что, при безснѣжныхъ зимахъ, которыя бываютъ здѣсь



Калмыцкая деревня въ степи.

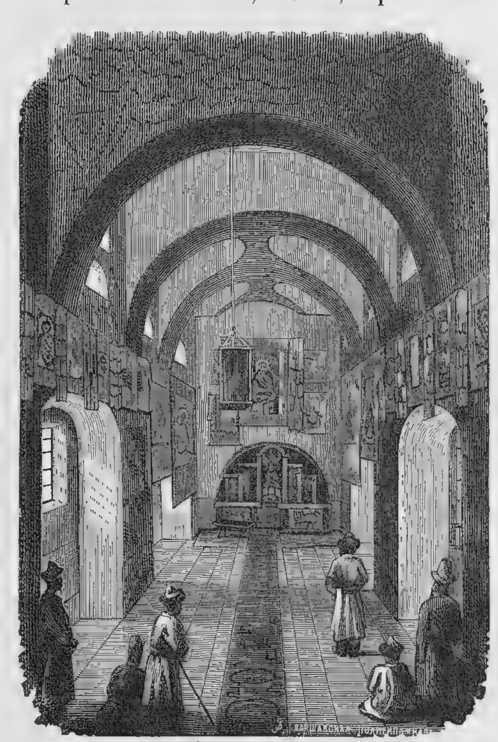
очень часто, она вымерзаетъ, за исключеніемъ ржи, которая гораздо болѣе устойчива и выдержитъ то, чего кволой пшеницѣ никогда не выдержать; ячмень и овесъ сѣютъ тоже весьма

мало, такъ какъ они выходятъ плохи зерномъ; а что касается до попытокъ сѣять гречу, то оказалось, что она не успѣваетъ налиться и выгоритъ вся цѣликомъ; иное дѣло степной хлѣбъ—просо: оно всюду идетъ прекрасно и могло бы давать прекрасные доходы; наконецъ, ленъ и конопля разводятся только по балкамъ, но, въ виду незначительности ихъ числа, эти растенія встрѣчаются въ очень небольшомъ количествѣ, по недостатку удобныхъ для посѣва мѣстъ. Въ сѣверной части калмыцкихъ сельбищъ разводится отчасти табакъ, но самаго простого сорта, такъ какъ калмыкъ никакъ не можетъ понять необходимости ухода за растеніемъ: табакъ этотъ—простая махорка—частью потребляется на мѣстѣ, а частью сбывается въ Сарепту, гдѣ и мѣшается съ кнастеромъ, такъ какъ колонисты настолько уже обрусѣли въ этомъ отношеніи, что не довольствуются слабымъ трубочнымъ табакомъ. Впрочемъ, посѣвы табаку носятъ какъ-бы случайный характеръ, тогда какъ главную выгоду представляютъ посѣвы горчицы, дающіе совершенно баснословные урожаи, а именно до полутораста пудовъ на одинъ пудъ посѣяннаго зерна; при этомъ въ особенности заслуживаетъ замѣчанія, что горчица, растущая здѣсь,—какъ показалъ цѣлый рядъ опытовъ, произведенныхъ самымъ тщательнымъ образомъ,—несравненно лучше по качеству своему противъ той, которая собирается въ другихъ мѣстностяхъ губерніи. Понятное дѣло, что въ силу этого и крестьяне, а до извѣстной степени и калмыки, которые, несмотря на свою полную неподготовленность къ земледѣлію, все-же не могутъ совершенно не понимать своей выгоды, занимаются въ обширныхъ размѣрахъ посѣвами горчицы, сбывая ее въ Сарепту, гдѣ она и обрабатывается на существующихъ тамъ заводахъ. Въ виду того, что по мѣстнымъ условіямъ, а также и по характеру самаго народа, главное занятіе калмыковъ составляетъ скотоводство,—эта-то часть степи, извѣстная подъ названіемъ Эргеней, по изобилію кормовъ и представляетъ, въ сравненіи съ остальными мѣстностями той-же степи, наиболѣе удобствъ для разведенія скота и въ особенности лошадей и овецъ. Говорить о минеральныхъ богатствахъ Эргеней крайне трудно по той простой причинѣ, что Калмыцкая степь и до сихъ поръ все еще представляетъ въ этомъ отношеніи terra incognita, хотя уже и извѣстно, что на Эргеняхъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жерновой песчаникъ—сѣрый, желтый и краснобурый, который употребляется какъ на постройки, такъ иногда и на мельничные жернова; впрочемъ, сами калмыки добычею этого камня и не думаютъ заниматься, и каменоломни, находящіяся на калмыцкой землѣ, отдаются въ аренду русскимъ промышленникамъ, а доходъ или арендная плата поступаетъ въ общественный капиталъ, принадлежащій не отдѣльнымъ улусамъ, а всему народу.

Другая часть степи представляетъ собою совершенно иной характеръ, являясь наблюдателю въ видѣ очень низменной площади, ограниченной съ одной стороны подножіемъ Эргеней, а съ другой—правымъ берегомъ рѣки Волги и такъ-называемыми Мочагами или сѣверо-западнымъ прибрежьемъ Каспійскаго моря. Эта часть Калмыцкой степи, занимая громадное пространство въ пять милліоновъ десятинъ, простирается къ югу до границы Ставропольской губерніи и носитъ названіе „низменной“ для отличія отъ высокой или Эргеней, и хотя по отношенію къ положенію своему надъ уровнемъ моря вполнѣ соотвѣтствуетъ тому представленію, которое всѣ привыкли связывать со словомъ степь, но все-же эпитеты „ровная“ и „гладкая“ къ ней вовсе не идутъ, потому что она нигдѣ не представляется таковою, а тянется пересѣченною безчисленнымъ количествомъ возвышеній и углубленій, небольшихъ буераковъ и бугровъ сыпучаго песка.

Геологическія изслѣдованія мѣстности были произведены здѣсь еще въ 1860 и 1862 годахъ, когда геологъ Барботъ де-Марни, находившійся въ составѣ Кумо-Манычской экспедиціи, изслѣдовавшей всю Калмыцкую степь въ ученомъ и хозяйственномъ отношеніи, нашелъ, что степь эта составляла дно моря, которое сошло сравнительно въ весьма поздній геологическій періодъ; онъ основывалъ свое мнѣніе на томъ, что на все это имѣются указанія въ самомъ напластованіи, на найденныхъ во множествѣ морскихъ видахъ раковинъ, сходныхъ съ живу-

щими и понынѣ еще въ Каспійскомъ и Черномъ моряхъ, и, наконецъ, на чрезвычайно значительной солонцеватости почвы степи, выражающейся во множествѣ соляныхъ озеръ, солончаковъ и „хаковъ“ или грязносоленыхъ болотъ. Если путникъ впервые увидитъ Калмыцкую степь, то замѣтитъ, что общій характеръ этой степи состоитъ въ томъ, что вся она, почти исключительно, покрыта полынью, къ которой лишь въ возвышенныхъ мѣстахъ, выщелачиваемыхъ весенними водами, мѣстами присоединяется лучшая растительность, тогда какъ въ низменностяхъ, гдѣ испаряются воды, насыщенныя солью, эта растительность уступаетъ мѣсто солянкамъ и другимъ растеніямъ, содержащимъ въ значительномъ количествѣ соль; но слѣдуетъ замѣтить, что и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ количество соли нѣсколько меньше, другія травы, кромѣ полыни, развиваются очень слабо и гибнутъ весьма скоро. Казалось бы, все-же, перегниваніе должно было съ теченіемъ времени образовывать такъ-называемый растительный слой, но вслѣдствіе чрезвычайно сильныхъ засухъ и зноя, сожигающаго всѣ растенія вполнѣ, остатки отживившихъ растеній, вмѣсто того, чтобы перегнивать, здѣсь высыхаютъ, и вѣтеръ разноситъ прахъ ихъ по степи. Полынь и другія травы сидятъ прямо отдѣльными кучками на красновато-желтой глинѣ, составляющей здѣсь почву; понятно, что, при малѣйшемъ разрыхленіи этой еще не успѣвшей окрѣпнуть почвы, она тотчасъ же обращается въ сыпучіе пески, образуя громадныя розсыпи и бугры переноснаго песку. Спѣшимъ, однако, оговориться съ той точки зрѣнія, что не повсюду эта часть степи представляется такою неприглядною; относительно лучшія мѣста въ низменной степи составляютъ западная ея часть, расположенная у подножія Эргеней, орошаемая весенними водами съ прилегающихъ возвышенностей, а также сѣверная и сѣверо-восточная ея части, какъ болѣе возвышенныя и менѣе солонцеватыя; но, по мѣрѣ склона степи къ юго-востоку, солонцеватость ея и розсыпи песковъ постепенно увеличиваются, оканчиваясь сплошными массами переносныхъ песковъ, залегающихъ между городами Енотаевскомъ и Астраханью, и солеными озерами, расположенными какъ поблизости этого послѣдняго города, такъ и далѣе къ югу, до границы Ставропольской губерніи. Поблизости къ самому подножію Эргеней и въ южной части низменной степи скучающіе безъ воды взоры путешественника встрѣчаютъ, къ великому облегченію, нѣсколько озеръ, или, правильнѣе сказать, котловинъ, наполняемыхъ весенними водами съ окружающихъ возвышенностей и вносимыми изъ Эргеней по балкамъ и оврагамъ и по Манычской долинѣ; понятное дѣло, что общее количество воды, наполняющей озеро, находится въ прямой зависимости отъ количества выпавшаго снѣга и болѣе или менѣе быстраго его таянія, а потому нѣкоторыя озера, поддерживаемыя весенними разливами, постоянно содержатъ въ себѣ воду, хотя она уже въ серединѣ лѣта успѣваетъ сдѣлаться совершенно негодною къ употребленію отъ солоноватости окружающей почвы и произрастающихъ въ нѣкоторыхъ озерахъ камыша и чакана, или, по мѣстному наименованію, „куги“, отъ которыхъ вода пріобрѣтаетъ чрезвычайно рѣзкій, горькій вкусъ. Изъ числа этихъ озеръ наибольшимъ обиліемъ воды отличаются довольно большія озера: Сар-



Калмыцкій каменный храмъ.

пинскія, Алцыцъ-Хота, Шара-Толгота, Джамтыръ, Чылгыръ, Яшкуль и въ южной части Састинскія озера. Существованіе этихъ озеръ (замѣтимъ кстати), расположенныхъ по одной прямой линіи и, видимо, составлявшихъ когда-то русло довольно большой рѣки, впадавшей когда-то въ Волгу между Сарептою и Свѣтлымъ Яромъ, имѣетъ огромное значеніе для калмыковъ, кочующихъ въ низменной части степи, такъ какъ поблизости къ этимъ озерамъ все въ степи какъ-то развеселяется: тутъ и какое-нибудь деревцо вырастетъ, есть гдѣ пастуху и стаду отстояться на полдняхъ, да кстати тутъ же они находятъ лѣтомъ кормъ для своего скота и зимою убѣжище въ камышахъ отъ страшныхъ снѣжныхъ булановъ; тотъ же камышъ служитъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и топливомъ, и покрышкою для ихъ жилыхъ войлочныхъ кибитокъ, гдѣ иначе было бы очень холодно. Ждетъ калмыкъ, недождется, чтобы наполнилось озеро водою, но все-же за грѣхи ихъ, видно, несмотря на мольбы ихъ ламъ, перѣдко случается, что при незначительности весеннихъ разливовъ нѣкоторыя озера очень скоро высыхаютъ и камыша въ нихъ совершенно не бываетъ, тогда какъ на другихъ ему отъ самой природы расти не полагается, и воды ихъ омываютъ лишь сухой, безжизненный берегъ, покрытый растеніями, характеризующими солончаковую почву; дѣлать нечего—и калмыкъ такимъ образомъ безъ строительнаго матеріала и безъ топлива, а все оттого, что на него Богъ за грѣхи его разсердился. Калмыки давно уже замѣтили, что „коли есть вода, то быть и рыбѣ", и глубокомысленный выводъ этотъ выразили въ своей народной пословицѣ, а въ силу этого и въ нѣкоторыхъ изъ Састинскихъ озеръ обрѣтается разная мелкая рыба, хотя на далекій вывозъ и негодная, а все потребная человѣку, и потому имѣющая извѣстную цѣнность; попадаются тутъ щуки, окуни, лини, караси и красноперка, и ловля этой рыбы отдается въ оброчное содержаніе, плата за которое поступаетъ цѣликомъ въ пользу калмыцкаго общественнаго капитала. Въ виду того, что всѣ эти озера или котловины расположены только въ западной и южной частяхъ низменной степи, ясно, что за исключеніемъ этихъ, относительно небольшихъ водныхъ бассейновъ, большая часть Калмыцкой степи представляетъ собою совершенно безводную поверхность, и это-то самое отсутствіе проточной воды или вообще водяныхъ источниковъ составляетъ существенный недостатокъ степи, лишающій возможности водворить здѣсь такъ или иначе прочную осѣдлую жизнь. Для кочевыхъ обитателей Калмыцкой степи этотъ существенный недостатокъ замѣняетъ отчасти или восполняетъ такъ-называемая „почвенная вода", которою они пользуются, вырывая въ землѣ колодцеобразныя ямы, называемыя „копанями" у русскаго населенія, а у калмыковъ татарскимъ словомъ—„худуками". Происхожденіе этой воды очень просто: если почва довольно песчана, то снѣговыя и дождевыя воды просачиваются въ глубь ея и останавливаются на встрѣчаемомъ ими глиняномъ подпочвенномъ слоѣ. Ежели, напротивъ, верхній слой почвы очень глинистъ, то вода проходитъ черезъ него по образующимся въ немъ трещинамъ и распространяется по песчаному слою, лежащему подъ глиною. Вода, ушедшая такимъ образомъ въ почву, предохраняется отъ испаренія ея солнечнымъ зноемъ, и мѣстами ею можно пользоваться цѣлое лѣто; зимою же, когда вода озеръ и худуковъ замерзаетъ, кочевники просто-напросто употребляютъ снѣгъ, котораго на ихъ долю выпадаетъ, слава Богу, достаточно. Ясное дѣло, что именно здѣсь можно было бы съ особенными успѣхомъ употреблять въ дѣло тѣ буры, которые приносили громадную пользу англійскимъ войскамъ въ Абиссиніи, а нашимъ солдатамъ въ Хивѣ и Ахалъ-Текѣ. Худуки, выкапываемые жителями по мѣрѣ надобности, разсыпаны группами по всей степи на разстояніи группа отъ группы въ 10, 15 и до 30 верстъ; глубина ихъ бываетъ различна, но по большей части отъ $1^1/_2$ до 2 сажень, хотя, впрочемъ, кое-гдѣ попадаются худуки и болѣе глубокіе, достигающіе, напримѣръ, семи саженъ глубины.

Едва только вода достигнетъ песчанаго слоя, какъ тотчасъ же наполняетъ худукъ до извѣстной высоты и добывается изъ него ведрами, прикрѣпленными къ длинному шесту или же по просту привязанными къ веревкѣ; никакихъ воротовъ или нашихъ журавцовъ надъ калмыцкими

копанями не бываетъ. Понятное дѣло, что худуки или копани составляютъ величайшее благодѣяніе для кочевниковъ, не удерживая ихъ на одномъ мѣстѣ, а дозволяя дѣлать тѣ передвиженія и перекочевки, которыя необходимы для прокормленія ихъ скота. Какъ бы то ни было, но не во всѣхъ худукахъ вода хорошаго качества и вполнѣ пригодна къ употребленію, и нѣкоторые содержатъ воду солоноватую, негодную для питья и даже злокачественную; въ этихъ случаяхъ калмыки и другіе мѣстные жители поступаютъ такимъ образомъ: придя къ худукамъ, они расчищаютъ ихъ отъ сора и въ теченіе цѣлаго дня стараются вычерпать изъ нихъ всю воду, которая, безпокоиться нечего, натечетъ и наберется сызнова; благодаря такой уловкѣ, они всегда имѣютъ свѣжую и хорошую воду. Только благодаря групповидному расположенію худуковъ, низменная степь искрещивается во всѣхъ направленіяхъ дорогами, которыя служатъ въ одно и то-же время не только для перекочевокъ народа по степи, но также и транспортными, торговыми путями. Есть и еще, наконецъ, средство и самому напиться, да и скотъ свой напоить, хотя и не особенно доброкачественною, но все-же пригодною для питья водою: въ осеннее время, когда начнется періодъ выпаденія обильныхъ дождей, калмыки нерѣдко поятъ свой скотъ — все свое богатство, да и для себя про домашнія нуждишки употребляютъ воду, накопляющуюся въ небольшихъ почвенныхъ углубленіяхъ или лужахъ, по мѣстному выраженію — въ „цандыкахъ“; понятное дѣло, что эта вода несравненно хуже той, которая получается изъ худуковъ, но надобно знать, въ какой степени неприхотливъ калмыкъ и въ особенности скотъ калмыцкій по части пищи и воды, чтобы понять возможность употребленія въ питье воды, настоявшейся всевозможными нечистотами и переполненной водяными клопами и другими насѣкомыми.

Санскритъ Курэдэ, калмыцкій образъ.

Что касается до восточной окраины низменной степи, то она, составляя правый берегъ рѣки Волги, вся занята осѣдлымъ населеніемъ, и здѣсь находятся два города — Черный Яръ и Енотаевскъ, довольно многолюдныя селенія крестьянъ, бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ, и десять станицъ Астраханскаго казачьяго войска. Этому-то довольно густому городскому и сельскому, уже не инородческому, а по большей части чисто-русскому и малорусскому населенію предоставлено правительствомъ (въ 1806 году) право пользованія калмыцкою землею на десяти и пятнадцати-верстномъ пространствѣ отъ границъ ихъ дачъ, для выгона скота во время половодья, т.-е. на то время, когда собственные ихъ участки земли, расположенные въ низменной долинѣ Волги, или такъ-называемыя „займищныя дачи“ покрываются или занимаются весеннимъ ея разливомъ, равно для хлѣбопашества и пастьбы скота лѣтомъ, не стѣсняя, однако, калмыковъ. Хотя, повидимому, калмыки и обездолены такимъ образомъ въ пользу осѣдлаго населенія, но эта обездоленность только видимая, такъ какъ право пользованія осѣдлыхъ

жителей калмыцкою землею основано на томъ, что въ зимнее время калмыки могутъ взамѣнъ этого безпрепятственно кочевать со своимъ скотомъ въ займищныя мѣста, по большей части поросшія лѣскомъ, гдѣ они и находятъ себѣ убѣжище отъ сильныхъ степныхъ снѣжныхъ бурь (шургановъ), невыносимыхъ въ открытой степи. Тутъ все дѣло, слѣдовательно, поставлено на основаніи взаимнаго сервитута, выгоднаго для обѣихъ сторонъ, а потому и свято съ обѣихъ сторонъ соблюдаемаго. Ради свободнаго прохода къ водопоямъ по Волгѣ и перекочевки калмыковъ въ займища изъ степи и обратно, оставлены между дачами селеній особые широкіе прогоны, не составляющіе собственности лицъ, а принадлежащіе цѣлому улусу. Такъ поставлено дѣло на сѣверо-восточной окраинѣ степи, тогда какъ крайняя юго-восточная часть низменной Калмыцкой степи, усѣянная сплошь буграми сыпучаго желтаго и бѣлаго песку, подходитъ плотно къ волжской дельтѣ и къ Каспійскому морю, врѣзываясь въ него продольными буграми и образуя здѣсь мѣстность, извѣстную у мѣстнаго человѣка подъ названіемъ „Мочаговъ“. По внѣшнему виду своему, а также и по отличительному характеру, эта мѣстность составляетъ, такъ сказать, третью полосу или часть Калмыцкой степи. Всякій, кто бы попробовалъ въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить совершенно положительно и безповоротно, что именно составляетъ преобладающій элементъ Мочаговъ—земля или вода, сталъ бы непремѣнно втупикъ, такъ какъ вся мѣстность здѣсь представляется сплошь изрѣзанною заливами или „ильменями“ и окаймляющими ихъ буграми. Кто назвалъ эту мѣстность такъ, какъ она называется, рѣшить трудно, такъ какъ и русскіе и калмыки оспариваютъ другъ у друга право на выдумку этого прозвища; все-же, однако, намъ кажется, что русское названіе проще объясняетъ дѣло, а потому мы и склонны думать, что русское прозвище древнѣе калмыцкаго. Названіе Мочаговъ русскіе жители основываютъ на словѣ „мочажина“ или сырое мѣсто, заливаемое водою; калмыки же силятся назвать Мочаги — моцакъ, что значитъ постъ, мѣсто, убѣжище, и увѣряютъ, что названіе это дано Мочагамъ вѣроятно въ томъ предположеніи, что калмыки, обѣднѣвшіе въ степи и лишившіеся по какому-либо несчастному случаю своего скота, отправляются въ Мочаги, составляющіе такимъ образомъ дѣйствительно въ настоящее время пріютъ для самыхъ бѣдныхъ калмыковъ. Картина Мочаговъ поистинѣ прекрасна и, къ сожалѣнію, никто еще изъ нашихъ художниковъ не воспользовался этимъ матеріаломъ для своихъ картинъ; заливы Мочаговъ, при ширинѣ отъ 250 до 750 саженъ, вдаются въ степь на довольно значительное протяженіе, иногда на 40 и даже болѣе верстъ; тѣ изъ этихъ заливовъ, которые ближе къ Волгѣ, наполняются рѣчною водою, и потому сохраняютъ или прѣсный ея вкусъ, или, напитываясь соляными частицами съ окружающихъ бугровъ и степи, становятся солеными; по мѣрѣ же удаленія къ югу они содержатъ

Калмыкъ.

уже чисто-морскую воду. Всего замѣчательнѣе для изслѣдователей тотъ фактъ, что въ Мочагахъ при сѣверныхъ вѣтрахъ, а, по мѣстному, при вѣтрахъ „верховыхъ" или „выгонныхъ",— вода становится соленою и совершенно негодною къ употребленію вслѣдствіе насыщенія ея солью съ бугровъ окружающей степи и съ самаго дна заливовъ, тогда какъ, напротивъ того, при южныхъ вѣтрахъ или при „морянѣ" и „нагонномъ" приливѣ морской воды, удерживая волжскую воду на извѣстномъ уровнѣ, наполняетъ всѣ заливы прѣсною водою; это же самое измѣненіе вѣтровъ имѣетъ вліяніе и на ближайшія къ Мочагамъ въ степи копани или худуки, въ которыхъ вода посредствомъ просачиванія подвергается такому же измѣненію, какъ и въ Мочагахъ. Тѣ заливы въ Мочагахъ, которые содержатъ прѣсную воду, покрыты густыми порослями камыша и чакана, отчего и получили мѣстное прозвище — „Черней"; здѣсь всегда шумъ и гомонъ отъ громаднаго количества всякой дичи, здѣсь бродятъ насупившись страшные для человѣка кабаны, здѣсь же зимою находятъ калмыки доброе убѣжище для себя и для своего скота, и потому на зимнее время сюда прикочевываетъ изъ степи очень много калмыковъ, всѣхъ почти улусовъ, лѣтомъ-же остаются здѣсь только семейства тѣхъ, которые нанимаются въ работы, или наибѣднѣйшіе калмыки, не могущіе кочевать по той простой причинѣ, что имъ кочевать не съ кѣмъ—нѣтъ скота. Вся мѣстность, занимаемая Мочагами, опредѣлена отъ рѣки Волги или, другими словами, отъ Джуруковской станціи до границы Кавказской области или Черноярскихъ водъ, ограничиваясь съ западной стороны почтовымъ линейнымъ трактомъ, а съ восточной Каспійскимъ моремъ; это пространство заключаетъ въ себѣ слишкомъ 300 тысячъ десятинъ или площадь въ 115 верстъ въ длину и въ 20—45 верстъ въ ширину, отъ почтоваго тракта до моря. На буграхъ Мочаговъ находятся зимнія ставки (состоящія изъ домовъ для помѣщенія улусныхъ управленій и служащихъ лицъ) улусовъ Яндыковскаго, Харахусовскаго, Мочаговскаго и Эркетеневскаго; тутъ же между прочимъ водворено нѣсколько русскихъ селеній и отведены земли разнымъ лицамъ для устройства ватагъ и рыбопромышленныхъ заведеній. Южную окраину Калмыцкой степи, расположенной между Волгою и Кавказомъ, составляетъ Манычская долина, посрединѣ которой и проведена граница между Астраханскою и Ставропольскою губерніями; въ этой части описываемаго нами пространства отсутствіе кормовыхъ травъ и воды, годной къ употребленію, заставляетъ калмыковъ лѣтомъ оставлять эту мѣстность, и только на зиму нѣкоторая часть калмыковъ Малодербетевскаго и Икицохуровскаго улусовъ прикочевываетъ къ Манычской долинѣ, гдѣ и располагается на зиму по балкамъ подъ защитою Эргеней, составляющихъ сѣверный берегъ долины, а также и поблизости Састинскихъ озеръ, густо поросшихъ камышами.

Калмычка.

Та часть Калмыцкой степи, которая расположена на луговой сторонѣ рѣки Волги и составляетъ, какъ было уже замѣчено нами выше, очередное кочевье для представителей всѣхъ улусовъ и лѣтнее кочевье Хошоутовскаго улуса, представляетъ относительно качества почвы

гораздо менѣе удобствъ въ сравненіи съ нагорною степью. Хотя почвенная вода и встрѣчается въ этой мѣстности чаще, лучшаго качества и притомъ на незначительной глубинѣ, но почва этой части степи до того слаба, такъ сказать, что при самомъ незначительномъ ея разрыхленіи, какъ, напримѣръ, въ случаѣ скопленія скота въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, она скоро превращается въ безплодные сыпучіе пески. Именно такими-то песками окружены и отчасти даже занесены почти всѣ селенія, расположенныя на луговомъ берегу Волги, по окраинѣ степи. Дѣйствительно, хотя приблизительно удобными здѣсь землями можно считать только одни займищныя мѣста, т.-е. опять-таки тѣ, которыя покрываются весенними разливами великой рѣки, но и эти мѣста отнюдь не сплошь доброкачественны, и урожай травъ на нихъ находится въ полной зависимости отъ величины разлива, такъ что при очень высокой водѣ и, наоборотъ, при очень низкой укосы травъ бываютъ вообще довольно дурные, такъ какъ въ первомъ случаѣ травы, находясь долго подъ водою, замокаютъ и прорастаютъ бурьяномъ, а въ послѣднемъ—незатопляемыя, возвышенныя мѣста остаются совершенно безъ всякой растительности. Эта же луговая часть степи примыкаетъ сѣверо-западною своею стороною къ Баскунчакскому соляному озеру, замѣчательному по богатству и превосходнымъ химическимъ качествамъ добываемой изъ него, преимущественно калмыцкимъ же горбомъ, соли; на восточной же окраинѣ степи находится также не мало прославленная гора Чапчачи съ залегающимъ въ ней мощнымъ пластомъ каменной соли, отличающейся особенною крѣпостью и чистотою своего химическаго состава.

Широко разлеглась Калмыцкая степь, простирающаяся съ сѣвера на югъ на три географическихъ градуса, а потому и представляетъ крайне разнообразныя климатическія условія; все здѣсь сложилось въ этомъ отношеніи на малую лишь пользу человѣка, такъ какъ юго-восточною окраиною своею прилегла она къ Каспійскому морю, откуда налетаютъ восточные сухіе вѣтры, а съ сѣвера и востока совершенно открыта дѣйствію холодныхъ вѣтровъ; и подулъ бы съ юга теплый вѣтерокъ, да заслоняютъ отъ него высокія горы Кавказскія; понятно, что вслѣдствіе всего этого безгорная, безлѣсная и безводная степь подвержена значительнымъ измѣненіямъ температуры, обусловливаемымъ самымъ положеніемъ ея. Уже изъ самаго дѣленія степи можно заключить, что климатъ ея можетъ быть раздѣленъ на морской по прибрежьямъ Волги и Каспійскаго моря и на континентальный—внутри самой степи: толковать долго объ ихъ различіяхъ между собою нечего, такъ какъ они извѣстны изъ любого учебника географіи, а потому мы и скажемъ здѣсь лишь то, что первый изъ нихъ умѣренный и замѣчателенъ по своей чрезвычайно быстрой измѣнчивости, конечно лишь относительно дневныхъ, а отнюдь не годовыхъ перемѣнъ; что же касается до второго, то онъ, напротивъ, болѣе суровъ и въ то-же время болѣе постояненъ, такъ что замѣчено, что, напримѣръ, зимою въ Мочагахъ и по прибрежьямъ Волги вообще теплѣе и снѣгу бываетъ менѣе, нежели въ низменной степи, а лѣтомъ не бываетъ такихъ жаровъ, какія то и дѣло застигаютъ и человѣка, и животное въ послѣдней; ясное дѣло, что въ высокой части степи, въ Эргеняхъ снѣга всегда бываетъ болѣе, да и вообще температура значительно ниже, нежели въ остальныхъ частяхъ Калмыцкой степи. Само собою разумѣется, что такая разница климатическихъ условій заставляетъ большую часть калмыковъ совершенно оставлять на зиму центральную часть степи, перекочевывая по займищамъ великой рѣки къ берегамъ Сарпинскихъ и другихъ озеръ въ Мочаги, гдѣ они и укрываются со своимъ скотомъ отъ зимней стужи и непогоды; на зиму въ степи остаются лишь немногіе скотоводы, обладающіе очень обширными стадами и остающіеся здѣсь собственно ради прокормленія ихъ на подножномъ корму, рискуя однако потерять все свое состояніе, заключающееся въ скотѣ, при первомъ „шурганѣ“ (по-русски „сипуга“), или степной бурѣ съ мятелью верховою и низовою и во время глубокихъ снѣговъ или при гололедицѣ, когда скотъ, не имѣя достаточно силы, чтобы пробить ледяную кору, остается совершенно безъ корма и погибаетъ цѣлыми стадами. Такой „джутъ“ былъ два года тому назадъ, когда

20 тысячъ головъ скота погибло отъ голода. Примѣровъ полной и самой возмутительной безпечности калмыковъ въ этомъ отношеніи можно привести безчисленное множество, такъ какъ рѣдкая зима проходитъ безъ того, чтобы то и дѣло не повторялись подобные случаи то въ той, то въ другой мѣстности и притомъ въ колоссальныхъ иногда размѣрахъ; бывали случаи, что очень богатый хозяинъ-скотоводъ становился на другой день послѣ случайно и неожиданно налетѣвшаго шургана въ полной степени нищимъ, а шурганы въ степи до того стремительны, что даже и самый крупный скотъ, и между прочимъ лошади, не въ состояніи устоять на ногахъ противъ порывовъ бушующаго вѣтра; все, что попадается шургану на пути, подхватывается имъ, гонится до полнаго изнеможенія и потери силъ, погибая цѣлыми табунами и костями своими устилая неуютную степь.

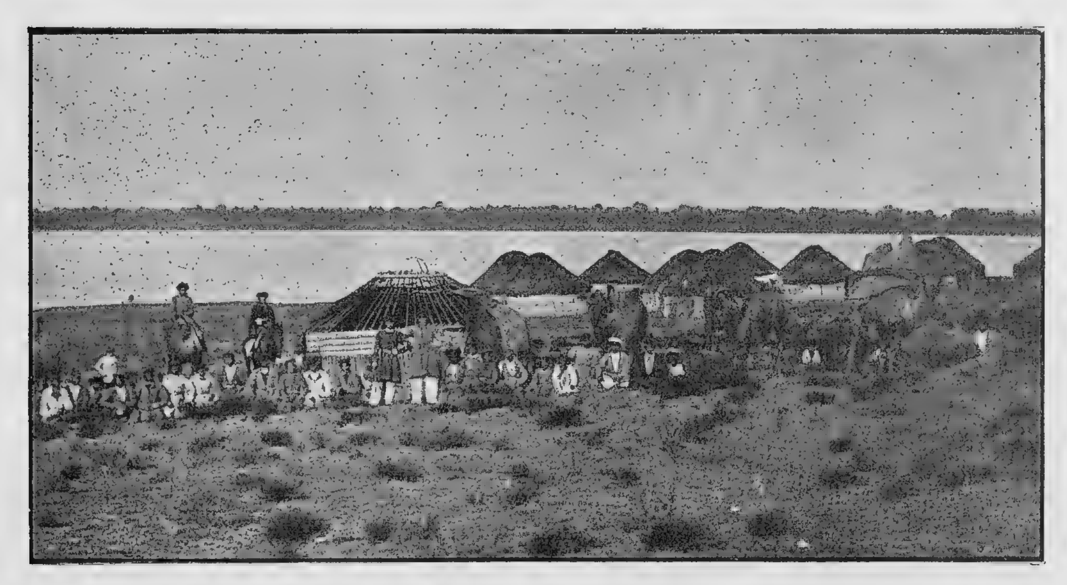
Кибитки калмыковъ.

Какъ бы то ни было, но недостатокъ въ Калмыцкой степи мѣстъ, удобныхъ для постоянныхъ пастбищъ, не говоря уже о мѣстахъ сележныхъ и большихъ бассейновъ годной для употребленія воды, а также и самыя климатическія условія заставляютъ поневолѣ калмыковъ переходить постоянно съ мѣста на мѣсто и, ради прокорма своихъ стадъ, кочевать по степи. Иное дѣло, когда народъ переселяется куда-нибудь случайно, а иное, когда онъ искони вѣковъ привыкъ перемѣщаться, когда онъ искони былъ, родился и умретъ чистымъ кочевникомъ, кочевье есть его бытъ, когда не кочевать онъ не можетъ, такъ какъ земледѣліе для него немыслимо. Конечно, можно было бы попробовать, да пробы и были, но постоянно неудачныя, повернуть дѣло по своему и принудить даже калмыковъ бросить жизнь номада и взяться за плугъ, можно было бы соединить Сарпинскія озера съ Кумскою прораныо на Каспійскомъ морѣ и сдѣлать теченіе Маныча непрерывнымъ, можно было бы такимъ образомъ при неособенно большихъ затратахъ обводнить степь и завоевать у природы громадное про-

странство земли, но кто-же поручится за то, что калмыки, подобно сѣверо-американскимъ индѣйцамъ, не станутъ вымирать передъ появившеюся среди нихъ культурою, такъ какъ они могутъ быть лишь такими, каковы они есть, или же вымрутъ огульно. Теперь, при необходимости постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто, всѣ улусы имѣютъ свои постоянныя лѣтнія и зимнія мѣста для кочевокъ, распредѣленіе которыхъ между отдѣльными улусами зависитъ отъ главнаго попечителя народа; давно уже пришлось организовать эти передвиженія и узаконить ту или другую территорію за тѣмъ или другимъ улусомъ, а потому мѣста издавна раздѣлены были между улусами безобидно и полюбовно, вошли въ обычай и потому не измѣняются безъ особенной надобности и заявленій о таковой надобности со стороны самаго народа. Кочевка калмыковъ съ насиженныхъ въ зимнюю пору мѣстъ на лѣтнія, болѣе вольготныя мѣста начинается вскорѣ послѣ праздника ихъ „Цаганъ-Саръ", что по-русски прямо переводится „бѣлый мѣсяцъ", соотвѣтствуетъ нашему февралю мѣсяцу и названъ такъ не по снѣгу, а какъ свѣтлый, ясный, обѣщающій возрожденіе природы; иногда онъ приходится и въ самомъ началѣ марта и совпадаетъ съ началомъ приплода у скота; ясное дѣло, что молоднякъ не можетъ убѣжать за взрослою скотиною, а потому и передвиженія по степи въ это время бываютъ небольшими переходами отъ пяти до пятнадцати верстъ, тогда какъ обыкновенный переходъ въ то время, когда перекочевка войдетъ въ обычную норму, разсчитывается верстъ на двадцать и даже на двадцать пять верстъ. Какъ на сѣверѣ счетъ разстояній ведется на пятки, такъ и здѣсь повелось изстари опредѣлять степныя разстоянія числомъ кочевокъ отъ одного пункта до другого, т.-е. опредѣляется все такъ-же приблизительно, какъ и тамъ, какъ и вездѣ, гдѣ счетъ идетъ на „конскій угонъ", на „людской уходъ", на „ручной отмахъ". Оставляя свои зимнія мѣста, калмыки складываютъ свои кибитки и вьючатъ какъ ихъ, такъ и весь свой далеко невзрачный и не хитрый скарбъ домашній (хурда-мурда) на верблюдовъ, а гдѣ они отъ джута, иной голодовки и повальныхъ болѣзней успѣли уже перевестись, то на лошадей или быковъ, и, сдѣлавъ переходъ до ближайшаго пастбища или лежащаго на этомъ пастбищѣ худука, останавливаются на нѣкоторое время, пока не вытравятъ скотомъ находящихся въ окрестностяхъ худука травъ и кормовъ; затѣмъ снова поднялась вся ватага и переходитъ на другое урочище, и такимъ образомъ къ концу апрѣля или къ самому началу мая калмыки находятся уже на лѣтнихъ своихъ мѣстахъ, перемѣняя ихъ все-же постоянно и переходя отъ одного озера къ другому, соображаясь съ количествомъ корма и воды, а нерѣдко и ради избѣжанія бича степей, надоѣдливыхъ и опасныхъ насѣкомыхъ, т.-е. оводовъ, комаровъ и другой подобной негоди и мошкары, появляющейся въ громадномъ количествѣ близъ озеръ одновременно съ растительностью. Свернуло лѣто на осень, и снова настаетъ пора для номада повторить тотъ же путь только лишь въ обратномъ порядкѣ; уже въ августѣ и въ сентябрѣ вся степь снова въ движеніи, и калмыки тихо, съ разстановками снова откочевываютъ въ свои зимнія убѣжища, находя по пути снова добрый кормъ для скота въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ вытравленъ ими весною. Легкое дѣло сказать: отчего бы заботливому хозяину не заготовить на зимищѣ корму про черный день и невзгодную зиму, да не привыкъ калмыкъ объ этомъ заботиться, — и трудно это сдѣлать на такое множество скота; правда, болѣе заботливые хозяева заготовляютъ заблаговременно сѣно на мѣстахъ своихъ зимнихъ кочевокъ, близъ котораго обыкновенно и располагаютъ свои кибитки, но сѣна этого хватитъ не надолго и его берегутъ про случай, когда нападаетъ джутъ, когда замететъ степь глубокимъ снѣгомъ, когда скотинѣ безъ заготовки придется просто-напросто околѣвать съ голода.

Сказать прямо: живутъ здѣсь калмыки—было бы хоть и просто, да ни къ чему бы насъ не привело, а потому и необходимо указать, какъ расселились они по степи, чтобы получить полное понятіе о нихъ и ихъ сельбищахъ. И вотъ, когда мы взглянемъ на карту, то тотчасъ увидимъ, что распредѣленіе калмыцкихъ кочевокъ лѣтомъ представляетъ три болѣе или менѣе широкія полосы отъ сѣвера къ югу. Первая полоса, если только мы начнемъ считать съ за-

пада, т.-е. отъ границы земли Войска Донского, направляясь по Эргенямъ, занята кочевьями калмыковъ Малодербетовскаго улуса; улусная ставка, гдѣ сосредоточиваются обыкновенно улусное управленіе, зарго или судъ, школа и другія административныя учрежденія и лица, хурулъ съ духовенствомъ, а также и „базаръ", т.-е. торговцы разными пригодными и необходимыми на нетребовательную калмыцкую руку товарами, помѣщается зимою всего въ 4 верстахъ отъ русскаго переселенческаго селенія Тундутовскаго и въ 70 верстахъ отъ нѣмецкой колоніи Сарепты, тогда какъ на лѣтнее время переходитъ на урочище Аренанъ-Зельмень, находящееся верстахъ въ 40 къ югу отъ зимней ставки, гдѣ затѣмъ на все теплое время года и располагается въ обыкновенныхъ кибиткахъ, а калмыки раскочевываютъ по вершинамъ окрестныхъ балокъ, выходящихъ на Манычскую долину; хоть и принято у насъ на Руси называть урочищемъ естественный межевой знакъ и природныя межи, но въ степи словомъ этимъ обозначаютъ безразлично любую мѣстность, чѣмъ-нибудь и въ какомъ бы то ни было отношеніи замѣчательную или по оврагу, или по пескамъ, или по копанямъ и т. п. Какъ это



Перекочевка калмыковъ.

ни странно, но главная зимовка калмыковъ этого улуса бываетъ на двухъ противоположныхъ концахъ степи, а именно по сѣверной окраинѣ Манычской долины, въ южной части Эргеней и близъ Сарпинскихъ озеръ и по займищнымъ дачамъ въ долинѣ Волги. Не даромъ русское село назвалось Тундутовскимъ, такъ какъ и дома, и всѣ хозяйственныя постройки владѣтельнаго нойона этого улуса — Тундутова находятся близъ зимней улусной ставки, гдѣ онъ и построилъ свой „эрге". Не одними лишь кочевниками управляетъ здѣшняя администрація, такъ какъ ей же подчинены и всѣ русскія селенія, расположенныя по такъ-называемому большому Ставропольско-Царицынскому тракту, селенія богатыя и торговыя, которымъ предстоитъ со временемъ прекрасная будущность. Вторая полоса къ востоку занята кочевьями калмыковъ Эркетеневскаго и Укицохуровскаго улусовъ; изъ нихъ кочевники Эркетеневскаго улуса, кочуя въ зимнее время въ юго-восточной части Калмыцкой степи, близъ южной границы Астраханской губерніи и въ Мочагахъ, перекочевываютъ на лѣто поближе къ Эргенямъ, въ южной части которыхъ и располагаютъ свои кочевья по балкамъ и лощинамъ. Вслѣдствіе самаго расположенія этого улуса, зимняя ставка его помѣщается въ хорошо выстроенныхъ домахъ близъ Бѣлаго озера, недалеко отъ Бѣлозерской станціи Астраханско-Кизлярскаго тракта, тогда

какъ въ лѣтнее время ставка, помѣщаясь, само собою разумѣется, въ кибиткахъ, переносится на Эргени, на балку Элиста, верстахъ въ двухстахъ отъ своего зимняго мѣстопребыванія, останавливаясь вмѣстѣ со всѣмъ народомъ во время кочевки весною и осенью, на нѣкоторое время, близъ худуковъ Санзыръ. Сосѣдніе калмыки Икицохуровскаго улуса, кочующіе въ зимнее время близъ Састинскихъ озеръ по балкамъ, у подножія Эргеней и близъ Маджарскаго соляного озера,—лѣтомъ продвигаются болѣе на сѣверъ и переходятъ къ озерамъ Яшколь, Джамтыръ, Чилгиръ, Шара-Толгота и другимъ, находящимся въ западной части низменной степи, вплоть до самыхъ Сарпинскихъ озеръ; при этомъ улусная ставка помѣщается зимою въ домахъ на урочищѣ Дельчи-баба, близъ озера Яшколь, въ разстояніи болѣе 200 верстъ къ западу отъ Астрахани, а лѣтомъ перебирается въ кибитки и располагается вблизи озеръ Чилгиръ и Шара-Толгота, въ самомъ центрѣ улуснаго кочевья. Наконецъ, третья полоса составляется изъ кочевьевъ калмыковъ Харахусо-Эрденіевскаго и Багацохуровскаго улусовъ. Первый изъ этихъ улусовъ происхожденія далеко не стариннаго, такъ какъ составился изъ двухъ, нѣкогда весьма многочисленныхъ улусовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Харахусовскаго и Эрдени-Цаганъ-Кичиковскаго; даже и до сихъ поръ можно наблюдать отсутствіе связи между представителями двухъ старинныхъ улусовъ, такъ какъ кочевники перваго зимуютъ преимущественно въ Мочагахъ, тогда какъ представители второго остаются или въ степи, или же откочевываютъ въ займищныя дачи рѣки Волги, поросшія хоть и не крупнымъ, а все-же достаточно защищающимъ лѣсомъ; уже изъ расположенія первыхъ двухъ полосъ явствуетъ, что калмыки этихъ улусовъ лѣтомъ занимаютъ какъ-разъ центральную и, слѣдовательно, самую непріютную часть степи; сельбища ихъ такимъ образомъ расположились, что улусная зимняя ставка занимаетъ чуть-ли не самое выгодное мѣсто въ селеніи Промысловомъ, въ 132 верстахъ отъ Астрахани на Кизлярскомъ или Линейномъ трактѣ, а на лѣто она перекочевываетъ на урочище Эрханъ-боро или Кіятыкъ. Однако владѣтельный нойонъ этого улуса не очень-то долюбливаетъ жить на людяхъ и притомъ на людяхъ чужихъ и пришлыхъ, отобравшихъ его родовую землю, и предпочитаетъ жить въ центральной части степи, въ недурненькомъ домѣ близъ худуковъ Утта, гдѣ зимою и развѣвается всегда желтый значекъ сотника Церенъ-Убаши Дугарова. Наконецъ, калмыки Багацохуровскаго улуса сидятъ по большей части зимою по займищнымъ лѣснымъ дачамъ, принадлежащимъ осѣдлымъ русскимъ жителямъ этого берега, скрываются тутъ отъ гибельныхъ шургановъ; какъ и вездѣ, духовенство улусное успѣло и сумѣло устроиться ладно и, въ то время, какъ народъ ищетъ пристанища на чужой землѣ, оно обзавелось обширною займищною дачею Цаганъ-Аманъ, купленною догадливыми ламами еще въ 1794 году у одного частнаго владѣльца съ цѣлью выстроить здѣсь нѣсколько хуруловъ или молитвенныхъ домовъ, да кстати и хорошенькихъ домиковъ про свою потребу и подъ потребу пришлой изъ степи собратьи, которая тоже не прочь урвать кусокъ у кочевника; ясное дѣло, что во время весенняго разлива и половодья Волги эта дача нерѣдко затопляется водою, и потому всѣ калмыки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовенство перекочевываютъ на это время въ степь. Придетъ лѣто, и калмыки этого улуса уходятъ кочевать между Сарпинскими озерами у самыхъ границъ селеній осѣдлыхъ жителей, вплоть до города Енотаевска, располагаясь такимъ образомъ, что на сѣверъ имѣютъ кочевья Малодербетовскаго улуса, а къ югу и западу Хотоутовскаго, Харахусовскаго и Эрденіевскаго. Опять таки и здѣсь само расположеніе кочевья принудило устроить ставку улусную на правомъ берегу Волги какъ-разъ на половинѣ разстоянія между казачьими станицами Ветлянской и Копановской, тогда какъ на лѣтнее время она располагается въ кибиткахъ на урочищахъ Кюрегинъ-боро и Эмчинъ-боро въ 50 или 70 верстномъ разстояніи отъ зимней ставки. Хошоутовскому улусу не пришлось кочевать въ степи праваго берега, и калмыки этого улуса кочуютъ постоянно на отведенныхъ имъ земляхъ, лѣтомъ на луговой сторонѣ рѣки Волги, а зимою по займищнымъ мѣстамъ, нѣсколько болѣе на западъ отъ дачъ казацкихъ станицъ и селеній крестьянъ Енотаевскаго уѣзда. Какъ-

разъ на половинѣ разстоянія между станицами Сѣроглазинской и Комкинской находится нѣсколько домовъ, принадлежащихъ калмыкамъ этого улуса, и довольно обширный и богатый хурулъ: эта калмыцкая деревушка называется „Кердэ“ (по-русски „половинка“) и построена по инниціативѣ бывшаго владѣльца Церенъ Джабъ-Тюменя; но простые калмыки не доросли еще до пониманія всей прелести домовой жизни и такъ какъ они прикочевываютъ сюда только на зимнее время и большую часть года все еще остаются въ кибиткахъ, то поселокъ обладаетъ лишь весьма слабыми признаками осѣдлаго жилья, тѣмъ болѣе, что калмыки разбиваютъ свои кибитки подлѣ самыхъ домовъ, а въ нихъ жить все-таки не желаютъ. Самая ставка Хошоутовскаго улуса и лѣтомъ и зимою постоянно находится на лѣвомъ берегу Волги, верстахъ въ девяноста выше города Астрахани; тутъ же находятся и дома, и хозяйственныя постройки владѣтельнаго нойона этого улуса Тюменя. Только одни калмыки Яндыковскаго улуса Багутова рода, имѣющіе очень значительное количество скота, кочуютъ цѣлый годъ въ степи, тогда какъ остальные роды остаются и лѣтомъ и зимою по берегамъ ильменей и заливовъ Волжской дельты, южнѣе Астрахани и по сѣверо-западному прибрежью Каспійскаго моря, сливаясь такимъ образомъ съ тѣми изъ своихъ единоплеменниковъ, которые кочуютъ въ Мочагахъ; собственно говоря, это не чистые кочевники, такъ какъ большая часть калмыковъ этого улуса нанимаются на работы на рыбныхъ промыслахъ и на соляныхъ ломкахъ, какъ въ озерахъ, такъ и въ горѣ Чапчачи. Ставка Яндыковскаго улуса, помѣщающаяся въ каменныхъ домахъ, находится въ селеніи Яндыковскомъ, расположенномъ на Кизлярскомъ трактѣ, верстахъ въ 120 отъ Астрахани. Въ Мочагахъ кочуетъ болѣе 2,000 кибитокъ, т.-е. около 10,000 душъ самыхъ бѣднѣйшихъ калмыковъ, представителей всѣхъ улусовъ, обнищавшихъ вслѣдствіе джутовъ, шургановъ, моровъ и безкормицы и снискивающихъ себѣ пропитаніе разными работами, преимущественно по рыбнымъ промысламъ. Всякій калмыкъ, потерявшій по какому-нибудь случаю въ степи свой скотъ и перекочевавшій въ Мочаги, въ очень рѣдкихъ лишь случаяхъ возвращается обратно къ своему улусу; хоть-бы и хотѣлъ онъ сдѣлать это, хоть и тянетъ его, конечно, къ своимъ, но безпечность и ненаходчивость въ затруднительномъ положеніи, малая заработная плата и множество другихъ, совершенно подобныхъ обстоятельствъ — препятствуютъ ему поправить свое разстроенное благосостояніе и снова встать на ноги; бываютъ, конечно, случаи, когда и въ Мочагахъ живутъ они безбѣдно, но случаи эти встрѣчаются крайне рѣдко, хотя лучшихъ промысловыхъ работниковъ, а главное—болѣе выносливыхъ, отыскать трудно. Наконецъ, Большедербетовскій улусъ разселенъ отчасти въ землѣ Войска Донского, а отчасти въ Ставропольской губерніи, гдѣ калмыки обладаютъ и славятся прекрасными табунами лошадей, которые доставляютъ имъ хорошій доходъ.

Калмыцкая княгиня.

Уже изъ выше помѣщеннаго нами топографическаго очерка степи можно заключить, что она ждетъ только того времени, когда рука человѣка прикоснется къ ней и сдѣлаетъ изъ нея удобную землю, устроивъ облѣсеніе и обводненіе. Еще при дальнозоркомъ Царѣ-Работникѣ

думали при посредствѣ теченія рѣки Маныча соединить Каспійское море съ Азовскимъ, но, какъ и многое другое доброе и полезное, проектъ этотъ былъ оставленъ и никто теперь и не думаетъ завоевать для культуры эту громадную площадь земли. Что касается до облѣсенія, то правительство, какъ и всегда и во всемъ, отнеслось къ этому дѣлу съ полною готовностью помочь народу, но и здѣсь опять не нашлось хорошихъ исполнителей, дѣло велось спустя рукава, деньги тратились, что называется, „зря", злосчастные калмыки должны были работать, будто-бы для своихъ выгодъ, но на самомъ дѣлѣ работали только на пользу кармана мѣстныхъ властей. Дѣло облѣсенія предположено было, — какъ и всегда, когда люди захотятъ подоить казну на-славу и затянуть „въ долгую" — въ громадныхъ размѣрахъ и имѣло двоякую цѣль: хозяйственную и санитарную, а именно лѣса должны были „оградить стада калмыцкія отъ степныхъ зимнихъ бурь и лѣтнихъ жаровъ, пробудить въ самихъ калмыкахъ охоту къ лѣсоводству и садоводству и поддержать влажность въ почвѣ и въ атмосферѣ, способствуя этимъ улучшенію климата"; съ этими благими намѣреніями проектъ предполагалъ въ первый же годъ засѣять пространство въ 700 десятинъ, постепенно увеличивая съ году на годъ ежегодную площадь посѣва до размѣровъ одной десятины лѣса на каждую кибитку, на что потребовалось бы только 40 лѣтъ времени. Мы не станемъ входить въ подробности того, какъ велось это дѣло, какъ калмыки даромъ работали при посѣвѣ и посадкѣ, какъ они, вмѣсто „пріохочиванія", достигли отвращенія къ лѣсоводству и къ садоводству, какъ ихъ чуть не палками выгоняли на непривычную и притомъ совершенно безполезную работу, и скажемъ только, что въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ эти работы обошлись только самому народу въ полмилліона рабочихъ дней или въ 200 т. рублей, да на покупку инструментовъ, устройство и поддержку водополивательныхъ машинъ и на содержаніе лицъ, руководившихъ работами, истрачено 30 т. рублей; на повѣрку оказалось, что черезъ 15 лѣтъ въ Калмыцкой степи появилось 100 десятинъ плохонькаго лѣса, разведеніе котораго обошлось въ 2,300 рублей за десятину, не принимая въ расчетъ стоимости сѣмянъ, перевозки ихъ почти со всей Россіи цѣлыми обозами на крестьянскихъ подводахъ и по почтѣ и другихъ мелкихъ расходовъ. А между тѣмъ можно было и дешево и хорошо поставить дѣло, но для этого надо знать мѣстныя условія, а не писать широковѣщательные проекты изъ своего петербургскаго кабинета. Если мы хорошенько вглядимся въ причины подобной неудачи, то тотчасъ же замѣтимъ, что достаточно имѣть только самое поверхностное понятіе о степи, чтобы судить вполнѣ правильно о возможности усиленія растительности въ степи; растительность здѣсь можетъ существовать только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ почва лишена того непомѣрнаго количества соли, которое губитъ все живое, и гдѣ есть достаточно влажности; такія мѣста представляютъ собою балки Эргеней, обладающія природнымъ орошеніемъ посредствомъ рыбниковъ и представляющія для юной растительности добрую защиту отъ зноя и зимнихъ степныхъ бурь; берега заливовъ въ Мочагахъ представляютъ уже несравненно меньшія удобства въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ представляется уже необходимость устраивать искусственное орошеніе; затѣмъ, хотя и является зачастую очень обильная растительность по берегамъ и по островамъ р. Волги, затопляемымъ весеннимъ половодьемъ, но само собою разумѣется, что лѣса, произрастающіе здѣсь, не могутъ быть хорошаго качества, такъ какъ весною постоянно ломаются сходнымъ льдомъ и затопляются на нѣсколько недѣль водою; наконецъ, въ настоящей степи что ни сажай, толку не будетъ никакого, а изнуришь только народъ да погубишь капиталъ, если степь не постараются прежде обводнить

Вотъ въ этомъ-то и заключается, собственно говоря, задача тѣхъ, которые захотѣли возродить этотъ край къ жизни. Петръ Великій хорошо понималъ всю важность этой задачи и думалъ о томъ, чтобы обводнить степь; но этотъ геній умеръ слишкомъ рано для Россіи, а съ нимъ вмѣстѣ канули въ Лету и всѣ его великіе планы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы взглянемъ на карту Калмыцкой степи, то намъ невольно бросится въ глаза ясная, рѣзкая возмож-

ность обводнить степь при посредствѣ двухъ системъ озеръ, вытянутыхъ въ одну линію. На югѣ мы имѣемъ уже готовый каналъ—Манычъ, который долженъ быть, конечно, расчищенъ, а начиная съ озера Старая-Соль, лежащаго у селенія Пріютнаго, должны быть произведены значительныя земляныя работы для прокопки канала, отчасти пользуясь теченіемъ Западнаго и Восточнаго Маныча, а отчасти соединяя воды озеръ: Даусунъ-торца, Деваль-Хана, Тойкуль, рѣку Уланъ-Зауха, озеро того-же наименованія, Соленое озеро, озера Саста, Майна-хара, Маджарскія озера, озеро Гадукъ и введя наконецъ воду канала въ Кумскій проранъ. Другой обводнительный каналъ представляетъ еще меньше трудностей для своего выполненія и въ то-же время можетъ принести еще большую выгоду, прорѣзая степь по діагонали; здѣсь каналъ долженъ начинаться изъ Волги почти у самой Сарепты и проходить черезъ озера: Тангутское, Цаца, Барманцакъ, Альматыкъ-адыкъ, Унгуръ-тереча, Шаврутъ, Б. Ханата, М. Ханата, Цаганъ-Нуръ, Амта-Цабдыръ, по лощинѣ Дабай, пользуясь русломъ потока того-же наименованія, затѣмъ чрезъ озеро (высыхающее) Дабайнъ-Голъ въ Мочаги близъ Басы. Ясно, что такое предпріятіе потребуетъ весьма значительныхъ затратъ, а потому и слѣдуетъ думать, что оно можетъ осуществиться лишь въ далекомъ будущемъ. А пока что будетъ, слава Богу, что калмыки копаютъ хоть частые худуки или колодцы, которыхъ и теперь ужь въ степи достаточное количество.

Пляска калмычекъ.

Благодаря существованію въ степи линій непрерывно тянущихся худуковъ съ болѣе или менѣе годною для употребленія водою, съ давнихъ, почти незапамятныхъ поръ степь изрѣзана дорогами или, по старинному, „шляхами", по которымъ издавна привыкли ходить возчики съ Волги на Кавказъ и въ Крымъ; прежде всего, какъ особенно важный по движенію товаровъ, стоитъ Царицынско-Ставропольскій шляхъ или „Капкай"; по немъ проходитъ ежегодно отъ 15 до 20,000 фуръ, которыя везутъ въ Ставрополь желѣзо, спиртъ, лѣсъ и другіе товары, а обратно привозятъ вино; „Кизлярка" или Астраханско-Кизлярскій трактъ, идущій преимущественно по Мочагамъ, служитъ для соединенія между собою промысловъ, а отчасти имѣетъ и торговое значеніе, и наконецъ „Крымскій" или „Воровской шляхъ", тянущійся отъ Астрахани до самыхъ Эргеней и пріобрѣвшій когда-то весьма дурную славу.

Какъ ни старалось высшее правительство, и въ особенности мѣстное начальство, сдѣлать калмыковъ осѣдлыми, старанія эти не увѣнчались ровно никакимъ успѣхомъ, и до сихъ поръ мы можемъ увидать, что выстроенныя когда-то, съ большими затратами и времени и денегъ, избы стоятъ пустыя и заколоченныя, а хозяева ихъ живутъ тутъ подлѣ нихъ въ своихъ кибиткахъ. Понятно, что свое исконное и извѣданное и излюбленное скотоводство калмыки ни въ какомъ случаѣ не рѣшатся принести въ жертву еще неизвѣданному ими хлѣбопашеству и притомъ такому занятію, которое, судя по многимъ опытамъ давно уже осѣвшихъ жителей, не можетъ принести въ этомъ краѣ тѣхъ выгодъ, какія можетъ дать скотоводство, не пред-

ставляя даже, вмѣстѣ съ тѣмъ, для калмыковъ особенной надобности, потому что, какъ мы увидимъ ниже, постоянную пищу народа составляютъ мясо и молоко во всѣхъ видахъ и кирпичный чай; мука употребляется въ крайне ограниченномъ количествѣ, да и то лишь въ качествѣ приправы къ купанью. Гораздо было бы раціональнѣе, въ видахъ прикрѣпленія калмыковъ къ землѣ, еслибы приняты были мѣры къ устройству ихъ хозяйства на такихъ началахъ, которыя могли бы пріучить народъ къ постепенному переходу отъ кочевой, бродячей жизни къ осѣдлой, но въ извѣстныхъ, однако, предѣлахъ; само собою разумѣется, что осуществить подобную мѣру положительно нѣтъ никакой возможности при общинномъ пользованіи калмыковъ предоставленною имъ степью, такъ какъ, какъ бы правильно ни была степь распредѣлена между отдѣльными улусами, какіе бы ни были введены строгіе порядки въ отношеніи кочевокъ, ничто не можетъ служить достаточною гарантіей для безобиднаго пользованія пастбищами; право наиболѣе сильнаго будетъ невольно проявляться на каждомъ шагу, и наконецъ ни одинъ хозяинъ-скотоводъ, устроившій на болѣе разумныхъ началахъ свое степное хозяйство, не можетъ быть увѣреннымъ, что онъ будетъ пользоваться облюбленнымъ и улучшеннымъ имъ участкомъ постоянно. Такъ и стали поступать власти въ послѣднее время и надѣляютъ калмыковъ участками земли отъ 40 до 50 десятинъ на душу. Собственно говоря, скотоводство у калмыковъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось у нихъ до настоящаго времени, не могло составлять основу прочнаго благосостоянія народа; хотя количество находящагося у нихъ скота и громадно, но если мы припомнимъ, что, послѣ страшно суровыхъ зимъ, они теряютъ громадное количество скота,—напримѣръ, въ 1798 году, калмыки потеряли болѣе полумилліона головъ скота и, не успѣвъ оправиться, снова потеряли въ 1832 и въ 1867 годахъ почти половину наличнаго количества животныхъ,—и продолжаютъ терять каждую почти зиму по нѣсколько тысячъ головъ отъ заразительныхъ болѣзней, шургановъ, безкормицы и джута, и, кромѣ того, зная, что количество скота можетъ возвыситься у калмыковъ отнюдь не покупкою, а только путемъ естественнаго приплода, — то поневолѣ мы придемъ къ заключенію, что благосостояніе народа далеко не въ особенно блестящемъ положеніи и оставляетъ желать весьма многаго.

Все-же и это плохонькое и убогонькое благосостояніе дано далеко не всѣмъ калмыкамъ поголовно, такъ какъ скотоводство составляетъ главное занятіе только болѣе зажиточныхъ, тогда какъ болѣе бѣдные изъ нихъ, зачастую вовсе не имѣющіе скота или же имѣющіе его въ весьма ограниченномъ количествѣ, снискиваютъ себѣ пропитаніе отчасти самыми разнообразными работами въ русскихъ селеніяхъ, но преимущественно наймомъ въ работы по рыбнымъ и солянымъ промысламъ. Чрезвычайно обширное рыболовство и разработка соли, существующія въ Калмыцкомъ или, вѣрнѣе, въ Хвалынскомъ краѣ, требуютъ постоянно громаднаго количества рабочихъ рукъ, а при незначительности осѣдлаго здѣсь населенія, а также и по своему умѣнью и, главное, по ограниченности требованій своихъ, калмыки являются для этихъ отраслей промышленности главною рабочею силою. Можно сказать совершенно положительно, что здѣсь въ морѣ не найдется ни одной рыболовной ватаги, ни одной лодки или морского рыболовнаго судна, гдѣ бы не было нѣсколькихъ рабочихъ изъ калмыковъ; ихъ берутъ чрезвычайно охотно всѣ рыбопромышленники, отдавая имъ предпочтеніе предъ другими рабочими вслѣдствіе ихъ неустрашимости — благо имъ терять почти нечего, неутомимости, — благо они голодны, неприхотливости, — благо еще не избалованы, и привычки ко всевозможнымъ лишеніямъ; да и дѣйствительно стоитъ только вглядѣться въ житье-бытье рабочаго калмыка, чтобы понять, что трудно себѣ представить, до какой степени терпѣливъ и неутомимъ онъ въ работѣ: для него не составляетъ особаго труда работать на такомъ солнцепекѣ, что все живое едва можетъ дышать, или, находясь постоянно по поясъ въ водѣ, во время холода, ѣсть всякую негодь, не доспать и не доѣсть по волѣ хозяйской. Эти-то неоцѣненныя качества и пріучили здѣшнихъ промышленниковъ къ рабочимъ калмыкамъ, и вполнѣ вѣрно

мѣстное убѣжденіе, что безъ нихъ и самое рыболовство Каспійскаго моря не могло бы вестись въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ оно въ настоящее время ведется. Что касается до выломки соли, то и тутъ калмыки являются спеціалистами; въ этой трудной и даже мучительной операціи — калмыкамъ поручается обыкновенно на соляныхъ озерахъ самая черная, самая тяжелая работа, а именно: они должны разбить соляной пластъ и, промывъ его въ „рапѣ" или въ водѣ, остающейся по осадкѣ соли, сгресть соль въ кучи, откуда она уже потомъ ссыпается въ мѣшки и отвозится на ближайшую пристань, для укладки въ пирамидальные бугры. Весь израненный вслѣдствіе дѣйствія соли, вѣчно голодный или впроголодь, почти голый, а иногда и вовсе обходящійся безъ всякой одежды, постоянно работающій какъ волъ, калмыкъ и здѣсь — желанный работникъ, такъ какъ русскій или вовсе не станетъ работать, или заломитъ за эту работу сумасшедшую цѣну.

Въ любомъ калмыкѣ не трудно узнать настоящаго монгола; цвѣтъ его кожи смуглый, роста онъ средняго, статенъ и широкоплечъ, глаза узки, при чемъ внѣшніе края ихъ сильно приподняты; ноздри широкія, носъ приплюснутъ и курносъ, скулы сильно выдаются впередъ, губы толсты и мясисты; жизнь въ степи способствовала развитію ихъ зрѣнія, а верховая ѣзда укрѣпила физически и сдѣлала ихъ гибкими и ловкими. Туловище ихъ производитъ впечатлѣніе извѣстной коренастости, тогда какъ голова бросается въ глаза по своей несоразмѣрной величинѣ; лобъ очень узокъ, глаза сильно вдались въ орбиты и имѣютъ обыкновенно коричневатую окраску ириса; ухо слегка пріоборочено впередъ, а носъ почти вовсе не выдается изъ-подъ лба; подбородокъ широкъ, но коротокъ и имѣетъ совершенно круглую форму; зубы крѣпкіе, здоровые и бѣлые; верхняя губа слегка выдается впередъ сравнительно съ нижнею; борода растетъ плохо, да къ тому же въ силу моды зачастую и выщипывается; шея коротка, плечи широки, ноги кривы, какъ у всѣхъ вообще монголовъ. Вмѣстимость черепа калмыковъ равняется, по словамъ Мортона, 1421 куб. сантиметровъ, при чемъ ихъ слѣдуетъ причислить къ числу народовъ несомнѣнно короткоголовыхъ, такъ какъ ихъ кефалическій индексъ (отношеніе ширины черепа къ его длинѣ) равня тся 81,40; отношеніе высоты черепа въ его длинѣ или, такъ называемый, высотный указатель далъ у калмыковъ 76,2. Горизонтальная окружность черепа равняется у мужчинъ 511, а у женщинъ 495 мм., тогда какъ наименьшая ширина лба достигаетъ всего лишь 92 мм., т.-е. показываетъ довольно низкую ступень развитія; лобный указатель, или отношеніе ширины лба къ ширинѣ черепа, даетъ намъ цифру 66. Общая длина лицевой части выражается въ 134 мм., т.-е. не достигаетъ ея ширины, которая простирается до 137 мм.

На основаніи одной старинной калмыцкой заплачки,—которую, какъ оказывается изъ трудовъ почтеннаго знатока монголовъ и манжуръ, отца Іакинѳа, сочиняла жена усунскаго хана Гунь-мо, царствовавшаго ровно за 107 лѣтъ до Р. Х.,—мы можемъ съ положительностью заключить, что жилище калмыка, кибитки, эта „хижина, обтянутая войлоками" придумана тогда, когда монголы едва-только вышли на широкій просторъ жизни, т.-е. во времена глубочайшей древности; да и пища ихъ тоже мало чѣмъ измѣнилась, такъ какъ и до сихъ поръ калмыкъ ѣстъ лишь мясо да пьетъ молоко. Та-же „кибитка", какую мы видимъ у киргизовъ и другихъ кочующихъ народовъ Россіи, служитъ жилищемъ и калмыку, который сумѣлъ, однако, устроить ее нѣсколько по своему, а главное—самъ-то устроился въ ней иначе, нежели другіе бродячіе народы. Какъ водится, кибитка имѣетъ совершенно круглую форму и въ діаметрѣ раздалась при основаніи такъ аршинъ на шесть, а то и на восемь; коли богатъ выдастся хозяинъ, такъ не пожалѣетъ колковъ и дѣлаетъ жилье просторнѣе, ну, а бѣдный рѣдко угнетъ кибитку поменьше, такъ какъ и въ такой мѣста немного, а худобы у бѣднаго горюна найдется довольно, чтобы такое пространство заставить да заложить. Есть городъ „Кюбетовъ", да и шапка есть „кюбетейка", а потому и не доберутся никакъ, пошла ли кибитка отъ имени ея изобрѣтателя или вообще такъ форма эта называется, такъ какъ шапочка-тюбетейка сильно

напоминаетъ въ миніатюрѣ кибитку; есть и такіе ученые, которые полагаютъ, что и та и другая пошли изъ Тибета и только измѣнили согласную по правиламъ языка. Не вся однако кибитка кругла, и аршина такъ на два отъ земли переходитъ ея форма въ воронкообразную, какъ разъ такъ, однимъ словомъ, какъ если бы была она сдѣлана изъ вѣтвинъ, что, вѣроятно, въ стародавнія времена и имѣло мѣсто; такъ и вода легко сверху стекаетъ, да и крыши дѣлать особой не нужно, такъ какъ безъ дыры вверху не обойдется — благо калмыку и свѣтъ божій нуженъ, да и отъ дыма ему тоже не терять глаза, а привыкъ онъ его выпускать въ это верхнее отверстіе. Хоть и однозвучно жилье калмыка съ словомъ „тюбе"—вышка, а высота всей кибитки въ центрѣ ея ограды (тюбе) составляетъ всего лишь отъ 2 до $2^1/_2$ саженъ. Для устройства его логова понадобилось калмыку только чуть-чуть дерева да шерсть, но составныхъ частей у кибитки много и нашему брату въ нихъ тоже сразу не разобраться, такъ какъ каждая часть имѣетъ свое, приличное ей назначеніе, и въ другую подѣлку употреблена быть не можетъ. Есть тутъ складныя рѣшетки во всю величину остова жилья и называются онѣ „термэ", есть и тонкія прямыя палки или колья—„унынъ", есть деревянный кругъ наподобіе обода, для подкрышной части — „харача", двери — „юйденъ", войлочныя завѣсы — „ышге", шерстяныя тесьмы двухъ сортовъ (хошлунъ) и, наконецъ, восемь небольшихъ арканов для связки стоекъ съ крышей. Все жилье свое можетъ калмыкъ легко нагрузить на верблюда, такъ какъ всякая кибитка среднихъ размѣровъ вѣситъ около 18 пудовъ, что прямо равняется тяжести грузки верблюжьей; но не дерево вѣситъ въ ней больше, а именно шерстяныя ея части, которыхъ на кибитку приходится пудовъ двѣнадцать. Коли ладно кибитка слажена, такъ новая кибитка, съ своевременною починкою и перемѣною кошмъ, можетъ простоять и прослужить отъ 10 до 12 лѣтъ, а иногда и болѣе, если только хозяинъ не поскупился вначалѣ да пріобрѣлъ рѣшетки и войлока хорошаго сорта; тоже и на пріобрѣтеніе войлока требуется сноровка, такъ какъ если кибитка покрыта толстыми войлоками, то она дольше держитъ тепло зимою, такъ какъ ее меньше продуваетъ вѣтеръ, но въ то-же время приносятъ такіе войлока и большія неудобства, такъ какъ они скорѣе прѣютъ отъ дождей въ силу того, что на ихъ просушку требуется больше времени, да и вовсе-то они, пожалуй, и никогда не успѣютъ высохнуть; само собою разумѣется, что тоже и тонкій войлокъ пріобрѣсти — всей бѣды не избудешь, такъ какъ тогда условія прочности и тепла будутъ находиться въ обратномъ отношеніи. Хоть и не хитеръ тотъ матеріалъ, изъ котораго дѣлается кибитка, а все-же, если онъ какой-нибудь, то и жилье выйдетъ плохое, и всякій добрый калмыкъ тотчасъ же захулитъ его въ то время, какъ нашъ непривычный глазъ не увидитъ въ немъ ничего дурного; изстари повелось требовать отъ матеріала тѣхъ или другихъ качествъ, тѣхъ или другихъ признаковъ, безъ которыхъ калмыкъ и смотрѣть на него не станетъ. Такъ, напримѣръ, оглядитъ хозяинъ рѣшетки и увидитъ, каковы онѣ; надо, чтобы рѣшетки, изъ которыхъ состоитъ самый остовъ кибитки, сдѣланы были изъ четырехгранныхъ орѣховыхъ, такъ толщиною въ вершокъ, орясинъ, а при случаѣ, коли посчастливится, такъ и липой разживутся, благо она представляетъ больше легкости. Понятное дѣло, что и просторъ жилья зависитъ уже прямо отъ числа этихъ рѣшетокъ, а потому и бываетъ ихъ не всегда одно и то-же число, а столько, сколько надобится хозяину по его семьѣ и тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявляетъ вообще къ жилью въ отношеніи къ простору и удобствамъ; иной и за 4—5 благодаритъ Будду, а какой-нибудь зайсангъ или богатый хурульный владѣлецъ и въ 8 едва помѣстится; коли рѣшетку раздвинуть, такъ отверстія ея имѣютъ четырехугольную форму, такъ какъ орясины накладываются другъ на друга крестообразно, оставляя между собою полутоpавершковые промежутки; орясина на орясинѣ ходитъ свободно, а потому, коли понадобится перекочевать, то рѣшетку сложатъ, и тогда орясины помѣстятся уже не накрестъ, а почти прямо. Когда самыя рѣшетки уже установлены и нижніе концы орясинъ вбиты въ землю, то верхніе концы ихъ, также заканчивающіеся фигуркою въ видѣ римской цифры пять, служатъ для того, чтобы въ выемки

этихъ пятерокъ положить палки (унины) и привязать ихъ къ рогамъ этихъ пятерокъ шерстяными завязками; палки свою службу служатъ и поддерживаютъ кругъ (харача), который образуетъ сводъ кибитки, а безъ этого свода вся кибитка тотчасъ бы разъѣхалась, и жилье не могло бы выйти прочно. Если такимъ-то способомъ устроить кибитку, то рѣшетки до чрезвычайности легко двигаются на своихъ петляхъ, которыя продѣты въ мѣстахъ соединенія рѣшетокъ между собою, а для крѣпости еще и увязаны особаго рода калмыцкимъ узломъ, который по замысловатости и прочности смѣло поспоритъ съ пресловутымъ морскимъ, и неумѣлымъ рукамъ ни за что не поддается. Чтобы придать постройкѣ большую подвижность, калмыкъ ухитряется какимъ-то образомъ, какъ-разъ въ срединѣ ея высоты отъ земли, вдавить нѣсколько рѣшетку внутрь, но дѣлается это такъ искусно, что отнюдь не препятствуетъ подвижности самыхъ рѣшетокъ, ради того, чтобы онѣ не скоро поддавались вліянію тепла и не трескались

Внѣшній видъ калмыцкой кибитки.

отъ солнечнаго жара; особливо когда онѣ еще вновѣ, то ихъ или смазываютъ жиромъ, или же окрашиваютъ масляною краскою, благо ужъ пошла такая мода, въ красный цвѣтъ. На базарѣ рѣшетку не купить—приходится заказывать ее умѣлому человѣку и цѣнить ее приходится рублей по 4 — 5 за каждую составную штуку, такъ какъ на нее (на 6 штукъ) одного матеріала идетъ на 5 и даже на 6 рублей. Тоже и дверь у калмыка не такъ, какъ у людей дѣлается; идетъ на нее больше сухая сосна, которую на этотъ конецъ гонятъ въ гонкахъ изъ Костромы и еще дальше, благо облюбовалъ ее калмыкъ именно на эту подѣлку; основа ея есть не что иное какъ широкая двухдюймовая въ толщину рама; вышина этой рамы достигаетъ двухъ аршинъ, а ширина—одного съ вершкомъ и двумя лишку. Иной бы подумалъ, что эта самая рама и будетъ служить дверью; нѣтъ,—раму-то калмыкъ установитъ накрѣпко, прибьетъ вверху и внизу по планочкѣ, да въ этихъ-то планочкахъ и примоститъ вращающуюся двустворчатую дверушку на деревянныхъ пяточкахъ; при этомъ обѣ половинки дверокъ дѣлаются въ особыхъ рамкахъ съ переплетомъ, на манеръ деревенскихъ оконныхъ рамъ, но съ тою

лишь разницею, что вмѣсто стеколъ задѣлываются тонкими драночками или дощечками. Иной тароватый хозяинъ не пожалѣетъ расходовъ и выкраситъ эти двери въ синій цвѣтъ, а рамы и переплеты, чтобы ярче и бросче было—въ красный. Не дошелъ еще калмыкъ до замковъ и ключей, а все-же лихого человѣка опасается и запираетъ свои двери на всякій случай деревяннымъ засовомъ, при чемъ дверь отворяется внутрь кибитки, чтобы въ случаѣ чего не прозѣвать вошедшаго. Унины—прямо-таки не толстые, обыкновенно въ дюймъ толщиною, круглые колья, четвертей въ 13—14 длиною, и вырубаются преимущественно изъ орѣховаго, а то, для легкости, изъ верхового сосноваго лѣса. Накласть-то палокъ этихъ не хитро, но калмыкъ кладетъ ихъ не безъ ума, а по счету, такъ что на 6 рѣшетокъ добрый хозяинъ кладетъ по 12 палокъ на каждую, да на дверь четыре; иной любитель красоты выкраситъ унины въ красный цвѣтъ, а коли достатка на это у калмыка не хватитъ, такъ онъ не особенно объ этомъ заботится, такъ какъ унины не долго некрашенными останутся — дымъ и копоть такъ зачернятъ ихъ съ глянцемъ, что диву диже дашься, какъ онѣ ловко крашены. Все это сдѣлать не трудно, а харачу сдѣлать, какъ слѣдуетъ, дѣло довольно мудреное, такъ какъ тутъ уже дѣло мастера боится; кругъ этотъ не простой, а составленъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, которыя связаны между собою особеннымъ образомъ, а именно „въ замокъ", какъ выражаются наши рязанскіе и новгородскіе знатоки плотничьяго дѣла, да и замокъ-то этотъ не простой, а очень и очень замысловатый, чтобы прочнѣе была „держава", кругъ простякомъ не дѣлается, а обвивается сплошь и наглухо сыромятною кожею, а внизу продалбливаютъ четырехгранныя отверстія, въ которыя потомъ и вложатся унины; зря тоже выдолбины не подѣлаешь, а долблены онѣ чисто съ математическою точностью и въ глубину, и въ ширину, и въ разстояніи другъ отъ друга, а то, коль не вывѣрить все это, такъ унины правильно на рѣшетки не лягутъ, и если кому вздумается силою ихъ довести въ достодолжное положеніе, то весь строй поломается и сводъ выйдетъ вовсе неправильнымъ. Поверхъ круга ставятъ стоймя два полуобруча—было бы на что накинуть верхнюю покрышку или „цагрикъ", что всегда дѣлается на холодную ночь или въ дождливую пору. Вся сила стройки, значитъ, въ ловко обдѣланномъ харачѣ, а потому за хорошій кругъ и приходится платить отъ 6 до 8 рублей. Далеко не всякій калмыкъ сумѣетъ справить себѣ жилье, и едва найдется десятокъ такихъ, которые могутъ сдѣлать себѣ рѣшетки и, въ особенности, двери, которыя требуютъ отъ мастера довольно значительнаго искусства; также и кругъ сдѣлать не просто, такъ какъ приходится постоянно прилаживать на „глазокъ", а на это калмыки не очень-то способны и постоянно нуждаются въ помощи нашихъ русскихъ плотниковъ и столяровъ. Иное дѣло шерстяныя части кибитки—тутъ калмыкъ является такимъ мастеромъ, что спорить съ нимъ уже не приходится; впрочемъ, и здѣсь, собственно говоря, не мужчинѣ принадлежатъ пальма первенства, а женщинѣ - этому рабочему волу калмыка. Конечно, главную статью этихъ издѣлій составляетъ войлокъ, кошма, который калмычка ухитряется выдѣлывать совсѣмъ не такъ, какъ привыкли ихъ дѣлать у насъ на Руси, а иначе, по изстари излюбленному ея прабабками способу; какъ и быть должно, войлока идутъ на завѣсы или полотнища, которыми обматывается кибитка снаружи, ради тепла; на это дѣло калмыкъ никогда не жалѣетъ ни матеріала, ни денегъ, такъ какъ отъ добротности кошмы (по-калмыцки — „ышге") зависитъ не только здоровье всей его семьи, но и жизнь новорожденныхъ животныхъ, которыхъ первое время онъ держитъ тутъ же, у себя въ кибиткѣ. Добрая хозяйка беретъ цѣлыхъ 12 пудовъ шерсти на выдѣлку полстей для шестирѣшеточной кибитки, такъ какъ, если мало возьмешь матеріала, то войлока жидки будутъ и скоро протекать начнутъ, а много возьмешь—опять-таки бѣды не избудешь, такъ какъ войлока толсты будутъ слишкомъ, долго просыхать не будутъ и скоро сгніютъ; весенняя стрижка на это дѣло не годится, такъ какъ весенняя шерсть выходитъ слишкомъ груба по случаю перезимки, а приходится брать непремѣнно шерсть осенней стрижки, которая всенепремѣнно нѣжна и, главное, курчава, что для выдѣлки войлока представляетъ чрезвычай-

ное удобство. Понятное дѣло, что достать такое громадное количество шерсти въ одну стрижку не представляется рѣшительно никакой возможности, такъ какъ для полученія 12 пудовъ шерсти надо имѣть по крайней мѣрѣ 240 головъ овецъ, а такого количества овецъ не найдешь у весьма значительнаго количества хозяевъ; какъ-нибудь приходится изворачиваться, т.-е. или собирать въ одно мѣсто получку нѣсколькихъ стрижекъ, или покупать шерсть на сторонѣ; но всякій знаетъ, что калмыцкое жилье устроено такъ, что спрятать что-нибудь некуда, а ужь въ особенности некуда дѣвать большіе запасы того или другого матеріала; поневолѣ приходится обращаться къ людямъ, а для этого и ихъ же братъ—калмыкъ, да и нашъ юркій мѣщанинишко понизовый изловчились, и на любой ярмаркѣ и шерсти продадутъ, и войлоковъ; но въ томъ-то и дѣло, что въ такомъ разѣ калмыку непремѣнно нуженъ глазокъ-смотрокъ, такъ какъ нашъ доморощенный негоціантъ всенепремѣнно подсунетъ простоватому кочевнику такого войлока, гдѣ чистая шерсть смѣшана съ „кислою", т.-е. съ тѣми оческами, которые остаются отъ выдѣлки овчинъ; правда, что возьметъ онъ за такой войлокъ недорого, даже и очень дешево, всего рублей 50 — 60 за цѣлую кибитку, но эти деньги пропащія, такъ какъ мѣшаный войлокъ ровно никуда не годится и гнить начнетъ чуть не съ перваго же дождя. Не хитро шить войлока, но вся задача въ томъ, чтобы выкроить ладно полсти, а на эту подѣлку не всякая калмычка способна, такъ какъ выкраивать приходится съ постоянною пригонкою, чтобы полсть приходилась какъ-разъ по величинѣ рѣшетки; каждое полотнище — „ынге" (а таковыхъ надо сдѣлать непремѣнно шесть, изъ которыхъ четыре идутъ внизъ, а два—наверхъ) обшивается понизу узенькою шерстяною каемкою или же прошивается толстою шерстяною ниткою накрѣпко, да еще, кромѣ того, по краямъ обшивается тонкимъ шерстянымъ шнуромъ, а по-калмыцки „зекъ". Когда все это сдѣлано, то кибитка еще далеко не окончена, такъ какъ предстоитъ новая довольно хитрая работа, состоящая въ томъ, что къ двумъ верхнимъ угламъ каждой полсти или полотнища пришивается узкая, но длинная, сажени въ три, тесьма, на которой „ынге" держится на остовѣ кибитки, словно на помочахъ. Коли не всякая женщина справится съ подѣлкою полстей, то еще труднѣе бываетъ сдѣлать хорошо и, главное, точно и пригонисто самую крышку кибитки, которая носитъ у калмыковъ названіе „цагрика"; тутъ вся трудность заключается въ томъ, чтобы вѣрно выкроить тѣ четыре конца, которые связываются потомъ на верху, какъ уши нашихъ зимнихъ шапокъ или малахаевъ; еслибы цагрикъ былъ выкроенъ нѣсколько шире, то при первомъ порывѣ сильнаго вѣтра цагрикъ надуется, а въ иномъ случаѣ и вовсе разорвется; чтобы не случилось подобной бѣды, калмычка придумала слѣдующее приспособленіе: къ ушамъ цагрика пришиваютъ узкія, достаточно длинныя, шерстяныя тесьмы, которыми верхняя покрышка привязывается къ рѣшеткѣ или же большею частью къ широкой тесьмѣ, опоясывающей кибитку посрединѣ и притомъ поверхъ войлока; такой „хошлупъ" или тесьма иногда, и притомъ довольно часто, употребляется въ двухъ экземплярахъ и имѣетъ въ длину 16, 18 и даже до 20 аршинъ. Хошлупъ, само собою разумѣется, ткется прекрасно, но служитъ очень недолго, такъ какъ постоянно подверженъ рѣзкимъ переходамъ отъ проливного дождя къ палящему солнечному зною и, конечно, быстро перегараетъ, такъ что цѣлыхъ 40 полныхъ рукъ пропадаютъ въ самое скорое время, при значительной стоимости ихъ 20—25 рублей. Плоха та кибитка, гдѣ нѣтъ у дверей занавѣса изъ войлока, простеганнаго искусными узорами съ наружной стороны; безъ занавѣса кибитка для калмыка смотритъ какъ-то неприглядно, да и тепла такого нѣтъ безъ него, такъ какъ на ночь онъ всегда опускается, да и зимою служитъ надежною защитою отъ холодныхъ вѣтровъ и метелей. Такимъ образомъ, мы видимъ, что обзавестись новою кибиткою для человѣка среднихъ достатковъ будетъ стоить отъ 125 до 150 рублей, т.-е. отнюдь не дешевле стоимости сносной избенки въ нашихъ степныхъ губерніяхъ; понятное дѣло, что цѣна эта возвышается, если только обзаводящійся хозяинъ богатъ, и иногда доходитъ до 500 и даже до 1,000 рублей, въ особенности если хозяинъ вздумаетъ не пожалѣть денегъ на внутреннее ея убранство.

Коли трудно сдѣлать весь матеріалъ для кибитки, то не легко и поставить ее на мѣсто: много для этого навыка нужно и ловкости, а то установишь кибитку не совсѣмъ прочно, не подгонишь совершенно правильно рѣшетки, да не плотно обтянешь кибитку хошлунами, такъ кибитка и выйдетъ, что изба безъ матицы. Бѣда, коли во время снѣжной бури снесетъ кибитку,—калмыкъ-то самъ выживетъ, но дѣти его, чуть не голыя, перемрутъ, какъ мухи. Для постановки кибитки въ четыре рабочія руки требуется не болѣе одного часа времени, и, если мы припомнимъ, что калмыкъ терпѣть не можетъ торопиться въ работѣ, то увидимъ, что работа эта совершается вообще быстро. Повелось уже изстари, вѣроятно, еще съ той поры, когда калмыки жили недалеко отъ Дзюнгаріи, чтобы ставить кибитку дверями на югъ, т.-е. въ ту сторону, гдѣ живетъ религіозный глава калмыковъ и вообще буддистовъ—Далай-Лама; теперь Тибетъ и Хьласса (Яласса) находятся отнюдь не на югѣ, а все-же калмыкъ ставитъ дверь свою на югъ, а зачастую даже и не знаетъ вовсе, почему онъ такъ дѣлаетъ, а дѣлаетъ лишь по привычкѣ, потому что и дѣды и отцы такъ дѣлали и ему дѣлать велѣли; а между тѣмъ сознательно или безсознательно, а все-же очи правовѣрныхъ калмыковъ поневолѣ устремлены въ священную сторону и оттуда ждутъ великихъ и богатыхъ милостей.

Такъ изготовляется и ставится отдѣльная кибитка, но вѣдь калмыки не составляютъ исключенія и живутъ не въ одиночку, а ютятся больше вмѣстѣ и образуютъ довольно значительныя сельбища или ,,хотоны", которые по большей части составляются изъ жилищъ членовъ одной разросшейся семьи; какъ-бы ни былъ бѣденъ отецъ, онъ ни за что не станетъ жить въ одной кибиткѣ со своими женатыми сыновьями, какъ ради того, чтобы избѣжать постоянной бабьей брани, такъ и потому, что такъ повелось изстари, съ той блаженной поры, когда Ойратскій народъ славился своею мощью ,,по всѣмъ Усунскимъ горамъ", т.-е. по Алтаю; въ силу установившагося обычая, каждый женатый сынъ строитъ себѣ отдѣльную кибитку, которую и обновляетъ лишь въ день своей свадьбы, такъ какъ раньше онъ не смѣетъ покинуть своего отца. Дочка ли подрастетъ у калмыка — сейчасъ ей новую кибитку поставятъ, чтобы было чѣмъ заманивать жениховъ, всегда охочихъ войти въ готовенькое логово; здѣсь живетъ дѣвушка вмѣстѣ со своими сестренками или же подругами, которыя побѣднѣе ея; другъ другу помогаютъ въ приготовленіи приданаго. Ясное дѣло, что сыновья-подростки и холостежь вовсе не нуждаются въ особомъ помѣщеніи, такъ какъ они почти все время находятся въ отлучкѣ то со стадами, то на работахъ по промысламъ; требовательности въ нихъ съ малолѣтства не развивается, а потому они и сумѣютъ укрыться гдѣ попало, чуть не подъ крапивнымъ кустомъ; а все-же, когда придетъ время обѣда, то вся семья сходится въ отцовскую кибитку и ѣстъ изъ общаго котла. Не спроста утвердился этотъ обычай у калмыковъ и имѣетъ ту хорошую сторону, что, благодаря ему, поддерживается въ семьѣ безусловное повиновеніе и полнѣйшее уваженіе къ отцу, какъ къ единой, всесильной главѣ семейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенная чистота нравовъ, съ которою ни въ какомъ случаѣ не можетъ сравниться наша пресловутая ,,деревенская чистота". Если бы даже сыновья, по матеріальному своему положенію, и не были принуждены пасти свой скотъ, то и въ этомъ случаѣ у нихъ всегда есть своя отдѣльная кибитка. Родичи всегда ютятся вокругъ отцовской или ,,большой", т.-е. старшей кибитки, которую разбиваютъ обыкновенно на верхушкѣ холма, посреди хотона, а отъ нея уже, въ обѣ стороны, идутъ полукругомъ кибитки остальныхъ членовъ семьи, при чемъ, однако, крайне придерживаются старшинства по роду, такъ что зачастую можно встрѣтить тотъ фактъ, что кибитка почти нищаго калмыка стоитъ ближе къ ,,хоту", т.-е. къ старшей кибиткѣ, и все лишь поэтому только, что нищій этотъ по родству ближе къ родовику, нежели богатые его сородичи.

Посмотримъ же теперь, какъ обставился калмыкъ внутри своего жилья и какую онъ вообще придумалъ на свою потребу утварь, такъ какъ по утвари можно опредѣлить скорѣе всего умственное развитіе человѣка. Едва-только мы растворимъ дверь, поднимемъ завѣсу,

какъ поневолѣ придется заткнуть плотнѣе носъ, такъ какъ запахъ гніющихъ и прѣющихъ войлоковъ, сильно закопченныхъ и просаленныхъ, совершенно одолѣваетъ свѣжаго человѣка; не мало усиливаютъ зловоніе разные скоро портящіеся припасы, массы собакъ, да и сама калмыцкая семья, которая, нельзя сказать, чтобы отличалась особенною чистоплотностью, и шубы семейскія пахнутъ такъ, что иногда удивляешься только, какъ это и чѣмъ только дышишь. По мѣрѣ увеличенія благосостоянія, усиливается, конечно, и стремленіе къ чистотѣ и опрятности, но, при всемъ даже желаніи жить сколько-нибудь порядочно, зачастую такое желаніе оказывается невыполнимымъ, такъ какъ именно проявленію этой чисто уже культурной черты противятся самыя условія быта кочевыхъ калмыковъ. Тоже сразу-то въ кибитку не войдешь—надо имѣть на это немалую сноровку, такъ какъ правою ногою переступишь черезъ высокій порогъ, да лѣвую-то и не думай переносить черезъ него, пока не нагнешься хорошенько да не просунешь всего согбеннаго своего туловища въ кибитку; попробуй-ка, сдѣлай—и носъ разобьешь, да и бѣду сдѣлаешь—порогъ выворотишь. Послѣ долгихъ страданій, наконецъ, посѣтитель входитъ внутрь кибитки, и вотъ первый предметъ, бросающійся ему въ глаза, есть громадный круглый треножникъ или таганъ — „тулга“, стоящій какъ-разъ посрединѣ жилья, а подъ нимъ то горящіе, то только дымящіеся кизяки, которые служатъ здѣсь службу топлива и нельзя сказать, чтобы уступали по производимому ими теплу добрымъ березовымъ дровамъ; развѣ только запахъ, распространяющійся отъ нихъ по жилью, выгонитъ непривычнаго человѣка изъ кибитки да наградитъ его такою головною болью, что онъ и жизни не радъ будетъ. Калмыки — великіе мастера производства кизяковъ, которые суть не что иное, какъ особый родъ топлива, приготовляемаго изъ помета нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, какъ то: лошадей, коровъ, верблюдовъ и овецъ; форма, придаваемая кизякамъ, обыкновенно—видъ круглой лепешки, а наилучшимъ по жару кизякомъ считается овечій. Безъ кизяка калмыкъ окончательно долженъ былъ бы пропасть, такъ какъ дровъ достать ему не откуда, соломы жалко, да и бурьяна-то наберешь двѣ — три охапки. Тутъ-же надъ таганомъ или подлѣ него стоятъ чугунные котлы съ ушками, счетомъ у богатыхъ цѣлыхъ три штуки, для кирпичнаго чая, для мяса и для выгонки спиртуознаго молочнаго напитка „аркэ“, который, послѣ Далай-Ламы, составляетъ для калмыка вещь наиболѣе священную въ мірѣ; понятное дѣло, что бѣдняку не осилить такого количества посуды, и онъ довольствуется всего лишь однимъ котелкомъ, благо желудокъ его не обидится, если въ чайномъ варѣ будутъ плавать „глазки“ изъ бараньяго сала. Металлическая посуда почти котлами и ограничивается, и какъ на сѣверѣ человѣкъ додумался до берестяной посуды, такъ и здѣсь онъ придумалъ дѣлать ее изъ кожи и сшивать просто конскими жилами; съ незапамятныхъ временъ ѣстъ онъ изъ этой посуды, и слѣдуетъ полагать, что эта послѣдняя не можетъ служить отличительнымъ признакомъ особенно высокой ступени культурности; положимъ, что дѣлать посуду изъ кожи не совсѣмъ-то культурно, а все-же слѣдуетъ сознаться, что оно вовсе не такъ первобытно и глупо, какъ можетъ показаться съ перваго раза: вѣчная кочевая жизнь, съ безконечными и притомъ съ чрезвычайно рѣзкими переходами въ температурѣ, должна была вызвать необходимость добыть посуду легкую, не ломкую, не разсыхающуюся и прочную, а таковою-то и представляется кожаная посуда; правда, трудно держать ее всегда чистою, но вѣдь не даромъ у калмыка сложилась пословица: „русскій глупый — рукъ не лижетъ“, и для него чистоплотность является чуть-ли не порокомъ. Что касается до всякаго рода кожаной посуды, то ея у калмыка не оберешься, такъ какъ и матеріалъ подходящій для ея выдѣлки у него подъ руками, да и сдѣлать ее не трудно. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о такъ-называемомъ „архытъ“, служащемъ для приготовленія кумыса и арьяна и походящемъ на четырехгранную большую бутыль, мѣрою иногда въ 5, 6 и даже 7 ведеръ. Для выдѣлки архыта употребляется обыкновенно сыромятная конская кожа, которая предварительно тщательно выскабливается особыми ножами-тупиками, и гладкая сторона ставится наружу иногда, но не особенно часто, встрѣчаются

у нѣкоторыхъ болѣе зажиточныхъ калмыковъ деревянныя высокія, въ родѣ обыкновенныхъ маслобоекъ, кадочки, которыя, служа тоже для приготовленія этихъ народныхъ напитковъ, съ успѣхомъ и не безъ пользы для народнаго здравія замѣняютъ собою крайне неопрятные архыты. Ужь всякій калмыкъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ сдѣлать нѣсколько разъ въ годъ „аркэ", выгоняемый тоже изъ молока, а потому ему и пришлось издавна подумать о томъ, чтобы какъ-нибудь сохранять эту утѣху его жизни отъ вліянія непомѣрно жгучихъ солнечныхъ лучей; для этой-то цѣли и служитъ калмыку особенная кожаная посуда, которая имѣетъ форму плоскихъ бутылокъ, вмѣстимостью въ $^1/_4$ и $^1/_2$ ведра; въ первомъ случаѣ такая кожаная бутыль называется „боробо", а во второмъ — „бортаго"; сдѣлать эту бутыль очень трудно, такъ какъ должны быть употреблены всѣ усилія для того, чтобы сшивки были совершенно прочны и не допускали прохода воздуха; стѣнки бутылки украшаются тиснеными на кожѣ узорами, а на горлышко надѣвается то серебряный, то посеребренный ободокъ, смотря по состоянію хозяина, который иногда расщедрится, да и ушки серебряныя велитъ придѣлать къ массивному бортаго. Тѣмъ бортаго хорошо, что удобно; хоть ты его въ кибиткѣ ставь на полъ, хоть вези его въ кочевку, перевѣсивъ черезъ луку сѣдла за ремешокъ, продѣтый въ ушки,—все равно: напитокъ и цѣлъ, и прохладенъ будетъ. Есть и ведра кожаныя у калмыковъ для ношенія воды и для доенія коровъ, но мало-по-малу эти ведра изгоняются желѣзными, которыя сильно таки идутъ въ степь изъ всѣхъ городовъ нижняго Поволжья. Деревянной посуды у калмыка маловато, но все-же и она начинаетъ съ нѣкоторыхъ поръ входить въ большее и большее употребленіе среди кочевниковъ; уже и теперь рѣшительно въ каждой кибиткѣ можно найти нѣсколько штукъ небольшихъ чашекъ—„гавла", выточенныхъ изъ дерева на образецъ обыкновенныхъ полоскательныхъ чашекъ; на видъ онѣ сдѣланы какими-то приземистыми, не особенно глубокими, но вовсе не безобразными, точены изъ кореньковаго дерева разныхъ породъ и обильно смазаны курдючьимъ саломъ ради того, чтобы онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли треснуть. Употребленіе этихъ чашекъ самое разнообразное; такъ что народъ побѣднѣе и ѣстъ, и пьетъ изъ нихъ все то, что употребляетъ въ пищу, тогда какъ люди побогаче имѣютъ особыя чашки для чая и особыя для употребленія разныхъ напитковъ. Чашки эти идутъ черезъ руки армянъ, которые продаютъ ихъ по рублю и по два, смотря по красотѣ выдѣлки; но нѣкоторые мастера изъ калмыковъ дошли до того, что при помощи простого ножа вырѣзаютъ такія-же чашки сами, а иногда дѣлаютъ ихъ даже и лучше покупныхъ, украшая разными рисунками и горельефами; обыкновенно ободокъ у этихъ чашекъ дѣлается металлическій; богачъ отдѣлываетъ свои чашки серебромъ, а бѣднякъ довольствуется и мѣдью, при чемъ ободокъ ставится не полный, чтобы не обжигать объ него губы. Едва лишь чай готовъ, какъ его переливаютъ изъ котла въ особую деревянную посуду — „домбо", которая имѣется, конечно, лишь у болѣе зажиточныхъ калмыковъ, тогда какъ люди менѣе состоятельные прямо переливаютъ его изъ котла въ чашки. Съ виду домбо не похоже на ту посуду, которая употребляется у насъ, но въ Западномъ краѣ можно встрѣтить нѣчто ему подобное въ тѣхъ сосудахъ, которые употребляются тамъ для носки воды; даже видъ у него какой-то вовсе не суразный: вытянулся онъ вверхъ почти на цѣлый аршинъ, дно его широкое, а кверху онъ становится все уже и уже; даже матеріалъ-то на него идетъ особый, такъ какъ дѣлается онъ изъ орѣховаго дерева; обручи нагоняютъ на него или желтомѣдные, или, если хозяинъ живетъ съ достаткомъ, расщедрится и на посеребренные; богачъ настоящій не жалѣетъ даже расхода и на чисто-серебряные обручи, благо посудина эта всегда на показѣ, а вѣдь не всякому же придетъ въ голову полюбопытствовать, что дѣлается внутри домбо; а внутри посудины далеко не аппетитно, такъ какъ вверху въ него вставлено второе дно, все пробуравленное маленькими дырочками для процѣживанія чая; что и говорить: дырочки свое дѣло исполняютъ и листьевъ чайныхъ внутрь не пропускаютъ, но за то вымыть домбо внутри нѣтъ рѣшительно никакой возможности, хотя-бы, собственно говоря, и не мѣшало.

Наконецъ, во всякой уже кибиткѣ найдется непремѣнно черпакъ, т.-е. ковшъ, служащій для разливанія варева изъ котла; онъ снабженъ длинною ручкою, смахиваетъ на обыкновенную нашу чумичку и у богатыхъ украшается серебрянымъ наборомъ. Вотъ и все, что подходитъ подъ общее понятіе утвари въ кибиткѣ обыкновеннаго калмыка; потребности его такъ не широки, что онъ вполнѣ довольствуется и этимъ незатѣйливымъ скарбомъ для того, чтобы кое-какъ прожить свою жизнь; но тѣмъ не менѣе въ каждой кибиткѣ найдется небольшой сундучекъ, а иногда и пара, гдѣ прячутся носильное платье, разный хламъ, а также и кое-какіе бурханы или божки, которыхъ доставляютъ калмыкамъ прямо изъ священнаго Тибета ихъ ламы. Спитъ калмыкъ по большей части прямо-таки на землѣ, подостлавши только подъ себя кое-какое старье, а то и овчину; но, при всей простотѣ устройства его ложа, калмыкъ вы-

Внутренній видъ калмыцкой кибитки.

соко ставитъ покой, а потому и устраиваетъ себѣ лежку въ самомъ почетномъ углу жилья, какъ-разъ напротивъ входныхъ дверей. Кое у кого найдется иногда скамейка, а иной модникъ успѣлъ даже и столъ завести; но духовенство, въ силу закона, установленнаго Дзонкавою, не имѣетъ права ни сидѣть, ни лежать высоко, для того, чтобы ламы не возмнили о себѣ, что они и въ нравственно-религіозномъ отношеніи высоки; понятное дѣло, что для богатыхъ людей законъ этотъ не писанъ, какъ потому, что они не духовенство, такъ еще и потому, что деньги и здѣсь сила великая, предъ которою и самъ Дзонкава бы преклонился.

Описавши обыкновенное жилье калмыцкое, мы должны представить и картину жилья болѣе зажиточнаго кочевника, для того, чтобы указать, въ чемъ именно отразилось на калмыцкомъ обиходѣ вліяніе культуры. Только подойдешь къ такому жилью, и уже видишь, что тутъ живетъ человѣкъ съ достаткомъ, такъ какъ и вокругъ-то него чисто, да и изъ него не несетъ разной дрянью; тутъ и войлока почище да рвани на нихъ куда поменьше; грязь въ

сторону сметена, и видно, что куча ея копится не особенно долго, а свозится куда-то изъ поселка; и на видъ-то войлока получше, такъ какъ легкая прожелть выдаетъ въ нихъ верблюжью шерсть, а это продуктъ не дешевый—куда подороже будетъ шерсти овечьей; кухня, во избѣжаніе вони и скопленія всякихъ нечистотъ, отнесена въ другую кибитку, на извѣстное разстояніе отъ жилья; все, однимъ словомъ, говоритъ намъ о томъ, что хозяинъ „вкусилъ отъ сосцовъ культурности", и вліяніе этихъ желанныхъ сосцовъ прежде всего и непосредственно сказалось на большей опрятности, а затѣмъ вызвало въ бытѣ калмыка и кое-что новое, небывалое... да вотъ хоть-бы начать съ его ложа, которое на этотъ разъ можетъ быть какъ угодно высоко, и святѣйшему Далай-Ламѣ оттого ни тепло, ни холодно! Какъ-разъ напротивъ входныхъ дверей поставлена досчатая лежанка, возвышающаяся надъ уровнемъ пола на три и четыре четверти; выведена эта лежанка съ такимъ расчетомъ, чтобы поближе къ стѣнѣ устроить кровать—„шиpя", и чтобы передъ кроватью оставалось достаточно мѣста для чего-то въ родѣ дивана, который образуется все тою-же площадкою; на этотъ диванъ кладутъ иногда тюфякъ или же просто-напросто войлочныя попоны и накрываютъ персидскимъ ковромъ, а по обоимъ бокамъ дивана укладываютъ болѣе или менѣе замысловатыя подушки, покрытыя цвѣтными плисовыми и шелковыми наволоками; иногда роль подушекъ справляетъ народное „дербокцо", которое представляетъ собою и удобства подушки, и въ то-же время служитъ на хозяйственную потребу тѣмъ, что туда суютъ хозяинъ съ хозяйкою разное бѣлье. Калмыкъ — плохой столяръ и плотникъ; не дала ему природа лѣса, а потому и не на чемъ было ему развить въ себѣ эти мастерства, но онъ все же сумѣлъ при посредствѣ ножа и пилы выдѣлывать такія вещи, которымъ позавидовалъ бы и рязанецъ и новгородецъ; да вотъ хотя-бы кровать свою смастерилъ онъ на-славу—на ремешкахъ какихъ-то да на подвѣсочкахъ; а какъ она устойчива и въ какой замысловатый, чисто-восточный узоръ пущены ея деревянныя части! Ясное дѣло, что не отъ одной лишь зажиточности хозяина зависитъ устройство и убранство кровати; такъ какъ иная калмычка съ врожденнымъ эстетическимъ вкусомъ такъ красиво уберетъ свое логово, что иной богатой никогда бы и не дойти ни до чего подобнаго; но, впрочемъ, калмычки и не знаютъ вовсе тѣхъ постелей, на которыхъ нѣжимся мы, такъ какъ всякіе пуховики и перины представляютъ для нихъ лишь лишнюю обузу и простыя верблюжьи попоны съ успѣхомъ замѣняютъ имъ наши громоздкія накладки; эти попоны иногда сдѣланы въ рисунокъ (дерблюджинъ), а мѣшки съ бѣльемъ и разнымъ хламомъ (дербокцо и кельбокцо) исправляютъ службу подушекъ; навалить только шубы и овчинъ замѣсто одѣялъ—и калмыцкая постель готова, такъ какъ остается лишь покрыть ее сверху, смотря по достаткамъ, ситцевымъ или шелковомъ покровомъ. Дерблюджинъ — штука не простая, а выдѣлывается искони вѣковъ не только по извѣстному фасону, но даже и по извѣстной мѣрѣ; разсчитываютъ обыкновенно такъ, чтобы онъ вышелъ не широкъ, но достаточно длиненъ для того, чтобы можно было его перекинуть между горбовъ верблюда и обвить имъ бока животнаго ради спасенія послѣднихъ отъ ссадинъ и и потерокъ; чаще всего на подѣлку дерблюджина идутъ три—четыре очень тонкіе войлока, которые накладываются другъ на друга, простегиваются въ болѣе или менѣе замысловатый узоръ и обшиваются по краямъ ярко-синимъ сукномъ. Мѣшки или укладки, которые въ калмыцкомъ быту, какъ мы уже сказали, замѣняютъ подушки, дѣлаются обыкновенно подлиннѣе, какъ для удобства укладки, такъ и потому, чтобы они занимали собою всю ширину дивана; донышки у нихъ круглыя и выдѣлываются или изъ цвѣтного плиса, или же изъ плотной шелковой шемаханской ткани, или же, наконецъ, изъ превосходно выдѣланной на манеръ замши кожи (мишина), или же, наконецъ, изъ шкуры молодыхъ жеребятъ (яргакъ), которую до такой степени артистически умѣютъ выдѣлывать калмыки; яргакъ зашивается шерсткою вверхъ и напоминаетъ внѣшнимъ видомъ своимъ наши вятскія тельи издѣлія. Чуть-чуть достаточный калмыкъ не поскупится для своихъ дербокцо купить парчи, а хозяйка обошьетъ ихъ еще разноцвѣтною шелковою тесь-

мою, серебромъ, а иногда и золотомъ изукраситъ — было бы чѣмъ ей передъ своими однохотонками похвастаться. Въ головы идетъ дербокцо, а кельбокцо лежитъ въ ногахъ. Убранство кровати, впрочемъ, на этомъ не оканчивается, и надъ нею устраивается еще нѣчто въ родѣ полога (оркикушче), который разнится отъ нашихъ пологовъ обычнаго мѣщанскаго пошиба тѣмъ, что кромѣ боковъ его (юмнарчи) и верхъ сдѣланъ изъ той же матеріи; какъ знать, но легко быть можетъ, что наши полога вовсе не арійскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что на Западѣ мы ихъ почти вовсе не встрѣчаемъ и находимъ, напротивъ того, въ Венгріи и Финляндіи. Верхъ полога съ трехъ наружныхъ сторонъ обшивается обыкновенно довольно широкою оборкою, которую запасливая и умѣлая калмычка всегда ухитряется сдѣлать покрасивѣе и позамысловатѣе; оборка по большей части обшивается бумажною бахромою или серебрянымъ галуномъ, смотря по тому, изъ чего оборка сама сдѣлана — изъ ситца или изъ кавказскаго шелка. Что касается до юмнарчи, то сзади и съ боковъ они достаютъ только до верха кровати, тогда какъ спереди тянутся до самаго пола и если ихъ раздвинуть, то могутъ драпироваться очень красиво, тѣмъ болѣе, что верхъ полога на шнуркахъ приподнимается вверхъ до самыхъ ушекъ. Если все это хорошо слажено, то логовище калмыковъ представляетъ очень изящный видъ и немало украшаетъ непривлекательное безъ этого жилье кочевника. Чаще всего полога дѣлаются изъ желтаго и краснаго ситцевъ, которые такъ-таки и выдѣлываются подъ Москвою „на калмыцкую руку", при чемъ на нихъ пускаютъ огромныхъ размѣровъ цвѣты и разводы; но иногда для той-же цѣли употребляютъ красный кумачъ, отороченный бѣлою бахромою, канаусъ и даже штофъ у богачей первой статьи, обладающихъ большими стадами лошадей, верблюдовъ и овецъ.

Не будучи знакомымъ съ калмыцкими обычаями, лучше и не соваться въ ихъ среду, такъ какъ сейчасъ совершишь что-нибудь непринятое у нихъ, даже неприличное; да вотъ, хотя-бы, напримѣръ: на основаніи принятаго у калмыковъ этикета, правая сторона считается несомнѣнно почетнѣе лѣвой и, если случится, что какой-нибудь хозяинъ-калмыкъ предложитъ вамъ сѣсть по правую его сторону, то этимъ онъ видимо хочетъ оказать вамъ особый почетъ и отличить васъ отъ своихъ обычныхъ посѣтителей; вы такимъ образомъ отличаетесь имъ въ этомъ случаѣ больше духовенства и зайсанговъ, такъ какъ они, хотя и сидятъ по правую отъ него руку, но отнюдь не на диванѣ, а на особомъ почетномъ коврикѣ, который носитъ названіе— „ширдыкъ"; на лѣвой сторонѣ сидятъ обыкновенно члены семьи, родственники и такіе гости, которымъ хозяева не считаютъ нужнымъ оказывать какой-либо особый почетъ; наконецъ, прислуга всегда стоитъ у самыхъ дверей и до такой степени вышколена, что могла бы служить примѣромъ даже нашимъ хваленымъ татарамъ. Всякому предмету калмыцкой омеблировки назначено подобающее ему по принятому обычаю мѣсто, и въ ряду этихъ предметовъ, несомнѣнно, первое, т.-е. наиболѣе важное мѣсто принадлежитъ той странной на непривычный взглядъ трехъэтажной этажеркѣ, которая носитъ названіе „кюрде" и играетъ такую громадную роль въ жизни каждаго калмыка. Съ виду кюрде представляетъ собою дѣйствительно нѣчто въ родѣ трехполочной этажерки, при чемъ между полками помѣщаются вращающіеся барабаны, на наружной сторонѣ которыхъ самымъ вычурнымъ тибетскимъ письмомъ выгравирована великая молитва буддистовъ: „ом-ма-ни пад-ме-хумъ". Слѣдуетъ отдать полную справедливость нашимъ калмыкамъ: они вообще къ своимъ религіознымъ дѣламъ относятся чрезвычайно просто и потому, зная напередъ, что спастись невозможно ни въ какомъ случаѣ, если въ теченіе своей жизни не прочесть этой молитвы сто милліоновъ разъ, они, при помощи своего духовенства, придумали цѣлую массу средствъ для того, чтобы такъ или иначе поднадуть легковѣрнаго Шакія-Муни или Будду; кюрде и представляетъ собою одно изъ подобныхъ средствъ и притомъ устроено чрезвычайно удобно: по закону, молитва должна быть произносима предъ лицомъ Будды, а слѣдовательно она должна быть прежде всего написана на видимой сторонѣ валовъ кюрде; Буддѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что находится внутри этихъ

валовъ, а на этомъ-то его и ловятъ хитроумные калмыки, такъ какъ все пустое пространство въ валахъ туго-натуго набито мелкими лоскутками бумаги и на каждомъ изъ такихъ лоскутковъ та-же молитва написана тѣми-же буквами; Будда-то воображаетъ, что слова молитвы только разъ „достигли лица его", а между тѣмъ при каждомъ оборотѣ молитва проходитъ предъ лицомъ его, быть можетъ, цѣлую тысячу разъ; не бѣда, если ревностный его поклонникъ лежитъ на боку въ это время и отдыхаетъ или даже обрѣтается въ сладкой дремотѣ,— молитва прошла предъ лицомъ Будды 1,000 разъ, а это уже хорошая заручка у богоподобнаго угодника. Ясное дѣло, что при помощи такихъ ухищреній чуть-ли не всякій калмыкъ успѣетъ въ теченіе своей жизни заслужить спасеніе, а потому калмыки и удивляются, что въ раю есть еще мѣсто новымъ поколѣніямъ. Говоритъ-ли съ вами калмыкъ о стадахъ своихъ, пьетъ-ли съ вами чай—все онъ ручку своего кюрде вертитъ, чтобы Шакія-Муни зналъ, что онъ всегда находится предъ лицомъ его. Кюрде стоитъ обыкновенно у самаго изголовья кровати, а подлѣ него устанавливаются одинъ на другой два сундука, въ которые складывается обыкновенно вся рухлядь хозяина и которые покрываются для красы персидскимъ ковромъ, да кстати еще и потому, что на сундуки эти ставится низенькій столикъ (арсланъ-шире), на которомъ помѣщается цѣлый рядъ божковъ, то красующихся на немъ въ открытую, то запрятанные бережливымъ и уходчивымъ хозяиномъ въ походныя кіотки, какъ для порядка, такъ и во избѣжаніе непріятной для боговъ, какъ и для людей, пыли и грязи. Передъ этимъ столикомъ устанавливается низенькая, длинненькая скамеечка (такеланъ-шире), а на ней — цѣлый рядъ серебряныхъ, а за недостаткомъ—и мѣдныхъ небольшихъ плоскихъ чашечекъ (такеланъ-цекце), куда всякій порядочный человѣкъ, приходящій въ кибитку, не преминетъ опустить то бубликъ, то конфетку, то кусочекъ баранинки, въ видѣ жертвы богамъ; ясное дѣло, что не дремлетъ и хозяинъ и чашечки эти вѣчно бываютъ наполнены всякимъ добромъ, которое скоро плѣсневѣетъ и портится, если только боги не скушаютъ то, что имъ принесено въ жертву, а такіе случаи бываютъ почти постоянно, въ особенности въ тѣхъ кибиткахъ, гдѣ есть дѣти или куда придетъ для подачи благословенія лама, — очень ужь боги и угодникъ Шакія-Муни любятъ дѣтей и ламъ, такъ что когда боги, бываетъ, разгнѣваются на человѣка и отказываются долгое время отъ принятія жертвъ, то посѣщенный божьимъ гнѣвомъ всенепремѣнно обращается къ ламѣ или же проситъ дѣтей, и едва-лишь успѣетъ выйти на минуту изъ комнаты, какъ боги и смѣнятъ гнѣвъ на милость и покушаютъ отъ даровъ его. И странное дѣло! боги любятъ все то, что повкуснѣе и послаще, напр. „шага-чимченъ", фрукты разные, сладкій чай и т. п.; не отказываются они и отъ куренья, но табаку не потребляютъ, а любятъ, чтобы въ одной изъ такеланъ-цекце непремѣнно стояла благовонная, курительная свѣчка, сдѣланная изъ сандала, можжевеловыхъ ягодъ и разныхъ ароматическихъ травъ. Кромѣ бурхановъ, по стѣнамъ кибитки развѣшиваются обыкновенно изображенія разныхъ святыхъ, сдѣланныя красками и золотомъ, и тогда весь этотъ уголъ, посвященный культу, носитъ названіе — „большой баранъ" въ отличіе отъ „малаго барана", который помѣщается на правой стѣнѣ кибитки и состоитъ изъ какого-либо изображенія святого; тутъ, подъ малымъ бараномъ, помѣщается такъ-называемый „уруидукъ" — небольшая постель или дѣтская постель, на которой однако дѣти не спятъ почти никогда и которая стоитъ въ кибиткѣ чисто лишь для красы; дальше устанавливаются одинъ на другой разнокалиберные сундуки, обыкновенно покрытые персидскимъ же ковромъ. Лучшая посуда укладывается обыкновенно въ особый сундукъ или „юкюкъ", который съ нѣкоторыхъ поръ съ успѣхомъ сталъ замѣняться нашимъ дорожнымъ погребцомъ московской подѣлки; наконецъ, уже у самыхъ дверей глаза наблюдателя встрѣтятъ бурдюки съ кумысомъ и арьяномъ, бортого съ арке и даже части баранины. Полъ кибитки или, вѣрнѣе, земля устлана сплошь войлоками и коврами, вслѣдствіе чего непрошенныхъ насѣкомыхъ въ жильѣ калмыка такое непомѣрное количество, что они рѣшительно обсыпаютъ свѣжаго захожаго человѣка, тогда какъ туземцы успѣли уже обтерпѣться и не замѣчаютъ даже ихъ

укусовъ, да и они-то сами какъ-то будто-бы неохотно нападаютъ на туземцевъ — видно, прiѣсться успѣли. Но вся эта кажущаяся разница въ жильѣ и его устройствѣ у богатаго и бѣднаго калмыка рѣзко бросается въ глаза только лишь лѣтомъ, такъ какъ зимою все это убранство приходится попрятать и постараться лишь какъ-нибудь укрыться отъ стужи и мятели; правда, что у богатаго больше найдется шубъ и овчинъ, въ которыя онъ можетъ завернуться, но все-же и богатому калмыку „зиму прожить—не блоху поймать", какъ говорятъ они сами.

Уже изъ того немногаго, что мы сообщили о калмыкахъ, становится яснымъ, что жить имъ куда хуже нашихъ русскихъ крестьянъ, а между тѣмъ все-же они питаются много лучше нашего мужика и именно въ томъ отношенiи, что потребляютъ гораздо больше мяса и молочной пищи. Прежде всего, калмыкъ постовъ въ смыслѣ питанiя жерновами и разнымъ сырьемъ совершенно не признаетъ, хотя ради того, чтобы угодить богамъ и ихъ любимому угоднику Шакiя-Муни, и считаетъ необходимымъ соблюдать постъ или „мацакъ" каждое 8, 15 и 30 число мѣсяца; но въ томъ-то и дѣло, что этотъ калмыцкiй мацакъ гораздо рацiональнѣе нашихъ постовъ, такъ какъ состоитъ не въ томъ, чтобы напихивать въ желудокъ неудобоперевариваемыя вещи, а въ томъ, чтобы въ эти дни совершенно воздерживаться отъ пищи и питья; въ силу этого у калмыковъ пища и не дѣлится на постную и скоромную, да не существуетъ также и дѣленiя пищи на праздничную и будничную, такъ какъ для калмыка въ году есть всего лишь четыре праздника; неохотливъ онъ „гулять" по той простой причинѣ, что еслибы онъ попробовалъ такъ „погулять", какъ гуляетъ русскiй человѣкъ, то завтра онъ очутился бы, пожалуй, совершеннымъ нищимъ; правда, и они тоже люди, а слѣдовательно и у нихъ должны быть, да и въ самомъ дѣлѣ бываютъ, всякiя родины, крестины, свадьбы и т. п., но тутъ вся разница лишь въ количествѣ наготовленнаго и предлагаемаго къ съѣденiю, а не въ особенностяхъ самого приготовленiя. Прежде всего мы должны установить тотъ фактъ, что калмыки, какъ и большинство иныхъ кочевниковъ — великiе любители всякаго мяса, въ какомъ-бы видѣ оно ни было изготовлено (маханъ); тутъ калмыкъ и вовсе уже не разборчивъ, такъ какъ не станетъ ѣсть только лишь хищныхъ животныхъ и птицъ, а всему остальному ходячему и летячему онъ спуску не даетъ и потому мясо у него на столѣ каждый день и зачастую даже въ изобилiи; только духовенство не можетъ ѣсть конины, а простые смертные съ одинаковымъ апетитомъ кушаютъ сайгу и крысу, зуйка и фазана, да еще стараются не выпустить изъ убитаго животнаго всей крови, такъ какъ обрѣтаются въ полной увѣренности, что въ такомъ видѣ маханина гораздо вкуснѣе и питательнѣе. Какъ только ни готовятъ они мясо! И варятъ они его, и вялятъ, и пекутъ, и колбасы изъ него превкусныя впрокъ заготовляютъ; но одно обстоятельство у нихъ странно и бросится непремѣнно всякому стороннему наблюдателю въ глаза—они никогда не жарятъ мяса и совершенно чистосердечно удивляются, когда люди въ ихъ глазахъ ѣдятъ жареное мясо. Кухня калмыковъ далеко не замысловата, и „шюлюномъ", напримѣръ, или супомъ они называютъ просто ту воду, въ которой варилось

Борьба калмыковъ.

мясо; да и вообще они—отъявленные враги всякихъ приправъ, кромѣ соли, такъ какъ твердо убѣждены, что приправы только портятъ вкусъ мяса; шюлюнъ они ѣдятъ прямо деревянными чашками, а потомъ уже разрѣзаютъ на куски мясо и ѣдятъ его безъ соли, причемъ самыми деликатными кусками считаются грудина и хрящеватыя части. Ясное дѣло, что зимою рѣже приходится рѣзать скотину, такъ какъ весь скотъ, оставленный на зиму, представляетъ собою животныхъ, пущенныхъ на племя, а потому калмыкъ и ухитрился придумать средство сохранять маханъ впрокъ; для этого филейную часть, подреберье и вообще всѣ болѣе мясистыя части калмычки рѣжутъ тонкими, лентообразными кусками, дѣлаютъ поперекъ этихъ кусковъ надрѣзы для того, чтобы ленты не свернулись отъ жары, и затѣмъ, обмокнувъ въ сильный разсолъ, вялятъ на солнцѣ; эти мясные запасы (борцо) укладываются затѣмъ въ ледники (уто) и свободно сохраняются въ теченіе всей зимы, безъ малѣйшей порчи. Всякій калмыкъ озарится улыбкою наслажденія, когда увидитъ любимую свою закуску—а именно провяленную и прокопченную баранью грудинку, да она и въ самомъ дѣлѣ очень вкусна, а если еще къ тому же взята изъ молоденькаго барашка, то не грѣхъ-бы подать ее и за нашими обѣдами; иное дѣло вареное мясо, такъ какъ нашему брату зачастую не съѣсть ни кусочка въ виду того, что калмыки, смѣло надѣясь на свои зубы и боясь потерять хотя-бы каплю питательнаго сока, никогда не варятъ мясо до конца, а оставляютъ его въ просырь; напротивъ того, въ колбасы идетъ мясо нѣсколько протухшееся, но калмыкъ не обращаетъ на это послѣднее обстоятельство ровно никакого вниманія и съ одинаковымъ наслажденіемъ поѣдаетъ какъ „чиксынъ-маханъ", т.-е. колбасы изъ говядины и баранины, такъ и „гасиликсынъ-халсынъ", иначе колбасы изъ конскаго мяса. Если калмыки и калмычки умѣютъ обращаться съ мясомъ, то въ особенности искусны они и разнообразны въ произведеніяхъ изъ молока; прежде всего слѣдуетъ оговориться, что они сбиваютъ масло и высоко цѣнятъ его, если оно хорошо сдѣлано; особыхъ маслобоекъ не полагается, а сбивается масло въ архытахъ или кожаныхъ ведрахъ деревянною мутовкою, на концѣ которой прикрѣпленъ деревянный кружокъ съ дырочками, которыя просверлены для стока отбоины и юраги; эта-то юрага, между прочимъ, играетъ громаднѣйшую роль во всякомъ калмыцкомъ хозяйствѣ, такъ какъ она подъ именемъ „арьяна" составляетъ сытный и далеко не противный прохладительный напитокъ для всякаго, мучимаго жаждою; пьютъ этотъ арьянъ и такъ, и этакъ: или на полчашки арьяна наливаютъ холоднаго коровьяго молока, и тогда напитокъ получаетъ названіе „семдыкъ", или же на то-же количество арьяна подливаютъ уже парного молока, и тогда получается „кююрцюкъ", гдѣ внизу, на днѣ чашки, сами собою образуются шарики и кусочки творогу, который въ глазахъ всякаго калмыка имѣетъ особую цѣнность. Сыръ калмыцкій нравится очень и русскимъ обитателямъ Волжскаго понизовья; дѣлается онъ изъ овечьяго молока, питателенъ и очень вкусенъ, но въ томъ-то и бѣда, что не всякому калмыку онъ по достаткамъ, хотя всякій кочевникъ и лакомится „зызге" по праздникамъ; за то ужь на кумысъ удержа нѣтъ никакого, и всякій калмыкъ пьетъ его вволю. „Чуганъ" дѣлаютъ въ каждомъ, даже и небольшомъ хозяйствѣ, и притомъ употребляютъ для этого какъ кобылье, такъ и коровье молоко. Прежде всего запасливая хозяйка сливаетъ запасаемое молоко въ кожаный архытъ и даетъ ему отстояться и закиснуть, отъ времени до времени, по возможности, почаще помѣшивая въ архытѣ мутовкою съ цѣльнымъ кружкомъ на концѣ. Не мудреное это дѣло, но не всякая калмычка умѣетъ сдѣлать хорошій кумысъ, какъ и у насъ не всякая хозяйка умѣетъ сварить хорошій чай. Свѣжій кумысъ можно пить, совершенно не ощущая никакого опьянѣнія, но черезъ три дня по изготовкѣ онъ пріобрѣтаетъ уже опьяняющія свойства и въ особенности сильно дѣйствуетъ на людей слабыхъ, не пьющихъ и больныхъ. Иное дѣло выгонка и производство „арке" или молочного вина, которымъ любители напиваются нисколько не менѣе, нежели нашъ русскій человѣкъ водкой; производство этого національнаго напитка требуетъ особаго умѣнья, такъ какъ тутъ употребляются и особые снаряды, да и особые пріемы, которые, несомнѣнно, похожи на тѣ,

которые можно наблюдать на обыкновенныхъ пивоваренныхъ заводахъ, но все-же носятъ свой, присущій калмыцкому быту, отпечатокъ; прежде всего поступаютъ такимъ образомъ, что въ чугунный котелъ наливаютъ не дополна парного молока и ставятъ котелъ на умѣренный огонь, причемъ сортъ молока совершенно ничего не значитъ, такъ какъ на выгонку съ равнымъ успѣхомъ употребляется какъ кобылье, такъ и коровье и овечье молоко; когда все молоко влито, то котелъ вплотную закрываютъ деревянною крышкою, причемъ не стараются совершенно удалить соприкосновеніе внѣшняго воздуха съ варевомъ, а, напротивъ того, въ самой крышкѣ сдѣлана дырка, пальца въ четыре ширины, которая имѣетъ свое спеціальное назначеніе. Едва изъ большого отверстія покажется паръ, освобождающійся вслѣдствіе кипѣнія, какъ въ отверстіе вставляютъ колѣнчатую трубку, черезъ которую продуктъ выгонки долженъ перейти въ другой сосудъ; трубка эта обертывается тряпками, которыя во все время перегонки обильно смачиваются водою. Обыкновенный выходъ аркэ таковъ, что ведро молока даетъ около 3 штофовъ этого калмыцкаго нектара, который вообще имѣетъ нѣсколько сывороточный вкусъ и бѣловатъ на видъ; слѣдуетъ отдать полную справедливость калмыкамъ—ихъ водка вкуснѣе нашей, а главное, хотя она и очень скоро охмѣляетъ, но за то скоро и выходитъ изъ головы и, повидимому, не оставляетъ дурныхъ для здоровья послѣдствій. Мало, однако, показалось калмыку имѣть возможность упиться вкуснымъ и не вреднымъ аркэ, и онъ придумалъ подвергнуть этотъ напитокъ новой перегонкѣ; послѣ второй перегонки аркэ становится уже ,,арза", и, конечно, дѣлается гораздо крѣпче. Спиртъ или продуктъ третьей перегонки носитъ названіе ,,харзо", а изъ него гонятъ еще и двойной спиртъ—,,хорунъ", т.-е. ядъ, который однако калмыки не пьютъ, а держатъ какъ лѣкарство. При измѣреніи спиртуозности оказалось, что аркэ даетъ всего лишь 12—16° по Траллесу, арза 24 до 30, харзо 50—60 и хорунъ до 96 по Траллесу. Уже харзо чистякомъ не употребляется, а подливается всего чаще въ кумысъ, которому и сообщаетъ нѣкоторую пикантность и большую хмѣльность. Ясное дѣло, что при выгонкѣ аркэ не все молоко уходитъ чрезъ рукавъ, и на днѣ чугуна остается особое творогообразное вещество—,,бозо", изъ котораго калмыки дѣлаютъ очень вкусный и острый сыръ, нѣсколько кисловатенькій, а на видъ желтовато-сѣрый, смахивающій видимостью на рокфоръ (куртъ-хурсунъ); замѣчательно, что, по словамъ калмыковъ, сыръ этотъ превосходно утоляетъ самую злую жажду, и потому ни одинъ кочевникъ не преминетъ захватить его съ собою въ путь или въ перекочевку. Когда бозо еще горячо, то въ него вливаютъ холоднаго молока, и тогда на поверхность всплывутъ кусочки творога, который обладаетъ такими питательными свойствами, что калмыки называютъ его—,,маханъ-семдыкхъ"; сушеное въ катышкахъ бозо даетъ новый видъ сыра—,,шюярмыкъ". Цѣлыхъ три времени года питается калмыкъ исключительно молочною пищею и только зимою питается мясомъ; коли не хватитъ махана, калмыкъ не задумается ни на минуту, нальетъ въ котелокъ воды и вскипятитъ ее съ горсточкою муки и шюярмыка—изъ всего этого выйдетъ супъ такой, какой русскій человѣкъ ѣстъ только лишь развѣ въ праздники (буданъ), и калмыкъ и самъ, и со всею своею семьею, находится такимъ образомъ въ полной зависимости отъ того, сколько у него есть дойныхъ животныхъ. Немалымъ подспорьемъ для калмыка является и чай, да не тотъ чай, который развѣшивается фунтами и является въ Петербургѣ подъ именемъ ,,байховаго", а чай ,,кирпичный", называемый русскими торговцами ,,калмыцкимъ", а калмыками—,,ця"; варятъ его попросту, безъ затѣй, а именно порточнымъ ножомъ отрѣжутъ кусочекъ отъ кирпича, бросятъ его въ кипящую жидкость ковшомъ, пока она не окрасится въ коричнево-буроватый цвѣтъ; когда чай готовъ, то все дѣло зависитъ уже отъ вкуса, такъ какъ иной маслица подкинетъ, иной посолитъ, третій плеснетъ молочка, а четвертый такъ и мясца подкинетъ малость, такъ какъ ему ничто въ чаю не претитъ, и въ томъ лишь и бѣда, что чаю-то не всегда можно раздобыться за недостаткомъ средствъ и потому, что купцы съ году на годъ все болѣе и болѣе дорожатся. Дѣлать нечего, приходится одни и тѣ-же листья варить два и даже три раза, всякій разъ под-

кидывая чуточку и новенькаго чайку; все это укладывается въ тряпицу и опускается въ кипятокъ осторожненько, чтобы годилось и на слѣдующій разъ; однако и такъ-то чаю попить не всегда удается, и приходится калмыку стараться хотя и не совсѣмъ замѣнить этотъ спасительный напитокъ, то подбавлять въ него такія травы, которыя отчасти могли бы замѣнить чай; тутъ уже всякая труха годится, а главнымъ образомъ идетъ на эту потребу корень коневьяго щавеля („хурсунъ-чикинъ", по-лат. Rumex acutum), вѣтки дикой ежевики (беэльдженеріэ" — Rubus fruticosus), солодоника („люкунъ" — Rheum palmatum), листья бада (Saxifraga crassifolia) или цыкорія (Leontodon taraxacum); все это добрая хозяйка высушитъ, да и сыплетъ не жалѣючи въ котелокъ, благо—не купленное. Коли случится когда семейное торжество или праздникъ годовой, калмычка не преминетъ побаловать своихъ семейскихъ „хахмытъ-боорцукомъ", т.-е. просто-напросто вытянутымъ въ видѣ длинныхъ и толстыхъ кусковъ пшеничнымъ тѣстомъ, поджареннымъ въ бараньемъ салѣ, или же „бурумомъ", т.-е. молочными, поджаренными въ салѣ, аладьями; коли на боорцукъ взята ржаная мука, такъ онъ просто и называется, безъ приставки „хахмытъ", а коли взять боорцукъ да изрубить его вмѣстѣ съ курдючнымъ саломъ да запечь въ золѣ, такъ получится „булсунъ-гулыръ", при напоминаніи о которомъ калмыкъ и мертвый вскочитъ изъ гроба.

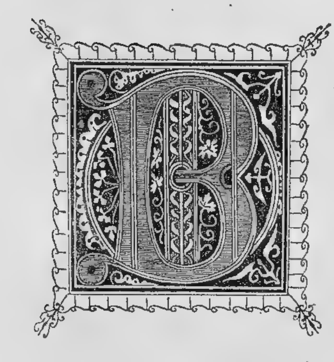
Вотъ какъ жилъ и живетъ до сихъ поръ калмыкъ, живетъ оторванный совершенно отъ своихъ сородичей, пожалуй что и довольный своею судьбою, по крайней мѣрѣ никогда на нее не жалующійся, честный, выносливый, трудолюбивый, способный, но бѣдный, неразвитый, косный, грязный и чурающійся прогресса. Правда, что прогрессъ этотъ является предъ нимъ въ видѣ ни къ чему не ведущихъ „приказовъ" свыше, и онъ всегда готовъ принять тотъ продуктъ культурности, который ему не на вредъ, а на пользу, но въ томъ-то и бѣда, что всѣ смотрятъ на него, какъ на дикаря, около котораго можно и даже должно поживиться, никто не подойдетъ къ нему такъ, какъ слѣдуетъ, никто не испробуетъ постепенно перевести его отъ кочевого быта къ осѣдлому, безъ скачковъ, а постепенно улучшая скотоводство и пріучая калмыковъ къ дѣлу облѣсенія и обводненія степи и къ заготовкѣ сухого корма на зиму. А еслибы именно въ этомъ направленіи стали дѣйствовать, то пріобрѣла бы Россія новую народную силу, которая могла бы принести нашей отчизнѣ громадную пользу; только испробовавъ это постепенное культивированіе калмыковъ, можно будетъ окончательно рѣшить вопросъ о томъ, суждено ли этому народу окончательно вымереть или же онъ призванъ къ дальнѣйшему совершенствованію и ко вступленію въ семью культурныхъ народовъ.

В. Н. Корніевскій.

ОЧЕРКЪ X.

ВНУТРЕННЯЯ ИЛИ БУКѢЕВСКАЯ ОРДА.

Мѣстность и ея свойства.—Поселенія и кочевки.—Административное раздѣленіе.—Исторія.—Бытъ киргизовъ внутренней орды.—Торговля и промышленность.—Исторія орды.



НУТРЕННЯЯ или Букѣевская орда занимаетъ обширное пространство между землями Уральскаго войска, на востокѣ, Самарской губерніей на сѣверѣ, уѣздами: Царевскимъ, Енотаевскимъ, Черноярскимъ и Астраханскимъ, Астраханской губерніи на сѣверо-западѣ и западѣ и Каспійскимъ моремъ на югѣ. Пространство занятыхъ ордою мѣстностей опредѣляется приблизительно въ 1,040 квадратныхъ миль или 51,000 квадр. верстъ. Отъ Волги земли внутренней орды отдѣляются землями калмыковъ и Кундровскихъ татаръ. Главный центръ площади, занимаемой Букѣевцами, составляютъ такъ-называемые Рынъ или Нарынъ-Пески, простирающіеся въ восточномъ и юго-восточномъ направленіи до полутораста слишкомъ верстъ, при ширинѣ залеганія отъ двадцати до сорока верстъ. Площадь ихъ состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ отъ трехъ до шести саженъ высотою, между которыми расположены глубокія и широкія долины, покрытыя хорошими кормовыми травами. Форма этихъ песчаныхъ бугровъ конусообразная съ тупыми, закругленными и ровными вершинами, скаты же ихъ волнообразные и покрыты такого свойства сыпучимъ пескомъ, что вѣтры безпрестанно измѣняютъ форму бугровъ, а иногда и совсѣмъ переносятъ ихъ на другое мѣсто. Песокъ этотъ изъ-красна-желтаго цвѣта, чистъ и содержитъ въ себѣ морскія раковины. Верхніе слои его сухи, но подъ аршиномъ въ глубину идетъ сырой песокъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ становится сырѣе и мокрѣе и затѣмъ проступаетъ красная вода, такъ что стоитъ вырыть яму въ два, въ три фута глубиной, чтобы въ теченіе самаго короткаго времени туда набѣжала свѣжая и вкусная вода. Эти копани или колодцы роются повсемѣстно киргизами для водопоевъ ихъ многочисленныхъ стадъ. Поверхность Рынъ-Песковъ представляетъ множество продолговатыхъ холмовъ неправильнаго очертанія, между рядами которыхъ залегаютъ площади отъ двухъ до пяти квадратныхъ верстъ, покрытыхъ пастбищами. Древесная растительность въ пескахъ ограничивается тощимъ кустарникомъ, порослями тальниковъ и камышей. Въ прежнее время здѣсь росли даже значительные лѣса, истребленные кочевниками, вслѣдствіе чего пески, переносимые съ мѣста на мѣсто вѣтрами, стали засыпать плодо

родныя площади; такъ, поселеніе Ханская Ставка годъ отъ году заносится пѣскомъ и вѣроятно вскорѣ сдѣлается отъ того неудобнымъ для обитанія. Рынъ-Пески раздѣляются киргизами на двѣнадцать урочищъ, въ которыхъ кочуютъ они со своими стадами. Лѣтомъ и весною, въ долинахъ между буграми скотъ ихъ находитъ отличный кормъ зимою же бугры эти укрываютъ его отъ вьюгъ и непогодъ. Вообще же Рынъ-Пески считаются лучшимъ кочевьемъ въ цѣлой Букѣевской ордѣ. Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Рынъ-Песковъ, мѣстность состоитъ преимущественно изъ солончаковъ, лѣтомъ совершенно высыхающихъ. Все это пространство пересѣчено оврагами, въ которыхъ весною образуются ручьи и растетъ хорошая трава. Здѣсь встрѣчаются такъ-называемые Хаки или грязи; такъ, изъ одного такого Хака, Ахалъ-соръ, вытекаетъ рѣчка Джаманъ-ащи-сой или Горькая, притокъ рѣки Тургуна. Къ западу отъ Рынъ-

Киргизъ.

Женщина-киргизка.

Песковъ лежатъ также значительные солончаки и Хаки, изъ коихъ самый большой имѣетъ до шестидесяти верстъ длины и отъ пятнадцати до двадцатипяти верстъ въ ширину и къ тому же нигдѣ непроходимъ. Къ югу отъ Рынъ-Песковъ до Каспійскаго моря простирается голая песчаная равнина, лишенная мѣстами растительности. Здѣсь, въ разныхъ направленіяхъ, проходятъ песчаные холмы, называемые туземцами барханами. Кромѣ того, въ западной части этой пустынной мѣстности поднимаются въ разныхъ мѣстахъ уединенно стоящіе холмы или горы, между которыми болѣе замѣчательны гора Чапчачи, Малый Богдо, Арзаргаръ, Бишъ-тау и другія. Гора Чапчачи лежитъ на самой границѣ Енотаевскаго уѣзда, представляется группою невысокихъ холмовъ, имѣющихъ до семидесяти двухъ футъ высоты. Холмы эти состоятъ преимущественно изъ гипса, въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ, также изъ плитняка, между которымъ попадаются плитки бураго желѣзняка. Въ особенности большой экономическій для здѣшняго края интересъ представляетъ небольшой холмъ, заключающій въ себѣ громадный

слитокъ каменной соли, превосходнаго качества и чистоты, которая и разрабатывается кочевниками. Поверхность соли гладка и кажется волнистою, причемъ она чрезвычайно плотна. Соляной пластъ толщиною отъ пяти до десяти футъ, сверху онъ покрытъ наносною глиною, а подъ нимъ залегаетъ желтый песокъ. Предполагаютъ, что всей чистой соли въ холмѣ заключается до семнадцати милліоновъ пудовъ. Холмы Бишъ-тау представляютъ собою двѣ возвышенности, имѣющія около ста футъ высоты, въ долинѣ между холмами находятся два источника—Акстюбе и Айсысоръ,—чрезвычайно уважаемые киргизами. Холмы Арзагаръ имѣютъ протяженіе до двадцати пяти верстъ, при ширинѣ отъ пяти до шести верстъ, простираясь отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Они представляютъ собою рядъ гипсовыхъ холмовъ до семидесяти числомъ, лежащихъ другъ отъ друга въ разныхъ разстояніяхъ и имѣющихъ различную величину, причемъ самый значительный изъ нихъ возвышается не болѣе

Киргизы и ихъ верблюды.

шестидесяти футъ надъ степью. Многіе изъ холмовъ имѣютъ округлую форму, на вершинѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся воронкообразныя углубленія, значительной глубины. Въ Арзагарскихъ горахъ находятъ яшму, агатъ, черный и бѣлый гипсъ, кромѣ того здѣсь попадаются значительныя мѣсторожденія каменной соли. Вблизи горъ лежатъ три самосадочныхъ соленыхъ озера. Какъ примѣчательность этихъ горъ могутъ служить природныя пещеры, въ одной изъ нихъ, имѣющей до шести саженъ длины и столько же ширины и около трехъ саженъ высоты, въ лѣтнее время помѣщается киргизскій мулла, отправляющій здѣсь богослуженіе, отчего пещера превращается на это время въ мечеть. Арзагарскія горы покрыты обильною растительностью. Гора Малая Богдо представляетъ собою невысокій гребень, около девяноста футъ въ величину, состоящій изъ песчаника, бѣлаго известняка и сѣраго гипса. На востокъ отъ Рынъ-Песковъ лежатъ спорныя земли Букѣевцевъ съ Уральскими казаками по рѣкѣ Малому Узеню и Камышъ-Самарскимъ озерамъ, такъ-называемый Между-Узенскій участокъ, самый лучшій для кочевокъ по обилію травъ и воды. Знаменитые Камышъ-Самарскія озера представляютъ собою группу озеръ на пространствѣ семидесяти верстъ въ длину и сорока

верстъ въ ширину. Все это пространство наполнено множествомъ озеръ, соединенныхъ между собою естественными протоками. Всѣ ихъ прибрежья и острова на нихъ поросли густымъ камышомъ, берега ихъ топки и иловаты. Большинство озеръ содержитъ прѣсную воду. Озерныя прибрежья богаты лугами и пастбищами, которые посѣщаются киргизами, сѣно же косятъ уральскіе казаки. Въ Камышъ-Самарскія озера, составляющія, впрочемъ, какъ бы двѣ,

Киргизскій базаръ (Астраханской губ.).

отдѣленныя другъ отъ друга холмистою грядою, группы, впадаютъ степныя рѣки, Большой и Малый Узени; изъ нихъ первая составляетъ пограничную рѣку между землями Букѣевцевъ и Уральскихъ казаковъ въ нижней части своего теченія. Малый-Узень имѣетъ извилистое теченіе, не широка, не болѣе десяти саженъ, и глубиною не болѣе пяти футъ. Берега ея крутые, песчаные и глинистые, поросли камышомъ и кустарникомъ, и мѣстами покрыты солончаками.

Калмыки и ихъ жилища въ степи (Астраханской губ.).

Юго-восточная граница земель Букѣевской Орды омывается волнами Каспійскаго моря, которое здѣсь крайне мелководно, представляя глубину отъ пяти до семи футъ. Берега морскіе здѣсь низменные, песчаные и поросли камышомъ, также какъ и прилегающіе къ берегамъ

острова, хотя нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, возвышаются буграми до ста футъ надъ уровнемъ моря.

Страна Букѣевцевъ, прилегающая къ морю, представляетъ собою низменную, солонцеватую и безплодную степь. Киргизы-Букѣевцы, ведущіе кочевой образъ жизни, не имѣютъ осѣдлыхъ поселеній, единственное постоянное поселеніе въ здѣшнемъ краѣ это такъ-называемая Ханская Ставка. Оно находится у сѣверо-восточной оконечности Рынъ-Песковъ, на урочищѣ

Доеніе кобылы. Киргизскіе типы.

Джаскусъ, въ семидесяти пяти верстахъ отъ уѣзднаго города Астраханской губерніи Царева. Оно основано послѣднимъ ханомъ Букѣевцевъ, Джангиромъ, въ 1825 году, ради его жены-татарки, не привыкшей жить въ киргизской кибиткѣ зимою. Около дома, выстроеннаго Джангиромъ, стали строиться дома его приближенныхъ, а также и другихъ султановъ, а съ развитіемъ здѣсь торговли, въ особенности съ учрежденіемъ двухъ ярмарокъ, весенней и осенней, продолжающихся по мѣсяцу каждая, Ханское поселеніе стало быстро разростаться, такъ что теперь здѣсь до сотни домовъ и до шестисотъ человѣкъ постоянныхъ жителей. Въ Ханской Ставкѣ проживаютъ также заѣзжіе торговцы и промышленники, изъ казаковъ, русскихъ куп-

Киргизскія землянки и дѣлатели землебитнаго кирпича въ Рынъ-Пескахъ.

цовъ и татаръ. Кромѣ ярмарокъ, здѣсь круглый годъ производится торговля скотомъ и разными продуктами скотоводства. За десятилѣтнюю сложность на ярмаркахъ продавалось здѣсь верблюдовъ до 380, лошадей до 1,000, рогатаго скота крупнаго до 12,500, овецъ до 64,000 головъ; кожъ верблюжьихъ, коневыхъ и воловьихъ до 11,000 штукъ, овечьихъ и козьихъ до 25,000 штукъ; шерсти овечьей и верблюжьей до 18,000 пудъ, козьяго пуха до 500 пудовъ, сала, стали, кожъ и зайчины до 500 шкурокъ, всего болѣе чѣмъ на полмилліона рублей сер. еже-

годно. У нѣкоторыхъ киргизовъ стали появляться въ послѣднее время постоянные дома на зимникахъ. Эти дома стоятъ одиноко и разбросаны въ разныхъ мѣстахъ степи.

Населеніе Внутренней орды состоитъ изъ киргизовъ, которыхъ считается нынѣ до двадцати семи тысячъ кибитокъ или около ста пятидесяти тысячъ душъ обоего пола. Все ордынское населеніе раздѣляется на двѣнадцать родовъ, причемъ два составляютъ приморскіе округа. Роды раздѣляются на отдѣленія, которыхъ числится семьдесятъ три отдѣленія, а въ двухъ приморскихъ округахъ восемнадцать отдѣленій. Родами управляютъ султаны, а отдѣленіями—старшины, вся же орда управляется Совѣтомъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ потомковъ хановъ, изъ трехъ совѣтниковъ, одинъ отъ короны и двухъ изъ орды, Совѣтъ же въ свою очередь находится въ подчиненіи Оренбургскаго губернатора. Букѣевская орда появилась въ этихъ мѣстахъ только въ концѣ второй половины прошлаго столѣтія, занявъ мѣста кочевавшихъ здѣсь калмыковъ-торгоутовъ, бѣжавшихъ изъ русскихъ предѣловъ въ Китай. Причиною откочеванія киргизовъ въ эти мѣстности были частью несогласія между киргизами Малой Орды, частью честолюбіе одного изъ хановъ, именемъ Букѣя, которому захотѣлось сдѣлаться самостоятельнымъ ханомъ. Ханъ Букѣй, сынъ хана Нурали, уговорилъ часть киргизовъ своего рода откочевать въ русскія владѣнія, избѣгнувъ тѣмъ безпрестанныхъ ссоръ со своими сородичами. Онъ просилъ позволенія у русскаго правительства перекочевать на оставленныя калмыками земли съ тѣмъ, чтобы изъ перекочевавшихъ составить особую орду, а его

Киргизскій ханъ съ женою.

Переѣздъ киргизовъ и татаръ въ зимнее время черезъ Волгу.

утвердить въ ней наслѣдственнымъ ханомъ. Императоръ Павелъ въ 1801 году утвердилъ Букѣя наслѣдственнымъ ханомъ Букѣевцевъ, переселившихся передъ тѣмъ на новыя мѣста. Съ Букѣйханомъ перешло всего до шести тысячъ кибитокъ или около двадцатитрехъ тысячъ душъ, а

въ 1802 году и въ послѣдующіе годы прикочевало еще до 1,200 кибитокъ съ шестью тысячами душъ. Такъ какъ пастбищъ для такого небольшого числа киргизовъ было чрезвычайно

Киргизскія кибитки въ степи.

много, то киргизы усиленно занялись скотоводствомъ и довольство при отсутствіи усобицъ и баранты сдѣлало между ними значительные успѣхи, почему и приростъ населенія значительно усилился. Въ 1825 году, черезъ 23 года ихъ окончательнаго водворенія, число кибитокъ уве-

личилось до десяти тысячъ пяти сотъ, а въ 1840 году число кибитокъ достигло до шестнадцати тысячъ шести сотъ съ ста тысячами душъ обоего пола обитателей. Въ настоящее время киргизовъ Внутренней орды считается до двадцати семи тысячъ кибитокъ съ ста сорока тысячами душъ обоего пола. Орда названа Букѣевскою по имени хана Букѣя, а Внутреннею—по своему положенію. По смерти послѣдняго хана Джангира, въ 1845 году, ханское управленіе, какъ единоличное, прекратилось.

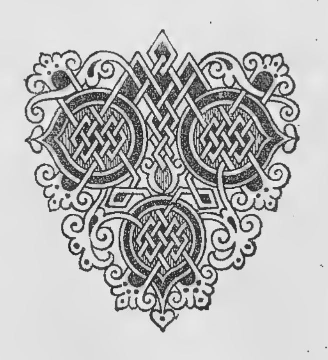
Всѣ киргизы Внутренней орды исповѣдуютъ магометанскую вѣру, суннитскаго толка. Духовною частью управляютъ ахунъ и казы, назначенные правительствомъ и оренбургскимъ духовнымъ магометанскимъ собраніемъ. По образу жизни и обычаямъ своимъ Букѣевскіе киргизы ничѣмъ не отличаются отъ киргизовъ Малой Орды, о которыхъ было уже писано въ особомъ очеркѣ этого изданія. Наружный ихъ типъ, однако, нѣсколько отличенъ отъ другихъ ихъ

Ловля лошадей.

сородичей, вслѣдствіи частыхъ браковъ съ калмычками. Главное богатство букѣевцевъ составляетъ скотъ, но въ послѣднее время скотоводство стало приходить въ упадокъ, какъ отъ недостатка удобныхъ для него земель при увеличеніи населенія, такъ и дурного за нимъ ухода. Притомъ немаловажную причину упадка благосостоянія киргизовъ надо искать въ неправильномъ распредѣленіи ханомъ Джангиромъ земель между родами, ихъ подато-дѣленіями и лицами, такъ что многіе киргизы, вслѣдствіе этого, не имѣютъ совсѣмъ земельныхъ участковъ и вынуждены нанимать для кочевокъ земли у своихъ сосѣдей-калмыковъ или крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ, напримѣръ, кн. Юсуповыхъ, Безбородко и другихъ. Зимою нерѣдко скотъ погибаетъ, не будучи въ силахъ разбить копытами обледенѣлую снѣжную кору или противустоять мятелямъ, которыя здѣсь бываютъ столь сильны, что скотъ бѣжитъ по вѣтру и попадаетъ въ топкіе Хаки, гдѣ и находитъ себѣ гибель. Такія несчастія случались неоднократно и производили страшное раззореніе въ средѣ киргизскаго населенія. Такъ, въ 1827 году пало до десяти тысячъ верблюдовъ, двѣсти восемьдесятъ тысячъ лошадей, семьдесятъ тысячъ штукъ рогатаго

скота и до милліона головъ овецъ; въ зиму 1840 года пало до четырехъ сотъ тысячъ головъ рогатаго скота и овецъ, въ 1858 году пятьдесятъ шесть тысячъ лошадей, сто двадцать пять тысячъ головъ рогатаго скота и до восьми сотъ тысячъ овецъ. Такіе злополучные годы не могли не отразиться разорительно на здѣшнихъ обитателяхъ, множество киргизовъ обѣднѣли и изъ зажиточныхъ обратились въ нищихъ и пошли въ батраки. Верблюды, разводимые здѣсь, принадлежатъ къ породѣ двугорбыхъ. Кромѣ того, что они исполняютъ свое назначеніе какъ средство для передвиженія, они доставляютъ киргизамъ молоко, шерсть, пухъ и кожи. Шерсть поступаетъ на суконныя фабрики, изъ пуха ихъ приготовляются нѣжныя матеріи, кожи сбываются выгодно на ярмаркахъ и торжкахъ въ Ханской Ставкѣ. Здѣшнія лошади отличаются крѣпостью и выносливостью и хорошимъ бѣгомъ. У богатыхъ киргизовъ есть прекрасныя лошади, средне-азіатской породы, извѣстныя подъ именемъ аргамаковъ. Лошади даютъ Букѣевцамъ мясо, сало, кожи и молоко, изъ котораго приготовляется кумысъ. Изъ сала, смѣшаннаго съ овечьимъ, приготовляютъ сальныя свѣчи, а изъ кожи выдѣлывается кожаное платье, такъ называемый ертикъ. Рогатый скотъ не отличается своими достоинствами, онъ малорослъ и даетъ немного молока, впрочемъ и уходъ за нимъ крайне плохъ, а потому и неудивительно, что эта часть киргизскаго скотоводства крайне хромаетъ. Изъ помета скотскаго выдѣлывается здѣшнее топливо — кизякъ, безъ котораго киргизамъ, при отсутствіи здѣсь растительнаго топлива. не было бы возможности существовать. Скотскія кожи вывозятся во внутрь Россіи. Главное богатство киргизовъ составляютъ овцы, которыя здѣсь съ курдюками. Онѣ даютъ много молока, мяса и, въ особенности, шерсти, вывозимой въ значительномъ количествѣ и кромѣ того служащей для выдѣлки войлоковъ или кошмы. Вообще избытки произведеній своихъ стадъ киргизы продаютъ на ярмаркахъ и торжкахъ въ Ханской Ставкѣ, этомъ единственномъ степномъ базарѣ Букѣевцевъ, хотя значительно меньшая часть этихъ продуктовъ сбывается также и въ пограничныхъ съ ордою торговыхъ пунктахъ, какъ-то: въ городахъ Царевѣ и Енотаевскѣ и слободахъ Александровомъ Гаѣ и Маломъ Узенѣ. Что же касается до привозныхъ товаровъ, то они состоятъ преимущественно изъ мануфактурныхъ издѣлій, также металлическихъ, чая, ковровъ, халатовъ и шелковыхъ тканей, хлѣба, мыла, табака, кибиточнаго лѣса и лѣсныхъ издѣлій. Товары эти киргизы закупаютъ или на наличныя деньги, или же вымѣниваютъ на свой скотъ и другія сырыя произведенія скотоводства.

Н. В. Латкинъ.



ОЧЕРКЪ XI.

КАСПІЙСКОЕ МОРЕ.

Его уровень, дно, флора и фауна.—Каспійское и Нижневолжское рыболовство.

КАСПІЙСКОЕ море, самое обширное изъ озеръ земного шара, расположено въ юго-восточной части Россіи и прилегаетъ съ своей южной стороны къ Персіи. Оно занимаетъ весьма значительную часть арало-каспійской котловины, и всѣ физическія условія послѣдней заставляютъ предполагать, что въ относительно недавнее, въ геологическомъ смыслѣ, время арало-каспійская котловина составляла дно обширнаго внутренняго прѣсноводнаго моря, которое соединялось съ Азовскимъ и Чернымъ. Осушеніе этого моря, вѣроятно, произошло вслѣдствіе общаго колебанія дна, явленій вулканизма и поднятія громаднаго хребта Кавказскихъ горъ, при чемъ образовались громадныя подземныя пустоты, куда, по всей вѣроятности, и стекла вода бывшаго здѣсь громаднаго моря. Это предположеніе еще болѣе подтверждается орографіей дна. Въ самомъ дѣлѣ, лишь въ юго-западной части, вблизи Кавказскихъ горъ, попадаются такія громадныя глубины, какъ въ 3,000 футовъ. Здѣсь горы водъ, опрокинутыя вверхъ дномъ, какъ-будто отражаютъ горы суши съ ихъ величественными, поднятыми на тысячи футовъ вершинами. Тамъ, гдѣ царитъ надъ землей съ одной стороны Шахъ-Дагъ, а съ другой Демовендъ, открывается подъ водою пропасть въ 517 саженъ глубины. Это осушеніе бывшаго моря произошло такимъ образомъ, что лишь самыя глубокія его части остались залитыми водою, какъ Каспійское море. Это море носило прежде различныя названія у разныхъ народовъ: такъ, у грековъ оно называлось моремъ Гирканскимъ, у славянъ—Хвалынскимъ, у татаръ—Ак-денгизомъ, а персіяне называли его Гурземъ. Главную характеристическую его особенность составляетъ абсолютная высота его уровня, который лежитъ на 84 фута ниже руовня океана. Это состояніе уровня находится въ извѣстной тѣсной связи съ геологическимъ образованіемъ всего водоема Каспійскаго моря и окружающихъ его степей. Оно расположено въ обширной степной котловинѣ, покрытой новѣйшими третичными образованіями каспійской формаціи. Весьма большая часть степей, примыкающихъ къ морю, лежитъ ниже уровня

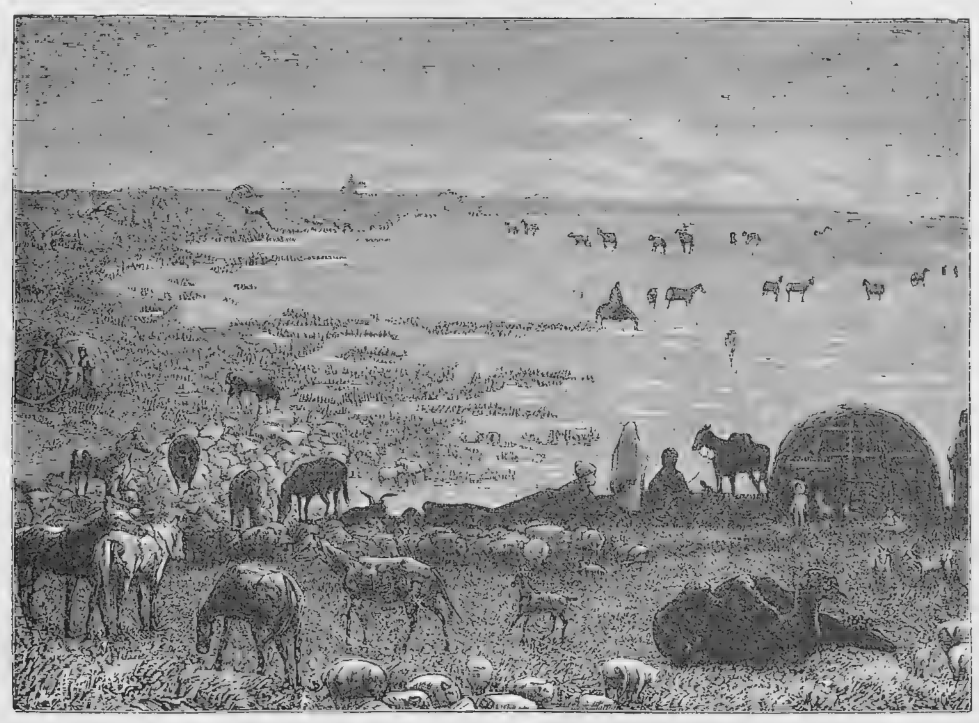
океана, какъ съ сѣвера, такъ и съ востока, также за исключеніемъ плоской возвышенности Усть-Урта, которая вѣроятно прежде представлялась островомъ среди этого моря. Глубина моря распредѣлена неравномѣрно. Въ отношеніи рельефа дна Каспійское море можно раздѣлить на три части: твердую, мягкую и жирную. Вся сѣверная часть моря до линіи, соединяющей о. Чечень съ мысомъ Тюбъ-Караганомъ, имѣетъ глубину не болѣе 10—12 саженъ. Это пространство моря характеризуется ровнымъ дномъ, постепенно понижающимся до названной глубины, и вся эта площадь представляется подводнымъ продолженіемъ приволжскихъ и приуральскихъ степей. Глубина отъ устьевъ Волги измѣняется дѣйствительно съ замѣчательной постепенностью, такъ что по всему протяженію берега отъ Терека до Эмбы и далѣе до Мертваго Култука, даже въ десяти миляхъ отъ берега, нигдѣ не превышаетъ двухъ саженъ, а во многихъ мѣстахъ моря не видать берега съ глубины пяти футовъ. И только къ югу отъ проведенной нами линіи море получаетъ значительно большую глубину. Настоящая котловина Каспійскаго моря заключается въ средней и южной его частяхъ, — средняя, которая раздѣляется приблизительно на двѣ равныя котловины подводнымъ продолженіемъ Кавказскаго хребта, проходящаго отъ Апшеронскаго полуострова къ Красноводску, съ наибольшей глубиной въ 421 саж., а южная — въ 516 саж., при чемъ съ западной стороны дно круто подымается къ берегу, а съ восточной долго тянется широкая полоса въ 100 саженъ глубины. Почти квадратной формы, южная часть Каспія имѣетъ еще большую глубину; при чемъ и площадь наибольшихъ глубинъ значительно больше, чѣмъ въ средней части моря; при этомъ западный берегъ еще круче спускается вглубь, а на восточномъ дальше продолжается полоса, глубиной въ сто саженъ, такъ что доходитъ почти до средины моря. Грунтъ дна—вообще песокъ и ракушка, у западнаго берега болѣе мелкій песокъ сѣраго цвѣта. Въ мелководной, т.-е. сѣверной полосѣ моря составъ грунта наиболѣе разнообразенъ; здѣсь встрѣчается и ракушка, въ большинствѣ случаевъ битая и часто перетертая, и значительные слои тины, растительнаго и животнаго перегноя; встрѣчаются также трава, камни, тяжелый глинистый илъ; но преобладающимъ элементомъ здѣсь является песокъ, такъ что всю сѣверную полосу можно обозначить песчаной. Эти пески доходятъ до средней части моря и отсюда они распространились только по берегамъ моря, въ меньшей и весьма незначительной степени на крутомъ западномъ берегу, а также и на южномъ, и въ большей степени — на его восточномъ берегу; на послѣднемъ встрѣчается также глинистый илъ совершенно бѣлаго цвѣта (у Бѣлаго бугра), окрашивающій и воду на далекое разстояніе отъ берега въ непріятный грязно-сѣроватый цвѣтъ. Вслѣдъ за песчаной полосой идетъ ракушечная,—т.-е. поверхностный слой ея состоитъ изъ ракушки или створокъ молюсковъ, — и доходитъ до глубины въ 50 — 60 саженъ; затѣмъ въ среднемъ Каспіи развитіе этой полосы весьма значительно и гораздо больше, чѣмъ въ южномъ, гдѣ ширина ея до 25 миль, такъ какъ въ среднемъ отъ берега она достигаетъ 70 миль. Такимъ образомъ песокъ и ракушка все-таки занимаютъ менѣе половины всей площади дна Каспійскаго моря, большая половина занята сѣрымъ или чернымъ иломъ, часто съ весьма непріятнымъ запахомъ; этотъ илъ залегаетъ на большихъ глубинахъ значительно толстымъ слоемъ. Въ отношеніи характера береговъ его можно раздѣлить на двѣ почти равныя половины: сѣверо-восточную, низменную, и юго-западную, гористую. Берега сѣверной части большею частью песчаные, низменные. Съ этой стороны въ него впадаютъ большія рѣки, приносящія воду изъ мѣстностей, покрытыхъ растительностью: Волга, Уралъ, Эмба; но эти рѣки отличаются обмелѣніемъ своихъ устьевъ и это обмелѣніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше къ востоку лежатъ онѣ, что даже замѣтно на устьяхъ одной и той-же рѣки: такъ, изъ всѣхъ устьевъ Волги,—а она впадаетъ въ море громаднымъ количествомъ устьевъ,—наиболѣе судоходное—западное; то-же можно сказать и относительно устьевъ Урала, устья же Эмбы давно уже почти совсѣмъ занесены пескомъ. На востокъ отъ устьевъ Волги, по сѣверному берегу тянется низменная, солонцоватая, безплодная степь, окаймленная съ моря также множествомъ

островковъ подобно Волгѣ. Зато на восточномъ берегу, вплоть до впаденія Атрека въ заливъ Гасанъ-Кули, нѣтъ ни одной рѣки. Весь восточный берегъ представляетъ сухую, песчаную степь, гдѣ прѣсная вода находится только въ колодцахъ. На восточномъ прибрежьѣ западный берегъ залива Койдака низменъ, восточный же, составляющій закраину Усть-Урта, возвышается до 800 ф. надъ уровнемъ моря. Вблизи Тюбъ-Караганскихъ горъ находится группа низменныхъ островowъ: Кулаuы, Морской, Святой. Къ югу выдается полуостровъ Мангышлакъ съ мысомъ Тюбъ-Караганомъ. Наиболѣе замѣчателенъ по восточному берегу заливъ Карабугазъ. Вообще, надо сказать, что восточный берегъ Каспійскаго моря богатъ соляными озерами, постепенно образовавшимися и теперь образующимися изъ морскихъ заливовъ, которыхъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ у западнаго берега: Мертвый Култукъ съ Койдакомъ, о которыхъ мы только-что сказали, Кендерли, Карабугазъ, Красноводскій съ Балханскимъ, Михайловскій, Гасанъ-Кули — болѣе или менѣе замкнутые заливы, частью превращающіеся въ соляныя озера. Особенное вниманіе обращаетъ на себя Карабугазъ, который, по выраженію профессора Гримма, служитъ пріемникомъ каспійской соли,—громадное озеро до 3,000 морскихъ миль, съ насыщенной солью водой, соединяющееся съ моремъ узкимъ проливомъ. Эти осолоненные заливы, превращающіеся въ озера, развиваются путемъ загораживанія участковъ моря наносными песчаными островами, постепенно превращающимися въ полуострова и въ косы.

Вообще, въ восточныхъ частяхъ Каспійскаго моря, по сосѣдству съ накаливающимися песками закаспійскихъ степей, гдѣ происходитъ болѣе сильное испареніе, вода содержитъ большое количество солей, особенно въ заливахъ, какъ Красноводскій, Михайловскій, а въ особенности Карабугазъ. Этотъ послѣдній обширный заливъ соединяется съ моремъ посредствомъ узкаго пролива, въ которомъ существуетъ постоянное теченіе изъ моря въ заливъ. Берега этого залива безплодны, и онъ отдѣляется отъ моря узкими песчаными косами. Въ этомъ заливѣ происходитъ постоянно громадное испареніе и, слѣдовательно, такой-же притокъ воды изъ моря, приносящій, конечно, все новое количество солей; понятно, что вода здѣсь должна быть богаче солями, чѣмъ въ другихъ частяхъ моря, и дѣйствительно, по анализамъ профессора Шмидта, вода этого озера содержитъ почти столько же солей, сколько соляныя озера, и больше, чѣмъ вода Мертваго моря, именно на 1,000 содержитъ 715 частей воды и 285 различныхъ солей; здѣсь находится, по выраженію того-же профессора, гигантскій запасъ глауберовой соли, который на сотни лѣтъ покрылъ бы потребленіе всѣхъ русскихъ стеклянныхъ заводовъ. Профессоръ Гриммъ, по поводу слуховъ о промышленной компаніи, образовавшейся съ цѣлью запрудить Карабугазскій проливъ, замѣтилъ, что не слѣдовало бы допустить этого запруженія, такъ какъ этотъ заливъ имѣетъ громадное значеніе для Каспійскаго моря, служа естественнымъ фильтромъ, собирающимъ излишекъ солей, постоянно приносимыхъ въ море потоками рѣчной воды; безъ него каспійская вода осолонялась бы и, наконецъ, сдѣлалась бы негодной для жизни большей части животныхъ и прежде всего тѣхъ прѣсноводныхъ рыбъ, которыя, живя въ настоящее время въ Каспіи, составляютъ его естественное богатство и предметъ обширнѣйшаго промысла. Такимъ образомъ, восточная часть моря имѣетъ наиболѣе соленую воду, но также болѣе соленая вода встрѣчается въ Бакинскомъ заливѣ, вслѣдствіе отсутствія притоковъ прѣсной воды. Отъ Красноводска полоса соленой воды проходитъ все море до западнаго берега и раздѣляетъ море на двѣ неравныя части; пространства съ глубиною до 10-ти саженъ имѣютъ воду болѣе или менѣе прѣсную.

Эти восточные заливы, съ гораздо болѣе осолоненной водой, иногда совершенно лишены рыбы: во многихъ изъ нихъ обитаетъ только бычокъ, игла-рыба, да иногда заходитъ селедка. Въ глубинѣ же такихъ водоемовъ совершенно не живетъ рыба, точно также въ громадномъ Карабугазскомъ заливѣ. Но эти заливы, представляя условія не только крайне неблагопріятныя, но и невозможныя для жизни въ нихъ рыбъ, въ то-же время имѣютъ весьма большое и благопріятное вліяніе для благосостоянія рыбоводства всего Каспійскаго моря. Соль Карабу-

газа берется изъ каспійской воды, съ значительной быстротой постоянно втекающей въ этотъ заливъ. По вычисленіямъ Бэра, въ этотъ заливъ ежедневно вливается около 4.800,000 куб. саж. воды, или 1.846.400,000 куб. футовъ; а если принять вѣсъ кубич. фута воды равнымъ одному пуду, то количество соли, ежедневно приносимой въ заливъ, достигаетъ громадной цифры въ 32.000,000 пудовъ, и такимъ образомъ онъ представляетъ собой фильтръ, въ которомъ собирается масса солей изъ Каспійскаго моря. Благодаря такому громадному количеству ежедневно остающихся солей въ Карабугазѣ, а также и въ другихъ заливахъ восточной части моря, можно было бы предположить, что его воды постоянно опрѣсняются; но къ этому предположенію, высказанному академикомъ Бэромъ, надо присоединить и то обстоятельство, что въ море втекаетъ множество рѣкъ, приносящихъ постоянно значительное количество соли; но какъ количество соли, приносимой рѣками въ море, такъ и теряемое имъ,



Прибрежье Каспійскаго моря.

благодаря фильтраціи восточныхъ заливовъ, рѣшительно неизвѣстно, и потому невозможно рѣшить вопросъ объ опрѣсненіи Каспійскаго моря, или быть можетъ теперь происходитъ осолоненіе его. Несомнѣнно только одно обстоятельство,—то, что Карабугазъ опрѣсняетъ воду и является такимъ образомъ благодѣтельнымъ факторомъ для рыбоводства, хотя его загражденіе, по приблизительному расчету проф. Гримма, повліяло бы только чрезвычайно медленно на увеличеніе солености моря, именно — черезъ четыре тысячи лѣтъ произошло бы осолоненіе всей каспійской воды на 1%.

Южнѣе Карабугазскаго залива берегъ направляется почти прямо на югъ; здѣсь онъ каменистъ и оканчивается Красноводскою косою, которая отдѣляетъ отъ моря одноименный съ нею заливъ, расположенный при входѣ въ мелководный Балханскій заливъ, входящій прямо на востокъ въ материкъ. Вблизи его проходятъ незначительныя Балханскія горы, южнѣе которыхъ выходитъ къ Каспійскому морю древнее русло Аму-Дарьи, которое извивается и ясно обозначается въ степи своими довольно высокими берегами, состоящими изъ песчаныхъ бугровъ.

Отъ южнаго берега Балханскаго залива простирается обширный полуостровъ Дарджи, граничащій на востокѣ съ руслами двухъ рукавовъ древней Аму-Дарьи, при раздвоеніи которыхъ находится соленое озеро Баба-Каджаръ, среди котораго находится островъ, богатый нефтяными ключами. Этотъ полуостровъ Дарджи пустыненъ, покрытъ песками и солончаками съ самой бѣдной растительностью. Къ юго-западу отъ него расположенъ островъ Нефтяный, или Челокень, также лишенный растительности; восточная его часть покрыта песчаными буграми, почва всюду пропитана солью, мѣстами представляетъ соляныя озера и совершенно лишена прѣсной воды. Съ песчаныхъ возвышенностей текутъ горячіе, соляные ручьи, смѣшанные съ нефтью. Отъ острова Челокеня къ югу расположенъ другой островъ — Огурчинскій, весьма длинный и узкій, съ грунтомъ изъ сыпучаго песка и мелкихъ ракушекъ, поросшій камышомъ и усѣянный солончаками. Отсюда на югъ весь берегъ моря представляетъ низменную, песчаную, безплодную степь, усѣянную солончаками и песчаными буграми. Но не всегда этотъ берегъ былъ такимъ безплоднымъ и пустыннымъ. Во время впаденія Аму-Дарьи въ Каспій здѣсь процвѣтала растительность и жизнь, а теперь лишь остатки древней мечети съ урочищемъ Гарямъ свидѣтельствуютъ о бывшемъ здѣсь нѣкогда населеніи. Эта печальная равнина тянется до залива Гасанъ-Кули, въ который впадаетъ рѣчка Атрекъ. Этотъ заливъ имѣетъ низкіе берега, песчаные или покрытые камышомъ. Начиная съ Атрека, природа береговъ совершенно мѣняется, и отсюда начинается богатая персидская растительность. Здѣсь въ юго-восточномъ углу, въ Астрабадскомъ заливѣ впадаетъ масса рѣченокъ, до 27-ми; и вообще по всему южному берегу моря, принадлежащему Персіи, впадаетъ въ него масса рѣкъ и рѣчекъ, большею частью горныхъ; самая значительная изъ горныхъ рѣчекъ—Сефидъ-рудъ, остальныя большею частью лѣтомъ пересыхаютъ, но во всякомъ случаѣ онѣ имѣютъ большое значеніе для Каспія, доставляя ему массу прѣсной воды. Вообще юго-западные берега Каспія гористы. Западный берегъ возвышается въ Кавказскій хребетъ, выдающійся въ море и суживающій его до 150 верстъ ширины, и, какъ было уже замѣчено, продолжается подъ водой и появляется на восточномъ берегу въ видѣ базальтовыхъ Красноводскихъ и Балханскихъ горъ, среди низменной и песчаной степи. Южный берегъ подымается весьма круто въ Персидскій хребетъ, съ вершинами Демовендъ, Габзъ-Дагъ, Шахъ-Дагъ и Савалань, изъ которыхъ только Гездъ-Дагъ менѣе 9,000 футовъ, всѣ же остальныя возвышаются отъ 14—18 тысячъ футовъ. Близъ юго-восточнаго угла впадаетъ р. Гюргень, вытекающая изъ горъ, покрытыхъ богатою южною растительностью. По обоимъ берегамъ рѣки находятся развалины древнихъ городовъ — Аккъ-кала и Алтынъ-кала, а вдоль праваго берега рѣки почти на полтораста верстъ тянутся остатки стѣнъ съ развалинами семи древнихъ городовъ. Астрабадскій заливъ, въ который, какъ было сказано, впадаетъ масса рѣчекъ, отдѣляется отъ моря полуостровомъ Потемкинымъ, возлѣ расположены три острова Ашуръ. Восточный берегъ залива болотистый, а къ западному спускаются высокія горы. Берега Астрабадскаго залива представляютъ живописный видъ, они покрыты густымъ лѣсомъ; вершины Астрабадскаго хребта большею частью скрываются облаками, но въ ясную погоду бываютъ видны далеко съ моря. Вдоль южнаго прибрежья моря тянется сплошной хребетъ Альбрусъ. Характеръ западнаго берега къ югу отъ острова Чеченя гористый; немного южнѣе устьевъ Сулака подходятъ къ морю восточныя отрасли Кавказа, которыя продолжаются на югъ; то отходя, то приближаясь къ берегу моря, онѣ образуютъ на берегу прекрасную, плодородную и хорошо орошенную равнину, которая суживается отъ Петровска до Дербента, является песчаной и усѣянной ракушками. Ниже Дербента она расширяется и образуетъ площадь, покрытую солончаками.

Горы ближе всего подходятъ у Петровска къ берегу и у Дербента; вблизи Дербента берегъ состоитъ изъ известковаго плитняка; здѣсь находятся минеральные источники, грязи, соляныя озера, нефтяные источники и каменоломни. Возлѣ устьевъ р. Самура растетъ дубовый лѣсъ, и начинаются богатые сады грецкаго орѣха, тутовыхъ деревьевъ, миндаля, гранатныхъ;

персиковыхъ и друг. породъ. Къ югу отъ этого устья берегъ направляется на юго-востокъ и вдается на востокъ далеко въ море Апшеронскимъ полуостровомъ, послѣднимъ отрогомъ Кавказскихъ горъ; полуостровъ каменистъ, безлѣсенъ, главное природное богатство его составляетъ нефть.

Пустынный Апшеронскій полуостровъ представляетъ безплодную мѣстность среди богатѣйшей, разнообразнѣйшей, почти тропической растительности, какую представляютъ западный и южный берега Каспійскаго моря; вулканическая почва этого полуострова пропитана солью и нефтью. Апшеронскій полуостровъ, равно какъ и мѣстность, пролегающая на югѣ отъ Ленкорани, а также на восточномъ берегу въ Красноводскомъ заливѣ и его окрестностяхъ, составляютъ весьма интересное и замѣчательное явленіе. Въ этихъ мѣстностяхъ до настоящаго времени продолжается дѣйствіе огня, обнаруживающееся то частыми землетрясеніями, какъ въ Шемахѣ и Баку, то обильными истеченіями горючихъ газовъ на твердой землѣ и въ морскомъ днѣ (въ Бакинскомъ заливѣ) и нефти, то рядомъ вулканическихъ бугровъ между Баку и Ленкоранью, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ и теперь еще изъ себя грязные вулканы, то образованіемъ новыхъ островковъ и подъемомъ банокъ, а также присутствіемъ горячихъ источниковъ. Самое образованіе морского дна, по направленію отъ Апшеронскаго полуострова до Красноводскаго залива, находится въ тѣсной связи съ этими вулканическими явленіями, а также продолженіе этого возвышеннаго дна, раздѣляющаго южную и среднюю часть моря почти на двѣ равныя глубокія котловины. Острова вулканическаго происхожденія лежатъ вблизи района дѣйствующаго вулканизма; они расположены вблизи Апшеронскаго полуострова,—Дуванный, Булла, Глиняный, Лось, Свиной, Обливной, Перегорѣлая плита (теперь—банка) и Куринскій камень.

Кромѣ этихъ островковъ, которые образовались благодаря дѣятельному вулканизму, на Каспійскомъ морѣ находятся еще острова трехъ родовъ по своему происхожденію. Большая часть островковъ Каспійскаго моря образовалась изъ песка и ракушекъ, нанесенныхъ буруномъ; большею частью такіе острова вновь размываются, но въ большинствѣ случаевъ буруны осыпаютъ и возводятъ эти острова, имѣющіе обыкновенно узкій и длинный видъ и перпендикулярно расположенные къ господствующему вѣтру. Таковы острова: Кулланъ, Огурчинскій, всѣ три Ашура, Сара и полуостровъ Потемкина, отдѣляющій Астраханскій заливъ, а также косы, отдѣляющія другіе заливы. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, „бурунныхъ островковъ", существуетъ и другой родъ намывныхъ островковъ, образуемыхъ изъ песка, снесеннаго рѣками. Эти острова всегда расположены въ устьяхъ рѣкъ, которыя они часто и загораживаютъ; къ этой группѣ островковъ проф. Гриммъ относитъ и островъ Челокень, намытый, по его мнѣнію, пескомъ, нанесеннымъ Аму-Дарьей, когда она впадала въ Каспійское море. Наконецъ послѣдній рядъ островковъ составляютъ материковые острова, отмытые и отдѣленные отъ суши вслѣдствіе погруженія подъ уровень воды лежащей за ними полосы земли, примѣромъ чего можетъ служить островъ Норденъ, вблизи Баку, образовавшійся вслѣдствіе того, что находившаяся за нимъ полоса земли, вмѣстѣ съ расположеннымъ на ней городомъ, погрузилась въ воду. Предполагаютъ, что это погруженіе произошло шесть столѣтій тому назадъ. Башни зданія каравансарая до сихъ поръ еще выглядываютъ изъ покрывшей городъ воды.

Кромѣ вулканизма, другую геологическую особенность Каспійскаго моря составляетъ измѣненіе его уровня относительно своихъ береговъ. Обыкновенно принималось мнѣніе или объ общемъ пониженіи уровня всего Каспійскаго моря, или только сѣверной его части. Заговоривъ объ уровнѣ моря, намъ пришлось затронуть одинъ изъ самыхъ темныхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ—о періодичности колебаній уровня Каспійскаго моря. По этому вопросу весьма многіе ученые и изслѣдователи оставили намъ нѣкоторыя свѣдѣнія, а также свои предположенія и гипотезы объ измѣняемости уровня Каспійскаго моря; мы встрѣчаемъ здѣсь слѣдующія имена: Палласа, Гумбольдта, Эйхвальда, Ленца, Бэра, Абиха и многихъ другихъ. Палласъ, наблюдая

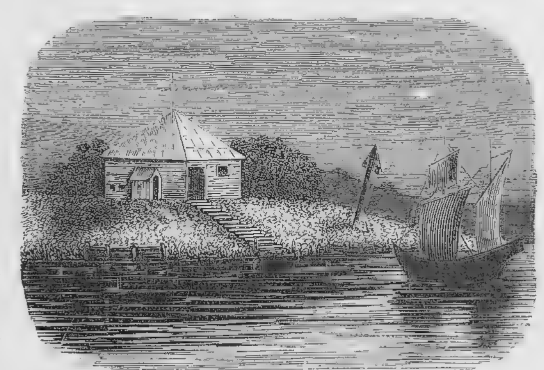
море у сѣверныхъ его береговъ и замѣтивъ быстрое ихъ обмелѣніе (что доказывалось, напр. тѣмъ, что рыболовныя ватаги, бывшія на берегу моря, отодвинулись отъ него, выдававшіяся, далеко въ море косы и подводныя мели, на которыхъ когда-то моряки ловили рыбу, осушились и обмелѣли, обширныя болота обсохли—все это, конечно, служило признакомъ удаленія моря отъ береговъ), пришелъ къ заключенію объ усыханіи моря и пониженіи его въ этихъ мѣстахъ въ короткій промежутокъ времени. Но въ дѣйствительности это только кажущееся измѣненіе уровня моря, а не дѣйствительное: мелѣетъ берегъ, нарастаютъ косы, образуются острова, высыхаютъ солончаки и прибрежныя озера, но общій уровень всего моря почти одинаковъ. Затѣмъ Эйхвальдъ, обозрѣвая прикаспійскія страны, убѣдился, что вулканическія силы участвовали въ образованіи каспійской котловины, и что до настоящаго времени силы эти продолжаютъ дѣйствовать, поднимая дно моря въ однихъ мѣстахъ и понижая его въ другихъ; такъ что, по его мнѣнію, всѣ геологическіе перевороты, которые имѣли мѣсто въ Арало-Каспійской низменности, произошли черезъ поднятіе земли, а не черезъ усыханіе моря. Онъ допускалъ уменьшеніе поверхности моря по геологическому строенію почвы береговъ Каспія; существованіе же колебанія въ прибыли и убыли воды въ морѣ онъ относилъ къ движенію дна, незамѣтному въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ другихъ же весьма явному и въ настоящее время.

Гумбольдтъ также посѣтилъ эту страну. Каспій, по его выраженію, „страна кратеровъ"; и всѣ происшедшія въ немъ измѣненія являются послѣдствіями вулканической дѣятельности, которая здѣсь обнаруживается не только вѣковыми поднятіями и пониженіями, но и обыкновенными вулканическими явленіями. Затѣмъ вопросомъ объ уровнѣ Каспійскаго моря занимался Ленцъ, но онъ ограничился собираніемъ весьма мало точныхъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ жителей о колебаніяхъ моря. Этотъ вопросъ заинтересовалъ академика Бэра, посланнаго сюда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ во главѣ экспедиціи, спеціально назначенной для изслѣдованія положенія астраханско-каспійскаго рыбнаго хозяйства. Хотя физическая географія Каспійскаго бассейна весьма многимъ ему обязана, тѣмъ не менѣе онъ не внесъ существенныхъ данныхъ, которыя бы способствовали установленію этого вопроса. Несомнѣнно, что гидрографическая экспедиція Ивашинцева въ Каспійское море доставила обильно разработанный матеріалъ астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій въ предѣлахъ всего моря и по гидрографіи его бассейна. Но вопросъ объ уровнѣ, повышеніи и пониженіи Каспійскаго моря не былъ затронутъ и Арало-Каспійской экспедиціей въ 1874 г. подъ руководствомъ проф. Гримма; ея изслѣдованія коснулись глубинъ моря, свойства грунта морского дна и органической жизни въ водахъ Каспія. Въ особенности изслѣдованія эти значительно измѣнили установившійся взглядъ на Каспій, какъ на мертвое море, бѣдное живущими въ немъ существами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно явилось весьма богатымъ живущими въ немъ особями, но бѣдно лишь видами этихъ особей.

Изъ показаній многихъ другихъ изслѣдователей, основанныхъ на замѣчаніяхъ и разсказахъ старожиловъ, можно было придти къ тому выводу, что будто Каспійское море періодически повышается, и что каждый такой періодъ имѣетъ тридцатилѣтнюю продолжительность.

Беря данныя за столѣтіе, г. Филипповъ, въ послѣднее время занявшійся спеціально этимъ вопросомъ, приводитъ таблицу Соколова, въ которой дѣйствительно годы повышенія слѣдовали за годами пониженій, но о степени колебаній, — замѣчаетъ онъ, — нельзя было вывести даже приблизительнаго заключенія. По мнѣнію Абиха, измѣненія уровня зависятъ отъ трехъ совершенно періодическихъ движеній: отъ господствующихъ вѣтровъ на Каспійскомъ морѣ, колебаній уровня по временамъ года и наименѣе объясненнаго, но самаго важнаго явленія — медленнаго повышенія и пониженія уровня средины самаго моря, происходящаго въ обширные періоды. Филипповъ допускаетъ только первыя двѣ причины. Онъ говоритъ: „Наблюденія и опытъ показали, что степень возвышенія уровня Каспійскаго моря, какъ и во всякомъ озерѣ,

зависитъ каждогодно отъ притока воды въ его бассейнъ извнѣ, черезъ питаніе рѣкъ, изливающихъ свои воды въ это море, отъ атмосферныхъ осадковъ въ видѣ дождя, снѣга, росы и другой метеорологической влаги, количество которой въ разные годы бываетъ различно и зависитъ отъ многихъ причинъ, а главное отъ различія въ температурѣ годовъ". И дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что отъ совмѣстнаго дѣйствія проточныхъ водъ и атмосферной влаги уровень моря съ апрѣля по сентябрь постепенно и ежегодно возвышается съ разными уклоненіями; въ срединѣ лѣта вода держится почти на одномъ уровнѣ, затѣмъ понемногу упадаетъ и въ исходѣ года принимаетъ поверхность, близко подходящую къ среднему своему ординару. На измѣненіе уровня моря, кромѣ этого, имѣютъ значительное вліяніе измѣненія температуры сосѣднихъ годовъ и испареніе отъ солнечныхъ лучей,—непосредственныхъ причинъ, производящихъ безпрерывныя колебанія горизонта моря, причемъ господствующіе въ этомъ морѣ вѣтры ежедневно или, вѣрнѣе, ежечасно колеблютъ уровень воды въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Изъ наблюденій надъ колебаніемъ моря въ Бакинской бухтѣ и Астрабадскомъ заливѣ можно вывести общее заключеніе, что горизонтъ Каспійскаго моря зависитъ отъ притока воды въ его бассейнъ, и что наибольшее его возвышеніе бываетъ преимущественно въ іюлѣ и августѣ, т.-е. въ тѣ мѣсяцы, когда разливы рѣкъ бываютъ полные, а наименьшее — въ январѣ и февралѣ, когда притоки прекращаются и море остается въ своихъ естественныхъ границахъ. Еслибы было извѣстно, сколько ежегодно изливается въ Каспійское море воды и сколько ея испаряется по всей поверхности моря, то, безъ сомнѣнія, возвышеніе или пониженіе всего бассейна было бы достаточно опредѣлено. Не только атмосферные осадки, но даже и рѣчныя области еще не изслѣдованы.



Паешной островокъ близь Гурьева, станціон. домикъ Каспійскихъ рыбныхъ промысловъ.

А между тѣмъ въ Каспійское море впадаютъ слѣдующія рѣки: Волга, Уралъ, Терекъ, Кура, болѣе обширныя по количеству вливаемыхъ ими водъ, затѣмъ Эмба, Сулакъ, Самуръ и безчисленное множество незначительныхъ, по чрезвычайно быстрыхъ горныхъ потоковъ и другихъ рѣчекъ. Изъ этого одного перечня впадающихъ въ море рѣкъ можно уже судить о массѣ вливаемой ими воды. Всѣ эти рѣки и ручьи, существующіе въ предѣлахъ Каспія, играютъ двоякую роль: во-первыхъ, они служатъ регуляторами для болѣе равномѣрнаго стока атмосферныхъ водъ въ море, а во-вторыхъ — представляютъ собою болѣе или менѣе обширные водоочищающіе естественные резервуары. Въ зависимости отъ притока водъ уровень моря то повышается, то понижается, въ среднемъ годовомъ выводѣ; физическая же зависимость увеличенія и уменьшенія воды въ Каспійскомъ морѣ отъ годового количества атмосферныхъ осадковъ хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, но до сихъ поръ вполнѣ точно не доказана, а также не опредѣлено—какая высота уровня моря соотвѣтствуетъ тому или другому количеству атмосферныхъ осадковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что уровень Каспійскаго моря въ древнее время стоялъ значительно выше теперешняго; отдѣльные камни, обрывистыя скалы, каменистые рифы, наносные перешейки, обсохшіе заливы, отдѣльные острова, слившіеся теперь съ берегомъ, наконецъ обмелѣвшія и вовсе исчезнувшія рѣки, морскія раковины, — все это несомнѣнно указываетъ на присутствіе моря тамъ, гдѣ существованіе его даже нельзя было предположить. Все это заставляетъ предполагать, что уровень воды когда-то стоялъ очень высоко или же материкъ значительно приподнялся. Въ особенности измѣнился,—говоритъ Филипповъ,—характеръ сѣвернаго прибрежья

Каспійскаго моря за послѣднія 25 лѣтъ, подтвержденіемъ чего служатъ всѣ отдѣльныя косы, осушившіяся за это время настолько, что образовали изъ себя сплошную береговую черту, далеко выдвинувшуюся въ море; окружающія прибрежныя мели обратились въ острова, тогда какъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія тутъ было море, съ глубинами футовъ въ десять, гдѣ рыбаки производили ловъ рыбы. Вся береговая мѣстность отъ Волги до Урала подвергается постепенному засоренію, гдѣ рѣчные наносы, уравновѣшенные морскими теченіями, сперва отлагаются у ближайшихъ частей дельтъ, а затѣмъ способствуютъ и дальнѣйшему наростанію береговъ, образованію мелей, подводныхъ рифовъ. Но, несмотря на такое осушеніе сѣверной части Каспійскаго моря, было бы неосновательно предположить, что вода въ Каспіѣ убыла, а на самомъ дѣлѣ промѣры въ различныхъ мѣстахъ, совмѣстно съ метеорологическими измѣненіями, привели къ тому заключенію, что горизонтъ моря въ послѣднія 25 лѣтъ мало измѣнился и высокая вода одного года и низкая другого замѣчаются періодически во всемъ Каспійскомъ бассейнѣ. Въ настоящее время видно, что въ глубокихъ частяхъ Каспія вода мало отошла отъ береговъ, тогда какъ сѣверное побережье измѣнилось весьма значительно.

„И такъ,—говоритъ Филипповъ,—сводя итоги, добытые для разъясненія вопроса о непрерывномъ колебаніи уровня Каспійскаго моря и причинахъ этого явленія,—зададимъ себѣ вопросъ: сдѣланъ ли хотя первый шагъ къ разъясненію этихъ измѣненій и къ опредѣленію величины самаго колебанія? На это съ полной откровенностью скажемъ: нѣтъ. Хотя этотъ предметъ и недостаточно изслѣдованъ, но очевидные факты даютъ право думать, что возвышеніе уровня моря съ весеннимъ разливомъ рѣкъ—явленіе не случайное, а подчиняющееся состоянію атмосферы. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Каспій не имѣетъ ни приливовъ, ни отливовъ, тѣмъ не менѣе господствующіе вѣтры оказываютъ значительное вліяніе на уровень воды и, при содѣйствіи теченій, производятъ то, что уровень въ одной части поднимается, между тѣмъ какъ въ другомъ, довольно близкомъ мѣстѣ остается на прежней высотѣ.

Уровень моря въ сѣверной части бассейна, въ особенности близъ устьевъ Волги, измѣняется въ значительныхъ предѣлахъ отъ нагона воды съ моря и выгона ея съ берега; эти колебанія, совершающіяся ежедневно, можно сравнить съ приливомъ и отливомъ, затопляющимъ по временамъ берега и осущающимъ на далекое пространство поверхность моря.

При продолжительныхъ и довольно сильныхъ сѣверо-западныхъ вѣтрахъ вода быстро сгоняется и настолько, что обнажаются громадныя площади подводныхъ косъ и мелей, расположенныхъ впереди обширной дельты волжскихъ рукавовъ, и тогда даже на многихъ мѣстахъ пріостанавливается сообщеніе Волги съ моремъ, даже на мелкосидящихъ судахъ, по такимъ розсыпямъ, какъ Ракушинская и Шадинская, пересѣкающія главный судоходный фарватеръ Волги—Бахтемиръ.

Выгонными вѣтрами называются сѣверо-западные, выгоняющіе воду изъ волжскихъ устьевъ и со всего прибрежья сѣверной части Каспійскаго моря; а юго-восточные, вполнѣ имъ противоположные, называются „нагонными", такъ какъ вода изъ моря стремится въ берега, выходитъ изъ нихъ, поднимаетъ уровень моря, часто затопляя рыболовные станы и селенія; вообще этотъ вѣтеръ возвышаетъ уровень воды во всей сѣверной части бассейна, замедляетъ теченіе волжскихъ рукавовъ, и на значительномъ разстояніи отъ низовьевъ рѣки вода всюду стремится на сѣверъ и затопляетъ все низменное прибрежье. При этомъ во многихъ ерикахъ и проранахъ она принимаетъ обратное теченіе къ ильменямъ; этотъ-то вѣтеръ съ сопровождающимъ его явленіемъ затопленія сѣверныхъ береговъ и называется „моряною". Относительно собственно Волги и ея вліянія на уровень Каспійскаго моря можно замѣтить, что въ настоящее время начало половодья наступаетъ ранѣе, чѣмъ прежде, такъ что въ началѣ 40-хъ годовъ между вскрытіемъ и первымъ возвышеніемъ воды проходило до 42-хъ дней. (Среднее вскрытіе Волги, выведенное за 40-лѣтній періодъ, бываетъ 13 марта, самое раннее вскрытіе рѣки было 8 февраля 1837 г., а самое позднее — 5 апрѣля 1833 года). Теперь вы-

сокая вода является раньше прежняго, но разница здѣсь менѣе, а колебаніе отдѣльныхъ періодовъ значительнѣе. Продолжительность половодья увеличилась противъ прежняго; возвышеніе воды наступаетъ ранѣе и кончается скорѣе, чѣмъ это имѣло мѣсто 30 лѣтъ назадъ. Наконецъ, высота воды болѣе прежняго, и колебанія ея при этомъ велики. Надо замѣтить, что такое дѣйствіе оказываютъ вѣтры на сѣверномъ берегу Каспійскаго моря; въ южной части моря происходитъ обратное явленіе: южные вѣтры отгоняютъ воду отъ береговъ, а сѣверные ее нагоняютъ, и при содѣйствіи мѣстныхъ западныхъ вѣтровъ довольно высоко поднимаютъ уровень моря въ этихъ мѣстахъ. Что же касается средины моря, то тамъ замѣчается обыкновенно высокая вода при сѣверномъ и сѣв.-восточ. вѣтрѣ и низкая при юго-восточномъ. Резюмируя все сказанное объ измѣненіяхъ поверхности Каспійскаго моря, можно придти къ заключенію, что хотя колебанія уровня этого моря представляютъ фактъ давно уже замѣченный, но для всесторонняго его изученія сдѣлано пока весьма мало, и хотя г. Филипповъ, основываясь на фактическихъ данныхъ, и старался отвергнуть существующее до сего времени мнѣніе, что уровень Каспія находится въ зависимости отъ неизвѣстныхъ причинъ, вызывающихъ колебанія поверхности моря въ тридцатилѣтній періодъ времени, тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что берега этого моря измѣняются медленно, вслѣдствіе чего и измѣняемость горизонта воды подвергается такимъ же медленнымъ поднятіямъ и пониженіямъ, чему способствуютъ и вулканическія движенія морского дна.

Долгое время фауна Каспійскаго моря считалась наиболѣе бѣдной. Проф. Гриммъ, въ своихъ экспедиціяхъ 1874 и 1876 гг., когда онъ чрезвычайно подробно изслѣдовалъ фауну этого моря, показалъ, что фауна его гораздо разнообразнѣе, чѣмъ предполагали это, и что она особенно отличается числомъ многочисленныхъ обитателей моря существующихъ здѣсь, правда весьма немногочисленныхъ, видовъ... Какъ и берега Каспія, такъ и фауну его можно раздѣлить на сѣверо-восточную и юго-западную. Въ особенности мелководная и песчаная часть восточнаго берега представляетъ непосредственное продолженіе закаспійскихъ степей, съ ихъ ровной поверхностью, переносными песками и бѣдной фауной. Сѣверная уже значительно богаче, а несравненно болѣе богатой является фауна юго-западныхъ береговъ моря. „Богатая фауна Закавказья и Персіи,—говоритъ проф. Гриммъ,—продолжается и въ прилегающихъ къ нимъ частяхъ моря. Тигры, барсы, гіены, волки, шакалы, барсуки, дикообразы, кабаны и много другихъ замѣняются здѣсь несмѣтными полчищами бѣлугъ, осетровъ, севрюгъ, шиповъ, сомовъ, судаковъ, щукъ, кутумовъ, лососей и пр. и пр., а многочисленныя насѣкомыя суши замѣняются въ морѣ сравнительно громаднымъ количествомъ ракообразныхъ, червей, моллюсковъ, число которыхъ увеличивается вмѣстѣ съ глубиной моря, гдѣ начинаются собственно море и морская фауна". Но не только фауна, но и флора западныхъ и южныхъ береговъ богаче какъ видами, такъ въ особенности особями. Проф. Гриммъ на пути къ Дербенту видѣлъ въ этомъ смыслѣ замѣчательное явленіе. „Миль за 30 до Дербента, я замѣтилъ на поверхности воды небольшія, грязновато-зеленоватыя хлопья, плававшія то на самой поверхности воды, то на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ; собранныя съ помощью сѣтки, хлопья эти оказались тончайшими нитями, слизистыми на-ощупь и совсѣмъ исчезающими при высыханіи: отъ нихъ оставалась только мельчайшая пыль въ ничтожномъ количествѣ. Далѣе у Дербента эти хлопья встрѣчались уже чаще; далѣе, когда мы пошли на глубину, попадались уже на разстояніи 2 — 3 футовъ, пока наконецъ мы не увидѣли передъ собой сѣровато-зеленоватую массу, покрывавшую собою весь почти горизонтъ, видимый со шхуны. Это была масса зелени, водорослей, разстилавшаяся ковромъ на десятки квадратныхъ миль и имѣвшая въ толщину 5 — 6 футовъ. Со шхуны нашей все это пространство казалось плотно скошеннымъ лугомъ, такъ что хотѣлось стать ногой; но шхуна наша безпрепятственно разсѣкала толщу этого безчисленнаго множества особей растительнаго организма, оставляя за собой сперва бѣлую пѣнистую, потомъ синюю полосу морской воды". Въ водахъ Каспія обитаетъ весьма большое ко-

личество молюсковъ, ракообразныхъ, губокъ и другихъ, но насъ въ особенности интересуютъ рыбы Каспія, такъ какъ онѣ по своему непосредственному значенію, какъ доставляющія массу питательнаго вещества для русскаго народа, имѣютъ весьма важное и существенное значеніе. Но несомнѣнно, что громадное число рыбъ, водящееся въ Каспійскомъ морѣ, должно находить себѣ и соотвѣтствующую пищу. Мы видимъ, что и распредѣленіе молюсковъ распредѣляется на три яруса: верхній до глубины 10 саженъ, при наименьшей солености воды и при обиліи питательныхъ веществъ въ видѣ водорослей, діатомовыхъ, инфузорій и проч., температура чрезвычайно измѣнчивая; средній ярусъ, гдѣ питательныхъ веществъ несравненно менѣе—они по всей вѣроятности состоятъ изъ діатомовыхъ и разлагающихся тѣлъ умершихъ животныхъ—до 60 саж. глубины,—и, наконецъ, нижній ярусъ моря, гдѣ постоянно однообразная температура въ 8—9° при отсутствіи движенія; питательныя вещества въ видѣ ила, почти исключительно составляющаго грунтъ. Въ ближайшей сѣверной прибрежной полосѣ живутъ формы молюсковъ верхняго яруса—въ полосѣ, близко совпадающей съ предѣломъ прибрежныхъ песковъ. Здѣсь именно находится настоящее царство животныхъ верхняго яруса. На восточной же сторонѣ Каспійскаго моря, на подводной степи, примыкающей къ мертвой Закаспійской степи суши и начинающейся у Карабугаза, находимъ почти полное отсутствіе не только молюсковъ, но и другихъ животныхъ, что обусловливается засыпаніемъ этихъ мелководныхъ прибрежныхъ мѣстъ песками суши, убивающими всякую растительную и животную жизнь. Но вообще, до зоологическихъ изслѣдованій Гримма, это море считалось чрезвычайно бѣднымъ видами. Гриммъ говоритъ, что дѣйствительно его фауна, не особенно богатая, возлѣ Баку дѣлается совершенно бѣдной по направленію къ восточному берегу Каспійскаго моря; такъ что уже на глубинѣ около 60 саженъ, приблизительно въ 15 пудахъ грунта, вытащенныхъ драгою, онъ нашелъ только одного червяка, а на 150 саж. глубины и того не было. Красноводскій и Балханскій заливы дали весьма небольшое число животныхъ и эти мѣстности составляютъ переходъ отъ бакинской бѣдности фауны къ абсолютной пустотѣ всего восточнаго берега отъ острова Челокеня до Астрабадскаго залива. Немного богаче заливы Астрабадскій и Энзели. Тѣмъ не менѣе, фауна Каспійскаго моря богаче фауны сѣверной части Балтійскаго и Аральскаго морей. Проф. Гриммомъ найдено было въ Каспійскомъ морѣ безпозвоночныхъ животныхъ, не считая внутренностныхъ червей, простѣйшихъ инфузорій и корненожекъ, около 115 видовъ, а именно около 70 видовъ ракообразныхъ, 27 видовъ молюсковъ, 15 видовъ червей и четыре вида губокъ. Безъ сомнѣнія, безразлично знать названія всѣхъ этихъ безпозвоночныхъ животныхъ; но что весьма интересно — это то, что они всѣ, какъ по своей величинѣ, такъ и по строенію, составляютъ удобную пищу для рыбъ. Здѣсь нѣтъ толстораковинныхъ молюсковъ, крупныхъ раковъ, неудобоваримыхъ иглокожихъ; нѣтъ между ними явныхъ враговъ и конкурентовъ рыбъ; напротивъ, всѣми ими питаются рыбы, не исключая и наиболѣе крупныхъ кардидовъ, идущихъ въ пищу крупнымъ осетровымъ породамъ, каковы бѣлуга и осетръ. Это обстоятельство чрезвычайно интересно въ томъ отношеніи, что оно должно считаться одною изъ причинъ рыбнаго богатства Каспійскаго моря, тогда какъ другая главная причина этого лежитъ въ существованіи въ Каспіѣ неизмѣримо громаднаго количества особей этихъ безпозвоночныхъ животныхъ, являющагося какъ-бы взамѣнъ бѣдности числа видовъ. Дѣйствительно, этихъ молюсковъ—миріады. Всѣ намывные острова главнымъ образомъ состоятъ изъ раковинъ нынѣ живущихъ двустворчатыхъ молюсковъ. На берегу во многихъ мѣстахъ лежатъ груды тѣхъ же раковинъ, дно моря покрыто на тысячи верстъ опять-таки раковинами. Понятно, уже одно это показываетъ несомнѣнно, что въ Каспіѣ то небольшое число видовъ молюсковъ, которое живетъ въ немъ, находится въ громадномъ количествѣ особей. „Прозондировавъ море на большомъ числѣ точекъ,—говоритъ Гриммъ,—поднявъ болѣе 1,000 драгъ на всевозможныхъ глубинахъ до 500 саженъ, и постоянно обращая вниманіе не только на качество, но и на количество добытыхъ животныхъ, я пришелъ къ тому заключенію, что здѣсь, въ Каспіѣ,

бѣдность числомъ видовъ всѣхъ вообще животныхъ вознаграждается богатствомъ особей. Здѣсь существуетъ масса питательныхъ веществъ, въ видѣ разныхъ мелкихъ червей, молюсковъ и раковъ; присутствіемъ такого громаднаго количества пищи для рыбъ только и можетъ быть объясненъ фактъ удивительной населенности Каспія рыбами".

Дѣйствительно, Каспійское море чрезвычайно населено большимъ числомъ рыбъ, преимущественно промысловыхъ; но, несмотря на такое богатство количествомъ особей, оно чрезвычайно бѣдно видами рыбъ. Такъ до 1874 года всего въ Каспійскомъ морѣ считалось 45 видовъ рыбъ. Изслѣдованія фауны Каспійскаго моря проф. Гриммомъ, въ его двухъ экспедиціяхъ, повысили это число до 62 видовъ; число же видовъ рыбъ, исключительно рѣчныхъ, обитающихъ въ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское море, доходитъ до 50, такъ что общее число всѣхъ видовъ Каспійскаго моря 112. Собственно морскихъ рыбъ въ Каспіѣ нѣтъ, и изъ всѣхъ рыбныхъ обитателей этого моря, живущихъ исключительно въ немъ, только одинъ морской судакъ составляетъ предметъ промысловаго лова; водящіеся здѣсь въ громадномъ количествѣ бычки, которые, вѣроятно, скоро станутъ объектомъ промысловаго лова, которыхъ насчитывается здѣсь много видовъ, водятся въ большомъ количествѣ, и, по вычисленію проф. Гримма, бычковъ живетъ въ Каспійскомъ морѣ болѣе 38 билліоновъ; считая пять на фунтъ, это составитъ 48 милліоновъ пудовъ бычковъ, занимающихъ 309,988 квадратныхъ верстъ, т.-е. ту гораздо большую часть, какая приходится теперь на долю непромысловыхъ рыбъ; промысловыя же рыбы занимаютъ не болѣе трети всей площади Каспійскаго моря, такъ какъ онѣ никогда не выходятъ изъ предѣла 10—20 саженной глубины. Такимъ образомъ, изъ 112 видовъ рыбъ, обитающихъ въ Каспійскомъ бассейнѣ, 26 видовъ рыбъ приходится на долю рыбъ, исключительно живущихъ въ морѣ, 36 видовъ на долю рыбъ, живущихъ въ морѣ и въ рѣкахъ. Къ такимъ рыбамъ принадлежатъ самыя цѣнныя промысловыя породы, какъ осетровыя и лососевыя, а также породы весьма важныя, по громаднымъ количествамъ, въ какихъ онѣ водятся, для промышленнаго рыболовства. 29 видовъ изъ 36 принадлежатъ къ промысловымъ рыбамъ.

Отсутствіе спеціально морскихъ рыбъ въ водахъ Каспія едва-ли можно объяснить малой соленостью воды въ этомъ морѣ, во-первыхъ потому, что въ нѣкоторыхъ участкахъ его есть очень соленая вода (вблизи восточныхъ береговъ), а во-вторыхъ потому, что въ Черномъ, Балтійскомъ морѣ (содержащемъ вдвое менѣе солей, чѣмъ Каспій), а въ особенности въ Финскомъ его заливѣ, почти прѣсноводномъ, обитаютъ настоящія морскія рыбы. Отсутствіе послѣднихъ объясняется неимѣніемъ связи Каспія съ какимъ-нибудь морскимъ бассейномъ, такъ какъ не надо забывать, что теперешнее море не болѣе какъ большое озеро солоноватой воды. Морскія рыбы, обитатели Чернаго и Балтійскаго морей, зашли сюда и акклиматизировались изъ океана. Каспійское же море, какъ остатокъ отъ бывшаго нѣкогда материковаго моря, вполнѣ прѣсноводнаго, и не могло содержать чисто-морскихъ рыбъ. Правда, это море, какъ можно предполагать, уже послѣ отдѣленія Азовскаго съ Чернымъ, находилось въ соединеніи съ Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ посредствомъ какого-нибудь узкаго пролива, такъ какъ въ Каспіѣ и Сѣверномъ океанѣ живутъ и до сихъ поръ нѣсколько общихъ животныхъ видовъ, напр., породы осетровыхъ рыбъ, тюлень, кромѣ того многія безпозвоночныя животныя, открытыя Гриммомъ; но, во всякомъ случаѣ, это соединеніе было незначительно, такъ какъ въ Каспій не успѣли проникнуть настоящія сѣверно-морскія рыбы и молюски.

Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстное количество питательныхъ веществъ въ какомъ-нибудь бассейнѣ должно находиться въ строгой пропорціональности съ обитающими въ немъ животными. Дельта Волги, какъ мы увидимъ ниже, представляетъ чрезвычайно благопріятныя мѣста для выводки рыбы, представляя собой массу укромныхъ озеръ, покрытыхъ камышомъ, пугой (чеканомъ) и другой растительностію, съ весьма разнообразной температурой воды, вполнѣ соотвѣтствующими разнообразнымъ потребностямъ мальковъ различныхъ породъ. Покрытыя

обильной растительностью, поемныя мѣста служатъ весьма благопріятнымъ мѣстомъ для расположенія безчисленнаго множества двукрылыхъ, яички которыхъ, снесенныя при нагонныхъ вѣтрахъ или въ половодье водой въ ильмени и озера, составляютъ массу питательнаго матеріала, какъ въ видѣ яицъ, такъ въ особенности въ видѣ развившихся изъ нихъ личинокъ. Эти благопріятныя условія въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море, богатство особями существующихъ въ морѣ видовъ молюсковъ и различныхъ мелкихъ ракообразныхъ, представляющихъ изобильную пищу рыбамъ, въ особенности вблизи береговъ, являются причиною существованія громаднаго количества особей именно промысловыхъ рыбъ; такъ какъ послѣднія, какъ живущія въ морѣ (на незначительной глубинѣ) и въ то-же время въ рѣкахъ, находятъ наиболѣе благопріятныя условія для своего нереста (метанія икры), мѣсто убѣжища для икры и вышедшей изъ нея молоди и вскармливанія ея. Только этимъ и можетъ быть объяснено то громадное множество водящейся рыбы, какъ въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспій, такъ и въ самомъ морѣ. Можно, не боясь значительно ошибиться, принять ежегодный уловъ Каспійскаго бассейна въ 20.000,000 пудовъ рыбы на сумму до 30.000,000 руб. сер. Эти цифры могутъ дать возможность опредѣлить и общее количество промысловой рыбы, такъ какъ ежегодный уловъ рыбы составлялъ пятнадцатую его часть. Несмотря на то, что нѣкоторыя промысловыя рыбы заходятъ довольно глубоко въ море зимой, напр. сельди, большинство изъ нихъ живетъ на глубинѣ, не превышающей 10 саженъ. Зная это, можно было бы легко изобразить конфигурацію промысловыхъ рыбъ, обитающихъ въ Каспіи, сообразно существующей такой глубинѣ; но, кромѣ того, на распредѣленіи по морю, на этой глубинѣ, рыбы — имѣютъ еще вліяніе и другія обстоятельства, и потому горизонтальное ихъ распространеніе далеко не равномѣрно.

Гораздо болѣе отличія представляютъ, въ отношеніи количества обитающихъ рыбъ, западная и восточная часть моря, такъ какъ послѣдняя часть берега имѣетъ гораздо менѣе обитателей, какъ матеріала для пищи рыбъ, чѣмъ восточная. Но такое же „количественное" различіе, хотя, впрочемъ, въ меньшей степени, существуетъ и между сѣверной и южной половиной Каспійскаго моря. Различіе глубинъ служитъ объясненіемъ этого явленія. Въ то время какъ на сѣверѣ, болѣе чѣмъ на одну треть, море не имѣетъ глубины болѣе девяти саженъ, на югѣ глубины сразу становятся весьма большими; между тѣмъ изъ наблюденій надъ температурой воды, по Гримму, оказывается, что неглубокія мѣста имѣютъ весьма высокую и измѣнчивую температуру, и что эта температура быстро понижается до 10 — 9° на глубинѣ 50—60 саженъ, а затѣмъ это пониженіе идетъ менѣе быстро до глубины 100 саженъ, и, наконецъ, далѣе оно продолжается крайне медленно, такъ что температура понижается всего на 1° съ глубины 120 до 400 саженъ. На количество рыбы у тѣхъ или другихъ береговъ безспорно вліяетъ и различная соленость воды. Въ заливѣ Карабугазскомъ, весьма насыщенномъ солью, рыба совсѣмъ не обитаетъ, такъ какъ водятся только прѣсноводныя рыбы въ этомъ бассейнѣ, а равно какъ и восточныя прибрежья мало обитаемы рыбами. Наибольшее количество прѣсной воды находится, конечно, въ сѣверной части Каспійскаго моря. У южнаго берега опрѣснены только Астрабадскій и Энзелійскій заливы, такъ какъ здѣсь рѣчки слишкомъ малы для того, чтобы опрѣснить сколько-нибудь самое море; а такъ какъ здѣсь впадаетъ масса горныхъ рѣчекъ, приносящихъ съ собою большое количество питательныхъ матеріаловъ, то понятно, что здѣсь водится большое количество рыбы.

Заливъ Энзели, — говоритъ проф. Гриммъ, — вмѣщающій въ себѣ весь персидскій флотъ, состоящій изъ одного пароходика, подареннаго шаху какимъ-то купцомъ, представляетъ настоящее персидское болото, глубиною въ срединѣ до 2 — $2^1/_2$ саженъ. Его дно покрыто толстымъ слоемъ черной тины, на которой мѣстами произрастаетъ густой камышъ, поднимающійся надъ водою сажени на полторы. Вслѣдствіе этого, понятно, заливъ содержитъ громадное количество разныхъ питательныхъ веществъ для травоядныхъ и насѣкомоядныхъ рыбъ, кото-

рыя уже, въ свою очередь, привлекаютъ сюда хищныхъ рыбъ. Кромѣ того, въ заливъ Энзели впадаетъ довольно большая рѣчка.

Вотъ почему существуетъ здѣсь такое громадное количество рыбъ — кутумовъ, судаковъ, лососей, лещей, сазановъ и усачей, и въ значительно меньшемъ количествѣ: севрюги, осетры и бѣлуги, такъ что арендаторъ персидскихъ водъ, отъ Атрека до Астары, платитъ шаху въ годъ 50,000 червонцевъ, да столько же разнымъ персидскимъ властямъ, въ видѣ обычныхъ бешкешовъ, до которыхъ такъ лакомы персіяне. Но за то въ одномъ заливѣ Энзели ловится рыбы (съ октября по апрѣль) отъ 2,000 до 3,000 пудовъ въ день, несмотря на примитивный ловъ накидной сѣтью и крючковой снастью. Если въ заливѣ Энзели, благодаря впадающей въ него рѣкѣ, такое большое количество питательныхъ матеріаловъ и вода болѣе опрѣснена, что даетъ возможность обитать здѣсь весьма большому количеству рыбъ, то тѣмъ понятнѣе станетъ вліяніе Волги и Урала, впадающихъ въ сѣверную часть Каспійскаго моря и въ значительной степени его опрѣсняющихъ; но главнымъ образомъ это вліяніе, по отношенію къ благопріятности условій обитанія въ немъ рыбъ, оказывается на массѣ приносимаго ими въ море питательнаго матеріала. Можно себѣ представить, сколько приноситъ пищевыхъ веществъ одна система Волги, охватывающая область болѣе чѣмъ въ 30,000 квадратныхъ миль пространства; надо замѣтить при этомъ, что по временамъ года, именно, когда рѣчные бассейны вскрываются и вода весьма энергично и въ большихъ количествахъ вливается въ море, происходятъ извѣстныя колебанія въ степени солености воды моря; такимъ колебаніямъ подвергнуты всѣ части моря, куда впадаютъ болѣе или менѣе значительныя рѣки.

Такимъ, конечно, колебаніямъ подвержена и вода сѣвернаго Каспія, но, къ сожалѣнію, нѣтъ наблюденій надъ колебаніемъ состава въ сѣверной части моря, въ связи съ явленіями жизни рыбъ, хотя вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ этой сѣверной части моря вода вообще значительно опрѣснена, настолько, напр., что на глубинѣ девяти футовъ, куда только доходятъ большія морскія суда и гдѣ они перегружаются на болѣе мелкія, рѣчныя, — вода совершенно прѣсная, такъ что постоянно стоящія здѣсь суда съ различными служащими (таможенный пароходъ и другіе) пьютъ эту воду. Впрочемъ, въ 1881 году, почти всю весну и лѣто приходилось посылать за прѣсной водой къ Бирючей косѣ, верстъ за тридцать. Въ то время, какъ я былъ тамъ (въ августѣ), на Девяти футахъ, мнѣ передавалъ капитанъ таможеннаго парохода, что вотъ уже три дня, какъ они стали вновь пить окружающую ихъ воду, и я приписывалъ это обстоятельство сильнѣйшему нагонному вѣтру, задерживавшему въ то время распредѣленіе прѣсной, притекающей воды Волги по дальнѣйшимъ пространствамъ сѣверной области моря.

Конечно, весьма благопріятными естественными условіями необходимо объяснить громадное количество рыбы, водящейся въ Каспійскомъ морѣ; къ этому, напр., надо прибавить и то обстоятельство, что, вообще, въ этомъ бассейнѣ весьма мало рыбныхъ паразитовъ, такъ что, какъ сообщаетъ проф. Кесслеръ, видовъ паразитическихъ формъ весьма мало, и „если нѣкоторыя изъ нихъ и встрѣчаются въ обитателяхъ самаго моря въ большихъ количествахъ, то въ Волгѣ мы и этого не замѣчаемъ“. Это зависитъ, очевидно, отъ недостатка болотъ въ Поволжьѣ, этихъ притоновъ и разсадниковъ всевозможныхъ паразитовъ, такъ какъ вообще количество видовъ и особей паразитныхъ глистовъ находится въ тѣсной зависимости отъ количества болотъ...

Вообще сѣверныя части моря представляютъ наиболѣе благопріятныя условія для рыбоводства. Надо замѣтить, что вообще, по мѣрѣ заселенія рѣкъ, по мѣрѣ расчистки береговъ, вырубанія лѣсовъ, срѣзыванія камыша и тростника, растущихъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, благопріятныя условія для нереста, размноженія, питанія и выращенія рыбы все уменьшаются. Поэтому и замѣчается въ Россіи явленіе постепеннаго обѣдненія рѣкъ рыбами, по направленію отъ запада къ востоку, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе направлялась на востокъ

культурная дѣятельность человѣка. Дунай, Днѣпръ, наконецъ, въ послѣднее время, и Донъ совершенно обѣднѣли, и не столько отъ значительнаго рыболовства, сколько отъ тѣхъ перемѣнъ въ природѣ береговъ, которыми сопровождалась культурная дѣятельность человѣка. Безъ сомнѣнія, на богатство моря вліяетъ весьма сильно и органическая жизнь рѣкъ, впадающихъ въ него, въ особенности для развитія такъ-называемыхъ переходныхъ рыбъ, которыя въ извѣстное время подымаются въ рѣки; а, какъ мы видѣли, именно большинство, весьма значительное по своей численности, и составляютъ въ этомъ бассейнѣ промысловыя рыбы. Волга въ этомъ отношеніи представляетъ прекрасныя условія. Все среднее и нижнее теченіе рѣки чрезвычайно мало культивировано, промышленность лишь дѣлаетъ первые шаги, населеніе чрезвычайно рѣдкое; берега почти совсѣмъ не застроены и весьма мало воздѣланы. Рѣка и ея притоки, протекая по лѣсистымъ или степнымъ мѣстностямъ, богатымъ растительной и животной жизнью, во время весеннихъ разливовъ, разливаются часто на нѣсколько верстъ или даже нѣсколько десятковъ верстъ, захватываютъ въ своемъ стокѣ неисчислимое количество всевозможныхъ личинокъ мелкихъ насѣкомыхъ и массу всякаго рода питательнаго матеріала. Устья всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море, покрыты сплошь камышомъ, тростникомъ, представляющимъ царство мошекъ и комаровъ. Кому приходилось хоть разъ побывать въ камышахъ Волжской дельты (какъ мнѣ во время охоты въ низовьяхъ Волги), тотъ никогда не забудетъ болѣзненныхъ ощущеній, которыя причиняли ему эти маленькіе враги. Пологъ для сна (самые бѣднѣйшіе промышленники и рабочіе обязательно имѣютъ пологъ, а иначе нѣтъ возможности уснуть) составляетъ необходимую принадлежность на всѣхъ волжскихъ ватагахъ. „Къ тому же,—говоритъ Гриммъ,—продолжительное и теплое лѣто способствуетъ размноженію этихъ насѣкомыхъ, доставляя, по крайней мѣрѣ многимъ изъ нихъ, возможность многократнаго развитія, черезъ что количество ихъ увеличивается въ значительной степени,—слѣдовательно, самое географическое положеніе Каспійскаго моря и низовьевъ впадающихъ въ него рѣкъ представляетъ уже условія, благопріятныя для рыбоводства". При чемъ надо замѣтить, что наибольшая масса питательныхъ веществъ, въ видѣ разныхъ безпозвоночныхъ животныхъ, проживаетъ на болѣе мелкихъ мѣстахъ, гдѣ должны также исключительно проживать и промысловыя рыбы, какъ формы прѣсноводныя; мелководныя пространства развиты весьма сильно въ Каспійскомъ морѣ, въ особенности на сѣверѣ. Въ мелкихъ водахъ и содержаніе кислорода гораздо больше, чѣмъ въ глубокихъ, и менѣе соленая вода и богатые запасы питательныхъ матеріаловъ; кромѣ того, эти части моря, вслѣдствіе близости устьевъ, даютъ возможность рыбѣ идти въ рѣки для нереста. Не только весь сѣверный берегъ представляетъ такія условія, но и прибрежье моря возлѣ р. Куры, чѣмъ и объясняется, что самые богатые промыслы находятся, кромѣ сѣверной части моря, еще въ мелководныхъ частяхъ р. Куры и въ самой Курѣ.

Куринскія или сальянскія воды принадлежали въ прошломъ столѣтіи ширванскому хану, у котораго ихъ снялъ въ аренду Варвацци за 5,000 руб. въ годъ. Послѣ него было много арендаторовъ, при чемъ цѣна аренды за рыболовныя воды все увеличивалась. Въ 1825 году воды эти были сняты индѣйцемъ Мочудасовымъ за 57,000 руб. сер. въ годъ, и онъ устроилъ здѣсь знаменитую ватагу „Божій Промыселъ". Затѣмъ воды были въ казенномъ управленіи и давали доходу казнѣ до 125 тысячъ въ годъ, потомъ онѣ отдавались въ аренду и въ 1847 году были отданы Лироманову за 170,000 р. въ годъ, въ 1855 году Мирзоеву—за 312,000 рублей, а теперь Ананову и Алиханову за сумму около 400 тыс. руб. Очень понятно, что Кура, имѣющая протяженіе около тысячи верстъ и проходящая черезъ чрезвычайно богатыя мѣстности Закавказья, такъ какъ она орошаетъ губерніи Кутаисскую, Тифлисскую, несетъ массу питательныхъ веществъ, богатыхъ всевозможными насѣкомыми.

Но прогрессивно все увеличивающаяся откупная цѣна не могла не отразиться весьма дурнымъ образомъ на все увеличивающемся хищническомъ рыболовствѣ. Здѣсь давнымъ-давно

употребляются забойки въ трехъ мѣстахъ на Курѣ; новые арендаторы, зная, что деревянныя забойки пропускаютъ извѣстное количество рыбы, выписали изъ за-границы англичанина-инженера и выстроили желѣзную забойку, которая обошлась имъ въ 1,000 руб. сер. Но всѣ замыслы арендаторовъ, чтобы захватывать всю вошедшую въ Куру осетровую рыбу, не вполнѣ удались: такъ какъ весной быстрая рѣка наноситъ громадное количество сора, отъ котораго рабочіе не въ состояніи очищать ее и желѣзная забойка подъ напоромъ воды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ломается, то, во избѣжаніе этого, по нѣскольку дней, весной арендаторы принуждены открывать рѣшетку, чѣмъ и дается возможность хотя нѣкоторому количеству рыбы проникнуть вверхъ по рѣкѣ. Нельзя не пожелать, чтобы и къ рыболовству въ устьяхъ Куры была приложена таже система запрещенія всякаго лова, какая практикуется на Волгѣ, но, конечно, съ тѣмъ, чтобы запрещенные для лова мѣсяцы были назначены сообразно съ дѣйствительнымъ икрометаніемъ осетровыхъ породъ, а не почти по окончаніи этого акта, какъ это теперь имѣетъ мѣсто на Волгѣ, такъ какъ въ настоящее время періодъ нереста осетровыхъ рыбъ опредѣленъ въ періодъ прибыванія весенняго половодья.

Уже было сказано о вліяніи вѣтровъ на уровень моря. При верховомъ вѣтрѣ устья рѣкъ становятся на это время мелководными, при обратномъ же вѣтрѣ теченіе воды въ Волгѣ задерживается, и морская вода нагоняется и иногда весьма значительно поднимается въ рѣкѣ. При послѣднемъ случаѣ морской песокъ, приносимый водой, нагоняемой съ моря, встрѣчается съ частицами земли, приносимыми рѣчной водой, и образуютъ въ устьяхъ баръ; вслѣдствіе образованія такихъ баровъ, устья рѣкъ Волги, Урала мало-по-малу мелѣютъ, а устье Эмбы занесено пескомъ. Во время сильныхъ верховыхъ вѣтровъ эти и безъ того мелководныя устья становятся еще больше мелкими и часто на это время не судоходными. Такой вѣтеръ играетъ немаловажную роль въ біологической жизни рыбъ. Если случится, напр., сильный верховой вѣтеръ и большое обмелѣніе устьевъ Волги и Урала, во время входа рыбы изъ моря въ рѣки, то обмелѣніе это не можетъ не влiять на этотъ ходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на размноженіе рыбы. Отъ хорошаго же хода рыбы зависитъ ея уловъ. Но надо прибавить, что не только вѣтеръ, противный направленію входящей въ рѣки рыбы, препятствуетъ ея ходу, но и совершенно тихая погода задерживаетъ входъ рыбы въ рѣки; послѣдній значительно увеличивается при продолжительныхъ нагонныхъ вѣтрахъ, такъ какъ въ это время устья рѣкъ значительно углубляются. На Уралѣ, напр., по мнѣнію Данилевскаго, всякій вѣтеръ, не юго-западный, долженъ вредить входу рыбы въ рѣку и вообще въ отмелую прибрежную часть моря, принадлежащую казакамъ. А такъ какъ главный весенній ходъ рыбы, на которомъ основанъ весенній курхай и севрюжья плавня, продолжается не болѣе мѣсяца — съ половины апрѣля до половины мая, то весьма мало шансовъ, чтобы какъ разъ въ то время дули нагонные вѣтры, обусловливающіе хорошіе уловы, которые и бываютъ обыкновенно лишь въ теченіе нѣсколькихъ дней. Такимъ образомъ, на первый взглядъ, морской вѣтеръ слѣдовало бы отнести къ условіямъ благопріятнымъ, такъ какъ онъ способствуетъ входу рыбы въ рѣки; но въ дѣйствительности этотъ вѣтеръ способствуетъ образованію мелей въ устьяхъ рѣкъ, которыя и загораживаютъ входъ въ рѣки, дѣлая въ то же время устья мелководными; а вслѣдствіе этого заграждаютъ входъ въ нихъ, и послѣднія становятся безрыбными. Такой, напр., случай имѣлъ мѣсто съ рѣкой Эмбой, сдѣлавшейся черезъ засыпаніе ея устья малорыбной. Также весьма вредно для біологической жизни рыбъ вліяетъ и поднятіе материка, вслѣдствіе котораго мелѣютъ, отклоняются и совсѣмъ исчезаютъ не только устья, но и самыя рѣки. Такимъ поднятіемъ, по мнѣнію г. Гримма, и объясняется прекращеніе теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море, а вслѣдствіе этого, конечно, и обѣдненіе его на значительное количество рыбами, которыя обитали въ бассейнѣ Аму-Дарьи. Говоря объ уровнѣ моря, было указано на то, что море отступаетъ все болѣе къ своему центру; по крайней мѣрѣ, это замѣчается у сѣверныхъ береговъ, все дальше и дальше выдающихся въ море, вслѣдствіе чего пространство моря съ

меньшими глубинами понемногу уменьшается и море отъ сѣвернаго берега отступаетъ, но это происходитъ въ столь незначительныхъ размѣрахъ, что пройдутъ сотни лѣтъ, прежде чѣмъ это можетъ отразиться въ видѣ значительнаго уменьшенія области сѣверной части моря, когда, слѣдовательно, произошло бы уменьшеніе и самаго рыболовства. Но, безъ сомнѣнія, подобныя вліянія различныхъ чисто-физическихъ условій дѣйствуютъ весьма медленно, и въ случаѣ измѣненія условій природы въ подобномъ неблагопріятномъ для рыболовства смыслѣ пройдетъ много, много времени, прежде чѣмъ эти вліянія скажутся замѣтнымъ образомъ на рыболовствѣ. Къ условіямъ неблагопріятнымъ для каспійскаго рыбоводства слѣдуетъ отнести массу враговъ рыбы, отъ которыхъ оно также весьма значительно страдаетъ, какъ отъ человѣка: массы „мартышекъ“ сотнями и тысячами летаютъ надъ рѣками, а также бабъ-птицъ, которыя уничтожаютъ милліоны рыбъ. Но во всякомъ случаѣ, съ одной стороны, съ развитіемъ культуры человѣка, во всякой рѣкѣ должно уменьшаться количество рыбъ, вслѣдствіе уменьшенія благопріятныхъ условій для переноса и размноженія рыбъ. Богатые фауной и флорой лѣса уничтожаются, степи превращаются въ засѣянныя поля съ однообразными злаками, болота осушаются, тростники уничтожаются, камыши скашиваются. Рядомъ съ такимъ культурнымъ вліяніемъ, измѣняющимъ первоначальныя хорошія условія для развитія рыбнаго богатства въ неудовлетворительныя, необходимо также и возстановить то вліяніе, которое съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе дѣйствуетъ на уменьшеніе, если не запаса рыбныхъ богатствъ, если не количества особей, го ихъ величины, такъ какъ несомнѣннымъ фактомъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи каспійскаго и уральскаго рыболовства, является весьма значительное уменьшеніе въ вѣсѣ различныхъ породъ рыбъ, какъ частиковыхъ, такъ и красной рыбы, т.-е. рыбъ чешуйчатыхъ и рыбъ породъ осетровыхъ, о чемъ нѣсколько подробнѣе будетъ сказано далѣе. При этомъ явится необходимымъ и назначеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя бы до извѣстной степени сдерживали то хищническое рыболовство, которое, какъ по количеству ловцовъ, такъ и благодаря все уменьшающимся ячеямъ въ сѣтяхъ, вылавливаетъ часто не достигшую половой зрѣлости рыбу, часто непроизводительно ее уничтожаетъ и такимъ образомъ нарушаетъ правильный строй жизни рыбъ, не давая имъ, въ свою очередь, исполнить необходимую функцію — для поддержанія дальнѣйшаго существованія породъ—плодить на землѣ жизнь... Культура человѣка вліяетъ весьма сильнымъ образомъ въ моменты наиболѣе критическіе въ жизни рыбъ. Рыбы совершаютъ періодическія передвиженія изъ однѣхъ водъ въ другія, предпринимаемыя съ цѣлью нерестованія въ различныя времена. Въ это время человѣкъ съ безчисленными всевозможными орудіями ждетъ ее для того, чтобы захватить въ свои руки, не давъ ей возможности плодить дальше жизнь на землѣ. Многія рыбы абсолютно нуждаются въ переходѣ изъ солоноватой въ прѣсную воду; но, по всей вѣроятности, при этомъ большую роль играетъ движеніе воды, нежели ея прѣсность. „Огромное большинство рыбъ,—говоритъ г. Кесслеръ,— перестится весной или въ началѣ лѣта, а потому и передвиженіе рыбъ проходныхъ или полупроходныхъ въ означенное время бываетъ самое оживленное, одинъ табунъ смѣняетъ другой, одинъ видъ тѣснитъ другой“. Но въ южной полосѣ моря нѣкоторые виды, нерестящіеся ранней весной, уже съ осени входятъ въ рѣки изъ моря. Такъ, въ Куру осенью или зимой вступаетъ шемая (Alburnus chalcoides), урлихъ (Aspius rapax) и вырѣзубъ (Lucisus Frisii). Между всѣми проходными рыбами Каспійскаго моря по своей величинѣ и по дальности періодическихъ странствованій первенствующую роль играютъ рыбы изъ семейства осетровыхъ, т.-е. бѣлуга, осетръ, шипъ и севрюга. По громадности и густотѣ образуемыхъ ими табуновъ замѣчательны сельди; изъ числа же рыбъ полупроходныхъ, т.-е. молодежь которыхъ долго остается послѣ выхода изъ яицъ въ мѣстахъ нерестованія, замѣчательна вобла (родъ плотвы)... „Какъ мало жизнь рыбъ намъ извѣстна,—говоритъ тотъже покойный ученый ихтіологъ Кесслеръ,—наилучше доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что мы до сихъ поръ не имѣемъ точныхъ и полныхъ свѣдѣній насчетъ нерестованія рыбъ

осетровыхъ, тогда какъ этотъ вопросъ имѣетъ и важный научный интересъ, и государственное значеніе".

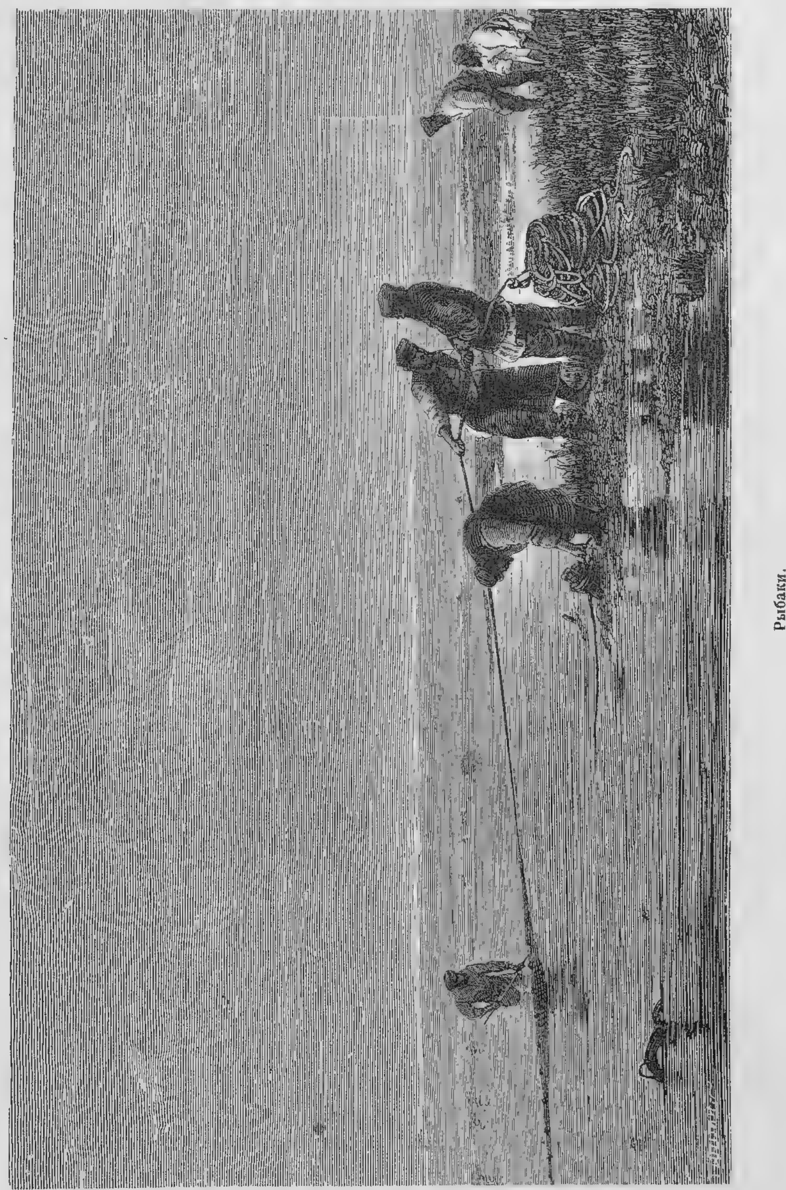
Каспійское море раздѣляется на шесть рыбныхъ областей: Персидскую, Мангишлакскую, Западную, Уральскую, Закавказскую и Волжскую область, въ которой дѣйствуетъ уставъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ. Разсмотримъ границы всѣхъ этихъ областей. Персидская область расположена вдоль южнаго берега Каспійскаго моря, между рѣками Атрекомъ и Астарою. Эти воды съ давнихъ поръ содержатся на арендѣ у астраханскихъ купцовъ, выплачивающихъ ежегодно большія аренды персидскому правительству. Эти воды чрезвычайно богаты рыбой; здѣсь въ изобиліи ловится рыба осетровыхъ породъ или такъ-называемая красная рыба, но и чешуйчатой здѣсь весьма большое количество. Западный рыболовный отдѣлъ Каспійскаго моря заключаетъ въ себѣ воды самурскія, дербентскія, кубанскія, теремкинскія, бехтемирскія, чеченскія, шахмалъ-терковскія; онъ граничитъ съ дербентской областью къ острову Учъ и занимаетъ пространство по морскому берегу въ 25 кв. вер. и 76 вер. отъ берега въ море. Мангишлакскія воды лежатъ у Тюксъ-Караганскаго мыса на 25 верстъ къ сѣверу и столько-же къ западу, охватывая пространство всего въ 625 кв. верстъ. Уральскій рыболовный участокъ захватываетъ по морю около 9,000 кв. верстъ и 600 верстъ по теченію р. Урала, и занимаетъ третье мѣсто по величинѣ среди этихъ рыболовныхъ районовъ Каспійскаго моря. Еще выше ихъ стоятъ такъ-называемыя закавказскія воды, весьма обширныя по занимаемому ими пространству. Онѣ простираются вдоль морского берега, начиная съ южныхъ границъ Дербентской губерніи до персидскихъ владѣній и, углубляясь верстъ на 50 во внутрь моря отъ берега, занимаютъ теченіе рѣкъ Куры и Арагвы, состоятъ изъ участковъ Сальянскаго, Кизылъ-Агачскаго, Шемахинскаго, Муганскаго, Нухинскаго, Елизаветпольскаго, Араксинскаго, Аджа-Кобульскаго, изъ которыхъ Сальянскій и Кизылъ-Агачскій самые богатѣйшіе участки въ мірѣ.

Безспорно, самый богатый участокъ моря съ прилегающей къ нему рѣкой Волгой составляетъ громадную область моря, границы ея составляютъ берега терскихъ казаковъ, западныхъ и восточныхъ Уральскихъ горъ, мангишлакскихъ поселенцевъ; эти пространства составляютъ такъ-называемый морской участокъ, собственно же рѣчной участокъ волжско-каспійскаго рыболовства занимаетъ всю Волгу отъ взморья до Камышина со всѣми протоками, ильменями, проранами и соединенными съ Волгою озерами во время весенняго половодья. Къ рѣчному рыболовству относилась и часть Терека, протекающая по Ставропольской губерніи и состоящая изъ рѣкъ Прорвы, Средней и Таловки. Въ весьма недавнее время эти воды отнесены къ ставропольскому, вновь образованному рыболовному участку. Постараемся въ возможно сжатомъ видѣ представить очеркъ рыболовства и тюленьяго промысла въ Каспійскомъ морѣ, сдѣлавъ обзоръ по отдѣльнымъ участкамъ. Безспорно, самымъ богатымъ по количеству лова и самымъ обширнымъ по пространству воды и развитію рыболовства и рыбной промышленности являются низовья Волги и сѣверо-западная часть Каспійскаго моря. По Волгѣ промышленное рыболовство начинается довольно далеко собственно отъ Камышина, но и здѣсь Волга въ своемъ теченіи до Астрахани по степени улова рыбы подраздѣляется на нѣсколько участковъ. Такъ отъ Камышина до Царицына уловъ рыбы весьма незначителенъ, и здѣсь рыболовство не составляетъ главнаго занятія жителей, а лишь подспорье, притомъ весьма незначительное, хлѣбопашеству и скотоводству, главнымъ промысламъ населенія. Здѣсь расположено весьма незначительное число промысловыхъ заведеній для приготовленія—сушенія и соленія пойманной рыбы,—такъ-называемыхъ ватагъ; здѣсь весною ловится почти исключительно заходящая сюда сельдь, но не въ большихъ количествахъ, и отчасти, но весьма незначительно, ловится и красная рыба. Большая часть такъ-называемыхъ проходныхъ рыбъ не доходитъ до посада Дубовки и возвращается обратно къ морю. Нижнее теченіе Волги, начиная немножко выше Царицына, обнаруживаетъ наклонность къ образованію рукавовъ и протоковъ, между кото-

рыми образуются часто громадныя пространства, заливаемыя водой во время весенняго половодья и часто по скатѣ водъ долго удерживающія воду, сохраняющуюся въ видѣ ильменей или болотъ, поросшихъ болѣе или менѣе камышомъ или чаканомъ и служащихъ прекрасными естественными питомниками для письцекультуры. Такое направленіе Волги уже явно выражается съ образованіемъ Волгой, въ двадцати верстахъ отъ Царицына, рукава Ахтубы. Выпустивъ Ахтубу, Волга продолжаетъ течь къ югу, сохраняя прежнюю свою ширину въ версту или полторы, а отъ Сарепты сворачиваетъ къ юго-востоку, развиваясь версты на двѣ или на двѣ съ половиной. Здѣсь, начиная съ Царицына, увеличивается какъ количество рыбныхъ промысловыхъ заведеній, такъ и ихъ производительность. На этомъ участкѣ отъ Царицына до Чернаго Яра вылавливается отъ 15 до 20 милліоновъ особей селедки, до 10—12 тысячъ пудовъ осетровой рыбы и до милліона чешуйчатой рыбы. Здѣсь приготовляютъ въ продажу икру, клей. Вообще, начиная съ Царицына и спускаясь внизъ по Волгѣ, рыболовство и рыбная промышленность все болѣе и болѣе развиваются и скорѣе являются господствующимъ или, вѣрнѣе, исключительнымъ промысломъ, а хлѣбопашество мало-по-малу является болѣе добавочнымъ и почти совсѣмъ прекращается въ дельтѣ Волги. Эта постепенность въ господствующемъ характерѣ рыболовства прямо сказывается на ватагахъ. Онѣ, вначалѣ весьма незначительныя, приспособленныя лишь для приготовленія и засола 200—300 тысячъ сельдей, какими онѣ являются до Царицына, быстро увеличиваются; такъ между Царицынымъ и Чернымъ Яромъ уже находятся ватаги, приготовляющія болѣе милліона сельдей. На пространствѣ 125 верстъ отъ Чернаго Яра до Енотаевска значительно увеличиваются количество и мощность ватагъ; приготовляется до 30—40 милліоновъ сельдей и болѣе 20,000 пудовъ красной рыбы. Отъ Енотаевска до Астрахани еще болѣе увеличивается и количество ватагъ, и ихъ сила, но въ особенности отъ Астрахани до взморья, такъ какъ здѣсь ватаги расположены въ самыхъ устьяхъ, которыми Волга впадаетъ въ Каспій, поэтому самые изобильные уловы и достаются на долю тѣхъ предпринимателей, которые сумѣютъ расположиться въ устьяхъ рѣкъ, поближе ко входу въ море, когда массы рыбы громадными арміями, если можно такъ выразиться, подъ вліяніемъ инстинкта стремятся весной вверхъ по рѣкѣ, выходя изъ моря. Рѣчное рыболовство весьма рѣзко отличается отъ морского, какъ по условіямъ лова, по орудіямъ его, такъ и по видамъ главнаго количества вылавливаемой рыбы, а также по финансовымъ условіямъ лова и большей или меньшей доступности. Рѣчное и морское рыболовство представляютъ каждое свою особенную типическую физіономію.

Рѣчное рыболовство, казалось бы, должно было явиться наиболѣе доступнымъ для беднѣйшаго класса населенія, какъ по своей доступности, такъ и по сравнительной дешевизнѣ орудій рѣчного рыболовства противъ морского. Но въ дѣйствительности рѣчное рыболовство совсѣмъ недоступно для бѣднаго населенія. Не наше дѣло разбирать, какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ крестьяне-владѣльцы части береговъ не получили въ надѣлъ воды для рыболовства. Воды принадлежатъ владѣльцамъ береговъ: казнѣ, монастырямъ, частнымъ владѣльцамъ, астраханскому казачьему войску и сдаются въ аренду съ торговъ. Казалось бы, что крестьяне должны были пользоваться наравнѣ съ частными владѣльцами правами на обловъ рыбы, но на дѣлѣ этого не существуетъ. „Амфибія,—говоритъ Бобылевъ,—называемая астраханскимъ ловцомъ, который имѣетъ такое же понятіе о сохѣ и плугѣ, какъ о телефонѣ, получила въ надѣлъ что-то въ родѣ земли, покрытой камышами, чаканомъ и солеными травами, и не одной свободной лужи для лова рыбы, которой она искони промышляла и жила". Въ сущности мѣстное населеніе осталось въ такомъ же положеніи, въ какомъ находилось во время крѣпостного права, только мѣсто помѣщика занялъ теперь исключительно арендаторъ, и населеніе едва-ли выиграло отъ этого, такъ какъ такому арендатору или откупщику водъ необходимо выжать все, что только можетъ дать аренда, причемъ ему постоянно приходится сталкиваться съ крестьянскими интересами. ." Такимъ образомъ, рѣчной ловъ является исклю-

чительно арендаторскимъ, и бѣднѣйшему мѣстному населенію предоставлена возможность пользоваться мѣстными рыбными богатствами только на условіяхъ, предписываемыхъ арендаторами, причемъ весь уловъ сдается на ватагу арендатора, по заранѣе назначенной цѣнѣ. Рѣчной и



Рыбаки.

морской ловъ также отличаются и по объекту лова; въ первомъ ловятся преимущественно сельдь, вобла, карпъ, судакъ, вообще такъ называемыя частиковыя рыбы, въ морѣ же ловятся преимущественно осетръ, севрюга, бѣлуга—красная рыба.

Чрезвычайно трудно съ точностью опредѣлить дѣйствительное количество вылавливаемой рыбы, такъ какъ, благодаря рутинѣ коммерческихъ предпріятій, доходъ всякаго предпринимателя или торговца держится въ тайнѣ. Эта „коммерческая тайна“ дѣлаетъ то, что всѣ ста

тистическія данныя объ уловахъ и засолахъ рыбы лишь приблизительны и недостовѣрны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ породъ рыбы, статистическія данныя о которыхъ ведутся правильно астраханскимъ рыбнымъ правленіемъ. Вообще чрезвычайно труденъ вѣрный контроль надъ сотнями предпринимателей.

Ежегодный уловъ волжскаго рѣчного рыболовства простирается приблизительно до 1,000 милліоновъ особей (или до билліона) и до 11.336,000 пудовъ на сумму, превышающую 12 милліоновъ руб. сер. Но это — количество рыбы, употребленной въ дѣло, засоленной; а какое громадное количество ея съѣдается ежегодно мѣстнымъ ловческимъ населеніемъ, главную и самую существенную пищу котораго составляетъ рыба; но еще большее количество рыбы непроизводительно гибнетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не мѣстный житель, проѣзжая весной по рукавамъ Волги, поразится, увидѣвъ громадное количество плывущей по рѣкѣ мертвой рыбы; ему, если онъ незнакомъ ближе съ условіемъ мѣстной рыбной промышленности, и въ голову не придетъ истинная причина подобнаго ужасающаго явленія: человѣческая жадность и корысть въ погонѣ за быстрой наживой—настолько уменьшили ячеи въ сѣтяхъ, для того, чтобы не упускать изъ нихъ годныхъ для торговли экземпляровъ, что сквозь невода не можетъ проскользнуть и рыба молодая, еще недоростокъ, не идущая въ торговлю, какъ „недомѣрокъ", и выбрасываемая вонъ изъ невода, но, къ сожалѣнію, уже въ мертвомъ видѣ, т.-е. громадная тяжесть рыбы, попадающей въ неводъ, при ея вытаскиваніи душитъ особей, да къ тому же негодную рыбу выбрасываютъ изъ невода особыми желѣзными баграми, такъ что обратно въ воду она весьма рѣдко попадаетъ живой.

Неводъ служитъ типомъ орудія рѣчного лова; конечно, ему принадлежитъ львиная доля рѣчного лова. Ловъ неводомъ возможенъ только на удобныхъ мѣстахъ, называемыхъ тонями. Для „тони" необходимъ ровный, чистый грунтъ дна, безъ камней и каршей и вообще безъ всякихъ преградъ, портящихъ неводъ или не дающихъ ему хода, и твердое, покатое мѣсто къ берегу для его притона и отсутствіе мелей по фарватеру.

Старательные арендаторы расчищаютъ тони вновь, такъ какъ отъ количества тонь въ арендуемомъ имъ участкѣ зависитъ и большее количество улововъ. Постройка невода далеко не проста. Хорошій строитель невода долженъ принимать въ соображеніе всѣ естественныя условія, существующія на тонѣ: берега, ширину протока и фарватера, быстроту теченія, глубину.

Для каждой тони долженъ бы быть построенъ соотвѣтствующій неводъ. Частикъ, межсумокъ, рѣдиль и слѣпушка — это дѣли невода, которыхъ относительное количество мѣняется или должно измѣняться согласно мѣстнымъ условіямъ; для мотни употребляется особенная дѣль, болѣе крѣпкая и частая. Величина невода зависитъ отъ величины и ширины протока и достигаетъ иногда версты длины и десятковъ саженъ глубины. Обыкновенно сошариваются изъ дѣлей не покупныхъ, а приготовленныхъ самими промышленниками на промыслахъ, которые значительно меньше. Въ прежнее время, когда запросъ на мелкую частиковую рыбу былъ положительно ничтоженъ, невода обыкновенно устраивались изъ болѣе широкихъ дѣлей; но съ увеличеніемъ запроса на болѣе мелкую частиковую рыбу, съ расширеніемъ района и мѣста сбыта рыбныхъ продуктовъ, невода начали строить все съ болѣе мелкими ячеями. (Для сельди существуютъ спеціальные невода, такъ-называемыя волокуши, меньшихъ размѣровъ, съ мелкими ячеями). При такомъ устройствѣ невода, попадалась въ него масса мелкой рыбы, вполнѣ недоразвившейся, которая не засаливалась, а выбрасывалась вонъ уже мертвой, вслѣдствіе давленія въ неводѣ, доходящаго иногда до нѣсколькихъ сотъ пудовъ. Насколько вредны невода съ частыми дѣлями для запасовъ рыбъ, еще не доросшихъ, видно изъ слѣдующихъ опытовъ, сдѣланныхъ на промыслѣ Тетюшева. Для опыта было взято три невода, составленные каждый изъ однородныхъ ячей, т.-е. невода рѣдилевый, межсумочный и частиковый; при чемъ каждый изъ послѣдующихъ неводовъ забрасывался послѣ выборки предыдущаго, и ловъ ими далъ слѣдующіе весьма интересные результаты.

	Было пой-мано.		Изъ этого числа отобрано рыбы: Годной для посола.	Выбро-шено.
Рѣдильнымъ неводомъ	15,000	особей.	10,000	5,000
Межсумочнымъ неводомъ	40,000	,,	30,000	10,000
Наконецъ частиковымъ	150,000	,,	30,000	120,000

Такимъ образомъ, при одномъ заметѣ рѣдилеваго невода безполезно выловлено и истреблено мелкой рыбы 5,000, межсумочнаго — 10,000, неводомъ изъ частика было истреблено 120,000 рыбъ въ одномъ заметѣ. Это дастъ возможность судить о томъ, какъ вредно отражается на запасахъ рыбы все большее и большее уменьшеніе дѣлей, являющееся какъ результатъ хищническаго хозяйничанья въ рыболовныхъ водахъ, что, конечно, не можетъ не отозваться и на средней величинѣ вылавливаемыхъ теперь особей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ красная рыба, такъ и частиковая не достигаютъ прежнихъ размѣровъ и вѣса. Дѣйствительно, съ проведеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ какъ центры промышленности, такъ и далекія окраины между собою, районъ рынка для продуктовъ астраханско-каспійскаго рыболовства значительно распространился. Приближеніе такимъ образомъ отдаленныхъ рынковъ, увеличеніе мѣста сбыта рыбнаго товара и большій на него запросъ, во-первыхъ значительно подняли цѣны на весь рыбный товаръ, значительно увеличили какъ районъ рыболовства (расчищеніемъ новыхъ мѣстъ), такъ и объектовъ его. Въ самомъ дѣлѣ, рыболовство распространилось и на тѣ породы рыбъ, которыя до сихъ поръ считались негодными, или не приготовлялись по ихъ чрезвычайной дешевизнѣ. Милліоны пудовъ астраханско-каспійской рыбы, въ особенности частиковой, доходящей ежегодно до почтенной цифры десяти милліоновъ слишкомъ пудовъ, въ соленомъ, сухомъ, вяленомъ видѣ расходятся не только по всему восточному району Россіи, но и по западному, составляя существенное подспорье въ незатѣйливой пищѣ русскаго народа, въ особенности въ посты, которыхъ приходится въ годъ около шести мѣсяцевъ. Какъ извѣстно, Черноморскій и Азовскій бассейны, до сихъ поръ поставлявшіе тарань и сельдь въ Новороссію и Малороссію, совсѣмъ оскудѣли, рыбные запасы чрезвычайно истощились, и это истощеніе является все болѣе рельефно и осязательно по мѣрѣ приближенія рѣкъ отъ востока къ западу Безъ сомнѣнія, культурная дѣятельность человѣка, завоевывающая себѣ все большія пространства подъ пашни, спускающая воды съ болотъ и осушающая ихъ, уничтожающая лѣса и камыши, тѣмъ самымъ уничтожаетъ возможность обитанія въ травѣ и камышахъ тѣмъ миріадамъ мошекъ, комаровъ, эфемеръ, яички которыхъ, снесенныя въ половодье въ болота, озера и рѣки, составляютъ существенный источникъ питанія рыбъ. Сухая вяленая рыба,—это наши доморощенные консервы, почти необходимые въ ежегодныхъ странствованіяхъ нашего перелетнаго рабочаго люда. Эти незатѣйливые консервы можно встрѣтить и у бурлака на Бѣлой, Чусовой, Камѣ, и у чукона въ Крыму и Бессарабіи, и у шинкаря, напр., чехонь на Подолѣ и Вислѣ.

Только-что было сказано, что вліяніе все уменьшающихся дѣлей сказывается теперь на среднемъ ростѣ и вѣсѣ вылавливаемой рыбы, которые вообще (за исключеніемъ сельди и воблы, о которой пока нельзя прійти къ опредѣленнымъ выводамъ) значительно уменьшились. Такъ, сравнивая вѣсъ рыбъ въ 50-хъ годахъ и въ настоящее время, нельзя не отмѣтить большую убыль въ вѣсѣ на каждую тысячу особей; такъ, наибольшій вѣсъ судака въ сухо-соленомъ видѣ былъ 80 пудовъ въ 1,000, теперь 35, леща до 40 пуд., теперь самый большій вѣсъ 28 въ тысячѣ особей въ сухомъ видѣ, сазана наибольшій вѣсъ 300 пудовъ въ сыромъ видѣ, а теперь лишь 175 пудовъ. Но съ увеличеніемъ сбыта увеличились также въ волго-каспійскомъ рыболовствѣ и породы рыбъ, пошедшія въ дѣло, а прежде выбрасываемыя вонъ какъ негодныя, какъ, напр., сопа, бѣлоглазка и чехонь, представлявшія прежде сущее наказаніе для рыбаковъ, попадая къ нимъ въ сѣти. Увеличились также и цѣны на рыбный товаръ, но увели-

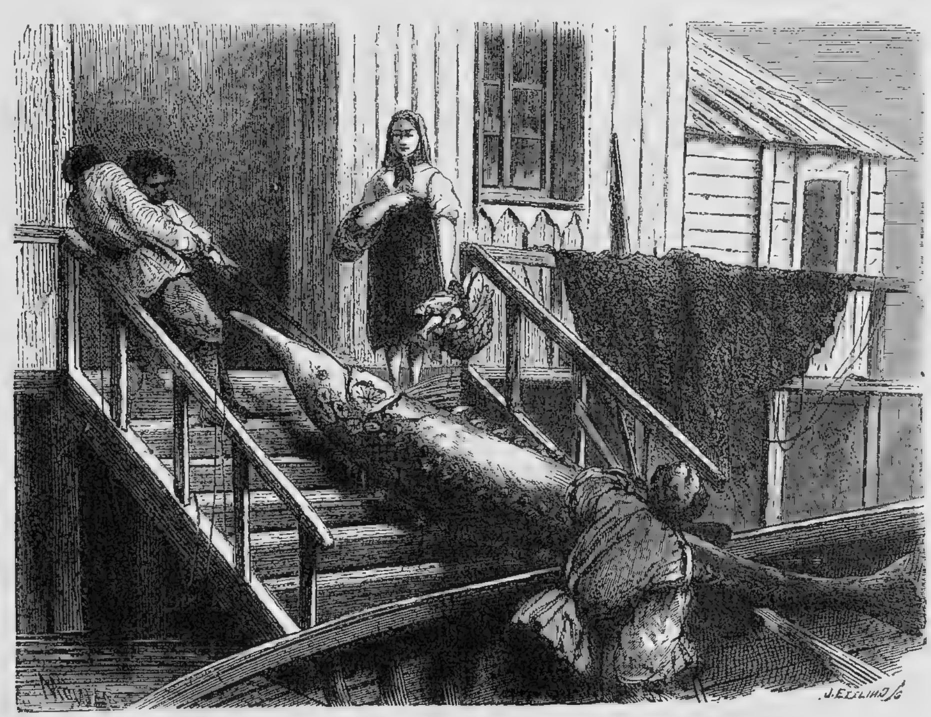
чились неравномѣрно, въ особенности на частиковый, какъ болѣе популярный и распространенный, на который есть также и наибольшій спросъ именно со стороны небогатаго люда.

Надо замѣтить, что ежегодно цифры лова не уменьшаются, а постоянно увеличиваются; конечно, можетъ возникнуть вопросъ, пользуется ли астраханско-каспійское рыболовство законными процентами ежегоднаго приплода, или оно истребляетъ и самый капиталъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ легко, хотя несомнѣнное уменьшеніе величины и вѣса особей уже можетъ наводить на мысль о потребленіи и расхищеніи самаго рыбнаго капитала; до сихъ поръ еще естественныя условія крайне сильно благопріятствовали развитію громаднаго количества особей, но не надо забывать, что, все болѣе культивируя страну, человѣкъ затронетъ и эти почти дѣвственныя озера и болота, сплошь поросшія камышомъ, составляющія теперь прекрасный питомникъ для молодыхъ рыбешекъ. Во всякомъ случаѣ, только нѣсколько болѣе близкое знакомство съ топографіей мѣстности поможетъ объяснить изобиліе количества особей существующихъ здѣсь весьма многочисленныхъ видовъ рыбъ.

Большинство рыбъ, обитающихъ въ Каспійскомъ морѣ, принадлежитъ къ прѣсноводнымъ, такъ какъ собственно морскихъ водится всего лишь одинъ видъ въ Каспійскомъ морѣ. Большинство рыбъ принадлежитъ къ такъ-называемымъ проходнымъ видамъ, такъ какъ въ извѣстное время входятъ изъ моря въ устья впадающихъ въ него рѣкъ, гдѣ остаются болье или менѣе продолжительное время, или же проходятъ вверхъ противъ теченія и черезъ извѣстное время вновь возвращаются въ море. Какъ было выше сказано, Каспійское море не отличается богатствомъ видовъ живущихъ въ немъ рыбъ, но отличается весьма значительнымъ богатствомъ особей существующихъ видовъ. Причина такого богатства заключается какъ въ богатствѣ питательнаго для нихъ матеріала, которое представляетъ Каспійское море, такъ и въ удобствѣ мѣстъ для развитія молодыхъ особей въ многочисленныхъ рукавахъ Волги, образующихъ дельту съ безчисленнымъ множествомъ озеръ, ильменей, соединяющихся пpоранами или ериками съ рукавами Волги и покрытыми камышами и кугой, служащими мѣстопребываніемъ миріадамъ жучковъ, мошекъ и всякаго рода двукрылыхъ, личинки которыхъ служатъ существенною пищею молодымъ рыбешкамъ.

Ниже Астрахани начинается собственно дельта; она представляетъ почву наноснаго образованія, но не представляетъ горизонтальной или слабо наклоненной къ морю поверхности, а постоянно повторяющіеся ряды широкихъ и мелкихъ котловинъ. Именно, берега каждаго острова выше, нежели средина его, и причина этого заключается въ томъ, что грубѣйшій песокъ отлагается у береговъ наводненнаго острова, мельчайшія же, особенно глинистыя и илистыя частицы, осаждаются внутри острова. Берега волжскихъ протоковъ возвышаются обыкновенно фута на два или на три, тогда какъ за ними расположены болота, поросшія камышомъ. На островахъ, болѣе приближенныхъ къ Астрахани, а слѣдовательно нѣсколько болѣе возвышенныхъ, болотистыя мѣста, поросшія тростникомъ, почти совершенно обсыхаютъ послѣ спаденія воды, хотя въ самой срединѣ острова остаются въ большей или меньшей степени болота или лужи. Но на островахъ, расположенныхъ ближе къ морю, какъ болѣе низменныхъ, средина ихъ остается на болѣе или менѣе значительное пространство покрытою водою. Во время половодья, острова такъ сильно заливаются водой, что виднѣются лишь береговыя окраины, и въ это время вся волжская дельта представляетъ водную поверхность, прорѣзанную валами. Эти валы или плотины образуютъ многоугольники, между которыми протекаютъ большіе или малые рукава Волги (послѣдніе называются ериками); внутри этихъ многоугольниковъ, по спаденіи воды, остаются скопленія стоячей воды, называемыя ильменями. При пониженіи воды, вода этихъ ильменей обратно стекаетъ въ рѣчные протоки, а черезъ это, посредствомъ узкихъ каналовъ, сохраняется постоянное сообщеніе съ рѣкой. Если бы, такимъ образомъ, береговыя окраины не были прорѣзаны каналами, соединяющими ильмени съ рѣкой, то наиболѣе удаленные отъ моря ильмени острововъ не наполнялись бы водой и были бы совершенно безполезны для ры-

боловства. Вотъ эти ильмени, вода въ которыхъ повышается въ связи съ весенними разливами, необыкновенно благопріятны для размноженія рыбы, такъ какъ вода затопляетъ ихъ позже и стоитъ не такъ высоко, какъ внѣ собственно дельты. Эти острова покрыты, кромѣ камыша, который ко времени метанія икры частиковыми рыбами даетъ только ростки, и множествомъ другихъ растеній, которыя появляются раньше камыша и къ которымъ зерна выметанной взошедшими сюда рыбами могутъ прилѣпляться поодиночкѣ. Часть каждаго ильменя всегда остается свободной отъ всякой растительности, а небольшая ихъ глубина чрезвычайно благопріятна для развитія инфузорій, мелкихъ породъ ракообразныхъ и водорослей. Кромѣ того, ильмени удобны для расположенія рыбы тѣмъ, что, если они довольно значительны, различные районы одного и того же ильменя представляютъ различную температуру, смотря по тому, находятся ли они въ тѣни растеній или нѣтъ, и дно ихъ песчано или болотисто.



Крупная добыча.

Вслѣдствіе этого различныя породы рыбъ могутъ здѣсь находить, въ одномъ и томъ же ильменѣ, различныя температуры, необходимыя для развитія ихъ яицъ. Къ западу собственно отъ дельты, начиная отъ Астрахани, тянется множество почти параллельныхъ бугровъ, образованныхъ изъ красновато-желтаго степного грунта; между ними проходятъ довольно большія, широкія, котловидныя углубленія, находящіяся въ соединеніи съ самыми западными рукавами Волги и сверхъ того соединяющіяся также и между собою, при окончаніи бугровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляютъ они озеровидныя расширенія, въ которыя входятъ и выходятъ нѣсколько такихъ каналовъ. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ покрытыя водой пространства все расширяются, потому что бугры представляются архипелагомъ удлиненныхъ острововъ, который въ этомъ видѣ доходитъ до занесеннаго теперь устья Кумы. Эти озеровидныя расширенія также носятъ названіе ильменей, такъ какъ этимъ словомъ обозначаютъ въ краѣ вообще стоячія или слабо текущія скопленія водъ, находящіяся въ какомъ-нибудь соединеніи съ рѣкой или ея притоками. Эти ильмени лежатъ параллельными рядами и имѣютъ между собой соеди-

ненія черезъ суженныя части долинъ посредствомъ весьма узкихъ каналовъ, такъ что вода не только течетъ во время половодья изъ Волги въ ильмени самые отдаленные, но и течетъ обратно въ Волгу, когда уровень рѣки начинаетъ падать.

Но въ эти ильмени также входитъ вода при вѣтрѣ съ моря, при такъ-называемой морянѣ, и вновь спадаетъ при прекращеніи моряны. Благодаря тому обстоятельству, что послѣдняго рода ильмени расположены между буграми, при половодьѣ или нагонномъ вѣтрѣ они не увеличиваются въ своихъ размѣрахъ, а лишь становятся болѣе глубокими; поэтому академикъ Бэръ назвалъ ихъ постоянными ильменями въ отличіе отъ ильменей волжской дельты, названныхъ имъ измѣняющимися, такъ какъ ихъ окружность весьма измѣняется сообразно высотѣ воды въ Волгѣ.

Въ первыхъ, въ особенности въ нижнихъ, самыхъ южныхъ, соединенныхъ широкими каналами съ Волгой, живутъ въ довольно большомъ количествѣ взрослыя рыбы, главнымъ образомъ лещъ, сазанъ, линь, карась, ершъ, судакъ, щука, красноперка, уклейка, а въ измѣняющихся же ильменяхъ взрослыя рыбы рѣдки послѣ времени распложенія; эти мѣста служатъ болѣе мѣстами для метанія взошедшими сюда рыбами икры и развитія молодыхъ рыбешекъ. Какъ только вода въ Волгѣ станетъ прибывать отъ таянія снѣговъ въ ея верховьяхъ и начнетъ бѣлѣть, то со всѣхъ сторонъ собираются въ волжскіе рукава рыбы, частью изъ моря, частью изъ постоянныхъ ильменей. Рыбы, идущія изъ моря, приходятъ частью изъ мѣстъ ближайшихъ къ Волгѣ, въ которыхъ вода или еще прѣсная, или лишь слабо солоноватая, а частью изъ отдаленнѣйшихъ частей моря, гдѣ вода гораздо солонѣе, и тотчасъ послѣ икрометанія онѣ совершенно исчезаютъ изъ Волги, такъ что съ іюля по мартъ мѣсяцъ чрезвычайно трудно найти въ Волгѣ сельдь или воблу. Рыбы, приходящія изъ болѣе близкихъ мѣстъ моря, а также изъ постоянныхъ ильменей, стремятся со всѣхъ сторонъ въ волжскіе рукава. Только немногія породы, какъ ершъ, уклейка и прѣсноводные бычки, повидимому, никогда не оставляютъ своихъ мѣстъ и не попадаются между рыбами, ловимыми въ рѣчныхъ участкахъ... Но не одна только потребность икрометанія манитъ рыбъ въ волжскіе рукава; большинство изъ нихъ—всѣ породы частиковыхъ рыбъ—мечутъ икру въ ильменяхъ или заливахъ; причина же, побуждающая ихъ входить въ Волгу, по мнѣнію Бэра, заключается въ томъ, что, при сильномъ развитіи органовъ воспроизведенія, въ рыбѣ является потребность искать быстро текущей воды и плыть противъ нея; быть можетъ, это замѣчаніе и справедливо, но несомнѣнно, что къ этому примѣшиваются и другія причины.

Весной, когда мало-по-малу ворчливые ручьи засуетятся, надуются маленькія рѣки и начнутъ скидывать съ себя ледяной покровъ, потянетъ южный или юго-западный теплый вѣтеръ, подольше станетъ оставаться на горизонтѣ солнце, отогрѣвая поля и долины, тогда только начнутъ вскрываться большіе притоки, унося въ своихъ мутныхъ водахъ всякій соръ и обломки посинѣвшаго льда. Поэтому водная жизнь весной прежде всего пробуждается въ притокахъ и очнувшаяся въ нихъ рыба въ первые дни движется медленно, безцѣльно, ничего не ѣстъ и удерживается противъ быстрой воды, не отходя далеко отъ зимнихъ мѣстъ своего обитанія. Но лишь только вскроются рѣки и вода забѣлѣетъ отъ тающаго въ нихъ снѣга, рыбы изъ моря входятъ въ рѣки и поднимаются все вверхъ, противъ теченія. Это явленіе не представляется исключительнымъ для рѣкъ Каспійскаго моря, но есть общая привычка всѣхъ рыбъ, отражающаяся съ особенной интенсивностью на морскихъ рыбахъ, направляющихся въ опредѣленное время въ прѣсныя воды. Изъ наблюденія надъ жизнью рыбъ можно вывести заключеніе, что къ весеннему переходу рыбъ ихъ побуждаетъ весьма много причинъ: привязанность къ мѣстамъ ихъ родины, вслѣдствіе атавизма, необходимость выбраться скорѣе изъ-подъ льда, темноты и мутной воды на свѣтъ, просторъ, свѣжую воду для облегченія самаго дыханія; кромѣ этихъ причинъ, на передвиженіе рыбъ вліяютъ еще потребность движенія послѣ долгаго зимняго сна, отсутствіе пищи въ мѣстахъ зимовокъ и ея изобиліе въ разлившихся рѣкахъ и

залитыхъ мѣстахъ. Но большинство рыбъ, входя въ рукава Волги, въ ильмени и озера, вступившіе между собою въ сообщеніе, благодаря высокой весенней водѣ, не тотчасъ мечутъ икру, а обыкновенно по спаденіи большой воды. Такъ-называемая бѣшенна сельдь (Clupea pontica et C. caspica), выметавъ икру, тотчасъ возвращается въ море, а вслѣдъ за ней идетъ молодь, такъ какъ множество ея встрѣчается величиной съ вершокъ въ глубокихъ частяхъ моря. Для прочихъ же рыбъ частиковыхъ породъ измѣняющіеся ильмени составляютъ, по характерному выраженію Бэра, дѣтскіе пріюты и воспитательные дома, гдѣ для нихъ постоянно возобновляются новые запасы пищи и гдѣ наибольшее ихъ число остается на все лѣто и на всю осень. Притомъ,—говоритъ Бэръ,—хотя водяные жуки, водяные клопы (Notonecta), въ необыкновенномъ множествѣ, птицы, многочисленныя змѣи и еще болѣе многочисленныя лягушки поѣдаютъ несмѣтное количество молодыхъ рыбокъ, но все еще масса ихъ подрастаетъ. Этому способствуютъ благопріятныя условія низовьевъ Волги: въ нихъ попадается гораздо меньше щукъ, самыхъ злостныхъ истребительницъ молодыхъ рыбъ, пожирающихъ не только другіе виды, но и другъ друга,—этого хищника здѣсь значительно меньше, чѣмъ на сѣверѣ, хищника, который уже пожираетъ молодь тотчасъ по своемъ выходѣ изъ яйца, тогда какъ всѣ другіе виды хищныхъ рыбъ гораздо дольше питаются микроскопической пищей; къ этому благопріятному обстоятельству присоединяется и другое, именно — что измѣняющіеся ильмени во второй половинѣ лѣта такъ сильно нагрѣваются, что взрослыя рыбы, за исключеніемъ щуки, весьма неохотно въ нихъ входятъ. Большая же теплота не только содѣйствуетъ развитію мельчайшихъ животныхъ, служащихъ пищею рыбкамъ, но весьма пріятна для послѣднихъ и удерживаетъ ихъ въ ильменяхъ. Съ наступленіемъ холодовъ ильмени остываютъ и рыбки уходятъ въ рѣки, но здѣсь отыскать ихъ почти невозможно, а также нельзя съ достовѣрностью указать мѣста, гдѣ эти рыбки проводятъ первую зиму; во всякомъ случаѣ, не одна теплота является руководящимъ началомъ при отысканіи молодыми рыбками мѣстъ зимовки; быть можетъ, строеніе еще молодой, неокрѣпшей рыбки не дозволяетъ ей, вслѣдствіе неприспособленности ея воздухоплавательнаго пузыря къ сжатію расширеній, выдерживать большое давленіе воды и помѣщаться въ большихъ глубинахъ рѣки. Слѣдующей весной ихъ можно встрѣтить въ большомъ количествѣ у отмелистыхъ береговъ Волги. Это время самое опасное для нихъ по числу враговъ. Кромѣ множества рыбъ, уничтожающихъ ихъ, этому въ особенности помогаютъ и водяныя птицы, въ особенности такъ-называемыя на Волгѣ мартышки, сбирающіяся десятками тысячъ у устьевъ Волги. Эти чайки миріадами сидятъ на косахъ рѣки, а бакланы также стаями плаваютъ или летаютъ по воздуху; число бабъ хотя не особенно велико, но тѣмъ большихъ рыбъ и въ большемъ числѣ онѣ уничтожаютъ. Но, безъ сомнѣнія, лукулловскіе пиры птицъ,—о которыхъ сообщалъ Бэръ, что онѣ питались только глазами глупыхъ рыбъ,—во всякомъ случаѣ прошли... Въ устьяхъ Волги, въ особенности въ постоянныхъ и измѣняющихся ильменяхъ, необыкновенно благопріятны условія для размноженія частиковыхъ рыбъ. Для икрометанія рыба ищетъ мѣстъ болѣе тихихъ, въ которыхъ ее пугали бы менѣе; для развитія икры необходима вода съ большимъ содержаніемъ воздуха, неглубокая, чтобы воздухъ могъ чаще возобновляться въ ней; необходимо также присутствіе растеній, къ которымъ бы могли прилѣпиться икринки, при чемъ эти растенія подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей выдѣляютъ кислородъ, необходимый для развитія яичекъ. Эти условія вполнѣ соблюдены въ этихъ ильменяхъ. Кромѣ того, здѣсь находится масса первоначальныхъ животныхъ — инфузорій и мельчайшихъ ракообразныхъ; здѣсь развивается также громадное количество водорослей, во всякомъ случаѣ служащихъ пищею личинкамъ насѣкомыхъ, которыя, въ свою очередь, служатъ пищей для рыбешекъ; подрастающія рыбки, кромѣ этого, еще питаются раковинами.

Дельта Волги вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ потребностямъ. Весной, при возвышеніи уровня воды, Волга несетъ воду, весьма богатую воздухомъ вслѣдствіе таянія снѣга и содержащую массу мелкихъ органическихъ частицъ. Вода разливается, выходя изъ береговъ;

по обширнымъ пространствамъ различныя органическія вещества, навозъ и пр. растворяются въ ней, и этотъ растворъ служитъ стихіей для миріадъ мельчайшихъ животныхъ. Волга въ полномъ разливѣ затопляетъ громадное пространство, но эту высоту воды она сохраняетъ недолго; по спаденіи рѣки, кромѣ настоящихъ рѣчныхъ руслъ, остаются большія пространства, въ которыхъ вода лишь стекаетъ мало-по-малу при пониженіи общаго уровня воды Волги. Эти ильмени тѣмъ удобнѣе для писцекультуры, чѣмъ болѣе поросли камышомъ и травой. Такимъ образомъ огромное количество питательныхъ веществъ образуется въ ильменяхъ въ теченіе лѣта и даетъ пищу молоди; нѣкоторая часть этихъ питательныхъ веществъ, конечно, стекаетъ въ море при общемъ пониженіи воды: когда, напр., лѣтомъ не бываетъ юго-западнаго вѣтра, то ильмени сильно зацвѣтаютъ и окрашиваются въ зеленый цвѣтъ, а при вѣтрѣ съ моря, когда нагоняется вода какъ въ Волгу, такъ и въ эти ильмени,—по прекращеніи вѣтра вода вновь спадаетъ, унося съ собою въ море массу микроскопическихъ животныхъ и растеній. Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Бэръ,—ильмени служатъ не только воспитательными домами, но также и провіантными магазинами.

Въ большихъ водовмѣстилищахъ количество рыбъ всегда находится въ строгой соразмѣрности съ количествомъ имѣющагося питательнаго для нихъ матеріала. А для того, чтобы это равновѣсіе не нарушалось, необходимо, чтобы при правильномъ рыбномъ хозяйствѣ выводилось гораздо болѣе рыбешекъ, чѣмъ ежегодное потребленіе рыбъ человѣкомъ и природой. Мѣста для питанія молоди, какъ мы видѣли, весьма благопріятны, и двадцать пять лѣтъ назадъ Бэръ высказывалъ убѣжденіе, что подобныя привольныя мѣста для икрометанія не скоро существенно испортятся. „Верхніе острова дельты, конечно,—говоритъ онъ,—становятся все суше и суше и ильмени ихъ уменьшаются, но въ той же мѣрѣ устья Волги все дальше и дальше подвигаются въ море и образуютъ совершенно плоскіе, низменные острова; не нахожу также причины, — прибавляетъ онъ, — опасаться, чтобы количество питательныхъ веществъ могло уменьшиться". Такъ думалъ Бэръ всего двадцать пять лѣтъ назадъ; но, между тѣмъ, волжско-каспійское рыболовство разрослось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, приняло такія формы, что угрожаетъ истощеніемъ не только запасу осетровыхъ породъ рыбъ, но и частиковыхъ, о чемъ во время Бэра не было даже и предположенія. Это громадное поступательное движеніе рыболовства влечетъ за собой именно тѣ два фактора, возможности появленія которыхъ не допускалъ Бэръ. Въ самомъ дѣлѣ, страшныя и громадныя орудія, которыми располагаетъ современное рыболовство, расположившись у входа икряной рыбы въ устья Волги, гостепріимно раскрываютъ имъ свои коварныя объятія и вылавливаютъ баснословную массу рыбы, до 800 — 900 милліоновъ особей ежегодно; принимая во вниманіе, что вылавливаемая рыба преимущественно икряная, можно себѣ представить, какую массу приплода ежегодно теряетъ Каспійскій бассейнъ; слѣдовательно, теоретически уже можно заключить, что происходитъ сравнительное уменьшеніе особей, но что, понятно, это уменьшеніе можетъ замѣтнымъ образомъ отразиться при такомъ громадномъ количествѣ рыбъ, какимъ обладаетъ бассейнъ, лишь черезъ весьма долгое время. Второе вліяніе, хотя въ несравненно меньшей степени, выразилось вслѣдствіе увеличенія становъ, ватагъ, тоней, вслѣдствіе большого движенія по рѣкамъ, въ увеличеніи вообще культуры береговъ, что до извѣстной степени должно было отразиться и на уменьшеніи запаса питательныхъ веществъ для рыбъ, какъ слѣдствіе подобной дѣятельности человѣка. Но уменьшеніе запасовъ питательныхъ веществъ идетъ далеко не въ равной пропорціи съ уменьшеніемъ запасовъ рыбныхъ богатствъ бассейна, и поэтому мѣра, недавно предложенная Гриммомъ, черезъ посредство г. Хлѣбникова, въ астраханскомъ комитетѣ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, должна заслуживать серьезнаго вниманія по своей идеѣ; именно: предложенъ былъ рыборазводный пароходъ, на которомъ бы можно было производить искусственное оплодотвореніе различныхъ рыбъ и оплодотворенную икру, или, еще лучше, выведенныхъ рыбокъ выпускать въ еще богатыя мѣста для ихъ вскармливанія. Мы не мо-

жемъ не выразить при этомъ сожалѣнія, что Гриммъ рекомендовалъ такимъ образомъ искусственно разводить хищную, хотя и весьма вкусную породу рыбъ; но дѣло въ томъ, что проф. Гриммъ, вѣроятно, упустилъ изъ вида то обстоятельство, что хотя дѣйствительно вкусный лосось и разовьется на счетъ бѣдныхъ и невкусныхъ породъ частиковыхъ рыбъ, составляющихъ теперь главную основу волжскаго рыболовства, но онъ по своей цѣнѣ не будетъ доступенъ бѣдному классу, который потеряетъ массы питательныхъ веществъ въ видѣ воблы и сельди, которыя, какъ извѣстно, служатъ главной, а можетъ быть и единственной питательной пищей для крестьянина всей Руси; а такого громаднаго количества лососей никогда не развести, такъ какъ для нихъ, какъ для хищныхъ, не достанетъ настолько питательнаго

Женщины-работницы на Астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ.

матеріала, чтобы сколько-нибудь замѣнить собою такое количество рыбнаго мяса, какое имѣетъ нашъ народъ отъ частиковыхъ породъ.

Сдѣлавъ общій топографическій обзоръ мѣстности рѣчного рыболовства, сдѣлаемъ вкратцѣ обзоръ организаціи рыбныхъ промысловъ и ея управленія. До 1856 г. при астраханскомъ губернскомъ правленіи состояла особая экспедиція для завѣдыванія рыбными и тюленьими промыслами астраханско-каспійскаго района. Въ этомъ году экспедиція эта была отдѣлена отъ губернскаго правленія и переименована въ астраханскій комитетъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, и комитетъ состоялъ изъ двухъ совѣтниковъ съ 12-ю смотрителями, при чемъ въ засѣданіяхъ комитета могли присутствовать по особымъ приглашеніямъ депутаты отъ различныхъ лицъ и учрежденій, именно: отъ береговыхъ владѣльцевъ Каспійскаго моря, отъ Астраханскаго казачьяго войска, Спасопреображенскаго монастыря, отъ откупщиковъ казенныхъ рыболовныхъ водъ и вольнопромышленниковъ. При

этомъ первоначальная мысль законодателя была какъ можно болѣе расширить право мѣстнаго самоуправленія „и за предложенія, которыя правительство найдетъ полезными, предположено было представлять депутатовъ къ соотвѣтственнымъ наградамъ“. Эта комиссія была введена „въ видѣ опыта“ на два года. Ко времени учрежденія этой комиссіи сознавалась необходимость въ измѣненіи многихъ правилъ рыболовства, такъ какъ дѣйствовавшіе тогда законы относились къ 1803 году, а между тѣмъ многія условія весьма существенно измѣнились и возникло множество вопросовъ объ охраненіи запаса осетровыхъ рыбъ, объ охраненіи интересовъ частныхъ лицъ безъ ущерба для казенныхъ интересовъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ о болѣе правильной постановкѣ рыболовства была снаряжена въ низовья Волги ученая экспедиція, подъ начальствомъ академика Бэра, совмѣстно съ Географическимъ обществомъ, внесшимъ 3,000 руб., пожертвованныхъ для этой цѣли астраханскимъ купцомъ Голиковымъ. На обязанность ученой экспедиціи было возложено рѣшеніе вопросовъ объ уменьшеніи рыбы осетровыхъ породъ въ Каспійскомъ морѣ и его притокахъ, о вліяніи существующихъ законоположеній на рыболовство, также собраніе свѣдѣній о прежней рыбопромышленности и о нынѣшнемъ ея состояніи. На обязанность мѣстной комиссіи возложено было просмотрѣть всѣ постановленія о рыбномъ промыслѣ, примѣнительно къ изысканіямъ и свѣдѣніямъ, добытымъ этой ученой комиссіей. Работы ученой экспедиціи продолжались съ 1853 по 1856 годъ, послѣ чего она вернулась въ Петербургъ и приготовила отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ лишь въ 1858 г. Между тѣмъ, мѣстная комиссія выработала свой уставъ, но была созвана послѣ выхода ученаго отчета и вновь были открыты засѣданія этой комиссіи съ тѣмъ, чтобы выработать другой проектъ правилъ, обративъ особенное вниманіе на правила, предлагавшіяся ученой экспедиціей, а также обсудить, какимъ образомъ поступить съ водами, оставленными до 1865 г. въ пользованіи береговыхъ владѣльцевъ. При обсужденіи этихъ вопросовъ, въ мѣстной комиссіи, конечно, возникли споры, несогласія; тѣмъ не менѣе комиссія выработала уставъ, по которому мѣстное завѣдываніе рыбными и тюленьими промыслами было возложено на особыя учрежденія: управленіе рыбными и тюленьими промыслами, комитетъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ и полицію рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ. Управленіе состоитъ изъ управляющаго, трехъ ревизоровъ и двухъ чиновниковъ; комитетъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ составляютъ восемь членовъ отъ правительства (т.-е. штатъ управленія) и около 30 представителей отъ рѣчныхъ ловцовъ, крестьянскихъ обществъ, владѣльцевъ береговыхъ участковъ и водъ, Астраханскаго казачьяго войска, арендаторовъ казенныхъ водъ и отъ морскихъ ловцовъ.

На расходы по общественному надзору за рыболовствомъ назначается особый сборъ, взимаемый съ каждаго рубля, вносимаго въ доходъ казны морскими ловцами и арендаторами рыбныхъ ловель, и съ каждаго рубля дохода по оцѣнкѣ владѣльческихъ рыбныхъ ловель въ рѣкѣ Волгѣ отъ гор. Камышина до устьевъ. Комитетъ этотъ собирается каждый годъ подъ предсѣдательствомъ губернатора и продолжаетъ свои засѣданія до разрѣшенія всѣхъ возникнувшихъ вопросовъ и всѣхъ мѣропріятій, предлагаемыхъ къ его обсужденію; на обязанности комитета лежатъ, такъ сказать, законодательныя работы, получающія силу обязательныхъ постановленій по утвержденіи ихъ министромъ государственныхъ имуществъ. Въ 1866 году комиссія переименована въ „правленіе рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“, и въ томъ же году былъ созванъ комитетъ, который разграничилъ море противъ Волжской дельты отъ Четырехъ-бугорнаго острова до Синяго морца на дозволенныя для рыболовства мѣста и такія, въ которыхъ ловъ былъ запрещенъ, и выбралъ общественныхъ надзирателей для наблюденія за рыболовствомъ, а также опредѣлилъ раскладку общественнаго сбора на покрытіе расходовъ по выбивкѣ бакеновъ, указывающихъ на запретныя пространства, на содержаніе надзирателей, флотиліи и всего необходимаго по наблюденію за рыболовствомъ. Наконецъ, въ январѣ 1867 г. былъ открытъ морской вольный и бакенный ловъ, на основаніи новаго устава о каспійскомъ

рыболовствѣ. Въ прежнее время прибрежныя морскія полосы принадлежали преимущественно частнымъ владѣльцамъ, которые пользовались и обловомъ прилегающихъ водъ на правѣ частной собственности; поэтому прошло почти девять лѣтъ, прежде чѣмъ можно было выполнить предначертанія комиссіи объ отчужденіи одноверстной береговой полосы и прилегающихъ къ ней водъ отъ частныхъ владѣльцевъ въ пользу казны. Правительству, затратившему милліонъ восемьсотъ тысячъ рублей на покупку однѣхъ только водъ Всеволожскихъ, пришлось понести весьма большія траты. Общепринятыя орудія морского лова составляютъ невода, ставныя сѣти, подледные аханы, но типомъ морскихъ рыболовныхъ орудій является морская крючковая самоловная снасть. Послѣдняя состоитъ изъ длиннаго ряда веревокъ, поддерживаемыхъ поплавками близъ поверхности воды, съ навязанными на нихъ удочками съ чрезвычайно острыми крючками, захватывающими мимоидущую рыбу. Все это вмѣстѣ называется снастью и каждая лодка, выѣзжающая на ловъ въ море, можетъ выложить или, по мѣстному выраженію, выбить около 23,000 удочекъ, прикрѣпленныхъ къ веревкамъ, и занять протяженіе около семи верстъ. Съ открытіемъ вольнаго морского лова началась усиленная дѣятельность прикаспійскаго ловецкаго населенія. Понесъ бѣднякъ за билетъ, который надо брать въ правленіи для права лова въ морѣ, потянули ловцы подо льдомъ невода и аханы, выложили крючковую снасть, выставили сѣти. Промысловыя конторы отъ лица своихъ хозяевъ, на имя ихъ братьевъ, женъ, дѣтей, внуковъ и всей родни понабрали по 300 и болѣе билетовъ, заподрядили ловцовъ, которые сразу возвысили цѣну на рыбный товаръ почти вдвое противъ той-по которой они сдавали прежде свои уловы; такъ, напр., икру съ 6 руб. за пудъ до 12 руб., кромѣ того, начали получать плату и за такіе припасы, которые прежде отдавались даромъ хозяину, какъ клей и вязига. Заработная плата на ватагахъ и гребцамъ быстро возвысилась процентовъ на 20. Почали старики свои завѣтныя кубышки съ небольшимъ капиталомъ, который года въ три удвоился, снарядивъ на промыселъ кто сына, кто внука, кто племянника, завели свои ватаги, высмотрѣвъ бугристыя мѣста возлѣ своего села. Правительство подъ постройку ватаги (рыбосольный заводъ) выдавало любое мѣсто, величиной въ квадратную версту, даромъ, съ обязательствомъ подчиниться всѣмъ послѣдующимъ распоряженіямъ, по береговой полосѣ моря, за которую оно заплатило разнымъ владѣльцамъ около полмилліона рублей серебромъ. Ватаги и временныя постройки для соленья рыбы быстро разрастались, такъ что въ четыре послѣдующіе за реформой года прибавилось около 40 ватагъ съ новыми хозяевами и около 100 временныхъ становъ. Такимъ образомъ морской ловъ представляетъ вслѣдствіе отсутствій въ немъ арендаторовъ и монополій типъ, совершенно отличный отъ рѣчного. Всякій пожелавшій можетъ брать билеты въ правленіи рыбныхъ промысловъ на каждую выпускаемую въ ловъ лодку, при чемъ количество лодокъ не ограничивается. Но ловъ этотъ, при всей своей кажущейся доступности, положительно невозможенъ для бѣднаго населенія, такъ какъ снарядить рыболовную лодку въ море стоитъ не менѣе 1,000 рублей, и самое бѣдное—800 руб., и то если пріобрѣсти по случаю старую лодку и подержанную снасть. „Такимъ образомъ бѣдному приморскому населенію нѣтъ возможности,—говоритъ г-нъ Бобылевъ,—ни выйти въ море, ни кормиться дома въ протокахъ, въ томъ случаѣ, если ему будетъ воспрещенъ сѣтной ловъ". До настоящаго времени морской ловъ раздѣляется на вольный или эмбенскій (по старой привычкѣ отъ названія рѣки Эмбы) и бакенный ловъ. Мы только-что выше сказали, что береговое пространство моря, до 4-хъ саженей глубины включительно, выбивалось такъ-называемыми бакенными линіями, ограничивающими пространства, запрещенныя для рыболовства; свободныя между ними пространства назывались бакенами и по жеребью раздавались ловцамъ мѣста. До введенія вольнаго и бакеннаго лова Каспійское море дѣлилось на участки, которые отдавались въ аренду и брались богатыми рыбопромышленниками, составлявшими товарищества и компаніи, которыя почти безконтрольно распоряжались ловомъ, безъ ограниченія мѣстъ и времени лова. Заподряженные ловцы сдавали хозяевамъ рыбу по сравни-

тельно ничтожной цѣнѣ, а икру, клей, вязигу—даромъ. Несмотря на то, что подрядные ловцы часто не долавливали до денегъ, выданныхъ имъ впередъ хозяевами, послѣдніе чрезвычайно богатѣли, наживая до 500% трудомъ бѣдныхъ, именно до введенія вольнаго морского лова. При введеніи морского лова было обращено также вниманіе на запасы рыбнаго богатства, такъ что выбиты были пространства противъ устьевъ Волги, въ которыхъ воспрещалось всякое рыболовство въ видахъ обезпеченія свободнаго входа икряной рыбы въ Волгу по этимъ запретнымъ полосамъ. Предполагалось выбивать бакены до глубины $4^1/_2$ саженъ, съ тѣмъ чтобы береговые участки до сажени глубины, но не далѣе 12 верстъ отъ начала выставки сѣтей, назывались черневыми, а тѣ — морскими. Но такое раздѣленіе полосъ на черневыя и морскія оказалось на практикѣ рѣшительно невозможнымъ, и это предположеніе очевидно было основано на показаніяхъ приблизительной глубины ловцами, такъ какъ изслѣдованія гидрографической экспедиціи не были тогда еще окончены. Въ настоящее время, когда эти результаты уже извѣстны и конфигурація морского дна изслѣдована съ большою точностью,— при взглядѣ на карту, приложенную къ трудамъ экспедиціи, съемки и промѣровъ сѣверной части Каспійскаго моря, для установленія проектированнаго выбитія бакеновъ до глубины 4-хъ саженъ, пришлось бы перегородить почти всю сѣверную часть Каспійскаго моря, т.-е. до острова Кулланы, такъ какъ ближе этого острова противъ восточныхъ рукавовъ Волги и Синяго морца глубины въ 28 футовъ не существуетъ въ дѣйствительности, причемъ длина бакенныхъ полосъ превышала бы болѣе 200 верстъ. Опредѣленное уставомъ протяженіе черновой или прибрежной полосы до одной сажени тоже оказалось невыполнимымъ, такъ какъ на 12-верстномъ разстояніи море рѣдко достигаетъ глубины въ 1 сажень. Но въ такой глубинѣ бакенныхъ линій морской полосы не представлялось никогда и никакой надобности, такъ какъ рыба стадится, по показаніямъ Яковлева и Сабанѣева, на 2-саженной глубинѣ моря, гдѣ и залегаетъ значительными косяками. Принимая во вниманіе эту глубину и сравнивая карту гидрографической экспедиціи, оказывается, что для того, чтобы бакенныя линіи достигали своей цѣли и предохранили икряную рыбу отъ чрезмѣрнаго уничтоженія, необходимо, чтобы бакенныя полосы были протянуты до 50—73 верстъ въ глубь моря; тогда только несомнѣнно будетъ достигнута и цѣль, положенная въ основаніе бакенной системы. Далѣе было выяснено, что для обезпеченія рыбнаго запаса достаточно оградить входъ икряной рыбы въ главныя устья Волги; поэтому было проектировано и учреждено временнымъ генералъ-губернаторомъ новое подраздѣленіе бакенныхъ полосъ и запретныхъ пространствъ, давшее большій просторъ черневымъ и морскимъ ловцамъ, а также возможность къ болѣе своевременной выбивкѣ бакеновъ, тогда какъ, при прежнемъ количествѣ выбиваемыхъ бакенныхъ линій, ихъ выбитіе оканчивалось долго спустя послѣ начала лова.

Раздѣленіе бакенныхъ участковъ на черневые и морскіе было сдѣлано какъ льгота менѣе состоятельнымъ ловцамъ, которые при относительно меньшихъ лодкахъ и худшей ихъ оснасткѣ не могутъ удалиться въ море на далекое разстояніе отъ берега, при чемъ за право лова въ черневыхъ участкахъ былъ установленъ сборъ въ 80 руб., а въ морѣ — въ 120 р. Но положительно невозможно опредѣлить, гдѣ начинаются морскія воды, а гдѣ кончаются черневыя; послѣднія зависятъ постоянно отъ измѣненія уровня воды: при сѣверо-восточныхъ, такъ-называемыхъ выгонныхъ вѣтрахъ можно выйти на небольшой лодкѣ верстъ на 40 въ море отъ берега, а во время морского вѣтра—нагонной воды—самому исправному морскому ловцу приходится держаться въ черняхъ вблизи береговъ, такъ что различія почти нѣтъ, тѣмъ болѣе въ уловахъ, такъ какъ черневыя воды богаче рыбами, чѣмъ воды, дальше лежащія отъ берега.

Всѣ морскіе ловцы дѣлятся на подрядныхъ и вольныхъ. Разница между ними состоитъ въ томъ, что первые сдаютъ рыбу живьемъ, во всякомъ случаѣ въ свѣжемъ состояніи, почти на мѣстѣ лова, въ промысловыя заведенія лицъ, подрядившихъ ихъ; другіе, по дальности лова и

по неимѣнію вблизи промысловыхъ заведеній, а въ особенности по нежеланію стать въ извѣстныя обязательныя отношенія, готовятъ рыбу на свои собственныя средства, на своихъ собственныхъ судахъ, въ самомъ морѣ, и въ такомъ уже видѣ доставляютъ ее въ Астрахань, гдѣ сдаютъ ее верховымъ покупателямъ—капиталистамъ, отъ которыхъ они занимаютъ какъ необходимыя для рыболовства снасти, такъ весьма часто и деньги, что, впрочемъ, не обязываетъ ихъ пойманную и посоленную ими рыбу сдавать непремѣнно своимъ кредиторамъ; въ случаѣ какого-нибудь спора или недоразумѣнія, они могутъ продать свой товаръ на сторону, помимо своихъ кредиторовъ, въ большинствѣ случаевъ своихъ постоянныхъ покупателей. Во всякомъ случаѣ, надо замѣтить, что и этотъ вольный ловъ до извѣстной степени поставленъ въ зависимость отъ капиталистовъ; но безъ сравненія въ гораздо худшемъ положеніи находятся подрядные ловцы, или ловцы подряднаго морского лова. Всѣ устья Волги, гдѣ при морскихъ берегахъ расположено большое количество рыбопромышленныхъ заведеній, составляютъ главную область подрядного лова. Владѣльцы такихъ промысловыхъ заведеній и подряжаютъ ловцовъ на извѣстное время, обыкновенно на годъ. Подряжаютъ почти всегда ловцовъ въ первыхъ числахъ іюля, около 8-го, когда они со всей волжской дельты собираются въ Астрахань. Контингентъ морскихъ ловцовъ составляютъ не только жители приморскихъ селеній, но и жители всей волжской дельты, Астрахани, Краснаго Яра и окрестныхъ селъ. Въ это время Астрахань представляетъ чрезвычайно оживленную картину. Около 2,000 лодокъ съ рыбаками и ихъ женами располагается на р. Кутумѣ, впадающей въ самой Астрахани въ Волгу. Часто ловцы пріѣзжаютъ въ сопровожденіи своихъ женъ, какъ охранительницъ интересовъ своихъ мужей, часто получающихъ весьма большіе задатки, отъ 500 и до 1,000 руб. Въ это время у ловцовъ, подрядившихся на весьма тяжелую работу, сопряженную часто съ рискомъ и опасностью для жизни, происходитъ разливное море,—чихирь, мѣстный напитокъ, а иногда и лучшее, болѣе дорогое вино можно встрѣтить за столиками сидящихъ ловцовъ; обыкновенно ловцы подряжаются цѣлыми артелями, съ взаимной порукой другъ за друга, но часто артель—чисто номинальная и рекомендуетъ своему хозяину ловца со стороны, котораго она вовсе не знаетъ, тѣмъ болѣе, что и ручательство часто фиктивное.

Понятно, что лишь болѣе богатые ловцы не нуждаются въ задаткахъ, часто весьма большихъ, отъ хозяина, такъ какъ для того, чтобы самому снарядиться въ морской ловъ, необходимы извѣстныя и значительныя средства. Для вольнаго лова въ морѣ необходимо судно (посуда—по-ловецки), поднимающее отъ 1,000 до 3,000 пудовъ, пробѣжная лодка, поднимающая отъ 500 до 1,000 пудовъ, для доставки рыбнаго товара въ Астрахань, и множество различныхъ какъ рыболовныхъ, такъ и жизненныхъ запасовъ, чего подрядному ловцу не надобно, такъ какъ они сдаютъ рыбу живою, только-что снятою съ крючьевъ или вынутою изъ сѣти. Вольный ловецъ является такимъ образомъ и рыболовомъ, и приготовителемъ пойманной рыбы, тогда какъ подрядный ловецъ—только рыболовъ; послѣдній часть своихъ рыболовныхъ орудій можетъ имѣть на берегу, гдѣ ему ихъ готовитъ къ лову какой-нибудь взятый на промыселъ членъ семейства, обыкновенно подростокъ-сынъ. Готовить къ лову орудія—значитъ точить уду или дубить обряду и сѣти, что дѣлается, во-первыхъ, ради сбереженія пеньковой обряды, а а во-вторыхъ—для лучшаго лова болѣе острыми крючьями. Дла удочекъ ставной сѣти въ соленой водѣ идетъ безпрерывное точеніе уды, которая сильно объѣдается отъ нея; на прѣсной водѣ противъ устьевъ происходитъ безпрерывное дублепіе пеньковой снасти и сѣтей, которыя иначе бы скоро погнили въ водѣ. Такимъ образомъ часть орудій лова въ водѣ безпрерывно мѣняется. Такимъ образомъ въ подрядные ловцы идутъ обыкновенно менѣе достаточные ловцы, хотя есть между ними и болѣе зажиточные, средства которыхъ позволяютъ имъ быть самостоятельными, вольными ловцами, но они или не хотятъ рисковать своими средствами, или не хотятъ уходить въ море далеко отъ своихъ семействъ, такъ какъ послѣднія имъ бываютъ чрезвычайно полезны въ дѣлѣ подготовленія годныхъ снастей.

По контракту, заключаемому всегда между ловцомъ и хозяиномъ, вся уловленная рыба должна сдаваться на промысловое заведеніе послѣдняго; но такъ какъ, обыкновенно, весь годовой уловъ по своей величинѣ дѣлится на двѣ путины, осеннюю и весеннюю, то ловцы обыкновенно получаютъ за осеннюю рыбу деньги сполна, безъ вычета выданныхъ задатковъ, а полный расчетъ производится послѣ весенней путины. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые не долавливаютъ, по неудачливости лова, для того, чтобы разсчитаться съ заподрядившимъ ихъ лицомъ; другіе же намѣренно обманываютъ хозяина, продавая скупщикамъ рыбы, часто за безцѣнокъ, пойманный ими товаръ; но дѣло въ томъ, что всегда ловцы остаются, или почти всегда, въ долгу у подряжавшаго ихъ хозяина. Долги эти часто нарастаютъ весьма значительно и хозяинъ, потерявъ терпѣніе, прямо сброситъ ихъ со счетовъ. Г. Соколовъ, бывшій членъ астраханскаго комитета рыбныхъ промысловъ, такимъ образомъ описываетъ отношенія, сложившіяся между хозяиномъ и заподряженными имъ ловцами: ,,Поступаетъ, напр., взысканіе за недоловъ отъ С. на ловца Миронова, который получивши задатку 400 руб., поймалъ въ путину на 16 руб.; призываетъ полиція Миронова, ,,долженъ Сап — ву?" — Да. — ,,Можешь отдать?"—Нѣтъ.—,,Имѣешь какую собственность?"—Избу, корову, лошадь, бударку, 30 кефетягъ снасти (4,500 крючьевъ), которыя, по положенію, продажѣ не подлежатъ, да если бы и подлежали, такъ надо заплатить прежде недолову рублей на 700 Сав — ву, и отъ него было лѣтъ пять тому назадъ взысканіе, да отсталъ.—,,Почему?"—Добрый былъ человѣкъ, царство небесное, рукой махнулъ, да и онъ ничего не получилъ-бы.—,,Какъ такъ?" — Для того, что до него тягалъ съ насъ недоимку покойникъ Коз — въ, тоже за недоловъ, ну, этотъ былъ-бы живъ, врядъ-ли простилъ бы".—Но, съ другой стороны, и хозяева, не беря ничего въ расчетъ, принимаютъ живую рыбу по уговоренной цѣнѣ, а снулую чуть не за безцѣнокъ, стараясь наверстать выданный ловцу задатокъ, который, какъ было выше сказано, часто остается недоловленнымъ.

Зимній ловъ настолько незначителенъ, что въ прежнее время вполнѣ зависѣло отъ подрядного ловца сдавать пойманную въ это время года рыбу хозяину или везти самому продавать ее въ Астрахань; но въ настоящее время, съ вздорожаніемъ зимней икры, ловцы обязаны сдавать и рыбу непремѣнно своему хозяину, хотя нѣтъ никакой возможности зимой услѣдить за желающими тайно сбыть рыбу въ городѣ. Цѣны на рыбный товаръ осенней путины вообще выше весенней, такъ что цѣны неодинаковы въ одномъ и томъ-же контрактѣ: цѣны повышаются для болѣе холоднаго времени, а въ особенности икра. Вся осенняя икра бѣлужья готовится въ зернистомъ передѣлѣ и идетъ за границу, по очень высокой цѣнѣ, такъ что она доходила до 60 рублей за пудъ.

,,Въ первыхъ числахъ марта тронулся ледъ на Волгѣ, и тотчасъ послѣ него разбило ледъ и въ морѣ, и вслѣдъ за льдомъ потянулись, получивъ задатки отъ крупняковъ-хозяевъ, и рыбаки-эмбенцы, кусовичи или живодники (ловящіе на крючья съ насаженной на нихъ воблой) и бакенные; всякаго можно узнать издали по лодкѣ, а вблизи по рыболовной снасти; ловятъ разройную бѣлугу, поднимающуюся изъ ямъ послѣ зимняго отдыха ближе къ поверхности воды—расправить свѣжею водою и воздухомъ слежавшіяся жабры и полакомиться воблой, которой южный вѣтеръ недѣли черезъ три послѣ вскрытія нагналъ видимо-невидимо, хоть руками хватай, а ведеркой или зюзгой такъ разомъ по пятку вынимай. Морскіе ловцы, забравъ въ Астрахани отправы, или билетъ на рыболовство, отточивъ крючья снастей и продубивъ послѣднія, спѣшатъ съ ними на свое мѣсто, доставшееся по жребію, въ черневой или морской участокъ и дальше, нѣкоторые даже мимо родного села, не заглянувъ въ свой домъ, чтобы не потерять дорогого для лова времени и попутнаго вѣтра. Тутъ-то начинается настоящая жизнь для ловца, къ которой онъ приноровился съ малолѣтства, когда его, еще девятилѣтняго мальчика, отецъ бралъ съ собою въ море подтачивать крючья или отталкиваться шестомъ на лодкѣ, или поддерживать огонь подъ дубильнымъ котломъ на берегу. Беретъ онъ съ собою

НА ИКРЯНОМЪ ПРОМЫСЛѢ.

недѣли на три или на мѣсяцъ хлѣба, калмыцкаго (кирпичнаго) чаю, сала, пшена да папушнаго табаку, и пускается съ немудренымъ компасикомъ, копѣекъ въ 50, несмотря ни на какую зыбь и качку, верстъ на пятьдесятъ отъ берега въ палубной лодкѣ съ подчалкомъ (бударкой— меньшей лодкой) попытать счастья. Не легко оно ему достается, — говоритъ Соколовъ: — въ бурю и непогоду, посреди открытаго моря, оторванному нуждой отъ родной семьи, кто знаетъ, надолго-ли, — неровенъ случай, — приходится ему, выложивъ въ море снасть и несмотря на качку, въ подчалкѣ самъ-другъ, съ однимъ шестомъ или багромъ, хотя разъ въ сутки понавѣдываться, перебрать ее всю, поднять каждый изъ 20,000—40,000 крючковъ, пройти такимъ образомъ около 10 верстъ, лежа ничкомъ въ лодкѣ, оперщись всею грудью на корму; а неумолимая волна его подбрасываетъ, и нерѣдко усталая рука зацѣпитъ крюкъ, другой, кровь струится, соленая вода разъѣдаетъ рану, а на сосѣднемъ крючкѣ уже трепещется и ждетъ его бѣлуга и осетръ; не время думать о боли, она уже будто и не чувствуется; тутъ только изловчайся забагривать, да какъ-бы бойкій осетръ острыми жучками не прорѣзалъ еще израненныя руки, не даромъ онъ и осетромъ прозывается, или не угостилъ бы махалкой (хвостомъ), а если не успѣешь или не сумѣешь или споровишь, то съ крючка сорвется и хвостъ покажетъ.

„Если далеко до своего дома, до хозяйской ватаги или стана, то на этотъ случай имѣется въ большой лодкѣ и соль, и чанъ для посола, и грохотка для пробиванія икры; тутъ уже не до отдыха, а скорѣй рыбу, пока еще жива, раздѣлывай да соли; а, спустя нѣсколько часовъ въ теплое время, лежалая рыба покрывается слизью и плохо просаливается. Дней пять остающаяся въ водѣ снасть теряетъ дубку, и разрушается связь волоконъ отъ вредной въ водѣ примѣси; говорятъ, заводится въ ней какое-то мелкое растеніе, крючекъ ржавѣетъ и, притупляясь, становится неспособнымъ зацѣплять проходящую мимо рыбу. Новая забота, новый трудъ: вынимай эту снасть, а старую приводи въ порядокъ, бѣги скорѣй дубить на ближайшемъ берегу и оттачивать крючья; вѣтеръ противный или крутой, подождать попутнаго или лавировать верстъ семь, чтобы подвинуться къ мѣсту на одну версту; дойдешь и близехонько къ берегу,— ударилъ выгонный вѣтеръ, вода въ какіе-нибудь полчаса скатилась фута на два, лодка на мели, жди сутки и больше моряны, а тамъ гляди — на снасти матерая бѣлуга забьется, зацѣпленная нѣсколькими крючками, а можетъ быть, побившись, и сорвалась, а можетъ быть досталась въ руки лихого человѣка или счастливаго сосѣда, а набѣжалъ кто парусомъ поперекъ и снасть рулемъ порвалъ, ищи ее. Всѣ эти невеселыя думы гложатъ нещадно бѣднаго труженика, а вѣтеръ все съ большею силою завываетъ съ берега, выгоняя воду и унося съ собой всякую надежду на скорую смѣну. Зимній морской ловъ имѣетъ свои выгодныя стороны, вопервыхъ, по дешевизнѣ билетовъ на этотъ ловъ, а во-вторыхъ потому, что онъ не ограничивается ни мѣстомъ, ни родомъ снастей: лови гдѣ хочешь и чѣмъ хочешь. Правда, что на сани нельзя уложить столько рыбы, сколько на лодку, но за то на лошади можно ѣхать куда угодно, не ожидая попутнаго вѣтра; приходится только чаще справляться съ компасомъ и наблюдать, чтобы не было долговременной оттепели, и не попасть съ отдѣлившейся отъ вѣтровъ льдиной въ относъ.

„Нерѣдко ловцы, увлеченные успѣхомъ лова, цѣлыми партіями отправляются верстъ за 50 отъ берега. Зима въ концѣ декабря установилась; море верстъ на 70, при 12°-мъ морозѣ, затянуло льдомъ, толщиною вершковъ въ шесть; дорога скатертью. Рыба, не успѣвшая въ эту пору достигнуть до устьевъ рѣкъ, чтобы залечь въ завѣтныхъ ямахъ, ищетъ на пути какой-нибудь проталинки, чтобы дохнуть давно закрытымъ льдинами воздухомъ, а тутъ на выручку является человѣкъ 20 ловцовъ, пробиваютъ на огромномъ пространствѣ проруби, въ которыя опускаютъ снасть; рыба пошла хорошо, подула моряна съ юга, нагнала рыбы массу, только успѣвай накладывать въ сани; но въ то-же время моряна сдѣлала нѣсколько переломовъ льда и наметала ледяные бугры, смѣнился вѣтеръ на сѣверо-восточный и понесъ эти льдины въ

открытое море. Ловцы еще не успѣли опомниться отъ хорошаго улова, а ихъ лошади, почуявъ недоброе, зафыркали, просясь домой; харчи въ-обрѣзъ, сѣна не хватитъ и на сутки, вѣтеръ съ берега завываетъ все сильнѣе, поднялась пурга, закрыла горизонтъ и мѣшаетъ скорому бѣгу съ возами, перегруженными рыбой и обледенѣлой, отяжелѣвшей снастью... Топливо все сожжено, варить нечѣмъ, шалаша не установишь, да и не время, надо поспѣшить домой; дорога каждая минута, а не то попадешь въ относъ. Проѣхали кое-какъ часа въ полтора верстъ десять, глядь — окраина льдины, а другой не видать; въ сторону, въ другую — то-же; вѣтеръ не смѣняется; вчера луна народилась, продуетъ съ берега вѣтеръ съ недѣлю, а гляди и больше. Куда пойдешь, кому скажешь? Хоть бросай наловленную рыбу. Плыть на лошадяхъ невозможно, изъ саней лодки не сколотишь, да ужъ ихъ иной разъ нѣсколько и сожгутъ. Вдругъ льдина попала на теплую воду, рухнула и погрузла на дно съ тяжелыми возами; прощай, богатая нажива, прощай, товарищъ, прощай, и кормилица-лошадка; еще переломъ—и повтореніе того-же несчастія; остается думать о собственномъ спасеніи... Неумолимый голодъ вынуждаетъ зарѣзать и послѣднюю лошадь, съѣдена она, и что же дальше? Голодная смерть... Мимо плыветъ льдина, а на ней тюлениха съ дѣтенышемъ; ухитряются захватить чѣмъ-нибудь эту тюлениху, чтобы успокоить голодъ ея молокомъ; наконецъ ее убиваютъ, сосутъ ея жиръ и ѣдятъ отвратительнѣйшее ея мясо. Въ такихъ жестокихъ мукахъ проводятъ ловцы дней десять и больше, моля о спасеніи, чуя приближающуюся смерть. Наконецъ что-то маячитъ на горизонтѣ; приблизились къ мѣсту, гдѣ еще море не замерзало или очистилось отъ льда: плыветъ полупалубная лодка съ тремя рабочими, нагруженная рыбою. Приблизилась саженъ на десять къ льдинѣ на крики и мольбы несчастныхъ о спасеніи. Половина несчастныхъ попряталась за льдиной и за снѣгомъ, чтобы не испугать своею численностью и тяжелымъ грузомъ хозяина лодки, который съ рабочими недовѣрчиво посматриваетъ на полуживыхъ товарищей, продолжающихъ неистовыми криками умолять о спасеніи. Лодка причаливаетъ къ льдинѣ, усаживаются кое-какъ спасенные, а изъ засады другая половина стремглавъ бѣжитъ къ товарищамъ; лодка погружается глубже и накреняется отъ вновь прибавляющагося груза; хозяинъ, въ страхѣ за свою безопасность, испуганный массой все прибывающихъ изъ засады новыхъ пассажировъ, ожидая оттуда же можетъ быть столько же другихъ, при помощи своихъ рабочихъ, съ напряженною силою отталкивается баграми отъ льда. Сѣвшіе въ лодку забыли уже о минувшей опасности передъ новой—перегруза лодки; предавшись чувству только одного животнаго самосохраненія, истощенные голодомъ, они не въ силахъ оказать помощи ни своимъ несчастнымъ товарищамъ, ни хозяину лодки съ рабочими, а только къ общему крику и стону подбавляютъ еще непонятные вопли; выходитъ общая суматоха, часто кончающаяся жертвою,—кто-нибудь упадетъ въ воду, упавшаго и не спасаютъ; а нерѣдко бываетъ такъ, что вся лодка, перегруженная такимъ образомъ, отдавши парусъ и при неловкомъ поворотѣ руля, отъ налетѣвшаго шквала или отъ набѣжавшей льдины опрокидывается или обмерзаетъ и со всѣмъ грузомъ дѣлается жертвою моря и его обитателей".

Разсмотримъ теперь постройки для приготовленія рыбы, а также орудія лова. Станъ и ватага—вотъ два типа заведеній для приготовленія рыбы. Станомъ называется временный, весьма быстро выстраиваемый камышевый шалашъ (иногда въ нѣсколько часовъ), съ небольшой, наскоро сложенной кирпичной печью, въ которую вмазывается чугунный котелъ для варки состава для дубленія снастей. Иногда станъ, устройство котораго рѣдко обходится дороже 25 руб., приходится при низкихъ берегахъ укрѣплять фашинникомъ изъ хвороста. Ватага—прочная, капитальная постройка на много лѣтъ, стоющая обыкновенно отъ 5 до 20-ти т. р. Ватага обыкновенно состоитъ изъ плота для пріема и раздѣлки рыбы; устраивается обыкновенно плотъ на сваяхъ, гораздо выше обыкновеннаго, средняго уровня воды. Къ такимъ плотамъ обыкновенно пристраиваются отдѣленія, для приготовленія икры, для склада различнаго промысловаго имущества, конторы для приказчика; сверху надъ крышей — рѣшетчатый дере-

вяшный фонарь для сушки вязиги и клея. Иногда, вслѣдствіе неудобства берега, плоты устраиваются на баржѣ или на досчатыхъ помостахъ. Затѣмъ вторую существенную часть ватаги составляетъ выходъ или ледникъ, для посола и храненія рыбы. Обыкновенно выходы устраиваются или въ натуральныхъ буграхъ, или въ искусственныхъ, для чего употребляютъ дно лодки. Обыкновенно выходъ выстраиваютъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, чтобы сберечь сохраняющійся ледъ отъ полой и нагонной воды; выходы бываютъ длиною до 25 саженъ, причемъ на крышѣ ихъ сдѣланы окна со ставнями, для того, чтобы открывать ихъ для освѣженія воздуха и закрывать ставни отъ солнца. Внутри выходъ представляетъ галлерею, по обѣ стороны которой врыты въ землю большіе четырехугольные лари, колоды и полуколоды, длиной отъ 3 до 1 сажени и глубиной до 4 аршинъ, вмѣщающіе въ себѣ отъ 300 до 2,000 пудовъ осетровой рыбы, или отъ 5 до 120 тыс. чешуйчатой Вокругъ этихъ ларей или колодъ кладется ледъ за досчатой перегородкой; бываетъ обыкновенно отъ 2 до 10° тепла по R. лѣтомъ. Рядомъ съ выходомъ находятся амбары для склада соли, для ея размола, по преимуществу жерновами; но, правда, у нѣкоторыхъ заведены для размола соли локомобили силы въ три. Чешуйчатую рыбу солятъ также еще въ лабазахъ, — большихъ камышевыхъ сараяхъ, также располагаемыхъ на возвышенныхъ мѣстахъ для того, чтобы предохранить врытые въ нихъ для посола рыбы чаны отъ почвенной воды; въ каждомъ изъ такихъ чановъ можно помѣстить до 600 пудовъ частиковой рыбы и до 30,000 или 40,000 селедки.

Кромѣ того въ ватагѣ находятся казармы для рабочихъ. Впрочемъ, какъ казармы, такъ и вѣшала (на послѣднихъ сушатъ весной приготовленную въ лабазахъ частиковую рыбу, кромѣ селедки) и лабазы составляютъ принадлежность рѣчныхъ ватагъ. На морскихъ ватагахъ нѣтъ приспособленій для жилья ловцовъ, такъ какъ они въ свободное отъ лова время отправляются домой, понавѣдаться къ своей семьѣ. Часто даже и годовые праздники, въ особенности въ уловистое время, они проводятъ въ морѣ, а также вслѣдствіе противнаго вѣтра. Въ началѣ весны, а также въ августѣ кипитъ работа на морскихъ ватагахъ. Почти каждый ловецъ привозитъ на одной лодкѣ съ десятокъ, а то и болѣе осетровъ, а иной счастливецъ приведетъ на куканѣ (веревкѣ, пропущенной сквозь жабры) матерую бѣлугу. Быстро оглушаютъ дорогую гостью деревяннымъ молотомъ по головѣ, а ловкій рѣзальщикъ полуаршиннымъ ножомъ уже распарываетъ ей брюхо, она сильно вздрагиваетъ подъ ножомъ, пока не вынутъ вязигу (horda dorsalis), и въ то самое время, какъ рѣзальщикъ быстро разрѣзываетъ ее на круги, икряникъ уже также дѣлаетъ свое дѣло. Вынулъ мѣшокъ съ икрой, пропустилъ ее сквозь веревочную грохотку, выпустилъ въ чистый вареный разсолъ и, помѣшивая деревянной лопаткой, пробуетъ пальцами, насколько отвердѣло зерно отъ этой операціи; подержавъ икру минутъ 10—15 въ разсолѣ, вычерпываетъ ее, кладетъ ее въ серпяные мѣшки, а ихъ въ свою очередь въ рогожные кульки и подъ прессъ на четверть часа, для того, чтобы дать жидкости стечь, для приготовленія паюсной икры. Если же хотятъ ее оставить зернистой, то прямо вычерпываютъ изъ соленаго разсола въ приготовленные для этого липовые боченки. Судя по времени года или отдаленности мѣста, куда назначается приготовляемая зернистая икра, употребляется и разное количество соли на пудъ икры. Въ это же время и клеевщикъ не былъ безъ дѣла: онъ разрѣзалъ по одной сторонѣ плавательный пузырь рыбы, обмылъ его и, распяливъ на лубкѣ, выставилъ для отдѣлки и просушки на солнце, а доставъ сердцевину изъ вязиги, развѣсилъ на верху въ балдушинѣ. Рѣзальщикъ, окончивъ раздѣлку рыбы, передаетъ ее солильщику. Но небольшихъ рыбъ не разрѣзываютъ, какъ описанную только-что бѣлугу, на круги, а распластываютъ ее и солятъ. Съ половины іюля по сентябрь ловится въ морѣ жирная рыба, обезсилѣвшая, выметавшая икру, менѣе живучая, скоро засыпающая и покрывающаяся слизью, препятствующею проникать соли во внутрь; но въ этотъ періодъ морского лова употребляется для посола красной рыбы наибольшее количество соли. Въ зимніе мѣсяцы красная рыба обыкновенно замораживается, или весьма незначительно солится и отправляется на сѣверъ.

Рыба, посоленная невыпотрошенной, называется приготовленною колодной; выпотрошенная посоленная рыба носитъ названіе карбованной. Вообще надо замѣтить, что существуетъ для всякой рыбы извѣстный размѣръ, сообразно которому рыба раздѣляется на мѣрную, полумѣрную и недомѣрокъ. Въ прежнее время, въ началѣ 60-хъ годовъ, мѣрной считалась бѣлуга въ 6 четв. 2 вершка, полумѣрной—меньше этой мѣры, а недомѣрной—меньше 5 четв. 2 верш.; то-же соотношеніе было и для осетра, но только лишь на четверть меньше, и для севрюги—на двѣ четверти меньше противъ бѣлуги; но въ настоящее время, вслѣдствіе измельчанія рыбы, та рыба считается теперь мѣрной, которая прежде принималась за полумѣрную; такъ же уменьшились теперь требованія и отъ частиковой рыбы: полумѣрный прежде судакъ или сазанъ идетъ за мѣрный.

Надо замѣтить, въ послѣднее время былъ усиленно возбужденъ вопросъ о лучшемъ приготовленіи рыбныхъ товаровъ и о самомъ состояніи промысловъ въ отношеніи большей чистоты; надо замѣтить, что ветлянская чума въ значительной мѣрѣ способствовала обостренію вопроса о гигіенѣ промысловыхъ заведеній для приготовленія рыбы. Правда, еще ранѣе ветлянской чумы было обращено вниманіе на санитарное состояніе промысловъ и на доброкачественность приготовленія рыбныхъ товаровъ. Еще въ 1874 году, въ Астрахани вышелъ почтенный трудъ д-ра Ольдекопа: „Медико-топографическое описаніе города Астрахани и ея ближайшихъ окрестностей“. Въ этомъ сочиненіи докторъ обстоятельно изложилъ дурное состояніе санитарной и врачебной стороны рыбныхъ промысловъ, но достоинству труда значительно повредили предложенныя имъ мѣры, съ цѣлью оздоровленія этихъ мѣстностей, такъ какъ эти мѣры показали въ немъ человѣка мало или совершенно незнакомаго съ рыбопромышленнымъ дѣломъ этого моря. Такъ, напр., онъ проектировалъ перетопленіе въ жиръ воды, которою обмываются на промыслахъ рыбы, что, по справедливому замѣчанію г. Бобылева, значило-бы перетопить массы воды, которыя составили-бы цѣлыя озера, по которымъ могли-бы ходить большіе корабли. Санитарное состояніе промысловъ дѣйствительно оставляетъ желать весьма многаго; мертвая рыба, выброшенная какъ недомѣрокъ, въ громадныхъ количествахъ, весной плыветъ по протокамъ, конечно не способствуя чистотѣ воздуха. Рыба, попадающая тысячами и десятками тысячъ въ сѣти, доставленная на ватаги, засаливается часто не перемытой, въ слизи и грязи, и въ такомъ видѣ складывается въ чаны или колоды, лари, часто не имѣющіе никакихъ возвышеній надъ поломъ, такъ что грязь, наносимая ногами на помостъ, зачастую попадаетъ въ ларь съ соленой рыбой; растворяясь въ тузлукѣ (соленый растворъ), она пропитываетъ всю рыбу и становится ея органическимъ содержаніемъ. Между тѣмъ вопросъ объ обязательномъ имѣніи бортовъ ларей выше помоста, по крайней мѣрѣ на четверть аршина, не прошелъ въ комитетѣ, который не нашелъ возможнымъ установить эту столь необходимую мѣру для лучшаго приготовленія рыбныхъ товаровъ и, сохраняя мелочныя выгоды рыбопромышленниковъ, совершенно не вошелъ въ интересы потребителей, бѣднаго промысловаго люда, вынужденнаго силой необходимости питаться такими, часто губительно дѣйствующими на здоровье, доморощенными консервами.

Тайный совѣтникъ Климовъ, по порученію министерства государственныхъ имуществъ, осматривая различныя рыбныя ватаги, какъ онъ говорилъ, нигдѣ не могъ съѣсть селедки, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ она оказывалась совершенно несъѣдобной, ибо астраханскіе промышленники заботятся не о сохраненіи качества и вкуса сельди, но лишь объ ея крѣпкомъ засолѣ. Самою лучшею сельдью считается та, которую, взявъ за хвостъ, можно прямо держать въ горизонтальномъ положеніи, такъ чтобы она не согнулась при этомъ, а удовлетворительной и годной въ продажу считается та сельдь, у которой голова еще не окончательно отгнила отъ туловища. Такія минимальныя требованія со стороны оптовыхъ покупателей низвели приготовленіе рыбы астраханскими промышленниками на крайнюю степень небрежности и неряшливости или, вѣрнѣе сказать, оно и не пробовало сходить съ нея. Попытки

приготовленія лучшаго, болѣе доброкачественнаго рыбнаго товара не находятъ себѣ подражателей, да и самый товаръ не находитъ себѣ покупателей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ рыбопромышленникъ (г. Пальцевъ) задумалъ улучшить способъ приготовленія сельди и приготовилъ болѣе облагороженнымъ образомъ, съ разными специями, нѣсколько сотъ тысячъ сельди на промыслахъ Сапожниковыхъ; но ни въ Астрахани, ни въ Царицынѣ, куда онъ отправилъ впослѣдствіи эту партію сельдей, не нашлось на нее покупателей, и лишь на слѣдующій годъ ему, наконецъ, удалось сбыть свой товаръ по цѣнамъ обыкновеннымъ для дурно приготовленныхъ сельдей. Оптовые покупатели не давали настоящихъ цѣнъ за хорошо приготовленную сельдь, ссылаясь на то, что ихъ потребители привыкли къ дурному товару и лучшаго не желаютъ. Такъ печально кончился починъ лучшаго приготовленія рыбныхъ товаровъ.

Всю пойманную обыкновенно частиковую рыбу (за исключеніемъ селедки) солятъ и выставляютъ затѣмъ на солнце, такъ сказать, вялятъ ее, при чемъ или вынимаютъ изъ нея или оставляютъ въ ней внутренности, или же разрѣзываютъ ее на-двое. Но осенью, зимою солятъ рыбу весьма незначительно, и такая рыба, подъ названіемъ малосола, идетъ въ торговлю, въ надеждѣ на поддержку зимнихъ холодовъ, предохраняющихъ ее отъ порчи. Но въ несчастный для промышленниковъ годъ ветлянской чумы, когда было обращено усиленное вниманіе на санитарное состояніе рыбныхъ промысловъ, такъ какъ нѣкоторые и самое появленіе этой эпидеміи приписывали вреднымъ анти-гигиеническимъ условіямъ рыбныхъ ватагъ, — въ это время громадная часть рыбы-малосола, вслѣдствіе теплой зимы начавшая уже портиться, была сожжена, и тѣмъ самымъ былъ преподанъ весьма существенный урокъ астраханскимъ рыбопромышленникамъ. Безъ сомнѣнія, не подвернись ветлянская эпидемія, и этотъ уже испорченный рыбный товаръ преспокойно пошелъ бы въ мѣста сбыта, и православный людъ поѣдалъ бы полусгнившій товаръ, кое-когда и умирая отъ такого угощенія. Въ настоящее время комитетомъ назначена премія въ 5,000 рублей тому, кто откроетъ какъ рыбный ядъ, такъ и средство сдѣлать его безвреднымъ... Нечего и говорить, конечно, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ это отравленіе рыбою зависитъ отъ неряшливаго, недостаточно чистаго приготовленія рыбныхъ товаровъ. Что случаи заболѣванія и даже смертности отъ отравленія далеко не рѣдки какъ въ столицахъ, куда доставляется астраханская рыба, такъ и въ самомъ мѣстѣ лова, свидѣтельствуютъ лучше всего какъ „Астраханскія Вѣдомости", такъ и „Полицейскія Вѣдомости" обѣихъ столицъ, въ которыхъ въ дневникѣ происшествій можно часто встрѣтить случаи отравленія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ семействъ, поѣвшихъ астраханской рыбки.

Такимъ образомъ астраханскіе рыбопромышленники, являясь первыми въ свѣтѣ какъ рыболовы, по отношенію къ приготовляемымъ ими товарамъ стоятъ на чрезвычайно низкой степени. Тѣ незатѣйливые консервы, которые они приготовляютъ въ такомъ громадномъ количествѣ въ видѣ соленой, сушеной и вяленой рыбы, расходясь по всей Россіи и составляя часто главную животную пищу бѣднаго рабочаго населенія, далеко не всегда соотвѣтствуютъ условіямъ гигіены и часто представляютъ изъ себя весьма и весьма подозрительный товаръ, доброкачественность котораго весьма сомнительна. Но потребность въ животной пищѣ велика, а возможность ея удовлетворенія все уменьшается, чѣмъ и объясняется все увеличивающійся спросъ на рыбные товары, а также и общее, весьма значительное поднятіе цѣнъ на нихъ, хотя астраханскіе рыбопромышленники не сдѣлали ничего для поднятія доброкачественности рыбныхъ продуктовъ.

Устройство санитарной и врачебной части на промыслахъ до сихъ поръ находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, а между тѣмъ около десяти мѣсяцевъ въ продолженіе года на волжскихъ промыслахъ собираются десятки тысячъ рабочихъ, живущихъ и работающихъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и притомъ совершенно лишенныхъ не

только медицинской помощи, но даже самыхъ необходимыхъ условій жилища и тепла, при самыхъ тяжелыхъ формахъ заболѣваній... Вообще надо замѣтить, что постройки на ватагахъ, предназначенныя для жилья рабочихъ, крайне тѣсны и весьма не гигіеничны; на тоняхъ же это—простыя землянки. Всѣ эти строенія поражаютъ своею загрязненностью, при чемъ часто однѣ и тѣ-же казармы предназначены и для мужчинъ, и для женщинъ, и для дѣтей, которыя зачастую бываютъ свидѣтелями самыхъ грязныхъ, циническихъ выходокъ и самыхъ безобразныхъ сценъ разврата. Здѣсь не царствуетъ женская стыдливость...

А между тѣмъ условія самаго дѣла требуютъ отъ рабочихъ жизни при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, вредно дѣйствующихъ на здоровье, въ силу чего господствуетъ сильная смертность, въ особенности среди рабочихъ на рыболовныхъ тоняхъ, такъ какъ они изо дня въ день находятся въ водѣ по нѣскольку часовъ, несмотря ни на какую погоду. Понятно, что это даетъ мѣсто многочисленнымъ заболѣваніямъ.

Вообще условія быта рабочихъ на тоняхъ чрезвычайно неблагопріятны, и нужно имѣть желѣзное здоровье, какимъ дѣйствительно и обладаютъ калмыки, чтобы выдерживать восьмичасовое пребываніе въ водѣ, почти безъ отдыха производя тягу невода, въ особенности въ октябрѣ или ноябрѣ, когда уже начинаются морозы. Рабочіе тогда выходятъ изъ воды совсѣмъ обледенѣлые; все ихъ платье покрывается льдомъ, который при отряхиваніи платья отлетаетъ съ трескомъ битаго стекла. Вытянули тягу, согрѣться негдѣ, а въ это время уже заброшенъ другой неводъ — знай тащи и т. д. безконечно.

Нѣсколько выше былъ установленъ фактъ недоброкачественнаго приготовленія рыбныхъ товаровъ и его весьма важное значеніе, такъ какъ дурно приготовленный товаръ расходится по всей Россіи и служитъ преимущественно пищей простого класса, въ особенности въ страдную лѣтнюю пору, когда весь рабочій людъ юга Россіи исключительно питается этой рыбной пищей, что весьма часто служитъ причиной сильныхъ заболѣваній дизентеріей съ смертельнымъ исходомъ. Поэтому улучшеніе приготовленія рыбныхъ товаровъ, въ смыслѣ ихъ доброкачественности или хотя-бы только безвредности ихъ, не есть мѣстный вопросъ, но, по обширности района распространенія такого товара, далеко выходитъ за предѣлы мѣстнаго. Поэтому нельзя не придать громаднаго значенія выработкѣ санитарныхъ и гигіеническихъ правилъ, касающихся приготовленія впрокъ рыбы. Было бы весьма полезно учрежденіе въ Астрахани образцовой школы для приготовленія болѣе раціональнымъ способомъ разныхъ рыбныхъ товаровъ. Говоря о народныхъ, доморощенныхъ консервахъ, нельзя пройти молчаніемъ и фабрику настоящихъ консервовъ въ Астрахани. Это первая и смѣлая попытка возвысить цѣнность рыбнаго товара прекраснымъ его приготовленіемъ, въ удобопровозимомъ и долго сохраняемомъ видѣ; она тѣмъ болѣе важна, что въ такомъ видѣ рыбный товаръ можетъ имѣть весьма значительный сбытъ и на европейскихъ рынкахъ, въ особенности консервы изъ весьма вкусныхъ осетровыхъ породъ рыбъ, большинство видовъ которыхъ совершенно отсутствуетъ въ Европѣ. Фунтовая коробка (я забылъ упомянуть, что тутъ же существуетъ вмѣстѣ и другой заводъ для приготовленія жестянокъ для консервовъ) разной рыбы, въ различныхъ видахъ, приготовленной въ прованскомъ маслѣ или томатѣ, стоитъ 55 коп. — чрезвычайно высокая цѣна для Астрахани, этого рыбнаго царства. Безъ сомнѣнія, причина такой дороговизны заключается какъ въ небольшомъ приготовленіи завода, такъ и въ неудачномъ выборѣ мѣста для его постановки. Прежде всего, заводъ построенъ въ самой Астрахани, и построенъ не при водѣ, а на сушѣ, вслѣдствіе чего приходится имѣть лишнія траты на провозъ и доставку рыбы сухимъ путемъ и на вывозъ нечистотъ. Къ тому же въ Астрахани совсѣмъ не мѣсто такому заводу. Для приготовленія консервовъ нужна совершенно свѣжая, живая рыба, рыночная цѣна на которую въ Астрахани, въ особенности на осетровыя породы, довольно высока, а иногда бываетъ даже недоступна для выгоднаго приготовленія консервовъ. Тогда какъ, если бы заводъ былъ поставленъ ближе къ морю, онъ имѣлъ бы возможность полу-

чать необходимую рыбу несомнѣнно по гораздо болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ въ Астрахани. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла консервы не могутъ быть теперь продаваемы дешевле, но ихъ дороговизна внушаетъ опасенія за будущность такого прекраснаго дѣла, которое, развившись, могло бы сбывать свои произведенія на рынкахъ Европы, чѣмъ хотя отчасти способствовать наряду съ другими обработываемыми въ Россіи предметами, сбываемыми ею въ Европу, къ возстановленію государственнаго баланса, нарушеннаго чрезвычайнымъ ввозомъ къ намъ обработанныхъ продуктовъ и весьма незначительнымъ вывозомъ.

Вопросъ объ улучшеніи способовъ приготовленія рыбы впрокъ невольно наводитъ насъ на мысль, какъ небрежно, вообще, обращаются съ естественными богатствами приволжскаго и прикаспійскаго края. Низовья Волги напоминаютъ, судя по Кредперу, низовья Нила, этой плодороднѣйшей мѣстности во всемъ Египтѣ, и также отличаются своими замѣчательными рыбными богатствами.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о неразумномъ пользованіи естественными рыбными богатствами и къ вопросу объ охраненіи ихъ отъ хищническаго рыболовства, скажемъ нѣсколько словъ объ орудіяхъ лова. Типомъ орудій морского лова служитъ такъ-называемая морская самоловная снасть, т.-е. уда, ловящая рыбу безъ всякой наживы, благодаря остротѣ крючьевъ, висящихъ на веревкахъ, привязанныхъ къ большимъ веревкамъ, поддерживаемымъ поплавками близъ поверхности воды. Это безчисленное множество удочекъ, занимающихъ, какъ выше было сказано, въ своемъ протяженіи около 20,000 верстъ, колеблемыя теченіемъ и волнами, бодрятъ рыбу на ходу за что попало, и чѣмъ больше забьется рыба, которую задѣнетъ одинъ изъ крючковъ, тѣмъ большее количество сосѣднихъ крючковъ вопьется въ ея тѣло; этимъ способомъ ловится исключительно рыба осетровыхъ породъ. Обыкновенно каждая лодка, выходящая на ловъ въ море, выкладываетъ такой снасти около 4,000 саженей; такъ что общее число лодокъ, выходящихъ въ весенній и осенній ловъ, бываетъ болѣе 2,500, ловящихъ таковой снастью. Количество пудовъ красной рыбы, вылавливаемой главнымъ образомъ въ морѣ и преимущественно этой крючковой снастью, простирается ежегодно отъ $1^1/_2$ до 2 милліоновъ пудовъ, исключая икры.

Тѣ породы рыбъ, которыя въ прежнее время не имѣли никакой цѣны, теперь пріобрѣли большую торговую цѣнность и составляютъ предметъ особеннаго лова, а въ прежнее время онѣ составляли наказаніе рыбаковъ, которые не знали, какъ имъ отдѣлаться отъ массы рыбы, которая, попадая въ сѣти, какъ, напр., вобла, чехонь, сопа, бѣлоглазка, мѣшала правильному лову другихъ, болѣе цѣнныхъ породъ. Теперь же вобла, сопа, чехонь, бѣлоглазка пріобрѣтаютъ все большую и большую торговую цѣнность, завоевывая себѣ все большія мѣста сбыта, не говоря уже о красной рыбѣ, которая издавна составляла предметъ главнаго лова и продавалась по сравнительно дорогой цѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, открытіе отдаленныхъ рынковъ, вслѣдствіе развитія путей сообщенія, менѣе повліяло на увеличеніе цѣнности рыбъ осетровыхъ, чѣмъ частиковыхъ породъ. Въ то самое время, какъ цѣнность первыхъ поднялась въ два или въ два съ половиной раза, цѣнность частиковыхъ породъ поднялась отъ пяти до шести разъ и даже удесятерилась, а многія рыбы, прежде вовсе не поступавшія въ продажу, теперь продаются отъ 8 до 13 рублей за тысячу. Прибавимъ еще къ этому, что на Волгѣ возникъ новый промыселъ—жиротопленіе изъ миноги, а также приготовленіе маринованныхъ миногъ, — промыселъ, имѣющій большую будущность, тогда какъ въ прежнее время миногъ считали за водяныхъ чертей (что и доселѣ происходитъ у персидскихъ береговъ моря, гдѣ ихъ не ловятъ), и рыбаки нѣкогда освящали сѣти послѣ попавшей въ нихъ миноги.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ орудій лова, съ увеличеніемъ въ значительной степени промысловыхъ заведеній для приготовленія рыбы, съ расчисткой все большаго числа мѣстъ, удобныхъ для лова рыбы неводомъ, вслѣдствіе общаго поднятія цѣнъ на рынкахъ Россіи и даже Европы (куда идетъ клей и икра) на рыбные товары,—волжско-каспійское рыбо-

ловство представляется однимъ изъ самыхъ могущественныхъ не только въ Россіи или въ Европѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ. Изъ громаднаго улова, доходящаго до билліона особей рыбъ, не всѣ промышленники пользуются одинаковой долей. Наибольшій уловъ приходится на долю низовыхъ промышленниковъ, засѣвшихъ въ устьяхъ Волги и,—благодаря своему положенію при входѣ рыбы Каспійскаго моря въ устья рѣкъ и въ ильмени, какъ для совершенія акта икрометанія, такъ и вслѣдствіе потребности, послѣ зимняго стоянія въ ятовяхъ (мѣста, на которыхъ зимуетъ рыба подо льдомъ въ морѣ), въ водѣ, насыщенной большимъ количествомъ воздуха, вслѣдствіе таянія снѣга,—вылавливающихъ громадныя массы рыбы, начиная съ воблы, сельди, судаковъ и прочей рыбы, а равно осетровъ, севрюгъ, шиповъ, бѣлугъ и бѣлорыбицъ, со вскрытія рѣки и до начала мая, во все время, въ которое продолжается ходъ рыбы. На долю верховыхъ приходится значительно меньшее количество рыбы, и вообще интенсивность ихъ лова значительно меньше; имъ достается рыба, идущая не такими густыми массами, какъ косяки рыбы, достающіеся на долю низовыхъ крупныхъ промышленниковъ. При этомъ громадномъ ловѣ, въ астраханскомъ ловѣ все уменьшаютъ ячеи въ неводахъ, и вылавливается масса мелкой рыбы, не достигшей половой зрѣлости, выбрасываемой вонъ (часто мертвою), какъ негодной къ посолу. А между тѣмъ это стремленіе къ уменьшенію ячей является общимъ со стороны всѣхъ ловцовъ и арендаторовъ водъ, увеличивая выгоды ихъ отъ такого неводнаго или волокушачьяго (неводъ для болѣе мелкой породы рыбъ) лова въ ариѳметической прогрессіи, въ то-же время вредно отзывается на запасѣ частиковыхъ породъ въ геометрической прогрессіи. Этотъ характеръ лова и производитъ замѣтное уменьшеніе величины особей частиковыхъ рыбъ, что и было выше установлено. Почти въ такихъ же размѣрахъ уменьшилась и сравнительная величина вылавливаемыхъ теперь рыбъ осетровыхъ породъ. О прежнихъ 30—40-пудовыхъ бѣлугахъ уже что-то не слыхать, и ловятся бѣлуги въ два, три пуда вѣсомъ, а двадцатипудовая считается теперь за величайшую рѣдкость.

Но и трехпудовыя бѣлуги считаются уже большими, въ сравненіи съ тѣми, которыя ловятся зимой, напр., аханами (сѣть длиною до 13 саженъ, съ крупными ячеями, въ морѣ употребляемая подо льдомъ для ловли бѣлугъ), величиной не болѣе аршина, и такія бѣлуги, сложенныя на льду, весьма напоминаютъ сложенныя сажени одноподѣнныхъ дровъ. На ряду съ этимъ уменьшеніемъ величины особей, идетъ и общее уменьшеніе ихъ количества; но послѣднее не такъ замѣтно бросается въ глаза, вслѣдствіе того обстоятельства, что вообще значительно увеличилось какъ число орудій лова, такъ и число рыбныхъ промышленниковъ, занимающихся ловомъ. Поэтому, несмотря на уменьшеніе общаго количества рыбы, уловы съ каждымъ годомъ не уменьшаются, а увеличиваются.

Обозрѣвая исторію прикаспійскаго и волжскаго рыболовства и различныя фазы его развитія, необходимо отмѣтить весьма существенную и характерную черту, именно: каспійское и волжское рыболовство, сдѣлавъ весьма мало въ отношеніи сохраненія и приготовленія рыбныхъ товаровъ, въ смыслѣ ихъ вкуса и качества, въ то-же самое время употребило всѣ свои усилія, наблюдательность, знаніе нуждъ и привычекъ рыбы — для изобрѣтенія всевозможныхъ орудій лова, съ самыми замысловатыми приспособленіями, направленными къ тому, чтобы выловить большее количество въ возможно меньшій срокъ... Въ отчетѣ г. Вольдемара о берлинской международной рыбной выставкѣ, онъ между прочимъ сообщаетъ о вновь изобрѣтенныхъ американцами плавныхъ сѣтяхъ и совѣтуетъ ихъ примѣнить къ ловлѣ кефали у береговъ Чернаго моря, до сихъ поръ мало доступной для коммерческаго рыболовства. Эти сѣти, о которыхъ г. Вольдемаръ сообщаетъ, какъ о новѣйшемъ изобрѣтеніи, давнымъ-давно существуютъ въ каспійскомъ рыболовствѣ; тамъ не знаютъ, какъ отъ нихъ избавиться, и онѣ составляютъ тамъ запрещенныя орудія. И такъ, надо отмѣтить тотъ фактъ, что собственно рыболовство сдѣлало громадные успѣхи въ этой области, и надо удивляться еще тому обстоятельству, что запасъ этотъ хотя и истощается, но не такъ быстро, какъ можно было бы ожидать, судя по

величинѣ ежегодныхъ улововъ и такой незначительной величинѣ, какую имѣетъ Каспійское море или, вѣрнѣе, солоноватое озеро. Причина этого заключается въ мѣстныхъ особенностяхъ, какъ въ топографіи низовьевъ Волги и сѣверной части моря, такъ и въ громадномъ количествѣ находящихся въ нихъ питательныхъ для рыбы веществъ. Низовья Волги славятся своими комарами и мошками. Насколько велики тутъ массы комаровъ и ихъ личинокъ, можно судить изъ описанія О. Гримма, который говоритъ, что на средней Волгѣ (близъ Самары) ванды, выставленныя для лова стерляди, въ теченіе ночи сплошь покрываются массой личинокъ комаровъ, которая иногда препятствуетъ даже входу въ нихъ стерляди. Цѣлая масса насѣкомыхъ живетъ попеременно въ водѣ и на сушѣ. Въ вполнѣ развитомъ состояніи они — сухопутныя и встрѣчаются громадными массами въ прибрежныхъ пространствахъ, въ кустарникахъ, тростникѣ, чеканѣ и проч. Послѣ снесенія самками яичекъ, онѣ умираютъ, и эти яички, снесенныя или прямо въ воду или на мѣста, которыя весною заливаются, попадаютъ въ воду и здѣсь развиваются, живутъ въ стадіи личинокъ и въ такомъ видѣ достаются въ пищу рыбкамъ.

Количество личинокъ этого питательнаго для рыбъ матеріала непосредственно зависитъ, конечно, отъ взрослыхъ особей комаровъ, мошекъ, стрекозъ и проч., а существованіе этихъ послѣднихъ, въ свою очередь, обусловливается существованіемъ ихъ естественныхъ убѣжищъ— камыша, чекана и проч. „На первый взглядъ покажется невѣроятнымъ,—говоритъ О. Гриммъ,— что эти ничтожныя, часто полумикроскопическія животныя, милліоны которыхъ, можетъ-быть, вѣсятъ не болѣе фунта, могутъ кормить множество рыбъ, обитающихъ въ устьяхъ Волги, но масса ихъ личинокъ и многократность ихъ генераціи въ теченіе года объясняютъ намъ это явленіе. Такимъ образомъ, чрезвычайно благопріятными условіями въ отношеніи пищи и естественныхъ убѣжищъ молодыхъ рыбокъ объясняется то обстоятельство, что, несмотря на изобильный ежегодный уловъ рыбы, притомъ ловъ хищническій, уничтожающій непроизводительнымъ образомъ милліоны рыбъ,—все-таки уменьшеніе общаго рыбнаго запаса, хотя и составляетъ фактъ, не идетъ впередъ гигантскими шагами. Доказано, что уменьшеніе благопріятныхъ условій для жизни рыбы болѣе вліяетъ на уменьшеніе рыбнаго богатства, чѣмъ хищническій ловъ человѣка, и что, напр., птицы на сѣверѣ Европы больше истребляютъ сельдей, чѣмъ рыболовы. Соглашаясь съ вліяніемъ, какое оказываютъ на число подрастающихъ рыбъ благопріятныя или неблагопріятныя условія (уменьшеніе которыхъ, напр., вслѣдствіе культуры человѣка, вліяетъ весьма замѣтнымъ образомъ на сохраненіе рыбнаго запаса),—нельзя также возстановить и той громадной доли вліянія, какое оказываетъ хищническое рыболовство на уменьшеніе запаса, а вслѣдствіе этого и необходимость законодательнымъ образомъ ограничить размѣры лова, а равно регулировать время лова и запретныхъ сроковъ. Установленные теперь запретные сроки рыболовства, основанные, главнымъ образомъ, на показаніяхъ рыбопромышленниковъ, данныхъ ими Бэру, часто совершенно ложныхъ, о времени икрометанія осетровыхъ рыбъ (такъ какъ въ то время о частиковомъ запасѣ не было и рѣчи, — онъ считался неисчерпаемымъ), вполнѣ не достигаютъ своей цѣли.

Обыкновенно, къ началу запретнаго срока — 15-го мая, уже всѣ виды рыбъ прошли черезъ низовья Волги, и низовые промышленники захватили себѣ львиную долю этой икряной рыбы. Захвативъ для себя такую громадную массу проходящей рыбы и не желая стѣснять себя никакими ограниченіями лова, на томъ основаніи, что это стѣснило бы ихъ правильное(?!) хозяйство, въ то-же самое время они употребляютъ всѣ средства, чтобы ограничить ловъ бѣднаго промысловаго люда какъ въ рѣкѣ, такъ и въ морѣ. И въ этомъ случаѣ они всегда являются защитниками, и весьма краснорѣчивыми, охраненія рыбнаго запаса. Какихъ только мѣръ, сущность которыхъ служитъ къ ихъ собственной пользѣ, не проводятъ въ комитетѣ крупные рѣчные арендаторы, подъ видомъ заботы объ общемъ благосостояніи края и охраненіи рыбнаго запаса. Вообще, исторія законоположеній послѣднихъ лѣтъ, относящихся до волжско-

каспійскаго рыболовства, можетъ быть выражена немногими словами: все для крупныхъ низовыхъ промышленниковъ, весьма немногое для верховыхъ, и возможное ограниченіе для бѣднаго промысловаго люда. Въ самомъ дѣлѣ, подумаешь, какое дѣло рѣчнымъ промышленникамъ до морского лова, а между тѣмъ низовые промышленники, засѣдая въ комитетѣ, въ которомъ они составляютъ силу, выработали и успѣли провести цѣлый рядъ мѣръ, ограничивающихъ свободный морской ловъ. Уничтоженіе морского лова распорными неводами (неводъ, заброшенный съ двухъ рядомъ идущихъ лодокъ), которыми прежде ловили крестьянскія артели, было началомъ цѣлаго ряда стѣсненій и ограниченій лова, и все это дѣлалось будто-бы съ цѣлью сохраненія рыбнаго запаса.

Въ морѣ нѣкоторыя мѣста, противъ устьевъ, считаются запрещенными для рыболовства и обозначаются бакенами, устанавливаемыми въ морѣ на извѣстномъ разстояніи. Но, при обозрѣніи стоимости выбитія бакенныхъ полосъ и надзора за ними, съ другой стороны — при обозрѣніи ничѣмъ не стѣсненной дѣятельности низовыхъ промышленниковъ, вылавливающихъ эту рыбу, входъ которой въ рѣку такъ тщательно оберегается такими запретными пространствами, невольно задаешься вопросомъ о цѣлесообразности существованія запретныхъ пространствъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему эти ограничивающія морскихъ ловцовъ мѣры? Къ чему это огражденіе рыбы для входа въ устья? Къ чему эта дорого стоящая бакенная система, способствующая лишь обмелѣнію прибрежной полосы моря (такъ какъ ежегодно остается въ морѣ масса груза, служащаго для удержанія плавучихъ бакеновъ), когда всѣ эти усилія служатъ только къ тому, чтобы направить большее количество рыбы въ устья, гдѣ ее прегостепріимно ждутъ тысячи громадныхъ орудій лова рѣчныхъ арендаторовъ; когда всѣ усилія направить возможно большее количество икряной рыбы въ волжскіе рукава и въ ильмени не достигаютъ цѣли, такъ какъ, по собственному сознанію низовыхъ промышленниковъ, удается лишь небольшой части рыбы пройти вверхъ для икрометанія? И это обстоятельство, вмѣсто того, чтобы побудить ихъ ограничить свой ловъ до извѣстной степени, побудило ихъ хлопотать объ уничтоженіи единственно возможнаго для бѣднаго люда рѣчного лова ставными сѣтями, и было бы печально, еслибы эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Выше уже было замѣчено о нецѣлесообразности существующихъ запретныхъ сроковъ. Смѣло можно сказать, что къ тому времени, когда начинается запретный срокъ рыболовства въ ильменяхъ и полояхъ (15 апрѣля), оканчивается уже главный ловъ частиковыхъ породъ, такъ какъ и весь весенній ловъ заканчивается „вешнимъ Николой", т.-е. 9 мая. При среднемъ вскрытіи Волги 12-го марта, можно себѣ представить, какое громадное количество икряной рыбы вылавливается арендаторами и откупщиками въ побочной системѣ водъ и въ главной, гдѣ запретный срокъ рыболовства начинается лишь 15-го мая. Поэтому было бы совершенно цѣлесообразно, измѣнивъ совершенно существующую систему запретныхъ сроковъ, ввести болѣе соотвѣтствующую охраненію рыбнаго запаса—именно запретить всякое рыболовство по Волгѣ отъ вскрытія и до 15 мая въ системѣ побочныхъ водъ и до 15 іюня въ самой Волгѣ. Введеніе такихъ сроковъ, которые дали бы рыбѣ свободно выметать икру, при извѣстномъ ограниченіи неводнаго лова, оказало-бы благодѣтельное вліяніе на запасы какъ частиковыхъ, такъ и красныхъ рыбъ, такъ какъ естественныя условія дельты Волги еще настолько благопріятны, что еще не можетъ быть рѣчи о недостаткѣ корма для подрастающихъ рыбъ.

Профессоръ Гриммъ, въ числѣ мѣръ, которыя бы благодѣтельно повліяли на возможность прохожденія большаго числа икряныхъ рыбъ, предложилъ весьма разумную мѣру—пріостановленіе всякаго рыболовства въ теченіе воскресныхъ сутокъ. Эта мѣра, кромѣ непосредственной своей цѣли, имѣла еще въ виду дать отдыхъ тѣмъ массамъ рабочихъ, которые теперь изо дня въ день несутъ тяжелый трудъ безъ отдыха. Но въ комитетѣ эта мѣра вызвала сильную оппозицію, и, что всего курьезнѣе, комитетъ отвергалъ ее, будто преслѣдуя интересы рабочихъ: такъ какъ хозяевамъ невыгодно, молъ, держать даромъ рабочихъ одинъ день въ

недѣлю, то непремѣнно они уменьшатъ и безъ того чрезвычайно скудную плату, что крайне невыгодно отзовется и на безъ того скромныхъ заработкахъ промысловаго рабочаго. Не правда-ли—какой сердобольный комитетъ и какъ онъ рьяно печется о нуждахъ рабочихъ?!

Безъ сомнѣнія, астраханская рыбная промышленность обезпечиваетъ массу народа, хотя нѣтъ сомнѣнія, что львиная доля барышей попадаетъ въ руки крупныхъ рыбопромышленниковъ. Послѣдніе, впрочемъ, постоянно жалуются на своихъ подрядныхъ ловцовъ, на ихъ нескончаемую задолженность; они придумываютъ и стремятся провести цѣлый рядъ мѣръ, которыя чрезвычайно стѣсняютъ бѣдный промысловый людъ; такъ, напр., эти крупные промышленники хотятъ запретить скупъ рыбы въ морѣ, что, конечно, на руку хозяевамъ, у которыхъ подрядные ловцы, но на руку ли это вольнымъ ловцамъ? А между тѣмъ и въ этомъ случаѣ комитетъ мотивируетъ и эту мѣру прекрасными намѣреніями: желаніемъ предохранить ловцовъ отъ разоренія, такъ какъ будто-бы явились недобросовѣстные скупщики рыбы, которые водку мѣняютъ на рыбу и проч. Но вѣдь ловцы не малолѣтнія дѣти, да и самая водка въ иной моментъ дороже многихъ благъ, иногда спасая здоровье и предохраняя отъ простуды. Въ глухую осень, когда идетъ дождь, тотчасъ подмерзающій, когда лодка и всѣ снасти обмерзаютъ, не говоря уже о платьѣ на рыбакѣ, когда ему, опирающемуся грудью на бортъ лодки, по цѣлымъ часамъ приходится пересматривать свою снасть въ морѣ, когда уставшая, окоченѣвшая рука зацѣпитъ за одинъ, за другой острый крюкъ, такъ что кровь льется изъ обмерзшей руки,—развѣ стаканъ водки не есть благодѣтельный напитокъ, согрѣвающій рыбака, спасающій его, быть можетъ, отъ простуды и смерти? Пора бы этимъ арендаторамъ оставить сердобольные мотивы, которыми они прикрываются, чтобы достигнуть своихъ личныхъ выгодъ. Вѣдь заподряженные ловцы и безъ того у нихъ въ рукахъ, а для вольныхъ у нихъ въ широкихъ размѣрахъ практикуется остроумная „затяжка". Но все-таки положеніе ловцовъ, какъ вольныхъ, такъ и подрядныхъ, несравненно выше положенія тоневыхъ рабочихъ, которыми преимущественно бываютъ киргизы и калмыки. Если вы поставите рядомъ процвѣтающаго коммерсанта и кругомъ должнаго труженика, надрывающагося въ морѣ ловца, то простите ему тѣ рѣдкія минуты разгула, которыя вы видите у него при посѣщеніи Астрахани, и поймете, на чьей сторонѣ остаются выгоды рыболовства. Понятно, что, благодаря громадному рыбному богатству, масса не бѣдствуетъ, но и все тутъ. Она существуетъ хорошо, но изо дня въ день. Львиная доля улова, конечно, достается не ей. Въ дѣлѣ пользы отъ промысла,—какъ въ охотѣ, согласно баснѣ,—масса, подобно зайцу, имѣетъ право лишь на клочекъ медвѣжьяго ушка, хотя сообразно труду, затрачиваемому этой массой на дѣло рыбной промышленности, въ сущности ея часть дѣйствительно должна быть львиной.

Конечно, положеніе нѣкоторыхъ рабочихъ весьма удовлетворительно, въ особенности русскихъ, которые обыкновенно всегда занимаютъ какія-нибудь высшія или административныя должности, какъ приказчики или клеевщики, тогда какъ положеніе рядовыхъ рабочихъ, нанимающихся собственно на тягу невода, гораздо хуже, но и они получаютъ хорошую пищу, хотя конечно и не такую изобильную и роскошную, какъ первые. Обыкновенно на долю послѣднихъ на каждаго рабочаго выдается ежедневно три фунта печенаго ржаного хлѣба, фунтъ пшена или пшеничной муки, калмыцкій чай и рыбы сколько можешь съѣсть. Но положеніе семей тѣхъ калмыковъ, которые не имѣютъ скотоводства и нанялись въ рядовые рабочіе, чрезвычайно дурно. Часто на берегу Волги можно встрѣтить возлѣ тони нѣсколько калмыцкихъ кибитокъ, въ которыхъ ихъ семейства, и которыя ждутъ выброшенной изъ неводовъ негодной рыбы, для того чтобы пропитаться.

Выше было сказано, что р. Уралъ и часть моря, прилегающая къ нему, не входятъ подъ управленіе комитета рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ. Опишемъ здѣсь со словъ г. Бобылева зимній охотничій промыселъ на морѣ казаковъ.

Зима вступила въ свои права. Наступили декабрьскіе морозы, ледъ сильно уплотняется,

вода холодѣетъ, и вѣроятно потому рыба ложится плотнѣе, гуще одѣвается слѣпомъ—особаго рода слизью, вѣроятно дурнымъ проводникомъ теплоты, — сбитая съ мѣстъ залеганья идетъ неохотно. На Уралѣ стоятъ уже возы, нагруженные камышемъ, сѣномъ, овсомъ, рыболовными припасами, сѣтями и аханами. Эти нагруженные возы баснословно велики, хотя въ нихъ запрягается всего одна лошадь, несмотря на то, что приходится ѣхать не по натертому пути, а по дорогѣ, покрытой часто трещинами. Самый важный вопросъ при отправленіи на этотъ промыселъ—найти хорошихъ рабочихъ. Рабочіе на морѣ—исключительно киргизы, а русскіе рѣшительно не въ состояніи выдерживать такого невозможнаго труда, передъ которымъ и трудъ каторжника покажется отдыхомъ. До чего крѣпокъ и выносливъ киргизъ къ холоду — не можетъ вообразить себѣ и привыкшій къ жестокимъ зимамъ обитатель сѣвера. ,,Вообразите себѣ,—говоритъ Бобылевъ,—холодъ и жесточайшій сѣверный штормъ съ снѣгомъ и мятелью, штормъ, буквально сбивающій съ ногъ и пронизывающій насквозь, залѣпляющій глаза и сѣкущій лицо холоднымъ снѣгомъ, и все это въ безпріютной, ледяной пустынѣ моря! И въ эту-то погоду не только цѣлые дни, но иногда, при хорошихъ уловахъ, и ночи приходится измокшему и оледенѣлому рабочему выдирать и ставить вновь примерзающія къ рукамъ сѣти, которыхъ порядокъ—линія выбивки—тянется иногда на цѣлыя версты. Объ ѣдѣ въ горячіе моменты лова совершенно забывается...

Наконецъ, сборы кончены; вся необходимая утварь и провизія забраны, и аханщики отправляются по льду въ море.

Наконецъ найдены ятови, тогда у всѣхъ дѣло. Пробиваютъ рядъ ямъ или маіинъ для выкладки сѣтей. Рабочіе не успѣваютъ наслушивать и перебирать сѣти. Еще не кончилъ одного порядка, а въ немъ опять рыба. Ходи взадъ и впередъ наслушивая, и поѣсть нѣтъ времени. На холодѣ съ рабочихъ льетъ потъ, только руки леденѣютъ въ холодной водѣ. Рыбы наловились массы, не успѣваютъ вывозить въ городъ, на лошадей наваливаютъ баснословный грузъ и нѣкоторыхъ надрываютъ...

Наконецъ, ловъ кончается. Всѣ веселы и довольны. Ясное солнышко начинаетъ припекать и съѣдаетъ ледъ, на которомъ стоятъ лужи. Всѣ или почти всѣ выдираютъ сѣти и спѣшатъ домой къ женамъ и дѣтямъ. Остаются только тѣ, которые плохо ловили,—ихъ удерживаетъ надежда, но тщетно. Становится все теплѣе и теплѣе, ледъ рыхлѣетъ и мѣстами плохо поднимаетъ лошадей и возы. Вдругъ небо начинаетъ хмуриться отъ юго-западнаго вѣтра, дуетъ и крѣпнетъ теплый вѣтеръ, нагоняя массы теплой воды, — рыхлый ледъ начинаетъ жать и ломать. Ледъ сверху обращается въ какой-то мокрый снѣгъ, и вода уже сочится въ него все глубже и глубже. Лошади едва могутъ переходить по немъ съ мѣста на мѣсто, возвратиться домой нельзя, льдину отнесло въ море; хлѣбъ подходитъ къ концу и наступаютъ дни экономіи и голода, который иногда доводитъ до того, что бьютъ и ѣдятъ тюленя, котораго казаки считаютъ не чище собаки. Лошадей тоже мало-по-малу рѣжутъ и ѣдятъ, лошади объѣдаютъ другъ у друга хвосты, а смѣнившійся вѣтеръ на сѣверо-восточный все больше относитъ ихъ въ море. Рабочіе давно уже покинули своихъ хозяевъ, стараясь пробраться черезъ прибрежный ледъ въ черняхъ, который былъ еще болѣе рыхлъ, чѣмъ на морѣ. Успѣли-ли? Иногда они спасаются, иногда пропадаютъ безъ вѣсти. Ледъ становится настолько рыхлымъ, что перестаетъ держать даже человѣка. Лошади проваливаются и плаваютъ около рыхлой льдины и стараются подплыть возможно ближе къ человѣку, до послѣдней минуты ожидая спасенія отъ его разума. Онѣ кладутъ голову на окраину льдины и смотрятъ на человѣка кроткими, плачущими глазами, какъ-бы сознавая неминуемость смерти, которая и не заставляетъ себя долго ждать. Старые, бывалые казаки передавали, что, несмотря на общественную бѣду, никто безъ слезъ не взглянетъ въ глаза такой лошади,—,,такъ-то умно и горько смотритъ на тебя лебедушка; а слезы такъ и стоятъ у ней въ глазахъ". Какъ скоро истощеніе и голодъ покончатъ съ такой лебедушкой, ее вытаскиваютъ на ледъ и сдираютъ съ нея шкуру, цѣликомъ черезъ

голову. Мясо оставляютъ для пищи. Изъ шкуры дѣлаютъ пузырь, его надуваютъ, завязывая крѣпко-накрѣпко: это послѣдняя соломинка, за которую хватаются утопающіе. Въ случаѣ плаванія, пузырь этотъ подвязываютъ подъ сани—и спасательный снарядъ готовъ.

Наконецъ, ледъ совершенно рушится, обращаясь въ какую-то рыхлую кашу, на которой и стоять нельзя. Спускаютъ сани съ пузыремъ и садятся на и безъ того грузно сидящія въ водѣ сани и уносятся въ море часто по поясъ въ водѣ. Иные предпочитаютъ остаться на льду и прощаются съ своими товарищами на смерть. Одни, имѣя самое малое количество припасовъ, по поясъ въ холодной водѣ, рискуютъ умереть отъ холода и голода и упадка силъ въ борьбѣ съ безпощаднымъ моремъ; другіе могутъ быть отнесены на кашеобразной льдинѣ въ теплое пространство моря—готовую могилу. Тѣ и другіе приготовились къ смерти и перемѣнили рубахи.

И такъ, одни несутся въ открытомъ морѣ, придѣлавъ къ санямъ какой-нибудь рогожный парусъ, другіе остаются на все уменьшающейся льдинѣ, которая рыхлѣетъ съ каждымъ часомъ. Люди кое-какъ держатся на ней, перекрещивая шесты, оглобли, сани. Топитъ снѣгъ и ледъ ясный, безжалостный, весиній, теплый день, но еще хуже становится, когда наступаетъ безконечная, угрюмая ночь. Трудно себѣ представить, какъ проходитъ она для людей, считающихъ минуты. Благо заснутъ отъ утомленія. Домъ, семью, родныхъ посылаетъ насмѣшливый сонъ, но каково пробужденіе! Голодъ, холодъ и безстрастныя, неумолимыя волны стерегутъ несчастныхъ. Свѣтаетъ! Скупой, блѣдный свѣтъ едва озаряетъ море, но глазъ погибающихъ пожираетъ море. Вдали вдругъ виденъ парусъ! Господи! это весніе астраханскіе тюленьщики. На льдинѣ кое-какъ поднята вмѣсто флага какая-то рогожа или обрывокъ одежды. Но увы, лодка не видѣла или не пожелала терять времени, скрывается изъ вида. Наступаетъ страшная минута отчаянія!!!

Минуетъ еще теплый день и наступаетъ хмурая, жестокая ночь,—лучше бы ужь послѣдняя! Одинъ бы конецъ, заснуть и проснуться на днѣ моря. Но снова свѣтаетъ, солнце вновь появляется надъ горизонтомъ, обдавая все пурпуромъ и золотомъ... ,,Парусъ, опять парусъ!" Неужели и этотъ уйдетъ и броситъ ихъ умирать? И надежда, и страхъ... На лодкѣ видятъ несчастныхъ. ,,Робя, а вѣдь взять-бы надо?"—говоритъ несмѣло молодой паренекъ.—,,Чего взять-то, а работать когда будешь? На боку-то лежать, видно, лучше". — ,,Нѣтъ, чего-же? По-божески надо",—говорятъ другіе. ,,Чай заплатятъ! Тоже богатые больше на аханъ-то выходятъ. Опять родные, чай, есть. Заплатятъ. Иванъ Ильичъ,—обращаются они къ лоцману,—прикажи взять". — ,,Еще чаво выдумали, — огрызается лоцманъ, часть котораго въ тюленѣ значительна.—Вамъ все равно, хоть разорить хозяина-то. Тюлень-то ждать, что-ли, станетъ?"— ,,Погибнутъ вѣдь,—говоритъ слезливо паренекъ,—христіанскія души тожъ".—,,Потолкуй еще, потолкуй".—,,Да вѣдь заплатятъ, Иванъ Ильичъ, право заплатятъ, народъ состоятельный",— усовѣщеваетъ солидный рабочій. — ,,А хозяинъ-то безъ выручки останется?" — полувопросительно обращается лоцманъ уже мягче. — ,,Для-ча безъ выручки? Ихъ снимемъ да тюленя набьемъ... Оправятся, еще свѣжевать помогутъ".—,,А и то взять? Богъ-отъ на это пошлетъ тоже".

Парусъ обносятъ и идутъ въ черни. Прямо подойти нельзя, противный вѣтеръ мѣшаетъ.

Казаки это видятъ и крестятся. Нѣкоторые, увязая въ рыхломъ льду, становятся на колѣна и молятся, молятся со слезами. Не здѣсь-ли сложилась поговорка: ,,кто въ морѣ не бывалъ, — до-сыта Богу не маливался"... Лодка дѣлаетъ рей и еще рей — сердца бѣдняковъ замираютъ отъ ожиданія. Наконецъ, лодка пристаетъ къ противоположной окраинѣ льдины. Парусъ падаетъ. Люди тихонько подсовываются шестами.

— ,,Что, други, натерпѣлись?" — ,,Натерпѣлись, родной",—отвѣчаютъ сквозь радостныя слезы...—,,Въ кучу-то не толпитесь, провалитесь. Помаленьку, помаленьку; принимай"... Съ лодки подаютъ шесты и багры. Казаки схватываютъ и вылѣзаютъ на лодку. ,,Надоть-бы

взять кой-что". — „Ладно, ладно, все возьмемъ. Вы ужь обсушитесь да поѣшьте. Мы сами сдѣлаемъ. Поговѣли—чай?"—„Да ужь такъ-то поговѣли! Пятый день во рту маковой росинки не видали!..." „На ѣду-то не наваливайтесь. Плохо бываетъ, помаленьку. Да обогрѣть васъ нужно. У васъ, чай, и сухого ничего-то нѣтъ? Ребята, давайте у кого что есть. А они пока свои просушатъ". Сундуки открываются. Рубахи, шаровары, фуфайки и халаты являются къ услугамъ измокшихъ.

— „Митька, самоваръ поставилъ?"—„Поставилъ,—говоритъ уже радостно Митька, таща ворохъ одежды.—Имъ-бы водочки, Ильичъ".—„Безъ тебя знаютъ. Для Пасхи берегли было, да для васъ и нынѣ свѣтлый день"... Сухая одежда и маленькій стаканъ водки оживляютъ казаковъ.

— „Вы, родные, не сумлѣвайтесь, что доброе дѣло сдѣлали. Заплатимъ за все, кромѣ что и Богъ-отъ зачтетъ". — „Да вѣдь васъ въ Гурьевъ представить надо. Бой какъ-бы не упустить?"—„Зачѣмъ упускать. Мы оправимся, вамъ ужо помогать станемъ"...

Особенно озябшихъ, опухлыхъ, изнуренныхъ оттираютъ водкою. Митька варитъ мясо съ улыбкой на лицѣ и со слезами на глазахъ. — „Мясца-то поѣдите, покрѣпчаете". — „Да вѣдь грѣхъ, родимый". —„Чего грѣхъ, а тюленя и конину не ѣли?"—„Поневолѣ, другъ".—„Ну, васъ Богъ проститъ. Это вотъ мы, ну, Пасха подойдетъ".—„Ну, Господь спасетъ, дѣлать нечего"... Черезъ нѣсколько дней казаки оправляются и помогаютъ тюленьщикамъ. Тюленей набито полно. Лодка больше не поднимаетъ, и тюленьщики идутъ въ Гурьевъ. Наконецъ, спасенныхъ привозятъ въ Гурьевъ. Все ликуетъ. Лоцмана и плаксиваго Митьку не знаютъ куда посадить. Богатые казаки даютъ деньги и собираютъ съ другихъ для спасителей. Набирается нѣсколько сотъ рублей. Спасенные заказываютъ икону въ церковь. У всѣхъ праздникъ, и тюленьщики уходятъ, провожаемые водкой и благословеніями.

Но не только бѣда, когда попадешь весной въ относъ: непріятно это бываетъ и зимою. Иногда послѣ оттепели зимой подуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ, ледъ ломается, трескается, заламывается и засыпаетъ осколками не только порядки сѣтей, но и кошары (палатки казаковъ), сани и лошадей, надвигая ихъ иногда на вершины огромныхъ бугровъ льда, которые поломаны и раскиданы въ морѣ, точно города и замки. Ночью несетъ и движетъ неизвѣстно куда, а утромъ просыпаются нерѣдко за стѣнами ледяной крѣпости. Бури ночью въ особенности бываютъ опасны для промысла. Заснешь состоятельнымъ человѣкомъ, а проснешься чуть не нищимъ. Иногда странныя штуки выдѣлываютъ вѣтры и относы льда. Однажды вечеромъ двое пріятелей казаковъ сидѣли въ кошарѣ, толкуя и попивая чаекъ. Поднялся вѣтеръ, и подъ защитой теплаго кошара и согрѣвающаго питья было особенно пріятно. Вдругъ раздался трескъ, напоминающій выстрѣлъ пушки. Прямо подъ шатромъ ледъ далъ трещину и быстро сталъ расходиться. Съ блюдцами въ рукахъ казаки не успѣли ахнуть, какъ одинъ собесѣдникъ остался на одномъ концѣ расходившейся трещины, а другой отправился въ море. Кошаръ, костеръ и даже чайный приборъ—все было подѣлено на двое.

Одну изъ особенностей замкнутаго, внутренняго моря составляетъ пребываніе въ немъ тюленей—этихъ обитателей сѣвера. Тюлени распространены по всему Каспійскому морю, за исключеніемъ центральныхъ и болѣе глубокихъ мѣстъ моря. Значительную часть времени года они держатся въ сѣверной половинѣ Каспія, какъ болѣе мелководной и имѣющей множество острововъ. Главные ихъ притоны — это группа такъ-называемыхъ Тюленьихъ острововъ, изъ которыхъ наиболѣе важны: Кулланы, Святой и Подгорный, расположенные вблизи Мангышлакскаго полуострова; кромѣ того, тюлени посѣщаютъ Пѣшные острова, передъ устьями Урала, острова Мертваго Култука, а также острова вблизи Терека. Тюлень держится обыкновенно стадами, и хотя вода составляетъ его родную стихію, но для него является потребность по временамъ вылѣзать на льдины или на берегъ, гдѣ, размѣстившись вдоль берега, пригрѣтые солнцемъ, они сладко засыпаютъ, перевертываясь лишь время отъ времени съ

боку на бокъ или подставляя подъ лучи солнца то спину, то брюхо. Пищу тюленей составляетъ исключительно мелкая рыба, особенно въ зимнее время главную ихъ пищу составляютъ бычки; мелкихъ рыбокъ они поѣдаютъ цѣликомъ, тогда какъ у болѣе крупныхъ рыбъ они объѣдаютъ лишь нѣкоторыя части, бросая остальное тѣло нетронутымъ. Вслѣдствіе этого надъ тюленьими косяками носятся всегда стаи чаекъ и мартышекъ, которыя и открываютъ тюленепромышленникамъ присутствіе „звѣря". Тюлень, двѣ рыбы—бѣлорыбица и лосось—и маленькій морской рачекъ, называемый ловцами стопогой, приближаютъ фауну Каспійскаго моря къ фаунѣ сѣвернаго, холоднаго моря, тогда какъ южное побережье этого моря служитъ продолженіемъ африканскихъ пустынь... Ежегодно убиваютъ большое количество тюленя, ради его жира и шкуръ, мясо же никуда не употребляется и, отрѣзавъ жиръ съ кожей, промышленники бросаютъ мясо. Только крайность, страшный голодъ можетъ заставить ѣсть тюленя, такъ какъ, по выраженію одного промышленника, мясо его имѣетъ такой противный вкусъ и до того непріятный запахъ, что лучше умереть съ голоду, чѣмъ ѣсть такую гадину.

Промыселъ на тюленя главнымъ образомъ сосредоточенъ въ сѣверной части моря. Тюлени въ большомъ количествѣ выходятъ только на острова Святой и Подгорный, и потому весь „островной бой" сосредоточивается на нихъ. Тюлень также во множествѣ посѣщаетъ острова Пѣшные, противъ устьевъ Урала, но бой тюленей здѣсь запрещенъ, такъ какъ вредитъ рыболовству. Прежде на нихъ добывали до 10,000 тюленей. Въ сѣверо-западной части моря, на островѣ Тюленьемъ прежде убивали до 8,000 тюленей, но теперь ловъ почти прекратился, вслѣдствіе развитія вблизи его рыбнаго лова. Въ южной части моря бьютъ тюленя вблизи Апшеронскаго полуострова, на островахъ Живомъ, Святомъ и Плитахъ

Тюлени добываются на Каспійскомъ морѣ весь годъ, кромѣ зимы, когда бой тюленя на льду запрещенъ, и іюня и іюля мѣсяцевъ, когда онъ не производится по невыгодности. Тюленій промыселъ—также вольный: всякій, заплатившій въ казну 6 руб. или за полгода 3 руб., получаетъ право отправляться въ море бить тюленя.

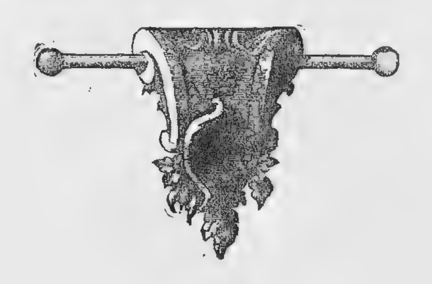
Существуетъ нѣсколько подраздѣленій тюленепромышленниковъ: годовые, осенніе и весенніе. Первые отправляются изъ Астрахани въ августѣ, на небольшихъ морскихъ судахъ, называемыхъ кусовыми лодками; съ этого времени до конца осени промышленники добываютъ звѣря на Тюленьихъ островахъ — осенній островной бой. Зиму они перезимовываютъ обыкновенно на Кулланахъ, гдѣ построены казармы и вырыты землянки, но многіе изъ этихъ промышленниковъ-зимовичей проводятъ зиму или въ Александровскомъ фортѣ, или на островѣ Чечнѣ; въ послѣднемъ они зимуютъ на лодкахъ, вытащенныхъ на берегъ, и какъ-только начнетъ расходиться ледъ, въ первыхъ числахъ января, промышленники отправляются на судахъ и бьютъ тюленя на льдинахъ, и этотъ весьма прибыльный бой, хотя и весьма опасный, продолжается весь февраль, къ концу котораго вновь всѣ промышленники собираются къ Тюленьимъ островамъ, гдѣ и начинаютъ главный бой тюленя, выходящаго на берегъ.

Этотъ весенній промыселъ г. Яковлевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. „Звѣря бьютъ всѣмъ народомъ, котораго весною собирается до 400 человѣкъ и болѣе. Когда на островахъ косякъ осмотрѣнъ, мѣсто его лежки хорошо замѣчено, то при наступленіи ночи отдается приказъ всѣмъ кусовымъ лодкамъ плыть куда слѣдуетъ и высаживаться на берегъ съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ предосторожностей; здѣсь боецъ ведетъ людей, вооруженныхъ дубинками, къ тому мѣсту, гдѣ залегли тюлени. Приблизившись къ звѣрю, промышленники вытягиваются въ линію и ползутъ другъ за другомъ, имѣя впереди бойца. Послѣдній, добравшись до косяка, начинаетъ бить лежащихъ съ края тюленей, дѣлая такимъ образомъ „опушку" изъ убитыхъ тюленей; остальные промышленники продолжаютъ медленно ползти за бойцомъ, пока весь косякъ не будетъ ими обойденъ. Одного ряда людей съ моря бываетъ недостаточно, потому что разбуженный тюлень иногда прорываетъ первую цѣпь и уплываетъ; другому ряду тюленьщиковъ приходится идти совершенно въ водѣ. Случается иногда, что во время об-

хода испуганные тюлени бросаются въ море черезъ рядъ людей, неподвижно лежащихъ на землѣ. Иногда такимъ образомъ уходитъ значительное число звѣря, но промышленники продолжаютъ лежать, не шевелясь, такъ какъ имъ по опыту извѣстно, что взбуженнаго звѣря нѣтъ возможности удержать никакими силами, въ противномъ же случаѣ весь косякъ легко переполошить. Разумѣется, тѣмъ, черезъ которыхъ тюлени перетаскиваютъ свое тяжелое, неповоротливое туловище, приходится испытать не особенно пріятныя ощущенія, но тюленьщики—народъ опытный, привыкшій переносить и худшія испытанія. Наконецъ, обходъ конченъ, и люди, по командѣ ловца, встаютъ на колѣна и начинаютъ бой. Каждый беретъ дубину въ обѣ руки и бьетъ тѣхъ звѣрей, которые находятся прямо передъ нимъ; наносить удары въ сторону нельзя, такъ какъ при этомъ можно задѣть людей, вплотную стоящихъ другъ возлѣ друга. Это тѣмъ болѣе возможно, что бой производится иногда въ очень темныя ночи, когда ничего не видно, кромѣ чернѣющей массы животныхъ... Встревоженные звѣри бросаются къ морю, но, встрѣчая препятствіе для выхода въ тѣлахъ своихъ убитыхъ товарищей, попадаютъ подъ удары дубинокъ и достаются въ добычу промышленникамъ"... Кромѣ годовыхъ, называемыхъ иначе зимовичами, еще есть „весенніе" промышленники, которые ѣдутъ изъ Астрахани одновременно съ вскрытіемъ рѣки. Кромѣ боя тюленя на островѣ и на льду, существуетъ еще особый способъ добыванія его ставными сѣтями или аханами; но теперь этотъ способъ употребляется только въ немногихъ мѣстностяхъ. Обыкновенно, послѣ того какъ звѣрь побитъ, производится дѣлежка. Кровь отъ убитыхъ тюленей, на мѣстѣ боя, тщательно засыпается пескомъ и ракушей. Вся дѣлежка звѣря состоитъ въ томъ, что тюленю отрубаютъ голову, а съ остального туловища снимаютъ шкуру вмѣстѣ съ толстымъ слоемъ сала; мясо же бросается въ море.

Если же количество убитаго тюленя очень велико (что бываетъ только весною), то дѣлаютъ рѣзку на мѣстѣ; убитаго звѣря оттаскиваютъ предварительно отъ берега, дальше отъ тѣхъ мѣстъ, на которыя онъ выходитъ, и затѣмъ приступаютъ къ раздѣлкѣ. По командѣ: „разбирайся!"—каждый оттаскиваетъ себѣ тюленей изъ общей кучи сколько успѣетъ, и начинаютъ „бѣлованье". Работа идетъ удивительно быстро въ виду того, что окончившіе ее раньше имѣютъ право взять нераздѣланныхъ тюленей у тѣхъ, которые не успѣли обѣловать свою часть. Шкуры съ саломъ перевозятся на посуды и солятся, для чего употребляется обыкновенно дешевая жировая соль (въ которой солилась уже рыба). На берегу соскабливаютъ ножомъ жиръ съ кожи и развѣшиваютъ сало для того, чтобы съ него стекалъ жиръ. Послѣ этого его кладутъ въ желѣзные котлы и вытапливаютъ на огнѣ. На заводахъ, устроенныхъ около Астрахани, тюленій жиръ вытапливается паромъ, и это производство устроено въ громадныхъ размѣрахъ; одно заведеніе можетъ доставить болѣе 100,000 пудовъ тюленьяго жира. Въ самомъ выходѣ находятся чаны, выложенные свинцомъ.

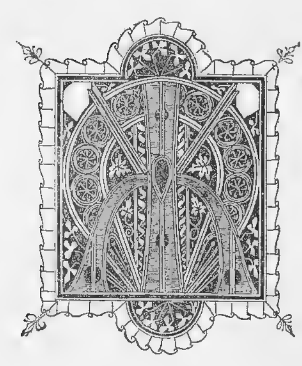
Н. А. Тарановъ.



ОЧЕРКЪ XII.

УРАЛЬСКАЯ ОБЩИНА.

Особенности Уральской общины.—Начало Уральскаго казачьяго войска.—Преобразованія при Петрѣ Великомъ.—Расширеніе войска, смуты внутри его.—Вспышки народнаго недовольства въ прошломъ столѣтіи (Пугачевъ) и въ настоящемъ.—Описаніе земель Уральскаго войска.—Какъ община пользуется своими угодьями.—Рыболовства рѣчныя (севрюжье, плавни и багрные), морскія (курхай, аханное).—Право распашки, кошенія сѣна.—Скотоводство.—Способъ отбыванія военной повинности.—Замѣтки о населеніи.



ИВОЙ интересъ представляетъ расположенная на отдаленномъ юго-востокѣ Европейской Россіи, по нижнему теченію рѣки Урала и его притокамъ, обширная и многочисленная община, рѣзко отличающаяся отъ другихъ общинъ и извѣстная подъ именемъ Уральскаго казачьяго войска. Различіе это бросается съ перваго же взгляда на карту: Уральская община занимаетъ почти шесть съ половиной милліоновъ десятинъ пространства и заключаетъ около 90 тысячъ жителей. Всѣ земли, всѣ воды, лѣса и другія угодья находятся въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ такой многолюдной общины, владѣющей милліонами десятинъ.

Другая особенность, столь же рѣзко отличающая ее, состоитъ въ томъ способѣ отбыванія военной повинности, этой главной повинности, которую несутъ казаки предъ государствомъ. На службу идетъ не тотъ, кому досталось по очереди, а желающій служить и за то, что онъ, уходя, не можетъ пользоваться войсковыми угодьями, остальные выдаютъ ему вознагражденіе. Нигдѣ, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, нѣтъ такой общины, которая была бы поставлена, хотя бы и въ отношеніи отбыванія военной повинности, въ такія оригинальныя условія.

Отсюда понятно, насколько общинный способъ пользованія войсковыми угодьями связанъ съ порядкомъ отбыванія военной повинности, и понятно станетъ, какъ всякій уралецъ дорожитъ сложившимися вѣками обычаями, вошедшими въ плоть и кровь каждаго; уралецъ крѣпко стоитъ за старину, за порядки и обычаи своихъ отцовъ и дѣдовъ и готовъ нести за это тяжелый крестъ.

Консерватизму уральцевъ въ значительной степени содѣйствуютъ еще двѣ причины: сильное развитіе старообрядчества и обособленность войска, которое лишь въ недавнее время понемногу стало сливаться съ остальнымъ населеніемъ Имперіи.

Интересно прослѣдить, при какихъ условіяхъ могла возникнуть такая община и какъ она можетъ поддерживать свое существованіе до сихъ поръ? Для этого необходимо прежде всего

бросимъ бѣглый взглядъ на прошедшее Уральскихъ казаковъ, богатое событіями, имѣвшими много связи съ событіями въ остальной Руси (особенно ея юго-восточной части). На Уралѣ, прежнемъ Яикѣ, былъ пойманъ Заруцкій съ Мариною Мнишекъ, въ низовьяхъ Волги, Яика и на Каспіѣ разгуливалъ нѣкогда Степанъ Разинъ и, наконецъ, на Яикѣ началъ и кончилъ свою дѣятельность Пугачевъ. И Разинъ, и Пугачевъ стояли во главѣ недовольныхъ слагавшимися порядками; они имѣли партіи весьма многочисленныя и если могли дѣйствовать на пространствѣ всего юго-востока Европейской Россіи, то значитъ въ этой части Россіи были элементы, пригодные къ тому и ждавшіе лишь сигнала къ крайнему выраженію неудовольствія. Слѣдовательно, уральцы были окружены такими элементами, а это-то и способствовало отчасти къ долгому сохраненію общины, образовавшейся давно, къ общему складу понятій уральцевъ, къ укрѣпленію въ нихъ приверженности къ старинѣ.

Обратимся, однако, къ прошлому Яицкихъ, а нынѣ Уральскихъ казаковъ. Въ 1591 году въ нашихъ оффиціальныхъ бумагахъ впервые упоминаются Яицкіе казаки,—они въ числѣ 500 человѣкъ были призваны въ составъ отряда, собиравшагося въ Астрахани для наказанія „непослушника царскаго“ Шамхало Тарковскаго.

Съ тѣхъ поръ все чаще и чаще встрѣчается имя Яицкихъ казаковъ. Откуда же это появились они?

Въ половинѣ XVI столѣтія упоминаются казаки въ низовьяхъ Дона; около того-же времени особенно усилилось казачество на Волгѣ, разбои на которой развились въ такой степени, что для очищенія рѣки было отправлено царское войско, которое и погромило „воровскихъ“ казаковъ. Съ Волги казаки пошли въ другія мѣста и чрезъ 2 года послѣ того, именно въ 1580 году, казаки взяли богатый татарскій городъ Сарайчикъ, расположенный на Уралѣ верстахъ въ 80 выше впаденія его въ море. Вѣроятно послѣ этого казаки пошли вверхъ по Яику и поселились гдѣ-либо около нынѣшняго Уральска, или выше его, такъ какъ уже 4 года спустя есть свѣдѣнія о существованіи казачьяго городка. Основавшись на Яикѣ, казаки стали передовой стражей, кругомъ ихъ были все недруги, съ которыми и пришлось скоро вести борьбу за существованіе. Несмотря на такое тяжелое положеніе, нужно полагать, что закрѣпощеніе крестьянъ вызвало значительный приливъ выходцевъ и на Яикъ; число казаковъ усилилось и уже около 1600 года они, съ Нечаемъ во главѣ, добрались до хивинскаго ханства, пограбили здѣсь изрядно, но на обратномъ походѣ погибли въ неравной борьбѣ съ настигшимъ ихъ хивинскимъ войскомъ. Есть указаніе и на другой походъ казаковъ около того же времени, также неудачный и окончившійся погибелью отряда, бывшаго подъ начальствомъ Шамая.

Эти два похода указываютъ, какой отвагою и энергіей отличались тогдашніе казаки. Это былъ героическій періодъ въ жизни Уральскихъ казаковъ. Настало смутное время на Руси, но Яицкіе казаки нисколько не поддерживали Заруцкаго, когда онъ бѣжалъ на Яикъ и затѣмъ пойманъ верстахъ въ 200 ниже Уральска.

Неустройство на Руси при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ отражалось на окраинахъ, куда постоянно шли всѣ недовольные. Исправленіе церковныхъ книгъ, а затѣмъ и преслѣдованіе приверженцевъ стараго письма, дали новыхъ недовольныхъ, число которыхъ выросло уже значительно. Накопленіе такого непокойнаго элемента не замедлило отразиться на окраинахъ крайнимъ своевольствомъ Разина, а затѣмъ и явною войною, объявленною имъ московскому правительству. Разинъ между прочимъ былъ и въ устьяхъ Яика, гдѣ онъ взялъ построенный еще ранѣе Гурьевъ городокъ, занятый тогда стрѣльцами. Однако, вверхъ Разинъ не подымался и Яицкое войско оставалось спокойнымъ.

Между тѣмъ значительный приливъ изъ Руси не остался безслѣднымъ и на Яикѣ. Помимо увеличенія численности казаковъ, пришлый элементъ усилилъ старообрядчество и далъ начало партіямъ среди казаковъ. Борьба между этими партіями возникала не разъ и погубила многихъ казаковъ. Значеніе Петра Великаго въ исторіи казачьихъ войскъ было большое.

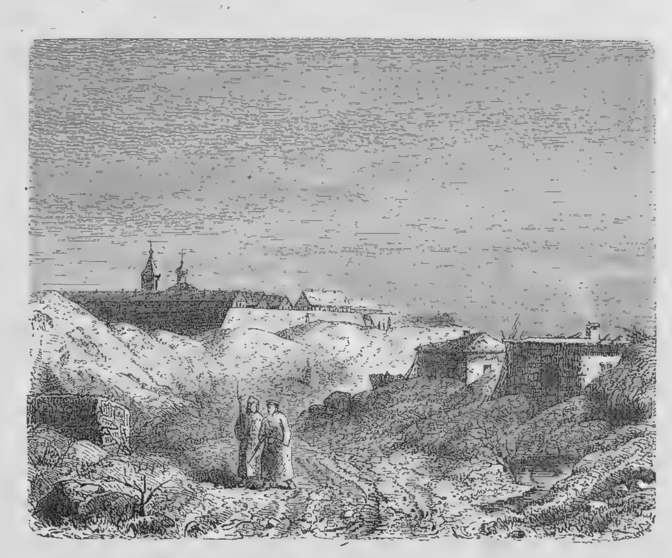
Принимая энергичныя мѣры противъ бѣглыхъ, оставлявшихъ тысячами своихъ помѣщиковъ и уклонявшихся отъ ненавистной всему народу рекрутчины, Петръ, уже, впрочемъ, въ концѣ своего царствованія, приказалъ произвести перепись всѣмъ Яицкимъ казакамъ, а также первый назначилъ атамана по своему усмотрѣнію. Сначала утвержденіе въ должности атамановъ, а затѣмъ и назначеніе ихъ имѣло громадное значеніе въ жизни каждаго войска. Выборный атаманъ былъ слуга казаковъ, хотя бы онъ и состоялъ избранникомъ какой-либо партіи. Войсковой кругъ, который обязательно собирался и обсуждалъ важныя дѣла, въ значительной степени ограничивалъ власть атамана и давалъ возможность повѣрять его дѣйствія, и не угодившій казакамъ атаманъ ими же смѣнялся; около атамана не могла вообще составиться прочная партія, напр., изъ людей состоятельныхъ, которые могли пользоваться его властью для достиженія своихъ цѣлей. Съ утвержденіемъ атамановъ правительствомъ, они стали не смѣняемы, они стали менѣе зависимы отъ народа; это сейчасъ же и обнаружилось: партія людей состоятельныхъ, къ которой принадлежала большая часть старшинъ, скоро примкнула къ атаманамъ, ставшимъ, такимъ образомъ, центромъ, около котораго начала образовываться партія, желавшая извлечь возможную пользу изъ своего сравнительно привилегированнаго положенія. Вотъ какъ отразилась на внутреннемъ бытѣ казаковъ реформа, произведенная Петромъ. Преслѣдуя государственную цѣль—подчинить казаковъ прочнѣе, — Петръ въ то же время создалъ условія для образованія среди казаковъ партій. Борьба этихъ партій обнимаетъ собою все XVIII столѣтіе, о чемъ будетъ рѣчь далѣе. Петръ Великій подчинилъ казаковъ вѣдѣнію Военной коллегіи.

Яицкіе казаки принимали участіе во всѣхъ войнахъ; они были подъ Азовомъ, воевали противъ шведовъ и 1,500 казаковъ погибло въ Хивѣ съ Бековичемъ Черкасскимъ.

Вторая четверть XVIII столѣтія имѣла значеніе для Яицкаго войска и въ другомъ отношеніи. До того времени Яицкое войско располагалось одно впереди, лишь отдѣльныя поселенія, каковы Самара, Сергіевскъ (минеральныя воды) и нѣкоторыя другія были вынесены впередъ на лѣвую сторону рѣки Волги. Яицкіе казаки были окружены съ сѣвера башкирами, съ юга калмыками, занявшими низовья Волги; за Ураломъ кочевали киргизы. Первые два народа признавали русскую власть, но скорѣе номинально; съ казаками они вели постоянную борьбу, нападая также и на пограничныя поселенія. Въ 1730 году киргизы такъ-называемой ,,Малой Орды" принимаютъ подданство Россіи. Рѣшено на р. Яикѣ построить городъ, чтобы быть ближе къ новымъ подданнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ и приводится въ исполненіе мысль о перенесеніи границы на востокъ—на рѣку Яикъ. Такимъ образомъ заложенъ былъ Оренбургъ и затѣмъ рядъ небольшихъ крѣпостей вдоль по рѣкѣ Уралу и далѣе къ сибирскимъ предѣламъ. Вмѣстѣ съ основаніемъ Оренбурга, Яицкое войско подчинено правителямъ обширнаго Оренбургскаго края. Одинъ изъ нихъ, именно Неплюевъ, выхлопоталъ предоставить Яицкому войску охрану теченія Урала ниже Уральска до Гурьева, а затѣмъ и этотъ городокъ былъ переданъ также войску. Это обстоятельство имѣло огромное вліяніе на устойчивость общины; безъ этого она едва-ли бы существовала въ настоящее время. До занятія всей линіи Урала населеніе сосредоточивалось въ одномъ городкѣ и въ двухъ поселеніяхъ (Илецкій и Сакмарскій городокъ), значительно удаленныхъ отъ главнаго пункта. Живя вмѣстѣ, казаки имѣли возможность устроить и пользованіе на общинномъ началѣ,—тѣмъ болѣе, что хлѣбопашествомъ они не занимались, скотоводство не могло быть обширно, такъ какъ кругомъ были любители чужого—киргизы, башкиры и калмыки; казаковъ кормилъ Яикъ, богатый рыбою и не даромъ прозванный золотымъ дномъ. Но въ устьяхъ этой рѣки стоялъ Гурьевъ городокъ и на рѣкѣ устраивался ,,учугъ"—переборка изъ жердей для не пропуска рыбы вверхъ. Къ Яицкимъ казакамъ попадала лишь та рыба, которая проходила мимо Гурьева въ половодье, когда учугъ не былъ поставленъ.

Благодаря стараніямъ и хлопотамъ бывшаго оренбургскаго губернатора Неплюева (одного

изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія), Яицкому войску, вмѣстѣ съ предоставленіемъ охраненія рѣки, сначала была отворена часть учуга для прохода рыбы, а затѣмъ вскорѣ за извѣстную плату предоставленъ былъ и самый учугъ; гарнизонъ изъ Гурьева городка былъ выведенъ и городокъ переданъ войску. Такъ въ половинѣ прошлаго столѣтія войско заняло сразу линію отъ впаденія рѣки Илека въ Яикъ и до устьевъ сего послѣдняго и кромѣ того прибрежныя воды Каспійскаго моря. Первоначально войско обязано было выставлять лишь команды для воспрепятствованія киргизамъ и калмыкамъ переходить чрезъ Уралъ, но скоро здѣсь появилась и осѣдлость; начали строиться „крѣпости", „форпосты" и селиться казаки. Но эти казаки были такъ-сказать колонисты, ихъ метрополія — Яицкій городокъ, а нынѣ Уральскъ, оставался все-таки главнымъ пунктомъ. Здѣсь находилась вся администрація, здѣсь сосредоточивалась вся жизнь войска; здѣсь опредѣлялись наряды, здѣсь устраивались соглашенія между охотниками идти на службу и остающимися дома; отсюда же начинались и рыболовства, такъ какъ войско не замедлило разобрать учугъ у Гурьева и перенести его къ Яицкому городку. Такимъ образомъ, благодаря тому обстоятельству, что разселеніе казаковъ началось уже послѣ того, когда община окрѣпла, когда временемъ освятился обычай отбывать службу вызовомъ охотниковъ съ вознагражденіемъ ихъ со стороны остающихся на службѣ, повторяю, благодаря этому, яицкая община отъ разселенія не только не ослабла, но и окрѣпла. Рыболовство стало теперь еще доходнѣе и выгоднѣе и большинство казаковъ, жившихъ въ метрополіи, было заинтересовано въ томъ, чтобы въ рыболовствѣ могли участвовать всѣ и чтобы живущіе ниже Уральска не могли перехватывать рыбы. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, какъ это было устроено ранѣе, но что равенство было установлено давно и строго наблюдалось, видимъ по настоящимъ правиламъ, о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи.



Крѣпость Верхне-Уральскъ (въ прошломъ столѣтіи).

Мы упомянули ранѣе, что съ начала XVIII столѣтія началась, а затѣмъ вскорѣ разгорѣлась борьба партій на Яикѣ. Эта борьба сильно отразилась на жизни войска. Злоупотребляя своимъ положеніемъ, атаманы и ихъ партія пользовались неграмотностью казаковъ, запутанностью счетовъ между казаками по раздачѣ имъ жалованья, по взысканію съ нихъ денегъ на содержаніе войскового правленія и по вознагражденію ушедшихъ на службу. Явная недобросовѣстность съ одной стороны, рѣзкость въ дѣйствіяхъ съ другой стороны, ожесточали обѣ партіи. Жалобы, доносы другъ на друга непрерывно посылались въ Военную коллегію, обнаруживая ей ясно всѣ непорядки среди казаковъ. Къ сожалѣнію, пріѣзжавшіе на мѣсто слѣдователи или относились пристрастно къ атаманской партіи, или не имѣли возможности возстановить порядокъ въ управленіи. Слѣдствія и судъ тянулись годами, справедливыя требованія не удовлетворялись, расхищенная казна оставалась не возвращенною... Недовольство росло все болѣе и болѣе, переносясь съ атаманской (или старшинской) партіи уже на дѣйствія правительства и его ближайшихъ агентовъ, не умѣвшихъ или не хотѣвшихъ удовлетворить большинство казаковъ.

Мы подходимъ къ такому крупному событію не только для Уральскаго войска, но и для всей Россіи, какъ Пугачевскій бунтъ. Только человѣкъ, не изучавшій исторіи, можетъ сказать, что бунтъ произведенъ и поддерживался одними бывшими яицкими казаками. При болѣе внимательномъ взглядѣ станетъ понятно, что были серьезныя причины народнаго недовольства, если бунтъ могъ разлиться широко на всемъ юго-востокѣ Россіи. Интересуясь въ настоящей статьѣ только судьбами Уральскаго войска, мы вскользь укажемъ на тѣ общія причины, которыя породили пугачевщину. Земли въ сѣверной части нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губерній, занятыя башкирами, постоянно были захватываемы пришлецами, или же отводились разнымъ лицамъ подъ заводы; башкиры неоднократно бунтовали и среди нихъ всегда былъ элементъ, годный для возмущенія; они не забывали своего стараго времени, когда не было такого стѣсненія. Горнозаводскіе крестьяне были сильно отягощены работами, среди нихъ была масса старообрядцевъ, водворившихся съ давнихъ поръ. Въ глухихъ мѣстахъ Южнаго Урала находили себѣ пріютъ бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ.

Въ волжскую сторону помѣщики еще не проникли, эта часть еще только населялась, какъ на сѣверѣ въ лѣсахъ Нижегородской губ. (Керженскихъ), такъ и на югѣ, на р. Иргизѣ были центры старообрядчества, поклонниковъ бороды и креста, людей не могшихъ оставаться въ Россіи, гдѣ свобода своего исповѣданія допускалась не для всѣхъ. Еще южнѣе жили калмыки, но насколько они были довольны можно судить потому, что почти всѣ около 50 тыс. кибитокъ въ 1771 году переселились въ Китай. Во всемъ заволжскомъ краѣ наиболѣе крѣпко было организовано Яицкое войско; вся линія по Уралу охранялась поселенными войсками, боевыя достоинства большей части которыхъ были ниже всякой критики, что и доказало поведеніе ихъ во время пугачевщины.

Итакъ, въ заволжскомъ краѣ не существовало элементовъ способныхъ, если не прекратить, то по крайней мѣрѣ задержать возстаніе: помѣщиковъ и дворянства не было и правительство могло располагать сравнительно ничтожными силами, разбросанными притомъ же на огромномъ пространствѣ. Напротивъ, всюду кругомъ было недовольство и внутри Россіи крестьянство, обремененное налогами, ждало облегченія, ждало воли, данной ему спустя только столѣтіе послѣ того.

Возмущенія происходили безпрерывно, и еще до Пугачева уже являлись самозванцы (Богомоловъ, Конинъ, Каменьщиковъ и др.).

Наконецъ, въ послѣдніе годы предъ появленіемъ Пугачева, въ Яицкомъ войскѣ событія слагались такимъ образомъ, что только все болѣе и болѣе ожесточали казаковъ. Разбирать жалобы казаковъ на дѣйствія атамановъ и старшинской партіи посылались обыкновенно слѣдователи. Такъ при Петрѣ III на Яикъ былъ посланъ слѣдователь, генералъ Потаповъ, тянувшій дѣло 4 года и принимавшій явно сторону старшинъ. Объявленіе рѣшенія Военной коллегіи посему поручается маіору Новокрещенову, который объявляетъ лишь одну часть рѣшенія, касающуюся казаковъ, а о старшинахъ умалчиваетъ. На протесты казаковъ, онъ доноситъ, что они бунтуютъ. Для усмиренія бунта присылаютъ генерала Черенова съ отрядомъ; по странному недоразумѣнію дѣло дошло до стрѣльбы въ толпу. Около того же времени, именно въ 1766 отмѣнена „наемка", т.-е. тотъ способъ пополненія частей вызовомъ охотниковъ, а предписано нарядить на службу по очереди. Это породило большое неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что старшины воспользовались симъ для удаленія изъ войска казаковъ, наиболѣе для нихъ непріятныхъ. Казаки отказались идти въ походъ, что вызвало новое слѣдствіе, порученное гвардіи капитану Чебышеву, пробывшему однако недолго и поручившему исполненіе прежнихъ приговоровъ атаману Тамбовцеву, державшему сторону старшинъ. Около того времени Потемкинъ задумалъ образовать „Московскій легіонъ", въ составъ котораго должны были поступить Яицкіе казаки. Такъ какъ казаки должны были брить бороды, носить особую форму и тому подобное, то войско этому воспротивилось, послана была

депутація, захваченная въ Петербургѣ и разосланная въ армію въ солдаты, послана была другая, которой и удалось подать просьбу императрицѣ, отмѣнившей посылку въ легіонъ и приказавшей разобрать прежнія жалобы и прекратить ихъ на всегда. Опять пріѣхали два слѣдователя: гвардіи капитанъ Дурново и генералъ Траубенбергъ. Опять повторилось прежнее: слѣдователи потворствовали старшинамъ, на просьбы казаковъ, на ихъ заявленія отдѣлывались одними обѣщаніями. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ такимъ образомъ, держали войско въ возбужденіи, пока наконецъ казаки не потребовали исполненія обѣщанія. Принимая это за бунтъ и видя, что казаки не расходятся, а, напротивъ, толпою идутъ къ дому, приказано было въ нихъ стрѣлять изъ орудій. Толпа разсвирѣпѣла; пушки были взяты, Траубенбергъ и атаманъ Тамбовцевъ убиты, Дурново израненъ, много старшинъ и ихъ приверженцевъ погибло. Вскорѣ изъ Оренбурга прибылъ отрядъ для усмиренія, вышедшіе на встрѣчу казаки были разбиты. Это было въ въ 1772 году. Расправа была жестокая: около 120 человѣкъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій, иныхъ растыкали на кольяхъ, другихъ повѣсили ребромъ за крюки, нѣкоторыхъ четвертовали; около 1,000 человѣкъ простили, отрѣзавъ имъ уши и носы. Въ іюнѣ 1773 года состоялась конфирмація и по остальнымъ преступникамъ.

Казачьи круги были отмѣнены, въ городѣ поставленъ гарнизонъ и завѣдываніе войскомъ поручено комендантской канцеляріи. Казаки снова жаловались императрицѣ, и общее неудовольствіе, несмотря на кровавое возмездіе, все болѣе и болѣе росло. Описывая событія, именно дѣйствія слѣдователей этого времени, г. Рябининъ говоритъ: „Внимательно и безпристрастно разбирая послѣдующія обстоятельства этого дѣла, поражаешься невольно удивленіемъ. Прошлый вѣкъ выступаетъ изъ него весь наружу съ своимъ взяточничествомъ, развитымъ въ неслыханныхъ размѣрахъ во всѣхъ слояхъ администраціи, съ своимъ дикимъ произволомъ властей, наглымъ презрѣніемъ къ справедливости, явнымъ неуваженіемъ къ закону. Съ другой стороны, встрѣчаешь долгія и напрасныя воззванія къ защитѣ закона, непоколебимую энергію духа и увѣренность въ своей правотѣ и наконецъ борьбу, борьбу до послѣдняго дыханія, до послѣдней капли крови за права и возлюбленныя вольности“.

При такихъ обстоятельствахъ достаточно было одного внѣшняго толчка, чтобы снова поднять войско. Такъ и случилось: въ іюнѣ 1773 года состоялась конфирмація по дѣлу Фреймана, а уже въ сентябрѣ объявился Пугачевъ и немедленно къ нему пристала масса недовольныхъ; бунтъ скоро принялъ огромные размѣры, охвативъ весь юговостокъ. Гарнизонъ Яицкаго городка былъ въ осадѣ довольно долго и освобожденъ послѣ Оренбурга. Остававшіеся здѣсь казаки скоро отстали отъ самозванца. Здѣсь нѣтъ надобности разсказывать весь ходъ пугачевскаго бунта. Слѣдуетъ отмѣтить, что всюду Пугачевъ жаловалъ крестомъ, бородою, землею и волею, всюду устраивалось правленіе на манеръ казацкаго; словомъ, Пугачевъ стремился удовлетворить завѣтнымъ желаніямъ крестьянъ. По усмиреніи бунта, войско было переименовано въ Уральское, рѣка Яикъ—въ Уралъ; круги были отмѣнены окончательно, равно какъ и народное правленіе. Атаманы назначались исключительно правительствомъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что только нѣсколькими годами раньше, именно въ 1768 году усмирено волненіе въ Подоліи (уманьская рѣзня и гайдамаки), а въ 1775 году упразднена запорожская сѣчь. Пугачевскій бунтъ на юго-востокѣ, а уманьская рѣзня на юго-западѣ были послѣдними энергичными проявленіями народнаго недовольства сложившимися порядками.

Нѣсколько ранѣе, во время прежнихъ возмущеній и усмиреній ихъ, а также и во время пугачевскаго бунта, погибли всѣ наиболѣе видные бойцы за прежніе вольности и порядки. Борьба велась упорная, напряженіе силъ достигло до наивысшей степени; послѣ сего должно естественно настать истощеніе и затишье. Пугачевскимъ бунтомъ кончается и прежній строй казачества, всего долѣе сохранившагося на Яикѣ. Изъ приведеннаго изложенія видно, насколько справедливо было бы обвинять однихъ уральскихъ казаковъ въ пугачевскомъ бунтѣ; они были только наиболѣе рьяными защитниками старины и прежнихъ порядковъ.

Дальнѣйшая исторія Уральскаго войска показываетъ, что казаки продолжали все-таки отстаивать свой прежній способъ служенія и вообще противились всякимъ нововведеніямъ, нарушившимъ прежній строй. Но протесты, если и выражались открыто, то уже не въ видѣ вооруженнаго сопротивленія; такихъ крутыхъ протестовъ было три: въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1837 году и въ 1874 году. Упомянемъ, въ чемъ именно состояло дѣло. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Военная коллегія приняла мѣры къ устройству казачьихъ войскъ.

На Уралъ былъ посланъ генералъ Медеръ, который составилъ положеніе объ устройствѣ управленія, о службѣ войска, предположивъ назначать на службу казаковъ по очереди. Составлены были штаты, установлена была и форма обмундированія. Все это вызвало волненіе, посылку депутацій въ Оренбургъ, гдѣ приняли все дѣло за бунтъ. Отправлены были войска и поѣхалъ начальникъ края — князь Волконскій. Казаки встрѣтили его предъ городомъ съ хлѣбомъ-солью, но это не было принято. Несмотря на зиму, казаки остались въ полѣ и были посланы войска для ихъ возвращенія; дѣло не обошлось безъ насилій надъ казаками. Память объ этомъ сохранилась подъ именемъ кочкина пира, по фамиліи маіора Кочкина, которому поручено было привести казаковъ въ городъ. Чрезъ два года самое главное нововведеніе—нарядъ по очереди былъ отмѣненъ и наемка опять возстановлена.

Волненіе 1837 года подготовлялось также постепенно. До начала нынѣшняго столѣтія рыболовства производились только въ рѣкѣ Уралѣ,—морскихъ-же не существовало, такъ какъ большинство казаковъ находило, что морской ловъ можетъ оказать вліяніе на рѣчной ловъ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ, тогда какъ въ морѣ могли ловить лишь болѣе состоятельные. Между тѣмъ, по просьбѣ именно сихъ состоятельныхъ и введены были рыболовства въ морѣ; все это породило разныя ходатайства казаковъ; рыболовства отмѣнялись и снова вводились. Къ этому поводу неудовольствія присоединилось особенно сильное преслѣдованіе старообрядцевъ и наконецъ назначеніе наказного атамана не изъ казаковъ.

Воспользовавшись пріѣздомъ въ 1837 году наслѣдника престола, казаки толпою подали жалобу, дѣйствуя при этомъ крайне неумѣло; результатомъ сего была присылка войскъ въ Уральскъ, высылка многихъ казаковъ и особенно сильныя преслѣдованія старообрядцевъ.

Различныя преобразованія, принятыя по всѣмъ казачьимъ войскамъ, какъ, напр., дозволеніе лицамъ не войскового сословія селиться всюду, предоставленіе имъ права пріобрѣтать собственность, подчиненіе казаковъ общей администраціи, полиціи, введенія войска въ составъ вновь образованной Уральской области, породили опять неудовольствіе среди казаковъ. Установленіе обязательной службы до извѣстнаго возраста, сборы казаковъ для лѣтнихъ ученій и нѣкоторыя другія новыя мѣры, повидимому, переполнили чашу терпѣнія. Въ 1874 году повторилось въ сущности то, что дѣлалось и ранѣе въ прошломъ столѣтіи: казаки заявили просьбу объ отмѣнѣ изданнаго положенія; когда въ этомъ рѣшительно было отказано, то они послали нѣсколько депутацій въ Петербургъ со своими просьбами оставить все по-прежнему. Категорическое приказаніе опросить каждаго, подчиняется-ли онъ новому положенію, произведенное не вполнѣ умѣло (напримѣръ, опрашивали въ массѣ), привело къ тому, что число нежелающихъ превысило 2 тысячи человѣкъ, причемъ наравнѣ съ сѣдыми стариками, смотрящими уже въ могилу, были и только-что вступающіе на службу. Вліяніе старшихъ и родителей оказалось въ полной силѣ; протестъ получилъ религіозную подкладку, какъ страданіе за старую вѣру. Наиболѣе упорные пошли въ Сибирь въ каторгу или на поселеніе, а также разселены въ Оренбургской губерніи, масса же отправлена на Аму-Дарью, куда за ними стали отправлять и семейства, пока милость государя не даровала прощенія раскаявшимся въ своихъ проступкахъ.

Этимъ собственно и можно кончить разсказъ о прошломъ уральской общины. Изъ него видно, съ какой настойчивостью, съ какимъ самопожертвованіемъ казаки старались отстаивать тѣ права, которыми они дорожили и то устройство общины, которое сложилось съ самаго

начала. Почти всегда войску приходилось отстаивать и свои экономическіе интересы противъ посягательствъ со стороны людей богатыхъ и чиновныхъ. Отсюда понятно, насколько эта борьба закалила казака, насколько масса проникнута крѣпкимъ убѣжденіемъ, что прошлое хорошо, что слѣдуетъ стоять за старину, за дѣдовскіе порядки. Такому взгляду, кромѣ экономической стороны, помогаетъ также и старообрядчество, пустившее глубокіе корни и нашедшее благодарную для себя почву. Общинное пользованіе всею землею, общее участіе въ рыболовствахъ, общіе сборы для найма охотниковъ на службу, наконецъ сравнительная малочисленность населенія еще болѣе поддерживаютъ связи между всѣми членами общины. Уралецъ интересуется и всходами хлѣбовъ, и ростомъ травъ, и успѣшностью рыболовства, и цѣнами на жизненные продукты, потому что этимъ до нѣкоторой степени опредѣляется размѣръ спроса и предложенія, число желающихъ идти на службу и количество подмоги охотникамъ служить. Все это вмѣстѣ взятое положило извѣстный отпечатокъ на все населеніе; кругозоръ уральца несравненно шире, нежели крестьянина, интересы котораго сосредоточены въ его деревнѣ; обособленность Уральской общины создала замкнутость членовъ этой общины, но вмѣстѣ съ тѣмъ солидарность интересовъ связала ихъ болѣе, нежели гдѣ-либо. Таковы общіе выводы изъ прошлаго. Теперь слѣдуетъ перейти къ описанію способа пользованія общиною своими угодьями, но для сего слѣдуетъ сказать нѣсколько о территоріи войска, и тѣхъ богатствахъ, которыми располагаетъ войско.

Земли Уральскаго войска тянутся вдоль по Уралу, начиная съ востока отъ устья рѣки Илека полосою, сначала съ востока на западъ, между Ураломъ и водораздѣльной линіей Общаго Сырта, а затѣмъ отъ меридіана Уральска на югъ, причемъ въ сѣверной части полоса эта шире (между р. Ураломъ и Узенями) около 175 верстъ, на югъ же около моря ширина полосы верстъ около 50—60; здѣсь она заключаетъ въ себѣ всю дельту Урала.

Прилегающая часть Каспійскаго моря мелководна: на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ берега—глубина едва доходитъ до 6 саженъ. Извѣстно, что часть моря къ сѣверу отъ линіи Петровскъ — фортъ Александровскій (на полуостровѣ Мангышлакѣ) не глубже 11 саженъ. Мелководіе моря, затрудняя доступъ къ берегамъ большихъ судовъ и являясь, поэтому, обстоятельствомъ неблагопріятнымъ, представляется однако въ высшей степени благодѣтельнымъ въ другомъ отношеніи, именно въ отношеніи рыбныхъ запасовъ. Сѣверная часть Каспія особенно славится богатствомъ рыбы, а это слѣдуетъ, между прочимъ, приписать, кромѣ обилія прѣсной воды, также и небольшой глубинѣ ея. Здѣсь рыбѣ жить привольно: мели, поросшія камышомъ и травами, или же покрытыя наносными остатками растительной жизни, масса прѣсной воды, вливаемой Волгою и Ураломъ, даютъ рыбѣ и пищу и удобства для метанія икры.

Тос396ливъ и скученъ Каспій въ сѣверной части: земли почти не видно—низменный берегъ тянется узкою, черною лентою (извѣстенъ подъ именемъ „черней"), то выступающею въ море длинными косами, соединяющимися при отливѣ воды съ прибрежными небольшими островами, то уходящею далеко въ материкъ. Тамъ, гдѣ есть притокъ прѣсной воды—тамъ высоко поднимаются камыши.

На всемъ пространствѣ уральскаго берега, т.-е. верстъ на 150, только одно поселеніе — на стрѣлецкой косѣ, верстахъ въ 17 отъ Гурьева городка, но и здѣсь пароходы останавливаются верстахъ въ 25 отъ берега, и лишь небольшія суда — „кусовыя", плавающія на мелкихъ мѣстахъ и между Гурьевомъ и Астраханью, могутъ подойти къ стрѣлецкой косѣ.

Берегъ, принадлежащій войску, составляетъ собственно полосу между крайними бывшими устьями Урала; нынѣ, по случаю продолжающагося пониженія уровня воды въ морѣ, а, быть можетъ, и частнаго поднятія поверхности земли, отъ прежнихъ рукавовъ не осталось почти и слѣда, а существующіе теперь рукава весьма мелководны—даже при морскихъ вѣтрахъ приходъ такихъ судовъ, какъ „кусовыя", возможенъ лишь по нѣкоторымъ изъ нихъ.

Уралъ начинаетъ отдѣлять рукава верстахъ въ 50 отъ устья; вся береговая полоса возвышается незначительно и на протяженіи нѣсколькихъ верстъ весною заливается почти сплошь. Послѣ спада, вода еще долго стоитъ во впадинахъ, въ разныхъ ерикахъ, берега которыхъ густо поросли камышомъ. Недоступныя лѣтомъ, по обилію влаги, комаровъ и мошекъ, эти мѣста становятся зимою незамѣнимыми убѣжищами для гуртовъ барановъ, находящихъ здѣсь полное укрытіе отъ жестокихъ бурановъ, нерѣдко господствующихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ.

Далѣе къ сѣверу мѣстность быстро мѣняетъ свой характеръ: она повышается и, не будучи орошаема водой, представляетъ плоскую, ровную песчаную пустыню, среди которой, мѣстами на значительныя пространства, разстилаются солончаки. Лишь на самое короткое время весною и осенью пустыня эта оживлена, да и то скудною растительностью; въ прочее же время, здѣсь все мертво и безжизненно, лѣтомъ особенно непривѣтливо: воздухъ раскаленъ, неподвиженъ, путнику на горизонтѣ рисуются привлекательные миражи, но въ дѣйствительности только мѣстами „абы“ — глиняныя конусообразныя постройки надъ могилами и нынѣ почитаемыхъ киргизами людей — разнообразятъ картину. Въ нѣкоторыхъ впадинахъ, между песчаными „барханами“ (холмы), пріютились „куры“ (постройки для загона на ночь барановъ) скотопромышленниковъ. Зелень держится только въ долинѣ р. Урала, но ширина ея весьма невелика—версты три—четыре. Немногочисленныя поселенія расположены вдоль рѣки. Отсутствіе сколько-нибудь годнаго для постройки дерева, сухость климата и малое число дождей кладутъ отпечатокъ и на самый характеръ построекъ.

Хаты Уральскихъ казаковъ.

На прилагаемомъ рисункѣ, воспроизводящемъ наброски мѣстнаго уроженца и знатока войска, изображено одно такое поселеніе, находящееся сравнительно въ лучшей обстановкѣ — около самой воды. На первомъ планѣ—покосившаяся „мазанка“ очевидно небогатаго казака, вдали остальные дома „форпоста“, или „крѣпости“, какъ и теперь еще зовутъ, по старой памяти, поселенія такъ-называемой „низовой линіи“. Во всемъ видны тишина и спокойствіе.

Другой рисунокъ того же художника изображаетъ отдѣльныя постройки. Соорудить ихъ не трудно: плетневый остовъ, постепенно обмазываемый глиною, смѣшанною съ коровьимъ пометомъ, съ сѣномъ—вотъ стѣны и готовы. Строятъ дома изъ „воздушнаго кирпича“, т.-е. изъ кирпича-сырца, не обожженаго. Плоскія крыши указываютъ на бѣдность атмосферическихъ осадковъ. Нашъ рисунокъ и изображаетъ таковыя постройки, которыя держатся довольно долго; въ домѣ достаточно тепло зимою и прохладно лѣтомъ. Впрочемъ, на это время у всякаго имѣется небольшая „вышка“, на которой ставится на ночь пологъ, если таковой имѣется. Здѣсь проводятъ часть дня, здѣсь и спятъ, ибо лѣтомъ въ домѣ спать невозможно—душно и комары одолѣютъ, да, кромѣ того, и не безопасно отъ тарантуловъ и другихъ ядовитыхъ животныхъ. Наружный видъ такихъ построекъ не затѣйливъ, однако, и ихъ стараются украшать насколько возможно—каждая уралка считаетъ себя обязанною обмазывать стѣны и затѣмъ покрывать ихъ бѣлою глиною. Непремѣнную принадлежность всякаго дома составляютъ „завалинки“—земляныя скамейки у дома съ улицы; здѣсь по вечерамъ собираются жители, чтобы, грызя сѣмечки (обыкновенно подсолнечныя или арбузныя), безхитростно провести время.

Характеръ страны мало измѣняется съ удаленіемъ къ сѣверу; вмѣсто песковъ разстилаются солончаки и пространства съ чистою глиною; берегъ Урала становится все выше и выше

надъ уровнемъ воды. Долина рѣки болѣе покрыта разными породами лиственныхъ деревьевъ, изрѣзана бывшими руслами рѣки. Только на лѣвомъ, ,,бухарскомъ" берегу Урала, между Горскою и Кулагинскою ,,крѣпостями", верстахъ въ 20 возвышается небольшая група Индерскихъ горъ, около которыхъ лежитъ Индерское озеро съ самосадочною солью. Уральцы имѣютъ право на неограниченную добычу соли отсюда, солятъ ею большую часть пойманной рыбы.

Чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ почва становится лучше, въ ней уже оказывается мало соли, появляется кое-какая трава, которая, однако, держится лишь весною и осенью. Но только верстахъ въ 350 отъ моря возможно засѣвать хлѣба, да и то попытки были не вполнѣ удачны; на глинистой почвѣ, при маломъ количествѣ влаги родится плохо все. Такимъ образомъ, строго говоря, описанная часть земли войска представляетъ страну, почти ни на что не годную.

Не такой характеръ имѣетъ сѣверная часть земель. Общій Сыртъ тянется въ видѣ сплошной возвышенной гряды; только въ истокахъ рѣки Деркула есть отдѣльныя горы, возвышающіяся, впрочемъ, не болѣе 500 футъ надъ окружающею мѣстностью. Отъ водораздѣла идетъ

Жилища казаковъ.

общая покатость къ югу—къ Уралу, въ той части, гдѣ онъ течетъ на западъ, и къ Каспійской низменности. Этотъ склонъ перерѣзанъ продольными долинами, въ которыхъ вначалѣ текутъ всѣ притоки Урала, а затѣмъ и поперечными. На Общемъ Сыртѣ почва мѣстами черноземъ, вообще плодородная, болѣе или менѣе значительные колки дубняка и другихъ деревьевъ оживляютъ мѣстность, долины рѣкъ представляютъ хорошіе луга, да и не распаханныя степи покрыты ковылемъ. Вообще, это лучшая часть войска, здѣсь возможно и хлѣбопашество и скотоводство; по Уралу и по его притокамъ, правда, весьма незначительнымъ, разбросаны ,,форпосты", ,,хутора" и ,,уметы"; эта часть войсковыхъ земель быстро заселяется, особенно въ послѣднее время.

Уральскъ лежитъ на южной окраинѣ этой полосы; при городѣ впадаетъ послѣдній притокъ Урала съ правой стороны—Чаганъ и отсюда къ югу поселенія находятся только вдоль по Уралу и нѣсколько поселеній по р.р. Чижамъ и Узенямъ.

Внѣшность города Уральска очень красива. Расположенный на высокомъ берегу рѣки Урала, при впаденіи въ нея рѣки Чагана, городъ оттѣняется по краямъ рощами, растущими по берегу рѣки; только сторона, прилегающая къ Чагану, низменная и голая. Улицы въ городѣ широкія, прямыя. Почти въ центрѣ города устроенъ небольшой садъ съ ротондой и лѣтнимъ клубомъ. Изъ достопримѣчательностей Урала на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить

Общій видъ г. Уральска (посрединѣ Большая улица).

единовѣрческій соборъ Арх. Михаила построенный въ первой четверти XVIII столѣтія и замѣчательный по своей старинной архитектурѣ. Очень красивъ православный соборъ во имя Александра Невскаго, заложенный въ іюнѣ 1837 г. собственноручно императоромъ Александромъ II въ бытность его въ Уральскѣ.

Г. Уральскъ. Памятникъ на городскомъ бульварѣ въ Бозѣ почившему Наслѣднику Цесаревичу.

Основанъ Уральскъ, какъ видно изъ сохранившихся его лѣтописей, въ первой четверти XVII столѣтія. Что касается самаго года основанія, то существуютъ различныя показанія: по однимъ, начало Уральска относится къ 1613 году, по другимъ,—къ 1622 году. Вѣроятнѣе первое указаніе, находящееся въ связи съ разореніемъ Яицкаго городка, гдѣ яицкіе казаки имѣли свой главный кошъ. Этотъ Яицкій городокъ находился въ 40—50 верстахъ выше нынѣшняго Уральска, на уроч. Орѣшномъ. Послѣ разоренія его татарами въ 1613 году, городокъ уже не былъ возобновленъ и прежніе жители его стали селиться ближе къ рѣкѣ, гдѣ и основали нынѣшній городъ, до 1775 называвшійся Яицкимъ городомъ. По усмиреніи Пугачевскаго бунта, въ 1775 году, городъ переименованъ въ Уральскъ и съ тѣхъ поръ довольно быстро идетъ его развитіе. Въ 1846 году онъ причисленъ къ разряду большихъ городовъ, съ предоставленіемъ всѣхъ ихъ правъ и преимуществъ, а въ 1868 г. возведенъ въ степень областного города. Въ Уральскѣ имѣются мужская и жен-

скія гимназіи, реальное училище, музыкальная школа, мужское духовное училище, низшая сельско-хозяйственная школа, русско-киргизское училище, пріютъ, девять низшихъ школъ, музей, городской театръ, библіотека, отдѣленіе государственнаго банка, коммерческій клубъ, войсковое собраніе и пр. О культурномъ развитіи Уральска свидѣтельствуетъ между прочимъ то обстоятельство, что въ немъ издаются двѣ газеты „Уралецъ" и „Уральскій листокъ". Первая изъ нихъ выходитъ съ 1897 года, вторая—съ 1893 г.

Въ окрестностяхъ Уральска замѣчательны казенный садъ съ оранжереями и теплицами (въ немъ находится лѣтній домъ войскового атамана), фруктовые сады частныхъ владѣльцевъ, Садовскій женскій скитъ, отличающійся красивымъ мѣстоположеніемъ, и пр. и пр.

Г. Уральскъ. Видъ Большой Московской улицы.

Коренное населеніе Уральска достигаетъ 36,000 жителей и состоитъ частью изъ казачьяго сословія, частью изъ киргизовъ и другихъ инородцевъ. Въ то время какъ послѣдніе преимущественно занимаются ремеслами, первые предпочитаютъ торговлю. Главнымъ предметомъ торговли Уральска служатъ продукты рыболовства и скотоводства; здѣсь же сосредоточена торговля мануфактурными, колоніальными и москательными товарами, привозимыми изъ Европейской Россіи, по Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ.

Западнѣе Уральска съ Общаго Сырта стекаетъ нѣсколько рѣчекъ (Чижи), которыя теряются въ обширныхъ впадинахъ; въ таковыхъ же впадинахъ сосредоточиваются и воды, стекающія весною съ Сырта; онѣ образуютъ такъ-называемые „разливы", богатые лугами. Самая западная часть уральскихъ земель примыкаетъ къ рѣкамъ Узенямъ, теряющимся въ группѣ озеръ, извѣстныхъ подъ именемъ Камышъ-Самарскихъ.

Изъ краткаго описанія земель видно, что онѣ не одинаковыхъ свойствъ: сѣверъ богатъ

и лугами, и пахотами, и лѣсами; здѣсь возможно процвѣтаніе земледѣлія и скотоводства, средняя часть мало удобна для земледѣлія и представляетъ возможность на обширныхъ степяхъ имѣть сравнительно большое число скота; южная, приморская полоса предназначена для рыболовства и скотоводства.

Жизненную артерію, проходящую чрезъ все войско, составляетъ Уралъ, прежній Яикъ, „золотое донышко". Рѣка не широка — въ верхнихъ частяхъ около 50, а въ нижнихъ до 80 саженъ; теченіе извилисто, не быстро, но, протекая по рыхлому грунту, рѣка часто мѣняетъ русло. Долина, шириною верстъ до 8, вся изрѣзана „старицами", „ериками", „котлубанями" (широкія мѣста ериковъ), озерами, „ильменями"; она покрыта болѣе или менѣе густо разбросанными отдѣльными деревьями (ветла, ива, вязъ, тополь, осина) и содержитъ богатые

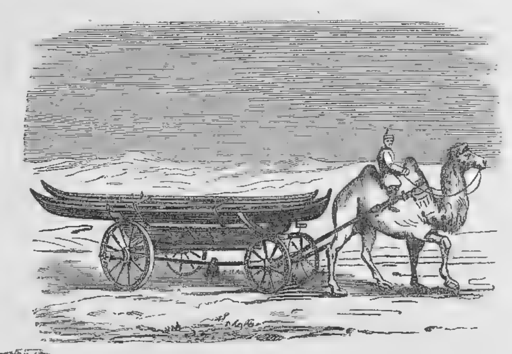
Г. Уральскъ. Домъ Пугачева.

луга. Глубина рѣки мѣстами значительна и доходитъ до нѣсколькихъ саженъ, но рядомъ съ этимъ можно рѣку переходить въ бродъ. Въ низовьяхъ бродовъ, впрочемъ, нѣтъ. Въ глубокихъ мѣстахъ рыба обыкновенно ложится на зиму, это и есть „ятови".

Мы видѣли, что ядро общины основалось около нынѣшняго Уральска и отсюда уже пошло во всѣ стороны; поэтому, при разселеніи, дѣлежъ земель и разверстаніе угодій оказались невозможны, и метрополія сохранила прежній порядокъ пользованія всѣмъ сообща. Да другой порядокъ и придумать трудно, тѣмъ болѣе, что въ прежнія времена, когда населеніе было не такъ многочисленно, когда оно было болѣе скучено, когда казаки не принимались ни за соху, ни за плугъ, когда и скотоводство могло служить лишь приманкою для сосѣдей—киргизовъ, калмыковъ и башкиръ,—главнымъ занятіемъ служило рыболовство. Получивъ въ свое вѣденіе Гурьевъ и тамошніе „учуги", войско распорядилось необыкновенно удачно: оно перенесло учугъ выше къ Уральску и устроило общественный ловъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить это, посмотримъ ходъ рыбы. Весною, лишь только море очищается отъ льда, рыба трогается для метанія икры.

Ходъ ея совпадаетъ съ прибылью воды: выбивъ икру, рыба возвращается въ море. Осенью начинается вторичный ходъ ея уже на ,,ятови" для зимней спячки; такія же мѣста рыба выбираетъ и въ морѣ.

На такомъ ходѣ рыбы и на чисто мѣстныхъ условіяхъ основаны и всѣ рѣчныя рыболовства. Весною, когда рыба идетъ метать икру, ей даютъ войти въ рѣку, частью пропускаютъ вверхъ и затѣмъ вылавливаютъ сѣтями (весенняя плавня или ,,севрюги"—такъ какъ ловится болѣе этого сорта рыба). По спадѣ водъ, забиваютъ учугъ, и Уралъ остается чистъ и свободенъ—море противъ устьевъ недоступно даже для судовъ, на всемъ протяженіи рѣки лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ находятся небольшія паромныя переправы. Лѣтомъ Уралъ охраняется, чтобы шумъ не пугалъ рыбы, даже водопой устраивается на рѣкѣ лишь въ крайности. Лѣтомъ казаки заняты другими работами. Съ осени начинается опять ходъ рыбы: Уралъ уже въ это время перегороженъ учугомъ—слѣдовательно, рыба изъ войсковыхъ предѣловъ не выйдетъ. Даютъ рыбѣ расположиться по ятовямъ и затѣмъ осенью вылавливаютъ ту рыбу, которая осталась въ южной половинѣ рѣки (осенняя плавня и ловля неводами около Гурьева). Наконецъ, когда ледъ установился крѣпко, тогда вылавливаютъ оставшуюся на ятовяхъ рыбу въ верхней части рѣки (,,багренье"—рыбу ловятъ крючьями—баграми, насаженными на длинные шесты). Понятно, что багрянная рыба будетъ цѣниться дороже—она можетъ идти въ продажу не соленою, да и доставка ея въ Россію ближе и легче. Каждое изъ этихъ главныхъ рѣчныхъ рыболовствъ имѣетъ свои особенности, на которыя мы укажемъ потомъ, въ описаніи



Перевозка бударъ.

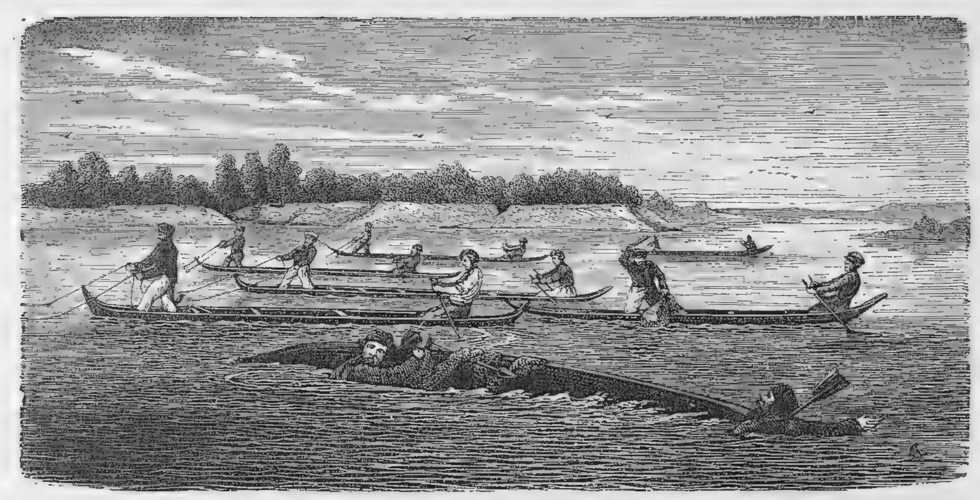
Уралъ.

этихъ рыболовствъ. Кромѣ этихъ главныхъ рыболовствъ на Уралѣ, рыбу ловятъ и въ другихъ рѣкахъ, въ ,,старицахъ" Урала, въ озерѣ Челкарѣ, куда она заходитъ изъ Урала. Одновременно почти съ рѣчными рыболовствами идутъ и морскія: весною ловятъ рыбу, идущую въ Уралъ — для чего ставятъ сѣти по обѣимъ сторонамъ устьевъ (,,весенній курхай"), осенью ловятъ рыбу, идущую опять въ рѣку (,,осенній курхай"), зимой, когда море замерзнетъ, выѣзжаютъ въ море и ставятъ сѣти, въ которыя попадаетъ рыба, обыкновенно держащаяся близъ

береговъ („аханы“). Какіе бы доводы ни приводились, но ясно, что морской ловъ будетъ влiять на количество рыбы, входящей въ рѣку. Къ тому же, по отдаленности моря, по необходимости заводить дорого стоящія лодки и снасти, въ морскихъ рыболовствахъ всѣ не могутъ принимать такого широкаго участія, какъ въ рѣчныхъ. Вотъ почему большинство казаковъ верховыхъ противъ морскихъ рыболовствъ.

Прежде описанія рыболовствъ каждаго отдѣльно, укажемъ на слѣдующія особенности: всѣми рыболовствами распоряжается войсковое начальство, которое опредѣляетъ время и конецъ рыболовствъ, назначаетъ начальника, „рыболовнаго атамана“, обязаннаго наблюдать за правильностью и соблюденіемъ всѣхъ постановленій. Насколько казаки сами поддерживаютъ существующія правила, видно изъ того, что команда рыболовнаго атамана состоитъ только изъ нѣсколькихъ человѣкъ и держитъ порядокъ среди пяти—шести тысячъ рыболововъ.

Каждое изъ рѣчныхъ рыболовствъ основано на принципѣ полноправности всѣхъ казаковъ; рабочихъ изъ лицъ не войскового сословія нанимать не дозволяется, передавать свои права также, поэтому казакъ можетъ быть лишь на одномъ изъ рыболовствъ, если они производятся



Ловъ рыбы на плавнѣ. Весенній ловъ (Уралъ).

одновременно. Энергіи, находчивости и, наконецъ, счастью предоставляется полный просторъ. Впрочемъ, сами казаки между собою составляютъ артели, чтобы до нѣкоторой степени застраховать себя отъ неулова. Для участія въ морскихъ рыболовствахъ требуется болѣе средствъ: нужно завести большія лодки („кусовыя“), сѣти; нужно, наконецъ, нанять рабочихъ. Все это казаку средней состоятельности и живущему далеко отъ моря — невозможно, поэтому въ морскихъ рыболовствахъ участвуютъ преимущественно гурьевцы и низовые казаки, „войско“, т.-е. масса казаковъ изъ верховыхъ участвуетъ лишь въ слабой степени. Въ морскихъ рыболовствахъ нѣтъ той уравнительности, какая существуетъ въ рѣчныхъ.

Опишемъ теперь рыболовства нѣсколько подробнѣе. Ходъ рыбы начинается около половины марта. „Войско“ выступаетъ отъ Уральска, везя съ собою лодки и сѣти (способъ перевозки между прочимъ виденъ на рисункѣ) и двигается, пока не застанетъ рѣку свободною отъ льда, но не ниже извѣстнаго пункта (270 верстъ отъ моря). Здѣсь спускаютъ лодки въ рѣку; обыкновенно заранѣе уже опредѣлено, какую часть рѣки, т.-е. на какомъ протяженіи расплавить. По данному сигналу всѣ трогаются и плывутъ внизъ по рѣкѣ, распуская довольно длинныя сѣти, при чемъ одинъ конецъ ея держится поплавкомъ, а другой въ рукахъ; такъ плывутъ внизъ по теченію. Рыба, поднимаясь вверхъ, попадаетъ въ сѣти. Дойдя до Гурьева, „войско“ входитъ въ море и ловитъ тамъ сѣтями. Такъ производится весенняя плавня, или „севрюги“,

обыкновенно съ двадцатыхъ чиселъ марта по 25 мая. Другой характеръ имѣетъ осенняя плавня. Въ этомъ рыболовствѣ употребляются сѣти короче („ярыга"), имѣющія видъ мѣшка, разрѣзаннаго отъ края съ обѣихъ сторонъ. Если на весенней плавнѣ ловится рыба, идущая вверхъ по рѣкѣ, слѣдовательно, плавающая по всему ея протяженію, то на осенней, наоборотъ, ловится рыба, уже залегшая на „ятовяхъ" на зиму. Поэтому рыболовы („войско") плавятъ эти ятови съ „удара", чтобы уровнять шансы всѣхъ. Дѣлается это такимъ образомъ: послѣ дневного лова лодки (будары) почти цѣликомъ вытаскиваются на берегъ, гдѣ и остаются всю ночь. Утромъ „войско" становится у всѣхъ лодокъ и по сигналу, данному атаманомъ, сразу бросается въ лодки и пускается внизъ по рѣкѣ. Такъ какъ застанутъ рыбу уже на ятовяхъ,

Багряное рыболовство.

то для каждаго прямая выгода доплыть скорѣе до ятови и выпустить „ярыгу", которая такимъ образомъ и тянется внизъ по рѣкѣ. На нашемъ рисункѣ видно, какъ войско уже тронулось въ путь внизъ по рѣкѣ. На берегу идетъ уборка: разобрана кибитка и казакъ собирается вьючить верблюда; вправо другой казакъ запрягаетъ „тагарку" — телѣгу, крытую лубкомъ; вдали по рѣкѣ тянутся широкою лентою тысячи бударъ, наперерывъ спѣша къ ятови. Но вотъ онѣ добрались до желаннаго мѣста, быстро выброшены ярыги, концы которыхъ держатъ сидящіе на кормѣ, гребцы изъ всѣхъ силъ работаютъ веслами, стараясь обогнать. Болѣе другихъ счастливый уже заполучилъ хорошую рыбу („обрыбился"); вытянувъ ее, онъ старается ударами „чекушки" оглушить рыбу, иначе ему не справиться съ нею: лишь онъ немного оплошалъ, не сохранилъ равновѣсіе, ему грозитъ та же участь, какая постигла изображеннаго на первомъ планѣ картины. Горе такому несчастливому: ему нечего разсчитывать на

помощь другихъ: всякій думаетъ лишь о себѣ; попытка схватиться за бортъ другой лодки встрѣчаетъ энергичный отпоръ — въ дѣло пускаются и весла. Опрокинувшись, казакъ старается спасти свою сѣть; потерявъ ее, онъ всего лишился. О себѣ онъ и не заботится, несмотря на холодъ (осенняя плавня съ двадцатыхъ чиселъ сентября по 1 ноября), онъ, какъ только доберется съ лодкою до берега, сейчасъ же опять пустится далѣе, чтобы наверстать потерянное время; отдохнуть, обсохнуть онъ успѣетъ послѣ, когда придутъ на ночлегъ. Отъ рубежа до рубежа „войско" расплавливаетъ всѣ ятови и затѣмъ казаки возвращаются домой.

Такой же азартный характеръ имѣетъ и третье главное рѣчное рыболовство — багренье. Опытные люди по всему Уралу слѣдятъ за ходомъ рыбы на ятови и зорко наблюдаютъ, гдѣ рыба облюбовала себѣ мѣста для зимней лежки. По разнымъ примѣтамъ, напримѣръ, какъ рыба играетъ раннимъ утромъ и на зарѣ и тому подобнымъ, они безошибочно указываютъ не только мѣста, въ которыхъ рыба залегла, но какъ много ее, даже какого сорта рыба (осетръ, шипъ, бѣлуга и проч.). Вѣсти о томъ быстро распространяются по войску, всѣ ими интересуются, для всѣхъ онѣ одинаково близки и дороги. Когда ледъ въ рѣкѣ достаточно укрѣпится, тогда подъ Уральскомъ назначается „разбагрить" одну или двѣ ятови для царскаго стола. Обычай этотъ ведется уже давно, и казаки имъ дорожатъ. Въ назначенный день и въ назначенное мѣсто ѣдутъ „баграчеи" въ легкихъ санкахъ; на гужахъ хомута задѣты багры, длинныя багровища тянутся вдоль оглобель и саней и за ними. Въ саняхъ „пѣшня" (ломъ, насаженный на деревянную рукоятку) и сакъ для выгребанія изъ проруби мелкаго льда, „подбагренникъ" (тотъ же багоръ, но съ багровищемъ значительно короче), сѣно и овесъ для лошади, „какурки" (небольшие хлѣбцы слоенаго тѣста съ запеченными въ нихъ яйцами), сынишка, если ему лѣтъ 6—7 или болѣе. На багренье казаки ѣдутъ обыкновенно артелями человѣкъ до 10 въ каждой. Люди одной и той же артели становятся другъ противъ друга на обоихъ берегахъ рѣки. Сани остаются въ сторонѣ подъ присмотромъ сынишки, а иногда и безъ всякаго присмотра. Съ ранняго утра баграчеи подъѣзжаютъ къ ятови и располагаются по берегу, вытягиваясь иногда версты на двѣ и болѣе. Чѣмъ болѣе стоятъ, тѣмъ люди становятся нетерпѣливѣе, да и холодно стоять безъ дѣла на открытомъ мѣстѣ. Понемногу болѣе смѣлые подаются впередъ; на вершокъ, на два, глядя на нихъ, продвигаются и другіе, и вотъ уже казаки вступили на ледъ.

Плохо, если атаманъ передержитъ „войско": спачала пойдетъ ропотъ, а затѣмъ болѣе смѣлые побѣгутъ, а за ними и всѣ казаки.

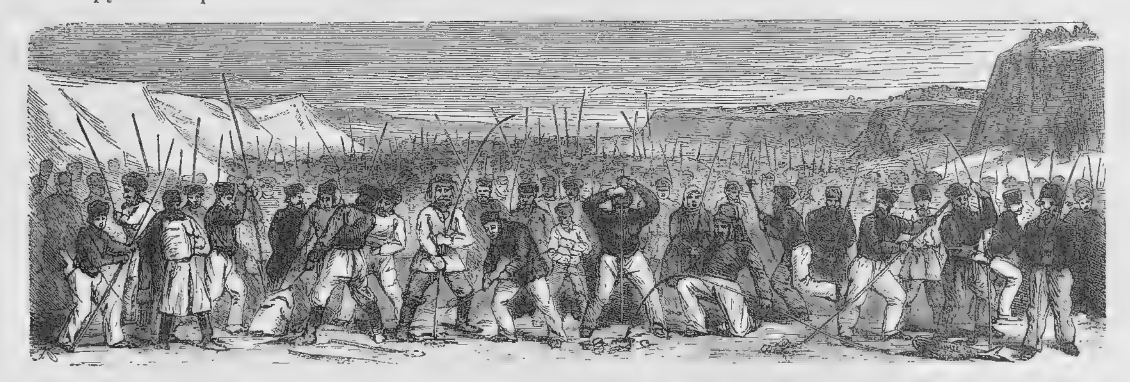
Но вотъ багренный атаманъ вышелъ на средину рѣки: все замерло, вниманіе всѣхъ сосредоточено на немъ; онъ махнулъ платкомъ, и не успѣлъ еще грянуть пушечный выстрѣлъ, какъ вся масса баграчеевъ моментально бросилась впередъ.

Быстро пробѣжавъ навстрѣчу другъ другу, казаки одной и той же артели становятся поперекъ рѣки на нѣкоторомъ разстояніи; всѣ берутся за пѣшни и стараются скорѣе пробить прорубь, чтобы только просунуть багоръ. Нужно видѣть энергію, съ какой работаютъ пѣшнями: нѣсколько секундъ — и ледъ, иногда толщиною въ полъаршина, уже пробитъ. Какъ разоренный муравейникъ, кишитъ поверхность льда рыболовами, а тамъ, на глубинѣ рѣки, рыба, испуганная необычнымъ шумомъ, уже встревожилась и начинаетъ спускаться внизъ по теченію. Еще мгновеніе и, какъ-бы по командѣ, всюду поднялись багры, точно вдоль по рѣкѣ идутъ казачьи полки; но это одна секунда—багры опущены такъ-же быстро, какъ были подняты. Испуганная рыба мечется во всѣ стороны, бьется о багровища и всюду ищетъ спасенія. Какъ ни кажется просто багренье, а оно требуетъ большой сноровки. Нужно держать багоръ такъ, чтобы онъ все время былъ остріемъ вверхъ по теченію и находился бы почти около самаго дна; при быстромъ теченіи и большой глубинѣ длинное багровище всегда слегка колеблется, и нужно очень тонкое осязаніе, чтобы, имѣя руки въ толстыхъ кожаныхъ „галицахъ", ощутить, какъ рыба коснется багровища, и моментально дернуть багоръ кверху.

Если удалось зацѣпить рыбу, то начинается самое горячее время: неистово, во все горло, кричитъ счастливецъ: „багоръ! багоръ!“, прибавляя къ этому имена своихъ артельщиковъ, которые быстро спѣшатъ на помощь. Подведенную ко льду рыбу зацѣпляютъ подбагренникомъ и только тогда начинаютъ расширять прорубь.

На рисункѣ изображенъ „жаръ багренья“. На лѣвой сторонѣ изображенъ казакъ, повидимому, спокойно стоящій со своимъ багромъ; но этого нѣтъ — онъ сторожитъ рыбу и самъ внимательно смотритъ по сторонамъ, гдѣ больше крика,—тамъ, значитъ, больше и рыбы. Въ срединѣ картины читатель видитъ, какъ уже рыба сидитъ на багрѣ и усердно расширяется прорубь; правѣе баграчей только-что зацѣпилъ рыбу и пришли ему на помощь, а еще правѣе уже и тащатъ рыбу; тутъ же она продана, и купецъ вынимаетъ деньги. Не обходится и безъ лукавства; читатель видитъ, какъ въ лѣвой половинѣ картины казакъ старается своимъ багромъ зацѣпить рыбу своего лѣваго сосѣда, чтобы затѣмъ дѣлить ее съ нимъ пополамъ.

Живую, увлекательную картину представляетъ багренье; казаки любятъ это рыболовство; оно доступно почти каждому, сборы легки и дешевы; здѣсь есть гдѣ проявить силу, ловкость, смѣтку; здѣсь есть азартъ, есть счастье, балующее многихъ заработкомъ въ нѣсколько десятковъ рублей заразъ.



Пробиваніе лунокъ во льду для невода на Уралѣ.

Багрятъ сначала для царскаго двора и снаряжаютъ „презентъ“, т.-е. особый транспортъ съ рыбой и икрой, посылаемый съ офицеромъ при командѣ къ Высочайшему двору. Затѣмъ идетъ малое, а потомъ и большое багренье, происходящее въ концѣ декабря и началѣ января и продолжающееся первое 6, а второе 9 дней.

Изъ всего вышесказаннаго было видно, что рѣчныя рыболовства вообще доступны почти всѣмъ казакамъ, особенно же багренье, что всѣ эти рыболовства въ высшей степени способствуютъ развитію ловкости, находчивости, смѣтливости казака; кромѣ того, на этихъ рыболовствахъ „войско“ въ сборѣ, общіе вопросы обсуживаются въ свободное время, всѣ новости быстро передаются и затѣмъ разносятся по войсковой землѣ.

Морскія рыболовства основаны также на томъ же ходѣ рыбы; весною и осенью одновременно съ рѣчными ловятъ рыбу въ сторонѣ отъ устьевъ рѣки Урала, оставляя противъ нихъ полосу шириною около 70 верстъ, разставляя сѣти перпендикулярно берегу вглубь, пока возможно. Рыба идетъ къ „чернямъ“, идетъ въ устья весною, чтобы бить икру, и попадаетъ въ сѣти; осенью рыба идетъ на рѣчныя ятови и также попадаетъ въ сѣти. По мелководью на значительномъ разстояніи отъ берега на уловъ рыбы, даже на ея движенія въ морѣ оказываютъ вліяніе вѣтры, по направленію которыхъ „косяки“ рыбъ и двигаются. Явленіе это замѣчено уже давно и наблюдается каждый разъ при рыболовствахъ. Очевидно, рыба войдетъ въ рѣку прямо лишь при южныхъ вѣтрахъ, при другихъ же большая часть ея попадаетъ въ сѣти. Зимою, когда море покроется льдомъ, начинается „аханное“ рыболовство. На льду раз-

биваются кибитки и ,,кошары‘‘; затѣмъ ставятся сѣти, кому гдѣ досталось; сѣти перебираются повременамъ. На морскихъ рыболовствахъ требуются уже большія лодки, снарядить которыя стоитъ не дешево, самыя сѣти длиннѣе, и невозможно поэтому каждому ловить отдѣльно. Дозволяется нанимать рабочихъ даже и изъ лицъ не войскового сословія.

Изъ всѣхъ морскихъ рыболовствъ наиболѣе рискованно ,,аханное‘‘. Не рѣдко вѣтры съ моря, съ юга нагоняютъ воду, ледъ ломаетъ, громоздитъ глыбы одна на другую, образуя цѣлые холмы (шиханы). Рыболовъ при этихъ случаяхъ спѣшитъ выбирать снасти, укладываться и готовится тронуться въ путь; но это не всегда удается; сѣти уноситъ, а, кромѣ того, и самая жизнь аханщиковъ въ опасности; оторванныя льдины несетъ въ море, и тогда-то настаютъ тяжелыя времена для казаковъ. По нѣсколько дней плаваютъ они, гонимые то въ одну, то въ другую сторону; льдины таютъ, разбиваются на части, и съ каждымъ часомъ положеніе аханщиковъ становится отчаяннѣе. Но вотъ потеряна надежда быть прибитымъ къ берегамъ, припасы истощаются, фуражъ для лошадей изсякъ... Долѣе оставаться невозможно; тогда рѣжутъ лошадей, осторожно вынимаютъ всѣ внутренности, надуваютъ кожу и образуютъ ,,бурдюки‘‘, которые подвязываютъ къ санямъ, и легкій плотъ готовъ; и носится онъ, пока не погибнутъ всѣ отъ истощенія и голода или пока не потонетъ утлый плотъ... Особенно памятны уральцамъ нѣкоторыя зимы, во время которыхъ аханщикамъ пришлось испытать не мало лишеній. Страданія ихъ и приключенія талантливо описаны безвременно сошедшимъ въ могилу г. Желѣзновымъ.

Мы не станемъ касаться здѣсь другихъ рыболовствъ, не столь значительныхъ; и безъ того пришлось удѣлить много мѣста на эту, одну изъ важнѣйшихъ отраслей хозяйства казака. Приведемъ нѣкоторыя данныя, дающія возможность судить о томъ значеніи, какое имѣютъ рыболовства вообще.

Вотъ данныя о числѣ пойманной рыбы на двухъ рѣчныхъ и двухъ морскихъ рыболовствахъ за послѣднія 20 лѣтъ:

На весеннемъ севрюжьемъ —	красной	970	тыс.	пуд.,	черной	155	тыс.	пуд.
,, осеннемъ плавенномъ	,,	287	,,	,,	,,	4575	,,	,,
,, весеннемъ курхайскомъ	,,	556	,,	,,	,,	127	,,	,,
,, осеннемъ ,,	,,	214	,,	,,	,,	96	,,	,,

Такимъ образомъ на обоихъ рѣчныхъ рыболовствахъ въ среднемъ выводѣ ловится ежегодно красной рыбы болѣе 60 т. пуд., а черной — болѣе 250 т. пуд.; на морскихъ рыболовствахъ—красной 38 т. пуд. и черной—11 т. пуд. Рѣчныя рыболовства преобладаютъ по количеству пойманной рыбы, особенно черной. Изъ всѣхъ четырехъ рыболовствъ важнѣйшимъ является осенняя плавня; на ней красной рыбы хотя ловится и менѣе, но она цѣннѣе; особенно же много ловится черной рыбы. Весною рыбы ловится хотя и много, но она малоцѣнна и вся идетъ соленою.

По общимъ даннымъ за нѣсколько лѣтъ, можно полагать, что рыбы и рыбныхъ продуктовъ приходится на душу войскового сословія около 40 р. въ годъ; за право взиманія акциза за соленую рыбу, вывозимую изъ войска, откупщики платятъ въ годъ около 110 тыс. руб., а они берутъ лишь десятую часть стоимости соленой рыбы и икры.

Теперь посмотримъ, какъ уральцы пользуются остальными угодьями. Каждый имѣетъ право на одинаковое участіе въ пользованіи землею гдѣ угодно, но размѣръ сего пользованія ограниченъ. Напр., казакъ служилаго состава не можетъ распахивать болѣе 350 десятинъ, а свыше 40 десятинъ можетъ пахать, лишь уплативъ по 3 руб. за десятину. Впрочемъ, здѣсь полнаго равенства нѣтъ, такъ какъ чиновники пользуются правомъ распахивать больше, нежели простые казаки. Но нужно замѣтить, что ограниченіе распашки введено лишь недавно.

При распашкѣ допускается наемъ работниковъ изъ лицъ не войскового сословія — въ самомъ неограниченномъ размѣрѣ. Хлѣбопашество возможно лишь въ сѣверной части войсковыхъ предѣловъ, немного ниже Уральска. Засѣвается около полумилліона пудовъ, а сбирается, смотря по урожаю, отъ одного до 7 милліоновъ пудовъ. Сѣютъ преимущественно лучшихъ сортовъ пшеницу, которую и отвозятъ на волжскія пристани; въ войско же привозятъ хлѣбъ низшихъ сортовъ; но, впрочемъ, уральцы ѣдятъ хлѣбъ „бѣлый", то-есть пшеничный, а не „черный", то-есть ржаной.

Съ каждымъ годомъ земледѣліе развивается все болѣе и болѣе, рыболовство же какъ бы падаетъ, что относятъ къ обмеленію и засариванью устьевъ Урала. Для пастьбы скота, преимущественно барановъ и лошадей, ограниченій почти нѣтъ никакихъ, что служитъ къ прямой выгодѣ людей состоятельныхъ. Пользуясь просторомъ степей, казаки закупаютъ у сосѣдей-киргизовъ барановъ, держатъ ихъ около года на войсковыхъ земляхъ—„нагуливаютъ" и затѣмъ гонятъ къ Самарѣ, получая хорошій барышъ и платя сравнительно небольшую пошлину. Скотоводство развито сильно, но преимущественно у казаковъ состоятельныхъ. Насколько войско богато скотомъ можно судить по слѣдующему: на 100 душъ приходится вообще около 100 лошадей, нѣсколько болѣе 100 штукъ рогатаго скота и болѣе 350 одныхъ барановъ; числа эти измѣняются въ зависимости отъ мѣстности; такъ, напр., въ окрестностяхъ Гурьева приходится на 100 жителей уже болѣе 800 барановъ, что понятно въ силу тѣхъ обстоятельствъ, на которыя указывалось ранѣе въ описаніи земель. Но, кромѣ того, много скота допускается, принадлежащаго киргизамъ, на „тебеневку", то-есть на продовольствіе подножнымъ кормомъ, который скотина добываетъ, разрывая снѣгъ; чѣмъ меньше сего послѣдняго, тѣмъ лучше; но бываютъ жестокія зимы. Снѣжныя метели—бураны—продолжаются по нѣсколько дней, и бѣда, если буранъ застигнетъ стадо въ полѣ. Скотина бѣжитъ по направленію вѣтра, и бывали случаи гибели ея въ морѣ, рѣчкахъ или въ сугробахъ снѣга въ оврагахъ и лощинахъ. Также не хороши и оттепели среди зимы; снѣгъ, на половину растаявъ, образуетъ при морозахъ гололедицу; ледяную кору съ трудомъ лишь пробиваетъ лошадь, а мелкій скотъ гибнетъ. Изрѣдка бѣда постигаетъ и отъ продолжительной зимы или, какъ это было въ 1880 году, отъ наступившихъ уже весною морозовъ и метелей, когда запасы сѣна истощились, да и животныя отощали отъ продолжительной голодовки.

Скотоводство заставляетъ озаботиться запасомъ сѣна. Луга составляютъ также общее достояніе войска, хотя въ пользованіи ими какъ бы установилось распредѣленіе между поселеніями. Распредѣленіе луговъ очень не равномѣрно: лучшими считаются — по долинамъ рѣкъ Урала и его притоковъ, а также въ разливахъ Дюринскихъ, Балыхтинскихъ и Чижинскихъ. Поэтому луговъ болѣе въ сѣверной части; здѣсь же косятъ и степи — именно ковыль. Кромѣ долинъ рѣкъ, косятъ также лощины—россоши, лопатины и тому подобное. Достойно вниманія то, что всѣ эти мѣста никѣмъ не охраняются, но очень рѣдко, чтобы въ нихъ пасся скотъ. Войсковое начальство, принимая въ расчетъ время созрѣванія травъ, назначаетъ и время косьбы. Сначала косятъ лопатины, долины небольшихъ рѣкъ и рѣчекъ („обваличное"). Долина Урала выкашивается въ два раза: южная часть ранѣе, сѣверная — позднѣе („валовой сѣнокосъ"). На этотъ сѣнокосъ съѣзжаются иногда изъ дальнихъ мѣстъ, и потому порядокъ его опредѣляется довольно строго. Такъ, число рабочихъ на нѣсколько дней очень ограниченно; требуется присутствіе самого хозяина, чѣмъ устраняется возможность косить одновременно въ двухъ и болѣе мѣстахъ. Въ валовомъ сѣнокосѣ опять проявляется сила, ловкость и находчивость казака. Каждый старается захватить болѣе пространства, „обкосить", другого... Некошенное сѣно оставляется и свозится уже зимою; сосѣди казаковъ—киргизы, пользуясь этимъ, травятъ сѣно безъ всякой жалости.

Лѣса составляютъ общее достояніе войска и имъ пользуются съ особаго разрѣшенія. Кромѣ того уральцамъ предоставлено право пользованія солью изъ самосадочныхъ озеръ, изъ коихъ

самое большое—Индерское. Казаки, по старой привычкѣ, ѣдутъ туда большими партіями, имѣя при себѣ и оружіе.

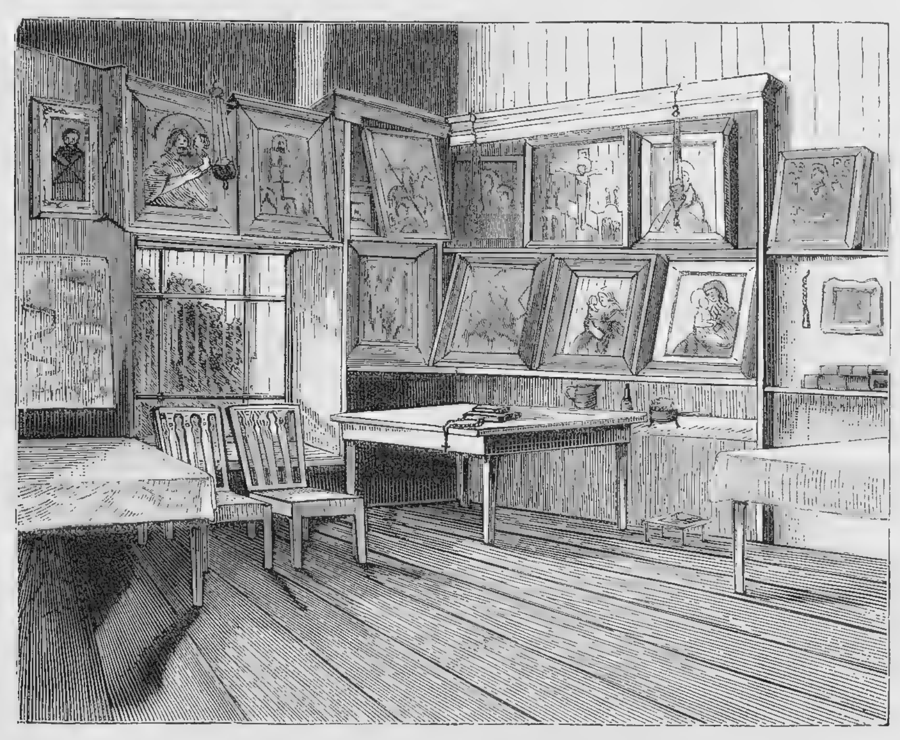
Вотъ въ общихъ чертахъ порядокъ пользованія войсковыми угодьями. Изъ бѣглаго и весьма неполнаго нашего очерка, читатель можетъ видѣть, что въ большинствѣ случаевъ даже и теперь казакъ можетъ считать себя владѣльцемъ всей земли и водъ, но обязаннымъ раздѣлять ихъ съ членами своей же общины. Отсюда понятно, что уходъ его на службу приноситъ, говоря вообще, пользу другому, остающемуся дома. Справедливость указываетъ на необходимость вознаградить того, кто пойдетъ, напр., на службу. Вотъ и основная мысль того своеобразнаго порядка отбыванія военной повинности, который на Уралѣ называется „наемкою". Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе всего процесса „наемки", разскажемъ читателю въ самыхъ общихъ чертахъ, отмѣтивъ лишь наиболѣе крупныя черты. Мы имѣемъ самыя положительныя указанія, что „наемка" существовала еще до Петра I. Два раза правительство отмѣняло ее и оба раза снова возстановляло. И такъ, наемка возникла, когда народа было мало, да и онъ былъ скученъ около нынѣшняго Уральска. Требованія на службы предъявлялись предъ наступленіемъ весны, а къ этому времени „войско" и безъ того собирается для весенней плавни. Всѣ, которымъ необходимо остаться дома, остаются, но они складываются и нанимаютъ охотника по цѣнѣ условленной. Размѣръ платы увеличивается или уменьшается въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ, между которыми не малую роль играютъ заловы рыбы, продолжительность и тяжесть командировки, сколько должно идти на службу и тому подобное. Въ настоящее время отбываніе повинности производится такимъ образомъ: войсковое начальство, имѣя подъ руками свѣдѣніе о размѣрѣ наряда на службу по каждой отдѣльной командировкѣ, составляетъ и самый расчетъ, то-есть опредѣляетъ со сколькихъ казакъ долженъ нанять или получить подмогу; это дѣлается, чтобы казакъ зналъ, какъ ему дѣйствовать. Затѣмъ существуетъ общее правило, что казакъ, получившій подмогу, за свою командировку долженъ уплатить причитающуюся на его долю сумму другимъ казакамъ, опредѣлившимся въ другія командировки.

Объяснимъ это примѣромъ. Положимъ, что казаковъ, обязанныхъ отбыть службу, будетъ 7,500 человѣкъ; изъ этого числа 600 человѣкъ должно поступить въ полкъ; 300 человѣкъ пойдетъ въ Туркестанъ, 150 человѣкъ въ степныя укрѣпленія. По первому наряду 600 казаковъ должны получить подмогу съ остающихся 6,900 человѣкъ, то-есть каждый нанимается съ $11^1/_2$ казаковъ; по второму наряду — 300 казаковъ, идущихъ въ Туркестанъ, обязаны наниматься съ 7,200 человѣкъ, то-есть сюда включаются и тѣ, которые пойдутъ въ полкъ; наконецъ, по послѣдней командировкѣ — въ степныя укрѣпленія — 150 казаковъ наймутся съ 7,350 человѣкъ. Размѣръ подмоги или „наемки" не одинаковъ, иногда онъ колеблется сильно, но вообще подмога высока; такъ въ послѣдніе годы въ полкъ на три года службы брали около 480 руб., въ гвардію — 350 руб., въ Туркестанъ до 400 руб., въ степныя укрѣпленія около 350 рублей. Возьмемъ, какъ среднія, эти цѣны и посмотримъ, сколько въ дѣйствительности каждый получитъ и каковы обороты суммъ при наемкѣ. 600 человѣкамъ, идущимъ въ полкъ, необходимо заплатить каждому по 480 рублей—всего 288,000 рублей; 300 человѣкамъ, отправляющимся въ Туркестанъ, 120,000 руб. (по 400 руб. каждому). 150 человѣкамъ, идущимъ въ степныя укрѣпленія, по 350 руб. каждому — 52,500 руб., или по этимъ тремъ нарядамъ оборотъ суммъ 450 т. рублей.

Мы представили выше расчеты по стоимости отбыванія военной повинности, но не указали еще одной ея особенности: это—„нѣтчики". Въ нашемъ примѣрѣ мы привели расчеты въ круглыхъ числахъ, но этого никогда не бываетъ, а всегда число нанимающихъ не дѣлится нацѣло на число нанимающихся; вотъ этотъ остатокъ оставляется заранѣе на всякій случай (напр., ошибки въ спискахъ, смерть, болѣзнь, отлучка и тому подобное); тѣ казаки, которые не могли сами нанять, распредѣляются между идущими на службу въ подмогу, а затѣмъ весь

остатокъ зачисляется въ „нѣтчики“, которые обязаны платить, сколько бы съ нихъ пришлось, но деньги вносятъ въ особый „нѣтчиковый“ капиталъ, изъ коего удовлетворяются различныя войсковыя потребности, напр., содержаніе учителямъ народныхъ школъ, выдачи заимообразно денегъ при экстренныхъ командировкахъ, когда сборъ „войска“ потребуетъ продолжительнаго времени и тому подобное.

Изъ изложеннаго читатель видитъ, что уральцы въ высшей степени разумно и справедливо разрѣшили трудный вопросъ о натуральномъ отбываніи военной повинности. На службу идетъ желающій, но сей послѣдній получаетъ такое вознагражденіе, какое достаточно, по его мнѣнію, для обезпеченія остающихся дома членовъ его семьи и для снаряженія на службу. Въ настоящее время, впрочемъ, правительство установило, чтобы каждый казакъ обязательно



Образная. Уральское войско.

прослужилъ не менѣе года, чтобы, такимъ образомъ, все населеніе, способное къ службѣ, было обучено вполнѣ дѣйствію оружіемъ и могло составить настоящую вооруженную силу. Но принципъ вознагражденія идущихъ на службу и, слѣдовательно, лишающихся возможности пользоваться войсковыми угодьями со стороны остающихся дома—остался непоколебленнымъ. Многіе и теперь указываютъ, что „наемка“ устарѣла, что она сложна, что она служитъ для цѣлей богатымъ; все это имѣетъ за собою болѣе или менѣе сильные доводы, но до сихъ поръ большинство населенія его еще не тяготится и вопросъ идетъ лишь объ упрощеніи самой наемки, а отнюдь не упраздненіи ея. Читатель, пробѣжавшій сказанное выше о способахъ пользованія войсковыми угодьями, увидитъ, какое важное значеніе имѣетъ въ жизни войска „наемка“ и какъ она тѣсно связана со всѣмъ остальнымъ строемъ уральскаго войска.

Уральцы по происхожденію великороссы; типъ ихъ очень мало носитъ въ себѣ слѣдовъ примѣси сосѣдей—калмыковъ и киргизовъ; первыхъ въ войскѣ весьма немного, особенно же крещеныхъ; послѣдніе живутъ въ качествѣ работниковъ. На Уралѣ видно ясно превосходство

великоросса надъ киргизомъ; бывшій когда-то свободнымъ сыномъ степей „прилинейный“ (т.-е. живущій вблизи поселеній казаковъ) киргизъ—простой работникъ, вполнѣ подчинившійся казаку; киргизы бѣдны („байгуши“) и довольствуются ничтожною платою,—у казака онъ работникъ и неоцѣнимый пастухъ; казакъ свысока относится къ каждому киргизу, чувствуя надъ нимъ свое превосходство. Близкое соприкосновеніе отразилось и на казакѣ — онъ носитъ халатъ, любимую одежду восточныхъ народовъ, онъ перенялъ у него много мелкихъ привычекъ, даже много киргизскихъ словъ получило полное гражданство; большинство казаковъ, особенно низовыхъ, отлично говоритъ по-киргизски.

Уралецъ обладаетъ смѣтливостью, проницательнымъ умомъ, энергіей, твердой волей и настойчивостью. Онъ любитъ свою страну, онъ любитъ свои порядки, ему они дороги, близки сердцу, всякое посягательство на нихъ встрѣчаетъ отпоръ, сила котораго бываетъ весьма велика. Мы видѣли, какъ Уральцы боролись за свои порядки; нерѣдко они доходили до крайности. Приверженность къ старымъ религіознымъ обрядамъ, за которые имъ пришлось не мало испытать гоненій, еще болѣе поддерживаютъ въ каждомъ казакѣ сознаніе необходимости противодѣйствовать всему новому. Прошлая жизнь вселила въ казака полное недовѣріе ко всякой новой мѣрѣ; имъ жилось сравнительно хорошо при прежнихъ порядкахъ и они не согласны на ихъ измѣненіе, которое въ большинствѣ случаевъ и дѣлается безъ ихъ вѣдома. И вотъ начинается глухое недовольство, переходитъ оно въ ропотъ, движеніе разростается, проявляются уже открытые протесты, заявляютъ просьбы объ отмѣнѣ или измѣненіи и такъ далѣе растетъ движеніе, охватывая собою все большую и большую массу. Такъ приблизительно и въ 1874 году. Какъ уже объяснено выше, въ этомъ году введено было обязательство каждаго казака прослужить въ теченіе опредѣленнаго времени, хоть одинъ годъ непремѣнно и затѣмъ являться на учебные сборы. Для обсужденія вопросовъ, касающихся хозяйства войска, опредѣлено было созывать періодически съѣзды выборныхъ. Казаки, какъ извѣстно, отказались принять „новое положеніе“. Какими обстоятельствами, какъ не любовью къ старымъ порядкамъ и увѣренностью въ правотѣ, объяснить себѣ, что болѣе 2 тыс. предпочли идти на всѣ лишенія и не приняли новаго положенія? Что въ самомъ дѣлѣ терялъ отъ новыхъ порядковъ не платящій никакихъ повинностей, не обязанный являться на лѣтніе сборы и пр., старикъ, уже смотрящій въ могилу или же бывшій гвардейскій служака, отдавшій лучшіе годы своей жизни отечеству? Что могло побудить ихъ предпочесть разлуку со всѣмъ дорогимъ для нихъ, съ роднымъ Яикомъ—далекой, непривѣтливой Аму-Дарьѣ? Фанатизмъ, грубая закоренѣлость, расколъ — скажутъ многіе...

Новыя требованія задѣвали прежніе порядки; онъ сознавалъ, что теперь то и нужно ихъ отстоять; онъ не хотѣлъ добровольно отказаться отъ нихъ. Очевидцы разсказываютъ о той стойкости, о томъ спокойствіи, съ какимъ разставались съ родиной отправляющіеся въ ссылку въ Сибирь, на Аму-Дарью. Ссылаемые за свою стойкость заслуживали лучшей участи, нежели той, какая постигла ихъ; но въ этой твердости и непреклонности убѣжденій, въ этой общности интересовъ можно видѣть залогъ будущаго развитія уральцевъ.

Поддержанію старыхъ порядковъ, старой вѣры много способствуютъ женщины. Значительная часть изъ нихъ грамотны, но своеобразно: онѣ выучились читать по церковнымъ книгамъ и по нимъ и читаютъ только; на нихъ лежитъ распространеніе грамотности не только среди женщинъ, но и среди мужчинъ. Уралки выражаютъ болѣе всего нетерпимости ко всякому „никоніанцу“, разумѣя подъ нимъ не принадлежащаго къ ихъ толку. Онѣ усердно исполняютъ всѣ религіозные обряды, чтятъ праздники и во всякомъ болѣе или менѣе состоятельномъ домѣ можно встрѣтить особую комнату („крестовая“), предназначенную для моленья. Нашъ рисунокъ изображаетъ уголъ такой комнаты; иконы старшиннаго письма, въ ризахъ и кивотахъ, иногда образуютъ цѣлый иконостасъ, нижняя часть котораго въ видѣ шкапа занята псалтырью и другими богослужебными книгами, здѣсь же лежатъ „лѣстовки“ (ремень съ на-

шитыми на немъ маленькими цилиндриками; на сшитыхъ концахъ ремня имѣются кожаные треугольники,—какъ это видно на рисункѣ). Безъ лѣстовки нѣтъ и моленья; по ней отсчитывается число поклоновъ и т. п. Для земныхъ поклоновъ есть маленькая скамейка, а на полъ, чтобы не пачкать рукъ, кладется „ручникъ" (на рисункѣ онъ лежитъ на стулѣ), сшитый изъ лоскутьевъ. Есть и кадильница (на рисункѣ стоитъ подъ образами), есть и кувшинчикъ съ святой водой. Молятся много; старыя, преклонныхъ лѣтъ женщины, бодро выстаиваютъ по два, по три часа, усердно кладя поклоны поясные и земные. Поклонницы старины, уралки, придерживаются и старинныхъ одеждъ. Къ сожалѣнію, оскудѣніе чиновныхъ классовъ, подражаніе модамъ быстро вывели среди чиновнаго класса старинный сарафанъ и вообще старинную одежду. Еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія можно было видѣть богатыхъ уралокъ въ костюмѣ, изображенномъ на нашемъ рисункѣ, на головѣ „сорока", осыпанная дорогими каменьями, на плечахъ безрукавый сарафанъ изъ шелковой матеріи, обшитый галуномъ, причемъ талія стянута поясомъ, вытканнымъ изъ серебра, поверхъ сарафана легкая душегрѣйка, также изъ шелковой матеріи, преимущественно изъ атласа. Въ настоящее время лишь у пожилыхъ особъ увидишь сарафанъ, но безъ душегрѣйки, сорока замѣняется „волосникомъ" (особою шелковою повязкою). Подъ сарафанъ надѣвается рубашка, рукава которой состоятъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ также галуномъ (какъ это ясно видно на рисункѣ). Рукава дѣлаются изъ шелковой или и другой какой-либо матеріи и непремѣнно верхняя часть изъ одной, а нижняя изъ другой матеріи. Дѣвушки „волосника" не носятъ, а пожилыя и старушки всѣ волоса забираютъ въ волосникъ. Въ обыденной жизни носится или простой сарафанъ, или же замѣняется общеупотребительною всюду верхнею одеждою.

Уральская казачка.

Мужчины въ обыденной жизни носятъ халаты, подражая въ этомъ случаѣ сосѣдямъ-азіатамъ, при чемъ молодежь носитъ таковые изъ шелковыхъ матерій. На рыболовствахъ короткая стеганка и вообще верхняя одежда „подшароваривается", т.-е. заправляется въ широкіе холщевые шаровары. Старики зимою носятъ „треухи"—мѣховыя шапки съ наушниками (на рисункѣ— „жаръ багренья"—это видно). Другихъ особенностей въ одеждѣ, рѣзко отличающихъ уральцевъ и уралокъ, вообще незамѣтно.

Прежняя жизнь—привольная, полная опасностей—и отъ сосѣдей киргизовъ и при производствѣ рыболовствъ, оставила свой отпечатокъ на нравахъ уральцевъ. Еще и теперь среди молодежи замѣчаются игры и забавы воинственнаго характера, стычки съ киргизятами происходятъ постоянно. Среди игръ и забавъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и взрослые, можно указать на взятіе „городовъ", что происходитъ обыкновенно на масляную недѣлю въ послѣдніе ея дни. Забава эта теперь уже исчезаетъ и недалеко то время, когда о ней будутъ только разсказывать. Дѣло происходитъ такъ: живущіе на какой-либо улицѣ устраиваютъ „городъ", т.-е. ставятъ глыбы льда или же плотно сбитаго снѣга другъ на друга въ нѣсколько ярусовъ, на верхъ помѣщается флагъ или что-либо другое (напр., иногда пустой боченокъ), какъ это видно на приложенномъ рисункѣ. Строившіе „городъ" и защищаютъ его, для чего они вооружаются весьма серьезнымъ оружіемъ: облитымъ водою старымъ лаптемъ или же связкой соломы, на длинной веревкѣ, прикрѣпленной къ концу палки. Уже съ первыхъ дней масленицы мальчуганы на отцовскихъ лошадяхъ разъѣзжаютъ по улицамъ, высматривая, гдѣ построены „города" и узнавая, когда ихъ можно брать. Въ послѣдніе дни на улицахъ появляются и молодые казаки, въ фантастическихъ костюмахъ, при чемъ среди нихъ выдѣляются особенно „ха-

рюшки“ въ вывороченныхъ тулупахъ, съ надѣтыми масками. Атака „города“ обыкновенно начинается имѣющими шашки, которые, быстро проскакивая мимо города, рубятъ его; защитники, ставъ довольно широко, пропускаютъ ихъ, награждая ударами. Но за ряжеными идетъ настоящая сила: харюшки.

Обложившись подушками и прикрывъ голову, они скачутъ къ „городу“, имѣя въ рукахъ оглобли, шесты, а иногда шашки, топоры. Ихъ уже встрѣчаетъ сплошная толпа защитниковъ. Удары сыплются не разбирая и преимущественно на лошадей, которыя не въ силахъ податься впередъ. Но вотъ „харюшки“ быстро спѣшиваются и кучкою ломятся къ городу, стараясь подрубить его, просунуть шестъ и свернуть глыбы. Борьба ведется иногда довольно долго и упорно; собравшаяся публика не остается безучастною и, смотря по симпатіямъ, примыкаетъ къ той или другой сторонѣ; въ концѣ-концовъ „городъ“ разрушенъ и побѣдители, овладѣвъ флагами, боченкомъ, снова садятся на лошадей: впереди ряженые, за ними „харюшки“, а а позади мальчишки верхами ѣдутъ по улицамъ съ пѣснями, чтобы снова брать городъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ взятіе „города“. Конечно, въ такомъ видѣ, въ какомъ сейчасъ было

Игра въ зимній городокъ (Уральск. каз.).

все это описано, могло происходить лишь въ многолюдныхъ поселеніяхъ, напр., въ Уральскѣ; но и здѣсь эта забава уже почти вывелась.

Кромѣ казаковъ, въ предѣлахъ войсковыхъ земель живутъ и лица не казачьяго сословія— „иногородніе“, какъ принято называть ихъ на мѣстѣ. Иногородніе могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи: постоянныхъ, осѣдлыхъ и пришлыхъ. Съ каждымъ годомъ приливъ иногороднихъ усиливается, и они становятся многочисленными въ городахъ, особенно въ Уральскѣ, который все болѣе и болѣе утрачиваетъ характеръ исключительно казачьяго города. Явленіе это не есть исключительное, оно замѣчается всюду въ казачьихъ войскахъ, въ которыя наплывъ лицъ не войскового сословія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливается.

Кромѣ купцовъ и ремесленниковъ, въ Уральскѣ довольно прочно водворился и чиновный классъ, съ образованіемъ Уральской Области, въ которой Уральскъ сталъ областнымъ городомъ. Это мирное вторженіе съ каждымъ годомъ все усиливается, прежняя замкнутость казаковъ пропадаетъ; среди чиновничества казачьяго довольно много людей, выросшихъ въ другой средѣ, занятыхъ не исключительно казачьими интересами, наконецъ, женившихся на „иногороднихъ“. Все это вмѣстѣ взятое способствуетъ ослабленію замкнутости.

Изъ предыдущаго изложенія читатель видѣлъ, какое сложное устройство имѣетъ уральская община. Она возникла въ силу необходимости, когда членовъ было мало, когда всѣ они группировались или въ одномъ городкѣ, или около него. Съ разселеніемъ казаковъ на сотни

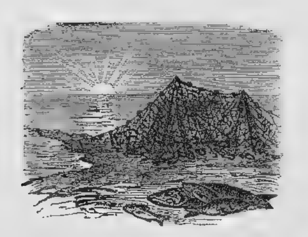
верстъ, съ увеличеніемъ народонаселенія, явились новые интересы, не вполнѣ согласные съ прежними. Хуторянинъ съ Общаго Сырта, землепашецъ преимущественно, онъ заинтересованъ болѣе въ земледѣліи и въ томъ, чтобы его не стѣсняли въ распашкѣ земель. Житель среднихъ частей, начиная съ Уральска, главное вниманіе сосредоточиваетъ на рѣчномъ рыболовствѣ, тогда какъ для гурьевца почти весь интересъ въ морскомъ ловѣ; живущій по р.р. Чижамъ, Узенямъ мало интересуется и рѣчными и морскими рыболовствами: у него свой районъ интересовъ—земледѣліе и преимущественно скотоводство.

Гурьевца тянетъ къ морю, къ Астрахани,—торговыя сношенія Чижей и Узеней съ Николаевскомъ и Балаховымъ,—Уральскъ тяготѣетъ къ Самарѣ и Бузулуку.

Отсюда не трудно вывести, что увеличеніе населенія, возникновеніе новыхъ отраслей занятій мало-по-малу разрушаетъ прежній порядокъ. И всѣ послѣдующія событія не содѣйствуютъ поддержанію общины: приливъ иногороднихъ, позволеніе имъ имѣть прочную осѣдлость, разъединяетъ казаковъ, создавая среди нихъ элементъ, чуждый ихъ интересамъ; зачисленіе въ казаки иногороднихъ „разжижаетъ", такъ сказать, прежнее казачество; обязательная служба до извѣстнаго возраста мало-по-малу приводитъ къ тому, что прежній порядокъ отбыванія военной повинности вызовомъ охотниковъ утрачиваетъ свое значеніе; обязанныхъ идти на службу съ увеличеніемъ населенія можетъ быть столько же, если не болѣе, сколько требуется. Затѣмъ съ увеличеніемъ населенія расчеты между нанимателями и наемщиками становятся сложнѣе и запутаннѣе, особенно когда оказывается желаніе уклониться отъ уплаты денегъ. Уже и теперь начинаютъ сознавать выгоду обложенія казаковъ и выдачу имъ подмоги прямо распоряженіемъ войскового начальства.

Такимъ образомъ уральская община мало-по-малу подтачивается въ своихъ основаніяхъ; но она еще крѣпка и въ своихъ основахъ и въ сознаніи массы. Обладая значительнымъ запасомъ опытности, здраваго смысла, уральцы, при добромъ желаніи, могутъ сохранить общину на долгое время, порукою въ этомъ можетъ служить все прошлое уральцевъ, то умѣнье, тотъ практическій умъ, какой они всегда обнаруживали, устраивая свои порядки.

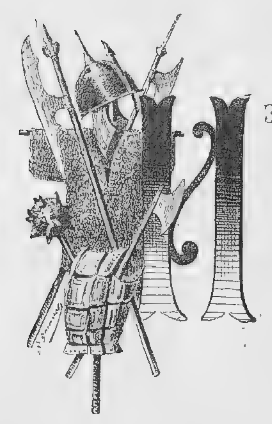
М. П. Хорошхинъ.



ОЧЕРКЪ XIII.

РАЗВАЛИНЫ САРАЯ НА АХТУБѢ И ЗОЛОТАЯ ОРДА.

Историческая роль промежутка между южною оконечностью Урала и Каспійскимъ моремъ, какъ обширныхъ воротъ для входа народовъ, переселявшихся въ Европу изъ внутренней Азіи.—Болгары.—Печенѣги.—Появленіе татаръ на Волгѣ и близъ Азовскаго моря.—Золотая орда и ея отношеніе къ Россіи до освобожденія отъ Монгольскаго ига.—Жизнь татарскихъ хановъ въ ихъ столицѣ Сараѣ на Ахтубѣ.



ИЗЪ предшествовавшихъ очерковъ читатели наши могли познакомиться съ физическими свойствами и экономическимъ состояніемъ той части Европейской Россіи, которая занимаетъ пространство отъ западныхъ береговъ Каспійскаго моря и Волги до рѣки Дона. Въ историческомъ же отношеніи на этомъ пространствѣ замѣчательна въ особенности обширная полоса земли между южною оконечностью Урала и Каспійскимъ моремъ. Край этотъ не былъ собственно никогда такою мѣстностью, гдѣ развивались бы просвѣщеніе и гражданственность; онъ не имѣлъ самъ по себѣ особаго значенія ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ. Ему выпала иная историческая доля, такъ какъ упомянутое пространство между южною оконечностью Урала и Каспійскимъ моремъ было какъ бы широкими воротами для входа народовъ, стремившихся искони вѣковъ въ Европу, изъ глубины Азіи и подвигавшихся то медленно, то быстро на западъ или на сѣверъ Европы. Иногда такое движеніе представлялось какимъ-то страшнымъ ураганомъ, сметавшимъ все на своемъ пути. Здѣсь несомнѣнно перебывали представители всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя въ самой отдаленной древности, надвигаясь изъ Азіи на Европу, заставляли двигаться далѣе впередъ и другія болѣе или менѣе уже осѣвшія племена. Новые, невѣдомые еще Европѣ народы тѣснили и осѣдлыхъ, и кочевыхъ жителей и занимали ихъ мѣста до тѣхъ поръ, пока напиравшіе на нихъ въ свою очередь новые переселенцы изъ Азіи не заставляли ихъ покидать занятыя ими селитьбы и двигаться далѣе въ Европу. Иногда же наступательное движеніе въ Европу исходило по собственному побужденію кочевниковъ, безъ всякаго напора сзади. Такія передвиженія и такіе болѣе или менѣе сильные напоры не прекращались въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ столѣтій, и можно даже сказать, что теченіе народовъ изъ Азіи въ Европу не прекратилось совершенно и до позднѣйшаго времени, такъ какъ даже и теперь между южною оконечностью Урала и Каспійскимъ моремъ бываютъ

приливы инородцевъ, но дѣло въ томъ, что эти переселенцы не наступаютъ уже на Европу такими громадными полчищами, какими азіатскія племена шли въ былое, хотя бы даже не слишкомъ еще отдаленное время, какъ, напримѣръ, монголы, не говоря уже о такъ-называемомъ въ исторіи „великомъ переселеніи народовъ".

Хотя проходъ азіатскихъ народовъ черезъ упомянутыя ворота послѣ страшнаго нашествія на Европу монгольскихъ ордъ не только ослабѣлъ, но почти и совершенно прекратился, но тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали, такое движеніе — хотя и въ чрезвычайно малыхъ, сравнительно съ прежнимъ, размѣрахъ—продолжалось до позднѣйшаго времени. Такъ еще въ прошломъ столѣтіи русскому правительству приходилось ограждать астраханскій край отъ смѣлыхъ набѣговъ дикихъ кочевниковъ, которые не прочь были бы пробраться и далѣе на берега Волги и Дона и даже въ среднюю Европу, подобно своимъ предшественникамъ: гуннамъ, аварамъ, половцамъ и монголамъ; но ихъ нынѣшняя малочисленность и встрѣчаемый ими отпоръ военною силою, далеко превосходящею ихъ младенчествующее военное искусство, должны были убѣдить ихъ въ невозможности повторенія попытокъ подобнаго рода. Огнестрѣльное оружіе произвело въ этомъ случаѣ рѣшительный переворотъ, и при настоящихъ усовершенствованіяхъ военнаго дѣла въ Европѣ для нея не могли бы быть страшными ни гунны, ни монголы, вооруженные непригоднымъ для борьбы съ европейцами оружіемъ. Какими бы несмѣтными полчищами они ни двигались изъ глубины Азіи, и съ какой бы безпощадной и дикой отвагой они ни напирали на Европу—они принуждены были бы попятиться назадъ. Ружья и пушки остановили бы такой бурный потокъ дикихъ народовъ на почтительномъ разстояніи передъ образованной Европой.

На долю Россіи пришлось окончательно удержать такого рода движенія, происходившія, какъ мы уже сказали, въ размѣрахъ до того малыхъ, что они стали весьма слабо замѣтны даже и въ той мѣстности, гдѣ они совершались.

Въ тѣ русскіе предѣлы, о которыхъ мы теперь говоримъ, еще въ XVII вѣкѣ пришли изъ-за Алтая къ Волгѣ калмыки и стали кочевать сперва на луговыхъ степяхъ, а потомъ перебрались на горную Приволжскую степь. Безъ всякаго сомнѣнія, они пошли бы и далѣе, и еслибы орда ихъ была такъ же многочисленна, какъ были нѣкогда многочисленны орды гунновъ или монголовъ, и еслибы они не боялись встрѣтить грознаго для нихъ отпора, то могло бы повториться одно изъ тѣхъ нашествій невѣдомыхъ дикихъ варваровъ, которые заставляли нѣкогда трепетать всю Европу. Но времена и условія самого движенія были уже не тѣ, и потому за-алтайскіе пришельцы, основавъ на мѣстѣ своей послѣдней кочевки особое ханство, вступили впослѣдствіи въ подданство Россіи и сдѣлались полу-осѣдлымъ незначительнымъ народцемъ, не имѣющимъ, конечно, никакого историческаго значенія. Движеніе это было до того слабо, что не могло напомнить о приливѣ въ прежнее время воинственныхъ ордъ изъ глубины Азіи, хотя въ сущности здѣсь было тоже самое, что и прежде, т.-е. кочевники искали для себя новыхъ и болѣе удобныхъ мѣстъ. Воинственныя замашки были, однако, присущи и имъ, потому что и они пытались было нападать на русскія селенія, и это вынудило русское правительство даже въ половинѣ прошлаго столѣтія принять мѣры противъ пришлыхъ хищниковъ и оборонять отъ нихъ свои предѣлы. Вслѣдствіе этого была построена Енотаевская крѣпость, нынѣ уѣздный городъ Енотаевскъ, была усилена сторожевая линія, были учреждены заставныя команды, и образованъ особый астраханскій казачій полкъ. Все это должно было сдержать дальнѣйшее движеніе пришлыхъ за-алтайцевъ.

Прикочевка азіатскихъ народовъ въ эти мѣстности продолжалась и впослѣдствіи. Такъ когда въ 1771 году значительная часть калмыковъ, кочевавшихъ на луговой сторонѣ Волги, откочевала въ предѣлы китайскихъ владѣній, то покинутая ими степь была вскорѣ занята новыми кочевниками-киргизами Малой орды, и изъ этой орды современемъ образовалась особая Букеевская орда, получившая такое названіе отъ имени своего султана Букея.

Въ то же время остались на постоянное жительство въ астраханскомъ Заволжьѣ и татары, остатки прежней Большой Ногайской орды, кочевавшіе на Кубани и соединившіеся потомъ съ калмыками, но затѣмъ отказавшіеся сопутствовать имъ въ Китай.

Наконецъ въ настоящемъ столѣтіи водворились на житье въ Астраханской губерніи каракалпаки и туркмены, прикочевавшіе, впрочемъ, сюда еще въ XVII вѣкѣ.

Другіе азіатскіе кочевники вторгались также по временамъ въ предѣлы нынѣшней астраханской губерніи, а между прочимъ татары крымскіе и ногайскіе. До самаго поздняго времени часть Астраханской губерніи, лежащая на правомъ берегу Волги, носила названіе „Крымской стороны", а лежащая на лѣвомъ ея берегу—„Ногайской стороны". Здѣсь также нужна была военная охрана отъ кочевниковъ, а потому и въ этихъ мѣстахъ приходилось ставить „сторожевые городки".

Изъ всѣхъ пришлыхъ народовъ, поселившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, были, по своей гражданственности, наиболѣе замѣчательны болгары или булгары.

Болгары раздѣлились на двѣ отрасли, жившія одна отъ другой на значительномъ разстояніи и называвшіяся различно по занятымъ ими берегамъ двухъ главныхъ европейскихъ рѣкъ Волги и Дуная — Волжскими и Дунайскими. Судьба этого разрозненнаго племени была совершенно различна. Волжскіе болгары исчезли уже безслѣдно, оставивъ только нѣкоторые памятники своего существованія, свидѣтельствующіе, однако, что ихъ гражданственность достигла значительной — для той поры, когда они существовали — степени развитія. Что же касается Дунайскихъ болгаръ, то они составляли нѣкогда независимое, довольно обширное государство, вели войны съ русскими и греками и впослѣдствіи были покорены турками, подъ игомъ которыхъ они оставались до тѣхъ поръ, пока на нашихъ глазахъ изъ потомковъ ихъ не образовалось нынѣшнее полунезависимое княжество Болгарское подъ управленіемъ, составленнымъ по образцамъ западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ главныхъ раздѣленій, часть болгаръ отличалась еще названіемъ „Черныхъ". Такое названіе даетъ имъ и Константинъ Порфирородный, и Несторъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются еще и другія названія болгаръ. Въ нихъ говорится: 1) о болгарахъ, „живущихъ по Волгѣ"; 2) о болгарахъ „Серебряныхъ" или „Нукратскихъ"; эти болгары, какъ надобно полагать, жили по Камѣ, а „нукратъ" — слово арабское, означающее серебро, перешло въ татарскій языкъ, такъ что болгары Серебряные и Нукратскіе были одни и тѣ-же; 3) о болгарахъ „тимтюзяхъ", которые жили гдѣ-нибудь недалеко отъ „Серебряныхъ"; 4) о болгарахъ „Черемшанскихъ", жившихъ, вѣроятно, при рѣкѣ Черемшанѣ; 5) о болгарахъ „Хвалисскихъ" или „Нижнихъ", обитавшихъ при Каспійскомъ морѣ, которое, какъ мы уже замѣтили, носило въ прежнее время названіе, заимствованное отъ ихъ имени.

О болгарахъ, кромѣ Константина Порфиророднаго, упоминаютъ еще византійскіе историки Діокленсъ и Никифоръ Григарисъ. Они говорятъ, что болгары жили прежде на сѣверо-восточныхъ берегахъ Волги, какъ надобно полагать, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ она принимаетъ въ себя Каму.

Дунайскіе болгары, вѣроятно, только вслѣдствіе ихъ смѣшенія съ разными славянскими племенами, преобразились въ славянъ, а исповѣдуемая ими православная вѣра самымъ тѣснымъ образомъ сближаетъ ихъ съ нами. Такъ какъ Дунайскіе болгары не составляютъ предмета нашего очерка, то мы будемъ говорить только о болгарахъ Волжскихъ. Племенное происхожденіе болгаръ съ точностью не опредѣлено. Нѣкоторые признаютъ ихъ славянами на томъ основаніи, что царь ихъ именовался царемъ „славянскимъ" и „владавцемъ". Но это еще ничего не значитъ, такъ какъ, во-первыхъ, очень часто титулы государей заимствуются изъ чужихъ языковъ, какъ, напримѣръ, нѣмецкій титулъ „Kaiser", или иначе императоръ, а по-славянски король, и во-вторыхъ—царь болгарскій могъ называться „славянскимъ" въ смыслѣ покорителя славянъ, что и согласуется съ исторіей. Кромѣ того, онъ, быть можетъ, имѣлъ и другой осо-

бый титулъ, заимствованный изъ болгарскаго языка. Далѣе, славянство Волжскихъ болгаръ опровергается именами ихъ городовъ, которыя вовсе не звучатъ по-славянски, да и собственное ихъ названіе звучитъ не по-славянски. Съ своей стороны, Несторъ не признавалъ славянами даже и Дунайскихъ болгаръ, замѣчая о нихъ: ,,къ словенскому же народу, живущему на Дунаѣ, пришли отъ скифъ'', т.-е. отъ хазаръ, ,,рекомiи болгари, и сѣли по Дунаю, и были насильницы словеномъ''.

Сторонники славянства Волжскихъ болгаръ, оставляя безъ вниманія слова русскаго лѣтописца и опираясь, какъ мы сказали, на наименованіи царей болгарскихъ ,,славянскими'', указываютъ также и на то, что между древними болгарскими городами нѣкоторые носили такія названія, которыя звучатъ чисто по-славянски, какъ, напримѣръ, Басовъ, Исболь, Бряхимовъ; но мы замѣтили, что подобныя созвучія могутъ встрѣчаться и въ другихъ языкахъ, да и вообще фонетика служитъ, въ отдѣльности сама по себѣ, весьма слабымъ доказательствомъ. Такъ, напримѣръ, въ Ярославской губерніи есть село Кавурово, но такое названіе — какъ въ этомъ можно поручиться съ полною достовѣрностью — не находится ни въ малѣйшей связи и ни въ какомъ соотношеніи съ бывшимъ знаменитымъ сардинскимъ министромъ Кавуромъ, точно такъ-же, какъ и сибирская рѣка Амуръ не имѣетъ никакого соотношенія къ французскому слову ,,amour''. Наконецъ, сторонники болгарскаго славянства самое названіе болгаръ считаютъ только измѣненнымъ названіемъ ,,волгаре'', происшедшимъ отъ названія рѣки Волги. Допустимъ, что это такъ, но замѣтимъ, что и самое имя Волги нельзя признать славянскимъ, но финскимъ.

Что же касается приводимой въ доказательство славянскаго происхожденія болгаръ ссылки на царя Ивана Грознаго, требовавшаго отъ татаръ отдачи Казани на томъ основаніи, что городъ этотъ построенъ на ,,славянской'' землѣ, то такая ссылка не только не можетъ имѣть никакого значенія, но можетъ показаться даже забавной, если припомнить другіе доводы царя Ивана, который производилъ свой родъ отъ Августа-Кесаря, а въ богословскомъ спорѣ съ іезуитомъ Поссевиномъ утверждалъ, что Византія и Эѳіопія одно и то-же.

Относительно языка, на которомъ говорили болгары, арабскій писатель Ибнъ-Хаукалъ сообщаетъ, что языкъ у болгаръ тотъ-же, что и у хазаръ, но хазары, какъ извѣстно, не представляли какой-либо отдѣльной народности. Значительную ихъ часть составляли какіе-то ,,черномазые люди'', говорившіе турецкимъ нарѣчіемъ, а основнымъ составомъ этого народа было какое-то невѣдомое финское племя. Другой арабскій писатель Шемсъ Эддинъ передаетъ, что на вопросъ его у пилигримовъ, проходившихъ черезъ Багдадъ: ,,что они за народъ?''—пилигримы эти отвѣчали: ,,Мы булгары, а булгары—смѣсь тюрковъ съ славянами''. Наконецъ, по свидѣтельству третьяго арабскаго писателя Хаджи-Калфа ,,языкъ болгаръ и ихъ обычаи похожи на русскіе''.

Все это приводитъ, какъ кажется, къ тому наиболѣе вѣрному заключенію, что Волжскіе болгары были не какое-нибудь чистокровное племя, но смѣсь различныхъ племенъ, населявшихъ пространство, быть можетъ, отъ верховьевъ Камы до низовьевъ Волги и отъ Урала до Оки, такъ что они представляли смѣсь племенъ славянскихъ, финскихъ и тюркскихъ, съ преобладаніемъ, можетъ быть, славянскихъ элементовъ. Подобную смѣсь должны были представлять и Дунайскіе болгары, съ славянскимъ между ними преобладаніемъ.

Въ отношеніи религіи существовало рѣзкое различіе между болгарами Дунайскими и болгарами Волжскими. Дунайскіе болгары приняли христіанскую вѣру восточнаго обряда, а у Волжскихъ болгаръ—хотя къ нимъ и проникла въ X столѣтіи такая же вѣра — господствующею религіей былъ исламъ, зашедшій къ нимъ отъ аравитянъ, пріѣзжавшихъ изъ Дербента для торговли на берегахъ Волги.

Болгары считаются однимъ изъ образованныхъ историческихъ народовъ сѣверной Европы. Страна ихъ была средоточіемъ торговли, которая производилась съ самыми сѣверными краями

Европы. Черезъ ихъ земли провозили товары изъ всѣхъ мусульманскихъ странъ въ Европу и обратно. Кромѣ того, между Булгаромъ, Хорезмомъ и Харазаномъ производилась дѣятельная торговля посредствомъ каравановъ. Предметами торговли были: парчи и ткани, мѣха, шерсть, медъ, орѣхи, юфть, булатные клинки и „мамонтовые зубы". Зубы эти продавались въ Харазанѣ по весьма высокой цѣнѣ и шли на приготовленіе гребней и разныхъ мелкихъ издѣлій. Болгары торговали также и хлѣбомъ. Такъ надобно думать въ виду того, что когда въ 1024 году свирѣпствовалъ голодъ, то болгары доставили въ Русь значительное количество хлѣба. Они любили и архитектуру, и когда у нихъ въ X столѣтіи водворилось мусульманство, то они для постройки мечетей вызывали зодчихъ изъ Багдада.

Памятниковъ бытія Волжскихъ болгаръ осталось очень немного, и главнымъ образомъ они сохранились въ монетахъ, которыя чеканились у нихъ въ городѣ Булгарѣ съ X по XIV столѣтіе. Монеты эти дѣлались по образцу арабскихъ, съ мусульманскими надписями и именемъ царствовавшаго государя. Письмо на монетахъ куфическое. Собственныхъ ихъ письменныхъ памятниковъ до насъ никакихъ не дошло. Сохранилось, впрочемъ, извѣстіе, будто одинъ болгарскій кади Якубъ-Ибнъ-Номанъ написалъ во второй половинѣ XII вѣка „Таряхъ булгаръ", т.-е. исторію болгаръ, но сочиненіе это утратилось. Довольно подробныя и любопытныя свѣдѣнія о болгарахъ встрѣчаются у арабскаго писателя Ахмедъ-Ибнъ-Фодлана. Въ сочиненіи его мы встрѣчаемъ о Болгаріи и ея жителяхъ слѣдующее:

„Когда,—разсказываетъ Ибнъ-Фодланъ,—мы были только на разстояніи однихъ сутокъ пути отъ царя славянъ Малекъ-эль-Саклабъ, къ которому ѣхало наше посольство, вышли къ намъ навстрѣчу братья его, дѣти и четверо подвластныхъ ему царей, неся хлѣбъ, мясо и просо. Отсюда мы отправились далѣе вмѣстѣ съ ними; и когда до царскаго жилища оставалось два фарсанга (восемь верстъ), встрѣтилъ насъ самъ царь.

„Увидѣвъ насъ, онъ сошелъ съ лошади и палъ ницъ, восхваляя и благодаря Аллаха. Потомъ онъ разсыпалъ передъ нами серебряныя деньги, бывшія у него въ рукавѣ, и для помѣщенія нашего велѣлъ разбить палатки, въ которыхъ мы и остановились. Это было въ воскресенье, 12 числа Мухаррема 310 года (11 мая 922 г. по Р. Х.). Отъ Хорезмскаго города Джорджана (Хивы) досюда было семьдесятъ дней пути. Въ этихъ палаткахъ пробыли мы до среды, дожидаясь, пока соберутся цари и вельможи земли его для присутствованія при чтеніи привезенной нами грамоты. Въ четвергъ приготовили мы два вышитые золотомъ чехла, бывшіе съ нами, украсили лошадь богатымъ сѣдломъ, одѣли царя въ черное платье и голову ему обернули тюрбаномъ; я вынулъ грамату халифа, и онъ прочелъ ее стоя. Потомъ онъ прочелъ письмо верховнаго визиря Хамида-Ибнъ-эль-Абасси, также стоя, хотя былъ очень дороденъ. Его вельможи осыпали насъ серебряными деньгами. Мы вынули подарки халифа и представили ихъ царю; потомъ надѣли мы жалованную шубу на его супругу, которая, по обычаю той земли, садится (всенародно) рядомъ съ мужемъ. Потомъ царь позвалъ насъ въ свою палатку. Самъ онъ сидѣлъ на престолѣ, покрытомъ греческою парчею; по правую руку его находились подвластные цари, прямо противъ него сидѣли его дѣти, а насъ онъ посадилъ по лѣвую руку отъ себя. Тотчасъ, по повелѣнію царя, принесли столъ, а на столѣ жареное мясо. Взявъ ножъ, онъ спачала отрѣзалъ отъ мяса одинъ кусокъ и съѣлъ его; потомъ такимъ же образомъ съѣлъ другой и третій, потомъ отрѣзалъ еще кусокъ и подалъ его послу нашему Соусену, передъ которымъ тотчасъ послѣ этого поставили небольшой столъ. Таковъ тамъ обычай, что никто не можетъ дотронуться до кушанья, пока царь ему не дастъ куска; и тогда уже тому, кто получилъ его, подаютъ особый столъ. Послѣ Соусена царь далъ кусокъ мяса одному изъ своихъ подвластныхъ царей, сидѣвшему по правую руку, и передъ нимъ тоже поставили столикъ; потомъ другому, третьему и такъ далѣе всѣмъ присутствующимъ. Такимъ образомъ, каждый получилъ особый столикъ и ѣлъ на немъ одинъ, не сообщаясь съ другими. По окончаніи обѣда мы взяли съ собою, что оставалось на нашихъ столикахъ; но прежде, чѣмъ мы ушли,

царь велѣлъ подать медоваго вина, которое называется на ихъ языкѣ сиджоу (сычовка), пилъ самъ и мы пили.

,,До нашего прибытія, въ хутбѣ поминали царя такимъ образомъ: ,,Господи, дай благоденствіе царю и владавцу, царю Булгара!'' Я ему замѣтилъ, что только Богъ есть царь, и что никому не позволительно величать себя такъ передъ Богомъ, особенно съ каѳедры. ,,Самъ твой верховный начальникъ, халифъ, повелитель правовѣрныхъ, — сказалъ я ему, — велѣлъ, чтобы на всѣхъ каѳедрахъ Востока и Запада (Азіи и Африки) поминали его не иначе, какъ: Господи, дай благоденствіе рабу твоему и намѣстнику Джафару, могучему въ Богѣ, повелителю правовѣрныхъ''. Царь спросилъ: ,,Какъ-же надо говорить?'' Я отвѣчалъ: ,,Надо, чтобы тебя поминали по имени и по отчеству''. На это онъ возразилъ: ,,Мой отецъ былъ недовѣрокъ, и я тоже: не хочу, чтобы меня поминали по имени, когда тотъ, кто далъ его мнѣ, былъ невѣрный. Какъ зовутъ верховнаго начальника моего, повелителя правовѣрныхъ?'' ,,Джафаромъ'', отвѣчалъ я. ,,А можно-ли мнѣ называться его именемъ?'' спросилъ опять царь. ,,Можно''. ,,Такъ я принимаю для себя имя Джафара, — произнесъ царь, — а отецъ мой будетъ отсель называться Абдаллахомъ, т.-е. рабомъ Божіимъ''. И онъ объявилъ объ этомъ хатибу (проповѣднику). Съ этихъ поръ въ хутбѣ стали поминать уже такимъ образомъ: ,,Господи, дай благоденствіе рабу твоему Джафару, сыну Абдаллахову, эмиру Булгара и кліенту повелителя правовѣрныхъ''. Въ столицѣ этого царя, — продолжаетъ Ибнъ-Фодланъ, — я видѣлъ такое множество удивительныхъ вещей, что и перечесть невозможно.

,,Въ самую первую ночь, которую мы провели въ этомъ городѣ, примѣтилъ я незадолго до заката солнца, что горизонтъ ужасно красенъ, и услыхалъ высоко въ воздухѣ громкіе отголоски и глухой шумъ. Я поднялъ голову, и что-же вижу: надо мною плаваетъ облако красное, какъ огонь (сѣверное сіяніе), и этотъ шумъ и эти отголоски выходятъ оттуда! Въ облакѣ видны были какъ-бы люди и лошади, а въ рукахъ у тѣхъ призраковъ луки, копья и мечи. Такъ видѣлъ я, или, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось. Потомъ явилось другое облако, такое же, какъ и первое, и въ немъ я тоже разсмотрѣлъ людей, оружіе и лошадей. Бросилось это облако на первое, словно какъ два отряда конницы нападаютъ другъ на друга, и мы такъ этого испугались, что съ величайшимъ сокрушеніемъ сердца принялись молиться Богу; туземцы, напротивъ, стали надъ нами смѣяться и очень дивились нашему поступку. Мы видѣли, какъ одно облако устремилось на другое; нѣсколько времени были они смѣшаны вмѣстѣ, потомъ опять отдѣлились, и эти движенія продолжались до самой ночи, пока облака не исчезли. Когда мы потомъ спросили царя, что значило это явленіе, онъ отвѣчалъ: ,,Дѣды мои говорили, что это духи вѣрующіе и невѣрующіе, которые сражаются между собою каждый вечеръ, и что они дѣлаютъ это съ тѣхъ поръ, какъ они существуютъ''.

,,Желая потолковать съ царскимъ портнымъ, который былъ изъ багдадскихъ уроженцевъ, я вошелъ съ нимъ въ свою палатку. Мы побесѣдовали съ нимъ не болѣе получаса, въ ожиданіи вечерняго призыва на молитву, и, услышавъ пѣніе муэззина на минаретѣ, вышли изъ палатки. Вотъ, вмѣсто вечера, на востокѣ видна уже заря! Я спросилъ муэззина, къ какой молитвѣ онъ призывалъ. ,,Къ утренней'', отвѣчалъ онъ. ,,А что же сдѣлалось съ вечернею?'' спросилъ я опять. ,,Мы читаемъ ее вмѣстѣ съ предвечернею''. ,,А ночь-то гдѣ же?'' ,,Какъ видишь, она была еще короче нынѣшней; теперь начала прибавляться''. Тутъ муэззинъ разсказалъ мнѣ, что не спитъ уже цѣлый мѣсяцъ, боясь пропустить утреннюю молитву, потому что ночь такъ коротка, что если поставить котелъ на огонь во время первой вечерней молитвы, въ немъ ничего еще не успѣетъ свариться, какъ уже надо звать на утреннюю. Я самъ испыталъ, какъ ужасно дологъ бываетъ тамъ день. Въ одну часть года день бываетъ длиненъ, а ночь коротка; въ другую — ночь длинна, а день коротокъ. На вторую ночь нашего пріѣзда я замѣтилъ, что звѣздъ на небѣ было очень немного: какъ казалось мнѣ, звѣздъ до пятнадцати, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Заря, бывающая на западѣ передъ закатомъ солнца, не

исчезала вовсе, и ночь была такъ свѣтла, что человѣкъ человѣка могъ узнать въ лицо на разстояніи выстрѣла изъ лука. Луна едва успѣетъ появиться на горизонтѣ, какъ тотчасъ и блекнетъ передъ утреннимъ свѣтомъ. Царь разсказывалъ мнѣ, что за его землею, въ разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути, есть народъ, называемый Вису (Весь), у котораго ночь короче часу. Видѣлъ я еще въ землѣ Болгаръ, что, когда солнце восходитъ, всѣ горы и низменныя мѣста и всякій предметъ, на который ни взглянешь, кажутся красными. Восходящее солнце огромно, какъ облако, и краснота его исчезаетъ, только когда оно достигнетъ высшихъ областей неба. Туземцы разсказывали мнѣ, что зимою ночь бываетъ такъ же долга, какъ лѣтній день, а день коротокъ, какъ лѣтняя ночь, до того, что ,,если кому изъ насъ, говорили они, случится идти на разсвѣтѣ къ рѣкѣ, называемой Итилемъ, которая отстоитъ отъ насъ менѣе чѣмъ на фарсангъ (четыре версты), то прежде, чѣмъ дойдешь, все небо уже покроется звѣздами".

,,Въ собачьемъ лаѣ Болгары видятъ хорошее предзнаменованіе и по лаю заключаютъ о томъ, плодороденъ, счастливъ и миренъ ли будетъ годъ. Змѣй видѣлъ я множество, такъ что часто на одной вѣтви ихъ обовьется штукъ до десяти и болѣе. Ихъ не убиваютъ, да и сами онѣ никому вреда не дѣлаютъ. Есть у Болгаръ одинъ родъ яблокъ, зеленыхъ и ужасно кислыхъ, которыя ѣдятъ только дѣвушки и оттого толстѣютъ. Но ничего нѣтъ въ Булгаріи столько, какъ орѣховыхъ деревъ; я видалъ ихъ цѣлые лѣса, фарсанговъ въ сорокъ. Видѣлъ я также тамъ дерево, которое не знаю, какъ назвать (береза): оно вышины необыкновенной стволъ имѣетъ безлиственный, а вершину, какъ у пальмы, и листья мелкіе, но густые. Дерево это прокалываютъ въ извѣстномъ мѣстѣ на стволѣ, и вытекающую изъ отверстія жидкость, которая пріятнѣе меда, собираютъ въ сосудъ. Этотъ напитокъ такъ-же пьянъ, какъ вино, если употреблять его въ большомъ количествѣ.

,,Пища болгаръ состоитъ большею частію изъ проса и конины, хотя въ землѣ ихъ пшеницы и ячменя родится очень много. Всякій пользуется вполнѣ произведеніемъ своего посѣва, не отдавая никакой части жатвы царю, которому платятъ только по бычачьей кожѣ съ дома; сверхъ того, царь, если пошлетъ войско грабить какую-нибудь землю, получаетъ еще на свою долю часть добычи. Масла нѣтъ никакого, кромѣ рыбьяго жира, который употребляютъ вездѣ, гдѣ другіе употребляютъ оливковое и кунжутное масло. И оттого запахъ ихъ отвратителенъ. Всѣ носятъ шапки. Если царь выѣзжаетъ куда, онъ всегда бываетъ одинъ, безъ служителя и безъ свиты. Когда онъ ѣдетъ мимо рынка, всѣ встаютъ, снимаютъ съ головы шапки, кладутъ ихъ подъ мышку и надѣваютъ опять не прежде, какъ онъ проѣдетъ. Такимъ же образомъ и всѣ, кто входитъ къ царю, вельможи и простой народъ, даже собственныя его дѣти и братья, лишь только увидятъ его, тотчасъ снимаютъ шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, кланяются ему въ поясъ (въ подлинникѣ — наклоняютъ головы и присѣдаютъ), потомъ выпрямляются и стоятъ, покуда онъ не велитъ имъ присѣсть. Всякій, кто садится передъ царемъ, дѣлаетъ это, преклоняя колѣна и не показывая своей шапки, которую онъ надѣваетъ, только когда выйдетъ изъ царскаго присутствія.

,,Грозы случаются очень часто, и если молнія ударитъ въ домъ, всѣ удаляются оттуда и предоставляютъ строенію разрушаться отъ времени, говоря, что надъ этимъ мѣстомъ гнѣвъ Божій. Если встрѣтятъ человѣка съ необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ познаніемъ вещей, говорятъ: ,,ему впору служить Богу"; потомъ схватываютъ его, надѣваютъ ему на шею веревку, вѣшаютъ на деревѣ и оставляютъ въ такомъ положеніи, пока трупъ не распадется по частямъ. Если во время пути кто-нибудь станетъ мочиться, не снимая съ себя оружія, у того отнимаютъ оружіе и все, что на немъ есть. Кто въ подобномъ случаѣ сниметъ оружіе и положитъ его въ сторону, того не трогаютъ. Таковъ у нихъ обычай. Мужчины и женщины ходятъ купаться въ рѣку и моются вмѣстѣ, нагіе, ничѣмъ не закрываясь другъ отъ друга; но непозволительнаго сообщенія никакого между собою не имѣютъ. Если кто будетъ въ этомъ виновенъ, того, кто бы онъ ни былъ, привязываютъ за руки и за ноги къ четыремъ стол-

бамъ, которые вколачиваютъ въ землю, и топоромъ разсѣкаютъ ему тѣло отъ шеи до бедеръ. Такимъ-же образомъ поступаютъ и съ женщиною. Потомъ каждую половину тѣла вѣшаютъ на дерево. Я очень старался уговорить женщинъ, чтобы онѣ въ баняхъ закрывались отъ мужчинъ, но не успѣлъ въ этомъ. Вора наказываютъ такимъ же образомъ, какъ виновнаго въ прелюбодѣяніи.

„Много можно было бы,—заключаетъ Ибнъ-Фодланъ,—сказать объ этомъ народѣ, но мы ограничиваемся и тѣмъ, что сказано". А мы съ своей стороны прибавимъ слѣдующее, какъ выводъ изъ другихъ отрывочныхъ извѣстій. Болгары платили подати своему владавцу кожами, т.-е., вѣроятно, юфтью, которая до сихъ поръ слыветъ въ Азіи подъ ихъ именемъ, называясь булгаръ или булгари. Эта отрасль промышленности, кажется, процвѣтала въ землѣ болгаръ и едва-ли не отъ нихъ перешла въ наслѣдство къ нынѣшнимъ казанцамъ.

Волжскіе болгары принадлежали къ народамъ воинственнымъ, и если они сами не нападали постоянно на русскихъ, то, во всякомъ случаѣ, не позволяли тревожить себя безнаказанно и, при нападеніи на нихъ самихъ, давали своимъ врагамъ сильный отпоръ, хотя и не всегда удачно.

Въ 913 году они, по свидѣтельству арабскаго историка Массуди, содѣйствовали истребленію русскихъ, предпринимавшихъ походъ на южный берегъ Каспійскаго моря, а въ свою очередь русскіе, вѣроятно, за это — по разсказамъ арабскаго историка Ибнъ-Хаукала — разорили въ 969 году ихъ области. Владиміръ Великій также воевалъ съ болгарами. Въ 1088 году болгары овладѣли Муромомъ, но не надолго удержали его за собою. Въ 1164 князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, оскорбленный болгарами, началъ съ ними войну и разбилъ ихъ. Во время этого похода русскіе овладѣли однимъ изъ лучшихъ болгарскихъ городовъ — Бряхимовымъ. Замѣчательно, что донынѣ побѣда эта празднуется нашею церковью 1-го августа.

Въ 1172 году Андрей Боголюбскій посылалъ на болгаръ своего сына Мстислава, который, потерпѣвъ пораженіе, самъ едва спасся. Въ 1183 году болгары вторглись въ земли Муромскія и Рязанскія, такъ что великій князь Всеволодъ Георгіевичъ принужденъ былъ предпринять на нихъ походъ. Къ нему присоединились разные князья русскіе и половцы. Вмѣстѣ съ ними русскіе осадили „Великій городъ" въ землѣ „Серебряныхъ" болгаръ, но племянникъ Всеволода Изяславъ былъ раненъ на приступѣ стрѣлою, и это спасло жителей. Заключивъ съ ними миръ, Всеволодъ возвратился во-свояси. Въ 1186 году опять былъ походъ на болгаръ, а въ 1218 г. они овладѣли Устюгомъ. Это заставило великаго князя Георгія Всеволодовича отправить противъ нихъ своего брата Святослава, который сжегъ городъ ихъ Ошель, укрѣпленный высокимъ дубовымъ тыномъ, съ двумя оплотами, между которыми находился валъ. Георгій произвелъ въ ихъ землѣ такія опустошенія, что болгары униженно просили мира, который, наконецъ, былъ заключенъ; послы наши ѣздили въ ихъ землю. Это, однако, не помѣшало болгарамъ враждовать съ русскими до самаго нашествія монголовъ. Въ первое нападеніе на Россію монголы оставили болгаръ, кажется, въ покоѣ; но когда потомки Чингизъ-хана отправились покорять земли, лежащія къ западу, то болгары были покорены прежде всѣхъ. Весною 1236 года военачальникъ Субутай вступилъ въ предѣлы ихъ съ отрядомъ монгольскихъ войскъ и взялъ болгаръ. Видя силу монголовъ, болгары покорились безъ сопротивленія, но скоро, по удаленіи ихъ, взбунтовались. Тогда Субутай, вступивъ вторично въ ихъ землю, поработилъ ихъ совершенно. Съ этого времени они составили часть Кипчакской орды и до самаго паденія раздѣляли судьбу ея, сливаясь болѣе и болѣе съ побѣдителями, такъ что утратили, наконецъ, и свое народное имя. Между тѣмъ, старинная вражда съ русскими не прекращалась, и новгородцы не разъ грабили землю болгаръ, хотя они были подданные хановъ, властителей Россіи.

Въ 1359 году вольница новгородская овладѣла болгарскимъ Жукотиномъ, и на слѣдующій годъ великій князь Дмитрій Константиновичъ, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій должны были судиться за это передъ ханскимъ посломъ. Разбойники были оты-

сканы и выданы. Болгары, въ свою очередь, при князѣ Булатъ-Темирѣ, въ 1361 году овладѣвшимъ ихъ землею, сдѣлали вторженіе въ предѣлы нижегородскіе, но были усмирены Василіемъ, сыномъ Дмитрія Суздальскаго. Въ 1374 и 1375 годахъ Болгарія снова подверглась грабежамъ новгородцевъ, и въ 1376 году Дмитрій Іоанновичъ, желая подчинить себѣ эту богатую землю, отправилъ въ нее сильное войско, которое, въ соединеніи съ суздальскою ратью, приблизилось къ Казани и, истребивъ огнемъ села, зимовища и суда казанцевъ, принудило тогдашнихъ болгарскихъ владѣтелей Оссана и Махматъ-Султана покориться великому князю. Въ 1389 году великій князь Василій Дмитріевичъ отправилъ съ сильнымъ войскомъ своего брата Юрія, который овладѣлъ Булгаромъ, Жукотиномъ, Казанью и Кременчугомъ, три мѣсяца опустошалъ эту землю и возвратился съ богатою добычею. И съ этого времени Василій Дмитріевичъ прослылъ „завоевателемъ Болгаріи". Герберштейнъ считаетъ этотъ походъ на Болгарію достопамятнѣйшимъ дѣломъ правленія Василія. Въ „Софійскомъ временникѣ" подъ 1409 годомъ встрѣчается извѣстіе, что воевода Акфалъ былъ въ Болгаріи. Болгарская земля перешла окончательно во власть русскихъ царей, вѣроятно, при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, въ одно время съ паденіемъ Казанскаго царства; однако, титулъ государя Болгаріи носилъ еще дѣдъ его, Іоаннъ III. Теперь, гдѣ красовалась торговая и воинственная Болгарія, видны бѣдныя жилища ногаевъ, чувашей, черемисовъ и мордвы.

Въ заключеніе сообщеній нашихъ о болгарахъ, какъ о народѣ, жившемъ на берегахъ Волги и извѣстномъ византійцамъ, слѣдуетъ сказать и о главномъ городѣ ихъ, расположенномъ нѣкогда на берегу Волги—Булгарѣ. О мѣстѣ его нахожденія писали арабскіе историки Якутъ, Альбуфеба и другіе, но такъ неясно, что мѣстность эту опредѣлить съ точностью теперь нельзя. Новѣйшіе изыскатели опредѣляютъ мѣстоположеніе Булгара по предполагаемымъ его развалинамъ, уцѣлѣвшимъ близъ заштатнаго города Тетюшъ, Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, на луговой или восточной сторонѣ Волги, ниже устья Камы. Тутъ находится построенное на какихъ-то развалинахъ село Болгары, иначе называемое Богородично-Успенское. Отъ Казани до этихъ развалинъ 123 версты. Петръ Великій, въ память былой славы Болгарскаго царства, приказалъ охранять эти развалины. Онъ, а впослѣдствіи и императрица Екатерина II осматривали ихъ. Петръ I велѣлъ даже списать сохранившіяся къ его времени на камняхъ этихъ развалинъ какія-то надписи. Послѣ покоренія Болгаріи татарами, ханы Золотой орды, до основанія Сарая на рѣкѣ Ахтубѣ, приходили лѣтомъ кочевать въ окрестности Булгара. Они-то, какъ полагаютъ, и построили тотъ городъ, развалины котораго ошибочно принимаютъ за развалины древней болгарской столицы.

Что касается настоящаго Болгара, то хотя наши лѣтописи упоминаютъ о немъ только съ 1360 года, но извѣстный покойный академикъ Френъ думаетъ, что городъ этотъ долженъ былъ быть построенъ между 922 и 967 годами. Русскіе лѣтописцы называютъ столицу болгаръ не Булгаромъ, а „Великимъ Городомъ", и этимъ можно объяснить, почему въ ихъ записяхъ за прежнее время не встрѣчается имени Булгара, хотя онъ и существовалъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но въ 968 году болгарская столица была разорена русскими. Татары овладѣли Болгаромъ, но когда впослѣдствіи начались въ Ордѣ смуты, то городъ этотъ переходилъ отъ одного татарскаго хана къ другому. Въ 1368 году его разграбила новгородская „вольница". Послѣ того Казань, основанная выходцами изъ Булгара, затмила прежнюю славу Булгара и сдѣлалась его преемницею по торговлѣ. Въ 1391 году Булгаръ былъ совершенно разрушенъ Тамерланомъ.

Отъ развалинъ Булгара остался въ настоящее время каменный столбъ, вышиною въ семь, а въ основаніи около трехъ саженъ. Кверху онъ суживается, но потомъ опять расширяется, и это расширеніе представляетъ какъ бы террасу. Очевидно, что столбъ есть минаретъ, внутри котораго идетъ каменная витая лѣстница. Внутри, по хорошо оштукатуреннымъ стѣнамъ, видны татарскія или арабскія надписи, и еще въ недавнее время надъ минаретомъ

былъ шпицъ, увѣнчанный полумѣсяцемъ. Недалеко отъ минарета находится село Болгары. Вблизи же самаго минарета находятся уцѣлѣвшія четыре стѣны какого-то зданія, поодаль отъ котораго видна пятая стѣна. Есть еще развалины другого зданія съ подземными ходами, каналами и остатками водопроводовъ. Одно изъ такихъ зданій или палатъ изображено на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ. Здѣсь есть и лѣпная работа, и надгробные камни съ надписями. Надписи эти сдѣланы на языкахъ армянскомъ или арабскомъ. Далѣе, уже въ самомъ селѣ видны остатки не такъ еще давно рухнувшаго минарета, который Петръ Великій приказалъ скрѣпить вверху желѣзными обручами, и который, какъ говорятъ, имѣлъ 12 саженъ вышины. Здѣсь же есть остатки вала, длину котораго опредѣляютъ въ семь верстъ. Изъ находокъ, относящихся къ древности, въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются: кинжалы, вазы, бокалы, ножи, привѣски, браслеты, чашечки отъ вѣсовъ, игральныя кости, зеркала изъ особаго бронзоваго сплава и т. д., а также издѣлія бронзоваго и каменнаго періодовъ.

Ближайшими сосѣдями болгаръ съ юга по Волгѣ были первоначально печенѣги, народъ тюркскаго племени. Если сообразить то, что мы уже говорили о движеніяхъ азіатскихъ переселенцевъ въ Европу, то можно понять, что приходившіе позднѣе съ отдаленнаго востока азіатскіе кочевники постепенно тѣснили на западъ прежде прибывшихъ выходцевъ. Такую участь испытали и печенѣги, которыхъ вытѣснили узы изъ степей нынѣшней Саратовской губерніи. По словамъ Константина Багрянородного, узы прогнали печенѣговъ съ помощью болгаръ. Печенѣги съ береговъ Волги пошли далѣе на западъ, въ Бессарабію, Молдавію и Валахію, а, потомъ, опустошивъ все на своемъ пути и принудивъ угровъ переселиться съ береговъ Дона въ Паннонію, остановились на берегахъ этой рѣки.

Оттѣсненные отъ Волги печенѣги были народъ кочевой и при томъ промышлявшій грабежомъ. Ихъ называли также „пацинаки", „бессы" и „биссены". Они были отличными наѣздниками и славились быстротою своихъ степныхъ коней; вооруженіе ихъ состояло изъ стрѣлъ. Они мгновенно окружали непріятеля, бросались на коняхъ и въ рѣки, и въ пропасти, а вмѣсто лодокъ употребляли кожи. Они носили персидскую одежду и отличались свирѣпою наружностью. Печенѣги, перешедшіе въ Молдавію, сдѣлались тамъ предметомъ ужаса для своихъ сосѣдей, которые въ свою очередь пользовались ихъ отвагою, нанимая ихъ за деньги для истребленія своихъ враговъ. Печенѣги заняли также днѣпровскіе пороги и устья Дуная; но такъ какъ они отошли уже отъ Волги, то мы не будемъ болѣе слѣдить за ними; замѣтимъ только, что русскіе князья безпрестанно воевали съ ними, что впослѣдствіи ихъ ослабили половцы, и что Владиміръ Великій большую часть ихъ вытѣснилъ изъ Руси. Насчетъ этого русскій лѣтописецъ пишетъ, что печенѣги бѣжали сами и добавляетъ: „и тако мятущеся здѣ и ондѣ и тако погибоша".

Что касается узовъ или торковъ, то о нихъ упоминаютъ греческіе писатели: Скамизія и Анна Комнена, а извѣстный Баеръ считаетъ ихъ половцами или команами. Уходъ узовъ—торковъ или торковъ—относятъ ко времени между 1050 и 1065 годами. На пути своемъ они были истреблены частью голодомъ, частью язвою, а также оттѣсненными ими печенѣгами и дунайскими болгарами, послѣ чего они покорились византійскимъ императорамъ. Несторъ упоминаетъ о бѣдствіяхъ узовъ, и сказанія его согласуются въ этомъ случаѣ съ извѣстіями византійскихъ историковъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что часть торковъ, жившихъ въ астраханскихъ степяхъ, служили еще Владиміру Святому и послѣ него до нашествія монголовъ составляли конницу въ русскомъ войскѣ и были извѣстны подъ именемъ „Черныхъ Клобуковъ" или „Черкассовъ". Эти остатки узовъ жили при Днѣпрѣ. На этомъ мы оканчиваемъ сообщеніе наше объ узахъ, какъ о народѣ, ушедшемъ сперва съ береговъ Волги, а потомъ и вовсе изъ предѣловъ нынѣшней Россіи.

Узы, оттѣснившіе съ береговъ Волги печенѣговъ, были въ свою очередь вытѣснены изъ этихъ мѣстъ новыми пришельцами—половцами.

О половцахъ современные лѣтописцы русскіе, византійскіе и венгерскіе упоминаютъ съ отвращеніемъ: сырое мясо, кровь животныхъ и падаль были ихъ обыкновенною пищью; они не строили ни городовъ, ни домовъ, а жили постоянно въ кибиткахъ, занимаясь въ мирное время скотоводствомъ.

Если вспомнить то замѣчаніе, которое въ началѣ нашего очерка было сдѣлано относительно связи передвиженія азіатскихъ племенъ въ Европу черезъ уральско-каспійскія ворота, то легко сообразить, что каждое появленіе въ Европѣ невѣдомаго народа было предвѣстіемъ, что за нимъ двигаются болѣе сильныя орды, напирающія на прежнихъ выходцевъ изъ Азіи. Такъ, какъ мы видѣли, узы сдвинули съ береговъ Волги печенѣговъ по направленію къ западу, а нынѣ приходитъ чередъ за ними самими, потому что и на нихъ начали наступать свѣжіе выходцы изъ глубины Азіи.

Половцы, какъ надобно заключить изъ словъ Нестора, такіе же тюркмены, какъ печенѣги и узы. Онъ считаетъ ихъ пришедшими „изъ пустыни Этверскія" и говоритъ: „Измаиловъ же родъ двѣнадцати сыновъ, отъ нихъ суть торкмени, печенѣги, торки и половцы". Анна Комнена подтверждаетъ въ свою очередь справедливость словъ русскаго лѣтописца, сообщая, что печенѣги говорили однимъ языкомъ съ половцами или команами.

Половцы не были извѣстны русскимъ до половины XI столѣтія, пока они въ 1055 году не явились подъ Переяславлемъ. При первомъ ихъ неожиданномъ появленіи, великій князь Всеволодъ заключилъ миръ съ ихъ княземъ Болушемъ, но мирный договоръ былъ непроченъ. Такъ, уже въ 1061 году половцы нарушили его и, не дождавшись даже весны, когда обыкновенно кочевые народы предпринимали свои походы, они, чтобы застать русскихъ врасплохъ, зимою вторглись съ княземъ своимъ Сокаломъ въ предѣлы Руси, разбили на-скоро собранную небольшую дружину Всеволода и съ большою добычею возвратились на Донъ, въ ихъ ближайшія отъ русскихъ предѣловъ кочевья.

Такъ какъ, согласно съ планомъ нашего очерка, намъ слѣдуетъ остановиться между прочимъ на народахъ, жившихъ на Дону и извѣстныхъ греческимъ писателямъ, то мы и скажемъ здѣсь то, что подходитъ къ такой задачѣ.

Объ обитателяхъ Дона сохранились свѣдѣнія, относящіяся еще къ самой отдаленной древности, хотя и очень смутныя. Въ области этой рѣки жили первоначально, по свидѣтельству грековъ, киммеріане, скиѳы и массагеты. Скиѳы были вообще народъ кочующій, но между ними находились и такіе, которые занимались земледѣліемъ и составляли такъ-называвшуюся „царственную" орду. Эта отрасль скиѳовъ жила на пространствахъ, прилегающихъ къ Дону, а въ разстилающихся за этою рѣкою астраханскихъ степяхъ кочевали сарматы или савроматы и т. д. Около VII вѣка по Р. Х. на Дону господствовали авары или одры, покоренные впослѣдствіи болгарскимъ княземъ Кувратомъ. Послѣ смерти Куврата, дѣти его раздѣлились. Одинъ изъ нихъ—Витвай—остался на берегахъ Дона; другой перешелъ на правый берегъ этой рѣки; третій занялъ пространство между Днѣстромъ и Бугомъ; четвертый ушелъ въ Паннонію, а пятый перебрался въ Италію. Впослѣдствіи жившіе на Дону болгары, тѣснимые казарами, или ушли отсюда къ устьямъ Дуная, или были истреблены казарами, занявшими ихъ становища. Кромѣ того, черезъ среднее теченіе Дона и его верховье прошла часть угровъ или венгровъ, народа финскаго. Часть ихъ осѣла было здѣсь, но потомъ была вытѣснена узами или торками, о которыхъ мы говорили прежде, какъ о народѣ, жившемъ первоначально на берегахъ Волги.

Съ 1114 года начинаются частыя извѣстія о половцахъ, наступившихъ между прочимъ и на Русь съ береговъ Дона. Подъ означеннымъ годомъ русскій лѣтописецъ отмѣчаетъ слѣдующее: „Бишася половцы съ торки и съ печенѣги у рѣки Дона и сѣкошася два дни и двѣ нощи, и пріидоша торки и печенѣги къ Володиміру". Послѣ этой битвы, сокрушившей торковъ и печенѣговъ, половцы взамѣнъ ихъ начали господствовать на Дону.

Что касается названія „половцы", то, несмотря на несомнѣнное азіатское происхожденіе этого народа, они въ нашихъ лѣтописяхъ носили названіе, взятое для нихъ изъ славянскаго языка. Названіе это одни объясняютъ сочетаніемъ двухъ русскихъ словъ: „поле" и „ловъ", такъ какъ половцы занимались ловомъ звѣрей въ поляхъ; другіе же производятъ это названіе отъ польскаго слова „połow", что значитъ добыча. Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ смыслъ выходитъ одинаковый. Сами же они называли себя—какъ передаетъ извѣстный голландскій путешественникъ Рубриквель—„Capchat"—„шапши", и названіе это сходно съ тѣмъ названіемъ, какимъ отмѣчаетъ ихъ арабскій писатель Абуль-гати, называя „кипчаками" вообще всѣ народы азіатскаго происхожденія, обитавшіе между рѣками Дономъ, Волгою и Ураломъ или Яикомъ. Въ число этихъ народовъ входятъ и половцы, которые такимъ образомъ оказываются народомъ татарскаго происхожденія. Другіе же писатели видятъ въ нихъ отрасль киргизовъ.

Половцы сдѣлались весьма опасными сосѣдями Руси. Вскорѣ послѣ своего перваго появленія они стали не только нападать на нее, какъ внѣшніе враги, искавшіе добычи, но — что еще было хуже—стали участвовать въ междоусобіяхъ русскихъ князей, и въ 1068 году великій князь Изяславъ Ярославовичъ и братья его были разбиты половцами на берегахъ рѣки Альты, а потомъ половцы напали на княжество Черниговское. Такъ они жгли и опустошали все, встрѣчавшееся на пути, но потерпѣли отъ русскихъ жестокое пораженіе, такъ какъ трехтысячная черниговская рать разбила на-голову двѣнадцатитысячное половецкое войско на рѣкѣ Сновѣ. Несмотря, однако, на такое пораженіе, половцы продолжали свои грабежи. Междоусобія русскихъ князей облегчали ихъ набѣги.

Особенно замѣчателенъ былъ набѣгъ ихъ въ 1093 году. Въ этомъ году русскіе были жестоко поражены ими на берегахъ рѣки Стугны. Здѣсь, по сказанію нашего лѣтописца, земля дымилась кровью. Вслѣдъ затѣмъ половцы снова разбили русскія рати подъ самымъ Кіевомъ. Несмотря на враждебныя отношенія къ половцамъ, русскіе князья пользовались ихъ воинственностью для своихъ личныхъ выгодъ и наводили ихъ безпрестанно на своихъ соперниковъ по исканію великаго и удѣльныхъ княженій, отъ чего въ теченіе полутораста лѣтъ жестоко страдала Русь. Лѣтописецъ разсказываетъ о томъ, что, вслѣдствіе набѣговъ половецкихъ и союзовъ враждовавшихъ между собою князей съ половцами, на Руси города опустѣли, церкви, дома, гумна и житницы пылали огнемъ, а жители или умирали подъ ударами мечей, или постоянно трепетали, ожидая смерти. Плѣнниковъ, нагихъ и босыхъ, половцы уводили въ отдаленную неволю. На лугахъ не видно было ни стадъ, ни коней; нивы заросли травою, и дикіе звѣри рыскали тамъ, гдѣ прежде жили христіане. Представляя картину такихъ страшныхъ бѣдствій, лѣтописецъ добавляетъ: „и не бѣ сего слышано въ днехъ первыхъ въ земли Русьтѣй, яже видѣста очи наша за грѣхи наша".

Въ 1095 году русскіе въ первый разъ отважились, не дожидаясь нападенія половцевъ, собиравшихся отмстить за убіеніе ихъ пословъ, напасть на нихъ сами. Русскіе князья въ значительныхъ силахъ пошли на Донъ и, послѣ непродолжительнаго, но удачнаго похода, возвратились оттуда съ огромной добычей: такъ, захватили съ собой множество скота, верблюдовъ, коней и плѣнниковъ.

Ободренные этимъ русскіе князья въ 1099 году предприняли снова походъ на половцевъ. Они собрали огромное войско, которое пошло на востокъ Днѣпра до мѣстечка Сутень. Половцы выступили въ степи противъ нихъ огромными полчищами, но были разбиты на-голову, и князья, подъ предводительствомъ Владиміра Мономаха, повоевавъ успѣшно въ землѣ половецкой, благополучно возвратились во-свояси, съ богатой добычей, какъ и въ первый разъ.

Въ 1111 году былъ предпринятъ союзными силами русскихъ князей третій походъ противъ половцевъ на берега Дона, гдѣ—какъ мы замѣтили—половцы, уничтоживъ хазаръ, жили уже не поголовно дикими кочевниками, но были частью и осѣдлымъ народомъ. И этотъ походъ сопровождался такою же удачею, какъ и два предшествовавшіе.

Кромѣ набѣговъ и вовлеченія русскихъ въ дальніе и опасные походы, половцы косвеннымъ образомъ повліяли на дѣла Руси. Утѣсняемые половцами и разбитые ими на Дону, берендеи, печенѣги и торки искали спасенія въ предѣлахъ Руси, но, вступивъ туда, они продолжали быть хищниками попрежнему и тѣмъ самымъ вызвали русскихъ на войну съ ними. Однако, какъ мы уже замѣтили прежде, народы эти были изгнаны изъ Руси, а затѣмъ и совершенно исчезли.

Подобная же участь постигла, однако, послѣ многихъ страданій, многихъ невзгодъ для Руси, и орды татаръ, сдвинувшихся изъ глубины Азіи и прошедшихъ тоже черезъ уральско-каспійскія ворота.

Новопоявившіяся орды называютъ обыкновенно у насъ и во всей Европѣ татарами, но одинъ изъ нашихъ этнографовъ г. Сбоевъ такъ разсуждаетъ о неправильности этого названія: „Татаръ нѣтъ на свѣтѣ — говоритъ онъ — да и быть не можетъ. Ни одинъ въ мірѣ народъ, ни одно поколѣніе не присваиваетъ себѣ названія Татары. Да и что за слово — Татаринъ? Знаменитый нашъ исторіографъ Н. М. Карамзинъ, отчаявшись въ возможности объяснить это слово приличнымъ образомъ, прибѣгаетъ то къ Якутамъ, у которыхъ будто бы существовалъ идолъ *татаръ*, то къ Китайцамъ, называвшимъ будто бы всѣ сосѣдственные народы *та—та*, то къ Карпини, производившему слово отъ рѣки Татаръ, которой, впрочемъ, нѣтъ ни на одной географической картѣ. Новѣйшіе историки, вообще очень смѣлые, производятъ это слово даже отъ Тартара, или ада, и говорятъ, что это были люди quasi ex tartaro emissi.

Дѣло въ томъ, что на обширномъ пространствѣ отъ Царьграда до Пекина и доселѣ живутъ люди тюркскихъ племенъ, которыя, несмотря на различіе въ физическомъ своемъ устройствѣ, на весьма часто враждебныя другъ къ другу отношенія, говорятъ нарѣчіями очень сходными одно съ другимъ. Эти то племена въ началѣ XIII вѣка подпали подъ власть побѣдоноснаго монгола Чингисъ-хана и его монгольской орды. Начальствуя ими, онъ самъ лично и черезъ своихъ полководцевъ совершилъ великія завоеванія. При Калкѣ грозною тучею разразился страшный громъ его непобѣдимаго оружія надъ Русью, весьма хорошо знакомою со многими изъ племенъ тюркскаго происхожденія, но доселѣ не знавшей даже имени орды, ставшей въ ихъ главѣ. Лѣтописецъ XIII вѣка (новгородскій) говоритъ: „Пріидоша языцы незнаеми, ихъ же добрѣ ни кто же вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ, а зовутъ ихъ Татары, а иніи глаголютъ Таурмени“. Послѣднее названіе Таурмени (т.-е. Туркмены) показываетъ, что въ ордахъ Чингисъ-хана были многочисленныя племена тюркскаго происхожденія. Легко статься могло, что одно изъ нихъ называлось татарскимъ по такой же случайности, по которой мы, русскіе, всѣ западные народы называемъ нѣмцами, т.-е. нѣмыми, неумѣющими говорить по нашему. Каждое изъ этихъ тюркскихъ племенъ носило особое названіе или по имени вождей, или по названію заселенной имъ мѣстности, или по какому-либо особому случаю. Къ числу племенъ, покоренныхъ Монголами, принадлежали и Булгары, народъ сильный, красивый и богатый. Болгарское государство, какъ уже извѣстно, состояло изъ смѣси племенъ тюркскихъ и славянскихъ, и царь ихъ титуловался владавцемъ Славянъ. Этотъ то образовавшійся изъ смѣси Славянъ (Болгаръ) и Тюрковъ народъ мы теперь называемъ Татарами, но самъ онъ и доселѣ порою величаетъ себя *булгарыкомъ*, булгарствомъ. И такъ, настоящее названіе ихъ должно быть Булгары, и въ нихъ, какъ и въ дунайскихъ ихъ соплеменникахъ, течетъ кровь славянская“.

Не отвергая справедливости такихъ доводовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что мы не занимаемся спеціальными этнографическими изслѣдованіями, а тѣмъ еще менѣе можемъ вдаваться въ полемику по вопросамъ такого свойства, мы удержимъ общепринятое историческое, хотя, быть можетъ, въ этнографическомъ смыслѣ и неправильное, названіе новыхъ пришельцевъ и будемъ называть ихъ издавна установившемся для нихъ названіемъ, т.-е. татарами и монголами. Въ лѣтописяхъ нашихъ, а именно въ Никоновской, названіе татаръ встрѣчается

въ первый разъ въ 1155 году, такъ какъ подъ этимъ годомъ говорится, что „татары воевали Рязань“, но это событіе, по другимъ лѣтописямъ, не находится въ связи съ тѣмъ событіемъ, которое принято называть нашествіемъ татаръ или монголовъ, и начало котораго относятъ обыкновенно къ 1224 году.

Праотцы татаръ, поработившихъ въ XIII вѣкѣ Россію, жили въ отдаленной древности въ Китайской Татаріи, находящейся на югъ отъ нынѣшней Иркутской губерніи. Около половины XII вѣка народъ этотъ усилился и началъ славиться въ Азіи своими побѣдами. Среди его явился тогда ханъ Темучинъ, начавшій называться Чингисъ-ханомъ, т.-е. „великимъ ханомъ“, которому вскорѣ покорились сосѣдніе народы. Идя далѣе на западъ, полчища Чингисъ-хана, какъ мы уже говорили, наткнулись на половцевъ и стали тѣснить ихъ. Тогда Мстиславъ, князь Галицкій, свѣдавъ о приближеніи къ предѣламъ Руси какихъ-то невѣдомыхъ еще враговъ, рѣшился съ нѣкоторыми русскими князьями пойти имъ на встрѣчу. Русскіе перешли Днѣпръ и встрѣтились съ татарами на рѣкѣ Калкѣ, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, и были разбиты ими. Оказалось, что вновь появившійся врагъ былъ и силенъ, и безпощаденъ; но на этотъ разъ Русь спаслась отъ дальнѣйшихъ бѣдствій, такъ какъ татары вдругъ обратились на востокъ и поспѣшили въ Великую Бухарію на соединеніе съ Чингисъ-ханомъ. Въ продолженіе шести лѣтъ послѣ этой встрѣчи русскихъ съ татарами не было ничего слышно о послѣднихъ. Чингисъ-ханъ между тѣмъ умеръ въ 1227 году, и преемникъ его Октай, давъ своему племяннику Батыю 300,000 воиновъ, приказалъ ему покорить сѣверные берега Каспійскаго моря, а затѣмъ и дальнѣйшія страны, лежащія на западъ.

Въ 1237 году было второе нашествіе монголовъ на Европу. На этотъ разъ татары появились на Волгѣ и овладѣли столицею болгаръ Булгаромъ или Великимъ Городомъ и оттуда, какъ мы уже сказали прежде, пробрались въ Рязанскую область. Они теперь овладѣли Рязанью и Владиміромъ и, жестоко опустошивъ всю страну, а также истребивъ множество жителей, раздѣлились: одни полчища пошли къ Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, а другіе направились къ Ростову и Ярославлю. На этихъ обоихъ путяхъ они уже нигдѣ не встрѣчали сопротивленія; все безусловно покорялось передъ ними. Когда же русскіе князья рѣшились дать имъ отпоръ, то были разбиты въ конецъ на берегахъ рѣки Сити.

Въ 1240 году Батый опустошилъ южную Россію и взялъ Кіевъ, а затѣмъ пошелъ далѣе на земли Галицкую и Володимірскую. Послѣ того Батый завоевалъ многія области польскія, Венгрію, Кроацію, Сербію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію и привелъ въ ужасъ всю Европу; но вдругъ, къ общему изумленію, татары попятились назадъ и двинулись опять къ берегамъ Волги.

Европа, однако, страшилась возвращенія этихъ грозныхъ азіатовъ, а папа Иннокентій IV, желая предотвратить ожидаемую бурю, попытался уладить дѣло съ монголами миролюбиво и отправилъ нѣсколько монаховъ къ хану со своими дружественными письмами. Въ числѣ этихъ пословъ былъ и извѣстный Плано Карпини, сообщившій любопытныя свѣдѣнія о татарахъ. Карпини черезъ Польшу прибылъ въ Кіевъ, а изъ Кіева папскіе послы проѣхали черезъ Половецкую землю, гдѣ текутъ: Днѣпръ, Донъ, Волга и Яикъ. Татары въ это время кочевали на берегахъ Волги. Самъ Батый жилъ на берегу этой рѣки, имѣлъ многочисленный и великолѣпный дворъ, 600,000 воиновъ, 160,000 татаръ, 450 иноплеменниковъ и другихъ подданныхъ. Карпини подробно разсказываетъ о своемъ представленіи Батыю и о врученіи ему писемъ Иннокентія IV. Батый принялъ ихъ ласково и отправилъ въ Орду къ великому хану Октаю, и они проѣзжали черезъ безлюдныя, печальныя степи, нынѣ киргизскія, гдѣ—какъ они разсказываютъ—умерли отъ жажды бояре князя Ярослава Всеволодовича, отправленные имъ къ Октаю, и послы видѣли ихъ кости, лежавшія въ пустынѣ.

Мы, разумѣется, не будемъ слѣдить за дальнѣйшей поѣздкой папскихъ пословъ, но сообщимъ только нѣсколько замѣчаній Карпини о татарахъ, которые имѣютъ для насъ особое

значеніе, не только какъ обитатели, но и какъ прежніе повелители Руси. Татары въ это время сосредоточились главнымъ образомъ около Байкальскаго озера въ многолюдномъ и шумномъ станѣ, который назывался Сыра-Орда, и готовились къ провозглашенію новаго хана Гаюка, на мѣсто умершаго Октая. Въ этой ордѣ находились тогда два сына грузинскаго царя, послы калифа Багдадскаго, послы сарацинскіе, всего до 4,000 разныхъ пословъ, а также и великій князь русскій Ярославъ Всеволодовичъ, которому татары оказывали болѣе почета, чѣмъ всѣмъ другимъ собравшимся въ ордѣ иноземцамъ. Въ числѣ жителей орды были и христіанскіе священники, отправлявшіе богослуженіе всенародно по греческому обряду. Карпини упоминаетъ, что однимъ изъ любимцевъ Гаюка былъ русскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, по имени Комъ, сдѣлавшій для хана тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. Гаюкъ намѣревался покорить Европу, хотя и отвѣчалъ благосклонно на письма папы. На обратномъ пути послы были опять у Батыя, который сказалъ имъ, что онъ не можетъ прибавить отъ себя ничего къ ханскому отвѣту, посланному папѣ.

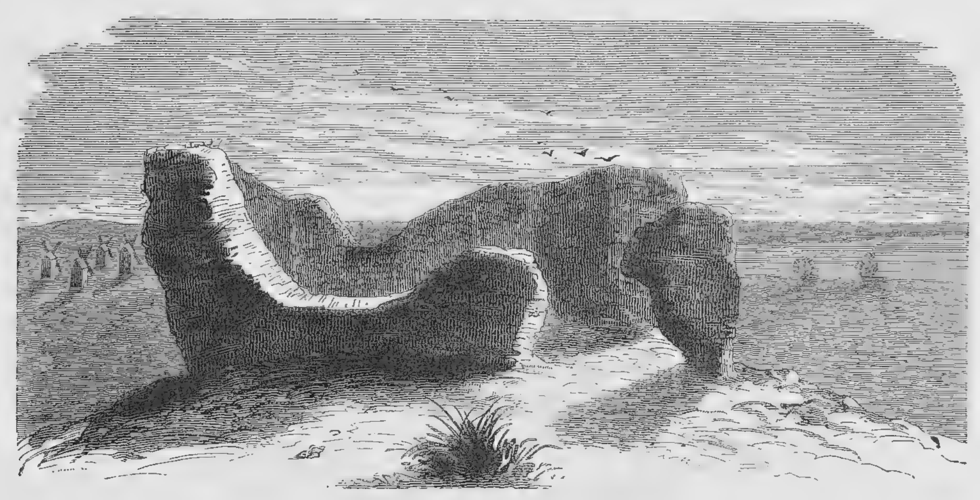
Собственно о татарахъ, какъ о народѣ, Карпини сообщаетъ слѣдующее:

Татары отличаются видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей. У нихъ выдавшіяся скулы и надутыя щеки, глаза едва примѣтны, ноги маленькія. Они, большею частью, не высоки ростомъ и сухощавы, лицомъ смуглы и рябы. Татары брѣютъ волосы за ушами и спереди на лбу, отпуская усы, бороду и длинную косу назади, выстригаютъ также гуменцо, на подобіе католическихъ священниковъ. Мужчины и женщины носятъ кафтаны, парчевые и шелковые, или шубы навыворотъ. Ткани они получаютъ изъ Персіи, а мѣха—изъ Россіи, Болгаріи, земли Мордовской и Башкиріи. Живутъ они въ шатрахъ, связанныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ войлокомъ; вверху дѣлается отверстіе, черезъ которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ. Въ этой ставкѣ у нихъ всегда пылаетъ огонь. Стада и табуны у нихъ безчисленны. Въ цѣлой Европѣ нѣтъ такого множества лошадей, верблюдовъ и овецъ, козъ и рогатаго скота, какъ въ этой ордѣ. Мясо и просяная каша составляютъ ихъ главную пищу. Ѣдятъ они вообще мало. Хлѣба они не знаютъ. Ѣдятъ все руками, которыя послѣ пищи обтираютъ о сапоги, или о траву; они не моютъ ни посуды, ни одежды; любятъ кумысъ и пьянство чрезвычайно, а медъ, пиво и вино получаютъ изъ другихъ земель. Мужчины не занимаются никакими работами, иногда только присматриваютъ за стадами, или заготовляютъ стрѣлы. Младенцы двухъ или трехъ лѣтъ садятся уже на лошадь. Женщины также ѣздятъ верхомъ и стрѣляютъ изъ луковъ не хуже мужчинъ, въ хозяйствѣ же чрезвычайно трудолюбивы: стряпаютъ, шьютъ сапоги и обувь; чинятъ телѣги, навьючиваютъ верблюдовъ. Вельможи и богатые люди имѣютъ до ста женъ; двоюродные совокупляются бракомъ, также и пасынокъ съ мачихою, невѣстка съ деверемъ. Женихи обыкновенно покупаютъ невѣсту у родителей за дорогую цѣну. Не только прелюбодѣяніе, но и простой блудъ наказывается смертью, равно какъ и воровство, столь необыкновенное у нихъ, что татары не употребляютъ замковъ. Они боятся и уважаютъ начальниковъ и даже въ самомъ пьяномъ видѣ не ссорятся, или, по крайней мѣрѣ, не дерутся между собою. Они скромны въ обращеніи съ женщинами и ненавидятъ срамословіе; терпѣливо переносятъ зной, морозъ и голодъ и съ пустымъ желудкомъ поютъ веселыя пѣсни. Рѣдко ведутъ тяжбы и любятъ помогать другъ другу, но за то презираютъ всѣхъ иноплеменныхъ, какъ мы видѣли это собственными глазами. Такъ, напримѣръ, русскій князь Ярославъ и сынъ царя грузинскаго, будучи въ ордѣ, не смѣли сѣсть выше своихъ приставовъ. Татаринъ не обманываетъ татарина, но обмануть иностранца считается похвальною хитростью.

Во время своего перваго нашествія на Русь татары были идолопоклонниками. Они вѣрили, однако, въ Бога, какъ въ Творца вселенной, награждающаго людей за добрыя дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ приносили жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ войлока, или изъ шелковой матеріи, и признавали ихъ покровителями скота. Они боготворили солнце, луну и огонь. При этомъ они отличались терпимостью къ иновѣрцамъ, но только принуждали тѣхъ христіанъ,

которые были въ ихъ ордѣ, исполнять религіозные языческіе обычаи татаръ. Вмѣсто законовъ, они руководствовались только преданіями, и у нихъ существовало множество предразсудковъ. У нихъ были жрецы-гадатели, которые, имѣя нѣкоторыя астрономическія свѣдѣнія, предсказывали народу солнечныя и лунныя затменія. Побѣжденные народы обязаны были давать татарамъ десятую часть изъ всего своего имѣнія, а также доставлять имъ рабовъ и войско. Татары въ подвластныхъ имъ земляхъ ставили своихъ правителей, называвшихся „баскаками".

Западная Европа боялась татаръ и хотѣла завязать съ ними дружескія отпошенія. Такъ, король французскій Людовикъ IX отправилъ къ нимъ своего посла Рубруквиса, который оставилъ „записки" о своемъ путешествіи, и въ этихъ запискахъ встрѣчается немало свѣдѣній о татарахъ, расположившихся въ то время въ предѣлахъ Россіи. Рубруквисъ ѣхалъ къ хану черезъ нынѣшнія—Область Войска Донского и губерніи: Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую, и въ этихъ мѣстностяхъ, по разсказу его, въ густыхъ лѣсахъ и бѣдныхъ, разсѣянныхъ среди лѣсныхъ чащъ хижинахъ жила покоренная татарами Мордва.



Развалины Селитряннаго Городка.

Такъ какъ время было лѣтнее, то Батый кочевалъ на среднемъ теченіи Волги, въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи, откуда въ августѣ мѣсяцѣ онъ онъ начиналъ спускаться на югъ, внизъ по этой рѣкѣ. Съ береговъ Волги Рубруквисъ поѣхалъ къ великому хану, жившему въ южной Сибири, но поѣздка его туда не составляетъ предмета нашего очерка.

Обратный путь его отъ Татаріи до береговъ Волги продолжался три мѣсяца, и на этой продолжительной дорогѣ онъ не встрѣтилъ ничего, кромѣ одной бѣдной деревни и нѣсколькихъ кладбищъ. Послѣ этого странствія, Рубруквисъ пріѣхалъ въ Сарай, новый городъ, построенный Батыемъ въ 60 верстахъ отъ Астрахани, на рѣкѣ Ахтубѣ. По разсказу Рубруквиса, недалеко оттуда находился другой древній городъ Сумеркентъ, въ которомъ обитали ясы и сарацыны. Рубруквисъ сообщаетъ, что городъ этотъ взяли татары послѣ восьмилѣтней осады. Въ нашихъ лѣтописяхъ значится, что когда Золотая Орда, собственно Сарай — былъ разрушенъ Иваномъ III, то цари ордынскіе начали жить въ „Асторохани". Въ такъ-называемой „Книгѣ Большого Чертежа" говорится: „а по рѣкѣ Ахтубѣ, въ 90 (старинныхъ) верстахъ отъ Царицына—Золотая Орда, мечети каменныя". Карамзинъ пишетъ, что въ его время тамъ были видны развалины двухъ великолѣпныхъ зданій, и что въ одномъ изъ нихъ нашлось нѣсколько гробовъ, обитыхъ серебромъ. Рвы, окружавшіе городъ, были выложены кирпичемъ. Стѣны состояли изъ большихъ, прекрасныхъ плитъ съ муравленными украшеніями. Были видны

также и слѣды построекъ въ готическомъ стилѣ. По мнѣнію знаменитаго путешественника Палласа, Сарай стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Селитрянный Городокъ.

Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1261 году, нашелъ въ Сараѣ Батыя и великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій. Батый умеръ въ этомъ городѣ, который арабскій историкъ Абульгази называетъ почему-то Кокордою. Въ Сараѣ Батый покровительствовалъ христіанамъ, и даже въ этой ханской столицѣ былъ поставленъ епископъ, съ наименованіемъ Сарскій. Въ 1342 году Сарай былъ опустошенъ ужасно язвою, извѣстною въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ „черной смерти".

Въ то время, когда, несмотря на прославленную у насъ Куликовскую битву, Восточная Русь оставалась еще подъ игомъ татарскимъ, отважная новгородская вольница тревожила своимъ оружіемъ ослабѣвшую орду. Новгородскіе ушкуйники, разъѣзжая по Волгѣ, не только грабили восточныхъ купцовъ, встрѣчавшихся имъ въ предѣлахъ ханскихъ владѣній, но, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ атамановъ Прокопія, спускались внизъ по Волгѣ, къ самому Сараю и грабили, доходя даже до Хазаторокопя или Астрахани. Это было, между прочимъ, и въ 1383 году. Потерпѣвъ тогда сильное пораженіе, новгородцы не рѣшались болѣе тревожить ханскую столицу.

Вскорѣ, однако, Сараю пришлось извѣдать страшное бѣдствіе—нашествіе полчищъ Тамерлана, который въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ явился въ Азіи вторымъ Чингисъханомъ. Отступивъ отъ предѣловъ Россіи по извѣстной причинѣ—объясненной, впрочемъ, въ нашихъ лѣтописяхъ церковнымъ чудомъ — Тамерланъ со своими Чагатайскими выходцами пошелъ на Донъ, разорилъ Азовъ и перешелъ къ подножію Кавказа; затѣмъ предпринялъ походъ противъ непокорной ему Астрахани и уничтожилъ этотъ городъ до основанія. Теперь чередъ стоялъ за Сараемъ, и, дѣйствительно, въ 1395 году Тамерланъ разрушилъ огнемъ эту столицу монгольскихъ хановъ.

Вскорѣ, однако, прежнее политическое значеніе Сарая возстановилось. По уходѣ Тамерлана, одинъ изъ потомковъ Батыя Тохтамышъ собралъ громадныя силы въ Золотой Ордѣ, признавшей его ханомъ. Вступивъ въ разоренный Сарай, онъ провозгласилъ себя единственнымъ наслѣдникомъ Батыя и отправилъ отъ себя въ такомъ смыслѣ извѣщеніе къ разнымъ государямъ. Но торжество его было непродолжительно. Темиръ внезапно напалъ на него и овладѣлъ Сараемъ.

Удачныя попытки разныхъ завоевателей изъ среды же татаръ до того уронили значеніе нѣкогда грознаго „Великаго Сарая", что на него стали уже нападать и вятчане, и ханскій стольный городъ не въ силахъ былъ защититься даже и отъ нихъ. Вятчане, въ 1472 году, провѣдавъ, что ханъ Ахматъ кочуетъ отъ своей столицы верстахъ въ пятидесяти, напали на Сарай врасплохъ, овладѣли этимъ городомъ, заграбили всѣ товары, захватили плѣнниковъ и съ значительною добычею ушли назадъ сквозь множество судовъ, пытавшихся преградить имъ дорогу. Далѣе, подъ годомъ 1482 встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ извѣстіе, что крымскій царевичъ Нордъулатъ и воевода московскій князь Ноздреватый, исполняя приказанія Ивана III, достигли орды и взяли „Юртъ Батыевъ". Едва-ли можно сомнѣваться, что подъ этимъ названіемъ подразумѣвалась какая-либо другая мѣстность, а не Сарай, основанный Батыемъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но когда въ іюлѣ 1554 года русское войско направлялось по Волгѣ для завоеванія Астрахани, то прежняя столица Батыя, въ которой нѣкогда унижались русскіе князья передъ татарскими ханами, и мимо которой теперь проходили русскія рати, лежала уже въ развалинахъ, и въ этихъ развалинахъ „гнѣздились змѣи и ехидны".

Разумѣется, что Сарай былъ важенъ въ политическомъ отношеніи не самъ по себѣ, какъ городъ, хотя и значительно обширный и населенный, но важенъ былъ, какъ представитель

той разсѣянной на огромномъ пространствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сплоченной вѣрою, единоплеменностью и языкомъ народной силы, которая носила общее названіе „орды". Орда имѣла въ старинномъ русскомъ языкѣ значеніе государства вообще, а во времена татарскаго ига—и значеніе верховной власти, которой подчинялись всѣ русскіе князья, и удѣльные, и великіе, и передъ которой долго раболѣпствовали государи московскіе.

Въ исторіи нашей упоминаются четыре орды: Большая или Золотая, Кипчакская, Синяя или Ногайская и Заяицкая.

Названіе „Золотая орда" встрѣчается въ первый разъ въ „Путешествіи" Плано Карпини. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что названіе „Золотой орды" находится только въ „Книгѣ Большого Чертежа", но въ лѣтописяхъ оно не встрѣчается. Мы уже говорили, что Карпини, какъ папскій посолъ, сперва провелъ нѣкоторое время въ шумномъ и многолюдномъ станѣ, который онъ называлъ „Сыра" орда. Изъ этого стана ханъ Гаюкъ перекочевалъ въ другое мѣсто и расположилъ свои улусы по берегу ручья, орошавшаго прекрасную долину, въ которой стоялъ великолѣпный шатеръ, называвшійся „Золотая орда". Столбы этого ханскаго шатра, съ пологами изъ богатой ткани, были окованы золотомъ. Въ немъ въ назначенный день собравшіеся вмѣстѣ и передъ тѣмъ долго молившіеся съ лицами, обращенными на югъ, татарскіе князья и вельможи возвели торжественно на золотой тронъ Гаюка. Послѣ этого они преклонили передъ нимъ колѣна и поднесли ему множество серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней, а также и всю казну умершаго его предшественника хана Октая, а Гаюкъ часть этого богатства роздалъ окружающимъ его лицамъ, въ знакъ ласки и щедрости. Между тѣмъ въ ордѣ готовили пиръ для князей, сановниковъ и народа; пили здѣсь до самой глубокой ночи и развозили на телѣгахъ мясо, вареное безъ соли. Торжество это происходило и въ Сараѣ, средоточіи Большой или Золотой орды. „Когда же,—говоритъ русская лѣтопись,—та Большая орда имъ (Иваномъ III) порушилась, то цари ординскіе почали жить въ Асторохани, а Большая орда опустѣла, а мѣсто ея области, близъ Асторохани, два днища (разстояніе на два дня ѣзды) по Волгѣ вверхъ именуется: „Сараи Большіе". Вслѣдствіе же прежняго пребыванія хановъ этой орды въ Сараѣ и самая орда называется иногда въ нашихъ лѣтописяхъ Сарайскою. Въ 1395 году Золотой ордѣ былъ нанесенъ жестокій ударъ новымъ восточнымъ завоевателемъ Тамерланомъ. Убѣжавшій отъ него изъ Большой орды прежній ханъ Тохтамышъ вступилъ въ переговоры съ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, уговаривая великаго князя помочь ему, Тохтамышу, овладѣть снова Золотою ордою, за что обѣщалъ отдать Литвѣ Москву; но Эдигей, одинъ изъ военачальниковъ Тамерлана, нанесъ Витовту жестокое пораженіе на берегахъ рѣки Ворсклы, и послѣ этого Золотая орда осталась подъ властью Тамерлана. Вскорѣ, однако, въ этой ордѣ начались междоусобія, вслѣдствіи которыхъ одинъ ханъ быстро смѣнялъ другого. Между тѣмъ въ Волжской Болгаріи одинъ изъ хановъ Золотой орды Махмедъ вынужденъ былъ покинуть ее и основалъ близъ береговъ Волги новую татарскую орду, которая обратилась впослѣдствіи въ царство Казанское, и сюда начали стремиться для поселенія татары изъ Золотой орды, Азова, Астрахани и Крыма. Между тѣмъ, въ Золотой ордѣ сталъ господствовать братъ Махмеда Кичимъ, но онъ былъ не въ силахъ прекратить тѣ волненія, которыя продолжали обуревать орду и вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблять ее все болѣе и болѣе. Несмотря на это, одинъ изъ властителей Золотой орды Ахматъ захотѣлъ напомнить Москвѣ о прежнемъ могуществѣ монголовъ и въ 1472 году предпринялъ походъ противъ Россіи, но, не дойдя до Москвы, вернулся съ береговъ О.и. Тѣмъ не менѣе, возвратясь въ орду, Махмедъ потребовалъ отъ великаго князя Ивана III обычной дани, но государь московскій отказался платить ее. Послѣ этого, въ 1480 году, самъ Ахматъ двинулся на Москву, и дошелъ уже до рѣки Угры, но оттуда поспѣшилъ возвратиться во-свояси.

Въ томъ же 1480 году ханъ Ахматъ былъ убитъ однимъ изъ татарскихъ князей Ивакомъ. Большая орда, однако, не рушилась окончательно, такъ какъ сыновья Ахмата провозгласили

себя его наслѣдниками. Послѣдній ударъ Золотой или Большой ордѣ, или, иначе, Сарайской, нанесли ея же соплеменники крымскіе татары. Весною 1502 года крымскій ханъ Менгли-Гирей, союзникъ Ивана III, внезапно напалъ на эту орду, разбилъ, истребилъ и взялъ въ плѣнъ ея остатки, скитавшіеся съ послѣднимъ Сарайскимъ ханомъ Шигъ-Ахметомъ около Волги, а самого хана загналъ въ Ногайскія степи. Объ этой рѣшительной побѣдѣ надъ послѣднимъ преемникомъ Батыя Менгли-Гирей извѣстилъ своего союзника. Смыслъ этого извѣщенія былъ такой: „Большая орда болѣе не существуетъ. Улусы злодѣя нашего въ моей рукѣ, а ты, любезный братъ, слыша столь добрыя вѣсти, ликуй и радуйся!"

Что касается Кипчакской орды, то такое названіе носила орда, кочевавшая на обширномъ пространствѣ лѣваго берега Волги и носившая также названіе Волжской. Уже въ половинѣ XIII вѣка тамъ начались сильныя смятенія. Ногай, одинъ изъ главныхъ военачальниковъ татарскихъ, не захотѣлъ повиноваться кипчакскому хану. Онъ объявилъ себя независимымъ владѣльцемъ и основалъ отдѣльную самостоятельную орду, получившую, вѣроятно, свое названіе „Ногайской" отъ его имени. Она называлась также и Синей ордой. Между тѣмъ волненія въ Кипчакской ордѣ усиливались, и одинъ изъ тамошнихъ военачальниковъ Хидырь, кочевавшій за рѣкою Ураломъ, пришелъ на берега Волги и объявилъ себя великимъ ханомъ. Вскорѣ, однако, онъ былъ убитъ сыномъ своимъ Темиркожею, котораго въ свою очередь убилъ Мамай, столь извѣстный своимъ нашествіемъ на Россію и соединившій въ одну двѣ орды: Золотую или Сарайскую и Кипчакскую или Волжскую. Затѣмъ обѣ эти орды подпали подъ власть новаго завоевателя Тамерлана. Послѣ его смерти, одинъ ханъ насильственно смѣщалъ другого. Междоусобія въ ордѣ усиливались, и сама она слабѣла и распадалась. Въ это время великій князь литовскій Витовтъ до того поднялъ свое значеніе во мнѣніи татаръ, что могъ своею властью назначить ханомъ Кипчакской орды одного изъ монгольскихъ мурзъ Бетсабулу и въ Вильнѣ торжественно возложилъ на него знаки ханскаго достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую багрянымъ сукномъ. Но попытка Витовта была неудачна, такъ какъ въ Кипчакѣ назначенному въ Вильнѣ хану отрубилъ голову его противникъ, признанный ханомъ въ самой ордѣ. Послѣ того властителемъ Кипчакской орды явился Эдигей, уступившій, однако, ее добровольно сыновьямъ прежняго хана Тохтамыша. Впослѣдствіи орда Кипчакская до того ослабѣла, что уже и самое ея названіе исчезло въ нашихъ историческихъ сказаніяхъ.

О Заяицкой, хотя, какъ надобно полагать, чрезвычайно обширной и многолюдной, ордѣ приходится сказать очень немного. Въ нашихъ лѣтописяхъ она считается родиною Тамерлана, происходившаго отъ „Заяицкихъ татаръ, отъ Самарханьскія страны, отъ Синія орды, иже бѣ за Желѣзныя Враты".

Несомнѣнно, что главнымъ внѣшнимъ проявленіемъ господства монголовъ надъ Русью было утвержденіе татарскими ханами великихъ князей всей Руси. При такомъ порядкѣ на Руси уничтожилась главная основа тогдашняго государственнаго быта — родовое старѣйшинство. Хотя еще и до монгольскаго порабощенія оно уже было сильно поколеблено княжескими междоусобицами, но все-таки оно существовало, какъ понятіе о коренномъ правѣ Рюриковичей. Оно казалось тѣмъ еще важнѣе, что и сами ханы не лишали потомковъ Рюрика верховной власти надъ Русскою землею и не ставили въ ней князьями инородцевъ, да и незачѣмъ было, такъ какъ сами Рюриковичи были не только ихъ покорными слугами, но и пресмыкавшимися передъ ними угодниками. Въ поставленіи и утвержденіи князей выражалось всего нагляднѣе верховное право хановъ надъ русскими государями, которые сдѣлались не только ихъ данниками, но и ихъ рабами, такъ какъ отъ ханскаго произвола зависѣли не только ихъ первенствующее положеніе въ русской землѣ и обширность ихъ владѣній, но и все ихъ достояніе, ихъ честь, и свобода, и жизнь. Въ политическомъ отношеніи это было чрезвычайно бѣдственно для тогдашней Россіи. Если Рюриковичи и прежде враждовали между собою и, при взаимныхъ своихъ распряхъ, обращались, для противодѣйствія своимъ врагамъ-

родичамъ, и къ варягамъ, и къ Польшѣ, и къ Венгріи, а потомъ преимущественно къ половцамъ, то они при этомъ допускали то временное вмѣшательство, вслѣдствіи котораго не установлялось постояннаго права. Вмѣшательство въ княжескія распри со стороны татаръ получило совершенно иное значеніе. Они являлись уже не союзниками того или другого князя, но полновластными судьями, неограниченными властителями всѣхъ князей. Теперь князья вели между собою борьбу и за старѣйшинство, и за удѣлы уже не однимъ только оружіемъ, какъ это было въ старыя времена, но вели ее въ ордѣ тайными происками, наговорами, клеветою, лживыми обвиненіями, подкупомъ и самоуниженіемъ. Князья, какъ удѣльные, такъ и великіе, ѣздили въ орду не только для того, чтобы изъявить свою покорность передъ „царемъ", но нерѣдко и для пагубы своихъ соперниковъ-родичей. Угождая ханамъ, они часто вооружались одни противъ другихъ собратій, преступавшихъ волю царскую и ханскую. Они добровольно передавали свои взаимные раздоры на судъ „царя", на его волю и льстиво заявляли, что ордынскіе владыки были представителями правды и милости. Ударяя имъ челомъ, они представляли имъ дары, собранные при угнетеніи народа, и надѣялись такимъ низкимъ путемъ достигнуть своихъ корыстныхъ или властолюбивыхъ цѣлей. Если всѣ вообще русскіе князья безусловною покорностью, позорною лестью и пресмыкательствомъ передъ ханами, ихъ женами и, наконецъ, царедворцами старались одинъ передъ другимъ получить то, чего они желали, то такою позорною политикою всего болѣе опорочили себя великіе князья московскіе, и, благодаря такой политикѣ, они были въ особенности покровительствуемы ордою, какъ самые вѣрные и надежные ея слуги.

Не трудно понять, что если къ тогдашней жестокости и тогдашней грубости нравовъ присоединилась еще особая нравственная порча: искательство, коварство, приниженность и трусость, и при томъ въ средѣ представителей высшей власти, то нравственное растлѣніе должно было достигнуть на Руси самыхъ крайнихъ предѣловъ, что и сталось на самомъ дѣлѣ. Властители, терпя сами униженіе и позоръ, какъ бы хотѣли возмѣстить это приниженіемъ и опозориваніемъ тѣхъ, кого они въ свою очередь могли давить и порабощать. Такъ какъ примѣры этому подавались свыше, то такой способъ управы шелъ все далѣе и далѣе, переходя отъ высшихъ къ низшимъ. Опозориваніе разными способами другихъ для возвышенія своей собственной личности сдѣлалось отличительною чертою нашего не только общественнаго, но даже и государственнаго быта. Въ этомъ-то преимущественно и выразилась вкоренившаяся у насъ, хотя и видоизмѣнившаяся „татарщина".

На народѣ послѣдствія такого приниженія отозвались весьма чувствительно и весьма прискорбно. Простые люди, видя, какъ не только преимущіе или—какъ тогда выражались—нарочитые люди, но и ихъ властители утрачиваютъ свое человѣческое достоинство, не могли, конечно, развиваться въ иномъ, лучшемъ направленіи, и прежняя податливость русскихъ обратилась, во время господства монголовъ, въ безмолвное повиновеніе и раболѣпство передъ сильнымъ. Сами князья заставляли народъ повиноваться ордынцамъ, и прославляемый въ нашихъ сказаніяхъ великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій жестоко казнилъ своихъ подданныхъ за ихъ сопротивленіе распоряженіямъ монголовъ. Это было въ ту пору, когда ханскіе чиновники явились въ Новгородъ, чтобы переписать поголовно тамошнихъ жителей и обложить ихъ извѣстною данью. Отъ дани этой было избавлено одно только духовенство, которое вообще пользовалось со стороны татаръ, отличавшихся чрезвычайною вѣротерпимостью, большимъ почетомъ. Ханы давали его представителямъ разныя, весьма важныя, льготы, такъ что даже впослѣдствіи наше православное духовенство—когда государи московскіе стали было посягать на ихъ права и достояніе — подкрѣпляло свои льготы ханскими граматами или ярлыками.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что татары господствовали надъ Русью только издали. Они не селились на коренныхъ русскихъ областяхъ, не держали тамъ ни своихъ войскъ, ни та-

кихъ постоянныхъ правителей, которые вмѣшивались бы во внутреннія дѣла русскихъ. Они требовали только дани и приниженія, и требованіе этого послѣдняго—какъ мы уже сказали—имѣло самое губительное вліяніе на весь складъ народно-нравственной нашей жизни, такъ какъ главнымъ образомъ подъ его воздѣйствіемъ должны были развиваться тѣ пороки, которые извращаютъ понятія человѣка о себѣ самомъ.

При замѣчательной вѣротерпимости монголовъ и при ихъ рѣдкомъ непосредственномъ соприкосновеніи съ русскимъ народомъ, они сами по себѣ не измѣняли ни нашей вѣры, ни нашихъ законовъ и обычаевъ, ни нашего языка, такъ что въ этомъ отношеніи ихъ иго, тяготѣвшее надъ Русью, прошло безслѣдно. Если бы сами коренные представители власти Руси не подражали монголамъ въ томъ, что касалось внутренней управы въ землѣ Русской, то Русь въ этомъ отношеніи сохранила бы много стародавняго; но самимъ великимъ князьямъ, въ особенности московскимъ, хотѣлось быть у себя „дома" татарскими ханами и обратить свои владѣнія въ трепетавшую передъ ними орду, гдѣ они могли бы властвовать безпрекословно страхомъ и грозою, и первенствующею представительницею такой подражательной политики была Москва.

Е. П. Карновичъ.

ОЧЕРКЪ XIV.

АРАЛО-КАСПІЙСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ.

Физическій характеръ песчаной солонцеватой степи.—Ея пески (Нарынъ-пески), солонцы, степи, холмы (Богдо, Чапчаги, Биечско). — Рѣки кромѣ Волги, Уралъ, Эмба, Кума, Узени.

Степь, ты степь широкая,
И широкая ты и привольная;
Далеко по степи глаза мои видятъ,
Высоко надъ степью летаютъ птицы,
Привольно по степи кочуютъ киргизы.

(киргизская пѣсня).

ПРИ первомъ взглядѣ на карту Россіи, на юго-востокѣ, бросаются въ глаза два большихъ скопленія водъ — Каспійское и Аральское озера; оба они, со всѣхъ сторонъ, принимаютъ весьма большіе притоки и представляютъ собой большое вдавленіе или углубленіе почвы, наиболѣе углубленныя мѣста которой они и занимаютъ. Эти моря представляютъ собой общую связь съ Средиземнымъ, Чернымъ и Азовскимъ, и представляютъ собой ихъ восточное продолженіе. Дѣйствительно, всѣ физико-географическія условія, представляемыя Каспійскою и Аральскою низменностью, заставляютъ приходить къ тому убѣжденію, что сравнительно въ недавнее время, съ геологической точки зрѣнія, она составляла дно обширнаго, внутренняго моря съ солоноватой водой, соединявшагося съ Азовскимъ и Чернымъ морями. Затѣмъ произошло осушеніе этой низменности какъ предполагаютъ, вслѣдствіе общаго колебанія дна, а, быть можетъ, и какихъ нибудь другихъ причинъ, остались залитыми водой только самыя глубокія ея части, именно Каспійское и Аральское море.

Общая связь всѣхъ внутреннихъ морей обнаруживается еще болѣе при разсмотрѣніи пространствъ земли, отдѣляющихъ съ одной стороны Каспійское море отъ Азовскаго и Чернаго, съ другой стороны отъ Аральскаго. Тріангуляція и нивеллировка Кавказа, Урала и Туркменскихъ степей, произведенныя весьма точно, установили тотъ фактъ, что между Каспійскимъ и Азовскимъ моремъ находится лишь только одна возвышенность, превышающая 45 англ. футовъ надъ первымъ моремъ; а между Каспійскимъ и Аральскимъ высоты не достигаютъ даже этой величины надъ послѣднимъ моремъ. Тогда какъ между этими бассейнами съ одной стороны и другими менѣе близкими морями, какъ, напримѣръ, Персидскимъ заливомъ на югѣ, европейскими

внутренними морями, лежащими на сѣверо-востокѣ Европы и Ледовитымъ океаномъ возвышенія состоятъ отъ 600 до 1,000 футъ и гораздо болѣе.

Къ юго-западу, югу, юго-востоку и востоку Арало-Каспійская низменность обхватывается цѣпями горъ Кавказа, армянскими, персидскими плоскими возвышенностями, туркестанскими и китайско-татарскими, съ весьма значительными на нихъ хребтами горъ; къ сѣверо-востоку и сѣверу отъ нея проходятъ киргизская плоская возвышенность (около 600 футовъ высоты надъ уровнемъ моря) и южные отроги Уральскихъ горъ; къ сѣверо-западу находится центральная Валдайская плоская возвышенность, высота которой надъ уровнемъ океана простирается до 1,100 футовъ.

Такимъ образомъ, разъ мы нашли общую связь между бассейнами Черно-Средиземномъ и Арало-Каспійскомъ, то отдѣленіе послѣдняго отъ первыхъ могло произойти не иначе, какъ вслѣдствіе постепеннаго и значительнаго поднятія части материка. Къ этой мысли давно уже пришли, вслѣдствіе того обстоятельства, что уровень Каспійскаго моря гораздо ниже Чернаго, а слѣдовательно, и уровня океана, что Арало-Каспійская низменность носитъ слѣды морскихъ отложеній, такъ-называемой Каспійской формаціи, и что въ настоящее время сухіе берега, далеко отстоящіе отъ Каспійскаго или Аральскаго морей, носятъ на себѣ слѣды стараго морского дна и, наконецъ, что Каспійское море находится въ постоянномъ пониженіи.

Почва этого осушившагося бассейна состоитъ изъ осадочной породы, извѣстной подъ именемъ Арало-Каспійскаго или степного известняка, простирается на западъ до Азовскаго моря и рѣки Калміуса, протягивается по всему лѣвому берегу Волги до Самарской луки, на сѣверѣ ограничивается древними образованіями Общаго Сырта, на востокѣ она простирается по киргизскимъ, а также туркменскимъ степямъ.

Осушеніе такого громаднаго древняго средиземнаго бассейна было результатомъ, по крайней мѣрѣ, двухъ поднятій. Въ первый періодъ существованія этого моря образовался арало-каспійскій или степной известнякъ, во второй же періодъ существованія моря образовались осадки, составляющіе почву астраханскихъ степей. Эти осадки составляютъ собственно Каспійскую формацію и образовались сравнительно весьма недавно. Въ Каспійской формаціи встрѣчается большинство раковинъ и теперь обитающихъ въ Каспійскомъ морѣ. Пониженіе уровня Каспійскаго моря находится въ тѣсной связи съ геологическимъ образованіемъ всего его водоема и окружающихъ его степей. Море расположено въ обширной степной котловинѣ; значительная часть этого пространства, ближайшая къ Каспійскому морю, весьма отлого возвышается отъ него во всѣ стороны, такъ что линія одинакого уровня съ океаномъ огибаетъ Каспійское море съ сѣверо-запада и съ сѣвера и востока на довольно далекое отъ него разстояніе; въ прикумскихъ степяхъ (на сѣверо-западномъ берегу) эта линія отстоитъ верстъ на 70 отъ границъ моря, по Волгѣ верстъ 150 отъ моря. Что же касается восточнаго берега, степь, лежащая ниже уровня океана, занимаетъ обширное пространство по направленію къ востоку и ограничивается только плоской возвышенностью Усть-Урта, которая, по всей вѣроятности, составляла большой островъ, въ то время когда вся Арало-Каспійская низменность была покрыта водой. На западныхъ и южныхъ берегахъ эта низменная полоса гораздо уже, нежели съ другихъ сторонъ и окаймляетъ она море только лишь мѣстами.

Разница уровней морей Каспійскаго и Чернаго опредѣлена въ 85,6; такимъ образомъ, Каспійское море значительно ниже океана, и его бассейнъ въ своемъ настоящемъ положеніи, противъ своего прежняго уровня, содержитъ въ себѣ воды вдвое менѣе, противъ прежнихъ своихъ границъ. Дѣйствительно, въ странахъ, охватываемыхъ Каспійскимъ бассейномъ, видны еще слѣды недавняго наводненія морской водой. Раковины, тысячи соленыхъ озеръ, почвы, пропитанныя солью съ растущими на ней спеціально солончаковыми растеніями, глина въ этой соленой почвѣ, составляющая весьма характерный признакъ морскихъ отложеній, представляетъ весьма существенную составную часть, необозримыя песчаныя пространства съ

образованными на нихъ дюнами въ сотняхъ мѣстъ, однообразное строеніе безконечныхъ равнинъ, стѣнообразно окружающія или внутри ихъ находящіяся плоскія возвышенности и безчисленное множество другихъ болѣе или менѣе значительныхъ признаковъ указываютъ на обширныя границы стараго, бывшаго прежде, моря. Прежнее море захватывало всю Туркменскую степь до сѣверныхъ границъ горъ Хоросана и Туркмечапа, до горъ Тьянъ-Шаня, захватывало степи узбековъ и киргизовъ далеко на востокъ и на сѣверо-западъ отъ Аральскаго моря южные склоны Аральскихъ странъ и юго-восточныя области Европейской Россіи. Затѣмъ, наконецъ, широкой границей Донского водораздѣла отдѣляется отъ бассейновъ Азовскаго и Чернаго морей. Въ настоящее время выступаетъ на сцену слѣдующій вопросъ: наступала ли быстрая потеря воды этими значительными водохранилищами или она произошла отъ медленно дѣйствующихъ, еще и теперь продолжающихся причинъ. При этомъ вопросѣ, какъ и при всѣхъ проблематическихъ задачахъ, предположенія ученыхъ очень расходятся и несмотря на всѣ мѣстныя изслѣдованія, произведенныя многочисленными экспедиціями и большимъ числомъ ученыхъ путешественникомъ и естествоиспытателей, до сихъ поръ не пришли ни къ какому положительному результату по самымъ существеннымъ вопросамъ.

Первый естествоиспытатель, посѣтившій съ научной цѣлью Арало-Каспійскую низменность, былъ докторъ Даніель Мессершмидтъ, изъ Данцига. Онъ былъ посланъ Петромъ Великимъ для медицинскихъ, естественныхъ, историческихъ и „этнографическихъ" изслѣдованій. Результаты его работъ извѣстны лишь по отрывочнымъ даннымъ, упоминаемымъ впослѣдствіи другими путешественниками по этой области, такъ какъ результаты поѣздки Мессершмидта не были опубликованы. Черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ него (онъ былъ только въ сѣверной окраинѣ Арало-Каспійской низменности), въ 1734 году, былъ посланъ академикъ Гмелинъ, который посѣтилъ также лишь сѣверную окраину Арало-Каспійской страны и имѣлъ небольшую возможность изучить эту страну. Объ этой странѣ, ея растеніяхъ, животныхъ, ихъ распредѣленіи, объ этнографіи и орографіи мѣстности мы узнаемъ впервые изъ прекраснаго сочиненія Рычкова „Топографія Оренбургскаго края". Во время Екатерины II-ой, было снаряжено много экспедицій, въ которыхъ принимали участіе извѣстные европейскіе ученые; одинъ изъ членовъ экспедиціи, Палласъ, далъ наиболѣе вѣрные взгляды объ этой мѣстности и первый высказалъ весьма смѣлое предположеніе объ общемъ соединеніи Аральскаго и Каспійскаго морей съ Азовскимъ, Чернымъ и Средиземнымъ и о томъ, что теперешняя суша вокругъ озеръ или морей представляла въ былое время дно моря.

Ровныя глинистыя площади, ровныя насколько хватаетъ зрѣнія, голыя, почти безъ растительности, такъ какъ рѣдко растущія, чахлыя, какъ будто заморенныя растенія степи не затѣняютъ почвы; глина, въ изобиліи насыщенная солью, которая, вывѣтриваясь, покрываетъ словно инеемъ ея поверхность. Обширныя глиняныя площади смѣняются не менѣе обширными площадями песчаныхъ бархановъ съ такой же страшной растительностью. Обиліе соли чувствуется не только въ почвѣ, но и въ водѣ страны. Большая часть озеръ и даже нѣкоторыя рѣки имѣютъ воду или соленую, или горько-соленую. Самый видъ озеръ и рѣкъ весьма оригиналенъ. Еще большее своеобразіе представляется въ растительномъ и животномъ мірѣ. Обиліе солей въ почвѣ, присутствіе двухстворчатыхъ раковинъ, видовъ, живущихъ и теперь еще въ Каспійскомъ морѣ, привело члена экспедиціи, Палласа, къ убѣжденію, что Арало-Каспійская низменность была—въ сравнительно неотдаленную эпоху—дномъ моря, остатки котораго теперь представляетъ Каспій. Когда была погружена Арало-Каспійская низменность подъ уровень моря? Какія причины вызвали это погруженіе, и вслѣдствіе чего она снова опустилась? Какъ глубоко погрузились различные пункты подъ уровень морскихъ водъ и границы этого древняго моря, какъ сложились современныя системы текучихъ водъ, откуда взялись существующіе типы животныхъ и растеній? Наиболѣе интереснымъ вопросомъ по отношенію къ Арало-Каспійской низменности является вопросъ о поворотѣ теченія р. Аму-Дарьи вмѣсто

Каспійскаго моря въ Аральское. Экспедиціей Палласа закончились наиболѣе важныя изслѣдованія этой мѣстности. Въ XIX столѣтіи этотъ край посѣтили болѣе шестидесяти ученыхъ, въ томъ числѣ Гумбольдтъ, который подтверждалъ и развилъ мысль Палласа о томъ, что теперешнія низменныя страны, окружающія Каспійское море, въ прежнее время составляли дно обширнаго моря. Гумбольдтъ указываетъ на существованіе слѣдовъ пролива, соединявшаго это море съ Ледовитымъ океаномъ, между Ураломъ и Алтаемъ. Гумбольдтъ разбираетъ историческія данныя о бывшемъ морѣ, о рѣкахъ, впадающихъ въ Аральское море, Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ, о древнемъ руслѣ и теченіи послѣдней, т.-е. трактуетъ о вопросахъ, до настоящаго времени съ точностью не рѣшенныхъ наукой. Послѣ путешествія Гумбольдта наиболѣе важна для изслѣдованія края во всѣхъ отношеніяхъ была экспедиція, подъ начальствомъ академика Бэра, которая работала въ этихъ мѣстахъ съ 1853 — 1856 годъ. Бэръ въ своихъ „Caspiesche Studien", къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ не появившихся въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ, разработалъ также цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся физической географіи и исторіи Каспійскаго моря и окрестныхъ странъ. Вслѣдъ за Бэромъ гидрографическая экспедиція, подъ начальствомъ Ивашинцева, была снаряжена въ Каспійское море, и остается только пожалѣть, что эти гидрографическія работы не предшествовали экспедиціи Бэра, такъ какъ несомнѣнно, что многіе вопросы, оставленные Бэромъ открытыми, были бы ими положительно разрѣшены. Эта экспедиція была сначала въ 1874 году, и такимъ образомъ Каспійское море въ гидрографическомъ отношеніи представляетъ одно изъ озеръ и морей Россіи наиболѣе изслѣдованное. Въ геологическомъ отношеніи Арало Каспійская низменность мало изслѣдована; такъ-называемая Каспійская формація почти не изслѣдована; вообще спеціальныхъ геологовъ не было въ этой странѣ, а различныя геологическія указанія встрѣчаются разбросанными въ различныхъ очеркахъ о путешествіи, такъ что собственно геологическія изслѣдованія, вполнѣ точныя, были произведены здѣсь Барботомъ-де-Марни во время Кумо-Манычской экспедиціи. Причина этого отсутствія геологическихъ изслѣдованій, говоритъ Барботъ де-Марни, понятна: „Однообразныя на поверхностный взглядъ глины, пропитанныя солями, песчаные барханы, лишенные всякихъ органическихъ остатковъ, сравнительная рѣдкость естественныхъ обнаженій, позволяющихъ изучить напластованіе слоевъ, даже мѣстами несложность глинъ, и при этихъ условіяхъ страшное подавляющее однообразіе наносовъ, при огромномъ, горизонтальномъ распространеніи, наконецъ отсутствіе цѣнныхъ минеральныхъ продуктовъ—все это не могло привлекать вниманіе геологовъ.

Каспійское море и Аральское примыкаютъ къ мѣстностямъ, давшимъ начало исторической жизни человѣка, — говоритъ Гриммъ въ своемъ отчетѣ о путешествіи по Каспійскому морю. Оно давно извѣстно цивилизованному міру по преданіямъ древнихъ народовъ. Оно связано съ миѳическими сказаніями объ аргонавтахъ, о Колхидѣ; оно находится, повидимому, въ связи съ библейскимъ преданіемъ о всемірномъ потопѣ, бывшемъ мѣстнымъ явленіемъ. Но къ миѳологическимъ разсказамъ присоединяются и до-сихъ-поръ сохранившіяся легенды народовъ о посѣщеніи Каспійскаго моря великимъ историческимъ дѣятелемъ Александромъ и его учителемъ Аристотелемъ. Александру приписываютъ сооруженіе Дербента, а Аристотелю—Баку. Вообще эти моря были мало извѣстны географамъ Греціи и Рима. А между тѣмъ страны, прилегавшія къ Каспійскому и Аральскому морямъ, и между ними имѣли свою историческую жизнь, свою высокую культуру. Географическія и этнографическія условія давно уже составляли предметъ изслѣдованій и уже составилась цѣлая обширная литература по этому поводу. Едва-ли найдется другая такая мѣстность, которая возбудила-бы столько интереса, какъ изслѣдованіе прежняго теченія Аму-Дарьи, Окса у римлянъ и грековъ, Джина у восточныхъ народовъ и Узбоя у нашихъ географовъ. Едва-ли найдется на всемъ земномъ шарѣ другой рѣчной бассейнъ, который былъ-бы предметомъ столькихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ такимъ большимъ числомъ ученыхъ, представителей разнообразныхъ отраслей знанія: геллениcты и оріенталисты,

историки и географы, геологи и этнографы, всѣ пробовали свои силы по разрѣшенію вопроса о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи. На разрѣшеніе этого вопроса были затрачены громадные запасы силъ и труда; собраны и сопоставлены преданія всевозможныхъ народовъ: грековъ, римлянъ, народовъ Востока, китайцевъ; перерыты всѣ путевые отчеты путешественниковъ, посѣщавшихъ этотъ край съ цѣлью найти какія-нибудь извѣстія о прежнемъ теченіи Окса. Но между тѣмъ эти изслѣдованія до сихъ поръ еще не привели ни къ чему положительному. Но если на разработку этого вопроса было потрачено такъ много времени и силъ, то, конечно, онъ долженъ былъ представлять высокій и многосторонній интересъ. Эти изслѣдователи затрагивали дѣйствительно рядъ самыхъ разнообразныхъ и любопытныхъ вопросовъ; археологическихъ, историческихъ, географическихъ, торговыхъ и политическихъ. Здѣсь, въ бассейнѣ Аму-Дарьи, находится рубежъ распространенія трехъ разныхъ племенъ: иранскаго, турханскаго и монгольскаго. Здѣсь исходная точка великаго переселенія народовъ, отсюда вышли тѣ дикія, грубыя племена номадовъ, которыя ниспровегли на время весь политическій строй Европы; здѣсь находится область, гдѣ нѣкогда существовала культура, и теперь приводящая насъ въ изумленіе. Сюда же направлялись походы міровыхъ завоевателей; здѣсь долженъ былъ закончить Киръ, царь Персидскій, свое побѣдоносное шествіе, такъ какъ на берегу Сыръ-Дарьи произошла та кровопролитная борьба, въ которой Массагеты, предводительствуемые Тамарою, разбили войско Кира, а его самого лишили жизни. Впослѣдствіи эти Массагеты, населявшіе Сыръ-и Аму-Дарью, даже во времена Александра Великаго занимали такое высокое положеніе, что и онъ не рѣшался продолжать похода въ Индію, прежде чѣмъ не обезпечить себѣ тылъ. Съ этою цѣлью Александръ, въ своемъ походѣ черезъ Хоросанъ, внезапно повертываетъ къ сѣверу, дѣлаетъ походъ противъ Массагетовъ и основываетъ здѣсь восемь новыхъ колоній. Сюда направлялъ также свое побѣдоносное оружіе Надиръ-Шахъ, чтобы присоединить къ своему титулу—побѣдителя Индіи—другой, не менѣе сильный—властителя Ховарезма. Въ этомъ краѣ процвѣтало мирное развитіе. Здѣсь впервые распространилась кроткая религія Зороастра, здѣсь лежала Гирканія, нѣкогда цвѣтущая колонія Персіи, простиравшаяся по юго-восточному берегу Каспійскаго моря отъ Атрека и Георгеня до устья Теджена и Аму-Дарьи, славившаяся своей торговлей и богатствомъ и высокой культурой, о которой свидѣтельствуютъ донынѣ сохранившіяся развалины. Вдоль Окса долгое время направлялась торговля изъ внутренней Азіи къ Каспійскому морю, и даже долгое время послѣ открытія морского пути въ Индію Европа черезъ этотъ путь снабжалась индійскими товарами. Въ физико-географическомъ отношеніи, этотъ край представляетъ громадный интересъ. По своему положенію въ за-тропической полосѣ дождей, которая опоясываетъ весь древній материкъ узкимъ поясомъ степей, растянувшимся съ запада на востокъ, съ постепеннымъ уклоненіемъ къ сѣверу—эта страна представляетъ намъ арену борьбы, между все убивающей пустыней и все оживляющимъ моремъ; песчаные степи постепенно захватываютъ все большее пространство, чему значительно способствуетъ сухость воздуха, обусловленная географическимъ положеніемъ мѣстности и преобладающими вѣтрами. Часто большія рѣки безслѣдно исчезаютъ, затѣмъ появляются новыя, чтобы исчезнуть въ свою очередь...

Эта борьба между пустыней и моремъ особенно интересна въ отношеніи будущности страны, такъ какъ измѣненіе физико-географическихъ условій можетъ имѣть весьма важное вліяніе и въ политическомъ отношеніи. Для Россіи весьма существеннымъ является вопросъ о проведеніи вновь Аму-Дарьи по старому руслу въ Каспійское море, такъ какъ, съ возобновленіемъ этого теченія, безплодная пустыня въ 400 верстъ, которая раздѣляетъ теперь Хиву, замѣнится орошаемыми, удобно проходимыми мѣстностями, создастся удобный путь, существовавшій уже нѣкогда, путь, которымъ уже пользовались тысячи лѣтъ назадъ, прекратившійся вслѣдствіе упадка культуры въ странѣ и одичанія ея обитателей. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ г. Сѣверцовымъ, высказавшимъ, что возвращенія Аму-Дарьи по старому руслу и ея впаденіе вновь въ Каспій-

ское море важно главнымъ образомъ въ отношеніи орошенія, а не путей сообщенія. Именно этотъ путь важенъ какъ пути сообщенія, а не только какъ оросительные каналы. Этимъ вопросомъ главнымъ образомъ были заняты всѣ члены Аму-Дарьинской экспедиціи. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе политическихъ соображеній экспедиція не могла быть на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, гдѣ именно совершалось измѣненіе теченія этой рѣки и гдѣ слѣдовало имѣть разрѣшеніе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ. До этой экспедиціи, въ 1873 году разница въ уровняхъ морей была почти неизвѣстна, такъ какъ ее опредѣляли по отрывочнымъ, случайнымъ наблюденіямъ и предполагали, что Аральское море лежитъ выше Каспія на 117 футовъ, какъ это и означено на картѣ Средней Азіи, изданной Военно-Топографическимъ бюро. Такая незначительная разница вносила сомнѣніе, какимъ образомъ могла Аму-Дарья течь въ Каспійское море при столь незначительномъ паденіи въ 117 футовъ для рѣкъ въ 700 верстъ длиной, а такую длину представляетъ Узбой—сухое русло Аму-Дарьи—между Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Нивелировка Красноводскаго отряда на нижней трети Узбоя, между Красноводскомъ и колодцами Игды, показала уже, что сухое русло имѣетъ уже гораздо большее паденіе, и внесла сомнѣніе о правильности прежнихъ измѣреній разницы уровней Каспійскаго и Аральскаго морей. Отдѣломъ экспедиціи подъ начальствомъ Тилло была сдѣлана нивелировка въ промежуткахъ между морями, между заливомъ Мертвымъ Култукомъ и сѣверо-западнымъ угломъ Аральскаго моря, при чемъ разница уровней дошла до 243 футовъ; такая высота дѣйствительно дѣлаетъ возможнымъ теченіе Аму. Но не одна Аму имѣетъ сухое русло. Сыръ-Дарья имѣетъ такое же, Узбою соотвѣтствуетъ *Яны-* или *Джаны-*Дарья; сухое русло, отдѣляющееся отъ теченія Сыръ-Дарьи возлѣ Перовска, направляется къ югу и впадаетъ въ Аральское море, верстахъ въ двухстахъ южнѣе теперешняго устья Сыръ-Дарьи, недалеко отъ устьевъ восточныхъ рукавовъ Аму, при чемъ старое русло шире нынѣшняго до 300 саженей, а въ мѣстахъ, гдѣ начинается дельта, доходитъ до 500 саж. и болѣе. Джаны-Дарьинская дельта занимаетъ втрое или вчетверо большее пространство, чѣмъ теперешняя дельта Сыръ-Дарьи. Сходство между Яной-Дарьей и Узбоемъ весьма большое и дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что Яны-Дарья несла когда-то всѣ воды Сыра въ Аральское море. Въ самомъ дѣлѣ, ея русло такъ-же изобилуетъ колодцами, озерками и растительностью, какъ ближайшая къ Хивѣ часть Узбоя—Урунъ-Дарья. Оба сухихъ русла одинаково перегорожены какими то сухими плотинами. Къ юго-востоку отъ Яны-Дарьи, въ такихъ частяхъ пустыни, въ которыхъ, по сообщенію Сѣверцова, не только нельзя жить, но невозможно и кочевать, въ Кизилъ-Кумѣ, находятся развалины крѣпостей и городовъ, которые могли получать воду только изъ Сыра. Также къ юго-востоку отъ Узбоя (Окса), еще въ болѣе ужасной пустынѣ Кара-Кумовъ, гдѣ совсѣмъ нельзя даже и кочевать, встрѣчаются развалины городовъ, когда-то большихъ и богатыхъ, мимо которыхъ во время хивинской экспедиціи проскакалъ полковникъ Соболевъ съ денщикомъ и двумя проводниками-туркменами.

Киргизы передавали, что Яны-Дарья образовалась въ 1760 году, когда каракалпаки, оттѣсненные съ низовьевъ Сыра киргизами, отвели къ себѣ часть водъ Сыръ-Дарьи. Разсказы киргизовъ дѣйствительно справедливы, но дѣло въ томъ, что они отвели воду не новой канавой, а въ сухое, старое русло. Сѣверцовъ говоритъ, что въ 1858 году онъ прослѣдилъ воду, которая опять текла по старому руслу Яны-Дарьи весной и пересыхала лѣтомъ. Несомнѣнно, что и вопросъ о возстановленіи стараго теченія Аму-Дарьи можетъ быть рѣшенъ вполнѣ утвердительно, такъ какъ и теперь по старому руслу теченіе существуетъ весной, такъ, напр., въ ней въ 1858 году воды пошли по старому руслу до Сыръ-Камыша. Сѣверцовъ подтверждаетъ извѣстія старинныхъ географовъ о водной связи между Сыръ- и Аму-Дарьей. Въ концѣ еще 50-хъ годовъ воды Сыра, протекавшія по Яны-Дарьѣ, сообщались съ рукавомъ Аму-Караколомъ, текущимъ изъ Дау-Коришанскихъ озеръ.

На правомъ берегу Аму нашлись еще и другія сухія русла, указывавшія на существованіе подобныхъ сообщеній. Сѣверцовъ предполагаетъ, что эта водная связь можетъ быть легко

возстановлена. Возстановленіе этой связи онъ рекомендуетъ главнымъ образомъ какъ орошеніе края, какъ средство для развитія производительности, которая, по его мнѣнію, даетъ возможность окупиться желѣзной дорогѣ вдоль нижняго Сыра. Возстановленіе въ прежнемъ теченіи Аму измѣнило бы въ настоящее время всѣ судьбы Средней Азіи. Теперь возникаютъ передъ читателемъ вопросы, какія же причины произвели поворотъ Аму-Дарьи въ Аральское море? Можетъ быть, это было землетрясеніе, разрушившее старое русло и создавшее новое? или, быть можетъ, вода оставила Каспійское русло вслѣдствіе медленнаго поднятія мѣстности въ извѣстномъ направленіи; можетъ быть, это зависитъ отъ перемѣны климатическихъ условій, но теперешнюю сухость Закаспійскихъ степей иные объясняютъ перемѣной теченія Аму-Дарьи. Въ самомъ дѣлѣ, какія же причины произвели такой поворотъ теченія Аму-Дарьи? Наиболѣе вѣроятное предположеніе — засореніе русла рѣки. Но невозможно не спросить какимъ образомъ могло засориться русло такой большой рѣки, какъ Аму-Дарья? Это объясняется довольно легко. Оставшіяся развалины и водопроводы по обѣимъ сторонамъ рѣки въ большомъ разстояніи отъ береговъ ея не показываютъ-ли, что рѣка эта была раздроблена на безчисленное множество каналовъ, которые, безъ сомнѣнія, должны были ослабить главное русло рѣки, уменьшить въ немъ воду и быстроту теченія; илъ, наносимый понынѣ рѣкой, въ такомъ количествѣ, что засоряетъ ежегодно каналы на аршинъ и болѣе, могъ заносить мало-по-малу и самое устье рѣки.

Пока жилъ здѣсь промышленный и дѣятельный народъ, всѣ каналы и протоки были расчищаемы и русло рѣки сохранилось отъ засоренія. Возникновеніе междуусобныхъ войнъ, зависть, свойственная торговымъ городамъ, внѣшнія продолжительныя войны и усилія жителей стали недостаточными, чтобы бороться съ бурной рѣкой; она занесла и засорила каналы; судоходство прекратилось, земледѣліе исчезло и страна, кипѣвшая до того населеніемъ и дѣятельностью, должна была лишиться жизни. Таково было прошлое современной пустыни. Если допустить, что эпоха процвѣтанія этого края была во времена могущества и образованности аравитянъ, существованія греческихъ колоній и начала торговли итальянскихъ городовъ, что можно согласить и съ историческими свѣдѣніями, напр., государь Ховарезма Магометъ въ XII вѣкѣ могъ выставить противъ Чингизъ-хана 400,000 войска, но появленіе Чингисъ-хана, потрясшаго полъ-Азіи, дышавшаго истребленіемъ, погубившаго милліоны народа и основавшаго кочевую, дикую имперію, не могло не имѣть губительнаго вліянія и на этотъ край, а вмѣстѣ съ тѣмъ на судьбу теченія Аму-Дарьи.

Истоки Сыръ- и Аму-Дарьи лежатъ на тѣхъ же высочайшихъ горныхъ кряжахъ, на которыхъ берутъ свое начало съ одной стороны притоки Тарама, съ другой рѣчки, соединяющіяся съ Индомъ. Степи каспійскія осушились по всей вѣроятности вслѣдствіе поднятія Ергеней. Часть воды моря, осаждавшая Каспійскую формацію, во время этого поднятія по западному склону Ергеней, находящихся по правую сторону Волги, южнѣе Царицына, скатилась вѣроятно въ нынѣшній азовско-черноморскій бассейнъ, а по восточному склону вода ушла или въ углубленіе, соотвѣтствующее происшедшему поднятію, или же вообще уровень ея падалъ до тѣхъ поръ, пока между испареніемъ и прибылью не установилось равновѣсіе, соотвѣтствующее горизонту нынѣшняго Каспія. Вода, происшедшая отъ поднятія Ергеней, произвела бугры, или неровности почвы, форма которыхъ весьма характерна для орографіи степей каспійскихъ. Это поднятіе было быстрое, иначе не могло бы быть сильнаго движенія воды, необходимаго для образованія бугровъ; очень можетъ быть, что движеніе воды было усилено землетрясеніями, которымъ Сѣверцовъ придаетъ такую большую роль между Каспіемъ и Аральскимъ озеромъ. Ходъ измѣненія почвы въ обнажающемся морскомъ днѣ былъ таковъ. Первый моментъ состоитъ въ извлеченіи изъ обнажившейся почвы солей, а послѣдній въ образованіи перегнойной почвы, скрывшей подъ собою морскія образованія. Въ выщелачиваніи почвы и подготовкѣ ея для заселенія другими растеніями вѣроятно значительная роль принадлежитъ солянкамъ, и по мѣрѣ выщелачиванія она занимается все новыми растеніями, смѣняющими другъ

друга и оставляющими послѣ себя все болѣе и болѣе утолщающійся слой перегноя. Травянистая степь есть уже одна изъ окончательныхъ стадій измѣненій почвы и смѣнъ растительности; травяная степь древнѣе солончаковъ.

Весьма интересно также теченіе восточнаго Маныча и Кумы. Они текутъ по низменной степи, значительная часть которой лежитъ ниже уровня океана, такъ какъ уровень Волги ниже селенія Пришибинскаго начинаетъ опускаться ниже горизонта Чернаго моря. Направленіе теченій Волги, Кумы и восточнаго Маныча показываетъ вообще, что полоса по всей степи самая низменная; но вообще наклонъ этой полосы къ Каспійскому морю долженъ быть весьма слабымъ, такъ какъ Манычъ восточнѣе Олона течетъ самыми плоскими разветвленіями и не достигаетъ моря, равно какъ и Кума. Кромѣ того, воды Каспія, при сильныхъ вѣтрахъ съ моря, на пятьдесятъ слишкомъ верстъ заходятъ въ степь.

Низменныя степи вообще не имѣютъ однообразнаго характера ровной плоскости. Напротивъ того, степи повсюду показываютъ неровности, какъ-то: холмы, плоскія возвышенности, лощины, котловины и тому подобныя неровности, которыя иногда рѣзко обозначаются въ частностяхъ, но которыя не уничтожаютъ собою общаго степного характера мѣстности. Всѣ эти неровности происхожденіемъ своимъ обязаны размыву почвы водой, ибо тутъ пласты всюду горизонтальны, слѣдовательно тутъ и рѣчи не можетъ быть о какомъ-нибудь поднятіи, равномѣрно какъ и свойство горныхъ породъ таково, что не можетъ дозволить формы эти приписывать тутъ вывѣтриванію. Формы эти произошли или при самомъ образованіи степи, или происшедшія впослѣдствіи, и даже образовывающіяся и въ настоящее время. Всѣ эти углубленія, достигающія иногда размѣровъ въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, произведены весенними водами, собирающимися въ первоначальныя углубленія почвы и приводимыми въ сильное движеніе степными вѣтрами.

Первоначальныя углубленія или возвышенія почвы бываютъ или совершенно неправильнаго очертанія, или, напротивъ, рѣзко правильной формы. Сюда именно относятся чрезвычайно оригинальныя, вытянутой формы возвышенности, извѣстныя въ астраханскомъ краѣ подъ названіемъ „бугровъ“ и напоминающія собою форму пеклеваннаго хлѣба петербургскихъ булочниковъ. Эти бугры бываютъ раздѣлены продольными лощинами и расположены правильными рядами, большею частью такимъ образомъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ бугоръ кончается и примыкаетъ къ другому бугру того же ряда, тамъ въ сосѣдственныхъ буграхъ развиты средины бугровъ; мѣстами бугры бываютъ сближены и имѣютъ глубокія лощины, мѣстами же ряды ихъ лежатъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, при чемъ лощины ихъ такъ плоски, что самые бугры открываются только при внимательномъ наблюденіи. Бэръ наблюдалъ эти бугры на берегахъ Волги и по взморью, при чемъ онъ нашелъ, что на сѣверѣ они прекращаются между Енотаевскомъ и Чернымъ Яромъ, и на югѣ у Чернаго Рынка. Между буграми, прилежащими къ Волгѣ и взморью, восточные вѣтры далеко загоняютъ въ степь воду. Около взморья, южнѣе Зонзелей, множество бугровъ выходитъ изъ подъ морской воды и представляетъ большой архипелагъ, который не слѣдуетъ смѣшивать съ наносными островами волжской дельты. Возлѣ самой Астрахани бугры очень характерны. Они очень рельефны и растягиваются отъ $1^1/_2$ до 4 верстъ, при ширинѣ въ 170 саженъ и абсолютной высотѣ въ четыре сажени. Общее ихъ направленіе—съ востока къ западу, хотя случаются и уклоненія отъ этого.

Во всѣхъ углубленіяхъ и лощинахъ степи въ большемъ или меньшемъ количествѣ собираются снѣговыя или дождевыя воды. Особенно много воды бываетъ въ лощинѣ Дабанъ, на западъ отъ Каспійскаго моря, и вода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ здѣсь глубины 4 или 5 футовъ, но лѣтомъ совершенно испаряется. Другія же лужи дождевой воды сохраняются весьма долго и ими пользуются калмыки, называя ихъ „цандыками“; такихъ лужъ много въ сѣверной части степи. Въ восточной же части степи, по направленію отъ Астрахани къ Кумѣ, вслѣдствіе испаренія водъ, насыщающихся солью изъ степи, очень много соленыхъ озеръ, изъ

которыхъ замѣчательны Курочкинскія, Басинскія и особенно Можарское. Лѣтомъ воды въ этихъ озерахъ бываетъ очень мало и большею частью даже вовсе не бываетъ, такъ что къ озерамъ, сохраняющимъ воду въ теченіе года, должно отнести только тѣ, которыя питаются не столько стоками весеннихъ водъ изъ окрестностей, сколько стоками водъ этихъ съ Эргеней. Главнѣйшія изъ этихъ озеръ: Састинскія, Кеко-Усумъ и др. Нѣкоторая часть озеръ имѣетъ слабое теченіе къ сѣверу, другая къ юго-востоку; теченіе послѣднихъ лишь весной.

Выше мы сказали, что Арало-Каспійская низменность ограничивается къ западу предгоріями Кавказа. Рѣки, стекающія къ Каспійскому морю съ ставропольскаго отрога, какъ то: Кума, Каллаусъ и Егорлысъ, несутъ воду лишь весною; остальное время года вода держится лишь въ верхней ихъ части; такъ въ Каллаусѣ вода не доходитъ и до половины его протяженія, а въ Кумѣ она прекращается уже за Владиміркою. Это явленіе происходитъ оттого, что родниками эти рѣки питаются лишь въ верхней своей части, т.-е. до вступленія въ степь. Кума съ рукавомъ Гуйдукъ и въ весенній разливъ не всегда достигаетъ Каспійскаго моря, хотя и просачивается въ него можетъ быть по пескамъ. Послѣднее предположеніе очень вѣроятно, потому что на Каспійскомъ побережьи тотъ фактъ, что вода худуковъ, или копаней, лежащихъ недалеко отъ моря, дѣлается болѣе соленою при морянахъ, т.-е. сильныхъ вѣтрахъ съ моря.

Что касается степи, то характеръ ея измѣняется, начиная съ Чернаго Яра; до него она была довольно ровной, теперь же она переходитъ въ параллельно идущія хребтовидныя возвышенности, которыя, однако, до того невысоки и имѣютъ такіе пологіе отклоны, что не нарушаютъ общаго степного характера. Эти бугры, о которыхъ выше мы сказали, сравнивались съ морскими волнами. Въ самомъ дѣлѣ, ниже Чернаго Яра верхній глинистый пластъ дѣлается болѣе тонкимъ и иногда совсѣмъ исчезаетъ, и тогда въ берегахъ преобладаетъ рыхлый песокъ. Самый берегъ Волги, съ приближеніемъ къ Астрахани, вообще дѣлается ниже. Пески легко поднимаются вѣтромъ и служатъ къ образованію дюнъ на берегу нижней Волги. Въ вѣтренную погоду весь воздухъ наполняется тончайшей песчаной пылью и получаетъ желтоватый колоритъ. Песокъ, передуваемый съ мѣста на мѣста, встрѣчаетъ на своемъ пути преграду въ высокой травѣ, кустарникѣ или бугрѣ, окружаетъ эти предметы и накопляется въ видѣ холмовъ или грядъ. Вѣтеръ, продолжая дѣйствовать, захватываетъ песчинки съ подвѣтренной стороны грядъ и пересыпаетъ ихъ черезъ вершину грядъ на противоположный, болѣе крутой склонъ ихъ; такимъ образомъ, холмы и гряды идутъ поступательно по направленію господствующихъ вѣтровъ и занимаютъ собою площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. На подвѣтренной сторонѣ бугровъ замѣчается обыкновенно сѣть струйчатыхъ узоровъ; высота бугровъ достигаетъ пяти саженъ и бугры кажутся еще громаднѣе, когда песокъ садится на нихъ. Части бугровъ, болѣе глинистыя, а слѣдовательно и болѣе плотныя, вокругъ которыхъ песокъ похищенъ вѣтромъ, остаются въ видѣ возвышенности самой неправильной формы. Песчаныя дюны улеглись широкими оплотами вдоль Волжскаго берега, и между станціями Сѣроглазинской, Замьянской, Лебяжьей и Астраханью совершенно уже переметаютъ почтовую дорогу. Одна изъ этихъ станцій совсѣмъ уже обнесена песками, гряды которыхъ поднимаются выше крыши станціоннаго дома.

У самаго побережья, на такъ-называемыхъ „заплескахъ" Волги, лежитъ очень много каспійскихъ раковинъ, отвѣянныхъ отъ песка, вбитаго въ дюны. По заплескамъ Волги, а равно и на ея отмеляхъ лежитъ песокъ бѣлесоватый, содержащій различные, издалека принесенные обломки горныхъ породъ. Песокъ этотъ есть новѣйшій наносъ (аллювій) и его не слѣдуетъ смѣшивать съ только-что описанными желтыми песками или рыхлыми песчаниками, лежащими въ коренномъ положеніи подъ слоемъ глины или же взбитыми въ дюны.

Волга во время половодья или во время морянъ заливаетъ лощины между этими буграми. Эти лощины, наполненныя водой, называются „ильменями", а соединяющіе ихъ про-

токи носятъ названіе „ериковъ“. Вода послѣ половодья или обратно стекаетъ въ Волгу, оставляя въ ильменяхъ удобренную напосомъ почву, или же остается въ нихъ на все лѣто, именно въ томъ случаѣ, когда ихъ устья занесены наносами, которые она можетъ переступать только въ половодье.

Въ низменностяхъ, удобряемыхъ Волгой, вообще растительность рѣзко отличается отъ полынной поросли, покрывающей бугры и зависящей отъ присутствія въ почвѣ соли. Кромѣ ильменей, обращаютъ на себя вниманіе солончаки и соляныя озера. Способъ происхожденія соляныхъ озеръ до послѣдняго времени старались объяснить главнымъ образомъ присутствіемъ соленыхъ ключей, и для объясненія брали въ примѣръ озеро Элтонское и Баскунчакское, гдѣ дѣйствительно есть соляные источники. Академикъ Бэръ первый вполнѣ разъяснилъ этотъ вопросъ и доказалъ, что соль астраханскихъ озеръ образуется не изъ разсоловъ, а изъ окружающей ихъ почвы.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каспійскіе осадки содержатъ много соли, дождевыя и снѣговыя воды насыщаются, собираются въ низменностяхъ и, испаряясь, оставляютъ въ нихъ соль. Если количество солей не очень велико, то во впадинахъ между буграми, гдѣ испарялись стекшія воды, образуются только поросли различнаго рода солянокъ (salicornia). При болѣе же значительномъ количествѣ солей, выдѣляемыхъ во впадинахъ испаряющеюся водою, дно или грунтъ этихъ низменностей до того проникается солями, что въ немъ не могутъ даже произрастать и солянки, и онъ представляетъ тогда голую, сѣраго цвѣта, соленосную глину, которая является или въ видѣ вонючей грязи, называемой „хаки“, или же высыхаетъ, растрескивается, и даетъ вывѣтрѣлости или выцвѣты соли и носитъ названіе солончака. Иногда количество собравшейся въ низменности солесодержащей воды бываетъ такъ велико, что вода эта не испарится вся въ теченіе лѣта, и такіе бассейны называются соляными озерами, въ которыхъ отъ большаго или меньшаго испаренія воды образуется слой самосадочной соли; такихъ солепроизводительныхъ озеръ въ астраханской степи очень много. Иногда одинъ и тотъ же бассейнъ показываетъ слѣдующіе постепенные переходы: по краямъ представляетъ ярко-зеленую или же кораллово-красную кайму солянокъ, за которой внутрь бассейна слѣдуетъ голая, сухая, растрескавшаяся глина съ выцвѣтомъ соли, далѣе вонючая соленая грязь, и въ срединѣ, наконецъ, находится маленькое озеро соленой воды. Астраханскимъ жителямъ извѣстно, что нѣкоторыя лощины между буграми, показывавшія солонцы, превратились въ прѣсноводные лиманы съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ начала заливаться полая вода съ Волги, и что, наоборотъ, ильмени, въ которыхъ ловили рыбу, превращались въ соленыя озера, коль скоро въ нихъ прекращалось сообщеніе съ Волгой. Чрезвычайно характерна мѣстность близъ урочищъ Бешъ-Кульи и Бай-Кучучъ. Здѣсь проходитъ крымская дорога, идущая по буграмъ, по одну сторону которыхъ тянется лента прѣсныхъ, поросшихъ камышомъ озеръ, а по другую сторону идетъ рядъ ослѣпительной бѣлизны солончаковъ. Безъ сомнѣнія, въ такія лощины вода попала изъ Волги, которая въ половодье верстъ на пятьдесятъ заливается внутрь степи. Вскорѣ здѣсь бугры начинаютъ принимать воды широкихъ плоскогорій, раздѣленныхъ пространными лощинами до 400 с. ширины; солончаки дѣлаются рѣдкими. Въ срединѣ этихъ лощинъ замѣчаются очень часто углубленія съ крутыми берегами, имѣющими видъ рѣчныхъ руслъ или озеръ неправильной формы. Многіе предполагали, что это слѣды послѣднихъ теченій моря, другіе же въ одномъ изъ нихъ видѣли прежнее теченіе Сарпы, составлявшей, будто-бы, рукавъ Волги. Но подробное изученіе этихъ углубленій заставило Барбота де-Марни остановиться на той мысли, что они происходятъ отъ дѣйствія весеннихъ потоковъ или скатовъ водъ съ бугровъ, а ихъ крутые берега зависятъ отъ сильнаго бушеванія скопившихся водъ, двигаемыхъ степными вѣтрами между буграми. Отсутствіе въ этихъ руслахъ обломковъ какихъ-либо горныхъ породъ и иловатыхъ осадковъ ясно указываетъ, что углубленія эти произошли отъ одного только размыва дна лощинъ весенними водами, а не отъ рѣчныхъ или морскихъ теченій. И въ самомъ

дѣлѣ, дно этихъ руслъ представляетъ ту же глинисто-песчаную почву, какая и въ берегахъ нихъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва песчаниста, вѣтеръ вырываетъ изъ стѣнъ руслъ песокъ и нагромождаетъ его огромными дюнами. Дюны эти лежатъ обыкновенно по сѣверо-западную сторону такихъ бассейновъ, что, безъ сомнѣнія, обусловливается направленіемъ господствующихъ въ степи вѣтровъ.

Среди низменной степи, по лѣвую сторону р. Волги, весьма интересны отдѣльно возвышающіяся горы; изъ нихъ замѣчательны: Большой Богдо, возвышащійся надъ Баскучанскимъ на 1713 футовъ; эта гора двумя неразрывными отрогами опускается къ степи. Одинъ, спускаясь круто, доходитъ до оврага, по которому весеннія воды, спускаясь съ горы, стекаютъ въ Баскунчакское озеро, при чемъ гора состоитъ изъ тонкихъ плитъ известняка, перемежающихся съ сѣрыми и бурыми глинами. Природу поднятія горы Богда, поднятой по нѣсколькимъ направленіямъ, можно приписать только образованію гипсовъ. Огневыхъ породъ вокругъ Богда и даже во всей киргизской степи не найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ, а взамѣнъ ихъ съ обѣихъ сторонъ, откуда послѣдовало поднятіе горы, встрѣчаются огромныя массы гипса, простирающіяся на неизвѣданную глубину. Если предположить, что здѣсь, у сѣвернаго или юго-восточнаго подножія Большого Богда образовались глубокія трещины, изъ которыхъ выходили наружу сѣрнокислые и сѣрноводные газы и встрѣчали на своемъ пути известнякъ, то необходимо допустить, что этотъ извѣстнякъ долженъ былъ превращаться въ гипсъ, при чемъ онъ разбухалъ, увеличивался болѣе чѣмъ вдвое, вслѣдствіе чего образовавшійся гипсъ долженъ былъ поднимать лежащія на немъ массы другихъ породъ. Конечно, нѣтъ возможности опредѣлить время, хотя-бы приблизительно, когда произошло это поднятіе; можно сказать достовѣрно, что Большой Богдо существовалъ уже въ видѣ острова передъ историческимъ временемъ, въ плioценовый періодъ; а что дѣйствительно онъ существовалъ тогда въ видѣ острова это неопровержимо доказывается слѣдами прибоя волнъ тогдашняго Каспія, которые ясно видны на многихъ песчаниковыхъ скалахъ, составляющихъ предгоріе Богда, гдѣ они подъ угломъ пересѣкаютъ пласты песчаниковъ. Такое предположеніе имѣетъ тѣмъ болѣе основанія, что и въ настояще время, въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ горой Богда, встрѣчаются минеральныя воды, содержащія въ себѣ сѣроводородный газъ, а также незначительныя отложенія самородной сѣры.

Эти отложенія сѣры, употребляемой мѣстными жителями на домашнія потребности, подали поводъ начальнику Саратовской губерніи высказать предположеніе о нахожденіи будто-бы у подножія Богдо замѣчательныхъ по количеству массъ сѣры. При изслѣдованіи на мѣстѣ дѣйствительно были найдены недалеко отъ юго-восточнаго угла Баскунчакскаго озера слабые слѣды землистой сѣры, залегающіе въ верхнихъ слояхъ бурой песчаной глины.

Калмыки называютъ эту гору Богдо-Ола, что означаетъ святая, великая гора, а также Арсланъ-Ола, что означаетъ львиная-гора, т. к. она представляетъ длинную вытянутую гряду. У нихъ существуетъ преданіе, что когда-то Далай-Лама кочевалъ въ этихъ мѣстахъ и создалъ эту гору. Въ опредѣленное время окрестные калмыки собираются въ ея священныя ущелья, молятся здѣсь, приносятъ свои жертвы, бросая въ эти ущелья въ даръ своему божеству мелкія монеты и разныя другія вещи. Путешественникъ Гебель нашелъ въ ея ущельяхъ массу исписанныхъ бумажекъ бѣлаго и голубого цвѣта, а также куски полотна. Проводники объяснили ему, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ здѣсь собралось множество калмыковъ для совершенія богослуженія и что ихъ священники разбрасываютъ лоскутки съ написанными на нихъ молитвами, а также завернутыя въ нихъ вещи. Калмыки собираются къ священной горѣ и пріѣзжаютъ за сотни верстъ, передъ началомъ своихъ религіозныхъ обрядовъ освѣщаютъ глубокія овраги зажженными свѣтильниками. Уваженіе и почтеніе къ горѣ Большому Богдо такъ сильно, что они никогда не осмѣливаются взойти на ея вершину. Въ числѣ ископаемыхъ, морскія животныя составляютъ огромное большинство. Верхняя часть Богдо известняки и пе-

реслоившія его глины принадлежатъ къ формаціи раковистаго известняка, тогда какъ нижніе слои гипса и составляющіе подножіе горы песчаники принадлежатъ или къ пестрому песчанику, или къ пермской формаціи.

Верстахъ въ сорока отъ Большого Богдо находится Малый Богдо, группа холмовъ, не превышающихъ 100 футовъ надъ смежной степью. Къ сѣверу эта цѣпь холмовъ упирается въ низменность, наполненную соляными грязями (хаки). Одну изъ скалъ Малаго Богдо составляетъ известнякъ совершенно особаго вида; сплошная его масса, очевидно, натечнаго образованія, имѣетъ строеніе скорлуповатое, внутри неясно волокнистое, а снаружи скорлупки представляетъ поверхность гроздевидную съ концентрическими слоями. Въ этихъ холмахъ много гипсовыхъ проваловъ; нѣкоторые изъ этихъ проваловъ сообщаются съ болѣе или менѣе обширными пещерами, происшедшими, безъ сомнѣнія, такимъ же образомъ; одна изъ нихъ, посѣщенная Ауэрбахомъ на горѣ Большой Богдо, имѣетъ удобный доступъ по наклонному скату и представляется внутри по своду покрытою мелкими гипсовыми сталактитами или гипсовой накипью, образующею гроздевидную поверхность. Сосѣдніе киргизы устроили въ ней нѣчто въ родѣ молельни, гдѣ по временамъ совершаютъ свое богослуженіе.

Къ юго-востоку отъ Большого Богда, верстахъ въ 85-ти надъ степью, поднимается группа невысокихъ холмовъ, не болѣе 72 футовъ надъ окружающею степью. Эта группа холмовъ у калмыковъ называется Чапчачи, а у киргизовъ—Арзагаромъ. Между горными порогами Чапчачи первое мѣсто занимаетъ гипсъ, плитки сѣраго песчаника и отдѣльныя плитки глинистаго желѣзняка, но главный интересъ этой холмистой мѣстности заключается въ невысокомъ холмѣ, лежащемъ почти въ центрѣ всей группы и заключающемъ въ себѣ громадный истокъ каменной соли. Эта соль цѣнится туземцами весьма высоко по ея превосходнымъ качествамъ и совершенно химически чиста. По вычисленію Ауэрбаха, мощность этого соленоснаго пласта можно опредѣлить въ 17 милліоновъ пудовъ.

Возвышенность Бисчохо, расположенная къ юго-востоку отъ Большого Богдо, верстахъ въ 150, незначительное плоскогорье, занимающее около 29 кв. миль (около 25 кв. верстъ) и состоитъ изъ 50 холмовъ. Эти холмы, какъ и равнина, на которой они возвышаются, также состоятъ изъ гипса, въ которомъ вымыто много волнообразныхъ углубленій, которыя ведутъ въ большія пещеры, выстланныя сталактитами. Здѣсь находится большое число гипсовыхъ проваловъ. Со стороны степи Бисчохо представляетъ повсюду ровную террасу овальнаго очертанія, въ двѣ сажени вышиной, съ отлогимъ спускомъ, по которому можно, даже удобно, съѣзжать въ экипажѣ.

Холмы, разсѣянные по этой террасѣ, безъ всякаго порядка, только въ очень немногихъ мѣстахъ спускаются къ ея подножію. Съ сѣверо-запада террасы Бисчохо граничатъ съ соляными грязями, а съ сѣверо-востока, гдѣ его кромѣ того сопровождаетъ двойная цѣпь песчаныхъ бугровъ, гипсъ образуетъ частые провалы.

Вообще сильно ошибаются тѣ, кто представляетъ себѣ прикаспійскую степь ровной и горизонтальной, напротивъ того, ея поверхность состоитъ изъ безчисленныхъ возвышеній и углубленій; мелкихъ озеръ и песчаныхъ холмовъ. Сѣро-зеленые полыни покрываютъ холмы, въ мѣстахъ низменныхъ преобладаютъ ковыль и бѣлоусъ (щетинница), углубленія же покрыты солончаковыми растеніями, нѣтъ нигдѣ сплошного дерна, всѣ растенія растутъ отдѣльными пучками. Растительнаго слоя вообще здѣсь нѣтъ, да и насчетъ чего образоваться ему? Чахлая растительность, развивающаяся въ степи, нещадно сожигается солнцемъ и буйный вѣтеръ не оставляетъ на мѣстѣ отпавшаго стебля. Растенія, при отсутствіи растительнаго слоя земли, выходятъ прямо изъ глины и колышатся на совершенно красно-бурой почвѣ. Растительность, главнымъ образомъ, состоитъ изъ различныхъ видоизмѣненій полыни и верблюжьей травы, къ которымъ при болѣе песчаномъ грунтѣ присоединяется ковыль и оржанецъ и около худуковъ—перекати-поле. Вообще вся прикаспійская низменная степь представляетъ обремешен-

ное каспійскими раковинами горизонтально пластующееся песчано-глинистое образованіе, которое нижняя Волга такъ прекрасно обнажаетъ въ берегахъ своихъ, начиная отъ Царицына. Бугры, особенно рельефно и съ неуклоннымъ направленіемъ представлявшіеся у Волги съ углубленіемъ въ степь, какъ-то вообще растягиваются въ ширину, мѣстами какъ-бы вовсе стушевываются, потомъ снова появляются и принимаютъ направленіе съ сѣвера на западъ.

Эти степные холмы или горы и ихъ происхожденіе объясняются раствореніемъ метеорическими водами и толщами снѣга заключенной въ гипсѣ соли, а также и самого гипса и снесеніемъ ихъ въ окрестныя низменности, гдѣ оттого образовались соленыя грязи или хаки. На сѣверъ и востокъ отъ малаго Богда расположены хаки эти на 10—20 верстъ въ ширину и на семьдесятъ верстъ въ длину. Такимъ образомъ однѣ изъ этихъ соленыхъ грязей водянистыя, и не мерзнутъ зимою, другія наполняются водой только въ весеннее время; лѣтомъ же вода пропадаетъ отъ сильныхъ жаровъ, оставляя послѣ себя только глинистый илъ, покрытый слоемъ горькой соли. Эти грязи такъ топки, что черезъ нихъ нельзя ни перейти, ни переѣхать. Въ нихъ гибнутъ иногда цѣлыя стада, загнанныя сюда непогодой. Такъ, въ 1825 году бурей были загнаны въ хаки конскіе табуны, при чемъ погибло въ этихъ грязяхъ около 2000 лошадей.

Всѣ горы, за исключеніемъ Малаго Богда, расположены по одной линіи, идущей отъ сѣверо-запада на юго-востокъ; на этой же линіи лежатъ мелкіе гипсовые-же холмы, извѣстные подъ названіемъ сорока бугровъ и Акжапаса; продолженіе этой линіи упирается въ Гурьевъ-городокъ, около котораго находятся такія же гипсовыя горы.

Все это въ совокупности указываетъ на существовавшія нѣкогда по этому юго-восточному направленію однородныя отношенія внутренности земли къ ея наружной корѣ, которыя произвели по названному направленію громадную трещину или рядъ трещинъ, изъ которыхъ выходили сѣрнистые пары, превратившіе въ гипсъ встрѣченный ими известнякъ и вслѣдствіе увеличенія объема выдвинувшіе эти массы наружу изъ нѣдръ земли. Нельзя также не обратить вниманія на параллелизмъ этого направленія—юго-восточнаго—съ однимъ изъ главныхъ направленій линіи поднятія Кавказскаго кряжа и потому нельзя не предположить связи между причинами этихъ обоихъ явленій.

Прежде чѣмъ представить очеркъ Нарынъ-Песковъ, составляющихъ лишь небольшую часть степи, лежащей по лѣвую сторону Волги, скажемъ сначала о ней самой.

Естественными границами этой печальной, пустынной степи можно принять на сѣверо-западѣ отрасль Уральскаго хребта — Общій Сыртъ; съ запада ее обтекаетъ Волга до самой южной границы, образуемой Каспійскимъ моремъ, съ восточной стороны къ ней примыкаетъ сходная съ ней Зауральская степь, отдѣляющаяся отъ нея р. Ураломъ и узкой полосой земли, принадлежащей казакамъ Уральскаго Войска. Вся эта площадь степи протягивается въ длину до 650 верстъ, а въ ширину до 600.

Здѣсь безбрежная, грустная, голая степь. Вездѣ пустыри, солончаки, сыпучіе пески, отсутствіе проточной воды, несмотря на близость громаднаго водоема—Волги, которая представляется на западъ отъ нея и разливается весною по сторонамъ на сорокъ и болѣе верстъ. Все степное пространство до рѣки Узеня на востокъ и вплоть до взморья на югъ не представляетъ ничего, кромѣ голой, сухой степи, на которой въ знойные мѣсяцы всѣ тощія и безъ того растенія совсѣмъ сжигаются палящимъ солнцемъ. Съ іюня же мѣсяца начинаются здѣсь нестерпимыя жары, зной доходитъ до 40° R. и не спускается ниже 20—30°. Ночи удушливы, дышать нечѣмъ отъ горячаго воздуха, вслѣдствіе лучеиспусканія земли. Въ это знойное время, простирающееся до сентября, жары умѣряются только прохладными восточными вѣтрами, свободно разгуливающими по степи, но за то во время совершеннаго безвѣтрія жаръ невыносимъ.

Въ апрѣлѣ вся степь покрывается свѣжей растительностью; въ степи это лучшее время

года, съ мая же начинается невыносимая жара. Лѣтній зной кончается обыкновенно въ августѣ мѣсяцѣ и заканчивается сильными грозами и ужасными вихрями, поднимающими столбами пыль и гибельно дѣйствующими на растительность и на пасущіяся, по степнымъ мѣстамъ Волги, стада. Гебель, посѣтившій эту мѣстность въ 30 годахъ, испыталъ на себѣ или, вѣрнѣе, видѣлъ только вблизи лѣтній буранъ, застигнувшій его возлѣ горы Чипчачи. „На разстояніи 500 шаговъ отъ нашей палатки, — говоритъ Гебель, — находился небольшой песчаный холмъ, футовъ 100 въ длину, который вдругъ началъ двигаться, кружиться и, образуя сѣрыя облака, подымавшіяся все выше и выше, шелъ прямо на насъ. Въ аулѣ засуетились. Нѣсколько татаръ вскочили на лошадей и поскакали за большими стадами, чтобы отогнать ихъ въ другую сторону. Табунъ болѣе чѣмъ въ тысячу лошадей мчался густой массой, наклонивъ морды къ землѣ; татарки суетливо хватали дѣтей, игравшихъ передъ таборомъ, и прятали ихъ подъ кровъ. Мы ясно ощущали приближеніе вертящейся песчаной тучи, ибо потокъ воздуха становился все сильнѣе и сильнѣе. Вдругъ песчаный столбъ, внезапно своротивъ, прошелъ въ сторонѣ отъ аула и исчезъ въ степи. Хотя онъ и не захватилъ насъ, но мы были, тѣмъ не менѣе, совершенно осыпаны пескомъ; нашъ обѣдъ никуда не годился: оловянныя тарелки, блюда и т. д. плясали по степи; мы сами едва могли устоять и принуждены были употребить всѣ усилія, чтобы не быть унесенными вѣтромъ“.

Но эти бураны бываютъ еще убійственнѣе зимой, когда продолжаются два—три дня. При началѣ бурана снѣгъ сбивается въ большіе, глубокіе сугробы; при усиленіи вѣтра снѣгъ поднимается выше и помрачаетъ солнце, а когда къ тому же еще разражаются облака, то ничего уже не видно, кромѣ густой, непроницаемой массы снѣга, которая крутитъ такъ, что нельзя открыть глазъ. Да это и безполезно, такъ какъ въ двухъ шагахъ ничего не видно. Люди и звѣри дѣлаются шальными, теряютъ дорогу, блуждаютъ по цѣлымъ часамъ и погибаютъ отъ стужи и изнеможенія. Такъ, въ зиму 1881 года погибла отъ ужасныхъ, свирѣпствовавшихъ брановъ масса скота у киргизовъ, такъ что убытки ихъ оцѣниваются милліонами. Скотъ и лошади при началѣ бурана становятся противъ вѣтра, чтобы онъ не приподнималъ волосъ и чтобы менѣе зябнуть; но если буранъ усиливается, то они бѣгутъ и часто попадаютъ въ ямы и убиваются до смерти.

Зимы въ степи бываютъ холодныя и суровыя; морозы достигаютъ до 20—30° R; но въ южной части степей бываетъ обыкновенно мало снѣга, такъ какъ сильные вѣтры сметаютъ его съ плоской поверхности и заносятъ его въ лощины и долины, находящіяся между песчаными буграми. Глубокій снѣгъ, особенно гололедица, имѣетъ гибельное вліяніе на степныхъ жителей и на ихъ скотъ, который питается только тѣмъ, что выгребаетъ себѣ кормъ изъ подъ снѣга.

Рѣзкіе переходы отъ жары къ холоду, недостатокъ текучей, прѣсной воды, однообразная и неблагодарная почва и другія неблагопріятныя условія придаютъ степной растительности характеръ весьма печальный. Немногіе виды растеній, способные переносить неблагопріятныя вліянія здѣшней природы, покрываютъ почву. Но существующія растенія, такъ сказать, приспособляются къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ и защищаются отъ нихъ. Большею частью они одѣты сѣрой волокнистой пеленой, охраняющей ихъ отъ рѣзкой перемѣны температуры, отъ жгучихъ лучей солнца, и жадно втягиваютъ въ себя бѣдный запасъ атмосферной влаги.

Отсюда этотъ грустный видъ, представляемый степями; вмѣсто зелени, виднѣется только грязная сѣрая трава, нигдѣ нѣтъ ни деревца, не красуются своей зеленью листья кустарниковъ—жесткая трава, нерѣдко въ ростъ человѣка, замѣняетъ здѣсь лѣса. Недостатокъ въ лѣсѣ замѣняется камышомъ. Его жгутъ вмѣсто дровъ, плетутъ изъ него хижины, называемыя здѣсь „лобасами“ или „турлушками“; изъ него же плетутъ плетни, изгороди, загоны, защищаютъ имъ свои кибитки отъ холода зимой.

Весной, словно по мановенію жезла волшебника, быстро развивается здѣсь растительность и такъ же быстро проходитъ она всѣ стадіи своего развитія. Съ первыми теплыми днями въ началѣ апрѣля степь быстро обнаруживаетъ признаки жизни и надѣваетъ праздничный нарядъ: цвѣтутъ тюльпаны, птицемлечники и касатки; но скоро наступившій зной сбрасываетъ съ нея эти праздничныя одежды. Уже въ половинѣ мая степь походитъ на печальное пепелище, по которому кружатся и носятся вѣтромъ умершіе стебли сочныхъ растеній.

Въ августѣ наступаетъ другая весна—весна для соленыхъ растеній, и они также поздно оканчиваютъ свою жизнь, обыкновенно въ первыхъ числахъ ноября.

Растенія песчаной части степи совершенно отличаются отъ растеній, произрастающихъ на глинистой или солонцеватой ея части; послѣдняя представляетъ наиболѣе печальный видъ.

Изъ всѣхъ мѣстностей Арало-Каспійской низменности одной изъ болѣе интересныхъ представляется Рынъ-Пески или, правильнѣе, Нарынъ-Пески, часть большой степи, которую мы только-что описали; такое названіе установилось за большимъ пространствомъ Внутренней орды киргизовъ Оренбургскихъ или Букѣевской. Начиная отъ селенія Ханской Ставки, пески эти направляются на востокъ и на юго-востокъ и простираются до 150 верстъ въ длину, захватывая полосу шириной отъ 20 до 40 верстъ. Вся площадь Нарынъ-Песковъ состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ, высотой отъ одной до шести саженъ. Между этими буграми остаются широкія и глубокія долины, покрытыя кормовыми травами. Глубокія ложбины, между насыпями, покрыты густой травой и частыми кустарниками, скрѣпляющими своими переплетаніями эту растительность. Въ этихъ ложбинахъ стада киргизовъ находятъ себѣ убѣжище отъ стужи. Зауральскіе киргизы, еще задолго до окончательнаго своего переселенія въ эту степь, ежегодно перекочевывали въ Нарынъ-Пески изъ за Урала для зимовки и здѣсь продовольствовали свои стада и табуны подножнымъ кормомъ. Такія переселенія носили названія перепусковъ. Между киргизами и до сихъ поръ сохранились преданія, что ихъ предки нашли здѣсь обширныя рощи. Форма бугровъ конусообразная, съ тупою закругленною вершиною; бока же или скаты волнообразны и покрыты сыпучимъ пескомъ, который сносятъ вѣтры, благодаря чему бугры часто принимаютъ самую неопредѣленную форму; иногда же вѣтеръ совершенно переноситъ бугры на другія мѣста. Песокъ отличается красновато-желтымъ цвѣтомъ, вполнѣ чистый и въ немъ находятся только морскія раковины. Несмотря на то, что песокъ снаружи вполнѣ сухъ, онъ не далѣе какъ на глубинѣ одного вершка становится уже влажнымъ, и влажность эта увеличивается по мѣрѣ углубленія, такъ что на глубинѣ полутора, много двухъ футовъ появляется уже свѣжая, вкусная, прѣсная вода. Эти колодцы роютъ киргизы повсемѣстно въ степи для водопоя своихъ стадъ, такъ какъ этимъ только и можетъ быть замѣнено здѣсь полное отсутствіе проточной прѣсной воды. Древесная растительность ограничивается лишь тощими кустарниками, хотя въ прежнее время здѣсь росли даже лѣса, которые были безпощадно истреблены номадами. Остатки лѣсовъ существовали еще долгое время, напр., возлѣ Ханской Ставки были древесныя рощи, но они также были уничтожены, а ихъ уничтоженіе повлекло за собой то, что пески почти совсѣмъ засыпали это селеніе, Ханскую Ставку. Киргизы раздѣляютъ всю эту мѣстность на двѣнадцать урочищъ, въ которыхъ они и кочуютъ со своими стадами. Нарынъ-Пески считаются лучшимъ мѣстомъ для кочевья во всей киргизской степи.

Вообще вся мѣстность Арало-Каспійской низменности носитъ на себѣ характеръ песчаныхъ степей, наиболѣе рѣзко выраженный въ только-что описанныхъ Нарынъ-Пескахъ; берега, прилегающіе къ сѣверной части моря, большею частью также песчаны, низменны, поросли камышомъ. Островки и обмелѣнія съ сѣверной стороны Каспія принадлежатъ преимущественно Волжской дельтѣ; они бываютъ также, большею частью, песчаные, низменные, поросшіе камышомъ и затапливаемые нагономъ морской воды при морянахъ. Здѣсь также, какъ и въ Нарынъ-Пескахъ, расположены большіе бугры, при чемъ гораздо выше встрѣчаемыхъ въ степяхъ; высота нѣкоторыхъ изъ нихъ достигаетъ до 110 футовъ надъ уровнемъ океана;

песчано-глинистыя обнаженія такихъ бугровъ только по сторонамъ покрыты тощей растительностью. На востокѣ отъ устьевъ Волги, по сѣверному берегу Каспійскаго моря, тянется низменная, солонцевая, безплодная степь, окаймленная съ моря также множествомъ островов. Противъ мелководныхъ устьевъ Урала встрѣчаемъ островъ Каменный, единственный островъ изъ всего сѣвернаго побережья каменнаго образованія. Вдоль юго-восточнаго берега, поросшаго камышомъ, тянутся отмели и небольшіе отдѣльные острова „пустынные“, „песчаные“, „подстепные“; данныя имъ названія вполнѣ опредѣляютъ составъ ихъ и строеніе.

Съ сѣверной стороны въ Каспійское море впадаютъ большія рѣки: Волга, Уралъ, Эмба, приносящія массу воды издалека, изъ мѣстностей, покрытыхъ растительностью. Но въ отношеніи этихъ рѣкъ замѣтно обмелѣніе устьевъ и это обмелѣніе становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше къ востоку лежатъ эти рѣки; по направленію къ Закаспійской степи это явленіе постепеннаго обмелѣнія по направленію съ запада къ востоку замѣчается не только на отдѣльныхъ рѣкахъ, но даже и на одной и той же рѣкѣ, на нѣсколькихъ ея устьяхъ. Въ прежнее время впадала, да и теперь еще во время половодья впадаетъ, рѣка Кума въ Каспійское море. Кума принадлежитъ къ однѣмъ изъ тѣхъ историческихъ рѣкъ, которыя играли важную роль въ жизни многихъ народовъ, ихъ культуры и цивилизаціи. Долгое время по Кумѣ шла торговля съ Востокомъ и Кума служила, такимъ образомъ, путемъ обмѣна европейской и азіатской цивилизаціи. Кума въ древности называлась Удономъ; она беретъ начало нѣсколькими истоками въ Кубанской области изъ г. Томчи, Тамоюгъ. Сперва Кума течетъ по сѣверо-восточному направленію, но взойдя изъ Ставропольской губерніи въ Астраханскую, Кума мѣняетъ свое направленіе и течетъ прямо на востокъ по направленію Каспійскаго моря, до котораго, правда, она не доходитъ верстъ семьдесятъ съ небольшимъ и теряется въ цѣломъ рядѣ небольшихъ озеръ, покрытыхъ камышомъ; весной же Кума непосредственно впадаетъ въ заливъ Каспійскаго моря, извѣстный подъ названіемъ Кумскаго протока. Теченіе Кумы довольно длинно, около 400 верстъ, при ширинѣ отъ одной до двадцати пяти саженей. Кума, входя въ предѣлы Астраханской губерніи и протекая по низменной степи, дѣлается очень мелководной; ея глубина мѣстами настолько ничтожна, что ее можно переходить въ бродъ; притомъ надо замѣтить, что лѣтомъ она значительно пересыхаетъ.

Эмба—рѣка, протекающая въ Киргизъ-Кайсацкой степи, течетъ съ южныхъ склоновъ Уральскихъ горъ къ юго-западу въ Каспійское море, но до него, также какъ и Кума, не доходитъ и теряется въ пескахъ, протекая болѣе пятисотъ верстъ, большею частью по безплоднымъ мѣстамъ (почвѣ). Лѣтомъ Эмба чрезвычайно мелѣетъ и въ верхней своей части образуетъ рядъ небольшихъ озеръ, соединенныхъ ручьемъ, но за то весной Эмба превращается въ многоводную рѣку, и отъ накопленія множества воды она разливается болѣе чѣмъ на двѣ версты въ сторону, тогда какъ обыкновенная ея ширина не превышаетъ пятнадцати саженъ. Дно рѣки песчаное, прибрежныя мѣста отлогія, вода прѣсная, изобилующая видами рыбъ, какъ вполнѣ рѣчными, такъ и тѣми, которыя обитаютъ и въ Каспійскомъ морѣ, пребывающими близъ ея устьевъ.

Въ Эмбу впадаютъ притоки, изъ которыхъ замѣчателенъ по глубинѣ Темиръ.

Рѣка Уралъ, также впадающая въ Каспійское море, или, вѣрнѣе, также направляющая свое теченіе по направленію къ этому морю, сперва при своемъ образованіи течетъ по долинамъ между Оренбургскимъ Ураломъ и отраслями Уйтана до встрѣчи Мугаджарскихъ горъ, встрѣтивъ которыя она поворачиваетъ на западъ и сохраняетъ уже это направленіе вплоть до прикаспійской низменности, гдѣ поворачиваетъ на югъ, благодаря измѣненію направленія покатости и затѣмъ медленно и широко течетъ до моря среди горизонтальной равнины. Въ этой части Урала теченіе часто заставляетъ его оставлять старое русло и промывать себѣ новое русло среди низменныхъ горизонтальныхъ береговъ, иногда же чуть не превышающихъ уровень водъ въ рѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Уралъ до того мелководенъ, что его даже

можно переходить въ бродъ, такъ что вслѣдствіе этихъ причинъ Уралъ совершенно неудобенъ для судоходства. Безводныя прикаспійскія степи представляютъ по берегамъ Урала полосу земли, удобную для земледѣлія; кромѣ того Уралъ обиленъ также рыбой. Длина теченія Урала простирается до 284 миль; рѣчной же бассейнъ его имѣетъ 4,275 кв миль. Наиболѣе замѣчательный изъ его притоковъ Сакмара, съ правой стороны, текущій по долинѣ; слѣва болѣе замѣчателенъ Илекъ, текущій изъ Мугаджарскихъ горъ.

Съ восточной стороны Каспійскаго моря до рѣчки Атрека, впадающей въ заливъ Гасанъ-Кумъ, находится сухая безплодная степь, покрытая песками, гдѣ нѣтъ совершенно прѣсной воды, такъ какъ осталось лишь одно сухое русло Аму-Дарьи, а прѣсная вода существуетъ только въ колодцахъ. Взамѣнъ потоковъ прѣсныхъ водъ восточный берегъ Каспія богатъ другими водохранилищами. Здѣсь постоянно образовывались и теперь еще образовываются соленыя озера изъ морскихъ заливовъ. Морскихъ заливовъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ у западнаго берега Каспія, такъ что здѣсь происходятъ постоянныя метаморфозы заливовъ въ соленыя озера и пространство суши все увеличивается. Мертвый Култукъ съ Кайдакомъ, Кендерли, Карбугазъ, Красноводскій съ Балханскимъ, Михайловскій, Гасанъ-Кули—все болѣе или менѣе значительные заливы. Иногда даже большіе заливы превращаются въ озера. Въ этомъ отношеніе вѣтеръ и вулканизмъ имѣютъ огромное вліяніе и значеніе, такъ какъ вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ мелѣютъ и исчезаютъ рѣки и заливы. Вливавшаяся нѣкогда нѣсколькими устьями въ Каспійское море Аму-Дарья исчезла здѣсь, исчезъ заливъ Персигашъ, еще существовавшій лѣтъ пятьдесятъ назадъ, почти исчезла Пута, южное устье рѣки Куры. Вообще, вслѣдствіе указанныхъ причинъ здѣсь исчезли весьма многія устьи: Наурзали-Ханъ, Бабели-Ханъ, Алаверды-Ханъ и многія другія.

Вся сѣверная часть Каспійскаго моря рѣзко отграничивается отъ южной и представляетъ какъ-бы совершенно отдѣльный бассейнъ, чрезвычайно мелководный, берега котораго состоятъ почти изъ смежныхъ дельтъ Терека, Кумы, Волги, Эмбы, изъ которыхъ Эмба и Кума уже давно пересохли и не достигаютъ моря, а теряются въ пескахъ. Теченіемъ же остальныхъ рѣкъ, впадающихъ непосредственно въ море, далеко въ море вносится песокъ и илъ, которые, мало-по-малу нагромождаясь, совершенно заносятъ дно. Вслѣдствіе этихъ причинъ сѣверная часть моря чрезвычайно мелководна и нигдѣ почти не достигаетъ глубины въ 13-ть саженъ. Пространства неглубокаго моря такъ далеко тянутся, что часто на глубинѣ шести футовъ не видно бываетъ береговъ. Такимъ образомъ, сѣверная часть Каспійскаго моря постоянно мелѣетъ, подвергаясь заносамъ; на сѣверо-западной его сторонѣ это особенно замѣтно; здѣсь обыкновенно въ десятилѣтіе глубина уменьшается на $^1/_4$—до $^3/_4$ фута. Въ сѣверной окраинѣ моря затопленные берега напоминаютъ острова; отъ нихъ далеко въ море выдаются песчаныя косы, „забурунья", и другихъ названій отмели. Вообще, подъ вліяніемъ постоянныхъ наносовъ песку и илу съ сѣвера суша все болѣе и болѣе захватываетъ себѣ пространства, все оттѣсняя или, вѣрнѣе, все увеличиваясь насчетъ предѣловъ распространенности моря и отвоевываетъ отъ него все большую добычу.

Изъ рѣкъ, протекающихъ въ Арало-Каспійской низменности, остается упомянуть еще о Большомъ и Маломъ Узеняхъ. Большой Узень беретъ начало на юго-западномъ склонѣ Общаго Сырта и сперва течетъ на юго-западъ, а потомъ перемѣняетъ направленіе на юго-востокъ, направляется въ землю Уральскаго войска и, принимая въ себя съ лѣвой стороны р. Мухоръ, изливается въ Камышъ-Самарскія озера. Длина всего теченія около 300 верстъ; берега рѣки крутые, состоящіе изъ ила и глины. Въ верхнихъ частяхъ теченія и во время разливовъ вода Узеня является горько-соленаго вкуса, такъ какъ протекаетъ по солонцеватой степи. Малый же Узень, берущій начало изъ южнаго склона того же общаго Сырта, течетъ параллельно Большому Узеню, сперва также направляясь на юго-западъ, а затѣмъ на юго-востокъ до впаденія въ Камышъ-Самарскіе озера, которыя, во время большихъ весеннихъ разливовъ, вхо-

дятъ въ сообщеніе съ бассейномъ рѣкъ Урала; длина его нѣсколько меньше Большого Узеня, верстъ на пятьдесятъ, а ширина его не превышаетъ двѣнадцати саженъ. Берега крутые, песчаные и глинистые, на которыхъ мѣстами также попадаются солончаки. Пространство между этими двумя Узенями весьма не широкое; они отстоятъ другъ отъ друга верстъ на 12—16 и самыя озерки состоятъ изъ отлогихъ, обнаженныхъ возвышенностей, пересѣкаемыхъ лощинами, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „лопатницъ"; почва песчано-глинистая, солонцеватая, безлѣсная, частью поросшая камышами, съ горькою полынью, а въ лопатницахъ—луговой травой. Верстахъ въ двадцатипяти отъ своего впаденія въ Самарское озеро, Узень совершенно высыхаетъ въ лѣтнее время, въ верхнемъ же его теченіи вода сохраняется постоянно въ густыхъ камышахъ, но весной отъ дождей и таянія снѣговъ вода далеко выступаетъ изъ своихъ береговъ и заливаетъ степное пространство на 30 и болѣе верстъ по обѣ стороны. Эти ежегодные разливы имѣютъ благопріятныя послѣдствія для этой мѣстности, такъ что въ самое жаркое лѣто эта часть степи доставляетъ превосходное сѣно. Это плодоносное междурѣчье съ давнихъ поръ служило предметомъ нескончаемыхъ ссоръ и распрей между киргизами и Уральскими казаками.

Соляныя степи ближе къ Самарскому бассейну представляютъ твердую и песчаную равнину, покрытую артемезіями; нигдѣ не видать ни юрты, ни стадъ, одни только воздушные призраки обманываютъ путешественника, въ самыхъ затѣйливыхъ формахъ представляя его усталому взору то озера, то лѣса, то волшебныя горы!

Соляныя озера производятъ своимъ видомъ весьма странное впечатлѣніе на путешественника среди зеленой, украшенной яркими цвѣтами, окрестности; ихъ блестящіе кристаллы бѣлой соли бросаются въ глаза и кажутся холодными массами прозрачнаго льда. Ихъ внѣшній видъ мѣняется нѣсколько разъ въ продолженіе дня: то площадь озера блеститъ всѣми цвѣтами и переливами радуги, при восходѣ и закатѣ солнца, когда лучи его падаютъ косвенно на поверхность озера, то оно въ полдень принимаетъ бѣлый, блестящій видъ, такъ-что становится тяжело смотрѣть на него; если же стать на самое озеро и съ блестящей его поверхности взглянуть на небо, на южное, темно-голубое небо, то оно кажется темносинимъ съ мутнозеленымъ отливомъ, а на окрестныхъ буграхъ будетъ совершенная мгла. Обитателями этихъ пустынныхъ степей, кромѣ киргизовъ и калмыковъ, являются дикія лошади, стада сайгъ, лисицы, волки, большіе и малые зайцы-скакуны; въ особенно большомъ количествѣ змѣи и ящерицы, въ особенности въ старыхъ развалинахъ на лѣвомъ берегу Волги. Здѣсь родина бича природы—опустошительной саранчи, которая шумными роями затемняетъ нерѣдко солнце и опустошаетъ всю растительность. Хотя здѣсь нѣтъ комаровъ и другихъ летающихъ мучителей береговъ Волги, но за то на горѣ Богда водятся скорпіоны, повсюду водится весьма толстая и длинная тысяченожка, тарантулъ, мало извѣстное, но весьма ядовитое насѣкомое, называемое „черной вдовой", которой очень опасаются туземцы и которая по всей вѣроятности есть ни что иное, какъ ядовитая фаланга.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся какія-нибудь воды, озера и проч., водится много дичи: утокъ, водяныхъ курочекъ, бекасовъ и другой озерной и болотной дичи

Несмотря на всю печальную и бѣдную растительность и природу этой степи, она не переставала быть съ самыхъ незапамятныхъ временъ мѣстомъ кочевокъ различныхъ номадовъ. Почти вездѣ въ этой степи, гдѣ только находятся удобныя пастбища, вездѣ тамъ поверхность ея усѣяна многочисленными слѣдами прибывавшихъ сюда народовъ. Здѣсь часто возвышаются курганы, съ стоящими на нихъ каменными истуканами, или остатки стѣнъ какихъ-нибудь древнихъ капищъ...

Но не долго, на конѣ верхомъ, гоня свои стада, будетъ киргизъ распѣвать свою пѣсню, которую мы взяли эпиграфомъ для этого очерка. Вслѣдствіе новыхъ требованій жизни, вслѣдствіе большого запроса на землю, скоро кочевка сдѣлается невозможною, и эти степи, столь

долго противящіяся всякому осѣдлому населенію, будутъ наконецъ подчиняемы волѣ осѣдлаго человѣка, и, подъ вліяніемъ окружающей обстановки, киргизъ и калмыкъ превратятся въ осѣдлаго и мирнаго гражданина! И быть можетъ скоро настанетъ то время, отчасти оно уже и настало, когда большинство киргизовъ и калмыковъ станутъ искать себѣ заработковъ въ другихъ сферахъ дѣятельности, а вмѣсто пѣсни о вольномъ киргизѣ въ своихъ степяхъ затянутъ однообразное, заунывное, надрывающее душу не то пѣніе, не то гиканье, однообразно печальное, полное какого-то фатализма и отчаянья, какъ теперь при тягѣ невода, такъ какъ большинство рабочихъ для этой трудной работы являются киргизы и калмыки, рѣзко отличающіеся отъ окружающаго населенія безусловной честностью и чистотою нравовъ.

Н. А. Тарановъ.

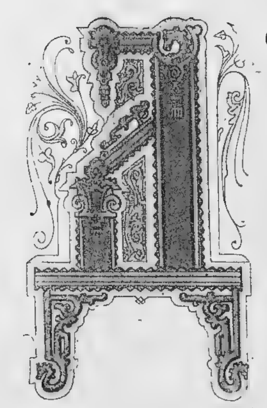
ОЧЕРКЪ XV.

МАНЫЧСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ.

Историческія свѣдѣнія о мѣстности.—Существованіе двухъ Манычей.—Топографія мѣстности.—Почва и пригодность ея къ культурѣ.

Измѣненія уровня и пространства, представляемыя Каспійскимъ моремъ, составляютъ задачу, которую ставитъ геологія въ русскомъ царствѣ научной способности и чутью человѣка.

Бэръ, «Каспійскіе этюды».



ОЛГОЕ время Манычская низменность оставалась почти неизвѣстной. Всѣ путешествія и изслѣдованія касались главнымъ образомъ Волги и прибрежій Каспія, а эта низменность оставалась совершенно въ сторонѣ, и ея не касались или почти не касались изслѣдованія различныхъ ученыхъ и путешественниковъ; это главнымъ образомъ зависѣло отъ трудности проникнуть въ эту мѣстность, такъ какъ она представляетъ безплодныя степи, покрытыя солончаками, вполнѣ лишенныя растительности и часто прѣсной воды на большія пространства. Благодаря этой малодоступности Манычской низменности, о ней долгое время существовали и существуютъ до настоящаго времени самыя неопредѣленныя свѣдѣнія, а также невѣрные взгляды на ея роль и значеніе во время бывшаго соединенія Азовскаго и Каспійскаго морей.

Сообщенія объ этой мѣстности долго носили болѣе или менѣе миѳическій характеръ, обусловленный малодоступностью для путешествія по ней. Такъ долгое время предполагали существованіе лишь одного Маныча, текущаго въ Донъ, а объ существованіи двухъ Манычей, одного—Западнаго, впадающаго въ Донъ, а другого, Восточнаго, впадающаго или, вѣрнѣе, текущаго по направленію Каспійскаго моря, узнали лишь въ послѣднее время, со времени экспедиціи академика Бэра, экспедиціи, спеціально назначенной для изслѣдованія Волго-Каспійскаго рыболовства. Академикъ Бэръ съ успѣхомъ воспользовался этой экспедиціей для рѣшенія многочисленныхъ вопросовъ, которые возбуждала по своему образованію и строенію эта мѣстность, бывшая когда-то дномъ обширнаго, когда-то существовавшаго здѣсь громаднаго моря, остатки котораго представляютъ теперь Аральское, Каспійское и Азовское моря.

Одними изъ первыхъ путешественниковъ по этой мѣстности, впервые давшими нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ краѣ, были Самуилъ Гмелинъ и студентъ Соколовъ; послѣдній, по порученію Палласа, изслѣдовалъ эту страну. Путь ихъ направлялся отъ Сарепты по Калмыцкой

степи до Маныча и Кумы. Соколовъ постоянно держался подножія Эргеней—возвышенностей, тянущихся по правую сторону р. Волги, и близъ многихъ копаней (колодцевъ) Олонъ-Худуковъ онъ достигъ Маныча. Въ то время воды въ Манычѣ не было, а такъ какъ Соколовъ зналъ только про Западный Манычъ, то онъ и вывелъ заключеніе, что Манычъ вытекаетъ восточнѣе горы Чалонъ-Хамура, лежащей вблизи Олонъ-Худуковъ. Соколовъ показалъ также существованіе Манычской долины, а также, что по другую сторону Маныча степь по направленію къ рѣкѣ Кумѣ начинаетъ возвышаться. Эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ наблюденіями, произведенными въ степяхъ волжскихъ и яицкихъ, гдѣ такъ-же, какъ и въ низменной Калмыцкой степи повсюду разсѣяны каспійскія раковины, привели Палласа къ убѣжденію, что здѣсь существовало нѣкогда обширное море, берега котораго составляла Сарпинская возвышенность (Эргени), что это море по направленію Манычской долины соединялось съ Азовскимъ и Чернымъ. Берега этого моря, т.-е. Сарпинская возвышенность, являются впервые на картахъ Палласа, гдѣ Манычъ былъ сперва показанъ берущимъ начало немного восточнѣе горы Чалонъ-Хамура, а потомъ—гораздо восточнѣе, близъ Каспійскаго моря. Первый, высказавшій предположеніе о вѣрныхъ теченіяхъ Маныча и о существованіи двухъ Манычей, былъ путешественникъ Парротъ, который предположилъ, что Манычъ, который течетъ по Калмыцкой степи, можетъ быть, свое начало беретъ вовсе не вблизи береговъ Каспія, а возлѣ рѣки Каллауса и течетъ не на западъ, а на востокъ, т.-е. не къ Дону, а именно по направленію къ Каспійскому морю. Какъ было уже сказано, для рѣшенія этого вопроса, столь важнаго въ географіи понто-каспійскихъ степей, академикъ Бэръ воспользовался своимъ пребываніемъ въ этомъ краѣ въ 1856 году. Бэръ спустился къ Манычу отъ Царицына по Сарпинской возвышенности, а г. Черкасову и землемѣру Иванову (членамъ экспедиціи) онъ поручилъ отправиться другимъ путемъ по самому Манычу, отъ Можарской соляной заставы, расположенной верстахъ въ 300 отъ Астрахани и верстахъ въ 100 отъ Каспійскаго моря, на западъ. Результатомъ этихъ изслѣдованій оказалось, что дѣйствительно въ природѣ существуютъ два Маныча, изъ которыхъ одинъ—Западный Манычъ—впадаетъ въ Донъ, а другой—Восточный—Манычъ течетъ на востокъ, по направленію Каспійскаго моря, но, не достигая его верстъ сто, теряется въ пескахъ, образовавъ группу озеръ. Верховья обоихъ Манычей почти сходятся именно у границы Астраханской губерніи и Земли Войска Донского.

Для того, чтобы представить себѣ образованіе долины Маныча, необходимо напомнить, что площадь между Волгой и Дономъ, начиная отъ Царицына, пересѣкается почти на двѣ равныя стороны, по направленію меридіана, возвышенностями—Эргенями, служащими водораздѣломъ. Съ этой возвышенности, по направленію къ западу, стекаютъ притоки Дона, а къ востоку—спускаются рѣчки по направленію къ Волгѣ, но не доходящія до нея, а теряющіяся въ степи. Восточный склонъ Эргеней обрывистъ, и у подножія его разстилается низменная Астраханская степь, а западный склонъ Эргеней пологъ и носитъ названіе Высокой степи. Эргени, протягиваясь на югъ, доходятъ до другой плоской возвышенности, въ видѣ мыса, отдѣляющейся отъ Ставрополя и постепенно, террасами, спускающейся къ сѣверу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ обѣ эти возвышенности сходятся, образуя сперва водораздѣлъ притоковъ Кубани отъ притоковъ Терека и Кумы, а потомъ водораздѣлъ притоковъ Егорлыка отъ притоковъ Каллауса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ сходятся, берутъ свое начало Манычи—Восточный и Западный.

Выше было сказано, что академикъ Бэръ доказалъ существованіе двухъ Манычей и что такимъ образомъ оказалось, что совершенно самостоятельный Восточный Манычъ прежде принимался за верховье того Маныча, который течетъ на западъ. Теченіе обоихъ Манычей было прослѣжено. Оказалось, что Западный Манычъ течетъ болѣе постоянно, такъ какъ частью питается потоками Кавказа, но главнымъ образомъ потоками съ Эргеней, тогда какъ Восточный Манычъ течетъ только весною, такъ какъ съ Эргеней въ него не впадаетъ ни одна рѣчка, а притоки, спускающіеся въ него съ Кавказскихъ предгорій, какъ-то: Каллаусъ, Ур-

гули, Хулобе и Чогра, текутъ лишь весной и поздней осенью, такъ какъ пользуются водою отъ таянія снѣговъ и дождей, такъ что даже станицы, расположенныя въ этихъ притокахъ, лѣтомъ получаютъ воду или изъ колодцевъ, или изъ небольшихъ родниковъ, выходящихъ въ эти балки. Особенно способствовалъ путаницѣ географическихъ и орографическихъ свѣдѣній объ этой мѣстности г. Бергштрессеръ, одинъ изъ защитниковъ мысли о проводѣ канала между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, который не только русло Восточнаго Маныча называлъ Великой рѣкой, но и приписывалъ ему весьма большую глубину; а карты, напечатанныя въ нѣмецкомъ журналѣ Петермана, даютъ превратное понятіе объ орографіи всей этой страны. Къ Манычу, восточнѣе Олонъ-Худуковъ, на этихъ картахъ приближаются Кавказскія предгорья, тогда какъ здѣсь, южнѣе Олонъ-Худуковъ, въ дѣйствительности разстилается низменная степь, не представляющая ни террасъ, ни руслъ прежнихъ рѣкъ, которыя, по Бергштрессеру, впадали будто нѣкогда въ Манычъ и занесли его пескомъ и щебнемъ.

Манычи татары называютъ Манашъ, а калмыки — Манца. Оба они берутъ начало на встрѣчѣ Эргенинской возвышенности и Ставропольской. Вначалѣ Восточный Манычъ не слѣдуетъ той параллельности, съ которой сбѣгаютъ съ Эргеней восточныя ихъ рѣчки,—вначалѣ онъ течетъ на юго-востокъ, а болѣе восточное направленіе онъ принимаетъ, выходя на низменную степь; также точно и Западный Манычъ сперва направляется на сѣверо-западъ, а потомъ уже на западъ. Вначалѣ обѣ эти рѣки, на пространствѣ между устьями западной Уланъ-Заухи и Каллауса, не питаются родниками, а исключительно образуются насчетъ таянія снѣга и выпадающихъ дождей; обильный весенній потокъ Каллауса приноситъ массу воды, черезъ что образуются Восточный и Западный Манычи. Возвышенность, которая производитъ раздѣленіе снѣговыхъ и дождевыхъ водъ, такъ плоска, что отъ Каллауса до Уланъ-Заухи является какъ-бы одно и то-же русло. Очень вѣроятно, что въ годы, когда бываетъ малоснѣжная или безснѣжная зима, снѣга бываетъ здѣсь мало или его вовсе не бываетъ, а потому весной и не бываетъ потоковъ водъ. Восточный Манычъ какъ-бы беретъ свое начало изъ Каллауса, а западный Манычъ является какъ-бы продолженіемъ и дальнѣйшимъ проводникомъ водъ западныхъ Уланъ и Хэсла-Заухъ, и русло Восточнаго Маныча, до Уланъ-Заухи, является не канавой, а чрезвычайно мелкими, не болѣе аршина глубины, солончаками или хаками, съ чрезвычайно плоскими берегами, проходящими по странѣ довольно холмистой. Далѣе Каллауса впадаетъ Ургули въ Манычъ, и здѣсь противъ устьевъ этихъ балокъ Манычъ расширяется, образуя озеро, поросшее камышомъ, съ иловатымъ дномъ. Противъ самаго устья Каллауса, находится небольшой островъ, около ста саженъ длиною; вода Каллауса обтекаетъ островъ. Калмыки говорили Бэру, что полая вода тутъ раздѣляется, и одна часть направляется къ Дону. Бергштрессеръ придалъ весьма большое значеніе обтеканію этого острова притокомъ Каллаусомъ, назвалъ этотъ островокъ горнымъ хребтомъ, а самое явленіе—„единственнымъ" въ мірѣ примѣромъ бифуркаціи. Извѣстный геологъ Барботъ-де-Марни, участвовавшій въ Кумо-Манычской экспедиціи, находитъ эту бифуркацію невозможной, противной законамъ природы, такъ какъ лѣвѣе Каллауса находится высшая точка или порогъ,—„порогъ, за который ни Каллаусъ, никакая другая рѣка, текущая на востокъ, переступить не можетъ". Другія балки, впадающія въ Восточный Манычъ и несущія воды только весною, какъ Хулобе, Чогра, также какъ и Каллаусъ и Ургули, текутъ также въ крутыхъ берегахъ. Самый же Манычъ течетъ здѣсь между холмистыми буграми, и мѣстами доходитъ почти до одной сажени глубины, при ширинѣ русла отъ 2 до 5 саженъ. А тамъ, гдѣ бугры отстоятъ далеко другъ отъ друга, Манычъ разливается на все это пространство, причемъ глубина весьма незначительна, а весь такой разливъ обыкновенно почти сплошь бываетъ поросшимъ травой. Здѣсь, на лѣвомъ берегу Маныча, между устьями Хулобе и Чогры, находится одинъ изъ самыхъ большихъ кургановъ въ степи; калмыки называютъ его Гелюнъ-Толго, татары же Кель-Тюбе или близкій курганъ, такъ какъ, подъѣзжая къ нему, онъ все кажется близко передъ глазами,

что происходитъ отъ значительной его высоты. Слѣдующая балка Хулобе находится въ разстояніи 15 верстъ, или, какъ говорятъ калмыки, на разстояніи одной малой кочевки, отъ устья Ургули. Хулобе, прорѣзывая южный берегъ долины, течетъ въ высокихъ и обрывистыхъ берегахъ, но какъ только выходитъ на Манычскую долину, она протекаетъ уже по неглубокому руслу. По спаденіи весеннихъ водъ, остающаяся на плесахъ вода вскорѣ принимаетъ горько-соленый вкусъ. Рѣка или балка Чогра, впадающая далѣе въ Манычъ, также беретъ начало въ кавказскихъ предгорьяхъ; она течетъ также только весною, течетъ въ крутыхъ и обрывистыхъ берегахъ до истока своего на Манычскую долину, гдѣ и сливается съ русломъ Маныча. Вода и въ ней также послѣ спаденія водъ, тамъ гдѣ остается, имѣетъ такой-же горько-соленый вкусъ. За Чогрой, далѣе на востокъ, по направленію къ Каспійскому морю, идетъ цѣлый рядъ копаней или худуковъ (колодцевъ); эти копани находятся уже въ низменной степи и обязаны своимъ происхожденіемъ также водамъ съ кавказскихъ предгорій. Вблизи копаней, на продолговатомъ бугрѣ, въ самой Манычской долинѣ, находится кладбище, на которомъ похоронено нѣсколько армянъ. На одной изъ могилъ поставленъ памятникъ извѣстному скотоводу Гамбарову, который всю свою жизнь провелъ кочуя, со скотомъ, въ калмыцкой степи и приходя сюда на зимовку. Тутъ же вблизи расположена группа Олонъ-Худуковъ, а недалеко отъ послѣдней находится Ончигинъ-Булукъ (родникъ Ончига). Вода во всѣхъ предыдущихъ худукахъ имѣетъ ѣдкій вкусъ, весьма непріятный, и вообще негодна къ употребленію, тогда какъ вода въ Ончигинъ-Булукѣ, хотя и не вполнѣ хорошая, но все-таки прѣсная. У калмыковъ объ этомъ родникѣ существуетъ преданіе, что во время одной изъ перекочевокъ калмыки одного улуса очень бѣдствовали здѣсь за недостаткомъ воды; тогда одинъ изъ ихъ зайсанговъ (Ончигъ) указалъ, гдѣ надо рыть, и дѣйствительно въ этомъ мѣстѣ вода оказалась прѣсной. Верстъ тридцать далѣе къ Каспійскому морю лежитъ система Састинскихъ озеръ, представляющихъ бассейны для стока водъ, разливающихся весной по Манычской долинѣ. Въ этихъ озерахъ водится рыба—карпій, по-калмыцки „саста", отъ нея и эти озера получили свое названіе; но рыба, водящаяся здѣсь, имѣетъ чрезвычайно непріятный запахъ и вкусъ.

Такимъ образомъ, изъ только-что изложенной топографіи мѣстности, оказывается, что Манычская долина окаймлена съ одной стороны южной окраиной Высокой степи—Эргенями, а съ другой стороны она ограничена сѣверными предгорьями Кавказа. Разливъ по этой мѣстности бываетъ весною и продолжается весьма недолго. Сперва весенняя вода, наполняющая балки, несущія свои воды въ Восточный Манычъ, течетъ очень быстро и, по всей вѣроятности, бываетъ прѣсной, такъ какъ берега, болѣе возвышенные, имѣютъ растительность, годную для корма скота, и мѣстами поросшіе камышомъ. Въ низменныхъ же мѣстахъ, гдѣ вода остается долгое время, гдѣ почва пропитана солью, по спаденіи водъ образуется цѣлый рядъ соляныхъ озерковъ, солончаковъ, хаковъ и почти высохшее, неглубокое русло Восточнаго Маныча, по которому воды сливаются въ озера—Састинскія, Кеке-Усунъ и Майли-Хара.

Копани Олонъ-Худука лежатъ противъ Чалонъ-Хамура. Возвышенная страна, которую до этого прорѣзывалъ Манычъ, въ Хамурѣ этомъ оканчивается обрывомъ, и Кавказскія предгорья уходятъ далеко на юго-западъ; а несомнѣнно, по опредѣленію Барбота-де-Марни, что Чалонъ-Хамуръ представляетъ послѣдній отпрыскъ возвышенности Эргеней. Манычъ, вступивъ здѣсь въ низменную степь, болѣе или менѣе теряетъ канавообразную форму своего русла и далѣе простирается въ видѣ полосы солончаковъ и хаковъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ песчаные бугры, господствующіе въ этихъ мѣстахъ, низки, — Манычъ достигаетъ своей наибольшей ширины, и дробится на цѣлую сѣть весьма мелкихъ вѣтвей, которыя обтекаютъ бугры, такъ что крайнія вѣтви отстоятъ иногда другъ отъ друга болѣе чѣмъ на десять верстъ. Манычъ, подобно рѣчкамъ, стекающимъ съ Эргеней и останавливающимся въ видѣ озеръ въ низменной степи, также пройдя по низменной степи около 45 верстъ и въ большой дали отъ Кавказскихъ предгорій, разливается въ систему озеръ, гдѣ и кончаетъ свое теченіе. Болѣе западныя изъ

нихъ, о которыхъ выше было сказано—Састинскія или Саста, сѣверо-восточныя называются Кеке-Усунъ, а юго-восточныя—Майли-Хара. Лѣтомъ, нѣкоторыя изъ этихъ озеръ превращаются въ солончаки, другія-же постоянно сохраняютъ воду, которая хотя и не дѣлается совсѣмъ соленой, но имѣетъ довольно непріятный, солоновато-горьковатый вкусъ; но все-таки, какъ, напр., въ Састинскихъ, въ нихъ можетъ водиться рыба, по преимуществу мелкая, и обыкновенно на картахъ эти озера показываются прѣсными въ отличіе отъ совершенно соленыхъ. Способы образованія солончаковъ и соляныхъ озеръ долгое время, до академика Бэра, старались объяснить главнымъ образомъ присутствіемъ соленосныхъ ключей и для объясненія указывали на Баскунчакское и Элтонское озера, гдѣ дѣйствительно находятся соляные источники; но Бэръ первый разъяснилъ этотъ вопросъ надлежащимъ образомъ, доказавъ, что соль астраханскихъ озеръ образуется изъ окружающей ихъ почвы, а не изъ разсоловъ. Да и самое образованіе степи дѣлаетъ неправдоподобными всѣ предположенія о соленосныхъ ключахъ. Степь сложена изъ горизонтальныхъ осадковъ, въ которыхъ, слѣдовательно, не можетъ быть текучихъ, подземныхъ водъ, ни соленыхъ, ни прѣсныхъ.

Верхніе соли осадочныхъ пластовъ принадлежатъ каспійской формаціи. Толща слоевъ каспійской формаціи бываетъ въ этихъ мѣстностяхъ далеко не одинакова. Такъ, напр., у Сарепты, находящейся вблизи берега прежняго моря, толщина каспійскихъ осадковъ незначительна, тогда какъ въ Астрахани, напр., толщина весьма значительная и не опредѣлена еще достовѣрно, хотя есть основаніе предполагать, что толщина эта должна быть огромной, такъ какъ Астрахань лежитъ далеко въ области прежняго Арало-Каспійскаго моря, глубина котораго тутъ должна была быть весьма значительна, такъ какъ ближайшее разстояніе ея отъ берега (западнаго) было не менѣе 350 верстъ...

Въ этихъ мѣстахъ Манычской низменности каспійскіе осадки содержатъ много соленосныхъ глинъ, слѣдовательно много соли; дождевыя и снѣговыя воды насыщаются солью, собираются въ низменностяхъ и, испаряясь, оставляютъ въ нихъ соль. При незначительномъ количествѣ соли, во впадинахъ между буграми образуются только поросли различнаго рода растеній, спеціально растущихъ на соленой почвѣ (Salicornia). Когда же испаряющаяся вода оставляетъ во впадинахъ болѣе значительное количество солей, то грунтъ этихъ низменностей до того проникается солью, что на немъ даже не могутъ расти и солянки, и тогда почва представляетъ голую, сѣраго цвѣта, соленосную глину, которая является или въ видѣ вонючей грязи, называемой „хаками", или же, высыхая и растрескиваясь, даетъ выцвѣты соли и носитъ названіе „солончаковъ". Тогда же, когда количество собравшейся въ низменности солесодержащей воды настолько велико, что вода эта не можетъ испариться въ теченіе всего лѣта,—такіе бассейны стоячей соленой воды называются „соляными озерами", въ которыхъ отъ большаго или меньшаго испаренія воды образуется слой самосадочный соли. Всѣ эти озера содержатъ соленую воду; только въ одномъ изъ Састинскихъ озеръ — Дурду-Услуръ, вода годится лѣтомъ для водопоя скота. Низменные, илистые берега озеръ густо заростаютъ камышомъ и служатъ только въ зимнее время убѣжищемъ калмыкамъ, которые лѣтомъ удаляются отсюда на сѣверъ, по причинѣ множества насѣкомыхъ, невыносимыхъ ни для людей, ни для скота.

Количество воды въ озерахъ находится въ полной зависимости отъ величины разливовъ по Манычской долинѣ; при избыткѣ водъ въ озерахъ, имѣющихъ отлогіе берега, также заливаются окружающія ихъ низменности и долины.

Система Састинскихъ озеръ имѣетъ около 12 верстъ длины; изъ нихъ идутъ протоки въ озеро Майли-Хара, лежащее верстахъ въ 100 отъ Каспійскаго моря, а съ другой стороны отдѣляетъ протоки въ озеро Кеке-Усунъ, лежащее вблизи Можарскаго солянаго озера. Озера, лежащія къ востоку отъ Састинскихъ, не всегда получаютъ изъ нихъ воду, а только во время большихъ весеннихъ разливовъ Маныча. Такимъ образомъ, прослѣдивъ теченіе или, вѣрнѣе,

направленіе русла Восточнаго Маныча, мы видѣли, что онъ сначала течетъ въ долинѣ, образуемой отрогами Эргеней и Кавказскими предгорьями, и что долина эта расположена значительно выше уровня Каспійскаго моря, такъ какъ она лежитъ на уровнѣ Чернаго моря или на уровнѣ океана, что собственно теченіе Восточнаго Маныча является временнымъ въ весеннее время, во время половодья, что въ началѣ этотъ Манычъ имѣетъ крутые берега, довольно глубокое русло и что возлѣ Олонъ-Худуковъ долины Маныча не существуетъ, и Манычъ, чтобы выйти въ низменную степь, долженъ былъ вначалѣ прорыть почву глубоко. Оставивъ же возвышенную долину, происшедшую отъ встрѣчи Эргеней съ Ставропольскимъ отрогомъ, и выйдя на низменную степь, Манычъ извивается мелкими разливами съ плоскими берегами. Это различіе въ теченіяхъ верхняго и нижняго Маныча, обусловленное орографіей страны, было установлено впервые членомъ Кумо-Манычской экспедиціи Барботомъ-де-Марни. Установленіе вѣрнаго взгляда на теченіе Восточнаго Маныча было между тѣмъ существенно важно для правильнаго взгляда на эту мѣстность, такъ какъ господствовали теоріи, которыя доказывали, что Кавказскія предгорья спускаются къ Восточному Манычу и составляютъ и здѣсь южный берегъ его долины. Восточный-же Манычъ выходитъ на низменную степь, восточнѣе Олонъ-Худуковъ; онъ слѣдовательно течетъ здѣсь среди открытой степи, и Кавказскія предгорья, составлявшія южный берегъ его долины, отстоятъ отъ него далеко на югѣ, именно за Терекомъ. Бергштрессеръ, проводя мысль о соединеніи морей Каспійскаго и Азовскаго, высказалъ мнѣніе, что здѣсь находятся русла древнихъ рѣкъ, которыя, приносимымъ будто этими рѣками щебнемъ, завалили существовавшій будто-бы морской проливъ; по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи, здѣсь степь ровная, и только мѣстами возвышаются бугры, направленіе которыхъ совершенно противоположно гипотетическимъ рѣкамъ Бергштрессера. „Однимъ словомъ, — говоритъ Барботъ-де-Марни, — восточнѣе Олонъ-Худуковъ долины Маныча не существуетъ, и кавказскія террасы, которыя могли-бы принесть съ собой проточную воду въ Манычъ, далеко лежатъ отъ него на югъ. Весенними водами Манычъ наполняется въ концѣ марта или началѣ апрѣля; вода держится въ немъ, однако, не болѣе трехъ недѣль, послѣ чего онъ постепенно высыхаетъ и, за исключеніемъ помянутыхъ озеръ, оставляетъ сухое русло. Въ пустынной странѣ, прилегающей къ Манычу, восточнѣе Олонъ-Худуковъ, тамъ, гдѣ почва менѣе солонцевата, находятся полосы съ кормовыми травами. На эти полосы приходятъ зимою кочевать инородцы, и такъ какъ вода въ копаняхъ большею частью соленая, то кочевой народъ вмѣсто питья употребляетъ снѣгъ. Можно-ли тутъ, среди такой пустыни, при отсутствіи проточныхъ водъ, утверждать, что тутъ могутъ быть прочныя поселенія, утверждать только потому, что въ площади этой кой-гдѣ есть кормовыя травы; но что толку въ этихъ оазисахъ, когда и калмыки могутъ извлекать изъ нихъ пользу лишь въ одно зимнее время!" Такой суровый приговоръ произноситъ Барботъ-де-Марни надъ Манычской низменностью, лишенной почти круглый годъ проточной прѣсной воды, лишенной совершенно прѣсныхъ колодцевъ, покрытой весьма жалкой растительностью, среди которой преобладаютъ полынь и разныя солянки, ярко-зеленый и красный цвѣтъ которыхъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ оголенной, глинистой сѣроватой почвой.

Направленія теченій Волги, Кумы и Восточнаго Маныча показываютъ, что и полоса, по которой протекаетъ послѣдній, самая низменная полоса по всей степи. Такъ какъ нѣтъ опредѣленія высотъ при Олонъ-Худукахъ и вообще у подножія Эргеней, то неизвѣстно—лежитъ-ли западная часть Манычской низменности ниже уровня океана, но во всякомъ случаѣ наклонъ этой полосы къ Каспію долженъ быть весьма незначительнымъ, такъ какъ Манычъ восточнѣе Олонъ-Худуковъ течетъ самыми плоскими развѣтвленіями и не достигаетъ моря, такъ-же какъ и Кума. Вообще эта степь хотя низменна, но усѣяна неровностями, плоскими возвышенностями, холмами, лощинами, котловинами и т. п. Всѣ эти неровности явились результатомъ размыва почвы водою. Нѣкоторыя изъ нихъ произошли при самомъ образованіи степи, другія же обра-

зовываются постоянно и теперь. Лощины и котловины и другія углубленія имѣютъ большое сходство съ руслами рѣкъ и озеръ. Эти углубленія, достигающія иногда размѣровъ въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, произошли вслѣдствіе весеннихъ водъ, собирающихся въ углубленія и приводимыхъ въ сильное движеніе вѣтрами. Тутъ-же находятся бугры, расположенные правильными рядами, болѣе или менѣе сближенные между собою или расположенные, раздѣленные лощинами.

Манычская низменность представляла во всѣ историческія времена и представляетъ теперь безплодную пустыню, почти совершенно лишенную прѣсной воды, въ которой лишь кочевали и могутъ кочевать одни кочевые народы, да и то лишь въ зимнее время, когда они могутъ употреблять снѣгъ вмѣсто воды. Вода источниковъ, и то плохая, находится всего въ двухъ-трехъ мѣстахъ. Такъ, верстахъ въ трехъ отъ устья Уланъ-Заухи въ нее впадаетъ небольшая балка Шара-Булукъ—желтый родникъ. Найденная въ худукахъ по этой балкѣ вода, какъ и въ самомъ родникѣ, имѣетъ сладковатый вкусъ и послѣ кипяченія получаетъ желтый цвѣтъ; серебряныя вещи и въ кипяченой водѣ чернѣютъ. Калмыки любятъ эту воду, потому что сваренный въ ней чай бываетъ гуще и сладковатѣе, но говорятъ, что употреблять долго эту воду нельзя. Это единственное мѣсто на всемъ сѣверномъ берегу Манычской долины, изобилующее прѣсной водой, но, къ сожалѣнію, вредной для употребленія; притомъ же вся окружающая мѣстность на значительномъ пространствѣ весьма солонцевата. Южный берегъ Манычской долины, между Каллаусомъ и Олонъ-Худуками, представляетъ въ сравненіи съ сѣвернымъ болѣе удобствъ, какъ въ отношеніи почвы, такъ и въ отношеніи воды; растительность здѣсь лучше, а близость Кавказскихъ горъ представляетъ, по крайней мѣрѣ весной, болѣе источниковъ прѣсной воды, какъ рѣки Каллаусъ, Ургули и Чогра. Неудивительно, что Кумо-Манычская экспедиція—на вопросы: есть-ли какая-либо возможность къ водворенію здѣсь осѣдлыхъ жителей? явятся-ли желающіе поселиться въ этой пустынной мѣстности? — отвѣчаетъ вполнѣ отрицательно. „При настоящемъ положеніи береговъ, — гласитъ этотъ отвѣтъ, — т. е. при отсутствіи проточной воды и совершенномъ недостаткѣ удобствъ для осѣдлыхъ жителей, всякая попытка къ водворенію ихъ здѣсь немыслима“.

Нѣкоторые писатели упоминали о томъ, что „на берегахъ пустыннаго Маныча были замѣчены слѣды древняго земледѣлія, коимъ, можетъ быть, занимались маджары, обитавшіе не въ дальнемъ разстояніи“. Дальнѣйшихъ разъясненій не было ни у кого изъ писателей, такъ что является предположеніе, что это было написано на основаніи недостовѣрныхъ слуховъ. Кумо-Манычская экспедиція, при тщательномъ изслѣдованіи Манычской долины, нигдѣ не нашла слѣдовъ земледѣлія, тѣмъ болѣе оставшихся отъ маджаровъ (кипчакскихъ татаръ), народа, какъ извѣстно, обитавшаго въ XIII вѣкѣ на рѣкѣ Кумѣ и давшаго названіе городу Маджары. При осмотрѣ экспедиціей мѣстности, на которой, по преданіямъ, существовалъ этотъ городъ, были замѣчены слѣды развалинъ, которыя еще существовали въ началѣ этого столѣтія. Древніе памятники, оставленные маджарами, состоятъ изъ цѣлаго ряда искусственныхъ кургановъ, идущихъ отъ бывшихъ развалинъ города Маджары на р. Кумѣ къ обоимъ берегамъ Манычской долины и дальше, по направленію къ сѣверу, по землѣ Войска Донского. Эти искусственные курганы, которые, по всему вѣроятію, служили путеуказателями въ пустынѣ, можетъ быть отчасти обязаны своимъ существованіемъ народу, населявшему городъ Маджары, такъ какъ этотъ народъ имѣлъ непосредственныя торговыя сношенія съ Россіей и довольно часто производилъ набѣги на южныя ея границы. Другіе народы также принимали, конечно, участіе въ сооруженіи этихъ кургановъ, по пути изъ Малой Азіи; слѣдовательно, опредѣлить точно, кѣмъ и когда насыпаны эти курганы, — невозможно до ученыхъ изслѣдованій этихъ кургановъ въ археологическомъ отношеніи. Существованіе этихъ кургановъ, которые, напр., тянутся вдоль Восточнаго Маныча и которые несомнѣнно работы рукъ человѣческихъ, глубину древности которыхъ затрудняется опредѣлить исторія,—обусловливаетъ то обстоятельство,

что, во время возведенія ихъ, окрестная страна была совершенною сушею. Опредѣленіе времени отдѣленія морей съ точностью невозможно; во всякомъ случаѣ, это происходило въ пліоценовый періодъ, а не въ историческое время. Впрочемъ, нѣкоторые писатели говорятъ, что понто-каспійскія степи были подъ водой еще во времена историческія. Палласъ въ своемъ сочиненіи приводитъ слова Прискуса, посланника императора Өеодосія II къ Атилѣ, свидѣтельствующія, что въ V вѣкѣ скиөы или гунны, при своихъ нападеніяхъ на Персію, шли сначала по пустынной странѣ, потомъ переходили черезъ топкое мѣсто и, наконецъ, приходили къ горамъ. Эйхвальдъ въ сочиненіи своемъ „Палеонтологія Россіи" говоритъ даже, что Каспійское море покрывало Калмыцкую степь при войнѣ Дарія (въ концѣ пятаго вѣка до Рождества Христова) съ скиөами и при походѣ Александра Македонскаго въ Индію (въ началѣ четвертаго столѣтія до Р. Х.). Безъ сомнѣнія, разливы Манычей дали поводъ къ подобнымъ толкованіямъ, такъ какъ еще Геродотъ (въ V вѣкѣ до Р. Х.) представляетъ намъ почти тѣ-же размѣры Каспія, какіе оно приблизительно имѣетъ и въ настоящее время.

Вся низменная степь, ограниченная съ одной стороны сѣверо-западнымъ берегомъ Каспія и Волгой, а съ другой—подножіями Эргеней и Кавказа, представляетъ ровную, лишь немного взбуренную степь, состоящую изъ горизонтальныхъ песчано-глинистыхъ пластовъ каспійской формаціи. Молодая эта почва, недавно еще бывшая морскимъ дномъ, повсюду почти проникнута, въ большей или меньшей степени, солью. Эта причина обусловливаетъ и общій характеръ степи, именно, что она покрыта главнымъ образомъ полынью, къ которой лишь по возвышенностямъ, сильно выщелачиваемымъ водами, присоединяются ковыль и оржанецъ. Въ низменныхъ мѣстностяхъ этой степи, какъ въ Манычской, гдѣ испаряются воды, насытившіяся солью, вмѣсто ковыля и оржанца растутъ солянки и другія растенія, въ значительномъ количествѣ содержащія соль. Впрочемъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вообще количество соли меньше, кромѣ полыни, всѣ другія травы весьма плохо развиваются и весьма скоро гибнутъ, какъ вслѣдствіе лѣтняго бездождія, лишающаго ихъ влаги, такъ и вслѣдствіе зноя, высушивающаго ихъ и мѣстами совершенно сожигающаго ихъ, такъ что остатки преждевременно состарѣвшихся и отжившихъ растеній вмѣсто того, чтобы перегнивать, здѣсь высыхаютъ, и вѣтеръ свободно разноситъ ихъ по степи. Вслѣдствіе этого обстоятельства не только въ Манычской долинѣ и низменности, но и во всей степи нѣтъ значительнаго слоя такъ-называемой растительной земли (terre végétale), не говоря уже о черноземѣ, такъ какъ для образованія послѣдняго, по Рупрехту, необходимо перегниваніе травъ и вообще растеній; полынь и другія растущія здѣсь травы сидятъ прямо отдѣльными пучками на красновато-желтой глинѣ; здѣсь не въ состояніи образоваться растительный слой, такъ какъ растенія не перегниваютъ, а высыхаютъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и другія формаціи, подобно каспійской, будучи сокрыты солесодержащею водой прежнихъ морей, по выходѣ своемъ наружу изъ-подъ поверхности моря также были проникнуты большимъ или меньшимъ количествомъ соли, но что, конечно, эта соль въ теченіе времени была выщелочена, и это выщелачиваніе происходило тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе способствовали этому орографическія и климатическія условія. Для каспійской же формаціи, какъ мы сказали, залегающей здѣсь, эти условія крайне неблагопріятны. Дѣйствительно, количество выпадающаго въ степяхъ дождя и снѣга весьма мало. Къ тому же орографія этой мѣстности, да и вообще всей степи, такова, что она не даетъ возможности водѣ, павшей въ видѣ дождя или происшедшей отъ таянія снѣга и растворившей въ себѣ соль, уйти и стечь совсѣмъ къ низменности, и, напротивъ, вода эта собирается здѣсь въ болѣе глубокихъ мѣстахъ среди низменности; здѣсь вода испаряется, образуя соляныя озера, такъ что количество соли, бывшее въ низменности, черезъ это не уменьшается въ ней, а лишь только перемѣщается съ одного мѣста на другое, притомъ и на небольшое разстояніе. Самосадочная соль представляетъ собой единственный полезный минералъ, не только во всей Манычской низменности, но и во

всей Калмыцкой степи. Озера, дающія соль, находятся не по всей степи, а главнымъ образомъ на пространствѣ между рѣкою Кумой и Астраханью. Это обстоятельство, конечно, не столько зависитъ отъ неравномѣрности распредѣленія соли въ почвѣ, — неравномѣрности, которая въ прежнемъ морѣ могла зависѣть отъ близости, напр., устьевъ рѣкъ, отъ различныхъ глубинъ и проч.,—сколько обусловливается наружнымъ видомъ земной поверхности, и въ дѣйствительности эта часть низменной степи представляется наиболѣе бугристой... Изъ озеръ въ этой мѣстности разрабатывается Можарское. Озера, существующія въ этой низменности, питаются весенними водами, проводимыми Восточнымъ Манычемъ изъ Каллауса, Чогры, Ургулей и другихъ балокъ, принадлежащихъ кавказскимъ предгорьямъ. Не будь этихъ обильныхъ токовъ и окружающихъ Маныческую низменность возвышенностей, можно съ увѣренностью сказать, что въ ней не было бы ни одного водяного бассейна. Лѣтнее бездождіе и горизонтальность пластовъ каспійской формаціи производятъ то, что здѣсь совершенно нѣтъ постоянныхъ проточныхъ водъ. Воды, происшедшія въ ней отъ таянія снѣга или павшія въ видѣ дождя весной, собираются въ углубленія и совершенно испаряются... Рыхлые песчанистые слои, пропитанные, какъ только-что было сказано, солью, напластованы повсюду горизонтально. Этотъ составъ и пластованіе позволяютъ безошибочно опредѣлить, что эта почва составляла дно моря, оставившаго свое ложе лишь въ недавній геологическій періодъ. Солончаки же, хаки, выцвѣты соли, самосадочная соль и другіе продукты испаренія солонцеватыхъ водъ, насыщающихся солью изъ песчано-глинистаго образованія, и также дюны, или холмистыя скопленія песка, выдуваемыя вѣтромъ изъ тѣхъ же песчано-глинистыхъ пластовъ, продолжаютъ образовываться и въ настоящее время.

Н. А. Тарановъ.

ТОМЪ VII-й.

ЧАСТЬ II.

ДОНСКО-КАСПІЙСКАЯ СТЕПНАЯ ОБЛАСТЬ.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВОЛЬФЪ

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ „НОВЫЙ МІРЪ" НА 1899 ГОДЪ
ВЫП. 7—12 (ІЮЛЬ ПО ДЕКАБРЬ).